

РУССКІЙ НАРОДЪ

ГО ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ, ПРЕДАНІЯ, СУЕВѢРІЯ и ПОЭЗІЯ.

Благословите, братья, старину славать,
Съ общаею вострѣею, предрасудимъ,
Слава маску старинамъ,
На правду указать.

КНИГА, СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ:

русскіе праадники, обряды, суевѣрія, ложныя убѣжденія, свѣденія
о колдунахъ, вѣдмахъ, нечистой силѣ; разнаго рода симпатіи,
примѣты, ваклинанія, заговоры.—Народную медицину: старинный
травникъ и цвѣтникъ.—О кладахъ.—Домашняя жизнь: описаніе
костюмовъ, охоты, музыки; пѣсни, присловья и проч.

Собр. М. Забылинымъ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА. 1880.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА М. БЕРЕЗИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сѣбѣмъ надѣяться, что наша книга послужитъ прекраснымъ пособіемъ для каждаго любителя русской исторіи и русской народности, а также для историка, художника, историческаго романиста, драматурга и вообще для всѣхъ читателей любящихъ серьезное чтеніе.

Читая лекціи отечественной исторіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, преподаватели этого предмета мало говорятъ объ обычаяхъ и образѣ жизни нашихъ предковъ, почему бытовая сторона нашего народа въ своемъ прошломъ почти потеряна для насъ. Между тѣмъ археологическія и этнографическія изслѣдованія указываютъ намъ на слѣды и остатки обычаевъ, обрядовъ и образа жизни народа. Въ сказкахъ, былинахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ встрѣчается очень много правды о родной старинѣ, и въ поэзіи ихъ передается весь народный характеръ вѣка, съ его обычаями и понятіями. Кромѣ того ученые иностранцы разнаго времени, какъ-то: Гербенштейнъ, Олеарій, Шлецеръ и другіе высокопоставленные при русскихъ дворахъ, передали въ своихъ запискахъ много изъ тѣхъ обычаевъ, какіе существовали въ Россіи. Архивы наши, монастырскія бібліотеки, тоже сообщили намъ многое и обогатили нашу исторію тѣмъ, что сохранили документы, письменные очерки и рукописи, знакомство съ бытомъ и нравами русскаго народа.

Въ наше время, когда собрано слишкомъ достаточно разныхъ свѣдѣній о нашей старинѣ для поясненія жизни и характера нашихъ предковъ, эти новыя историческія открытія уяснятъ многое для всѣхъ, кому нужны бытовыя свѣденія, напримѣръ: историческимъ художникамъ, драматическимъ, историческимъ писателямъ, реставраторамъ и многимъ другимъ.

На основаніи всего этого, слишкомъ близкаго русскому сердцу, мы находимъ, что наше изданіе послужитъ большимъ поясненіемъ для разгадки разнаго рода повѣрій, обрядовъ, предрасудковъ, обычаевъ, а по нимъ поясняется самый бытъ и порядокъ жизни со всей ея обстановкой и ложными взглядами, и для открытія причинъ откуда всѣ эти повѣрья и обряды возникли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какими путями проникли на Русь предрасудки, привились и укоренились въ русскомъ народѣ, а затѣмъ—къ очищенію нашей жизни отъ странныхъ обрядностей и устраненію предрасудковъ.

Пособіями при составленіи нашего изданія между прочимъ, служили:

Лѣтопись Русской литературы.

Русскіе престонародные праздники и суевѣрные обряды, 1837 года.

Исторія юсударства Россійскаго. Карамзина.

Сводная лѣтопись. Л. И. Лейбовича. 1876 г. Спб.

Нижегородскій сборникъ. Гацискаго. 1871 г. Нижній-Новгородъ.

Чародѣйство и таинственныя явленія въ новѣйшее время. Соч. Хотинскаго. Спб. 1866 г.

Рукописный списокъ. Григорья Данилова Книголюбоба.

Абевера русскихъ суевѣрій. Соч. М. Ч. М. 1786 г.

Таинственныя чары. Соч. гр. Калиостро. М. 1876 г.

Владимірскій сборникъ.

Преданіе о народныхъ русскихъ суевѣріяхъ, повѣріяхъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ. Москва. 1861 г.

Бытъ русскаго народа. Соч. А. Терещенко.

Очеркъ домашней жизни и нравов великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтїи, Костомарова. Спб. 1860 г.

Сказанїя Русскаго народа. Н. Сахарова. 1841 г.

Пермскїи сборникъ. Повременное изданїе. М. 1860 г.

Матерїалы по этнографїи Архан. губ. Ефименко. Ред. Поповъ. И многихъ другихъ писателей, которые помѣчены въ своемъ мѣстѣ.

Составитель.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.

Въ Россіи, каждый народный праздникъ сопровождается обрядами и усвоенными имъ пѣснями или пѣніемъ. Самое происхожденіе того или другаго праздника, содержаніе и цѣль ихъ рѣшительно отдѣляетъ отъ церковныхъ св. празднествъ и независимо въ отношеніи къ св. обрядамъ церкви, потому, что большая часть народныхъ праздниковъ возникла во времена еще самаго глубокаго язычества, когда съ богослужебными обрядами соединены были различныя правительственныя постановленія, торговыя операціи и пр. Такъ, что почти всегда, гдѣ былъ торгъ, тамъ были судъ и расправа и торжественный праздникъ. Понятно, что торжественность дня усиливалась еще въ большей степени отъ такого вліянія массы народа съ цѣлями такого высокаго нравственнаго и религіознаго направленія. Легко эти обычаи поясняются германскими языческими обычаями, гдѣ жрецы были въ тоже время и судьями, а самыя сборныя мѣстности считались священными, всегда находились близъ рѣкъ, дорогъ и вообще удобныхъ мѣстъ для сообщенія.

Такія сообщенія язычниковъ при сборищахъ, гдѣ они молились богамъ, совѣщались о дѣлахъ, разбирали тяжбы, при посредствѣ жрецовъ, или прибѣгали къ ихъ мудрости, прося совѣтовъ, не могли остаться безслѣдно забытыми, какъ серьезно лежащія въ основѣ жизни народа и крѣпко утвердившіяся въ его памяти. Когда Христіанская вѣра поборола языческую и водворилась, то хотя языческими обрядамъ и былъ положенъ конецъ, но множество обычаевъ, не входящихъ въ составъ прямаго языческаго богослуженія, были оставлены и множество

изъ нихъ сохранились даже до сихъ поръ въ формѣ увеселеній, обычаевъ, въ родѣ празднествъ и, къ стыду христіанства, нѣкоторые обычая язычества привились къ торжествамъ христіанскимъ.

Смыслъ и понятіе о празднествахъ до того перепутались, что нашимъ знаменитымъ Русскимъ историкамъ, хронографамъ, и этнографамъ было много хлопотъ, чтобы опредѣлить ихъ характеръ.

Въ дальнѣйшемъ, мы имѣемъ сообщить подробности и указанія на основанія данныхъ историческихъ свѣдѣній объ обрядахъ.

ПРАЗДНИКИ И СОПРИКОСНОВЕННЫЕ СЪ НИМИ ОБЯДЫ.

С В Я Т К И.

Святки, святыя вечера, такъ обыкновенно называются въ Россіи, да и не въ одномъ нашемъ отечествѣ, а и за границей дни празднества, дни веселья и дни священнаго торжества Рождества Христова, начинавшагося съ 25 декабря и оканчивавшагося обыкновенно пятымъ января слѣдующаго года. Это торжество соотвѣтствовало *священнымъ ночамъ у пѣщевъ* *). По другимъ нарѣчіямъ святки (swatki) означаютъ *праздники*.

Въ Малороссіи, въ Польшѣ, въ Бѣлороссіи многіе праздники известны подъ именемъ святокъ (swiatki), какъ напримѣръ, Зеленая святки, то есть Троицкая недѣля. Поэтому профессоръ Снегиревъ заключаетъ, что можно извлечь, какъ самое названіе такъ и большая часть народныхъ игръ перешла на сѣверъ съ юга и запада Россіи.

Если мы начали съ святокъ, то потому именно, что нѣтъ ни одного празднованія на Руси, которое бы сопровождалось такимъ богатымъ выборомъ обычаевъ, обрядовъ, примѣтъ и прочаго, какъ такъ называемыя святки.

На святкахъ мы встрѣчаемъ, или видимъ странную смѣсь обычаевъ изъ языческаго обряда, смѣшанныхъ съ нѣкоторыми христіанскими воспоминаніями о Спасителѣ міра.

Безспорно, что къ обрядамъ языческимъ, а не иначе, принадлежатъ: гаданіе, игры, наряды и прочее, которые выражаютъ свою изобрѣтательную сторону торжества, совершенно неимѣющей ничего общаго съ христіанскими цѣлями и на-

*) Weihnachten.

строениемъ духа и — *спяленіе* то есть хожденіе дѣтей, а иногда и взрослыхъ со звездою подъ часъ съ рацеи, вертепомъ и тому подобными предметами.

Между тѣмъ, какъ самое слово „святки“ представляетъ понятіе о значеніи святости дней по причинѣ отраднаго для христіанъ событія. Но въ древности, съ незапамятныхъ временъ язычества вошли обычаи и обряды въ эти торжественные дни и ны одолжши тому, что и въ настоящее время эти обычаи не искореняются, а существуютъ, хотя въ разныхъ видахъ и формахъ болѣе или менѣе измѣненными.

Въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи святки называютъ Колядою. Каледою; названіе сходствуетъ съ Римскими Kalendae отъ греческаго глагола *κα λειν* — сзывать, также отъ санскритскаго *kāla*.

Кормчая книга говоритъ, что — святки, праздники приняты отъ Еллиновъ (Грековъ); тоже подтвержденіе колядъ отъ Еллиновъ видимъ въ 62 главѣ Стоглава. Впрочемъ профессоръ Снегиревъ свидѣтельствуетъ, что св. отцы, говоря о Еллинахъ имѣли въ виду безразлично языческіе народы въ противоположность православнымъ грекамъ и іудеямъ.

Исторія говоритъ, что обычай этотъ существовалъ въ Римской имперіи, въ Египтѣ, у Грековъ и у Индѣйцевъ. Такъ, напримѣръ Египетскіе жрецы, празднуя возстаніе Осириса, или новый годъ и вѣсть съ тѣмъ, надѣвъ на себя лачины и костюмы, соответствующіе божествамъ, ходили по улицамъ города.

Барельефы и іероглифы въ Мемонсѣ и Фивахъ указываютъ, что такіе маскарады совершались въ новолѣтіе и считались обрядомъ священнымъ. Точно тому же подобные обряды совершались у Персовъ въ день рожденія Мнѣры, у Индѣйцевъ Перунъ Монголъ и Угады. У римлянъ праздники эти назывались днями солнца.

Напрасно, Константинъ Великій, Тертуліанъ, св. Іоаннъ Златоустъ возставали противъ святочныхъ волхованій и безумныхъ игръ (Календъ) и Папа Захаріи, — обычаи гадать и наряжаться все таки остались, хотя въ формѣ довольно измѣненной.

Даже самъ Императоръ Петръ I, по возвращеніи изъ путешествія въ Россію, шаряжалъ Зотова напою, а другихъ своихъ любимцевъ, кардиналами, дьяконами и церемоніймейстерами и

въ сопровожденіи хора пѣвчихъ о святкахъ ходилъ съ ними къ боярамъ по домашъ славить *).

Въ книгѣ Коричей, на основаніи XXII главы стиха 5 второ-законіе, упомянутыя переряживанія воспрещаются. Известно что Моисей какъ законодатель, истребитель язычества и его обрядовъ въ избранномъ народѣ, воспрещая поклоненіе идоламъ, воспретилъ и переряживаніе. какъ то дѣлали жрецы египетскіе.

Валсамонъ, патріархъ XII вѣка говоритъ, что не смотря на запрещеніе церкви, на Западѣ продолжалось наряжаніе въ шутовское платье, въ сатировъ, комедіантовъ, скотовъ, кумировъ и чудовища; кромѣ того: представляли рожденіе Сына Божія, явленіе ангеловъ пастырямъ, обрѣзаніе, звѣзду, трехъ царей и тому подобное, что потомъ перешло и въ Россію.

Константинъ Багрянородный упоминаетъ о *Готскихъ играхъ*, которые совершались при дворѣ въ присутствіи Императора о Рождествѣ Христовѣ. Это были ряженые, въ вывороченные тулупы или шубы, или въ маскахъ, или съ раскрашенными лицами, которые вертѣлись, бѣгали или наконецъ аккомпанировали подъ музыку. Названіе игръ „Готскихъ“ они получили потому, что греки наряжались по готски, когда приходили къ Императору и получали подарки за пропѣтое ими государю много-лѣтіе и рождественскій кодакъ.

Близко будетъ къ истинѣ, если скажемъ, что во время сношенія Россіи съ Византійскимъ дворомъ святочные обычаи, какъ и многіе прочіе перешли въ Россію, такъ какъ по словамъ проф. Снегирева много славяноруссовъ въ качествѣ телохранителей находились при дворѣ Византійскихъ Императоровъ.

У Скандинавовъ **) святки были известны подъ именьѣ Юльскаго или Юльскаго праздника (Jul, Joel), какъ важнѣйшаго и продолжительнѣйшаго изъ всѣхъ. Этотъ праздникъ отправлялся въ честь Тора въ Норвегій зиму, а въ Даніи въ честь Одина для благословенной жатвы и скорого возврата солнца.

Начало праздника обыкновенно наступало въ полночь 4 января и продолжался цѣлыхъ три недѣли. Первыхъ три дня

*) См. Рус. Прост. Праздники. Москва. 1837 г., вып. II.

**) Обитателей нынѣшней Швеціи.

были посвящены благотвореніямъ и торжеству, послѣдніе затѣмъ дни были проводимы въ весельѣ и пиршествахъ. Названіе Julul происходитъ отъ Hjul, по-русски—колесо, потому, что тогда годъ поворачивался колесомъ. Древность этого скандинавскаго праздника доказывается тѣмъ, что объ немъ разсказывалъ еще въ VI вѣкѣ Прокопій, Византійскій летописецъ.

У древнихъ англосаксовъ должайшая и ирочвѣйшая ночь предшествовала дню рожденія Фрейера или Солнца называлась Материнскою ночью, такъ какъ эта ночь почиталась матерью солнца или солнечнаго года.

Въ это время, по вѣрованію сѣверныхъ народовъ, являлся духъ Юлеветтенъ въ образѣ черноликаго юноши съ женскою повязкой на головѣ, закутаннаго въ черный длинный плащъ. Въ такомъ видѣ является, будто бы онъ ночью въ дома, какъ у русскихъ о святкахъ *суженый-рлженой* и принимаетъ подарки.

Это вѣрованіе, нынѣ на всемъ сѣверѣ превратилось въ забаву, уже лишениое всякаго суевѣрнаго смысла. Также роль представлена на германскомъ сѣверѣ Филли.

На Юльскомъ праздникѣ былъ въ честь Фрейера убиваемъ вепрь въ присутствіи короля, какъ священное животное. Надъ этимъ животнымъ, положивъ руки, клялся королю въ вѣрности. По окончаніи жертвы всѣ предавались веселью, которое состояло въ питіи, яствахъ, пляскахъ и разныхъ играхъ: Эти Юльскіе праздники продолжались по нѣскольку дней.

Остатки этаго праздника остались еще, кой гдѣ на Скандинавскомъ сѣверѣ, къ которому присоединились гаданія, привѣты, суевѣрія и пр. Въ это время употребительна свиннина, и пироги въ формѣ свиней.

Въ Англїи, за нѣсколько дней до праздника Рождества Христова, начинаются въ большей части городовъ ночное пѣніе и музыка по улицамъ. Въ Голландіи восемь ночей передъ праздникомъ, и восемь послѣ праздника, ночной стражъ послѣ возвѣщенія утра прибавляетъ сившнюю пѣсню, содержаніе которой—совѣтъ во время праздниковъ ѣсть кашу съ изюмомъ и прибавлять въ нее сахарнаго сиропа, чтобы она была слаще.

Вообще рождественскіе праздники, не смотря на холодное зимнее время года дышать весельемъ, какъ и канунъ Рожде-

ства. Впрочемъ сочельникъ въ Россіи неменѣ веселъ, какъ день постный, какъ день приготовления и встрѣчи къ празднику.

У простаго народа всегда найдется бездна сибирныхъ преданій по случаю этого дня, и ночь предъ Рождествомъ бываетъ свидѣтельницей множества суевѣрныхъ наблюдений. Въ цѣлой Англіи существуетъ повѣрье, что будто бы, если войти въ хлѣвъ ровно въ полночь, то найдешь весь скотъ на колѣняхъ. Многие убѣждены, что въ сочельникъ всѣ пчелы поютъ въ ульяхъ, приветствуя день торжества. Это повѣрье распространено по всей католической и протестантской Европѣ.

Вечеромъ женщины, ни за что не оставятъ кудели на прялкахъ, чтобы чертъ не вздумалъ вѣсто ихъ състь за работу.

Молодыя дѣвушки даютъ этому другое толкованіе: онѣ говорятъ, что если не допрясть кудели наканунѣ Рождества, прялка придетъ за ними въ церковь при вѣчаніи и мужа ихъ подумаютъ, что онѣ Богъ вѣсть какія дѣвчатайки. Въ этомъ убѣжденіи дѣвушки недопряженную кудель солятъ, съ цѣлью сохранить ее отъ продѣлокъ чорта. Если нитки останутся на мотовилѣ, ихъ не снимаютъ, какъ обыкновенно, а разрѣзываютъ.

Въ Шотландіи домашній скотъ въ праздникъ Р. Х. кормятъ последнею горстью сжатого хлѣба, съ цѣлью предохранить его отъ болѣзни.

Въ Англіи, въ старину былъ обычай подавать въ Рождество къ столу кабанью голову въ укусѣ съ лимономъ во рту. При чемъ была пѣта пѣсня приличная торжеству.

Есть примѣты довольно оригинальныя: напримѣръ, въ Шотландіи и по сіе время многіе изъ простаго народа вѣрятъ, что кто первый отворитъ дверь въ праздникъ Рождества, тотъ будетъ счастливъ во весь слѣдующій годъ, потому, что онъ впустилъ Юла.

Для этого измѣстскаго божества нинѣ и по сію пору накрываютъ приборъ и ставятъ хлѣбъ съ сыромъ и какой нибудь канитокъ, какъ это дѣлали восточные народы, и притомъ каждый гость долженъ отвѣдать этой жертвы, а если забудетъ и уйдетъ, то это считается дурной примѣтой въ Шотландіи.

Такъ же, объ Рождествѣ, въ Новый годъ, въ первый январскій понедѣльникъ и 3 мая, суевѣрные люди въ Шотландіи ни за что не дадутъ угольевъ сосѣдямъ, опасаясь колдовства и прочаго вреда, какъ тому вѣрили и Римляне.

Въ западныхъ областяхъ Англіи оказываютъ честь яблонямъ, чтобы онѣ на будущій годъ были плодородны. Въ некоторыхъ мѣстахъ обыватели совершаютъ ходы по плодовымъ садамъ и кланяются каждому дереву, произнося родъ заклинанія или заговора. Послѣ того орошаютъ дерево яблочнымъ сокомъ, или разбиваютъ объ него кубокъ съ яблочнымъ напиткомъ—все это дѣлается въ честь и желаніе будущаго урожая.

Также къ Рождественской ночи дѣлаютъ особенныя свѣчки такой толщины, что онѣ горятъ съ вечера наканунѣ праздника до исхода слѣдующаго дня и если погаснутъ прежде, это предзнаменуетъ несчаствіе въ семействѣ.

Въ сѣверной Шотландіи лавочники дарятъ своимъ покупателямъ Юлевыя свѣчи, которыя, суевѣрные Шотландцы и строге исполнители всякихъ примѣтъ, зажигаютъ и даютъ имъ сгорѣть до тла, или же, давъ некоторое время горѣть гасятъ, и огарки сохраняютъ, какъ талисманы.

Тамъ же есть, такъ называемый Taghairn—ночное гулянье, на воловьей кожѣ, очень сходное съ русскими, (будетъ сказано).

Въ Англіи, въ Святки также сохранилось множество суевѣрій. Всѣ ихъ перечислить не стоитъ, но мы ограничимся нѣсколькими изъ нихъ; такъ, напримѣръ, кто нибудь встаетъ раньше прочихъ въ семействѣ и готовитъ завтракъ, который все семейство и вѣтъ, сидя въ постелѣ, не вставая. Завтракъ этотъ—пирожки съ яичами, считая по одному на каждого и чей пирогъ развалится во время печенія. тому не дожить до будущаго праздника.

Наканунѣ Рождества кладутъ въ огонь одно изъ толстыхъ поленьевъ, которое должно горѣть во весь слѣдующій день, а если можно и далѣе, для чего конечно стараются примѣнить медленное горѣніе. Употребляютъ для этого головню, если можно оставшуюся съ прошлаго года. Пока рождественское полено не потухнетъ, всей домашней прислугѣ даютъ къ столу пиво.

29 декабря, когда празднуется память избіенія младенцевъ Царемъ Иродомъ, въ старину обыкновенно дѣтей будили плетью, чтобы такимъ путемъ укрѣпить въ памяти дѣтей такое кровопролитное событіе; самый день, въ который приходился этотъ праздникъ считался чернымъ.

Въ Гермоніи, во время такъ называемыхъ священныхъ ночей, по нашему святыхъ вечеровъ или святокъ, гадаютъ, устраниваютъ для дѣтей елку, всякимъ способомъ стараются узнать будущность въ теченіи года и вѣрятъ, что наканунѣ Рождества Христова скоты говорятъ. Въ недалекомъ отъ насъ время представляли исторію рожденія Иисуса Христа въ лицахъ.

Кромѣ того, что уже сказано сейчасъ и укрѣпилось въ нашей Россіи, въ Саксоніи въ деревнѣ Шолбекъ, по свидѣтельству Кранца, мужчины всѣхъ возрастовъ съ женщинами проводили повечеріе Рождества Христова на погостѣ Св. Магна въ безчинныхъ пляскахъ и неблагопристойныхъ пѣсняхъ, по крайней мѣрѣ такихъ пѣсняхъ, которыя не свойственны такому высокороджественному дню.

Коляда. Декабря 24 русскіе язычники славили Коляду, о которой уже мы ранѣе говорили. По словамъ нашего знаменитаго историка Карамзина, Коляда былъ богъ пиршествъ и мира и хотя по созвучію можно производить Коляду отъ Римскихъ колендъ и другихъ, но римскіе праздники этого названія были празднуемы во всѣхъ мѣсяцахъ. А если находить, что нашъ рождественскій праздникъ былъ сходственъ съ Янусовымъ, то причиною тому было вѣроятно ничто иное, какъ вліяніе римскаго владычества надъ славянскими народами, при чемъ конечно каждый народъ, усвоивъ и принявъ чуждыя понятія и вѣрованія, всегда ищетъ въ нихъ сходства вѣшняго или внутренняго съ своими коренными понятіями и вѣрованіями.

Значеніе слова Коляды у разныхъ народовъ различно: У Виндійцевъ Koléda (коледа) почитается за божество празднествъ и также называются нѣкоторые церковные обряды, а koledování (колодованіи) означаетъ хожденіе дѣтей по разнымъ домамъ съ пѣснями и плясками.

У Чеховъ, Болгаръ и Сербовъ Koléda, а также wanoěj řísníékú значить—святочная пѣснь, choditi po Koléde, (ходить по коледу) значить поздравлять съ новымъ годомъ и за это получать подарки, отъ каждаго, кто что можетъ дать.

Коледа у Словаковъ означаетъ Благословеніе домовъ, какое у нихъ бываетъ около праздника *трехъ царей*, а kolédování—благословлять дома.

Богемская Исторія объясняетъ коледу набожнымъ обычаямъ

емъ хожденія священнослужителей по домамъ съ крестомъ и мощами о Рождествѣ Христовѣ, который былъ утвержденъ Чешскимъ княземъ Бретиславомъ въ XI вѣкѣ, послѣ изгнанія колдуновъ и оборотней изъ предѣловъ своего княжества.

Босняки, Кроаты и другіе славянскіе народы подь Коледою разумѣютъ подарокъ на Новый годъ: тогда въ Римско-католическихъ церквахъ раздавались народу сдѣланные изъ тѣста ясли, пеленки и другія принадлежности къ иѣсту рожденія Иисуса Христа, что называлось *Коледами*. Римское духовенство по свидѣтельству Боеція, именовалось отъ *Colendo*, *Coledi* и *Coldei*, Богочтецы, то есть ублажавшіе Бога пѣснопѣніемъ. Знаменитый переводчикъ Гомера, Гнѣдичъ производитъ Коледу отъ греч. *Χόλαδεις* (кишки) колбасы, которой кольцо выпрашивали себѣ колядовщики въ Малороссіи. Наконецъ отъ слова колядованіе произошло слово „колдованіе.“

Коляда не упоминается у Нестора, какъ божество въ числѣ боговъ Владиміровыхъ; но Св. Димитрій Туптала (митр. ростов.) въ своей Четви Миннеи упоминаетъ о колядѣ, какъ о шестомъ богѣ, богѣ празднествъ. Но скорѣе всего, это—не божество, а праздникъ, который олицетворяютъ сказанія и народныя пѣсни.

Коляда, въ южной и западной Руси, собственно канунъ праздника Рождества Христова, который извѣстенъ на сѣверо-востокѣ Россіи подь именемъ Авсена или Таусеня, а у Литовцевъ извѣства подь именемъ *вечера колодокъ*, или *Блоккова*, въ которомъ почти вездѣ въ славянскомъ мѣрѣ и въ русскомъ готовится изъ зерноваго хлѣба—*каша* и изъ пшена и плодовъ *кутля*, напоминающая индѣйскій *Перунъ-Цонолз* и *Угады*, во время которыхъ по варенію пшена угадывали жребій въ наступающемъ году.

Считаютъ двѣ коледы: *Васильевская*, наканунѣ Нового года, и *крещенская*, наканунѣ *Крещенія* или *водокрещя*. Первая—*богатая*, а вторая—*бѣдная* или *постная*.

Въ Малороссіи коледою называется хожденіе съ вертепомъ и звездою, сдѣланною изъ бумаги и пѣмье винограда извѣстно подь именемъ *Коледы*. Даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ до сихъ поръ существуетъ обычай славленія ребятишками Рождества Христова цѣлыми группами подь предводительствъ

вомъ старшаго, несущаго звѣзду съ фонарикомъ; послѣ каждаго славленія, притомъ поется въ домѣ молитва, говорится: „Съ праздникомъ хозяина поздравляемъ, здравія вамъ желаемъ“, и прочее. Иногда нѣчто въ болѣе шутивомъ тонѣ. Нынѣ въ столицахъ обычай этотъ выводится, но было время, когда не принять, такъ называемыхъ христовъ считалось за грѣхъ для домовладыки и оскорбленіе для христовъ.

Профессоръ Снегиревъ говоритъ *) что подѣ Москвою былъ обычай называть сочельникъ „коледою“ и въ ночь на Рождество возить въ саняхъ дѣвушку, одѣтую поверхъ всей теплой одежды въ рубашку, которую и выдавали за Коледу; есть ли такой обычай и по сейчасъ—не знаешь.

Есть предположеніе, что какъ празднованіе Коледы, такъ и ея имени перешло изъ Новгорода въ Костромскую и другія Великороссійскія губерніи въ XV и XVI вѣкахъ, чему свидѣтельствуетъ старинная пѣсня, которую въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поютъ о святкахъ такъ: „Шла Коледа изъ Новгорода“... и проч.

У Румынъ святки называются *Керечуномъ*, у Карпата-Россовъ—канунъ Рождества, то есть нашъ сочельникъ, а коледованіе за празднованіе. Подѣ этимъ же названіемъ *Керечуна* у русскихъ назывался рождественскій постъ или филиповки, такое названіе поста Карамзинъ объясняетъ короткостью дней **) зимнихъ. Однако-же, по замѣчанію проф. Снегирева, Карачунъ сходствуетъ съ Сербскими „Карачити“ то есть ходить, и съ русскимъ словомъ *корчить*, что либо или кого, кривляться.

Потомъ еще есть догадка неразрѣшенная однакоже ни чѣмъ—не имѣетъ ли слово „корачунъ“ какого нибудь сходства съ упоминаемымъ въ Стоглавѣ чародѣаніи надъ корчагами.

Въ Великороссіи святки, кромѣ славленія по домамъ, сопровождаются наряженіемъ въ маски и костюмы съ цѣлю не быть узнаваемыми, а также загадываніями. Какъ гаданія, такъ равно и наряженія въ разные костюмы производятся вечеромъ, а гадаютъ часто по ночамъ.

*) См. Русс. Прост. празд. и суев. обряды. Вып. II, 1837 г., стр. 29.

**) Карам. М. Г. Р. Часть II. стр. 288.

Маски известны отъ глубокой древности, еще въ оргіяхъ Бахусовыхъ надѣвали личины, чтобы избавить себя отъ чарованія. Между греками и латинами въ средніе вѣка было мнѣніе, будто, въ продолженіи 8 дней послѣ Рождества Христова, дьяволы слитаются по землѣ и по наступленіи разрушенія ихъ царства, изгоняемые въ тревогѣ и тоскѣ рыскаютъ по улицамъ въ мрачномъ и огнезрачномъ видѣ, терзая, муча и увлекая встрѣчныхъ и попоречныхъ. Переряженные или святочники, умышленно представляютъ воплощенныхъ дьяволовъ и исторія Тюрпена называетъ ихъ личинами брадатymi, рогатыми и похожими на демоновъ. Одинъ древній писатель объясняетъ силу отвораживанія масокъ тѣмъ, что онѣ своимъ страннымъ и нелѣпнымъ видомъ удаляютъ очарованіе отъ самыхъ лицъ, которыя ихъ носятъ. Но такъ, какъ маски по объясненію Нантскаго собора—личины демоновъ и оскверняютъ людей, посещу тѣ, кто радился на святкахъ, ишли обыкновеніе очищаться купаньемъ въ рѣкахъ въ день Крещенія Господня.

Въ Новгородѣ Святки известны подъ именемъ *Окрутниковъ*, которые со втораго дня праздника Рождества Христова до Богоявленія ходили ряженными по городу въ тѣ дома, гдѣ выставлены были зажженные свѣчи на окнахъ и тѣшили хозяевъ шутками, карикатурными представленіями, пѣснями и плясками.

Въ Тихвинѣ о святкахъ снаряжалась большая лодка, которая ставится на нѣсколько саней и возится нѣсколькими лошадьми по городу. Верхомъ на лошадяхъ, везущихъ лодку сидѣли округники. Тѣ же округники и святочники сидѣли въ лодкѣ, украшенной разноцвѣтными флагами. Всѣ эти повѣзжане бывали въ костюмахъ и маскахъ.

Въ Тихвинѣ ряженные назывались то округниками, то кудесниками, то куликами, то щеголями.

Во время поѣзда они пѣли, играли на разныхъ инструментахъ, и выкидывали разные штуки. Разумѣется, ряженыхъ сопровождали толпы народа, а зажиточные граждане подчивали этихъ ряженыхъ виномъ и кушаньемъ.

Въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ святки до сихъ поръ называются *Кудесами*, такъ какъ въ лѣтописяхъ чародѣи, колдуны, арби, кудесниками и кобниками, которые га-

дали и взротно кудесли, какъ колдуны, кобенлись, какъ шаманы.

Въ Торопцѣ, Псковской губерніи, святки слывуть „Субботками“. Тогда незамужнія дочери обывателей этого городка собираются у бѣдныхъ вдовъ, которыя дѣлають къ тому нужныя приготовленія: для посѣтительницъ дѣлають скамьи уступами отъ полу до потолка въ видѣ амфитеатра, потомъ среди комнаты къ потолку подвѣшивается большой фонарь изъ цвѣтной бумаги, украшенный лентами и множествомъ свѣчь. По сторонамъ этой же горницы ставятся скамейки для мужчинъ.

Дѣвушки, какъ богатыя, такъ и бѣдныя непременно считаютъ долгомъ быть на этихъ вечеринкахъ или субботкахъ и для сего одѣваются какъ можно чисто, сообразно своему состоянію. Когда дѣвушки собралась всѣ до одной изъ числа приглашенныхъ, тогда ворота до сихъ поръ запертыя, открываются и начинается прибытіе холостыхъ молодыхъ людей. Прибытіе каждаго молодого гостя дѣвушка величаютъ пѣснями, которыя изстари поются на субботкахъ. За эту честь каждый гость долженъ платить деньгами, которыя потомъ отдаются въ пользу хозяйки дома, небогатыи вдовы. Сюда женатыя и замужныя не допускаются.

Русская исторія указываетъ, что и царь Иванъ Васильевичъ Грозный съ своими опричниками маскировался подобно скомоорохамъ и даже казнилъ К. Рѣпина за то, что тотъ не надѣлъ личины *).

Петръ I любилъ святочные игрища, въ которыхъ самъ принималъ участіе, какъ было выше нами замѣчено. Въ его время святочные игры бывали не только въ городахъ и въ сельскихъ пріютахъ, но и въ царскихъ теремахъ, гдѣ Царевны святочничали съ верховыми свѣнными дѣвушками и боярынями.

Гаданіе. Въ составъ святочныхъ обрядовъ входитъ гаданіе, гдѣ по какимъ либо особеннымъ знакамъ искусственнымъ или естественнымъ стараются предъзнать человѣческой жребій, свое будущее.

Въ язычествѣ гаданіе составляло одно изъ главныхъ обрядовъ богослуженія; но когда язычники стали переходить въ

*) Карамз. И. Г. Р. т. IX. 2 изданіе.

христианство, то гаданіе стало преслѣдоваться подѣ видомъ ворожбы и если гаданіе и осталось въ народѣ, какъ сила привычки по праву давности, то какъ народная забава самое слово „гаданіе“ сродно съ еврейскимъ словомъ *Gads Gad*—такъ называлось богиня счастья, а по другимъ отъ санскритскаго *Gad*—изслѣдовать, по третьимъ—*Gadam*—испытывать.

Самое же гаданіе въ древности было служеніе богини Гадъ (Фортуны, богини счастья). Основывался болѣе на случайныхъ, но естественныхъ явленіяхъ, или знакахъ, открывали тайну то есть, что нибудь угадывали. Ворожбою называлось дѣйствіе сверхъ-естественныхъ враждебныхъ силъ ко вреду однихъ или къ пользѣ другихъ, почему волхованіе, по толкованію Стогава, называлось бѣсовскимъ служеніемъ и имѣло одно и тоже значеніе, что и колдовство, колдованіе, которыми по сказанію занимались халдейскіе и другіе волхвы.

Способы гаданія бывають естественныя или искусственныя, какіе встрѣчаются не только у восточныхъ народовъ, но у Грековъ, Римлянъ и Славянъ.

Святоточными гаданіями вообще занимаются вечеромъ, или ночью.

1) Гаданіе на вещахъ. Молодые люди обоого пола собираются на вечеръ, берутъ кольца перстни, запонки, сережки и другія мелкія вещи и кладутъ ихъ подѣ блюдо вивствѣ съ кусочками хлѣба, сверхъ всего накрывають чистымъ полотенцемъ салфеткою, или ширинкою. Послѣ того участвующіе въ гаданіи поютъ пѣсню, посвященную хлѣбу и соли и потомъ другія подблюдныя пѣсни. По окончаніи каждой, запустивъ руку и отворотясь отъ блюда, изъ подѣ закрытаго блюда, вынимають какой нибудь одинъ предметъ, поавшійся первымъ подѣ руку. Это нѣчто въ родѣ домашней лоттереи. Къ этому примѣнялось содержаніе пѣсни, изъ котораго выводится себѣ предвѣщаніе.

Но такъ, какъ изъ подѣ блюда вынутыя вещи не всегда падаются тѣмъ, кому онѣ принадлежать, то присуждается по этому случаю выкупъ вещей. Последнему, вынуждену доставшуюся изъ подѣ блюда на долю его вещь уже послѣднюю, поютъ пѣсню обыкновенно свадебную, какъ бы предвѣщая скорый бракъ. Затѣмъ и кольцо катятъ по полу, наблюдая въ которую сторону оно покатится: если къ дверямъ, то для дѣвушки—близость брака, для мужчины—отъѣздъ.

По наблюденіямъ г. Снягирева, эти обряды близки съ греческими обрядами и *ληδών*

Хороненіе золота, или какъ золото хоронить. Но нужно быть хорошимъ наблюдателемъ даже, чтобы видѣть, въ какомъ высокомъ почтеніи было изстари золото и какъ оно даже по сей часъ служитъ эмблемой выраженія богатства, достоинствъ, красоты, пріязни и прочаго.

Напримѣръ когда мать говоритъ своему сыну или дочери: „ахъ ты золото мое!“... Понятно уже, что она этииъ выражаетъ ласку, любовь и высокое значеніе своей любви, какъ бы къ золоту, часто не въ отношеніи столько къ его значенію, сколько къ тому, что золото вообще прежде имѣло высокую недостигаемую цѣнность относительно своей рѣдкости. Такъ и сейчасъ, часто говорятъ: „это не человѣкъ, а золото.“ Этииъ словомъ по смыслу хотя человѣка выставляетъ ниже того, что онъ стоитъ по челоуѣчеству, но въ общемъ смыслѣ оцѣниваютъ какое либо одно качество или въ отношеніи ума, доброты или искусства.

По всей вѣроятности эта поговорка возникла изъ глубокой древности; такимъ образомъ, читая отечественную лѣтопись видишь, что русскіе при договорѣ съ греками, полагая золото предъ Перуномъ и Волосомъ клялись, что если нарушатъ договоръ то, да „будутъ золото, яко золото“. Тоже было и съ Югорскими князьями клявшимися въ вѣрности предъ великимъ княземъ на опасъ и въ знакъ вѣрности клялись, испивая воду съ золота *).

Также иногда, поговоркой: „*съ твоею слова, какъ съ золотомъ блюда*“, выражаютъ желаніе благополучія и всѣхъ благъ такъ сказать довольства и благополучія. Такимъ же образомъ и обычай *хоронить золото* причисляютъ къ *обычаямъ* принадлежащимъ временамъ языческимъ. Остатки обрядности сохранились о святкахъ, но уже въ формѣ забавы или, какъ развлеченіе времени.

Дѣло въ томъ, что въ собраніи сидящихъ дѣвицъ, дамъ и мужчинъ тихонько даютъ оставшееся отъ подблюдной пѣсни кольцо и оно передается тайкомъ отъ одного къ другому изъ

*) См. Ист. Госуд. Россійск. I. Прил. 461. Евреи также клялись храповымъ золотомъ, какъ видно изъ Еван. Маттея: XXIII, стр. 16.

сидящихъ рядомъ и смежно между собою, предоставляет кому нибудь изъ мужчинъ или дѣвушекъ искать это кольцо при пѣніи обрядовой пѣсни, пока не найдется въ чьей либо рукъ искомое. Пойманный въ скрытіи вещи въ свою очередь начинаеть отыскивать, и такъ далѣе.

Окликча проложитъ и прозжитъ. Это гаданіе состоитъ въ томъ, что во время вечера или ночи выходить изъ дома и, стоя у калитки дѣвушки спрашиваютъ у мужчинъ словами: „какъ ваше имя?“ съ тою цѣлью и увѣренностью, что будущій женихъ будетъ нѣтъ то же самое имя и ту же красоту, которую нѣтъ видный и опрошенный. Въ ярославской губерніи окликають съ блиномъ на головѣ.

Подслушваніе. Стоглавъ говоритъ, что окличка была древнимъ народнымъ суевѣріемъ, что гадатели и гадательницы ходятъ слушать подъ окна чужихъ домовъ и, судя по услышаннымъ ими словамъ, веселому или неприятному разговору, предрекаютъ себѣ пріятную, или скучную жизнь, брачливаго, или ласковаго мужа. Заключенія подъ чужими окнами чрезъ подслушваніе бывають самыми разнообразныя и выводятся изъ того, кого слышатъ: Стараго или молодаго, пьянаго или трезваго, мужчину или женщину, и проч. Такіе подслушванія производятся у оконъ или дверей жилыхъ избъ или у оконъ домовъ (преимущественно первыхъ этажей).

Но болѣе храбрые и рѣзвые изъ дѣвушекъ рѣшаются слушать подъ замкомъ церковныхъ дверей съ цѣлью услышать пѣніе въ церкви въ полночь, когда службы не бываетъ. Если воображеніе сильно возбуждено, нервы тоже, то легко можетъ случиться, что возбужденная особа, въ полузабвеніи, увлеченная мыслью и силою воли до мозга костей слышитъ, скорѣе во сна, то сладкое вѣнчальное, то погребальное пѣніе, изъ чего выносятся, что ей въ этотъ годъ или идти замужъ или помереть.

Гаданье на курицахъ. Снявъ съ насѣста курицу, чаще пѣтуха, приносятъ въ ту комнату, гдѣ заранѣе приготовлены на полу въ трехъ мѣстахъ вода, хлѣбъ, золотыя, серебряныя и даже мѣдныя кольца, серьги и другія мелкія вещи.

Птицу пускають на полъ и смотрять: какую вещь она клюнетъ или, за что примется прежде всего, имѣя въ виду, что птица ночью или вечеромъ бываетъ слѣпа и по естественной

привычек клевать, что попада, клюнетъ, что либо изъ предметовъ, положенныхъ на полу.

Гадаютъ и такъ и иначе: Если гадаеть одна особа, то понятно, что ей, выпустивъ пѣтуха или курицу можно гадать на разные мотивы, но если же гадающихъ дѣвушекъ очень много, то приходится задумывать иначе. Напримѣръ курицу или пѣтуха пускаютъ въ средину круга составленнаго изъ колець и перстней, принадлежащихъ разнымъ дѣвушкамъ. Чье кольцо, перстень или серьгу клюнетъ птица, та выдетъ замужъ въ теченіи этого года.

Но выйти замужъ вообще не трудно, каково быть за мужемъ? задается вопросомъ каждая изъ дѣвицъ.

Въ этомъ случаѣ дѣвушка—гадательница принимаетъ, какъ выше сказано, къ дѣлу гаданія воду, хлѣбъ, уголь и кольца. Затѣмъ пускаетъ курицу. Если курица или пѣтухъ станеть пить воду, то мужъ будетъ—пьяница. Если будетъ вѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ достаточный, когда же примется за уголь, то мужъ будетъ бѣднякъ, или, какъ говорится, прогоритъ—золотое кольцо клюнетъ—богачъ, серебряное—достаточный, мѣдное—скудный по труду, иногда волокита.

Иногда бываетъ и такъ, что гадательницы дѣлаютъ въ просторной избѣ нѣсколько такихъ круговъ, каждая для себя и приносятъ каждая дѣвушка курицу изъ своего дома.

Въ Костромской губерніи, во время свитокъ, холостежъ и молодежи ходить по птичьимъ закутамъ или дворамъ, и зажмуривъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣста, (нашестка, насѣдала) по цвѣту курицы, судятъ о цвѣтѣ волосъ суженаго или суженой.

Въ Сибири въ это время гаданій выпускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣтухомъ и пускаютъ по полу и замѣчаютъ: если пѣтухъ гордо расхаживаетъ и щиплетъ курицу, то мужъ будетъ сердитый; но если и курица будетъ храбриться, то это знакъ, того, что жена будетъ одерживать верхъ надъ мужемъ.

Гаданіе на лошадей. Выводятъ изъ конюшни лошадей не иначе, какъ чрезъ оглоблю, или чрезъ какую либо жердь. Если лошадь зацѣпитъ за оглоблю, или жердь ногами, то для дѣвушки — мужъ сердитый и несчастная жизнь. Когда же—лошадь удобно перешагнетъ, не зацѣпивъ жердь или оглоблю, то

для дѣвушки предстантъ счастливое житье со смиреннымъ ласковымъ мужемъ.

Проф. Снегиревъ, приписываетъ это гаданіе ко временамъ языческимъ, когда въ Рюгенѣ, предъ началомъ каждой войны жрецы гадали о будущемъ успѣхѣ, для чего переводили коня чрезъ нѣсколько жердей, и непременно бѣлаго коня Свѣтовидова, а въ Штетинѣ Воронова коня. Слѣды этого языческаго обычая остались и по-сіе время въ Костромской и Ярославской губерніяхъ. Иногда садятся на лошадь, у которой завязаны глаза и пускаютъ изъ воротъ по волѣ; въ которую сторону лошадь изберетъ путь, туда дѣвушкѣ замужъ выходить.

Гаданіе у воротъ. Выходятъ къ забору или просто, стоя за воротами во время ночи и говорятъ: „залай залай собаченька! залай свѣрый волчокъ!“ „гдѣ залаетъ собаченька, тамъ живетъ мой суженый!“

Мнѣніе вообще таково, что гдѣ дѣвушка услышитъ собачій лай, туда непременно будетъ отдана замужъ, слышавшая лай дѣвушка, и чѣмъ глуше и дальше слышенъ будетъ лай, тѣмъ дальше она будетъ отдана замужъ. Притомъ лай хриплый, значить—бракъ со старикомъ, звонкій и тонкій лай—молодой женнхъ.

Гаданіе башмакомъ. Дѣвушки снимаютъ съ лѣвой ноги башмаки и кидаютъ ихъ за ворота, наблюдая при этомъ, куда башмакъ ляжетъ носкомъ. Куда ляжетъ носкомъ, въ ту сторону будетъ отдана кидящая: когда же башмакъ ляжетъ носкомъ къ воротамъ, изъ котораго выкинуть башмакъ, то дѣвушкѣ въ этотъ годъ—жить дома, и не выходить замужъ.

Гаданіе топоромъ. Это гаданіе относятъ къ древнимъ. Пляній свидѣтельствуетъ, что этого рода гаданіе внесено въ Грецію Остонецомъ при Ксерксѣ I и употребляли его для узнанія виновнаго.

Вбивали въ топоръ деревянный колъ и держали его обѣими руками такъ, что вращать колъ было очень легко и при вращаніи произносили имена подозрѣваемыхъ. На чѣмъ имени онъ покривится, тотъ и оказывался виновнымъ. Нынѣ, если хотятъ погадать, выйдетъ ли дѣвушка въ нынѣшнемъ году замужъ, при верченіи топора упоминаютъ имена дѣвушекъ и та изъ нихъ выйдетъ, на чѣмъ имени топоръ покривится.

Гаданіе на луковицяхъ. Берутъ нѣсколько луковницъ и за-
мѣчаютъ каждую изъ нихъ; эти луковницы кладутъ на землю;
чья луковница ранѣе дастъ ростокъ, та изъ двѣушекъ выйдетъ
прежде другихъ замужъ.

Гаданіе яичомъ. Берутъ стаканъ, наполненный чистою во-
дою и въ эту воду съ осторожностью выпускаютъ свѣжее
яйцо. Даютъ нѣсколько постоять; а потомъ по расположенію
бѣлка въ водѣ судятъ о будущемъ.

Гаданіе на поленьяхъ. Дѣвушки подходятъ къ поленищу
задомъ, или зашурясь и берутъ изъ нее безъ выбора, которой
какое попадется. Затѣмъ каждая свое осматриваетъ, изъ чего
заключаютъ о будущемъ женихѣ, напр. гладкое полено въ
тонкой ровной корѣ предсказываетъ хорошаго красиваго же-
ниха; полено съ шероховатой корою — некрасиваго на видъ;
въ толстой, но хорошей корѣ — богатаго. Полено мѣстами
ободранное — нуждающагося; безъ коры — бѣднаго, толстое по-
лено — сильнаго, толстаго; съ сучками — большая семья и по
числу сучьевъ о числѣ людей въ семьѣ; кривое — урода или съ
какими нибудь физическими недостатками.

Гаданіе воскомъ, оловомъ или свинцомъ. Въ нѣкоторыхъ
областяхъ Германіи, такъ и въ Россіи, о святкахъ льютъ
воскъ или олово въ воду и, по вылитымъ фигурамъ, заключаютъ
о своемъ жребіи, о счастьѣ, несчастьѣ, неудачѣ, урожаѣ или
голодѣ.

Въ Потребникѣ 1639 года всѣ *воскольи* и *оловоляи* на-
званы „чародѣями“.

Гаданіе на сборникѣ (головной уборѣ). Когда дѣвушка
желаетъ узнать, что случится въ этомъ году, то беретъ три
вещи: сборникъ или другую какую принадлежность головнаго
убора, кусокъ хлѣба и кусокъ дерева и кладетъ всѣ три вещи
въ пустой, чистый горшокъ, иногда сопровождая все это при-
личными наговорами. Потомъ закрывъ, или завязавъ глаза под-
ходитъ къ горшку и беретъ первое, что попадется. Если попа-
дется ей въ руку головной уборъ — выдти замужъ, часть хлѣ-
ба — оставаться дѣвушкою, а кусокъ дерева — гробъ *).

*) Свѣдѣнія почерпнуты изъ рукоп. Мясникова къ 1829 г. Народные праздники
въ округѣхъ Шенниурскомъ и Вельскомъ.

Гаданіе лучиною. Если дѣвушка желаетъ узнать: проживетъ ли она этотъ годъ? то взявъ въ руки березовую лучину, бѣжтъ къ роднику рѣки, или къ колодцу, ночить эту лучину и возвратившись домой зажигаютъ ее на огнѣ; у которой скоро загорится она, то это знакъ долгой жизни, а у которой не загорится вовсе, то умереть; у которой будетъ горѣть съ трескомъ и горѣть не особенно ровно, то въ теченіи года гадающая будетъ хворать.

Гаданіе на коровьей или воловьей кожѣ. Проф. Снегиревъ описываетъ, какъ гадаютъ въ Вельской и Шенкурской областяхъ о годовой судьбѣ, при помощи снятой съ крупнаго рогатаго скота кожи. Съ этою цѣлью нѣсколько дѣвушекъ берутъ столешникъ, хлѣбъ, ножикъ, и коровью сырую кожу, идутъ на перекрестокъ или на прорубь, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикомъ очерчиваютъ кругъ, въ предѣлахъ котораго и садятся, закрывъ себя столешникомъ или скатертью и ухвативъ другъ друга за мизинецъ, дѣлаютъ завѣщаніе, чтобы судьба извѣстила ихъ, что случится имъ въ нынѣшнемъ году и, въ таинственной тишинѣ ночи, слушаютъ: одной слышится, что ѣдутъ женихи большимъ поѣздомъ, другою чудится, что на полѣ большое собраніе народа, знакъ обильной жатвы и проч. Такія гаданія происходятъ не только въ Россіи, но и въ Шотландіи, по свидѣтельству Вальтеръ-Скотта. Гадаютъ ночью, завернувшись въ сырую коровью или въ воловью кожу, садятся въ ожиданіи отвѣтовъ на сдѣланные вопросы, или имѣютъ видѣнія, которыя открываютъ будущее.

Гаданіе по сковородѣ. Чтобы узнать имя будущаго жениха, дѣвушки кладутъ на столъ солому сбитуя въ комъ, на этотъ комъ ставятъ сковороду, а на сковороду кладутъ камень и льютъ нѣсколько воды. Послѣ того, потихоньку и медленно начинаютъ каждая изъ дѣвушекъ вынимать по соломинкѣ и изъ звука производимаго камнемъ на сковородѣ при колебаніи, воображаютъ слышать имя будущаго жениха.

Тоже дѣлаютъ такъ: наливаютъ на сковороду воды и камни; сверхъ этого всего кладутъ растрепанныя хлопья льна или пеньки, зажигаютъ ихъ и накрываютъ горшкомъ. Когда вода сильно заклокочетъ, то, по замѣчанію суевѣровъ, у невестки будетъ сварливая свекровь.

Гаданіе на кольцо, хлѣбъ и крючекъ. Положивъ на полъ кольцо, крючекъ изъ соломы и кусокъ хлѣба, покрываютъ эти три предмета платкомъ, изъ подъ котораго потомъ и вынимаютъ, кому какая вещь достанется. Если вынется кольцо, то женихъ будетъ щеголь, если хлѣбъ—богачъ, а если крючекъ, то — бѣднякъ. *Бѣдный крюкъ* въ смыслѣ того, что бѣднякъ всегда горбится отъ труда и предъ всѣми изгибается.

Гаданіе у омета соломы. Подходятъ къ омету соломы, закинувъ голову назадъ, берутъ ртомъ соломенку; ежели она будетъ съ колосомъ, то примѣчаютъ, что вышедшая въ замужество будетъ богата, если соломинна попадется безъ колоса, то — жизнь будетъ бѣдная.

Гаданіе на перекресткѣ въ полночь. Дѣвушки выходятъ на перекрестокъ, и загадавъ каждая изъ нихъ о своемъ будущемъ женихѣ, очерчиваютъ кругъ и, стоя въ немъ, прислушиваются и когда почувдятся имъ звонъ колокольчиковъ, или смѣхъ или веселое пѣніе, то заключаютъ, что—быть замужемъ. Если же послышится плачь или унылое пѣніе, то значить—умереть. На перекресткѣ также смотрятъ въ зеркало и видятъ своего суженаго и раженаго *).

Гаданіе подъ окномъ. Въ полночь, гадающія дѣвушки садятся у оконъ, и каждая изъ нихъ приговариваетъ: „суженый. раженный! повзжай мимо окна!“ Если которая изъ нихъ услышитъ повѣздъ съ крикомъ и свистомъ, то предрекаетъ себя веселую и счастливую жизнь; если же повѣздъ будетъ тихій, то слышавшая его дѣвушка предвидитъ жизнь бѣдную.

Гаданіе на бобахъ. Еще въ началѣ XVII вѣка существовало гаданіе на бобахъ, какъ то видно изъ Потребника мірскаго, гдѣ запрещается вѣрить бобамъ и также изъ народной пословицы: „*чужую бѣду бобами разведу, а къ своей то бѣды и ума не приложу*“.

Гаданіе это производится такъ: берутъ 41 бобъ и раскладываютъ на 9 кучекъ по столу въ три линіи такимъ образомъ:

Прежде всего дѣлаютъ только три кучки изъ 41 боба безъ счету, а по виду; затѣмъ изъ первой отсчитываютъ 4 боба, которые и кладутъ въ сторону такимъ образомъ: изъ первой

*) *Абелева русскія суевѣрія.*—М. Ч. Москва. 1876 г

кучки откладываютъ 4, 3, 2 и 1 бобъ; послѣдній будетъ для образованія первой кучки втораго ряда.

Потомъ принимаются за вторую кучку, изъ трехъ первоначальныхъ и поступаютъ съ нею также, какъ и съ первой; остатокъ присоединяютъ ко второй линіи для образованія въ ней второй кучки. Наконецъ, поступивъ такимъ образомъ, получимъ въ первомъ ряду 3 кучки, въ каждой изъ которыхъ будетъ не болѣе какъ по 4 боба.

Второй рядъ или линія должна производиться изъ тѣхъ кучекъ, гдѣ бобы были отсчитаны по 4, всѣ эти бобы должно также разложить на произвольныя три кучки.

Потомъ нужно образовать третій рядъ, только онъ не отсчитывается, а просто дѣлится весь остатокъ отъ первыхъ двухъ линій на произвольныя послѣднія три кучки. При этомъ нужно имѣть въ памяти слова: *желаю, надѣюсь, исполнится*.

Въ первомъ ряду средняя изъ трехъ кучекъ у гадальщицъ названа головою, третья кучка—рукою, средняя со второй—сердцемъ. Въ третьей третья кучка — ногою въ походѣ. Эти кучки считаются главными, а потому и выбираютъ при загадываніи ту изъ нихъ, которая подходитъ ближе къ вопросу, такъ какъ:

- 1) *Голова* содержитъ отвѣты на вопросъ объ умѣ, способностяхъ и объ характерѣ.
- 2) *Рука*. Имѣніе, богатство, бѣдность.
- 3) *Сердце*. Печаль, радость, чувство, любовь.
- 4) *Нога въ походѣ* — путешествіе, дорога, письма, отъездъ, отправка.

Лишь только будетъ подходить вопросъ къ одной изъ четырехъ кучекъ, то посмотрите сколько будетъ въ ней зеренъ; если четъ, то неблагопріятное, а если нечетъ то—благопріятный выводъ. Причемъ нужно также освѣдомляться для соображенія съ первой кучкой, той же линіи или ряда, гдѣ видимъ отвѣтъ на вопросъ, потому что, если видимъ нечетъ въ вопрошаемой кучкѣ, то есть—благополучіе, а въ первой кучкѣ того же ряда—четъ, то значитъ будетъ препятствіе, но окончатся къ вашему благополучію.

Гаданіе ключемъ. Для такого гаданія берутъ какойнибудь ключъ, преимущественно старый, закладываютъ его бородкой

между листовъ переплетенной книги, которую при этомъ крѣпко завязываютъ. Понятно, что зацементированный ключъ долженъ держаться крѣпко между страницъ книги. Тогда за кольцо или душку ключа вѣшаютъ книгу на веревку къ потолку и загадываютъ, кто выйдетъ изъ числа предстоящихъ здѣсь дѣвушекъ замужъ. Если книга до сихъ поръ висѣла неподвижно, то она при чьей либо фамилии перевернется, что и служитъ знакомъ того, что та дѣвушка, при имени которой книга оказала движеніе будетъ замужемъ въ этомъ году.

Точно также иногда, конечно давно, узнавали виноватаго при выкликаніи имени подозрѣваемыхъ лицъ.

Гаданіе на священной книгѣ. Берутъ какую нибудь книгу, преимущественно духовнаго содержанія, и не раскрывая ее задаютъ себѣ цифру страницы, и строчку сверху или снизу наобумъ. Потомъ открываютъ эту страницу и читаютъ. То, что вычитается изъ опредѣленной незавѣдомо страницы и строчки служитъ отвѣтомъ на задуманный вопросъ. Если онъ будетъ отвѣтъ не прямой, то его растолковываютъ по своему.

Гаданіе на зеркалахъ. Гаданіе на зеркалахъ производятъ только самыя смѣлыя дѣвушки, которымъ болѣе осязательно и болѣе серьезно хочется ознакомиться съ своей будущностью. Гаданіе въ зеркаль, или наведеніе зеркаль, всегда сопряжено съ тишиною и молчаніемъ, а вывѣтъ съ тѣмъ съ безлюдностью, для чего избирается ночь.

Средствъ къ гаданію на зеркалахъ много, вотъ иѣкоторые:

а) Въ темномъ покоѣ ставятъ на столъ зеркало, а предъ нимъ зажженую свѣчу. Гадающая дѣвушка входитъ въ покой и смотритъ черезъ свѣчу въ зеркало, гдѣ и видитъ своего суженаго. Когда она скажетъ: „чуръ меня“ видѣніе исчезаетъ. Но этому вѣрить и нельзя, она скорѣе себя увидитъ, чѣмъ незнакомое лицо.

б) Въ Сибири ставятъ два зеркала одно противъ другаго; передъ однимъ дѣвушка ставитъ 2 свѣчи на столъ, а другое зеркало уставляетъ за собою, такимъ образомъ помѣстившись между двухъ зеркаль, очерчивается вокругъ себя зажженою лучинкою, которой былъ зажженъ огонь въ сочельникъ, глядитъ внимательно въ поставленное предъ собою зеркало.

Тутъ непременно покажется суженый, который будетъ гля-

дѣть чрезъ плечо дѣвушки. Нужно вовремя зачураться, а не оглядываться *)).

в) Гаданіе посредствомъ зеркала вѣроятно занесено къ намъ въ Россію, а не русское наше, какъ и многія изъ гаданій. Вечеромъ, берутъ два зеркала, если можно равной величины, и если можно большія, и устанавливаютъ одно противъ другаго, освѣщая ихъ при помощи двухъ свѣчъ съ того и другаго края. Лучше всего держать зеркало противъ освещеннаго стѣннаго зеркала и держать въ рукахъ такъ, чтобы изъ направленныхъ зеркалъ въ стѣнномъ образовался длинный корридоръ освещенный огнями. Разумѣется лучше всего, когда зеркала безукоризненно чисты и безъ пузырей и другихъ пороковъ. Когда зеркала будутъ уставлены одно противъ другаго и освѣщены двумя свѣчами одинаковой высоты, то гадающая особа должна удалить изъ комнаты кошекъ, собакъ, птицъ и постороннихъ лицъ, кромѣ развѣ одной или двухъ скромныхъ особъ интересующихся одинаково съ особой гадающей или для повадности. Со стороны этихъ послѣднихъ особъ однакоже требуется не смотрѣть въ зеркало, не подходить къ гадающему лицу и не разговаривать.

Особа сѣвшая гадать, должна смотрѣть въ зеркало пристально и неподвижно, направляя свой взоръ въ конецъ представившагося ей корридора, образовавшагося отъ двухъ зеркалъ, направленныхъ стеклами одно противъ другаго.

Время для этого гаданія опредѣлить нельзя, можно просидѣть далеко за полночь и ничего не увидать, можно вздремнуть и во снѣ видѣть многое; но вообще говорить, что зеркало предъ началомъ видѣнія тускнѣетъ, свѣчи также теряютъ свой первоначальный свѣтъ и вотъ тутъ то нужно обратить усиленное вниманіе, чтобы въ скорости увидѣть что нибудь.

Нѣкоторые говорятъ, что если сосредоточить на какую нибудь неподвижную точку все свое вниманіе, то проявляются у многихъ нервныхъ особъ признаки сна или забытья, во время котораго они теряютъ сознаніе, слухъ утрачивается на мгновеніе, даже самая мысль запутывается. Опыты эти каждый испытывалъ на себѣ, глядя въ безконечную даль. углубляясь

*) Изъ записокъ и замѣчаній о Сибири И 1838 г.

въ чтеніе книгъ; изъ послѣдняго повѣстно, что многіе не могутъ читать книги безъ того, чтобы не задремать. Не этотъ ли самый манускриптъ или искусственный первый сонъ дѣйствуетъ и на гадающую особу.

Отсюда понятно, что усиленное напряженіе нервовъ сосредоточивается въ мозгу, дѣйствуетъ на воображеніе и развиваетъ изъ фантазій разные образы, часто непредвидѣнные.

Къ этому гадающіе вообще способны нервныя, впечатлительныя особы съ воображеніемъ; но большія, истерическія, ипохондрики не должны браться за это дѣло, потому что испугъ отъ видѣннаго можетъ потрясти организацію.

Приведемъ одинъ случай, описанный покойнымъ профессоромъ Русской Исторіи Михайломъ Петровичемъ Погодинымъ, почерпнутый имъ изъ записокъ одной ему известной графини А. Д. Б., которая въ свою очередь получила этотъ рассказъ отъ Е. О.

Въ 1807 г. въ обществѣ подругъ Е. О. въ домѣ помѣщика, зашелъ разговоръ объ опасностяхъ и трудахъ близкихъ сердцу отсутствующихъ, бывшихъ въ арміи. Известій никакихъ въ деревнѣ. Между молодыми двушками зашла рѣчь о гаданіи въ зеркало; одны не вѣрили, другія сомнѣвались въ способѣ гаданія, а нѣкоторыя вѣрили и одна изъ подругъ обратилась къ хозяйской дочери, чтобы та погадала въ зеркалѣ.

„Посмотри-ка гдѣ теперь мой братъ, и что съ нимъ теперь? проспала подруга.

Хозяйская дочь уставяла зеркала и сѣла при известной обстановкѣ, прочія подруги расположились поодаль...

Долго молча сидѣла гадальщица и все было безплодно, такъ, что нѣкоторымъ это стало надоедать, какъ вдругъ заговорила:

— Вотъ, вотъ туманъ сходить со стекла, вотъ лѣсокъ. песчаный берегъ, рѣка, большая быстрая рѣка! Господи, сколько народу! Все войска... лагерь, солдаты, пушки, коня на обѣихъ берегахъ. Что это такъ суетятся у подошвы горы, на самомъ берегу? Кажется все штабные тутъ... А, отчалила лодка съ того берега, въ ней маленькаго роста генералъ сидитъ; вотъ плоть по срединѣ рѣки, другая лодка причалила, смотри!.. Е. О. подошла и стала за стуломъ подруги; посмотрѣла въ зеркало и увидѣла тоже самое. Вотъ и другой генералъ взошелъ на

плоть, онъ повернулся... Государь! вскричала хозяйская дочь и сама вскочила, пораженная удивленіемъ.

Это событіе было 13 іюня въ день Тильзитскаго свиданія двухъ императоровъ: Александра I и Наполеона I, о которомъ уже конечно никто не думалъ, не гадалъ, а тѣмъ болѣе эти молодыя дѣвушки.

Приглашеніе ужинать. Накрывъ столъ для суженаго, ставить два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, только не кладутъ вилки и ножей. Около полуночи дѣвушка, испытывающая свое будущее, садится за столъ одна, очерчивается и говоритъ: „*Суженый, ряженый приходи ко мнѣ ужинать.* Лишь только пробьетъ полночь, является женихъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ онъ долженъ быть при бракосочетаніи и садится за столъ.

На всякій случай берутъ съ собой пѣтуха для того, что если не поможетъ зачураніе и гость засидится, то надобно хорошенько давнуть пѣтуха, тогда онъ запоетъ и видѣніе исчезнетъ. Говорятъ, если призракъ, что либо вынетъ изъ кармана и положить на столъ, то стоитъ только зачурать и видѣніе пропадетъ, а оставленный предметъ останется во владѣніи дѣвушки.

Появленіе призрака или суженаго имѣетъ предварительные признаки: вой и свистъ вѣтра, стѣрныи запахъ, иногда смрадный.

Много разказовъ и суевѣрныхъ преданій существуетъ въ народѣ. Но суть дѣла — не болѣе, какъ вымыселъ. Скорѣе всего въ этомъ гаданіи видится свиданіе молодыхъ людей подъ покровомъ ночи, гдѣ мыслимы, не призракъ, а скорѣе всего настоящее мыслящее существо облеченное въ плотъ.

Гаданіе на полотенцѣ. Вывѣшиваютъ бѣлое полотенце изъ окошка на ночь со словами: „*суженый, ряженый приди и утрися.*“ Если вскорѣ затѣмъ полотенце будетъ выночено, то значить въ этотъ годъ быть дѣвушкѣ, которая вывѣсила его, замужемъ; а если къ утру. сниметъ его сухимъ, то не выдти въ томъ году.

Гаданіе у церковныхъ дверей. Это гаданіе принадлежитъ къ подслушванію и по своему характеру должно быть преслѣдуемо духовенствомъ, такъ какъ суевѣріемъ не должно осквернять храма Господа.

Дѣвушки ходятъ къ церковнымъ дверямъ и окнамъ и слушаютъ во время ночи, что имъ будетъ слышно. Если услышать погребальное пѣніе — то смерть той въ наступающемъ году, если свадебное пѣніе, то — быть замужемъ.

Гаданіе у бани. Нелѣпное, невѣжественное гаданіе было въ старину въ большомъ ходу; оно состояло въ томъ, что отворивъ неиную дверь бани, дѣвушки обмакали нѣкоторыя части, подходили къ двери поочередно и говорили подѣ прикрытіемъ сумрака ночи довольно несвойственную для дѣвушекъ и тѣмъ болѣе дѣвственницъ фразу, съ предложеніемъ доновому прикоснуться рукой къ обмазанной части тѣла. Если дѣвушка чувствовала руку мохнатую — то предполагался богатый женихъ въ этотъ годъ, а холодная голая рука — бѣднаго, шершавая — характернаго и пр.

Прочитавъ о такомъ безобразномъ гаданіи, можно и поспѣяться; но въ сущности можно задаться вопросомъ, кто былъ первый изобрѣтатель такого гаданія? почему такіе скабрзные обычай живутъ и до сихъ поръ на Руси? Неужели родители и родственники не прочь отъ позволенія гадать такими образомъ своимъ роднымъ дочкамъ, да притомъ у бань, которыя всегда бывають на краю деревни, гдѣ нибудь у рѣки, на краю жилья. Нельзя ли въ этотъ гаданіи подозрѣвать предлога къ тайному разврату?

Гаданіе у сарая. Ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свинья туши, и слушаютъ, что свинья хрюкнетъ или пошепчетъ.

Гаданіе на курицу и ямухъ. Связываютъ хвостами вѣсть пѣтуха и курицу и сажаютъ подѣ рѣшето и наблюдаютъ, которая изъ птицъ потанетъ за собой другую. Если пѣтуха, то для загадывающей особы нужъ будетъ ее держать въ рукахъ строго, если же курица потащитъ пѣтуха, то значитъ жена будетъ начальствовать надъ мужемъ.

Гаданіе на снахъ Къ святочнымъ гаданіямъ принадлежатъ также сновидѣнія на новый годъ или на свиткахъ, изъ которыхъ выводитъ предсказанія каждая загадывающая особа.

Мостикъ. Собравъ отъ вѣника прутиковъ, кладутъ ихъ сложенными въ родѣ мостика подѣ подушку. Та, которая кладетъ такой мостикъ, ложась спать, приговариваетъ: „*Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня*

через мостъ“. Суженый, если явится во снѣ и переведеть чрезъ мостъ, значить быть за мужемъ въ этомъ году.

Пресоль. Вдять передъ сномъ, что либо соленое или пересильная пищу. Ложась спать, говорятъ: „*Кто моя суженый, кто мой ряженый, тотъ пить мнѣ подаетъ.*“ Иногда просто берутъ наперстокъ воды и наперстокъ соли, смѣшиваютъ и пьютъ. Понятно, что можетъ и присниться что нибудь подобное во снѣ, потому что жажда будетъ преслѣдовать солено наѣвшагося спящаго.

Гребень. кладутъ подъ голову гребень и говорятъ: „*Суженый, ряженый, причеши мнѣ голову.*“

Силь. Ложатся навзничъ въ снѣгъ и по утру ходять смотрѣть: если снѣгъ остался по прежнему гладкимъ, то мужъ будущій будетъ смирень и спокоенъ, если же это мѣсто изсѣчено, то вздорный и драчливый.

Карта. На ночь кладутъ бубнового или другаго короля подъ изголовье и загадываютъ на суженаго—ряженаго, или на то лицо, которымъ дѣвушка увлечена, съ цѣлью узнать будущее или расположеніе друга.

Крещенское гаданіе.

(Легенда).

Гаданіе, о которомъ сейчасъ упомянемъ весьма неприличное и противно духу Христіанской религіи. Откуда оно возникло — неизвѣстно, но скорѣе всего удержалось со временъ язычества, когда существовало поклоненіе и злымъ и добрымъ богамъ *).

Въ то время, когда всѣ уйдуть или увдуть на водосватіе въ день Богоявленія Господня, дѣвушка беретъ вѣзникъ или лопату и начинаетъ мести комнату; каждый разъ, взяхнувъ на право, она произноситъ молитву, а взяхнувъ на лѣво при каждомъ разѣ поминаетъ ругательство съ именемъ нечистой силы. Послѣ того дѣлаетъ черту углемъ посрединѣ пола и становится на право, то есть на мѣсто отнесенное съ мо-

*) См. Талистоенниа Чары. Москва. 1876 г. гр. Калостро.

литвою. Это нетеніе происходит во время погруженія креста на Іорданъ. Неправда ли какой грѣховный предрассудокъ?

Ставъ на мѣсто дѣвушка говоритъ слѣдующее: *Суженыя — раженыя! явись передъ мной, какъ листъ передъ травой.*

Преданье говоритъ, что будто въ некоторый чертъ являлся въ видѣ будущаго жениха, лицомъ къ лицу, въ 12 часовъ дня и останавливался на той сторонѣ, которая была замечена съ призываніемъ его имени.

Мы слышали одно преданіе и, по поводу описанія этого гаданія, опишемъ его, хотя за вѣрность его ручаться нельзя.

Одна дѣвушка пожелала видѣть своего жениха, и женское любопытство не могло остановиться даже предъ опасностью, съ которою сопряжено призываніе нечистаго духа. Когда всѣ домашніе отправились на рѣку на водосвятіе, она вышесказаннымъ образомъ начала нести комнату вѣзникомъ направо и налево, то призывая ния черта, то творя молитву, замечая въ право. Послѣ чего, ставъ на правую сторону, она стала ждать прихода или появленія суженаго.

Чтоже?! дверь открывается, хотя она была ранѣе того заперта, входитъ молодой человекъ въ шинели, держа въ одной рукѣ красный платокъ, а въ другой шанку, и остановился.

Молодая дѣвушка, полюбившись на этого красавца съ полминуты, и вдругъ почувствовала какой то внутренней страхъ. вскричала: „чуръ меня!“ и упала безъ памяти.

Когда дѣвушка очнулась, то въ комнатѣ никого уже не было, и она оставалась все по прежнему одна; комната, какъ и до посѣщенія ея незнакомцемъ, была заперта, только красный платокъ, который былъ въ рукѣ незнакомца, очутился какъ то въ ея рукахъ. Дѣвушка, осмотрѣвъ всѣ окна и уголки въ комнатѣ и убѣдившись въ томъ, что действительно не было никакой возможности живому существу проникнуть въ комнату, тотчасъ позаботилась, тайно отъ родныхъ и домашнихъ, спрятать платокъ до поры до времени, а также затаяла отъ всѣхъ въ глубинѣ души чудесное происшествіе. Не прошло еще году, какъ къ ней сталъ свататься и просить у ея родителей руки красивый молодой человекъ, точь въ точь съ тѣми чертами лица, какого она видѣла въ день Богоявленія. Дѣвушка тотчасъ смѣкнула, что это ея суженый и что ей судьба опредѣлила быть его невѣстою.

Вотъ она и замужемъ. Прошло два года. Молодая женщина о платкѣ и не заикнется; живутъ счастливо...

Однажды, какъ то о сваткахъ, къ молодой четѣ собралось много гостей. Въ бесѣдѣ гости между прочимъ начали разные разговоры сваточнаго характера, разговоръ этотъ коснулся до вѣщихъ сновъ, привидѣній, домовыхъ и разныхъ гаданій. Поднялся споръ. Кто говорилъ, что ничего нѣтъ въ природѣ, и что все находится только въ одномъ нашемъ воображеніи, другія, особенно женщины, стояли въ пользу существованія чертовщины и гаданія, къ числу послѣднихъ принадлежала и молодая жена хозяина. Мужчины уступили женщинамъ и тутъ молодая хозяйка, вставъ изъ за стола, сказала всѣмъ присутствующимъ:

— Если вы, господа, такъ упорно стоите, что всѣ гаданья—пустяки, что въ мірѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, то я докажу противное.

— Хорошо, докажете, было общее желаніе мужчинъ.

Хозяйка скрылась въ свою спальню, вынула изъ комода или укладки завѣтный платокъ и вынесла его съ торжествующимъ видомъ. „Вотъ платокъ“ сказала она; „онъ заключаетъ въ себѣ много таинственнаго“. Потомъ подала его мужу и спросила: узнаетъ ли онъ этотъ платокъ?

Мужъ взялъ этотъ платокъ въ руки и, увидѣвъ на одномъ изъ угловъ его нѣтку своей фамиліи поблѣдѣвъ, и задрожалъ. Это былъ его любимый платокъ и сопряженное съ пропажей его событіе живо осталось до сихъ поръ въ памяти, хотя онъ еще никому объ немъ не рассказывалъ.

— Вотъ, господа, я расскажу вамъ исторію этого платка, который я считалъ потеряннымъ, началъ онъ: Два года тому назадъ, когда я былъ холостой и даже не рассчитывалъ жениться, отправился въ Крещенье на водосвятіе; народа было много и я, боясь тѣсноты, стоялъ на нѣствѣ, болѣе другихъ просторномъ. Вынувъ вотъ этотъ самый красный шелковый платокъ я сталъ имъ отирать заиндевѣвшіе усы; лишь только я отвелъ отъ лица платокъ, какъ откуда не возьмись черная собака, огромнаго роста, подбѣжавъ ко мнѣ, вырвала его и пропала, такъ что преслѣдовать ее было бы не мыслимо.

— Но какъ же къ вамъ попалъ этотъ платокъ? спросилъ кто то изъ гостей хозяйку.

— Вотъ въ томъ то, господи и дѣло? вперёдъ встрѣте и тому, что есть на свѣтѣ много чудеснаго, отвѣчала молодая женщина и рассказала исторію полученія платка изъ рукъ призрака, разувается, безъ утайки.

Всѣ подивились разсказу и уже не оспаривали болѣе.

Наконецъ наступила глухая полночь, гости разошлись и развѣхались по домамъ, пожелавъ хозяйкамъ провести пріятно остатокъ ночи.

Хозяева остались одни.

Въ странномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ хозяинъ. Лобъ его былъ наморщенный, брови сдвинуты, глаза сверкали.. Онъ былъ страшенъ даже для молодой супруги, которая такими видѣла его только первый разъ отъ рода.

Съ часъ онъ ходилъ по комнатамъ, наконецъ вышелъ куда то на мигнуту и, возвратясь, обратился къ своей женѣ съ таковыми словами:

Вотъ что, милая! я полюбилъ тебя, но не зналъ, что ты меня достала нечистой силой; мнѣ тебя не нужно; возьми свой платокъ, надѣнь его на себя и молись Богу.

Жена глядѣла на мужа робкими взорами, губы шевелились, словно хотѣли что вымолвить, но слова не слетали съ устъ.

— Довольно, будетъ! кайся предъ иконою Спасителя и умири. При этомъ мужъ показалъ ей заряженный пистолетъ.

Нечего говорить о томъ, что всѣ ея вопли, моленія были напрасны, мужъ застрѣлялъ се.

Правдивъ ли этотъ разсказъ, или выдумка—рѣшить трудно, потому, что нечѣмъ провѣрить факта. Во всякомъ случаѣ онъ представляетъ собою прекрасное нравоученіе для легкомысленныхъ молодыхъ людей, какъ вредно предаваться суевѣрію вообще, а христіанину въ особенности искать ложнымъ, явно противнымъ Религій путемъ, и чего же, знанія будущаго, то есть того, что отъ насъ и для пользы нашей сокрыто Богомъ, который только одинъ нарицается Всевѣдущимъ.

Святочные вертепы и звѣзды.

Мы уже упоминали о бумажной звѣздѣ, съ которой маленькіе мальчики ходятъ на Рождество славить Христа. Въ Сибири также ходили съ *вертепомъ*, о которомъ въ наше время мало, кто говоритъ. Это былъ ящикъ, двухъ ярусахъ; въ немъ представляли разными деревянными фигурами сцены, относящіяся къ Рождеству Христову: явленіе ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство во Египетъ. Въ верхнемъ ярусѣ вертепа представлялась смерть Ирода, а въ нижнемъ—пляски. При этомъ дѣлечекъ закигаль свѣчи, которыми освѣщалась внутренность вертепа, а трапезникъ гасилъ ихъ. У одного за плечами былъ кузовъ, у другаго въ рукахъ тарелка, въ которую клали деньги. Съ вертепомъ хаживали мальчики, иногда въ сопровожденіи гудошника или скрипача *).

Славленіе нашихъ царей.

Хотя въ Россіи не было западнаго праздника *путешествіе трехъ царей*, но со временъ царя Алексѣя Михайловича было введено ходить государямъ о Святкахъ *славить* даже къ своимъ подданнымъ.

Славленіе это начиналось съ полудня праздника слѣдующимъ образомъ: **) процессіи предшествуютъ двое чиновниковъ съ барабанами въ рукахъ и ударяютъ въ нихъ палочками обернутыми сукномъ. За ними слѣдуетъ царь со всѣмъ кляромъ и съ толпою князей и бояръ. Они ѣдутъ на саняхъ и похваляютъ знатнѣйшихъ придворныхъ вельможъ.

По вступленіи въ домъ къ кому либо, поютъ: „Тебѣ Бога хвалимъ“ и поздравляютъ съ „Новымъ Годомъ“. Потомъ хозяинъ подноситъ Царю подарокъ деньгами и угощаетъ его со свитою. Послѣ угощенія они отправляются къ другому вельможѣ.

*) Записки и замѣчанія о Сибири М. 1837 г. въ 8.

**) Русскіе престопаходные праздники. М. 1837 г. стр. 56.

Тоже говоритъ Броунъ въ своемъ путешествіи по Россіи въ 1649 году *).

„Московскіе Государя посѣщаютъ знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ и чужестранцевъ предъ праздникомъ Богоявленія. Въ такомъ случаѣ ихъ угощаютъ, и это называется *Славленіемъ*. Царь ходитъ, сопровождаемый князьями, боярами, и другими царедворцами. Эта церемонія началась съ 1702 г. января 3. Перваго Бранса царь Петръ I посѣтилъ въ 9 часовъ утра; съ нимъ проѣхало около 300 человекъ на саняхъ и верхомъ. Столы покрыты были различными лакомствами, сперва подавали холодныя, а потомъ горячія кушанья. Веселость была непринужденная и напитки лились щедрою рукой. Около 3 часовъ Его Величество со всѣмъ своимъ дворомъ отправился къ Лупсу, гдѣ было такое же угощеніе, потомъ въ другія, наконецъ вся его свита поѣхала отдыхать въ дома нарочно для этого построенныя.“

Изъ современныхъ записокъ видно, что наказываемы были тѣ кнутови, и батогами, которые уклонились отъ славленія. У Желябужскаго въ лѣтопись внесено, что Григорій Камынинъ, битъ плетью за то, что былъ записанъ въ славленіе, да не задалъ. **) При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на Руси о Рождествѣ Христовѣ давалось придворнымъ пѣвчимъ дача (жалованіе) подъ названіемъ *славленнаго*.

Петръ I съ 1 января 1700 г. установилъ праздновать новолѣтіе по европейскому обычаю, велѣлъ украшать дома зелеными вѣтками, освѣщать улицы и т. п. Но это былъ уже гражданскій праздникъ.

Нѣсколько словъ о Васильевомъ вечерѣ.

Васильевъ вечеръ, канунъ Нового года, слившійся вмѣстѣ со святками или каледою въ наше время, въ прежнее время именовался, то *богатыми вечеромъ*, то *Авсенемъ*, то *Овсенемъ*, то *Тавсеномъ*, то *Усеномъ*, то иногда, *Говсенемъ*, или *Бауцелемъ*, въ губерніяхъ Рязанской, Сибирской, Владимирской,

*) Bryn Corn. Travels into Moscow, Persia, and Eastin diens. London. 1737.

**) Лета. Петра I. томъ I. Издаи. 2. М. 1837 г.

Нижегородской и отчасти въ Пензенской, а въ некоторыхъ губерніяхъ *каледонъ* и *тауселемъ*, такъ какъ эти два праздника нынѣ безразлично сливаются въ одни святки.

Подъ влияніемъ христіанства, если народъ забывалъ своихъ главныхъ боговъ, то припоминалъ своихъ второстепенныхъ и и особенно тѣ имѣя физическіе, которые являлись предметомъ олицетворенныя явленія и силы естества или символы житейскихъ потребностей, сюда относятъ Авсена или Таусена, какъ божество. Если у насъ годъ начинался съ Марта, то помнятъ что Авсень было божество покровительствовавшее первымъ весеннимъ посѣвамъ, сравнивая съ нѣмъ слово *awsten*—посѣвъ, или съ словомъ *Avena* (лат.)—овесъ, съ слов. *Owzen*—овесъ. На какъ Петръ I измѣнилъ наше древнее счисленіе, и предписалъ считать начало года съ 1 января, то празднованіе Авсена перешло на Васильевъ вечеръ. Однакоже темныя преданія объ Авсень безсознательно сохранились въ народѣ, что можно заключить уже изъ того, что деревенскіе славильщики, ходя по избамъ своихъ односельчанъ съ пѣснями, при входѣ въ каждый домъ, бросаютъ на полъ по нѣскольку хлѣбныхъ зеренъ; и эти зерна собираются старухами и хозяйками дома и сберегаются до весенняго посѣва. Можетъ быть овсень происходитъ отъ выраженія „О веснѣ“.

М А С Л Я Н И Ц А.

(Сырная неделя).

По сказаніямъ церковныхъ историковъ въ эти дни безумствовали, то есть надѣвали на себя личины (маски), костюмы, причѣмъ переряжались мужчины въ женскіе костюмы, а женщины въ мужской нарядъ, иногда мужчины наряжались въ довольно странныя костюмы (пугалами), чтобы казаться страшнѣе и такая костюмировка (народный маскарадъ) служилъ на масленицѣ поводомъ къ самому веселому разгулу, неистовству и разврату, въ которомъ, къ стыду того времени, принимали участіе женщины. Таково начало карнавала существующаго и по нынѣ ото дня *трехъ* королей до Пепельной среды. Древніе азыческіе обряды сатурналіи облекались въ новыя формы;

изъ Италіи они перешли въ другія страны христіанскія, гдѣ были образцами для подражанія, и гдѣ сѣзшивались съ ними отечественныя обычаи.

Въ церковныхъ книгахъ Масляница называется *сырною медѣлюю*, подобно всей предшествующей седмицѣ, на которой въ среду и пятокъ ѣдятъ сыръ и яицы, въ отвращеніе преданія Яковитскою и Гетрадитскою ереси.

Въ Россіи Масляница начинается послѣ вселенской субботы, въ которую бываетъ память усопшихъ родственниковъ, между тѣмъ, какъ въ сырную медѣлю церковь наша воспоминаетъ изгнаніе Адама изъ рая, приготовляя Христіанъ къ Великому посту. Тогда народъ предается насляничнымъ удовольствіямъ, катаньямъ съ горъ на саняхъ, попойкамъ и пиршествамъ, а встарь предавались даже кулачнымъ потѣхамъ.

Во всю Масляницу пекутъ блины, пряженцы, оладьи. *) Въ народномъ быту насляница слыветъ честною, а по разгульности и раздолью широкою, такъ какъ русскій человекъ въ эти дни предается широкому разгулу.

Отъ этого то происходятъ поговорки; „*ме жистье а масляница*“, или *душа моя масляница, перепиленная косточки, бумажное жистье, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, красная краса, русая коса, тридцати братьевъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехъ матерей дочка, килочка, ясочка, ты же моя перенелочка*.

Иностранный писатель, какъ очевидецъ этого праздника за 200 лѣтъ назадъ, такъ изображаетъ наше русское празднованіе насляницы.

„Масляница потому такъ названа, что русскіи въ теченіи этой недѣли позволяютъ вкушать коровье масло; ибо они во время поста, вѣсто коровьяго употребляютъ конопляное въ кушаньяхъ. Масляница начинается за 8 дней до Великаго поста. Въ то самое время, когда бы всякой съ сердечнымъ раскаяніемъ долженъ былъ приготовляться къ созерцанію страданій Христовыхъ, въ то время сіи заблудшіе люди предають свою ду-

*) Оладьи, по замѣчанію пр. Снегирева не соответствуютъ ли прилетанію перелетныхъ птицъ—Жаворонковъ (*alaudae*) или оладьи не происходятъ ли отъ слова о Лада? См. Русс. прес. прад. 1837 г. М. стр. 118.

шу дьяволу. Во всю масленицу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, развратъ, игра и убійство, (взвратно кулачные бои), такъ, что ужасно слышать о томъ всякому Христианину. Въ то время пекутъ пирожки, калачи и тому подобное въ насль и на лицахъ; зазываютъ къ себѣ гостей и упиваются медомъ, виномъ и водкою до упаду и безчувственности. Во все время ничего болѣе не слышно, какъ: того то убилъ, того то бросилъ въ воду. Въ бытность мою у Русскихъ на этой недѣлѣ убитыхъ нашлось болѣе ста человекъ. Вышшій патриархъ (описание масленицы принадлежало къ 1698 г.) давно уже хотѣлъ уничтожить этотъ бѣсовскій праздникъ, но не успѣлъ; однакожъ онъ сократилъ время его на 8 дней, тогда, какъ прежде оный продолжался до 14 дней. Масленица напоминаетъ ннѣ Итальянскій карнаваль, который въ то же время и такимъ же образомъ отправляется. Славный папа Иннокентій XI хотѣлъ было его уничтожить; но подобно патриарху русскому успѣлъ только сократить его на 8 дней⁴⁴.

Такимъ образомъ изобразилъ иностранный писатель нашъ народный праздникъ съ одной только стороны, не упомянувъ о любимыхъ русскихъ забавахъ: о катаньѣ съ горъ на салазкахъ, лубкахъ, саняхъ и на берестѣ, на лыжахъ и проч.

Масличное пиршество можно раздѣлить на три части: 1) Встрѣча масленицы, это *понедѣльникъ*. 2) Разгулъ, или широкая масленица, то есть *четвергъ* и 3) Прощанье—*воскресеніе*.

Встарину, какъ праздникъ народный, масленица начиналась съ понедѣльника, а какъ праздникъ гражданскій—съ четверга. Нынѣ начало гражданской, свободной отъ дѣлъ масленицы начинается съ утра субботы.

Главную роль въ русской масленицѣ играютъ *блины*, которые добрыми хозяйками пекутся всю недѣлю; на блины зовутъ гостей и повсюду угощаютъ блинами. Какъ все народы пекли прѣсныя лепешки на угольяхъ, прежде, чѣмъ достигли званія приготавливать заквасное тѣсто, то по смыслу блины должны быть по слованъ проѣ. Свигирева—древнѣе хлѣба.

По обще принятому обычаю блинами поминали и поминаютъ усопшихъ. Въ Тамбовской и другихъ губерніяхъ первый блинъ испеченный на сырной недѣлѣ кладутъ на слуховое окошко, посвящая его для душъ родительскихъ.

Блины у русскаго народа служатъ какія то символы поминавенія усопшихъ пзстари. Въ книгахъ св. Писанія мы встрѣчаемъ, что царь Давидъ раздавалъ по случаю праздника при перенесеніи Кивота Завѣта по млину сковрадному *).

Въ Германіи также пекутся обварныя оладьи, крендели и тому подобныя хлѣбныя печенья.

Катадье на саняхъ вездѣ и повсюду послѣ мяснаго заговня начинается въ понедѣльникъ, хотя площадныя удовольствія открываются послѣ 12 часовъ по полудни въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ другихъ многолюдныхъ городахъ Россіи. Но преимущественно предаются такимъ экипажнымъ прогулкамъ съ четверга сырной недѣли.

Нынѣ прогулки производятся очень чинно, и безъ шуму, гдѣ позволяетъ мѣстность и гдѣ сосредоточена народная веселость; но прежде эта конная и экипажная ѣзда была сопряжена съ пѣснями и музыкой. Въ Петербургѣ, въ прежнее время, насладное гуляніе было устриваемо на Исакиевской площади. Тутъ были устриваемы и балаганы и ледяныя горы, и карусели, а по окраинамъ, или внѣ предѣловъ этой мѣстности, назначенной для удовольствія публики, такъ называемой *горлов* была установлена ѣзда въ экипажахъ, прогулка аракстократіи и вообще богатаго народа. Въ Москвѣ до конца XVIII вѣка катаніе о насладницѣ производилось на Москвѣ рѣкѣ и на Неглинной отъ Воскресенскихъ до Троицкихъ воротъ, гдѣ нынѣ разбитъ Александровскій садъ.

Конторнии въ „1473 году видѣлъ на Москвѣ рѣкѣ конныя ристанія и всякія увеселенія“ **).

При Петрѣ Великомъ Масляничныя потѣхи помѣщались близъ Красныхъ воротъ, гдѣ Петръ I самъ въ понедѣльникъ на Масляницѣ открывалъ масляничное торжество, покачавшись съ своимъ офицеромъ ***) на качеляхъ.

Торжественныя маскарады въ 1722 г. По заключенію Петровъ Великий Нейштатскаго мира въ 1722 году императоръ

*) Вероятно плывъ означалъ блины, который былъ печенъ на сковородѣ или сковородѣ. П. и. Царствъ. VI. 19.

***) Библиотечка иностр. писателей о Россіи 1886 г. Отд. I.

***) См. Старина Русская. Сиб. 1825 г.

дагъ въ Москвѣ знаменитый еще невиданный до того времени маскарадъ и саиное катаніе на 4-й день сырной недѣли.

Въ этотъ день началось движеніе большого поѣзда изъ села Всесвятскаго, гдѣ еще съ вечера собрано было множество морскихъ судовъ разной величины и вида, около сотни саней запряженныхъ разными звѣрями. По сдѣланному ракетой сигналу, сухопутный флотъ, напоминающій собою флотъ Олега, на полозьяхъ и саяхъ, потянулся длинною вереницею отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ Триумфальнымъ воротамъ *).

Шествіе открывалъ арлекинъ, вѣхавшій на большихъ саяхъ, въ которыя были впряжены пять лошадей гусемъ, украшенныхъ бубенчиками и побракушками. На другихъ саняхъ вѣхалъ князь-папа Зотовъ, облеченный въ длинную мантию изъ краснаго бархата подбитую горностаемъ, а въ ногахъ его возсадалъ Вахъ на бочкѣ; за нимъ свита, замыкаемая шутомъ, который сидѣлъ въ санкахъ, запряженныхъ четырьмя свиньями.

Потомъ началось шествіе самага флота, конигъ предводительствовалъ Нептунъ, сидѣвшій на колесницѣ съ трезубцемъ въ рукахъ, везомый двумя сиренами. Въ процессіи находился и князь-цезарь Ромодановскій въ царской мантии и княжеской коронѣ: онъ занималъ мѣсто въ большой лодкѣ везенной двумя живыми медвѣдями. Наконецъ появилась громада, 88 пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущеннаго въ воду въ мартѣ 1721 г. въ С.-Петербургѣ: онъ имѣлъ три мачты и полное корабельное вооруженіе даже до послѣдняго блока. На этомъ кораблѣ везенномъ шестнадцатью лошадьми сидѣлъ самъ государь Петръ I въ одеждѣ флотскаго капитана съ морскими генералами и офицерами и маневрировалъ на немъ, какъ на морѣ, во время шествія. За этимъ кораблемъ слѣдовала раззолоченная гондола Императрицы, которая была въ костюмѣ Остеризской крестьянки, а свита ея состояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ по арабски. **) За гондолою появились настоящіе члены маскарада, подъ именемъ *неумолимой обители*: они сидѣли въ широкихъ длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе драконовои головы и наряжены

*) Свѣрская Пчела 1833 г. № 123.

**) См. Свѣ. Пчела 1833 г. № 125.

были волками, журавлями, драконами, представляя въ лицахъ Езоповы басни и т. п.

Такое пестрое и чудное маскарадное шествіе чрезъ Тверскія ворота потянулось въ Кремль при пушечныхъ выстрѣлахъ, куда и достигло къ вечеру. На слѣдующій день и на третій день, и 2 февраля сборъ назначенъ былъ у воротъ построенныхъ тогда купечествомъ. Этотъ маскарадъ окончился великолѣпнымъ фейерверкомъ и пршествомъ. Въ продолженіи четырехъ дней московскаго карнавала; участвовавшіе въ немъ особы перемѣняли по нѣскольку разъ свои костюмы.

Нѣкоторые историческіе карнавалы. По свидѣтельству Штетлина, Императрица Анна Іоанновна собирала у себя на масляницѣ гвардейскихъ унтеръ офицеровъ съ ихъ женами, гдѣ они тѣшились пласками, тутъ же бывали и другія народныя забавы.

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ открылось катанье въ любимомъ ей селѣ Покровскомъ, прежнемъ Рубцовѣ: тамъ сама Государыня съ своими придворными каталась на лыжахъ и на саняхъ.

Екатерина II послѣ коронаціи своей въ Москвѣ, о масляницѣ, дала народу блистательный маскарадъ въ аллегорической процессіи на городскихъ улицахъ, который сочиненъ былъ актеромъ Волковымъ, подъ названіемъ Торжествующей Минервы.

Вѣроятно въ подражаніе Римскому карнавалу объ масляницѣ рѣдился въ маски и въ разные странныя и смѣшныя костюмы, которые составляли подвижной уличный маскарадъ и катались по улицамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и по сей часъ сохранился обычай о масляницѣ рѣдиться и развѣзжать по улицамъ.

Свадьба шута *). На площади между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ въ С.-Петербургѣ, въ 1739 г. былъ построенъ Ледяной домъ, въ которомъ даже дрова были изъ льда. Въ назначенный день къ крыльцу между ледянымъ домомъ и дворцомъ подъѣхала золотая десятистекольная карета, запряженная восемью неаполитанскими лошадьми украшенными золотой сбруей и страусовыми перьями на головахъ. Въ

*) Звѣст. изъ романа Давечникова „Ледяной домъ“

ней сѣдѣла Государыня Императрица Анна Іоанновна съ придворной дамой. Когда поѣздъ тронулся, 12 пѣшихъ гайдуковъ сопровождали лошадей по шести со стороны. Кучера сѣдѣвшіе на козлахъ, одѣты были въ ливрейныя шубы, украшенныя золотыми галунами, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ. Блестящіе пажи во французскихъ кафтанахъ и блондахъ, окружали карету государыни. Два араба въ золотыхъ шубахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. 12 сержантовъ въ гренадерскихъ мундирахъ и въ шляпахъ съ плюмажемъ охраняли карету верхами. Позади этой кареты слѣдовали нѣсколько другихъ съ великими князьями. Въ одной изъ нихъ сѣдѣла дочь Петра Великаго, Елисавета Петровна, будущая Императрица. Тутъ Анна Леопольдовна. Далѣе—карета Герцога Курляндскаго (ужаснаго Бирона) окруженная его собственными гусарами, скороходами, егерями и пажами. Рядомъ съ нѣмъ его жена, съ головы до ногъ залитая въ брилліанты, что оцѣнивали въ два милліона. Тамъ Ммихъ... и пр., а затѣмъ уже въ хвостѣ придворнаго кортежа ѣхали не придворные, а всѣ тѣ, которые почему либо могли участвовать въ поѣздѣ. Въ головѣ шествія рота гвардейцевъ: треугольныя шляпы солдатъ украшены еловыми и дубовыми вѣтвями, у офицеровъ—лаврами. Такъ ходили они, возвратившись изъ славнаго турецкаго похода.

Вотъ выступаетъ громадный слонъ въ теплыхъ котахъ. Возякъ съ молоткомъ сѣдѣтъ на хребтѣ. На спинѣ была помещена желѣзная кѣтка, въ которой сѣдѣли шутъ Кульковскій съ супругой барской барыней Подачкиной, оба сѣдя одинъ противъ другаго блистали чрезъ желѣзную рѣшетку кѣтки золотомъ и бархатомъ. Они ѣхали изъ церкви на обѣдъ, сопровождаемые оригинальною свитой.

За экипажемъ новобранныхъ ѣхали на оленяхъ Остакіи; за ними Новгородцы на парѣ козловъ, Малороссы на волахъ, Чухонцы на ослахъ, Татаринъ съ своей татаркою на откормленныхъ свиньяхъ, Финны на своихъ шведскихъ лошадяхъ, Камчадалы на собакахъ, Бѣлоруссы подъ войлокомъ колтуна, Зыряне, Ярославцы и проч. Всѣхъ до 150 самыхъ разнообразныхъ костюмовъ свидѣтельствовали о разнообразіи племенъ.

Картина была чудная и привлекла весь Петербургъ; она оживлялась звономъ бубенчиковъ, колокольчиковъ и криками животныхъ самаго разнообразнаго характера.

По волю Государыни поездъ сдѣлалъ два оборота по луговой линіи и потянулся къ манежу Бирона, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ для новобрачныхъ и гостей на 303 куверта. Гостей встрѣтили музыкой и посадили всѣхъ за столъ, причемъ каждому представителю націи было подано его національное кушанье.

Государыня съ блестящей свитой придворныхъ расположилась на возвышеніи. Днишь только всѣ расположились обѣдать, какъ Третьяковскій, Василій Кириловичъ, прочелъ во всеуслышаніе слѣдующіе стихи:

Торжествуйте вси Россійсти народы.

У насъ идутъ златые годы.

Воспримемъ съ радости полные стаканы,

Восплещемъ громко и руками,

Заскачемъ весело ногами

Мы, вѣрные граждане.

Извѣстъ ны днесь радость учрежденну,

Повсюду славно вознесенну:

Анна надъ Россією воскрылилась всею!

То-то есть прямая царица,

То-то добра Императрица!

Признаемъ: всей душею.

Послѣ обѣда начались пляски: каждая пара свою національную. Пиръ конченъ и новобрачные въ томъ же порядкѣ отправлены въ ледяной домъ, гдѣ ихъ и заперли до утра. Поездъ распущенъ и часовые стали караулить дверь ледянаго дома, дабы влюбленная чета не могла освободиться раньше.

Лубочныя комедіи и игрища. Народныя комедіи или „Камеди“ появились въ Россіи, а именно въ Москвѣ, съ XVIII вѣка. Иностранцы англары стали угощать русскій народъ разными фокусъ—покусами и разными немецкими масляничными играми. Такихъ образомъ, время отъ времени образовались масляничныя игрища. Здѣсь наряжались козой съ рогами, къ

которымъ привѣшивались бубенчики и это называлось „*Козу въ нѣшкѣ нирать*“. *Ману въ глаза пуцать* или морочить.

Еще лѣтъ семь назадъ такое игрище, или гулянье существовало въ Москвѣ подъ Новинскомъ, гдѣ урочище *Куконника*, напоминавшее Нѣмецкихъ фокусниковъ, которые, по словамъ проф. Снегирева, издавна показывая свои райки и штуки, приглашали смотреть словомъ „*Kucke*“, и гдѣ о Святой недѣлѣ кокались красными яннами.

Борьба и кулачный бой составляли издавна любимую народную потѣху, преимущественно на сырной недѣлѣ, чему между прочимъ, можетъ быть способствовали морозы и случай погрѣться: эти гимнастическія упражненія назывались *мирами*, или *игрищами*. Часто въ старину кулачными боями любовались Цари и Князья наши.

Олицетвореніе масляницы. Въ Переяславль Залѣсскомъ, въ Юрьевъ—Польскомъ, Владимірѣ и въ Вяткѣ, Масляницу возятъ по улицамъ; это шуточное изображеніе масляницы слѣдующее: Берутъ огромныя сани, въ которыя впрягаются 12 лошадей и въ этихъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ, держа въ одной рукѣ полштофъ съ впомомъ, и калачи. Его сопровождаютъ сидящіе съ нимъ музыканты, а затѣмъ поѣздъ масляницы сопровождаютъ съ пѣснями поѣзжане изъ обывателей.

Въ Симбирской губерніи Ардатовскаго, Алатырскаго, Курмышскаго и Кѣрсунскаго уѣздовъ, частію въ Пензенской губерніи, о масляницѣ оснащаютъ 8 или 10 дровней (подсанки), въ срединѣ дровней утверждается довольно толстое дерево, притомъ высокое въ видѣ мачты; на верхъ его вѣшается колесо, на которое садится какой нибудь деревенскій весельчакъ и представляетъ различныя штуки, свойственныя деревенскому мужику. Этотъ обрядъ называется *проводами Масляницы*. Обыкновенно эту сплоченную массу возятъ по всемъ закоулкамъ, причемъ, вмѣсто лошадей, запрягаютъ нѣсколько человекъ, разряженныхъ уродливо и безъ вкуса, которые также иногда изображаютъ лошадей. Въ это время предъ ними прыгаютъ и поютъ деревенскіе весельчаки.

Въ Архангельскѣ, подобно, какъ и въ Парижѣ, мясники возятъ по городу о сырной недѣлѣ быка на огромныхъ саняхъ,

которые запряжены несколькими десятками лошадей и связанных съ другими самими *).

Въ Нерехтѣ масляничныя увеселенія начинаются съ среды. Въ этотъ день изъ окрестностей призываютъ туда дѣвки въ праздничныхъ платьяхъ и набыланныя, особенно новобрачныя и катаются отдѣльно отъ мужчинъ до самаго вечера. Въ четвергъ и въ пятницу здѣшніе жители не катаются. Въ субботу сюда съѣзжается великое множество народа изъ окрестностей. Здѣсь, продавъ напряженную въ ту недѣлю пряжу, покупаютъ лакомства и гуляютъ по рынку до вечера.

Въ округѣ масляничныя потѣхи начинаются въ экономическихъ селеніяхъ со вторника, а въ помѣщичьихъ съ четверга, и катаются ежедневно, отъ одной деревни до другой, причемъ новобрачныя ѣздятъ въ гости къ сродникамъ, которые отдариваютъ ихъ миломъ.

Сожигагіе масляницы. Въ большихъ вотчинахъ, въ сырпунское воскресенье, собирается съездъ изъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, подъ названіемъ *обога*, который извѣстенъ въ Ярославлѣ подъ именемъ *Околка*, (можетъ быть сокращеніе) слова: „околотокъ“. При этомъ нѣкоторые ѣздятъ верхами, наряженные въ солоненныхъ колпакахъ и кафтаныхъ. Къ вечеру того дня, молодые люди обоого пола въ овоемъ селеніи на улицахъ поютъ пѣсни; послѣ того, каждый, взявъ со своего двора по снопу соломы, вивствъ сожигаютъ ее въ селеніи, а чаще за селеніемъ. Этотъ обрядъ, встрѣчающійся и въ другихъ нѣстахъ Россіи, называется: сожиганіе *соломенную мужика* или *масляницы*. Съ вѣроятностью можно заключить, что это обыкновеніе, существующее съ незапамятныхъ временъ есть остатокъ отъ языческихъ требъ и обрядовъ. Такой обрядъ существуетъ у нѣмецкихъ славянъ, которые въ 1 марта выносятъ изъ селенія солоненное чучело, въ образѣ смерти и сожигаютъ его, въ память усопшихъ, или бросаютъ въ воду, какъ Римляне въ нѣвъ бросали въ р. Тибръ тростниковыя болваны.

Въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и въ Польшѣ, въ этотъ день хаживали съ факелами на кладбища **), догадка

*) Записки Русскаго Путешественника. А. А. Глаголева. 4 ч. Свѣ. 1837 г.

***) Карамз. И. Г. Р. ч. I.

эта, по словамъ М. Я. Диева утверждается тѣмъ, что въ воскресенье сырной недѣли, которое по большой части приходится около 1 марта, до нинѣ ходятъ Нерехотскіе жители на кладбища прощаться и въ некоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ Силезіи и Польшѣ въ воспоминанье истребленія идоловъ 965 года, марта 7-го, въ воскресенье сырной недѣли бросаютъ въ рѣки и пруды чучеловъ изъ соломы.

Нинѣ это прививлось къ смерти, къ землѣ, къ масляницѣ.

Въ Восточной Пруссіи крестьянскіе ребята дѣлаютъ небольшую деревянную лошадь, которую наряжаютъ разноцвѣтными лентами и носятъ ее по домамъ, съ пѣснями и съ плясками, играя на скрипкѣ. Въ каждомъ домѣ даютъ нитъ, по два по три гарнца овца, который они послѣ ивѣляютъ на водку и пьютъ.

На другой день женщины ходятъ собирать лѣсъ или ромъ, которые назначаются для такого же употребленія.

Въ Сибирѣ, о масляницѣ случивалось нѣсколько саней огромнаго размѣра и устранивался на нихъ корабль съ парусами и снастями. Тутъ сажались и люди, и медвѣдь, и госпожа масляница, и разные паяцы. Все это шло масляницею; въ сани впрягали лошадей по 20 и возили ее по улицамъ. За этииъ поѣздомъ слѣдовали толпы ребятъ, съ пѣснями и разными прибаутками. Тамъ блины заиваются *жворостами* (родъ пирожнаго). Въ Пензенской и Сибирской губерніяхъ, въ субботу на масляницѣ, крестьянскіе ребята строятъ на рѣкѣ изъ снѣга родъ города съ башнями, и двумя воротами между которыми сдѣлана прорубь. Игра начинается такъ: Ребята раздѣляются, на двѣ партіи—на конницу и пѣхоту. Конница осаждаетъ городъ, а пѣхота защищаетъ его.

Устроясь въ боевой порядокъ, конные по данному знаку пускаются во всю прыть на взятіе городка, а пѣшіе, вооруженные помелами и метлами, стараются маханіемъ ислугать лошадей, чтобы не допустить къ городку. Но нѣкоторые изъ конныхъ, не взирая на сопротивленіе, прорываются сквозь пѣхоту и на всемъ скаку възвѣжаютъ въ ледяныиъ ворота, что и значить: *взяли городокъ*. Побѣдителя купаютъ въ проруби; послѣ чего угощаютъ виномъ всѣхъ рѣтборцевъ, отличившихся въ пѣхотѣ и конницѣ. Потомъ словамъ крѣпость,

возвращаются въ деревню, съ пѣснями. Этой игрой оканчивается наследница. Происхожденіе этого обычая приписываютъ какому нибудь извѣстному историческому событію *).

Въ городѣ Ярославлѣ, есть особое обыкновеніе на сырной недѣлѣ пѣть Коледу, которую обыкновенно распѣваютъ на свѣтлахъ. Съ четверга этой недѣли фабричные съ бубнами, балалайками, рожками и другими народными музыкальными инструментами, ходятъ по домамъ и, пришедши на дворъ, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и просятъ позволенія коледу пропѣть; получивъ позволеніе, поютъ:

Ужъ какъ шли ребята коледовщики.
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Коледовщики, все фабричники,
Виноградъ зеленая моя!

Этотъ припѣвъ поется послѣ каждаго стиха.

Мы искали двора господина своего;
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,

Стоять три терена.

Три терена златоверхіе;
Въ первомъ терему—красно солнышко,
Во второмъ терему—части звездочки;

Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Хозяюшка въ дому, госпожа въ высококъ
Молодыя двушки въ дому, что орѣшки во меду,
Виноградъ, красно зеленая моя.

Послѣ этого хозяинъ подноситъ нѣтъ вина и обдѣляетъ деньгами; коледовщики въ знакъ благодарности поютъ:

Благодарствуй хозяинъ на хлѣбѣ, на соли и на жаловань!
Виноградъ, виноградъ, краснозеленая моя!
Напоилъ, накормилъ, со двора спустилъ.
Виноградъ, краснозеленая моя!

*) Изъ записокъ дѣвочки Кашадиной.

Въ Сольвычегодскѣ, на Масляницѣ, сваренное въ складчину пиво вывѣтъ распивается, и этотъ обычай, варить пиво въ складчину, называется *бражкой*.

Въ Костромской губерніи тоже варятъ пиво цѣлою деревней и принимаютъ общее участіе, какъ въ вареніи его, такъ и въ употребленіи.

У *пермяковъ*, на Масляницу, каждый хозяинъ варитъ брагу, пиво, а зажиточные покупаютъ и вино. Потомъ, начиная съ сырнаго понедѣльника, ежедневно пекутъ блины, оладьи сырныя (творожныя); а нѣкоторые и рыбные пироги, аишники, соляники и варятъ уху.

Мужчины и бабы ходятъ изъ дома въ домъ, ѣздятъ изъ деревни въ деревню къ роднымъ и знакомымъ на угощеніе.

Дѣвки и парни по вечерамъ собираются въ одинъ домъ и пляшутъ цѣлыя ночи; а днемъ, начиная со среды, вывѣтъ съ малолѣтними съ раннего утра до поздняго вечера катаются съ ледяныхъ горъ *).

Прощеное воскресенье. Сцены русской масляницы заключаются провожаніемъ ея и прощаніемъ. „На Масляницѣ“, пишетъ очевидецъ Маржеретъ въ началѣ XVII столѣтія, — „русскіе по-„свѣщаютъ другъ друга, цѣлуются, прощаются, ирятся, если „оскорбили другъ друга въ чемъ либо въ продолженіи года „словомъ или дѣломъ, встрѣтятся даже на улицѣ, и хотя бы „никогда прежде не видались, привѣтствуютъ другъ друга „взаннымъ поцѣлуемъ. „Прости меня пожалуй“ говоритъ „одинъ; „Богъ тебя проститъ!“ отвѣчаетъ другой. При этомъ „нужно замѣтить, что не только мужчины, но и женщины счи-„таютъ поцѣлуй знакомъ привѣтствія, когда готовятся въ путь „или встрѣтятся послѣ долговременной разлуки. По окончаніи „масляницы всѣ идутъ въ баню“.

Обыкновеніе это существуетъ и по нынѣ, слишкомъ два вѣка спустя послѣ Маржерета, и соблюдается между родными и знакомыми. У нѣкоторыхъ старинныхъ людей существуетъ обычай посвѣщать въ прощенное воскресенье, или воскресенье на Масляницѣ, ногамъ родственниковъ и прощаться съ ними. А въ Нерехтѣ также — къ священникамъ и своимъ духовни-

*) Перискій Сборникъ. 1860 г. книжка II.

камъ, въ этотъ день новобрачные къ родственникамъ возятъ пряники, а молодыя новобрачными большія косяки мыла. И въ прежнее время запрещалось вечеромъ этого послѣдняго дня разводитъ огни и зажигать свѣчи.

Мысль, прощаться предъ началомъ Великаго поста, какъ дней общаго покаянія, какъ дней очищенія грѣховъ и раскаянія — похвальна. Очистивъ свою совѣсть, примирясь съ братомъ, и тѣло свое, мы готовы тогда съ раскаяніемъ въ сердцѣ приступить къ Богу и съ молитвою на устахъ просить отпущенія во грѣхахъ нашихъ, чего безъ примиренія съ людьми невозможно получить отъ Бога, такъ какъ Богъ есть вѣчная святая любовь.

Периодическія женщины и дѣвицы въ *соборное или сборное воскресенье* служатъ по церквамъ молебны.

Заключеніе о Масляницѣ.

Въ этомъ послѣднемъ зимнемъ праздникѣ, оканчивающемъ зиму, виднѣтъ сѣбѣ стихіи языческой и христіанской, обычаевъ стараго съ новымъ, иностранныхъ съ русскимъ. Такъ напримѣръ, олицетвореніе Масляницы въ видѣ мужика, соломеннаго чучела, или деревяннаго истукана, скоморошскія игры, коледа, сожженіе чучель, бросаніе ихъ въ воду, принадлежитъ къ обрядамъ языческимъ. Между тѣмъ какъ прощаніе съ людьми наканунѣ Великаго поста, хожденіе прощаться на кладбища прощаться съ покойниками, принадлежитъ новымъ обычаямъ миролюбиваго Христіанства. Впрочемъ, сожженіе чучель и бросаніе ихъ въ воду также приписываютъ началу христіанства, какъ воспоминанію вѣчнаго торжества Христіанства надъ язычествомъ.

Въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ хлѣбныя яства, оставшіяся съ масляницы на чистый поведѣльничекъ, считаются *лопальными*. Точно также это мнѣніе существуетъ и нынѣ между старовѣрами и простымъ народомъ, живущимъ подъ вліяніемъ старинныхъ обычаевъ. Самый бѣдный брезгаетъ кускомъ хлѣба, оставшимся отъ масляницы, и бросаетъ его или отдаетъ домашнимъ животнымъ, а также изымаетъ посуду, лудитъ, или тщательно промываетъ и даже освящаетъ покой по-

средствомъ священника. Въ юговосточной Россіи, въ приволжскомъ краѣ — обыкновенно всѣ остатки масляничной сѣды отдають бѣднымъ кочевымъ калмыкамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, на первой недѣлѣ, у мужчинъ есть обычай *полоскать ротъ*, то есть опохиваться, а въ субботу первой недѣли Великаго поста печь блины, конечно постные, что называется у нихъ „*тужилкой о Масляницѣ*“. Этотъ обычай существуетъ и по сіе время не только въ отдаленныхъ провинціяхъ, но даже въ обѣихъ столицахъ Россіи между купцовъ и мѣщанъ, а особенно хорошо этотъ обычай оживляется въ Ростовской ярмаркѣ.

ВЕРБНАЯ НЕДѢЛЯ.

Вербная недѣля, или недѣля Вайи, у насъ оживляется чисто праздникомъ начала весны; верба или ветла, не давшая еще листьевъ цвѣтеть, и тѣмъ какъ бы заявляетъ, что наша сѣверная природа скоро наградитъ насъ и все живущее на землѣ новыми благами. Самый праздникъ Воскресеніе Лазаря служитъ символомъ возобновленія, оживленія могущественной природы. На вербной недѣлѣ въ столицахъ учреждены дѣтскіе базары, гдѣ торгуютъ преимущественно дѣтскими игрушками, вербами, цвѣтами и сладостями, какъ бы въ ознаменованіе того, что маленькія дѣти, встрѣтили весну своей жизни и должны радоваться въ этой жизни, а смотря на игрушку изучать на ней суть своего будущаго, такъ какъ каждая игрушка есть наглядная грамота, наглядное ученіе, развивающая дальнѣйшее пониманіе въ ребенкѣ, сближающее его съ жизнью и развивающее его мыслительность чрезъ наглядность, сравненіе дѣйствія и образовъ. Въ Лазареву субботу всѣ допускаютъ употребленіе въ пищу икры, постныхъ блиновъ и разнаго кухоннаго печенія *).

Въ Вербное Воскресенье, возвратясь изъ церкви съ освященными прутьями вербы, деревенскія бабы хлещутъ ими своихъ ребятъ, приговаривая: „*верба хлестъ, бей до слезъ!*“ Въ Не-

*) Здѣсь вѣра не есть ли символъ будущаго оживленія природы, которая теперь въ зародкѣхъ, во плодахъ котораго пользоваться суждено всему живущему на землѣ?

рехтъ крестьянки пекутъ барашки въ Вербное воскресенье и, когда придутъ изъ церкви, то этии барашками кормятъ скотину, а вербу втыкаютъ въ селѣшкѣ у св. Иконъ и берегутъ ее круглый годъ до Георгіева дня. Это обыкновеніе сохраняется во многихъ губерніяхъ. Известно, что у насъ первый весенній выгонъ скота начинается съ Георгіева дня. Крестьяне въ этотъ день берутъ годовалую вербу, мочатъ въ святой водѣ, окропляютъ ею скоть на дворѣ и потомъ этою вербою хлещутъ скотину, приговаривая: „Господь благослови и здоровьешъ награди!“ А иногда просто: „благослови тебя Господи и будь здорова“... и съ вербою въ рукахъ доводятъ до ивста пастбища.

Освященная верба у насъ въ Россіи, тоже что пальмовая вѣтвь Палестины, уважается высоко и обыкновенно сохраняется у русскаго благочестиваго народа за образини въ теченіи цѣлаго года. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вербу освященную въ Вербное Воскресенье употребляютъ, какъ симпатическое средство, и кладутъ въ пойло больнымъ коровамъ или телятамъ.

ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРГЪ.

Не говоря про святость дня и великость событія въ христіанскомъ мірѣ, воспоминаніе о которомъ свято и торжественно соблюдается у насъ въ Россіи, нѣкоторые обычаи существуютъ и понынѣ, начало которыхъ потеряно. Такъ напримѣръ: въ Бузѣ, уздномъ городѣ Костромской губерніи, по слов. проф. Снегирева, и до сихъ поръ дѣвушки въ Великій четвертокъ кликаютъ весну и, ежели открылась вода, входятъ въ рѣку и, одна за другою, схватясь за руки, припѣваютъ: „весна, весна красна, приди весна съ милостью, великою благостью“.

У Пермьковъ *) Великій четвертокъ — считается великимъ днемъ обновленія на предстоящій годъ всего крестьянскаго хозяйства. Наканунѣ этого дня, повечеру, приносятъ въ избу въ рѣшетѣ зерновой хлѣбъ, и, положивъ на него челпанъ печенаго хлѣба и въ солонкѣ соль, ставятъ рѣшето въ передній уголъ—подъ иконы на лавку. Помолившись Богу, домохозяева,

*) Пермскій сборникъ. 1880 г. Книга II.

все это оставляютъ въ углу до перваго дня пасхи, иногда даже до прихода священно и церковнослужителей съ образомъ Богоматери. Всѣ эти предметы: — зерновой хлѣбъ, чеданъ и соль имѣютъ свой многозначительный тайный смыслъ. Зерновой хлѣбъ употребляется, какъ символическое средство, концы предотвращается недостатокъ въ хлѣбѣ; для этого хозяинъ высыпаетъ его въ закрома. Печеный хлѣбъ даютъ скоту, выпуская его весной въ первый разъ на пастбище, въ отвращеніе пропажи скота. Соль даютъ скоту, въ болѣзняхъ, какъ действительное лекарство; для этого же и для избавленія разныхъ несчастій, мужики берутъ ее съ собой, отправляясь въ дальнюю дорогу на заработки. Эта соль у нихъ называется „четверезскою“ (четверговою).

По утру въ Великій четвертокъ всѣ въ домѣ встаютъ задолго до восхода солнца, какъ говорится „до пѣтуховъ“. Хозяйка въ дынное окно „кличетъ скота“ во дворъ, свойственной каждой породѣ кличкой *) до тѣхъ поръ, пока какое нибудь животное случайно не подастъ своего голоса, пока, напримѣръ, корова не смычитъ, лошадь не соржетъ и пр., что принимается за вѣрный признакъ, что въ наступающемъ году не падеть ни одно животное той породы; потомъ идетъ она на дворъ, и обогнавъ кругомъ столба коровъ, въ предотвращеніе спанья ихъ на паствѣ, кормитъ и поитъ, далѣе — всѣмъ на передній уголъ дома голыкъ и худой лапоть для защиты циплятъ отъ коршуна и другихъ хищныхъ птицъ въ продолженіи лѣта: наконецъ, окончивъ эти дѣла на дворѣ и въ избѣ, топить печь и печетъ хлѣбъ, чтобы не выводился онъ изъ закромовъ (сусековъ) въ теченіи года. Хозяинъ въ тоже время считаетъ деньги, осматриваетъ, передвигаетъ, переставляетъ съ мѣста на мѣсто всѣ хозяйственные орудія; дѣлаетъ на рѣкѣ новую прорубь, чиститъ скребицей рабочихъ лошадей, кормитъ и поитъ ихъ; если онъ охотникъ, то стрѣляетъ изъ ружья три раза въ воздухъ. Исполнивъ все это, хозяинъ успокоивается увѣренностью, что у него въ теченіи года и деньги будутъ

*) Клички эти очень замѣчательны: коровѣ — тирова, тирова. Теляткѣ — тирута, тирута. Лошадѣ — тиро-тиро! Жеребенку — чибу-чibu. Овецъ — баль, баль! Ягнзку — вась, вась. Козѣ — деденіа! Свиный — рмъхъ, рмъхъ! Поросенку — вихъ, вихъ!

водиться и орудія сохраняются отъ поломки и потери, в лошади будутъ крѣпки, не падутъ, и охота будетъ удачна. Между тѣмъ малолѣтніе парни и дѣвки, а если ихъ нѣтъ, то сами хозяева, ходятъ въ лѣсъ за вересомъ (можжевельникомъ) за татарникомъ, который подиѣчается для того съ осени, и за пихтой. Верескъ жгутъ въ печи и привязываютъ къ столбу близь печи; кромѣ того, вмѣстѣ съ татарникомъ подтыкаютъ подъ матицу надъзбныя и свинныя двери; изъ пихты дѣлаютъ помело. Вересъ и татарникъ имѣютъ силу защищать домъ отъ вліанія колдуновъ; новое пихтовое помело обновляетъ печь и защищаетъ ее отъ разрушенія. Дѣвки—невесты, въ то же время, подстригаютъ себѣ волосы в съ небольшимъ пучкомъ соломы, либо худаго неотрепаннаго льна, ходятъ въ отхожую избу или баню, гдѣ побывъ немного, выходятъ на улицу, жгутъ солому или ленъ и скачутъ черезъ пламя; первое—дѣвки дѣлаютъ въ убѣжденіи, что оттого у нихъ будутъ длиннѣе волосы, а второе, чтобы пріобрѣсть любовь будущихъ мужей своихъ. Прочіе взрослые семьяне посвящаютъ поутру нѣсколько минутъ сподручнымъ работамъ: мужчины плетутъ лапти, веревки, завертки, тешутъ топорница и проч., женщины прядутъ, шьютъ—а все это съ тою цѣлью, чтобы быть, въ теченіи года и заслужить у таинственныхъ силъ природы возможность и охоту заниматься этии работами. Наконецъ, старшіе семьяне не смотря на раннее утро, ходятъ изъ дома въ домъ бражничать, чтобы—какъ говорятъ они, имѣть брагу въ теченіи года и жить въ довольствѣ и весело. Въ Ярославской, Московской губ., въ Великій четвергъ замѣшиваютъ соль на квасной гущѣ и бросаютъ въ печь послѣ затопя. Эту соль потомъ употребляютъ въ пищу и также даютъ скоту въ поилѣ для здоровья.

П А С Х А.

(Святая недѣля).

Святая Пасха празднуется самымъ торжественнымъ образомъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Въ обѣихъ столпцахъ Россіи на всѣ дни недѣли, начиная съ понедѣльника, для простаго народа устраиваются качели, карусели, балаганы, гдѣ

представляютъ комедіанты и также другія зрѣлища. Прочее населеніе столицъ дѣлаетъ поздравительные визиты роднымъ и знакомымъ и катаются въ экипажахъ. Каждый городъ, или село оглашается колокольнымъ звономъ до вечерень, гдѣ позволено упражняться всѣмъ желающимъ.

Яице отъ перваго христосованія считается „наисвященнѣйшимъ“ и его сохраняютъ цѣлый годъ до новаго христосованія. Простой народъ убѣжденъ, что съ этимъ яицомъ въ первый день праздника во время заутрени можно узнать колдуна, который покажется спиною къ алтарю.

Солнце играетъ. Крестьяне вѣрятъ, что въ Святлое Воскресеніе *солнце играетъ* на небѣ. Такое же точно убѣжденіе существуетъ у простаго народа Ирландіи и многіе стараются подкараулить тотъ моментъ, когда оно играетъ.

Въ деревняхъ, во время Пасхи занимаютъ всевозможными играми, преимущественно мужчины бьются красными яицами, катаютъ ихъ съ каточковъ; дѣвушки и молодые парни качаются на качеляхъ, водятъ хоробы и пр. Финны, подобно русскимъ, тоже устриваютъ качели и водятъ хоробы, въ которыхъ въ старину принимали участіе даже старухи.

Въ Финляндіи, о Святой, подобно нашимъ куличу и пасхѣ, пекутъ прѣсныя лепешки называемыя мемми (*mämmi*).

Сатана въ аду. Во всей Россіи простой народъ убѣжденъ, что до самаго Вознесенія Христова сатана въ аду лежитъ ничья, не шелохнется, а Христось ходитъ по землѣ.

Великодеммья пѣсни. Въ Малороссіи и Бѣлороссіи *) о Святой недѣлѣ поютъ, такъ называемыя *великодеммья пѣсни* сопровождаемыя музыкою, ходя по домамъ ночью ватагою, которая называется—волочевникъ; тотъ кто управляетъ ихъ хоромъ и руководитъ, наз. *починальникомъ*. Обыкновенно первая пѣсня обращается къ хозяину и хозяйкѣ; въ ней прославляется благоразумное домостройство, то-есть домашнее благоустройство, зажиточность, порядокъ въ домѣ и благочестіе, причѣмъ упоминаютъ, что *св. Юрій* (Георгій) запасаетъ имъ коровъ, *св. Николай*—коней, *св. Илья* закиваетъ живню, *Пречистая Мать* (Успеніе)—засѣваетъ, а *Покровъ* собираетъ

*) Исторія Малороссіи Д. Н. Багичъ Канцелярскаго. Ч. 2, Москва. 1830 г.

и т. д. и послѣ всякой строфы припѣваютъ „Христосъ Воскресе“.

Смыслъ вышеозначеннаго содержанія пѣсни имѣетъ глубокое значеніе въ отношеніи сельскаго хозяйства. Здѣсь подразумѣвается въ хорошо веденномъ хозяйствѣ своевременное рѣшеніе хозяйственныхъ задачъ, которыя нашъ русскій народъ совершаетъ, согласуясь съ праздниками, вѣдряя свои полевые работы и вообще хозяйство покровительству святыхъ; хотя на самомъ дѣлѣ, здѣсь дѣло хозяйства сопряжено со временемъ года.

Кости теленка. Въ Бѣлоруссіи, какъ и въ Болгаріи, зарываютъ въ землю кости теленка, освященнаго на Пасху въ томъ убѣжденіи, что онѣ предохраняютъ засѣянный хлѣбъ отъ града.

Какъ встрѣчаютъ Пасху въ Перми. Тамъ Пасха отличается отъ прочихъ воскресныхъ дней только тѣмъ, что въ первый день по утру часовъ въ 8 или 9 утра разговляются яельмелами. Со втораго дня начинаютъ работать. Въ церковь ходятъ не многіе *).

Красная Горка. Слово: Красная Горка извѣстно по всей Россіи и знаменуетъ въ обществѣ своею значеніемъ весну съ ея краснымъ солнышкомъ, съ ея Пасхой красною, съ весною красною, то-есть красивою, веселою, оживленною благопріятнымъ воздухомъ, водами получившими свободу и сбросившими ледяныя оковы. Можно также производить значеніе *Красной Горки* отъ мѣстъ сельскихъ гуляній во время Св. Пасхи, когда обыкновенно разливаются рѣки отъ снѣговъ и заливаютъ низменности, причѣмъ остаются только однѣ возвышенныя мѣста, гористыя или горки, гдѣ о Пасхѣ обыкновенно устраиваютъ гулянья. Въ Смоленской г. Красная Горка называется *Толмищемъ* и напоминаетъ славянское *Стадо*. Въ однихъ краяхъ *Красною Горкою* называется гулянье на Св. недѣлѣ, въ другихъ—Юрьевъ день; но вездѣ, *Красною Горкою* называется весеннее время удобное для свадебъ; отъ Фомина понедѣльника до Георгіева или Юрьева два, какъ время половодія, время свободы, время въ которое земледѣльческой трудъ не

*) Пермскій сборникъ. 1860 г. Книг. II. Москва, стр. 28.

начинался, а только къ нему приступаютъ. Обыкновенно въ это время молодежь вся въ сборъ, никто не уходилъ на заработки, на сторону изъ числа тѣхъ, кто занимается промышленн или работами фабричными, плотницкими или рѣчными; между тѣмъ каждый крестьянинъ—семьянинъ желаетъ имѣть работницу въ домъ — и если имѣетъ не женатаго сына, то старается въ это свободное время окружить молодца.

Закликаніе весны начинается на Красной Горкѣ, какъ въ первый осенній праздникъ, съ котораго по большей части начинаютъ играть въ *юрльки*. А когда станутъ распускаться листья, то начинаютъ *водить хороводы*.

РАДОНИЦА.

Во многихъ славянскихъ и германскихъ земляхъ до сихъ поръ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, Лаулицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, во время язычества народъ хаживалъ на кладбища 1 Марта, въ часъ разсвѣта и тамъ приносилъ жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, которыя въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *булами* и *бувицами*, до нынѣ въ святки дѣлаютъ гаданія.

Празднованіе *семика* приходилось въ тотъ же день, когда по прежнему обычаю погребали умершихъ и поминали убогихъ на скудельницахъ или убогихъ домахъ.

„Въ Троицкую субботу“, какъ видно изъ Стоглава „сходились мужи и жены на жальники“) то-есть на кладбища, и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ и, когда стануть играть скоморохи гудошники, то они перестанутъ плакать, и начнутъ скакать, плясать и въ ладони бить на тѣхъ жальникахъ“.

Съ исключеніемъ послѣднаго, подобный обрядъ соблюдается и до нынѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ старинные обряды предъ наступленіемъ Великаго Поста въ Мертвое воскресеніе *изгнаніе злыи* или *смерти*, кои встрѣчаются у славянскихъ и германскихъ народовъ, а въ Польшѣ извѣстенъ подъ именемъ *Моржаны*.

*) Отъ глагола жалѣть, жалѣ.

Въ это же время франки совершали подобное же торжество въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими представле-ніями и пѣснопѣніями.

Радолицу справляютъ въ Россіи во вторникъ Оминной не-дѣли, какъ у Бѣлоруссовъ такъ и у Великоруссовъ. Въ Ря-занской губерніи она называется *масков* и *кавій день*, — что сходно съ литовскимъ словомъ *pavie* — мертвецъ, такъ какъ въ этотъ день собираются на кладбище поминать умершихъ.

Мѣстомъ заупокойнаго пира у Литовцевъ было или самое кладбище или домъ близъ него.

Въ Россіи, въ радолицу приносятъ на кладбище лепешекъ, пироговъ, крашенныхъ яицъ, вина, и поминаютъ покойниковъ. Простыя женщины *причитаютъ* и плачутъ. Потомъ, оставивъ на могилѣ въ половину очищенныхъ два, три красныхъ яйца и пирога кусокъ, или другаго чего нибудь на долю покойника, уходятъ. Класть яйца на могилу было въ обычаѣ Римлянъ, у которыхъ было глубокое уваженіе къ памяти усопшихъ.

Сербская *Zadusnice* (Задушница) вполне соответствуетъ на-шей радолицѣ.

Въ Малороссіи радолица (гробки) сопровождается причита-ніемъ на могилкахъ, потомъ пиршествомъ и катаніемъ яицъ; въ заключеніе на могилку льютъ водку или вино изъ рюмокъ. Тамъ радолица называется „*гробками*“ и это могильное тор-жество происходитъ съ утра понедѣльника до вечера среды. Катанье яицъ тамъ происходитъ до самаго Юрьева дня.

Въ Галицкихъ мѣстностяхъ и въ Тверской губерніи въ О-минну недѣлю, называемую Радолицамп, гуляетъ народъ послѣ полуночи и до свѣта, распѣвая подъ окнами: „Юница, моло-дича, подай яйцо въ перепечу!“

Тогда подаютъ парнямъ вино, пиво, ладышки, а дѣвкамъ пря-никъ и красныя яйца. Этотъ Юнецъ или Вьюнецъ упоминается въ 25 вопросѣ Стоглава: „и на Радолицѣ Вьюнецъ, и всяко въ нихъ бѣсованіе“.

Присутствовавшіе въ Радолицы на могилахъ скоморохи при появленіи, происходятъ отъ скоморовъ или скомаховъ народа хищническаго и бродяжническаго, жившаго на нижнемъ Дунаѣ въ V и VI вѣкѣ, по мнѣнію Шаффарика. Вѣроятно скоморохи были болѣе ничего, какъ бездомовые бродяги, въ родѣ нашихъ

цыганъ, бродили изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, гдѣ поплясать, гдѣ поизтъ, гдѣ украсть, отъ чего и получили такое незавидное названіе.

Радоница, Радунца, въ посадѣ Парасеновъ, въ волостяхъ Ширской, Петрусовской, Салтановской наз. *Усошная Радоница*.

По утру, подобно русскимъ, перячки хозяйки красятъ янца въ радоницу, называемую у нихъ радольницей. Тутъ же пекутъ пироги съ рыбой, блины, солянки, оладьи, разныя мяса и проч. Отъ обѣдовъ по праздничному, часть всего приготовленнаго они приносятъ въ церковь, гдѣ служатъ панихиды, и обѣдин по умершимъ родителямъ и близкимъ родственникамъ; потомъ возвращаются домой. Въ этотъ день въ церковь ходятъ далеко не изъ всѣхъ домовъ и только особенно набожныя и зажиточныя. Принесенныя въ церковь явствы поступаютъ: лучшія церковнослужителямъ, а прочія—нищимъ. Кромѣ поминокъ у перяковъ радольница ничемъ не отличается отъ обыкновеннаго рабочаго дня *).

Въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздахъ, Костромской губерніи Радованицами наз. Ѣмивно Воскресеніе. Въ этотъ день окликаютъ молодыхъ новобрачныхъ слѣдующей пѣсней:

О Лелю молодая, о Лелю,
Ты вьюная, о Лелю,
Ты по горницъ пройди, о Лелю,
Покажи свое лицо, о Лелю,
Да въ окошечко, о Лелю,
Своево-то вьюнца, о Лелю,
Да пожалуй-ка яичко, о Лелю,
Еще красненькое, о Лелю,
Что на красномъ блюдѣ, о Лелю,
И при добрыхъ людяхъ, о Лелю.

Или, молодому.

Ты вставай-ка, молодецъ,
Ты вставай нашъ вьюнецъ!

*) Перскій Вѣстникъ, Кн. II. 1860 г. стр. 29, отд. II

Ты расчесывай кудри
Костянымъ гребешкомъ,
Ужъ ты выгляни въ окошко
Косащетою!
Тебѣ пѣсню спою,
Тебѣ честь создаю,
Наградь-ко насъ подаркомъ
Сладкимъ пряничкомъ,
Бѣлымъ сахарнымъ.

С Е М И К Ъ.

(Русальная наѣда, русалки).

Языческіе народы древности, благоговѣя къ водѣ, какъ необходимому изъ предметовъ существованія, и одинъ изъ лучшихъ и удобнѣйшихъ путей, какъ зимой такъ и лѣтомъ, наконецъ какъ стихія, питающая почву и растительность, создали вѣрованіе, что рѣки, начиная отъ Индійскаго Гангеса или Ганга и египетскаго Нила до Славянскаго Дуная, Нѣмана и другихъ священныхъ въ язычествѣ языческихъ рѣкъ, озеръ и студенцовъ населены разными существами; что водою завладуетъ особое божество, да и самыя рѣки у нѣкоторыхъ народовъ обоготворялись.

Такимъ образомъ у Грековъ были Нериды и Ганадриады, у Римлянъ Наады и Кверктетуланы, то рѣчныя Нимфы, или богини извѣстныя у славянъ подъ названіемъ „русалокъ“. У литовцевъ и Жмуди Dugny, Gudelki, Upine и Wunduny.

Часто отъ рѣкъ русалки получали свое названіе. Такъ отъ рѣки Святези именуется *Свитезллками*, отъ Нѣмана—*Нѣм-ллками*, въ Литвѣ отъ Вилии—*Willje*, въ Германіи отъ Дуная—*Danauweibchen* и прочее.

Въ простонародномъ русскомъ языкѣ, какъ и въ нѣмецкомъ, сохранилось общее по созвучію названіе *русалка, Ruchelchen* то-есть красавица и родъ духа.

Въ Европѣ, даже въ XVIII вѣкѣ вѣрили въ существованіе нимф *). Въ Черниговской губерніи русалки называются *кри-*

*) См. Простонародные праздники и обряды. Вып. IV, 1837 г. стр. 2.

лицами, отъ уважаемаго въ Новгородѣ Сѣверскомъ родника *Заручевои Крилицы* или *Сухолинской* иначе *Родника Ярославова*. Повѣрье говоритъ, что будто на срубъ его въ зеленую недѣлю, на самомъ разсвѣтѣ, прекрасныя русоволосы дѣвнцы являютя и расчесываютъ себѣ волосы *).

Съ русскими русалками отчасти сходны у Сербовъ *Вилы*, которыя живутъ въ горахъ, и въ прибрежныхъ скалахъ; ихъ народное повѣрье тоже изображаетъ молодыя и красавицами въ бѣломъ одѣяніи, съ длинными волосами на головѣ, спускающимися по спинѣ и груди.

По мнѣнію проф. Снегирева, повѣрья о русалкахъ возникли изъ одного общаго источника. Если и произошли нѣкоторые отбѣнки въ ихъ характеристикѣ, то безспорно въ этомъ случаѣ повліялъ духъ народности, климатъ, почва, условія жизни, образованность и пр.

Левъ Калойской упоминаетъ о жертвоприношеніи святославовыхъ дружинъ Дунаю, летописецъ о требохъ рѣкамъ и колодезямъ. Въ славянскомъ переводѣ рукописи XI вѣка, св. Григорія Богослова, хранящейся въ Им. Санктпет. Пуб. библіотекѣ **); гдѣ приписано слѣд. недостающее въ греческомъ подлинникѣ: „Рѣкы богиню нарицають и звѣрь живутъ въ ней яко бога нарицаая, требу (жертву, поклоненіе, дары) творить“. Того же вѣка русскій митрополитъ Іоаннъ въ посланіи своемъ свидѣтельствуетъ, что его современники „жрутъ (приносятъ жертву) бѣсомъ, болотамъ и колодезямъ“. Въ Потребникѣ московскомъ изд. въ 1639 г. вѣрованіе въ русалокъ называется *волгованіемъ* и *чарованіемъ*.

Все это доказываетъ, что существованіе преданія о русалкахъ уже давно существовали, и давность эту должно приписать глубокой древности, да и самое начало этого мѣва подобно прочимъ, приписываютъ съ момента паденія сатаны, при которомъ одни изъ его единомышленниковъ и противниковъ Творца попали въ воду, другіе на поля, или въ лѣса и въ прочія мѣста и, овладѣвъ занятыми мѣстностями, стали творить козни надъ челоувѣчествомъ. Въ языческомъ мірѣ русалка имѣла

*) Отечественныя Завѣски. 1826 г., за Апрель.

**). Сл. Библіограф. листы П. Келсеца 1825 г № 16.

значение рѣчной богини, владѣтельницы сокровищъ и чаровницы; при переходѣ же Руси изъ язычества къ христіанству, она представляется тоскующей и злобствующей на человѣка.

Воронежская губернія, какъ смежная съ Малороссією, имѣетъ много сходнаго въ Демонологіи. Поэтический элементъ Украйны замѣтно проявляется въ ней въ олицетвореніи мѣзовъ, въ повѣрьяхъ и суевѣрныхъ разказахъ.

Изъ числа повѣрій о происхожденіи нечистой силы разнаго рода и между прочимъ русалокъ, любопытно слѣдующее, получившее начало уже во дни христіанства *). Вотъ какъ про это говорится: „Богъ при столпотвореніи Вавилонскомъ наказалъ народъ, дерзнувшій проникнуть тайну величія Его, снѣженіемъ языковъ; главныхъ изъ нихъ, лишивъ образа и подобія своего, опредѣлилъ на вѣчныя времена сторожить воды, горы, лѣса и прочее. Кто въ моментъ наказанія находился въ домѣ—сдѣлался домовымъ, въ горахъ—горнымъ, въ лѣсу—лѣшникъ и пр. Повѣрье прибавляетъ, что не смотря на силу грѣха раскаяніе можетъ обратитъ ихъ въ первобытное состояніе. Поэтому народъ въ дозовыхъ, въ лѣшникъ видятъ существа, нѣкогда подобныя людямъ. Тогда какъ выше сего приведенная статья приписываетъ происхожденіе сказанныхъ мѣзовъ отъ сатаны.

Самое слово „Русалка“ имѣетъ свое происхожденіе отъ русла рѣки, гдѣ онъ по народному повѣрью имѣютъ свое пребываніе. Это подтверждается словомъ *Dąbrowa*, что на жиудскомъ языкѣ значить—русло. Хотя, однакоже, есть противники этого убѣжденія и увѣряютъ наименованіе „русалка“ происходить отъ русскихъ волосъ, которые у нихъ длинны, густы и будто бы, ниспадая съ головы, прикрываютъ все тѣло своими роскошными волнами, а по другимъ повѣрьямъ, у нихъ волосы при тѣхъ же качествахъ—зеленые. Пр. Снегиревъ приводитъ между тѣмъ нѣныя доказательства происхожденія слова русалка. Онъ говоритъ, на основаніи Нарбутта **), что многія священныя рѣки у Литовцевъ и славяноруссовъ назывались руссами в Россами (*Ross, Russ*). Такъ, напр. рукавъ Нѣмана до нынѣ

*) См. Очер. Поварія и пр. въ Вор. губ., сост. Магистръ Ф. Никоновъ.

**) *Dzieje Starożytnie narodu Litewskiego, p. I Narbutta. Wilno. 1835 r.*

называется русою, въ землѣ Галицкой, рѣка впадающая въ Нарву наз. *Росса*. Также сомненная съ ней, впадающая съ праваго берега въ Днѣпръ, въ Киевской губерніи. Рѣка *Русь* въ Старорусскомъ и другія. Если, какъ мы заметили, рѣчныя нѣмы въ Германіи, Польшѣ и Литвѣ получили свое названіе отъ рѣкъ, то изъ сего должно заключить, что и русалки получали названіе отъ рѣкъ или сомненныхъ и что русалки, какъ русскія нѣмы болѣе извѣстны на югъ и западъ Россіи, чѣмъ на сѣверъ и востокъ ея.

Такъ то мы видимъ, что Днѣпровская русалка и Киевская вѣдьма въ Малороссіи вошли въ поговорку. Именекъ русалокъ запечатлѣны даже нѣкоторыя мѣстности, возмемъ въ пригвѣрь: Русиловка надъ р. Сулою въ Полтавской губерніи, выше Романа. Русиловка въ Уманскомъ повѣтѣ надъ Угорскимъ Тикичемъ; Русловы пустоши въ Вышневолоцкомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ. Надъ р. Днѣпромъ есть роща Русалокъ, или гай русалокъ, и много другихъ мѣстностей свидѣлствуютъ о томъ, что нѣкогда существовало много мѣстъ, приписываемыхъ мѣстопребыванію этихъ безплотныхъ существъ, обитательницъ рѣкъ и водъ.

Русалки, по народному повѣрью—существа живущія на землѣ и въ водѣ. Но въ теченіи дней, считая отъ Семьяка до Петрова дня, то есть въ лучшую часть года, когда все цвѣтетъ, онѣ будто бы странствуютъ на берегахъ своихъ рѣкъ въ близъ лежащихъ лѣсахъ и рощахъ, и пріютомъ себѣ избираютъ вѣтвистыя старыя деревья, преимущественно дубы, гдѣ качаются на вѣтвяхъ, или разматываютъ пряжу, похищенную у тѣхъ поселенковъ, которыя ложатся спать безъ молитвы.

Русская южная демонологія, придавая русалкамъ отчасти враждебныя противъ человечества свойства, говоритъ между прочимъ о ихъ происхожденіи согласно съ греческою и вообще сравнительно съ греческими Телоніями онѣ сходны.

Въ созданіи мѣна о русалкахъ, Русскій народъ высказалъ болѣе поэзіи, чѣмъ о созданіи другихъ мѣновъ. О происхожденіи русалокъ народное повѣрье говоритъ, что всѣ младенцы женскаго пола, родившіеся мертвыми или умершими безъ крещенія, а также взрослые утопленцы, наконецъ купающіяся безъ креста—дѣлаются русалками. Русалки обладаютъ вѣчною юностью

и красотою; по внѣшности своей онѣ сходны съ нашими красивыми дѣвушками. Суевѣрные крестьяне и поселяне утверждаютъ, что огни, видимые на курганахъ особенно древнихъ, ночью по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, разводятся дивпровскими русалками для того, чтобы привѣтливимъ блескомъ заманить странниковъ къ себѣ на крутизну и сбросить ихъ въ дивпровскія пучины. *) Согласно повѣрью, русалки живутъ въ кристалльныхъ дворцахъ, построенныхъ на днѣ рѣкъ; старшая надъ ними называется царицей и назначается водянымъ начальникомъ русалокъ изъ ихъ же среды. Въ Воронежской губерши народъ вѣритъ, что безъ позволенія царицы, русалки не могутъ не только погубить, но даже испугать человека.

Въ клещальную субботу, наканунѣ Троицына дня, **) русалки, по мнѣнiю Малороссовъ, начинаютъ бѣгать по ржи и хлопать въ ладоши приговаривая: „*Бухъ! бухъ! соломенный духъ! меле мати породила, некрещену положила!*“ Съ зеленой недѣли онѣ витають въ лѣсахъ, гдѣ акупають и зовуть къ себѣ прохожихъ съ хохотомъ: „ходите къ намъ на релн (качелн) качаться“.

Онѣ заводятъ красивыхъ парней и дѣвокъ въ лѣсъ и тамъ защекочивають ихъ до смерти.

Въ Воронежской, да впрочемъ въ Малороссiи и въ другихъ губернияхъ обильныхъ водами, есть повѣрье, что русалки до того обаятельно поють, что слушатель готовъ внимать ихъ пѣнiю нѣсколько лѣтъ, не сходя съ мѣста.

Въ народѣ русалокъ считаютъ чародѣйками и гадательницами, что видно изъ одной старинной пѣсни, которую пѣла обитательница рѣки, загадывая ее молодой дѣвухкѣ, попавшей ей въ руки:

„Ты послухай мене красна панночка!
Загадаю тебѣ три загадки:
Коли ты вгадаешь—я до батько пущу;
А якъ не вгадаешь—я до сибѣ возьму.“

*) Одесскій Альманахъ на 1831 г. 1831 г. Одесса.

**) Въ день поминованiя усопшихъ наканунѣ Троицы, называемой—Троицкая Суббота.

Ой що росте до безъ корена?
Ой що бѣжить до безъ повода?
Ой що росте безъ всякаго цвѣту?
Камень росте безъ корена;
Вода бѣжить безъ повода;
Папороть росте безъ всякаго цвѣту!
Дѣвчишка загадки не вгадала,
Русалочка ее залоскатала.

Понятно, что въ такое опасное время, какиѣ представляется начало весны, богатое разливами, заводями, омутами, бачагами, не то что дѣвушкамъ, но и мужчинамъ, требуется большая осторожность, какъ при плаваньи, такъ и при ходьбѣ по берегамъ рѣкъ еще не окрѣпшимъ и представляющимъ разнаго рода препятствія и опасности. Въ пѣснѣ русалки, предлагающей дѣвущкѣ загадку высказывается то, что въ эту пору каждый рискующій путешествовать по рѣкамъ, или по обматеревшимъ берегамъ рѣкъ, долженъ имѣть большое соображеніе и разсудокъ, чтобы предупредить всѣ предстоящія неприятели въ родѣ загадки русалки и, такъ сказать, заранее разгадать ихъ.

Въ Русальную недѣлю. (8-ю по пасхѣ), а также въ ночь подъ Ивана Купала (24 іюня) Русалки (маки) дѣлаются опасными для человѣка *). Въ это время онѣ стараются очаровать его и, зашекотавъ, унести въ свое водяное жилище. Во многихъ мѣстахъ Воронежской губерніи народъ не купается въ продолженіи русальной недѣли, боясь сдѣлаться жертвою русалокъ.

Если взять во вниманіе только то, что русскіе поселане купаются не въ купальняхъ, а въ рѣкахъ, что они не разбираютъ того, когда лучше купаться: съ тощимъ или, полнымъ желудкомъ? напившись ли холоднаго квасу? и часто купаются въ поту, то весьма понятно, что многіе утопали просто вслѣдствіе удара или страшныхъ судорогъ, такъ какъ вода въ это время года еще довольно холодна, и спасибо скажешь старикамъ—предкамъ, что они поселили въ рѣкахъ такихъ опасныхъ красавицъ, какъ русалки, потому, что во многихъ мѣстахъ

*) Въ некоторыхъ селеніяхъ Воронежской губерніи въ это время для смѣщенія злости русалокъ развѣшиваютъ изъ по лѣсанъ холсты на рубашки.

Малороссін и Воронежской губерніи народъ бонится во весь дни русальной недѣли купаться въ рѣкахъ, подѣ опасеніемъ быть жертвою русалокъ. Опасеніе такъ велико, что въ Малороссін никто не осмѣливается даже хватать въ ладоши на берегу рѣки или на рѣкѣ.

Въ Четвергъ на зеленой или троицкой недѣли, дѣвушки и даже женщины, боясь прогнѣвать русалокъ, чтобы онѣ не испортили скотныи, не работаютъ, называя *этотъ четвергъ великъ день для русалокъ*⁴. Взрослыя дѣвушки въ этотъ день плетутъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ лѣсу русалкамъ, чтобы онѣ добыли имъ суженыхъ и ряженныхъ, послѣ чего тотчасъ убѣгаютъ. По ихъ нѣвнѣю, въ этихъ вѣнкахъ русалки рыскаютъ по ржи.

Въ Бѣлоруссін вѣрятъ, что русалки бѣгаютъ нагія, при чемъ безпрестанно кривляются, такъ, что видѣвшій хоть одну изъ нихъ, самъ будетъ всю жизнь кривляться.

Народное повѣрье допускаетъ любовь между русалками и людьми, о чемъ существуетъ много поэтическихъ расказовъ; замѣчательна одна, повторяющаяся почти въ каждомъ изъ нихъ. Слѣдующая мысль: Русалка, защекотавъ мужчину, уноситъ его въ свое жилище, гдѣ онъ оживаетъ и дѣлается ея мужемъ; окруженный невообразною роскошью, онъ начинаетъ тамъ новую жизнь, непонятную для людей живущихъ на землѣ. Пользуясь всевозможнымъ довольствомъ, этотъ человекъ ограниченъ только желаніемъ—хоть на мгновеніе оставить водяное царство.

Когда же у русскихъ паятъ бывають свадьбы на воровьихъ нощи, тогда на водѣ раздается смѣхъ и плескъ.

Прежде украинцы, а потомъ слышнѣ и отъ многихъ русскихъ такіе отзывы, что русалки дочери родителей, которые похоронил ихъ безъ крещенія, или родивъ мертвыми, или не успѣли рожденныхъ окрестить, и тѣ умерли. Въ такомъ случаѣ злые духи, нѣтъ полную свободу надъ душой некрещеннаго младенца похищали ихъ, давая нѣтъ свободу только въ Духовъ день и въ Троицынѣ. Такихъ младенцевъ, по словамъ проф. Снегирева, хоронили въ Кіевской губ. въ Махновскомъ повѣтѣ, подѣ фигурою (крестомъ) на раздорожїи (перекресткѣ) *).

*) См. Русскіе прѣстонародные праздники и суевѣр. обрады 1837. М. часть VI.

Крещеніе русалокъ. По народному повѣрью, души некрещенныхъ младенцевъ, черезъ семь лѣтъ, уносятся на воздухъ и просятъ себя крещенія три раза. Если кто услышитъ этотъ зовъ и подастъ имъ крещеніе, говоря: „Я тебя крещая Иванъ и Марья, во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа“; тогда сіи души возьмутся ангелами; а въ противномъ случаѣ дѣволами. По сказаньямъ суевѣрныхъ поселянъ, въ глубокую полночь малки, или русалки, о Троицынъ днѣ бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, поютъ, хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши и маукаютъ по кошачьи, отъ чего въ Малороссіи и получили названіе: „*Малокъ*“.

Симпатія. Наканунѣ Ключальной субботы, мужчины запасаются зорью и поливню, какъ предохранительными средствами отъ обаянія русалокъ ^{*)}. Въ Малороссіи, въ Троицынъ день, приносятъ въ церковь охапку зори, калуфера, мяты и кадпла [снотаеритус], которая связывается веревкою, а въ срединѣ ставится тройная свѣча, называемая *Троицею* и горящая въ продолженіи объѣдн; травы сіи хранятся дома для лѣченія отъ разныхъ болѣзней, а троицкая свѣча дается въ руки умирающему, при послѣднемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни, точно праздники духовъ, по замѣчанію проф. Снегирева ^{**}). Впрочемъ тамъ также завиваютъ и развиваютъ вѣнки на Троицкую недѣлю, на которой поютъ пѣсни въ разныхъ мѣстахъ Россіи, болѣе или менѣе характернаго и мнѣстческаго содержанія.

Свистопляска. Изъ мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи одинъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ *Свистопляски*; это въ Вятской губерніи; это совершалось ежегодно въ субботу, по счету четвертую послѣ Пасхи и на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось въ 1480 г. слѣдующее происшествіе: Вятчане подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, сражались ночью съ союзниками своими Устюжанами, по невѣденію, побили ихъ девять тысячъ ^{***}).

^{*)} Исторія Малой Россіи, Башкиръ-Каневскаго. Ч. 2. М. 1830 г.

^{**}) Стр. 134. Рус. прост. Праздн. Москва 1837 г.

^{***}) Проф. Снегиревъ на стр. 182 кн. „Русскіе простонародные праздники“, ссылается на записки Преосвященнаго Кирилла, бывшаго епископа Вятскаго.

Послѣ панихиды въ часовнѣ, въ день Свистопляски продается разныя закуски и свистки изъ глины, парочко заранѣе изготовленные, наконецъ куклы изъ глины. Этими глупыми игрушками партіи бросаются другъ въ друга, становясь по обѣ стороны рва, при чемъ свистать неумолкая.

Могилы Анки война. Верстахъ въ 7-ми отъ Вологды, по старому Архангельскому тракту, существуетъ могила Анки война, на которую каждый прохожій, по обычаю, кидаетъ вѣтку или пруть, отъ чего накаплиется въ теченіи времени большой ворохъ, который въ одинъ лѣтній день и сжигается. На этомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ.

Марюстье. Въ Калужской губ. Лихвинскаго уѣзда, предъ Троицкимиъ днемъ бывалъ обычай, слѣдующій довольно смѣшной: кума къ кумѣ ѣздила въ гости на метлѣ, изображая конечно этнѣ вѣдьму, такъ какъ, мара, значить вѣдьма, русалка.

Крещеніе кукушекъ. Суевѣрный обычай крестить кукушекъ, существуетъ въ Орловской, Тульской и въ другихъ мѣстахъ. Оно состоитъ въ томъ, что въ рождѣ, избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на живую кукушку, или на травку того же имени, кладутъ ихъ на разостланный коверъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами своими, цѣлуются и съ прочими подругами, ѣдятъ яичницу и поютъ пѣсни. Нѣкоторые предполагаютъ, что суевѣрный обычай крещенія кукушекъ, есть ничто иное какъ крещеніе русалокъ. Но болѣе, точное понятіе объ этомъ обрядѣ, и начало его—потеряны.

Поминовеніе самоубійцъ. Въ Тульской губерніи, во вторникъ на русальной недѣлѣ, крестьяне поминуютъ утопленниковъ и давленниковъ; родственники послѣднихъ за упокой душъ разбиваютъ на ихъ могилахъ красныя яича, призывая при этомъ обрядѣ русалокъ, которымъ оставляютъ въ жертву часть блиновъ, принесенныхъ для поминовенія *).

Русальныя праздники. Праздновать русалии, русальные дни, или недѣлю (недѣля Св. Отецъ), возбранено учителями церковными, по языческому ихъ происхожденію; но какъ начало весны и до сихъ поръ существуетъ не въ одной Россіи, но

*) Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга. Н. Бродеваго. 2 ч. М. 1828 г.

о многихъ странахъ Европы. Канунъ Троицына дня назывался „Пасхою усоншихъ.“

Въ Сибири существуетъ повѣрье, что русалки декуются, то есть играютъ съ париями и дѣвками.

Попребеніе Костромы. Въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня существуетъ глумбище, гдѣ изстари велось обыкновеніе хоронить *Кострому*. Во Владимірѣ, хоронили *Ладу*, а въ Твери хоронили *Ярила* близъ Трехсвятскаго сада, 24 іюня.

Изгнаніе, прощаніе, провожаніе русалокъ. Въ Черниговской губерніи провожаніе русалокъ происходило на границѣ или свѣтлой недѣлѣ, въ Рязанской губерніи, въ Спаскѣ, слѣдующее за Троицыннмиъ днемъ воскресенье слыветъ *Русальнымъ заюпъльемъ*, а понедѣльникъ, *Провожальемъ русалокъ*. Въ этотъ день вечеромъ, хоробы дѣвцъ и женщинъ, съ веселыми пѣснями сходятся съ разныхъ сторонъ города, въ назначенномъ мѣстѣ, и стоятъ около часа на углахъ улицъ; въ каждомъ хоробѣ находится чучело въ видѣ женщины, которая собою изображаетъ русалку. Въ это время составляютъ хорободные кружки; въ средѣ каждаго изъ нихъ бойкая женщина съ чучеломъ въ рукахъ пляшетъ подъ веселую хорободную пѣсню, дѣлая при этомъ разныя кривлянія. Потомъ хоробы раздѣляются; на оборонительную и наступательную стороны. Причемъ держащія въ рукахъ чучель русалокъ, защищаются нѣсколькими женщинами, отъ нападенія другнхъ, которыя стараются вырвать у нихъ чучелы, при этомъ обѣ стороны кидаютъ другъ въ друга песокъ, землю, обливаютъ другъ друга водою. Выйдя за городъ, онѣ говорятъ, что *проводили русалокъ*, причемъ разрываютъ чучелы, разбрасываютъ ихъ по полю, и провожающія ихъ дѣвнцы съ уныніемъ возвращаются. Съ этого времени прекращаютъ игры, подъ названіемъ: *Горьлки, Уточка и Борисъ*.

ИВАНЪ КУПАЛО И АГРАФЕНА КУПАЛЬНИЦА.

День Рождества Св. Іоанна Предтечи, соверш. 24 іюня, составляетъ одинъ изъ особенно торжественныхъ праздниковъ только въ славянскомъ мрѣ, но почти во всей Европѣ. Онѣ

приходится около лѣтнаго солнцестоянія. Праздникъ этотъ въ народѣ извѣстенъ подѣ названіемъ *Ислаа Купала*.

Прежде всего скажемъ, что во время славянскаго язычества *Купало* былъ богъ плодовъ земныхъ и по однимъ считался третьимъ *) и Перуны, а по другимъ **) пятымъ Боговъ. Праздновали ему 24 и 29 июля, день жатвы, и приносили жертвы изъ нѣкоторыхъ травъ, костеръ изъ которыхъ зажигали и плясали вокругъ него всѣ, безъ различія пола и возраста, причѣмъ прѣсѣвали пѣсни.

Чествовать предметы своего благоговѣнія праздникими средно человѣку, для котораго взрваніе заключаетъ въ себѣ прошлое и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражаются его обѣты, надежды и воспоминанія собственнаго прошедшаго, которое для него становится кумиромъ.

Съ истребленіемъ вѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры христіанской въ Россіи, понятія тогда преобладавшаго язычества, выдѣлись въ духъ и бытъ народа, проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣрьяхъ, даже христіанскія торжества церквей получили названія языческихъ, какъ напримѣръ: русальная недѣля, Купало, радоница (радуница, радовальница) и проч.

Изъ явленій природы столь важныхъ и оцутительныхъ для человѣка, какъ повороты солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ тому, чтобы учредить *Коледу* и *Купалу*, какъ праздники, столь важные въ отношеніи къ нуждамъ человѣка. Эти празднества, какъ мы и видѣли, отчасти существовали не у однихъ только славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азіи, только подѣ разными наименованіями.

Замѣчательно, что богу Купалу приносили жертву купаньемъ, о чемъ довольно пространно описано въ Кіевскомъ лѣтописцѣ, что было и въ Рязи въ праздникъ Мая (Майша), когда тоже обливали другъ друга водою. Въ Даніи, въ лѣтнее равноденствіе и вездѣ на сѣверѣ, зажигались огни, нѣкогда посвящаемые

*) См. Абуева русск. суевѣрій 1786 г.

**) См. Краткое обозрѣніе Мифологіи русск. слов. Строева. М. 1815 г.

Балдеру, которые назывались въ Россіи *хумальскими оленю*; тамъ въ этотъ день купаются для здоровья, и собираемы травы *Sank-Hans Urt*—считаются цѣлительными отъ порчи и другихъ болѣзней.

Нашъ *Ивановъ день* или день Ивана Купала въ существѣ своемъ сходенъ съ нѣмецкимъ *Johannistag* или *der-Tittelsum-mer*, когда зажигается Ивановъ огонь. У Пруссозъ было боже-ство весны и веселья — Лаго близкое къ нашему Ладо, въ честь его зажигался Подъ Липою огонь на Ивановъ день и тамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, которыя оканчивались припѣвомъ: „Ляго! Ляго!“

Еще и посейчасъ, сказать къ слову, въ Ригѣ существуетъ пѣсня, которую нужно отнести къ этому празднику.

Лягъ Ульяна, баба пьяна,
Въ Ригѣ жила,
Вино пила,
Ляго! и пр.

Праздникъ росы. Наканунъ дня Св. Іоанна Предтечи (или Ивана Купала) въ Литвѣ отправлялся праздникъ *Росы* (*Rozsa*), по старорусски *Кекериса*, въ честь Ладо. Начиная отъ праздни-ка пастуховъ до праздника Росы, продолжались между ра-ботами сельскія пѣсни, игры, забавы, что въ обычаѣ у тамош-нихъ поселенъ и по сіе время. Но въ самомъ дѣлѣ начинался наканунъ 24 іюня. Эта ночь называлась Роса, которую праздни-вали почти всѣ сѣверные народы; такъ какъ почитаніе богини Ладо было у всѣхъ общее. Праздникъ Росы на Русѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Купала*, въ Литвѣ Купайлы, а въ Польшѣ *Соботки* отъ глагола *собять*, *собана*, приспособить, какъ бы день, приготавлиющій къ полевымъ работамъ; такъ какъ въ болѣе теплыхъ странахъ праздникъ этотъ почти сходится съ сѣнокосомъ. Литовцы повсюду празднуютъ Иванову ночь. Поздно вечеромъ собираются Литовцы на извѣстномъ мѣстѣ, избранномъ и освященномъ исконными обычаями; тамъ на обо-лонь (полянѣ) ставятся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни продолжаются во всю эту ночь. До-нынѣ, въ Вильнѣ 24 іюня, вечеромъ, народъ сходится въ лѣсу пить, ѣсть и веселиться, что называется у нихъ — *идти на росу*.

Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣтеть для счастливецъ *янапоромъ*, *янапоротникъ* (parroté), который известенъ во всей Бѣлостокской области на Волынѣ. Здѣсь сходбище на одномъ мѣстѣ называется *стадомъ*, а пляска — *харкодономъ*. Въ Литовскомъ язычествѣ этотъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, не дошедшіе до насъ, кромѣ перескакиванія черезъ огонь, и пошенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день назывался „святимъ“, тогда собирались травы, для врачеванія скота, также для чарованія и волшебства, что дѣлалось и на Руси. Мнѣологи замѣчаютъ, что праздникъ у славянъ называемый *Кумалою*, соединяетъ бытъ съ поленіемъ рѣканъ и источникамъ. Вѣроятно и Литовцы, которые святили свои воды текуція и стояція, въ этотъ день приносили имъ жертвы, бросая ихъ въ воду. Даже, можетъ быть, самый праздникъ росы потону названъ, что древніе вѣрили, что рѣки — дѣти моря, родящіяся отъ испареній морскихъ, что и есть роса.

Ивановская ночь. Какъ въ Литвѣ, Россіи и Малороссіи, такъ и въ Польшѣ празднуется *Ивановская ночь* почти съ одинаковыми обрядами, а у Валаховъ и Итальянцевъ, подъ именемъ *Sabatina*, польск. (*Sobotki*). Зажигаемые на горахъ сего имени огни въ этотъ день могли имъ сообщить сіе названіе. Какъ у насъ наканунѣ Иванова дня женщины разжигали огни, также плясали вокругъ нихъ, пѣли, воздавая поклоненіе дьяволу (говорить Мартинъ, писатель XVI вѣка), такъ и донынѣ въ Польшѣ не остаются сего обычая, принося жертвы изъ чернопольника (*bielicy, artemisia*), который вѣшаютъ по домамъ и опоясываются имъ, отправляютъ Сobotки, зажигая огни, которые добываются треніемъ дерева объ дерево.

Сobotки. Въ день св. Ивана, у Поляковъ, сельскіе жители имѣютъ обыкновеніе опоясываться чернопольникомъ и цѣлую ночь прыгать у огня, говорятъ *Голембовскіи*. Краковскія Сobotки праздновались на Креміонкахъ и звѣрицѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ мынѣ называемомъ *Саксонскимъ*. Въ цѣломъ краю зажигали Сobotки на площадяхъ и близь лѣсовъ; вездѣ можно было видѣть по домамъ цвѣты и травы, какъ говоритъ объ этомъ Огіеръ въ своемъ путешествіи въ 1835 г., найденномъ въ III томѣ напечатанномъ Немецкича. Ивановскій огонь назывался у поляковъ *Krèsz*.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ, въ 1639 г., пѣсняхъ Свято Соботскихъ, говоритъ: „когда солнце согрѣваетъ рака, а соловей болѣе не поетъ, суботка, какъ было встарь, запалена въ черномъ лѣсѣ. Такъ намъ передавали матери, сами также, занявъ отъ другихъ, чтобы на день св. Іоанна всегда горѣла суботка. Эта суботка или горѣла при лѣсѣ или на лугу.“

Сербы говорятъ, что *Иванъ дам* столь великій праздникъ, что въ оный солнце трикраты—останавливается на небѣ *).

Купальные огни, сожигаемые въ Иванову ночь на Карпатахъ, Судетахъ, и Корконосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляютъ великолѣпное и торжественное зрѣлище на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

Говорятъ даже, что для разведенія огня въ этотъ день, добывали его, треніемъ дерева объ дерево и огонь этотъ назывался божественнымъ.

Въ украинѣ, на Подолѣ, и въ Волынѣ известна игра подъ названіемъ: *Купало*, она состоитъ въ томъ, что по захожденіи солнца, всѣ дѣвушки собираются на известное мѣсто съ вербою убранною цвѣтами, которую втыкаютъ въ землю. Дерево это, они называютъ *Купало*. Воткнувъ его, оны схватясь рука съ рукою, ходятъ около него и поютъ жалобныя пѣсни въ честь *Купала*. Спустя нѣкоторое время, молодые люди, стоящіе въ сторонѣ, бросаются, уносятъ и разрываютъ вербу защищенную дѣвицами и тѣмъ оканчивается весь обрядъ.

Гизель такъ говоритъ въ своемъ СынOPSISѣ, печ. въ Кіевѣ въ 1679 г. о Купалѣ: Купало объясняется купелью, по-польски Karpiel. Гизель такъ описываетъ это игрище: „Пятый идолъ „Купало, его же бога плодовъ земныхъ быти няяху и ому „прелестію бѣсовскаго опраченія, благодаренія и жертвы въ „началѣ жновъ приношаху. Тогожде Купала бога, или истин- „нѣе бѣса, и доселѣ по нѣкимъ странамъ российскимъ еще „память держится; наипаче же въ навечерія рождества св. „Іоанна Крестителя собравшійся въ вечеру юноши, мужеска, „дѣвическа, и женска полу, соплетаютъ себѣ вѣнци отъ земли „нѣкоего и возлагаютъ на главу и опоясуются ими. Еще же

*) Случка piernak *Wyna Sierobianowow.* Wina 1616 г. Bernardák Lexicon Slavicum VI t. Budaë. 1627.

„на томъ бѣсовскомъ игралищѣ кладуть и огонь, и окрестъ его
„ошеша за рука, нечестиво ходять и скачуть и пѣсни поють,
„сквернаго Купала часто повторяюще и чрезъ огонь преска-
„чуще, самихъ себѣ тому же бѣсу Купала въ жертву при-
„носить“.

Подобнымъ же образомъ сказаво о Купалѣ въ Чети-Миниен
св. Дмитрія Ростовскаго.

Въ Махновскомъ повѣтъ сходно съ Чернорусскими и Бѣло-
русскими, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ землю дерево,
украшенное вѣнками, подъ именемъ Купала, и зажигаютъ огни
съ вѣнцемъ. Близъ города Бѣлшица на Днѣпрѣ, въ Гонлѣ, послѣ
того поють:

У пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На вербѣ горѣли свѣчи,
Съ той вербы капля упала,
Озеро стало;
Въ озерѣ самъ богъ купался
Съ дѣтками, судѣтками.

Въ Малороссіи, наканунѣ сего праздника, молодые люди
обоюго пола купаются въ рѣкахъ до захода солнца;
потомъ въ сумерки, раскладываютъ огонь на выгонахъ, на поля-
нахъ, въ садахъ и поварно, держась рука объ руку, пере-
прыгиваютъ чрезъ огонь. Если во время перепрыгиванія руки
не разойдутся, это означаетъ, что пара эта, то есть парень
и дѣвушка совокупятся бракомъ; подобно тому, какъ въ Кор-
ватахъ и Судетахъ молодежь, препоясавшись цвѣтными пере-
вязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цвѣтовъ благоуханныхъ,
составляютъ вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Ку-
пала *).

Иванъ Купало между простыми народами въ Ярославской,
Тверской и Нижегородской губерніяхъ называется, *Ярилоу*.

Почитаніе стихій. Изъ всего описаннаго мы можемъ из-
влечь понятіе, которое, оказывали наши пращуръ къ огню и

*) *Смѣтки*: Опытъ критическаго повѣствованія о древностяхъ россійскихъ. Собр. про-
тоіереевъ Іоанномъ Кутевоицимъ. Москва. 1814 г.

въ водѣ, какъ къ стихіямъ, безъ которыхъ не могли жить и которыхъ олицетворяли, если не для нихъ самихъ, то для духовъ въ нихъ обитающихъ. Что касается до перепрыгиванія чрезъ огонь во время Купала, то скорѣе всего здѣсь видна идея очищенія, каковую мы находимъ у Грековъ и Римлянъ въ разномъ видѣ; а также, по словамъ Плато-Карпина, очищеніе водою и огнемъ употреблялось у Татаръ при Батѣ. Не имѣлось ли здѣсь въ виду задняя мысль съ гигиеническою или санитарною цѣлью, подъ прикрытіемъ религіознаго обряда?

Отсюда видно, что не только въ одной Россіи существовало уваженіе къ 24 Юня и сопровождалось обрядностями, нѣтъ! Патриархъ Вальсамонъ, въ XII вѣкѣ, такъ описываетъ греческіе обряды, совершенно сходные съ русскими купальскими и святочными: „Язычники въ 23 день Юня, ввечеру, собирались на „берегахъ рѣкъ; и, въ нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены украшали перворожденную дѣву на подобіе невесты. Притомъ „пировали и плясали, кружились, совершая препразднество въ „честь богини Весты. Между тѣмъ бросали разныя вещи въ „сосудъ, наполненный водою. Наряженная дѣвица по вынутіи „каждой вещи, предсказывала будущее тому, кто клалъ оную. „На другой день съ музыкою и пляскою всѣ выходили за водою и кропили оною всѣ дома, а потомъ во всю ночь прыгали чрезъ зажженные костры. Церковные учителя постепенно отклоняя новыхъ христіанъ отъ языческихъ обычаевъ, „почли за нужное, при водоосвященіи, сочинить для сна пѣсни „въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи“ *).

Что значитъ Купало. Словопроисхожденіе слова Купало нѣвѣтъ, по сказанію нѣкоторыхъ, различное значеніе: нѣкоторые, какъ мы сказали, производятъ отъ глагола *купать*, отъ слова *купалье*, такъ какъ съ этого только времени начинается весеннее купаніе въ открытыхъ водахъ, или отъ купы (*cupula*, *Kurrelei?*) какую представляетъ Купало съ Купальницей, отъ Кучи (*Кира*, польск. *Куча*) зажигаемаго хвороста, отъ конанія кореньевъ и плодовъ; наконецъ, въ славянскомъ Купалѣ замѣтно сходство съ индійскимъ Купаломъ поклонникомъ. Во

*) Повѣя Сиринская или поподлинное ученіе о Церкви, о литургіи и ир. Соч. Архіепископа Веніамина. Москва. 1803 и 6 гг.

всякомъ случаѣ, по недостатку свидѣній, можно допустить, что Купало происходитъ отъ слова—купацье, что имѣетъ отношеніе къ слову—Креститель.

Не у всехъ славянскихъ народовъ извѣстенъ Купало, напримеръ, у Литовцевъ въ Ивановъ день празднуютъ Ладо и поютъ въ честь его ладовыя пѣсни, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи торжествуютъ Яриль. Старо-Пруссы и Литовцы, по слованъ Реза, въ честь Лиго, бога весны, наканунѣ Иванова дни зажигали подъ липами огонь и всю ночь, до разсвѣта плясали пѣсни съ призывомъ: Лиго, Лиго!

Начало обычаевъ, основанныхъ на самой природѣ и коренныхъ идеяхъ человечества, открывается въ глубокой древности, гдѣ вода и огонь почитались за начало міра, главнѣйшими стихіями и символами очистительными. Отъ этого вѣрованія, какъ надо думать получали свое начало купальскіе огни, и омовенія, всѣ повѣрья, обряды и обычаи, которые наблюдаются въ это празднество стихій.

Возжиганіе огня и переходеніе или перескакиваніе чрезъ нихъ извѣстно было еще въ глубокой древности у восточныхъ народовъ, изъ которыхъ многіе были огнепоклонниками, и по выраженію книги Премудрости *), огонь и кругъ звездный почитали строителями міра“. Еще Манассія, какъ говорится въ кн. Паралипоменонъ **), состроившій кумиры Ваалину и насадившій дубравы „проведе чада сквозь огонь по мерзостямъ лэмковѣ“. У Индійцевъ встрѣчается обычай ночнаго освещенія огнями въ честь древняго ихъ царя Бали и Ямы и сестры его Ямуны, въ мѣсяцъ Картикъ, и жертвоприношенія огня — Ядния или Ягна. Въ Іюнѣ (*es deus omnia*) Персы имѣли водное и огненное очищеніе; они, какъ свидѣтельствуетъ Четья-Миня „почитають солнце, луну и звѣзды и пресвѣтлѣйшую огненную силу“. При таинствахъ элевзинскихъ въ Греціи, на праздникахъ Цереры, Палесы или Весты въ Римѣ, перескакивали чрезъ зажженные огни для очищенія. Овидій въ *fastis* V, 727 и 805 говорить, что чрезъ огонь переходитъ скоть и „поселяне (*per flammam saluisse pecus, saluisse colonos*), и что онъ самъ пере-

*) Гл. VIII, ст. 2.

**) Сл. XXXIII, 6, ст II.

скакивалъ три огня и былъ окропленъ лавровою вѣтвью, опоченною въ воду“.

Варронъ упоминаетъ о извоторомъ торжествѣ и игриве у поселагъ, которые, натаскавъ вороха сѣна и соломы, зажигаютъ ихъ и перескакиваютъ черезъ пламя, для очищенія себя. Преосв. Веніаминъ, такъ изображаетъ купальскій праздникъ въ древности: „Язычники, въ 23 день Юня, ввечеру собирались на берегахъ рѣкъ и въ извоторыхъ домахъ мужи и жены украшали перворожденную дѣву“ и проч., какъ было о томъ сказано выше.

Русская исторія упоминаетъ, что у Татаръ тоже было въ обычай переходить со стадами своими черезъ огонь для очищенія. Князь Михаилъ Черниговскій съ бояриномъ Феодоромъ приняли мученическую смерть за то, что не перешли савозъ огонь и не поклонились кусту и солнцу *).

По объясненію Дюканжа, этотъ огонь, облеченный священою обрядностью, на самомъ дѣлѣ имѣлъ часто практическую санитарную цѣль, охранить себя отъ заразы или болѣзни.

„У Поляковъ“, свидѣтельствуемъ одинъ ихъ писатель, Мартинъ въ XVI вѣкѣ, „наканунѣ Иванова дня женщины зажигали огни, плясали вокругъ нихъ, пѣли, воздавая честь и „мольбы демону“ **), далѣе Мартинъ продолжаетъ: „этого языческаго обычая до нынѣ, то-есть до XVI вѣка, не оставляютъ въ Польшѣ, принося жертвы изъ травы чернобыльщика (*Artemisia*) зажигая костры огнемъ, добываемымъ черезъ трещіе „дерева объ дерево; чтобы празднество было точно дьявольскимъ, распѣваютъ пѣсни и пляшутъ“.

Праздникъ въ черномъ лѣсѣ ***). Этотъ праздникъ совершался въ Сендомбурскомъ воеводствѣ. На него смотрѣли, какъ на особаго рода торжество и пѣли:

Gdy słońce taka zagrzewa,
A słowik więcey nie śpiewa,
Sobótkę, iako czas niesie,
Zapalono w Czarnym lesie,

*) Карамзинъ. И. Г. Р. т. IV, прил. 41, 43.

**) Демону ли? Можетъ быть языческій божествовъ, которыхъ святости боятъ для страха простолудниковъ, чѣмъ въ сущности, внешневали демонами, какъ то видны во многихъ случаяхъ.

***) Изъ описанія Ивана Кохановскаго.

Tak to matki nam podaty,
Same także z drugich miały,
Ze na dzień Świętego Zana
Zawzdy Sobótka palana.

Въ переводѣ съ польскаго слѣдующее:

Гдѣ солнце рака согрѣваетъ, а соловей вѣки не поетъ, соботка была запалена въ черномъ лѣсѣ. Такъ то матки намъ подали (передали), сами также отъ другихъ переняли, чтобы на день святаго Яна (Іоанна) всегда соботка пылала (горѣла).

Празднованіе на юль. На Украинѣ, Подолѣ и въ Волини въ день Купало (Купайло) дѣвушки, послѣ заходженія солнца, собираются въ избранное мѣсто и приносятъ большую вѣтку вербы или ивы, которую предварительно украшаютъ цвѣтами и лентами; тутъ утвердивъ ее въ землѣ, ходятъ вокругъ ея, припѣвая жалобныя пѣсни.

Такая пляска продолжается болѣе часа, послѣ чего молодые парни, стоящіе въ сторонѣ, бросаются на вербу и не смотря на защиту охраняющихъ ее дѣвушекъ, выдергиваютъ изъ земли и обрываютъ, чѣмъ и оканчивается весь обрядъ.

Скачка черезъ огонь. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Малороссіи, существовалъ обычай прыгать черезъ купальскіе огни, или черезъ кучи жгучей крапивы; обрядъ этотъ, какъ говоритъ проф. Снегиревъ, происходилъ такъ: предварительно дѣлали болвана или куклу и украшали его голову вѣнкомъ и съ такими чучелой въ рукахъ, перепрыгивалъ каждый черезъ огонь или траву, припѣвая:

Купала на Ивана,
Та купався Иванъ,
Та въ воду упавъ;
Купала на Ивана и прочее.

Пассекъ говоритъ такъ, въ своемъ описаніи о праздникѣ въ Малороссіи, слѣдующее:

Дѣвушки, за недѣлю до Іванова дня, начинаютъ запѣвать пѣсни, относящіяся до праздника Купалы; а наканунѣ Іванова дня, предъ закатомъ солнца дѣвки и молодки, въ праздничномъ платьѣ, съ вѣнками на головѣ изъ травы и цвѣтовъ, (сѣквир) перевитыхъ кашуферомъ (калуферомъ) и другими ду-

шистыми травани, собираются вокруг срубленного дерева, преимущественно чернооклена и, схватясь за руки, поют:

Ой Маланичка, Петривачка:
Не выспалась наша дивочка!
Не выспалась, не наигралась
И съ казаченькомъ не настоялась.
Къ череди ¹⁾ шла, задремала,
На пеньки ноги посбивала,
На шпичьки очи повыймала!
А вже корови у диврови ²⁾,
А вже тилата пасуть хлопцята ³⁾,
А вже вивци ⁴⁾ на крутин горци ⁵⁾.

Послѣ того ставятъ подѣ деревомъ куклу, сдѣланную изъ соломѣ, довольно большой величины, причеи она должна быть непременно одѣта въ женскую рубашку; голову этой куклы убирають лентами, шею—шнестани (ожерельемъ) и кукла эта называется „*Купала*“ а дерево, подѣ котормъ ее помѣщаютъ *Марена*.

Въ другихъ мѣстностяхъ обычай дѣлать куклы, какъ языческое преданіе, уничтоженъ временемъ или властои духовенства, то тамъ куклу заижаютъ дерево, на которое вѣшаютъ вѣнки и наиеты. Устройвъ, такимъ образомъ своего *Купалу*, зажигаютъ близъ его солому и начинаютъ пѣть ижно и протяжно:

Ходили дивочки коло маренѣчки
Коло мою Вудыло ⁶⁾ Купала;
Гратыни ⁷⁾ сонечко на Йвана
Накупався Йванъ, та въ воду вивавъ.
Купала подѣ Йвана.

При пѣнии этой пѣсни всѣ участвовавшие въ торжествѣ, увѣнчаны вѣнками; послѣ того прыгаютъ черезъ огонь разложенный на возвышеніи.

¹⁾ череда—стадо. ²⁾ диврова—дубрава. ³⁾ хлопцята—ребята. ⁴⁾ вивци, вивце—овцы, овца. ⁵⁾ горци—горки.

⁶⁾ Вудыло—водный, попрыг, влажный. ⁷⁾ Гратыни—играть.

Нужнымъ находимъ замѣтить, что обычай дѣлать куклу изъ соломы принадлежитъ понятно къ обычаю древнему и языческому; но есть преданіе, что будто бы обычай съ куклой возникъ отъ событія съ дочерью одного пана, Анной, которая будто бы утонула въ Дунаѣ *). Когда вечеромъ подь Ивановъ день, украинцы приносили дерево и куклу къ водѣ и пропуютъ пѣсню, тогда начинаютъ бросать съ себя вѣнки въ воду или закидывать ихъ въ воду или на дерево; вслѣдъ затѣмъ кидаютъ и дерево и куклу, а сами начинаютъ прыгать чрезъ огонь; только не многіе уносятъ съ собою вѣнки доной, чтобы повѣсить ихъ въ сѣняхъ, для сохраненія себя отъ непредвидѣнной напасти **).

Лысая гора. Бесѣдка Петра Великаго. Бѣлая плутокъ.
Въ Малороссіи и до нынѣ кладутъ на окнахъ, хоть и даже на порогахъ дверей гучую крапиву съ цѣлью защитить себя отъ нападенія вѣдьмъ, которыя дѣлаются болѣе опасными, въ эту ночь. Повѣрье говоритъ, что въ эту ночь Бабы-яги, вѣдьмы и колдуньи собираются на Лысую Гору, или *чертова бережище* подь Кіевомъ, гдѣ у нихъ бываетъ совѣщаніе ежегодно, также таинственные обряды и превращенія, какъ въ Польшѣ подь Сендонпроуъ на Луза Гбѣга; а въ Сѣврной Германіи на Брокенѣ въ Валпургіеву ночь. Въ старой Ладогѣ, при рѣкѣ, впадающей въ Волхонъ, Купальское ликованіе ежегодно совершается при огнѣ на горѣ Городищѣ. Огонь этотъ въ Новгородской окрестности былъ въ старину извѣстенъ подь именемъ *живаю ома, лысаю или царя ома, наконецъ лѣкарствеслаю.*

Издатель *Абессем*, упоминаетъ, что въ 12 верстахъ отъ С.-Петербурга, по Рижской дорогѣ, существовала до 40 года (можетъ быть и по сейчасъ) старая липа, которой вѣтки переплетались съ вѣтвями другихъ деревъ, составили природную бесѣдку, въ которой останавливался отдыхать Петръ I. На этомъ вѣствѣ, наканунѣ Иванова дня собирались ижорки и проводили здѣсь всю ночь съ воплями и пѣніемъ при раскладеніи огнѣ, а на послѣдокъ сжигали бѣлаго пѣтуха, который какъ извѣстно, у древнихъ скандинавовъ—считался пламенемъ по его

*) Эта Анна, совлучивъ съ Рижской Царевой (Анна регенна).

**) Московскій Наблюдатель. 1838 г. № 3.

красному гробу. Ливебургскіе Венды совершали подобный же обрядъ.

Ивановъ день. Въ Малороссіи, какъ и повсюду, существуетъ вѣрѣе, мало по малу переходящее въ сказку, что будто бы наказуиъ Иванова дня, въ ночь цвѣтеть папоротникъ или папоришь (иначе качедыжникъ). Что онъ въ эту ночь сіяетъ огненнымъ пламенемъ и освѣщаетъ нѣбность; что если только его сорвать и бѣжать доной, не оглядываясь, чтобы ни кричала сзади адская сволочь (бѣсы), то этотъ цвѣтъ даетъ возможность его обладателю открывать клады и получить богатство.

Откуда возникло это сказаніе, трудно вообразить; но вѣсому можно думать, что невозможность цвѣсти папоротнику въ лѣтѣ, какъ растенію тайнобрачному (возьмемъ хоть грабы, которые тоже не цвѣтутъ видно) не есть ли насмѣшка, ради того, что никому молъ не нужно рассчитывать на слѣзное счастье, а пользоваться только трудомъ и отъ него получать средства къ жизни.

Впрочемъ, есть предположеніе, что на папоротникъ садится самецъ свѣтлагося червячка, или свѣтляка, который ночью, какъ извѣстно, даетъ отъ себя фосфорическій свѣтъ; не это ли и породило басню? Червячекъ этотъ тоже носитъ названіе „Иванова“.

Цѣлебныя травы. На Ивановъ день знахари отыскиваютъ „Разрывъ Траву“, которая извѣстна и нѣнцанъ подъ именемъ *Spring — wurzel*, противъ которой, говорятъ, будто бы не устоитъ ни одинъ замокъ. Въ эту же ночь собираютъ на муравьиныхъ кучахъ масло въ сосудъ, которое признается цѣлительнымъ средствомъ противъ разныхъ недуговъ. Изъ цвѣтовъ въ это время собираютъ „Куналекку“ (*Trollium europaeus*) *Медвѣжье ухо* (*Verbascum*), Богатенку (*Erigeron asce*), которую, въ Новгородской губерніи, поселане собираютъ въ стѣну на ния каждаго изъ сѣмья, замѣчая, что если чей цвѣтокъ скорѣе завянетъ, тому, или умереть въ этотъ годъ, или захворать. Тогда же подъ корнемъ Чернобыльника открываютъ земной уголь, который употребляютъ между простолюдинами, какъ врачество отъ падушей болѣзни и черной немочи, исцѣляемой и корнемъ сего растенія. Въ рукописномъ травникѣ въ началѣ XVIII вѣка упоминается о какой-то травѣ Архилинѣ, о которой сказано, что кто ее рветъ на Рождество св. Іоанна

Предтечи сквозь золотую, или серебряную монету (гривну) и кто ее носить на себя, тот не бонется ни дiавола, ни еретика, ни злаго челоузка, „а растеть она при большой рѣкѣ“.

Купанье на Неала Купалу. Вообще на Купалу собираются и всѣ лекарственныя травы и корни, приходящія въ зрѣлость къ этому времени. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской губерніи, около старой и новой Ладоги и Тихвина, на Ивановъ день топятъ бани и, воткнувъ въ вѣники собранную ими траву Иванъ да Марья, парятся на этотъ праздникъ съ цѣлю получить здоровье. Въ Антоніево-Дымскоу монастырѣ изстари, и по нимъ простой народъ собирается купаться въ таношнемъ озерѣ и съ тою же цѣлю купаетъ больныхъ лошадей.

Въ Переяславль-Залѣскомъ, по народному преданью, тамъ, гдѣ нынѣ храмъ Пресвѣтлыя Богородицы Владимірской, простолюдинами называемой Купальницей, будто бы прежде стоялъ истуканъ Купало, почему даже самая ярмарка называется *Купальницей*. Въ это время купаются на озерѣ Клещинѣ и водятъ по берегамъ круги съ пѣснями, которыя сочинены исключительно только на это время.

Толокчи съ ступи. Въ Нерехтѣ и въ окрестности былъ такой обычай: Наканунъ Купала, вечеромъ, дѣвушки, собравшись къ одной изъ своихъ подругъ, толкли въ ступкѣ ячмень, разувается сообща, причемъ пѣли пѣсни; а на другой день по утру изъ этого ячменя варили кашу, называемую *кутью*, которую вечеромъ того дня, заправивши масломъ, съѣдали. Послѣ того, взявъ отъ телеги переднія колеса, возили на оси нѣкоторыхъ изъ подругъ по селенію и по полямъ съ пѣснями, схватясь руками за оглобли. Такія повздки совершались до утренней росы. Причѣмъ дѣвушки умывались этою росой, чтобы быть красивѣе и здоровѣе.

Въ Москвѣ также существовалъ обычай париться вѣниками съ цвѣткомъ Иванъ да Марьей и вѣтъ кутью, что свидѣтельствуеть проф. Снегаревъ.

Москва и Кокуева слобода. Въ Москвѣ изстари славится вода на трехъ горахъ, и эта вѣстность была не менѣе славна своимъ гуляньемъ въ Ивановъ день. Лѣтъ 100 тому назадъ, съѣзжались многія татарскія семейства и, расположившись по берегамъ гагаринскихъ прудовъ, разводили огни и шировали.

Кокуева слобода, ииъ Нѣмецкая, и ручей *Кокуа*, текущій изъ Краснаго пруда чрезъ Нѣмецкую слободу въ Язу, наливаетъ Финскій Кокуй.

Крайняя кустъ. Въ Харьковской губерши вечеромъ, подъ день Ивана Купала, собираются и ставятъ въ какомъ нибудь мѣстѣ краивный кустъ (прежде зажигали солому) и перескакиваютъ чрезъ него туда и сюда; во время этихъ скачковъ, поютъ:

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чинъ нини, моя мати, торговати?
Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чинъ нини, моя мати, торговати?—
Позмву я свекорка продавати—
Роднова батника куповати.
Здишевила свекорка, здишевила—
Роднова батинку не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чинъ нини, мати, торговати?
Повизу я свекруху продавати,
Родную мати куповати.
Здишевила свекруха здишевила,
Родной матинки не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чинъ нини, моя мати, торговати?
Повизу я диверька продавати,
Риднова братика куповати;
Здишевила диверька, здишевила,
Риднова братика не купила.—
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чинъ нини, моя мати, торговати?
Повизу я зовицу (золовку) продавати—
Ридную систрицу куповати.
Здишевила зовица, здишевила,
Ридной сестрицы не купила!

Я Р И Л О.

Слово это понятно въ сейчасъ существующемъ: *яросль*, *яроственный*, а также *ѣра*, *ерликъ*. *Ярило*, или *Ерыло* созвученъ

съ греческииъ *Аресъ*, съ санскритскимиъ *ари*, — враждебный, вражеский, врагъ, съ латинскимиъ *вра* (*ira*) гнѣвъ, съ греческииъ *Еросъ* — любовь и вождельніе и сходенъ съ обоими по своимъ свойствамъ: мужества, или буйства и сладострастія. *Ярило*, по мнѣнію проф. Снегирева, однозначителенъ съ Туронъ и Тельцомъ, вошедшими въ весеннее созвѣдіе. Какъ звѣрь, Туръ (буйволъ) былъ всегда представителемъ ярости, силы и мужества. Пѣвецъ Игоревъ (см. Слово о Полку Игоревѣ), какъ выше замѣчено, совокупляетъ, оба эти понятія, съ наперѣиенъ усилитъ одно другія: *Яръ—Туръ*, *Буй—Туръ*, и Гонеръ Аресу также придаетъ эпитетъ *θούρος*—ярый, буйный. Рѣка Днѣстръ у Турокъ и Молдаванъ до сихъ поръ называется *Туръ*. У древнихъ грековъ и Римлянъ иногда рѣки сравнивались съ Туронъ по ярости волнъ и реву, который онѣ производятъ подобно мычанью.

Между Виндійскими и Иларійскими божествами встрѣчается *Яръ* и *Яросидъ*, сравниваемый съ *Аресомъ*. У Далматовъ и до сихъ поръ воспѣваютъ *Яра*; можно думать, что *Эросъ* близокъ къ *Ярилу* по созвучію. Мало того: Яръ вошелъ въ собственныя имена, что замѣчается въ именахъ славяно-Руссовъ, напримѣръ: Ярославовъ, Яромирровъ, Ярополковъ и пр. Кроме того во многихъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи встрѣчается празднованіе Ярилъ, которое встрѣчается также и въ названіи некоторыхъ урочищъ; таковыя встрѣчаемъ въ Тихвинскомъ и въ Валдайскомъ уѣздахъ подъ названіемъ *Яриловичи*. Въ Черниговской и Костромской губерніяхъ, въ последней близъ Чухлоны есть Ярилово поле, подъ Кивеншюю—Ярилова роща, гдѣ даже бываетъ гульбище подъ Ярилову (должно быть недѣлю). Въ Оренбургской губерніи, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, есть *Ярилово*. Наконецъ нашъ *яровой* посѣвъ, *яровое* не подлежитъ ли общему значенію въ смыслъ названія?

Ярый, Яровой, Яркій на русскомъ нарѣчій вообще выражаетъ характеръ съ требованіями, незнающими препятствій, стремленія, не знающія предѣловъ. Во всякомъ случаѣ въ египетскомъ мифѣ—*Ярило*, мы можемъ соединить то, что принадлежитъ веснѣ и ея благотворному вліанію на природу—мужество, силу и вождельніе. Весною все это оказывается и всего лучше. Не мудро, что начало года въ древности

начиналось съ весны, потому можетъ быть, что съ весны оживляется природа, и какъ бы оживаетъ. Не потому ли у насъ нѣсколько раскаленныхъ углей въ печи, называются жаромъ, (*Словакс. и Чешс. Gar.*) иногда говорятъ „яркій огонь“. Этими словами выражаютъ высшую степень свѣта, его силу и прочее.

Костромское Ярило. Въ Костромѣ, долгое время существовало обыкновеніе, во всесвятское заговѣніе хоронить Ярилу. Похороны эти были до глупости безобразны, такъ напри- мѣръ, какой нибудь бѣднякъ, нищій бралъ на себя порученіе хоронить куклу мужчины, съ чрезвычайно развитыми принадлежностями производительности, положенную въ гробикъ, а пьяныя, а подчасъ можетъ быть, и трезвыя, но суевѣрныя женщины провожали этотъ гробикъ и нелицезвѣрно плакали.

Ярилинъ праздникъ. Близъ Галича есть поклонная гора; она находится близъ села Туровскаго; тамъ, какъ говорятъ, поклонялись Мерянскому идолу Яриль, да и до нынѣ, въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, Галичане собираются праздновать и гулять.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, тамъ поступали такъ: подпавали мужичка и шутили съ нимъ какъ хотѣли, требуя отъ него изображать собою Ярила.

Нужно однакожъ замѣтить, что не вездѣ Ярилинъ праздникъ обозначенъ однимъ числомъ, или однимъ временемъ. Въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ, бываетъ этотъ праздникъ, то въ день всѣхъ Святыхъ, то на другой день Петрова дня. Во Владимірѣ на Клязьмѣ—въ Троицынъ день за Лыбедью, у Паталина моста. Въ Нижегородской губерніи, празднованіе Ярилы 4 іюня, соединяется съ яриркою, и къ этому дню, поселянки выработываютъ деньги пражею на лакомства и наряды. Въ Твери, празднество Яриль или Яруль, уничтоженное ревностью Архипастырей: Меодія и Анвросія въ XIX вѣкѣ, начиналось съ перваго воскресенія, послѣ Петрова дня, въ Трехсвятскомъ саду, на рѣчкѣ Лазурь; куда вечеромъ, собиралась молодежь, изъ горожанъ и другихъ жителей слободъ и посада, и пласали *блужу*, (танецъ изъ 8 паръ), подъ балабайку или другой инструментъ. Пользуясь этой возможностью туда отпускали, по жнѣвшнему нѣщанки, а по

прежнему рывуницы, (взрочно отъ словъ рыву жрутъ, или отъ рывы живутъ) своихъ дочерей повѣститься.

Покребеніе Ярилы. Такое сившнее въ наше время событіе, торжествовалось лѣтъ за 100 въ Калашинскомъ уездѣ, по дорогѣ къ Троицѣ, въ мѣстности Мерли или Норли, подѣ старою сосною.

Въ Чистопольскомъ уездѣ, въ г. Савинѣ, цѣлую ночь пляли и плясали въ честь Ярилы. Въ Воронежѣ до 1763 года, ежегодно отправлялся предѣ заговѣньемъ Петрова поста, до вторника втораго поста, народный праздникъ или играше *Ярило* — остатокъ какого нибудь древняго языческаго торжества. Въ эти дни, на бывшую площадь въ городѣ, за старыми Московскими воротами, стекались горожане и мѣстные жители и составляли родъ ярмарки: къ этимъ днямъ, въ домахъ, по городу дѣлались приготовленія, какъ бы къ великому празднеству; на мѣстѣ избранномъ для удовольствія появлялся человекъ избранный обществомъ; его украшали цвѣтами, лентами, обвѣшивали колокольчиками, на голову ему надѣвали колпакъ, тоже раскрашенный и украшенный лентами. При этомъ такого человека ругали, бѣдили, а въ руки давали позвонки (погремушки). На голову надѣвали высокій колпакъ, иногда изъ бубаги, украшали его лентами. Въ этомъ нарядѣ, подѣ именемъ Ярилы, ходилъ онъ по городу, сопровождаемый молодежью обоаго пола.

Это празднество сопровождалось играми и плясками, лакомствомъ и пьянствомъ, особенно кулачными боями; Превод. Тихонъ уничтожилъ этотъ праздникъ.

ПЕТРОВКИ.

Петровки, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называются *Петровки*, на старинномъ языкѣ: *Петрово юсейло*. Вообще Петровъ постъ издреле имѣлъ большое значеніе, какъ въ отношеніи хозяйственномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ.

Въ Петровки, въ деревняхъ начинается ипучая дѣятельность; она состоитъ въ *помочахъ*, *толокахъ*, то есть унавоживаніи полей и свиокошеніи.

Въ народной пословицѣ о времени Петрова поста, говорится: „сѣ *Петрова дни*—красное лѣто, зеленъ покосъ, зарница хлѣбъ заритъ“. Съ *Петрова* дня наступаютъ „*Петровскія жары*“. Съ этой поры начинаютъ колоть барановъ, или какъ говорятъ крестьяне: „сѣ *Петрова* для барашкамъ лѣвъ“. Сознавая значеніе этого времени, въ народѣ говорятъ: „до *Петрова* дни—железное лѣто“, съ котораго двѣтальность женщины требуетъ и поле и изба.

Въ коммерческомъ смыслѣ, Петровъ день тоже имѣетъ большое значеніе, такъ какъ въ этотъ день, или около этого времени, бывали всегда *Петровскіе торги*, то есть ярмарки, которыя существуютъ и понынѣ во многихъ мѣстахъ Россіи.

Въ юридическомъ отношеніи Петровъ день бывалъ срокомъ суда, днемъ взиманія пошлинъ, а также срокомъ платежа оброковъ и податей. Говоря о платежѣ податей, нельзя не сказать, что есть и по сейчасъ, Петровъ день служитъ днемъ уплаты у крестьянъ.

Гулянье на Наликахъ. Въ Стоглавѣ упоминается, что въ Москвѣ, въ понедѣльникъ *Петрова поста*, въ Москвѣ ходили на Наливки, на бѣсовскія потѣхи. Въ одной лѣтописи *) сказано, что „о праздницѣ Св. Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла своею свѣтію дьяволъ запинаятъ чрезъ колыски и качелн; на нихъ же бо колыщущеса и приключаетса вѣззаву упустити на землю, убиватса и злѣ безъ покаянїа душу свою испущати“.

Иностранцы, какъ напримѣръ: Олеарій, Христофоръ Ангело, Нейгебауеръ, удивляются, что русскіе, въ теченіи года, держатъ женъ и дочерей въ заперти, рѣдко отпуская даже къ роднымъ въ гости, или въ церковь, въ Петровъ день позволяютъ имъ гулять, качаться на качеляхъ, водить хороводы и пользоваться другими забавами.

Народная жертва. На границѣ Вельскаго и Тотемскаго округовъ, близъ верховья рѣки Ваги, въ приходѣ Кочеварской волости существуетъ преданье, что будто въ этотъ праздникъ каждый годъ выбѣгалъ олень изъ лѣсу; народъ, принимая оленя за даръ Божій, закалывалъ его и, разнявъ на части, приготавливалъ себѣ обѣдъ.

*) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской битвы. Ч. I. Сѣб. 1798 г.

Это продолжалось, какъ говоритъ преданіе, нѣсколько лѣтъ, но когда появленіе оленя прекратилось, то поселане стали вмѣсто оленя готовить себѣ обѣдъ, убивая для этой цѣли быка.

Это обыкновеніе бываетъ, въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Предъ обѣдней, убивъ быка, купленного на счетъ всей волости, разнимаютъ его на части и варятъ въ большихъ котлахъ; послѣ обѣдни и молебна, священникъ со всѣми богомольцами вкушаетъ этихъ яствъ.

Проводы весны. Въ Саратовской губерніи, наканунѣ Петрова дня *проводяются весна*. Мужчины и женщины рдятся разнаго рода шутами и привязываютъ нѣсколько телѣгъ одну къ другой гусемъ, катаются на нихъ, изъ конца въ конецъ селенія и заключаютъ праздникъ хороводами. Въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, это бываетъ въ заговніе Петровскаго поста.

Кромѣ того носятъ по селенію весну, т. е. наряженную куклу изъ соломы, при чемъ поютъ пѣсни и, затѣмъ бросаютъ ее въ рѣку.

Ночныя гулянья. Въ Тверской губерніи, съ перваго воскресенья послѣ дня, Св. Петра и Павла, начинаются ночныя гулябща, называемыя *Петровками*, которыя продолжаются до Перваго Спаса. Въ Кашинѣ, въ Петровъ день, бываетъ гуляніе у Клобукова монастыря, близъ Петропавловской церкви, при родникѣ, изъ котораго умываются для здоровья. Про этотъ родникъ есть преданіе, что будто бы въ глубокую старину тутъ стоялъ истуканъ Бунада. Тамъ же бываетъ въ Петровки родъ ночнаго маскарада, во время котораго молодые парни завязываютъ свои лица платками, чтобы ихъ не узнали дѣвушки, которыя тоже гуляютъ съ полуоткрытымъ лицомъ. Нередко во время этихъ маскарадовъ происходятъ рукопашные бои и драки, вслѣдствіе разныхъ интимныхъ исторій, оскорбленій и проч.

Карауленіе солнца. *Облуна.* Въ Тулѣ, въ Петровъ день, гуляніе называется *Облуною* *). Тульскіе поселане еще съ вечера отправляются въ поле *караулить солнце*, убѣжденные тѣмъ, что солнце въ это время играетъ, также, какъ и въ

*) См. Пѣсни русскаго народа. Ч. 2. 1838 г.

Свѣтлое Воскресеніе. Это убѣжденіе раздѣляютъ и въ Ярославской губерніи.

До восхода солнца, поселанки собираются на возвышенное мѣсто и проводятъ всю ночь, въ пѣняхъ и играхъ. Съ первымъ появленіемъ солнца приступаютъ къ наблюденію. Когда почувдится, что солнце играетъ, поселанки выражаютъ радость громкимъ крикомъ, и потомъ возвращаются домой, съ полною увѣренностію, что видѣли играющее солнышко. Если покажутся первые лучи небеснаго свѣта, запѣвало начинается, а прочіе подхватываютъ слѣдующую пѣсню:

Ой Ладѡ! ой Ладѡ! на курганѣ
Соловей гнѣздо завиваетъ.
А яволга развиваетъ.
Хоть ты вей, не вей соловей!
Не быть твоему гнѣзду совитому,
Не быть твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,
Не летать имъ по дубравѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы!
Ой Ладѡ! ой Ладѡ!

Каменочтеніе. Въ Одоевскомъ уездѣ, Тульской губерніи находятся два камня *Башѣ* и *Башиха* или *Башн*, которыхъ чествуютъ жители около Петрова дни. Башѣ и Башиха находятся въ селѣ Башевѣ и верстахъ въ 25 отъ Одоева, а саженьхъ въ 50 отъ церкви, близъ дороги на пахотномъ полѣ. Мѣсто, гдѣ находятся эти камни, имѣетъ довольно значительную возвышенность. Фигура этихъ камней обыкновенная, неправильно квадратная и небольшихъ размѣровъ. Между собою они лежатъ параллельно, на разстояніи одинъ отъ другаго не болѣе 1½ аршинъ. Тамоншіе жители утверждаютъ, что Башѣ и Башиха были люди, мужчина и женщина; по имению однихъ—мужъ и жена, а по другимъ кушъ и кума, или *Бонъ* и *Божиха*. Также почитаютъ Баша, за татарскаго сановника, который съ женою крестился, благочестиво умеръ и погребенъ на этомъ мѣстѣ. Два камня съ востока приплыли Окою и Упою, и сами пришли лечь на могилѣ Башей *).

*) Башѣ и Башиха слово Монгольское, означаетъ голову, начало. Это титулъ начальника.

О началѣ превращенія ихъ извѣстно только то, что они, какъ герои своего вѣка, во время войны повздорили между собою и Башиха за непокорность своему Башѣ, получила ударъ сапогомъ. Отъ этого удара, говорятъ, видна была долгое время ступня, а прежде, и гвозди каблука.

Есть также на Башихѣ рубцы, о происхожденіи которыхъ, думаютъ различно. То говорятъ, что Башѣ рубилъ Башиху шашкою, а по другимъ сказаніямъ, что будто бы какой то помѣщикъ изъ любопытства узнать породу камней, рубилъ ихъ топоромъ. Слѣдствіемъ такой попытки было, сказываютъ, безплодіе того поля, на которомъ стоятъ эти памятники, ослѣпленіе помѣщика и смерть его послѣ продолжительной болѣзни. Рассказываютъ, что отъ ударовъ этого помѣщика на камни появились красныя пятна.

Народъ убѣжденъ, что въ Башахъ кромѣ истительности за обиду, замѣчаютъ и чудодѣйственную и благотѣльную силу на тѣхъ, которые къ нимъ прибѣгаютъ за помощію и потому въ лѣтнее время, около Петрова дня, народъ стекается въ село толпами, сперва служатъ молебны Божіей Матери—Ушленію, а потомъ ходятъ кланяться камнямъ, какъ бы на могилы усопшихъ родственниковъ.

Послѣ сего обряда у камней Башей оставляютъ вещи, деньги, волну (шерсть), холстъ и прочее, что потомъ собираетъ кто-то (церковный староста) и это жертвованіе поступаетъ въ церковь.

Нѣкто изъ жителей Одоева пожелалъ на этомъ мѣстѣ построить церковь, и камни эти положить въ основаніе храма. Но такія покушенія строителя сопровождалась, будто бы, чудомъ, т. е., когда эти камни подвезены были на мѣсто храма, по мнѣнію другихъ, когда хотѣли опредѣлить величину ихъ и открыть сторону, находящуюся въ землѣ, то они по мѣрѣ усилія подрывъ ихъ, осаживались внизъ и старались остаться сокрытыми. Впрочемъ сихъ чудесныхъ разсказовъ никто утверждать не беретъ. Всякій, напротивъ, разсказывая что нибудь, извѣстное ему, готовъ повѣрить всему, что говорятъ другіе объ нихъ, лишь бы было въ разсказѣ что нибудь новое, дивное.

Разсказывали, что будто бы Башаи многимъ въ сновидѣніяхъ открываютъ повелѣніе искать ихъ помощи. Такъ напр., когда

въ одно дошъ вышерли все овцы, то хозяйкъ дома было открыто повелѣніе поклониться означеннымъ камнямъ, взять изъ подъ нихъ земли; то овцы перестанутъ умирать, что по исполненіи предписаннаго, оправдалось на дѣлѣ.

Гдѣ берутъ землю, тамъ образовалась большая яма. Земля эта еще полезна для размноженія скота и отъ порчи, по народному убѣжденію. Осколки отъ Башней считаются врачевствомъ отъ зубной боли.

Разсказываютъ про одного крестьянина, который будучи пьянымъ, надругался надъ Башнями, за что былъ наказанъ отнятіемъ рукъ и ногъ и не прежде получилъ исцѣленіе, какъ раскланявшись съ Башнями.

Всего вѣрнѣе предположить, что камни эти остатки Татарскаго времени, и скорѣе всего напоминаютъ памятники, смыслъ которыхъ утраченъ.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ ПРАЗДНИКИ И ПРОСТЫЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ДНИ.

Земледѣльческіе праздники составляютъ отрадную пору отдыха послѣ обременительнаго труда. Все эти праздники вообще были общи у всехъ народовъ и основаны на ихъ вѣрованіяхъ и нравахъ. У евреевъ эти праздники считались священными, какъ напримѣръ праздникъ *жнивъ переродныхъ и седмицъ*. Въ этотъ день приносились въ числѣ жертвъ два хлѣба изъ новыхъ житъ и снопъ соломы, какъ знакъ начала жатвы. У египтянъ, грековъ и римлянъ съ земледѣльческими работами соединены были некоторые священные обряды и пирушки, такъ какъ эти народы искусство земледѣлія считали дѣломъ божественнымъ, высокимъ по его благому значенію для жизни человѣческой. И по сейчасъ, китайскій богдыханъ поощряетъ земледѣліе личнымъ трудомъ, давая тѣмъ знать своимъ подданнымъ, трудъ земледѣльческій заслуживаетъ вниманіе великихъ и сильныхъ міра по его великимъ благотворнымъ цѣлямъ.

У Римскаго народа было до 12 земледѣльческихъ боговъ. Между славянскими племенами въ древности еще появлялось искусство земледѣлія и у Балтійскихъ славянъ главнымъ праздникомъ былъ *Святovidовъ*, который совершался у нихъ послѣ

жатвы. Этому божеству приносился въ жертву яряликъ, и по количеству меда въ рогъ у кумира, заключали о сборѣ жатвы, урожаѣ или о неурожаѣ.

Подобно римской Церерѣ, греческой Деметиръ, такъ у Славяно-русовъ представительницей земледѣлія была *мать-земля* и сиедаже принадлежитъ *даждь-богъ*, милостивецъ, который ны находимъ въ числѣ боговъ князя Владиміра, а также *Волоса*, которому и до сихъ поръ, въ Южной Россіи, старухи завиваютъ *бородку*; затѣмъ погода и т. п.

Но съ того времени, какъ христіанство водворилось въ русской землѣ, покровителями земледѣльческихъ занятій очутились уже не народные божества язычества, но Святые Православныя церкви.

Вотъ перечень замѣчательныхъ дней: *Аксимья* (Ксенія)—полузимица 24 января, день, съ котораго считаютъ начало второй половины зимы. *Василій*—капельникъ 28 февраля, начало первыхъ оттепелей. *Авдотья* (Евдокія) плющиха—1 марта потому такъ названа, что съ этого времени плющится или осѣдаетъ снѣгъ. *Дарья* (Дарія)—г... прорубница, или з... проруби, 19 марта. На рѣкахъ, прудахъ, около прорубей вытаниваетъ въ это время скопившійся въ продолженіи цѣлой зимы пометь животныхъ. *Иродіонъ*—ледоломъ—8 апрѣля. На значительныхъ рѣкахъ трескается и начинается проходить ледъ. *Егоръ* (Георгій)—скотопасъ, водопасъ, Егорій съ гвоздемъ—23 апрѣля, тогда выгоняютъ скотъ на паству, бываетъ вскрытіе и полноводіе рѣкъ. *Степанъ* (Стефанъ)—ранопашецъ, 26 апрѣля—начало самой ранней вспашки полей подъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ. *Еремья* (Іеремія)—запрягальникъ 1 мая, день, съ котораго чаще всего начинается вспашка и засѣвъ полей яровымъ хлѣбомъ. *Орипа* (Ирина)—разсадняца, 5 мая, время посѣва капусты въ разсадняки; хозяйки начинаютъ поливать рассаду. *Никола* (Николай) травной, вешной, весенній, 9 мая. Около этого времени чаще всего появляется первая зелень на дугахъ, и посѣвъ яровыхъ, весной въ полномъ разгарѣ. *Лукерья* (Гликерія)—комарница 13 мая, обозначаетъ время появленія комаровъ. *Сидоръ* (Исидоръ) свирянь, сѣверный, 14 мая. Около половины мая начинаютъ дуть холодныя сѣверныя вѣтры, продолжающіеся недѣли двѣ. *Олена* (Елена) леносѣвка,

леница 21 мая, начинают сзять лозъ. *Федосія* (Феодосія) колосеница 29 мая. Около этого дня начинается идти въ колосья озимый хлѣвъ. *Еремья* (Ермій)—распрегальникъ 31 мая—коонецъ посѣва яровыхъ хлѣбовъ. Выпряжка воловъ и лошадей изъ рабочихъ хомутовъ и ярма. Если нѣкоторые и продолжаются у безпечныхъ хозяевъ, то у самыхъ нерадивыхъ. *Акулина* (Акилина)—задеря хвосты, сдеряхвостка, 13 юня. Около этого дня появляется много мошекъ, комаровъ, оводовъ, пауковъ, и другихъ насѣкомыхъ, беспокоящихъ лошадей и скотъ, отъ чего онъ бѣгаетъ по пастбищу и часто даже прибѣгаютъ домбй, отхлестываясь хвостомъ. *Аграфелѣ* (Агриппина)—купальница, 23 юня. Начало купанья въ рѣкахъ, такъ, какъ вода въ это время начинается нагрѣваться въ рѣкахъ и озерахъ. *Афимья* (Евфимія)—стожарница, 11 юля. Въ эту пору на покосахъ во множествѣ появляются стогы или зароды сѣна. Собственно же сѣнокосъ начинается ранѣе, съ первыхъ чиселъ юля и преимущественно съ Прокофьева дня (8 юля). *Иуда* и *Трифонъ*—бессонники, 23 юля; къ этому времени созрѣваютъ ранне посѣвы озимаго и даже яроваго хлѣба, и наступаетъ жатва хлѣбовъ; между тѣмъ сѣнокосная страда еще продолжается, надобно поспѣвать во всѣхъ работахъ и потому много спать не приходится. *Евдокия* (Евдокія)—малинуха—4 августа, начало сбора малины. *Никитина*—рѣпорвѣзъ, 15 сентября, начало сбора рѣпы. *Смирдонъ*—солнцеворотъ, поворотъ 12 декабря. Такъ какъ считается съ 10 декабря солнечное солнцестояніе, когда солнце вступаетъ въ знакъ Козерога. Съ этого времени говорятъ, начинаютъ прибывать дни; съ этого времени солнце на лѣто, зима на морозы.

Какъ въ первые вѣка міра пастухи и земледѣльцы оканчивали свои работы, смотря по распусканію деревъ, или по паденію листьевъ, такъ и у нашихъ простолюдиновъ есть въ природѣ свой календарь, по которому они приурочиваютъ свои труды, игры и пиршества, иногда приходящіеся и въ дни праздниковъ церковныхъ.

У всѣхъ народовъ августъ, славянскій серпѣнь, или заревъ, былъ посвященъ богинѣ жатвы. Еще и понынѣ въ Сициліи, въ праздникъ этого мѣсяца увѣнчиваютъ колосьями образъ Богоматери. Въ Англіи первый день августа (первый Спасъ) назы-

вается слово *latmas*—составленный из двух древне-саксонских слов, значущих *жатва пирогов*, так как было въ обычаѣ въ этотъ день приносить въ храмъ пироги изъ новаго хлѣба.

Въ южной Исландіи и Норвегіи, 24 августа, по окончаніи снокосовъ, поселане, заколовъ теленка или барашка даютъ работникамъ пирушку, которая продолжается всю ночь, сопровождаемая пѣснями и плясками.

Въ Германіи, Испаніи и Франціи конецъ жатвы также сопровождается пиршествомъ, играми и другими потѣхами.

Подобное же обыкновеніе существуетъ и у насъ въ Россіи, гдѣ въ августѣ празднуютъ *Госпожинки* *). *Оспожинки* или *Спозжинки* (отъ слова спожать, спожинать). Въ Торжкѣ этотъ день называется Спозжинца, въ лѣтописяхъ *Госпожинъ день*.

По свидѣтельству Валсамона, писателя XII столѣтія въ Греціи, приносили къ Патріарху на благословеніе плоды 6 августа, а въ странахъ болѣе сѣверныхъ 15 августа **).

Въ Бѣлоруссіи, въ праздникъ Успенія Божіей Матери, извѣстный подъ названіемъ „*Большая Пречистая*“ и во многихъ Великороссійскихъ губерніяхъ приносятъ, какъ говоритъ проф. Снегиревъ, хлѣбъ изъ новаго жита или колосья, а гдѣ и соты, а въ Малороссіи и мясо. Нынѣ же повсюду медовое разговѣшіе считается 1-го числа августа, плодовое 6 августа.

Въ Костромской губерніи въ Нерехотскомъ уѣздѣ при посѣвѣ и началѣ жатвы, крестьяне, входя на полосу, молятся на три стороны, исключая сѣверной, откуда нѣтъ солнца, а только дуютъ холодные вѣтры.

Когда же будутъ сжаты яровой хлѣбъ и рожь, то оставляютъ небольшой комокъ не сжатаго хлѣба, по ихъ словамъ: „*волотка на бородку*“. Тутъ можетъ быть нѣтъ въ виду волотка, волоть волокино, но кому на бородку—другой вопросъ... Можетъ поговорка эта происходить со временъ незапамятныхъ и принадлежить язычеству, когда почитали Волоса и поклонялись ему, какъ богу, живущему попеченіе надъ скотомъ.

При окончаніи жнитва на своей полосѣ, послѣднюю горстью

*) Отъ поста въ честь Успенія Господня Богородицы 15 августа.

**) Новая сѣрница. Изд. 2. Москва. 1806 г.

сжатой соломой, старший въ семействѣ, обравъ все серны у своей семьи, обвертываетъ ихъ и, принеся домой кладезь въ передній уголъ, и все при этомъ молятся.

Нѣкоторые видють обыкновеніе, послѣ того, какъ ихъ колоса совершенно сжаты, кататься на ней, приговаривая: „*Жлипка! жлипка! отдай мою силку, на ястык, на мелюк, на колотило, да на молотило и на криво веретьило*“.

Во многихъ мѣстахъ Успенскій постъ считается *бабыми лѣтми*, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отъ Успеньева дня до Ивана Постнаго.

Дежень. Въ Шемкурской и Вельской округахъ въ Августъ и сентябрь оканчивается жатва хлѣба. Послѣ ржи, пшеницы и ячменя жатва заключается овсомъ, по большей части, около Натальи овсяницы (св. св. Адриана и Наталіи, 26 августа). Тогда жнецы несутъ на себѣ съ поля снопы овеа, сопровождаая шестіе пѣснями. Этотъ снопы ставятъ въ сутки, то есть подъ образа въ передній уголъ, потомъ садатся, какъ хозяйши съ хозяйкой, такъ равно и сотрудники за столъ, на которомъ главное кушанье дежень, то есть толокно, замѣшанное на кислѣмъ молокѣ, или на водѣ. Потомъ исчисляють всю жатву *су-слонами* *). Затѣмъ гости—сотрудники, поблагодаривъ хозяйку за *сладкія дежень*, расходятся по домамъ. Въ Пермской губерніи вѣдуть дежень болѣе за паужиномъ, то есть за полдникомъ.

Опашка. Въ Макарьевѣ на Унжѣ опашка составляетъ земледѣльческое торжество и составляетъ чередовую въ августъ и въ сентябрь. Въ одной отчпнѣ опашку празднуеть одноотчпники, въ другой другая и т. д. Причемъ всей деревней варятъ общее пиво, потомъ раздѣляютъ его по домамъ. Въ праздникъ, или въ воскресенье крестьяне сходятся въ церковь; каждый хозяинъ приноситъ въ нее плечо баранины или пѣтуха, а священникамъ даютъ хлѣбъ; потомъ поютъ общій молебенъ, наконецъ по домамъ угощаютъ сродниковъ и всѣхъ изъ того околотка, которые при разставаніи приглашаютъ къ себѣ на *опашку*.

*) Суслонъ числится для ржаной жатвы въ 13 сноповъ, а для яровой—въ 6 сноповъ.

Имяники. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ только обмолятъ хлѣбъ, что обыкновенно приходится около дня Феклы—Заревницы, тогда овинъ называютъ *имяникомъ* и варятъ для него домолотную кашу молотилщикамъ, по ихъ поговоркѣ: *хозяину хлѣба ворошокъ, а молотилщикамъ каша торшокъ.*

Чучело, представитель окончанія жатвы. Въ Саратовѣ при уборкѣ хлѣба, крестьяне сдѣлавъ изъ соломы куклу, наряжаютъ ее въ кумачный сарафанъ, на голову надѣваютъ головной уборъ (чутлюкъ), на шею—ожерелье или бусы, и украсивъ, смотря по средствамъ, несутъ это чучело вдоль по селенію, гдѣ вокругъ его составляется хороводъ съ плясовыми пѣснями *).

Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ въ Пожники, по окончаніи жатвы, весь народъ собирался въ поле дожидать послѣдніе загоны и, когда уже бывало свяжутъ послѣдній снопокъ, который назывался у нихъ *имяникомъ*, тогда наряжали его въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несли на господскій дворъ. (Описывается время крѣпостной зависимости). Здѣсь господа подчивали жнецовъ виномъ и поздравляли ихъ съ окончаніемъ жатвы.

Въ Смоленской губерніи въ Юхновскомъ уездѣ съ послѣднимъ снопомъ продѣлывали такіа штуки: привязавъ къ снопу нѣчто въ родѣ рукъ, надѣвали на него бѣлую насовку, сверху кичку; а въ Дорогобужскомъ уездѣ—накидку, и двѣ бабы несли съ пѣснями и плясками это чучело на помѣщичій дворъ, гдѣ одна изъ нихъ съ особыми припѣвами съкла снопокъ въникомъ.

Въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ вмѣсто этого маскараднаго обычая крестьяне подносили помѣщикамъ коровай, за что получали приличное угощеніе.

Дожижки. Въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи, во всей Литвѣ и въ землѣ Жмудской, кромѣ *госпожинокъ*, или какъ тамъ называютъ, *Госпошки*, известны досѣвки, по окончаніи сѣянія и дожижки, отправляемыя обыкновенно въ исходѣ лѣта; тамъ по окончаніи полевыхъ работъ, на которыя приглашаются окрестные жители работать безвозмездно, они отправляются въ домъ къ хозяину и подносятъ ему и жень его вѣяки, сплетен-

*) Заимствовано изъ письма г. Струкова.

иye изъ колосьевъ, и танцъ, послѣ угощенья поютъ и пляшутъ до глухой ночи.

Въ Гродненской губерніи, вообще на Украинѣ, Подолѣ и въ Волиши, при празднованіи дожинокъ въ деревняхъ, по сжатіи послѣдняго снопа, съ пѣснями сплетаютъ вѣнокъ и кладутъ его на голову красивѣйшей дѣвицы, которая должна вручить этотъ вѣнокъ хозяйки жатвы, и поздравить его съ окончаніемъ жнивья и пожелать ему долголѣтія.

Иновѣрческіе праздники жатвы. У Черниисъ изъ земледѣльческихъ праздниковъ особенно извѣстенъ *Аѣ Наврамъ*, тоже, что у Татаръ *Сабанновъ* праздникъ, отъ сабана — родъ сохи. *Аѣ* происходитъ отъ Черниискаго слова *дана* — полоса или часть земли данная для посѣва и отъ *наврамъ* — праздникъ, собственно въ честь божества Юмассе, управляющаго хлѣбородіемъ; онъ слылъ божествомъ напольнымъ отъ того, что сборище бываетъ на полѣ, тогда, какъ начинаютъ орать землю подъ яровой хлѣбъ. Ага-Найрамъ бываетъ не въ одно время въ разныхъ мѣстахъ; но окончательно большой праздникъ отправляется въ субботу предъ Пятидесятницею. Тогда Картъ или Уставщикъ, обазываетъ каждого къ назначенному дню приготовить кушанье и питье, которое они ставятъ на вѣтя пихты (пулга); Картъ, зажогши костеръ дровъ, читаетъ молитву о плодородіи, потомъ, взявъ горящую голову, очищаетъ освѣщеніемъ ею принесенное кушанье и питье. Послѣ сего обряда садятся пировать, и по окончаніи пиршества, всѣ, начиная съ Карта, ходятъ къ огню бросать въ него куски отъ общей трапезы, приговаривая: „будь спору“.

Этотъ обрядъ оканчивается иногда присягою или испытаніемъ (тобыла), при коемъ ставятъ восковую свѣчу на землю и кладутъ липовую палку; тогда всякій долженъ цѣловать землю и переходить черезъ палку. Кто сего не исполнитъ, того считаютъ за отступника. Послѣ сего всѣ расходятся по домамъ.

Въ другой праздникъ *Унуръ Наврамъ*. (Упура — новое пиво), соответствующій спожинкамъ или госпожинкамъ и отправляемый или въ концѣ Іюля, или въ началѣ августа, варятъ пиво изъ новаго хлѣба и ходятъ другъ къ другу желать счастливаго окончанія и успѣха жатвѣ.

Помощь. Иначе помощь, въ своевременной *) уборкѣ хлѣба съ полей, истинно христіанская цѣль. Бываетъ, что малосемейные, но зажиточные люди приглашаютъ къ себѣ народъ; а часто и просто богатые люди приглашаютъ, чтобы ускорить сборъ хлѣба съ полей. На помощь радко, кто отказывается, потому во первыхъ, что весело, многолюдно и легко убрать хлѣбъ, ну а потомъ слѣдуетъ обильное угощеніе, смотря по возможности и средствамъ приглашающаго на эту помощь.

Но если помощь собираетъ вдова, то, по словамъ И. Лепехина, см. дневныя записки 1868 и 69 г., въ прежнее время не взыскивали никакого угощенія. Такъ какъ вдовъ и сиротъ міръ снабжалъ всемъ, что нужно было для такого пршества и даже давалъ сѣно, дровъ и лучины. Шли охотно на помощь послѣ обѣдни въ воскресенье, придерживаясь пословицы: „*ма одовѣ дома хоть щепу киль, все душь спасенье*“, или „*съ міру по ниткѣ — волому рубашка*“.

Помочи въ разныхъ губерніяхъ имѣютъ особое значеніе; но во всякомъ случаѣ, вся эта весьма благотворная круговая помощь оканчивается угощеніемъ. Откуда это переняли русскіе, неизвѣстно, но если, суда по слову *Толока*, равнозначащему съ словомъ *помощь*, то первое производится отъ древне-прусскаго слова *Talsk* то есть — плата за трудъ угощеніемъ.

Капустница. Въ русскихъ деревняхъ и селахъ есть обычай осеніе и мужскіе женскіе труды обрабатывать сообща или помочами, что имѣетъ ту хорошую сторону, что дѣла идутъ успѣшнѣе, особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ малоллюдно, или рабочихъ сильныхъ и здоровыхъ рукъ очень мало. Въ Сибири, особливо въ Пермской губерніи, по сказаніямъ, существуютъ *полотушки* или полотье на грядкахъ, *потренушка* или трепаніе льна. *Супрядки* пряжи и льна. *Назлы* или унавоживаніе и — тому подобное.

Замѣчательнъ въ Россіи обычай рубить капусту общими силами. Это составляетъ родъ семейнаго хозяйственнаго праздника. Особливо въ Сибири поводомъ къ простонароднымъ *вечеркамъ* служатъ *капустка*, то есть рубка капусты, на которую приглашаютъ соседей. Тѣ, являсь въ домъ, поздравляютъ

*) См. Русскіе простонародные праздники. Вып. VI, Москва. 1837 г.

хозяекъ съ капусткой, какъ съ праздникомъ. Къ этому времени варятъ пиво и готовятъ обѣдъ, но особливо ужинъ, оканчивающійся плясками и пѣснями. Главнымъ блюдомъ ужина и обѣда былъ *пирогъ хлѣбальный*.

Въ приволжскихъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, на Капустинцы собираются также дѣвушки въ лучшихъ нарядахъ, и переходя съ пѣснями изъ дома въ домъ, получаютъ угощеніе, чѣмъ Богъ послалъ. Подобные обычаи существуютъ въ Германіи и Франціи при сборѣ винограда и также при его выжиманіи.

Ильинъ день. День св. Пророка Ильи празднуется 20 іюля. Народъ этого святаго считаетъ грознымъ, какъ потому, что около этого дня бываютъ грозы; а потому еще, что онъ строгъ въ отношеніи къ дню своей памяти и не велитъ, будто бы, въ этотъ день работать, грозя молніею. *Святой Илья засылаетъ жниво* говоритъ пословица. Это значитъ, что около этого времени начинается жатва. Кромѣ того ильинъ день считается началомъ переменъ погоды, такъ какъ съ этого времени появляются дожди; а потому есть поговорка: *на Илью до обѣда лето, а послѣ обѣда — осень*.

Св. Ильи пророкъ, по мнѣнію народа, слишкомъ строгъ въ отношеніи народной распущенности, и потому народъ въ этотъ день вообще религіозенъ и боится его ищенія огнемъ. Такъ по суевѣрью считаютъ, что Илья пророкъ управляетъ громомъ и молніею и въ то время, когда слышны раскаты грома въ воздухъ, народъ набожно крестится и вѣритъ, что это ѣдетъ Илья пророкъ на своей огненной колесницѣ.

Въ день святаго пророка Ильи, Пермьки собираются въ сей день изъ двухъ или трехъ деревень въ одну, приводятъ съ собой быка или теленка и колютъ, потомъ варятъ и съѣдаютъ всѣмъ обществомъ. Цѣль этого обычая умиловить эту жертвою пророка. Въ этотъ день нигдѣ не выгоняютъ скотъ, вѣря и другихъ увѣряя, что въ это время по лѣсу свободно ходятъ ядовитые гады и хищные звѣри *).

По всему видно, что Илья пророкъ заступилъ мѣсто древ-

*) См. Абовета стр. 206. М. 1786 г. *Русскіе Простонар. Празд.* вып. 1. 1837 г. вид. Лепехина, стр. 189.

наго Перуна, Славянскаго бога грома и молніи, или Юпитера Римлянъ. Потому, что у Литовцевъ и по сейчасъ, когда громъ гремитъ, говорится: „Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ“.

Въ Периской губерніи, въ часовни которыя посвящены св. Ильѣ, Перяки приносятъ жаренныя или печеныя козы и бараныя головы съ горохомъ, служатъ святому угоднику молебны, прося у него защиты козамъ, баранамъ, гороху и подъ видомъ его всему растущему на поляхъ и огородахъ. Горохъ употребляется при этомъ случаѣ потому, что онъ есть единственный плодъ, который тамъ созреваетъ къ Ильину дню. Головы и горохъ въ видѣ подарковъ поступаютъ священно-церковно-служителямъ *).

Первый Спасъ.

Первый Спасъ, 1-го августа Происхожденіе дровъ Креста Господня, первый осенній праздникъ, тоже уважается въ народѣ, какъ день съ котораго начинается первый торжественный посѣвъ; этотъ день считается медовымъ розговѣшемъ **), такъ какъ къ этому дню вырѣзываютъ соты. Въ этотъ день бывають крестные ходы, святятъ воду на рѣкахъ и служатъ тамъ молебны. Въ деревняхъ пчеловоды приносятъ медъ въ церковь и святятъ.

Въ Периской губерніи, Перяки моютъ и купають послѣ водосватія приводимыхъ и приносимыхъ дѣтей, причѣмъ снятыя съ дѣтей рубашки бросаютъ въ воду, а надѣваютъ новыя. Точно также купаютъ лошадей, чтобы, они были крѣпче и здоровѣе.

Юрьевъ или Егорьевъ день.

(Весенній и осенній).

День Святаго Георгія Побѣдоносца празднуется по веснѣ 23 апрѣля, а по осени 26 ноября, и весьма чтимъ въ простомъ народѣ.

*) Перискій сборникъ. Канжика II, 1860 г. Москва.

**) Впрочемъ въ некоторыхъ мѣстахъ разговѣются медомъ въ день Преображенія (второй Спасъ) вмѣстѣ съ плодами.

Въ этотъ праздникъ по веснѣ, въ некоторыхъ мѣстностяхъ ~~заключили~~ *осеню*, такъ какъ этотъ день былъ срокомъ хозяйственныхъ условій и временей выгона скота, почему народъ и называетъ Егорья-скотопасомъ, покровителемъ домашняго скота и пастуховъ. Св. Георгій почитается даже и турками по словамъ проф. Снегирева, такъ въ этотъ день открывается пастушескій годъ и празднуется семейнымъ пиществомъ, на которомъ съдають первенца изъ стада *).

Скандинавы св. Георгію придавали почти тѣже самыя качества, которыми обладалъ ихъ богъ *Оддн* или *Торъ*, а *Славянскій—Перунъ*.

У Скандинавовъ даже было преданіе, что Торъ или Туръ одержалъ побѣду надъ дракономъ; когда по низверженіи въ Скандинавіи язычества, былъ поставленъ образъ арх. Михаила, то народъ сталъ свѣшривать дѣйствія и лица того и другаго. Изображенія эти остались на древнихъ храмахъ Скандинавіи.

Наконецъ день весенняго Георгія и осенняго Михаила Архангела служили въ Германіи, а потомъ и у насъ въ Россіи, сроками найновъ полевыхъ работъ; эти дни сопровождалсь въ Давніи, Германіи и Швеціи различными языческими обрядами, и по сейчасъ въ Литвѣ и Польшѣ существуетъ этотъ порядокъ въ рабочихъ срокахъ.

У Сербовъ, въ день св. Георгія рано по утру, еще до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Этотъ день, статутомъ Маріи Терези, (Urbarium, 1791 г.), назначенъ былъ крестьянину срокомъ для перехода отъ одного господина къ другому, какъ то бывало и у насъ въ Россіи до введенія крѣпостнаго права (XVII в.), а въ день Св. Михаила срокъ для предварительнаго съ обривъ сторонъ объявленія.

Сербы, Иллірійцы, Далматы и Черногорцы въ день св. Георгія поютъ колебенъ на колодцахъ и родникахъ, и окропивъ св. водою скотъ, гонять его вербою въ поле, какъ то бываетъ и въ Россіи.

У Карпатской Руси въ Берегскомъ, Угочскомъ, и Унгарскомъ Жупанствахъ въ Венгріи, выгоняется скотъ въ ночь Юрьева дня на самой зарѣ, и въ это время, по ихъ мнѣнію, будто

*) Voyage dans le Grèce, par. T. C. Fauqueville, à Paris, 1820 г.

бы снимается власть вѣдьмъ надъ рогатымъ скотомъ. Понятно, что скотъ, выбравшись на паству, и на свѣтлѣй коритъ, по натурѣ своей будетъ здоровѣе, чѣмъ зимой, закупоренный въ хлѣвахъ и въ сырости, въ несвойственной и чужой атмосферѣ, зараженной гнилью и газами. Если не вѣдьмы, то сами хозяева, часто виною болѣзни и слабости скота въ зимнее время.

Отъ Юрьева до Дмитріева дня, погода былъ срокъ у Болгаръ, Турокъ и Сербовъ. Въ Болгаріи въ дни св. Георгія, св. Параскевы и св. архангела Михаила приносятъ этихъ святыхъ въ жертву агнца, которому къ рогамъ привѣсивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладакомъ, рѣжутъ его надъ сосудомъ такъ, чтобы ни капли крови не попало на землю; этой кровью накладываютъ на маленькихъ дѣтей кресты на лбу, щекахъ и на подбородкѣ.

Потомъ, зажаривъ агнца, сѣдаютъ съ молитвою, а кости зарываютъ въ землю. То же дѣлается съ некоторыми перенѣнками въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ.

Въ Минской губерніи, въ Юрьевъ день святятъ хлѣбъ.

Въ Малороссіи празднуется, какъ весенній такъ и осенній Георгій, ибо праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на златыхъ воротахъ установленъ былъ въ Кіевѣ въ подражаніе греческому. Тамъ употребителенъ былъ законный обычай перехода крестьянъ отъ помѣщика къ другому, и тамъ даже родилась поговорка: „Отъ тебя бабо и Юрьевъ день“, то есть *вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день*.

Въ Костромской губерніи въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздахъ, объ Егорьевѣ днѣ ведется поговорка: „*Во поле стадо юлатъ и Егоря окликають*.“

Тамъ Егорьевское окликанье состоитъ въ слѣдующемъ:

Мы вокругъ поля ходили,
Егоря окликали,
Макарья величали.
Егорій ты нашъ храбрый,
Макарій преподобный!
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,

Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго!

Нѣкоторые историки приводятъ на разсмотрѣніе своя догадки, что Игорь, не есть-ли Егоръ, происшедшее отъ Георгія.

Прасковія Пятница.

Память святой великомученицы Параскевы совершается 28 октября, и во всей Россіи она именуется „пятницею“, хотя не всегда день этотъ приходится въ пятницу. Почти во всей Россіи въ большемъ уваженіи пятницы, отчасти потому, что по пятницамъ, во многихъ мѣстахъ Россіи бываетъ базаръ или ярмарки, которые существуютъ и по сіе время, которую и посвящаютъ Пятницѣ-Прасковіи.

Какъ весною на красную горку, такъ и особенно осенью родительскіе поминки усопшихъ встрѣчаются вмѣстѣ со свадьбами въ Россіи. И въ ту и въ другую пору невѣсты сироты выходятъ на могилы родителей прощаться и просить себѣ благословенія на свою судьбу.

Такъ какъ свадьбы осенью начинаются, по большей части, съ Покрова Пресвятыя Богородицы, то Покровъ и почитается покровителемъ брачныхъ союзовъ, такъ ровно и Пятница—Прасковія, у простаго народа, не только въ великой, но и въ красной Руси. Сельскія невѣсты приговариваютъ: *Батюшка Покровъ, мою голову покрой!* *).

Олицетворяя *Пятницу* народъ особенно празднуетъ ей; въ обѣтныя пятницы на работаетъ, во временныя, послѣ Пасхи,

*) Swiata Pokrowbako!
Pokryj Holowyn'kce.
Въ Минской губерніи:
Swiaty Pokrow, Pokrow!
Pokrow ziemi i wodu,
Pokryj mienie molodu.

то есть: Свята Покровенко
Покрой головоу.
или:
Святій Покровъ, Покровъ!
Покровъ земли и воду
Покрый мене молоду.

по разнымъ мѣстамъ собирается на ярмарки или торги, на которые, по преданію, вывозили изображеніе Св. Параскевіи, обвѣшанное платками и лентами.

Въ духовномъ регламентѣ (уставѣ) замѣчено, что въ Малороссіи, въ Стародубскомъ полку, въ пятюкъ (пятницу) водятъ жонку простоволосу, подъ именемъ пятницы и водятъ въ хорѣ церковномъ и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дарами и со упованіемъ нѣкія пользы. Самыя часовни съ образами Прасковіи Пятницы, стоящія обыкновенно на перекресткахъ, слыгутъ обыкновенно *пятницами*.

Нужно замѣтить, что, какъ Прасковія, такъ и Пятница, какъ то случилось въ народномъ понятіи и стало неразлучно, между тѣмъ женщины особенно возлюбили эту святую угодницу, и прибѣгали къ ней, какъ и сейчасъ прибѣгаютъ со всевозможными мольбами и надѣясь на нихъ, дѣлаютъ разные обѣты, особенно по случаю разныхъ неблагоприятныхъ случаевъ въ жизни. Составителю приходилось не разъ въ жизни видѣть, какъ по обѣту, женщины ходили на голыхъ колѣнкахъ вокругъ часовни по жгучему веску. Обѣтъ чрезвычайно тяжелый, но виѣсть съ тѣмъ, должно думать, непріятный и для Бога, который предписалъ беречь тѣло или плоть и не посягать на нее, такъ какъ увѣчтожать ее есть—самоубійство.

Семеновъ день.

(Бабье лѣто).

Сентябрь мѣсяць съ XV вѣка, или лучше со времени Собора для уложенія церковной Пасхалии, на XIII тысячелѣтіе, считался первымъ мѣсяцемъ въ году до 17-го года.

Въ началѣ этого мѣсяца праздновалось у Египтянъ новолѣтіе. У Персовъ—рожденіе Миеры. Въ древности—сентябрь, седьмой мѣсяць отъ марта и девятый отъ января, назывался *Руенемъ*, *Руиномъ* или *Ревдномъ*. По мнѣнію Добровскаго, названіе это возникло отъ рева вѣтровъ, которые начинаютъ съ этого времени дуть *). Впрочемъ Сербы, называя этотъ

*) См. Руководство къ Пасхалии. Соч. Пр. А. П. Талелова. 1830 г.

мѣсяць *Руемь* или *Рюемь* производилъ это слово отъ желтаго деревца *Rhus Cotinua*, которое употребляется въ красильномъ дѣлѣ, такъ какъ и самый желтый цвѣтъ они называютъ руевию, рупно. Сентябрь, какъ извѣстно, отличается отъ прочихъ мѣсяцевъ желтизною древесныхъ листьевъ.

Въ нашихъ народныхъ и въ другихъ актахъ, и до нынѣ въ простомъ народѣ, 1 сентября извѣстно подъ именемъ Семена лѣтопроводца, отъ празднуемаго въ этотъ день нашу церковь П. О. Симеона перваго Столпника. По увѣренію Преп. Нестора, въ память этого угодинка былъ въ Кіевѣ построенъ храмъ.

Начиная съ 1-го сентября, по день Рождества Пресвятыя Богородицы, 8 сентября, наз. *Семеновскою*. Съ 1-го сентября начинается *Бабе лѣто* или *лѣто на проводъ до Аспасова дна* или до *Рождества Богородицы* *).

Лѣтопроводецъ, какъ русскій Янусъ, провожалъ старое и встрѣчалъ новое лѣто. У Славянъ, напр. Чеховъ и Сербовъ извѣстно *Babi leto* (Баби лѣто), на польскомъ *Babie lato* значить ясная, ведреная продолжительная погода; а у Малороссовъ Бабыно лѣто.

У ивицевъ это время называется *Старушечьимъ лѣтомъ* или *Марына прѣса*, *Марыны платки*—такъ какъ въ это время на лугахъ, поляхъ и на деревьяхъ, въ хорошую погоду носятя тонкія нити паутины.

Въ Костромской губерніи, по поводу этихъ паутинъ, существуетъ замѣчаніе, что если въ бабе лѣто луга опутываются паутиникомъ, а гуси гудяютъ стадами, и скворцы долго не отлетаютъ, то осень будетъ протяжною и ведреною.

Въ подмосковныхъ селеніяхъ, подъ Семеновъ дѣшъ тушатъ огонь въ избахъ, а съ восхожденіемъ солнца вздуваютъ снова.

Съ этого же дня начинаютъ засиживать вечера въ деревняхъ, а въ городахъ мастеровые работать съ огнемъ, то есть по вечерамъ **). Можетъ быть потому это время называется

*) Аспасовъ день, вѣроятно происходитъ отъ Спаса; такъ какъ съ 1 до 8 сентября, продолжается служба Спасу.

**) Въ Кіевѣ засиди, то есть начало работъ при свѣчахъ, называется „Женить Семена“.

бабыми лѣтомъ, что съ этого дня, въ некоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, бабы затыкаютъ косы (узкій холстъ), съ этого времени начинаютъ мыть и трепать пеньку, мыть ее и стлать лѣпъ и берутся за веретено, то есть съ этого времени начинаютъ женскія работы и рукодѣля, *когда Семинъ день, стѣлена долой*, то есть прекращается полевой трудъ, и самая сѣзна высыпается изъ оставшихся на полѣ колосьевъ на землю.

Съ этого же дня, дѣлаются въ деревняхъ кромѣ обыкновенныхъ посидѣлокъ, сопровождаемыхъ пѣснями и сказками дѣлаются *олашки, братчики, ссыльчичы*, гдѣ всѣмъ міромъ варится пиво и страдается кушанье для пиршества; а въ Аспасовъ день оканчивается во многихъ мѣстностяхъ, заламываиенъ ульевъ.

Лѣтопроводецъ считается днемъ, съ котораго оканчивается существованіе мухъ, таракановъ, клоповъ и другихъ насекомыхъ. По этому случаю въ некоторыхъ мѣстахъ, такъ напримеръ: въ Серпуховѣ и Тулѣ, существовало обыкновеніе въ этотъ день хоронить мухъ. Для сего дѣвушки и молодыя женщины дѣлали изъ свеклы и рѣдкн коробочки или гробики, и хоронили мухъ, а въ Тулѣ, въ щепкахъ хоронили таракановъ и притворно плачутъ, разодѣтыя какъ можно лучше, это служитъ хорошимъ случаемъ молодымъ людямъ высматривать невѣсть и засылать сватовъ.

Этотъ день былъ до XVIII столѣтія въ Россіи днемъ торжественнымъ, днемъ начала новолѣтія, днемъ когда Государя наши являлись предъ народомъ, и гдѣ народъ являлся, внося оброки и дани; такъ въ книгѣ называемой „Потребникъ мужской“, (изданіе 1639 года), помѣщенъ уже *чмъ яровожденія лѣту, или начало индикта, еже есть новое лѣто*. Этотъ торжественный обрядъ былъ совершаемъ въ Москвѣ, Патриархомъ Филаретомъ, въ присутствіи Царя предъ народомъ *), который съ жадностію сходилса со всѣхъ концовъ Москвы, видѣть Царскія свѣтлыя очи. На Ивановской площади между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами поставлялись два аналоя съ паволоками, выносили аналой съ

*) Библиотека для чтенія 1836 г. Январь „Новый годъ“ въ Москвѣ.

образомъ Св. Симеона Столпника. Тамъ съ правой стороны отъ благоустроенія устраивали Царское шатерничье мѣсто съ павлоками, а патриаршее съ коврами.

По окончаніи утренней службы въ Успенскомъ Соборѣ, патриархъ выходилъ съ клиромъ и св. образами въ западныя двери и становился на дворѣ, предъ церковными вратами на востокъ, гдѣ совершалось молитвословіе, „во еже благоговѣити вънець лѣта благостію Своею“. Послѣ того Царь подходилъ къ Св. Евангелію, кони знаменовался, принималъ благословеніе отъ Патриарха, который сперва освящавъ его животворящимъ крестомъ, а потомъ благословявъ рукою, спрашивалъ о Царскомъ его здоровіи.

Потомъ Святитель и Царь, занимали приготовленные имъ мѣста на красной площади между Успенскимъ и Архангельскимъ соборами, гдѣ совершаемо было молебствіе съ водосвятіемъ; въ заключеніи сего Патриархъ, сошедши съ своего мѣста привѣтствовалъ Царя рѣчью, въ которой краснорѣчными словами выражалъ пожеланіе Царю и всему его вѣрно-подданному Благословенія Божія, здравія и благоденствія). Послѣ сего Патриархъ, освятивъ Царя крестомъ и святою водою, а затѣмъ весь народъ, возвращался съ духовенствомъ въ Успенскій соборъ. Между тѣмъ Царь привѣтствовалъ народъ милостивымъ словомъ, на что народъ отвѣчалъ: „Здравствуй, здоровъ буди на многія лѣта надежа—Государь“.

Бѣднымъ и нищимъ раздавалась царская милостыня, чтобы они молились о его многолѣтнемъ здоровіи. При колокольномъ звонѣ Царь шелъ къ обѣднѣ въ Благовѣщенскій соборъ.

Семеновъ день былъ также днемъ судебныхъ сроковъ, какъ мы сказали ранѣе. Въ этотъ день какъ жители Москвы, такъ и другихъ городовъ становились на личный судъ предъ государемъ. Мѣстомъ для этого суда, чаще всего былъ Приказъ Большаго Дворца. Здѣсь разбирались такія дѣла, которымъ не могли рѣшить Намѣстники, прикащики, городовые и волостители. Такой судъ назывался *Судомъ Божиимъ*, такъ какъ, по народному убѣжденію, то вѣдалъ Богъ да Государь.

На судъ должны были являться къ сроку. Неявившіяся счи-

тался виноватымъ; правому или оправданному давалась *правая грамота*.

Оброки также собирались къ этому времени, такъ какъ къ этому времени оканчивались полевая работы.

Пожровская суббота.

Такъ считается ближайшая суббота къ первому числу октября. Она празднуется въ то время, когда кончается „*Страда*“ то есть полевая работа и каждый крестьянинъ—земледѣлецъ получаетъ средство жить в лучше и шире, чѣмъ въ другое время года. Эта же суббота празднуется, какъ день поминовения усопшихъ родственниковъ, объ обрядѣ такихъ дней мы скажемъ ниже. У Перяиковъ эта суббота равняется съ обрядами Троицкой субботы. Но какъ эта суббота и какъ первый осенній праздникъ, послѣ тяжелыхъ полевыхъ работъ празднуется три дня и довольно шумно.

Къ этому дню, какъ и къ Сенику и къ Масляницѣ, у бѣднаго и у богатаго бываетъ много приготовлений относительно пищи и питья и въ домашнемъ быту. Моютъ помы и стѣны въ избахъ, чистятъ лопатой помы въ сѣняхъ, крыльцахъ, и вообще готовятъ также, какъ къ большому празднику.

ОБРЯДЫ ВО ВРЕМЯ ПОМИНОВЕНІЯ УСОПШИХЪ.

(Дни поминовенія).

Поминовеніе усопшихъ родственниковъ, введено въ нашу христіанскую религію, по нашему вѣнію, на основаніи воспоминаній, быть можетъ, на памяти о лицахъ, заслужившихъ себѣ доброе имя по части своей дѣятельности, знаменитости которая успѣла поддержать честь и имя своему потомству. Дѣйствительно весьма важно для поддержанія не только родовой гордости, но даже просто для своей родословной, знать, кто былъ дѣдъ? прадѣдъ? отъ кого я произошелъ? и прочее, это даже интересуется простолюдина. Каждый человекъ изъ за этой родословной вѣтви, имѣетъ часто большую родню; тоже самое возрѣніе имѣетъ законъ церковный для каждаго вступающаго въ бракъ, здѣсь конечно и безспорно имѣется въ виду свѣ-

тое уваженіе къ родной семьѣ а также къ памяти родичей, которую чтить предписываетъ намъ христіанскій законъ. И такъ, память объ отжившихъ свое время жизни, у насъ укореняется непреятно вслѣдствіе какой либо особенности дѣлній или же вслѣдствіе подвиговъ, полезной дѣятельности и т. д. Такъ мы поминимъ историческую жизнь Ивана Грознаго, Петра I, Екатерину, какъ замѣчательныхъ царствовавшихъ особъ, известныхъ по ихъ дѣятельности; не шеню того поминимъ: Суворова, Кутузова и другихъ по своимъ воинскимъ подвигамъ. Но вѣдь, поминимъ, благоговѣемъ и только. За своихъ же родичей мы возсылаемъ къ Богу теплыя молитвы и даже въ извѣстные дни служимъ панихиды, даже за тѣхъ, которые вообще жили въ бѣдности и вовсе не были историческими лицами въ государствѣ.

Въ этомъ случаѣ намъ необходимо съ вопросомъ о поминованіи усопшихъ лицъ обратиться къ исторіи, не почерпнемъ ли мы тамъ какихъ свѣдѣній; а вѣдь это весьма важно потому что иначе никакъ не можемъ понять хорошенько, почему мы поминаемъ лицъ усопшихъ, совершенно исчезнувшихъ съ лица земли, извѣстныхъ только по имени.

Въ объясненіе всего вышесказаннаго, мы последуемъ разнымъ писателямъ:

Мишле говоритъ, что погребеніе челоуѣка выражаетъ его сочетаніе съ матерью землею, его кормилицею, что памятники суть стражи его, и земли. Это конечно не ново, напротивъ старо даже: мысль о памятникѣ ясно говоритъ о томъ, что онъ воздвигается для того, чтобы было всегда возможно найти мѣсто, гдѣ похороненъ трупъ, а по надписи узнать кто онъ и когда умеръ. Затѣмъ: хоронить трупъ, значитъ прямо сохранивъ себя или другаго отъ заразы, такъ какъ на поверхности земли разлагающіеся трупы—вредъ и порча воздуха, а слѣдовательно и дыханія. Мишле увлекается въ идеализмъ, избѣгая истины.

Но въ основахъ самой древней изъ религій было то, что по смерти смертнаго, остается навсегда нечто такое, что связуетъ міръ вишній съ міромъ духовнымъ. Чествованіе при погребеніи умершаго было вишняемо въ священную обязанность, какая налагалась природою, божествомъ и волею

самых умерших, такъ, по вѣрованію Римлянъ, согласномъ съ Этрусскимъ ученіемъ, тѣни (должно быть также, какъ по нашему души), являлись три раза въ году на землю: въ концѣ августа, и въ началѣ октября и ноября. Дни этого таинственнаго сообщенія мертвыхъ съ живыми почитались черными или *сезземными*. Въ это время не предпринимали никакихъ важныхъ дѣлъ (*agri*).

Точно также и въ Россіи, по старому народному повѣрью, въ промежутокъ времени между Казанскою и Дмитріевымъ днемъ, или осеннею Родительскою, не начинается свадебъ по случаю неблагопріятнаго исхода.

Праздникъ *осахъ дуиъ*, у Римлянъ или (*festum omnium animarum*) хотя языскій, сталъ въ началѣ X вѣка, отправляться Римско-Католическою церковью.

4 ноября ежегодно и совершенно совпадать съ нашей осенней родительскою особенно исполняемая народомъ. Этотъ праздникъ сопровождался молитвами и приношеніями объ усопшихъ и, какъ говоритъ одинъ нѣмецкій ученый, былъ основанъ на вѣрованіи въ чистилище.

Праздникъ Всѣхъ Святыхъ, который считается 1 ноября, еще в донныя сопровождается языческими обрядами у Шотландцевъ, и у сѣверныхъ поселенъ Германіи, и почитается какъ позднѣйшее начало зимы; въ это время зажигаютъ огни (засидки) и считаютъ ихъ огнями мира и спокойствія покойниковъ и въ память сихъ послѣднихъ. Также и въ Даніи,—какъ мы находимъ, 2 ноября празднуютъ память душъ *Sialudag* и замѣчательно то, что въ это же время Египтяне и Персы, какъ о томъ свидѣлствуютъ Гошперъ, тоже ублажали тѣни усопшихъ.

У Римлянъ существовали заупокойные, пиры извѣстные подъ именемъ: *silicernia*, *infernae*, *coenae ferabae*, точно также у Грековъ *лудидиѣна*, *иваудѣна*. Какъ жертвамъ усопшихъ, или по тогдашнему понятію „тѣнямъ“, которымъ они приносили ежегодно въ дни поминковъ или родительскихъ (*parentaba*) на гробницы вино, медъ, масло, ящи, плоды и цвѣты. Точно также и древніе евреи *исждавали глѣбы свои при гробѣ праведныхъ* *),

*) См. Тора IV. стр. 17.

преломляли въ стѣнахъ хлѣбы на гробъ родителей и вкушали чашу утѣшенія *).

Такъ воспоминаетъ исторія о древнихъ поминовеніяхъ. Что же касается до Христіанскихъ поминокъ, то онѣ, по словамъ пр. Снегпрева, были остатками блаженнаго поминовенія христіанскихъ мучениковъ, трапезами любви, искаженными въ послѣдствіи злоупотребленіемъ **).

Св. Августинъ въ бесѣдѣ своей de sanctis удивляется невѣрію и суевѣрію тѣхъ, которые ставятъ на гробы покойниковъ кушанье и питье въ томъ убѣжденіи, что души усопшихъ вкушаютъ сія приношенія.

Въ оправданіе такого народнаго убѣжденія, скажемъ, что всѣ языческіе народы были полны вѣры въ то, что и за гробомъ кушаютъ.

Византійскіе писатели упоминаютъ объ одномъ пиршествѣ VI вѣка въ честь мертвыхъ (тризна), въ которое греки напали на славянское войско, въ то время занятое сими обрядами, и разбили его ***).

Нужно замѣтить о славянскихъ тризнахъ кое что. У насъ въ исторіи часто повторяется слово „Тризна“. Это слово сходно съ богемскимъ *tríz-meni*—*умерщвление. терзаніе*, объясняется въ словарѣ Памвы Беринды—*поединкомъ*; а *Ширмирствомъ*, по словамъ пр. Нестора. Изъ этого видно, что тризна сопровождалась борьбою и нерѣдко такими терзаніями, которыя сопровождались даже убійствами или увѣчьемъ, понятно, что эти утѣхи были между прочимъ—кулачки. По древнимъ обычаямъ у нѣмцевъ, наследникъ умершаго долженъ былъ тридцать дней поминать покойника по церковному обряду и въ то же время выставлять у себя въ окошкѣ тѣ кушанья, которыя любилъ или вообще питался усопшій.

Пиръ козла. Лятовцы долго спустя послѣ язычества собирались въ известное время на кладбища и тамъ приносили подземнымъ богамъ медь (смыченій), молоко, пиво, и оканчивали тризны такими же обычаями, какіе бывали во время похоронъ.

*) Иеремія. XVI 7—8. XXII 9—18.

**) См. Дни Богослуженное Правос. Грев. Росс. церквн Соч. М. Дебольскаго. С.-б. 1838 г.

Stittere. Memoriae Populorum. t. II p. 61.

Въ старину эти повинки, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, назывались *мяромъ козла*, котораго нѣкоторые славянскіе народы чтили. Здѣсь въ качествѣ жреца и пѣвца присутствовалъ гусларь, а у Чеховъ *Kozlar* (козляръ) то значить, колдунъ, вѣщунъ, чародѣй.

Отрада души. Въ Литвѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, предъ наступленіемъ *номинально* или задушнаго дня, простой народъ заказываетъ обѣдню цѣлымъ семействомъ, и въ церкви раздаютъ милостыню бѣднымъ, а потомъ по окончаніи обѣдни идутъ на кладбище, гдѣ около получаса громко рыдаютъ надъ могилами своихъ родственниковъ и вечеромъ возвращаются домой, гдѣ и поминаютъ усопшихъ; тайкомъ готовится пирушка въ часовнѣ, или въ пустомъ домѣ близъ кладбища, тамъ дѣлаютъ столъ съ разными блюдами и напитками и вызываютъ души покойниковъ, зажигая вино, и лентъ, и по цвѣту пламени судятъ о явленіи душъ; призываютъ слѣдующимъ образомъ: „Чего потребуешь, душечка, чтобы попасть на небо? Не хочешь яства и питья, оставь насъ въ покоѣ; а если не послушаешь просьбы, то во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! видишь господній крестъ! аквишь!

Въ понятіи простаго народа что пѣсни, яства, и причитанія будто бы доставляютъ отраду душамъ, находящимся въ чистилищѣ и что будто души покойниковъ за это, живымъ внушаютъ полезную мысль или совѣтъ.

Въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ по близости кладбища, тамъ пиръ устраивается уъ домѣ. Когда столъ оканчивается, хозяинъ дома беретъ утиральникъ, то есть полотенце и одинъ конецъ его вывѣшиваетъ за окно, а на другомъ концѣ его ставитъ рюмку водки, или стаканъ воды и кладетъ по кусочку всѣхъ кушаньевъ, приготовленныхъ въ честь воспоминанія умершихъ родственниковъ и знакомыхъ. Повѣрье говоритъ, что къ утру все пропадаетъ, а что остается, то отдаютъ нищимъ *).

Тоже самое исполняли Евреи въ свои семидневныя *Босины*. У нихъ для очищенія грѣховъ приносился въ жертву по жребію козель, а другой въ пустынь сталкивался или сверху горы **).

*) *Luś Polski. pr. L. Golebiowskiego. Warchawa. 1830 г.* Не подоркивали ли это суеверное повѣрье: ниши, ноши, или просто голодные прохажіе?

**) *См. Иудейскія вѣсны въ Волтеру. ч. V и VI пер. Свєтєрѣва Ш. 1836 г.*

Поэтому, замѣчаетъ проф. Снегиревъ, пиръ и чествованіе козла у Лповцевъ и Славянъ должны быть заимствованы отъ Евреевъ.

Вмѣстѣ съ дѣдами или *большими Осенинами*, въ Минской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, обыкновенно отправляютъ 6 ноября прикладныя, т. е, обкладываніе могилъ дерномъ. Малыя и среднія Осенины празднуются въ Госпожку.

Что касается до слова Осенины, то въ старомъ русскомъ языкѣ такъ называлось осеннее время, что упоминается въ рукописяхъ. Эта часть года считалась удобной, какъ въ Малой, такъ и въ Бѣлой Руси для совершенія всякихъ торжественныхъ и важнѣйшихъ въ семейномъ быту обязанностей, сюда принадлежали между прочимъ: поминки, свадьбы и т. п.

Въ православной церкви считается семь Вселенскихъ панихидъ:

- 1) Въ пятницу вечера предъ постомъ Филипповымъ.
- 2) Въ субботу предъ Рождествомъ Христовымъ.
- 3) Въ Мясопустную недѣлю.
- 4) Марта 15.
- 5) Въ субботу предъ сошествіемъ Св. Духа.
- 6) Въ субботу предъ Петровымъ днемъ.
- 7) Въ субботу предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.

Поминальные дни. Но главные, общіе народныя поминки совершаются только въ день радунницы или Пасхи усопшихъ, въ Троицкую субботу, въ Дмитровскую субботу (по осени) и въ Покровскую субботу.

Въ церковномъ уставѣ, изданномъ въ 1668 году предписывается 1 октября, посылать на убогіе дома архимандритовъ и прочее духовенство для совершенія общихъ панихидъ.

Совершеніе поминоченій въ Дмитровскую субботу, установлено послѣ Кудяковской битвы, по совѣту преподобнаго Сергія, Великаго княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ, и ежегодно отправляется между 18 и 26 числами октября для празднованія памяти воиновъ, положившихъ жизнь въ этой битвѣ. А по указу Императрицы Екатерины II, 1769 г. августа 17, чинъ этого поминоченія перенесенъ на 29 августа, въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя Господня.

Дмитровская суббота свое названіе получаетъ кровъ имени

Донскаго, какъ установителя, также отъ имени св. Димитрія Селунскаго, празднуемаго церковью 26 октября.

Въ Костромской губерніи и въ смежныхъ, Динтровская суббота называется *Дядовою*. Тамъ существуетъ повѣрье, что если въ эту родительскую будетъ оттепель на раннемъ зазимьѣ, то на „*дядовой кедьлѣ родители отдохнутъ*“.

Динтровская родительская болѣе чѣмъ другія уважается народомъ, какъ по удобству времени, такъ и по обилію въ эту пору всякаго продовольствія, наконецъ по старинному обычаю. Въ это время поселане пекутъ пироги, блины, а въ Смоленской губерніи, лепешки изъ тѣста разныхъ клиновидныхъ формъ, также кутью, (иначе канунъ) кисель съ сытою и молокомъ, брагу или пиво.

По окончаніи панихидъ одѣляютъ священниковъ и причтъ пирогами и блинами и это обыкновеніе обратилось въ народную поговорку: *не всегда поповымъ ребятамъ Димитріева суббота*.

Въ дни поминовеній обыкновенно приходятъ на кладбище и послѣ заупокойныхъ панихидъ, кто чѣмъ можетъ, поминуютъ покойниковъ. Въ коричей книгѣ запрещены были всякія пирванія, попойки и возліянiе вина и напитковъ; но однакоже обычай пировать на могилахъ усопшихъ родственниковъ остается существующимъ и до сихъ поръ.

Причитанiя по усопшимъ, вытье, колошеніе: Такъ вообще называется плачь по покойникѣ, но не безмолвный, не простой истерическій безмолвный припадокъ, допускающій потерю слезъ часто безъ звука, или сопровождаемый всхлипываніемъ и повременамъ стоаніи. Нѣтъ, это печальная пѣснь потери, лишения, которой авторъ, самъ потерявшій или понесшій лишеніе. Авторами такихъ причитацій преимущественно женщины деревенскія. Женщина или дѣвушка, обливаясь горячими слезами объ умершихъ родственникѣ или родственницѣ, и будучи не въ состояніи заткнуть въ себя душевной тревоги, упадаетъ на гробъ, или на могилу, гдѣ скрыты дорогіе ея сердцу останки, и то ударяя себя въ грудь, то обнимая гробъ, то ударяясь объ могилу плачетъ, выражая на распѣвъ въ формѣ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, слово сказанное ею отъ души, отъ сердца и часто глубоко прочувствованное, иногда даже носящее въ себя глубокий отпечатокъ народной легендарности.

Вотъ напримѣръ, какъ плачетъ дочь по отцу *).

Со восточной со сторонушки
Подымался да вѣтры буйные
Со громами да со гремучими,
Съ молоньями да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкину на моголушку...
Расшиби-ка ты, громова стрѣла,
Еще матушку да мать—сыру землю!
Развались ко ся ты, мать—земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Скройся-ко **) да гробова доска,
Распахнитесь да бѣлы саваны?
Отвалитесь да ручки бѣлыя
Отъ ретива отъ сердечушка.
Разожмитесь, да уста сахарныя!
Обернись ко ся да мой родимый батюшка
Перелетнымъ ты, да яснымъ соколомъ,
Ты слетайко-ся да на сине море,
На сине море, да Хвалынское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой етъ да на высокъ теремъ,
Все подъ кутясе да подъ окошечко,
Ты послушай-ко родимый батюшко,
Горе горькихъ нашихъ пѣсенокъ.

Старуха по старикъ.

На кого ты, милый мой, обнадвлялся?
И на кого ты оположился?
Оставляешь ты меня, горе горькую,
Безъ теплова ового гнѣздышка!...
Не отъ кого то горе горькой.

*) Заимств. изъ *Пермская сборника*, книжка II, стр. 128. 1860 г.

**) Откройся, разверзись.

Нѣту мнѣ слова ласкова,
Нѣтъ то мнѣ слова привѣтлива.
Нѣтъ то у меня, горе горькіе,
Ни роду то, ни племени,
Ни поляца мнѣ, ни кориньца...
Остаюсь то я, горе горькая,
Старымъ то я, старешенька,
Одна, да одишошенька.
Работать мнѣ—изможенья нѣтъ.
Нѣтъ то у меня роду—племени;
Не съ-къмъ мнѣ думу—думати,
Не съ-къмъ мнѣ слово молвати:
Нѣтъ у меня милова ладушки *).

Нѣтъ сомнѣнія, чему конечно найдутся у насъ указанія, что причитанія и вой, шедшихъ за гробомъ, принадлежатъ, къ обрядамъ языческимъ. Петръ I по случаю кончины царицы Маріи Матвѣевны, супруги цара Θεодора Алексѣевича, въ 1715 году, запретилъ при погребеніи вѣтъ, приговаривать и рваться надъ умершимъ **).

Еще у древняго Гомера упоминаются причитанія надъ трупомъ Гектора. Литовцы также при погребеніи усопшихъ употребляли *причитанія* сходныя, съ русскими простонародными, въ которыхъ выражали сожалѣнія и предлагали вопросы покойнику съ тѣмъ, что выражали нѣчто въ родѣ укоризны за потерю жизни, или за преждевременный переходъ въ другую жизнь, говора въ причитаніяхъ укоръ покойнику за смерть.

У нихъ также въ третины, девятины, сорочкины дѣлались поминки и сопровождалась *пирушками* ***).

Но все это не столь важно, какъ важно то замѣчаніе г. Снегирева, что обыкновеніе дѣлать пированія въ честь усопшихъ было общимъ у всѣхъ языческихъ народовъ и у народа Божія, какъ то видно изъ пророка Іереміи (XVI, 6. 7) и другихъ.

*) Ладушка—душа.

***) См. Русскіе престол. Праздники. 1837 г. выпускъ IV. Стр. 190.

****) Савершій Архивъ 1824 г. Литовская Мисіологія.

Похороны и поминки сопровождаются *прошеельем* или причитаниями, въ которыхъ плачевнымъ речитативомъ были достоинства умершаго, и жалобы осиротѣвшихъ; такимъ образомъ Балтійскіе латыши и финны въ XIII вѣкѣ, тайно совершая свои языческіе обряды во глубинѣ заповѣднхъ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилу пищу, питье, топоръ и нѣсколько денегъ съ подобными причитаніями: „Поди бѣднякъ въ лучшій міръ, гдѣ не шащы тобою, а ты ищцани будешь повелѣвать! вотъ и деньги тебѣ на дорогу, во запасъ и оружіе.“

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ.

Кажется нѣтъ въ мірѣ ни одного болѣе торжественнаго пршества, которое можно сравнить со свадебнымъ обрядомъ, началомъ и совершеніемъ брака, началомъ и вѣнцомъ любви, о которомъ молодые головы поэтизируютъ за нѣсколько лѣтъ прежде, избирая въ своей фантазіи подходящій идеалъ, пока не находятъ его.

Каждый народъ имѣетъ свои взгляды и обычаи на обрядъ брака. Но какъ молодые мужчины, такъ и женщины у насъ на Руси (изъ простонародья), не смотря на всю простоту ихъ незатѣйливаго быта жизни, понимаютъ, что значить вѣчная связь, — даруемая вѣнцомъ: связь съ лицомъ неузнающимъ, часто съ порочнымъ, законченная вѣнцомъ — неразрывно до конца жизни того или другаго. Всѣ дѣвушки это понимаютъ ранне супружества, но рассчитываютъ на бракъ, какъ на лоттерей, извѣстно, не всегда надежду.

Дѣвушки, какъ извѣстно, прибѣгаютъ къ гаданіямъ, часто весьма неблагоприятнымъ; сироты въ Радоницы ходятъ на могилки своихъ родителей прощаться и просить себѣ благословенія на судьбу свою. *Шокровъ* и *Пятница Прасковія* считаются покровительницами невѣстъ въ простомъ народѣ. Невѣсты, заботясь о своей будущности и объ хорошемъ житьѣ-бытьѣ (худокого никто не желаетъ) во время праздника Покрова молятся: „*Батюшка, Покровъ, мою юлову покров!*“ Въ Красной Руси

„Swiata Pokrowónko!
Pokryj holowónku!“

То есть: „Святая Покровка
Покрой головонку!“

Въ Минской губерніи, поють:

Swiaty Pokrow, Pokrow!
Pokryw ziarnu i wadu,
Pokryj mienie molodu.

Здѣсь мы высказываемъ начертаніе склада желанія молодыхъ лицъ, ищущихъ средствъ достигнуть брака, или просто соединиться бракомъ безъ всякихъ предназначенныхъ желаній; но только потому, чтобы не отстать отъ сверстницъ. Молодые дѣвушки и до сихъ поръ конфузятся при счетѣ лѣтъ и та, которая выходитъ поранѣе торжествуетъ, какъ будто она побѣду одержала, но это еще не значитъ благополучіе жизни.

Въ разныхъ странахъ сѣверной Россіи свадебные обряды весьма разнообразны и многочисленны до того, что представляютъ вообще картины чрезвычайно живыя вообще, и къ тому же весьма разнообразны по своей характерности. Здѣсь представляется самая полная этнографическая картина съ ея повѣрьями и обрядами, и что главное, здѣсь-то и отсвѣчивается символъ и та аллегорія обрядовъ, которые уже потеряны въ смыслѣ народномъ и существуютъ только по исполненію, какъ обычай.

Эта народная піеса, ежедневно повторяемая, вообще интересна, такъ какъ нигдѣ она не характеризуется лучше всего, какъ въ свадьбахъ; здѣсь вы слышите и видите жизнь и веселье, умиленные и трогаящія душу черты изъ народнаго быта и тѣ религіозные обычаи, съ которыми слиты всѣ эти обряды. Здѣсь сливается старое съ новымъ, религіозное съ народнымъ, а печальное съ веселымъ.

Обычай похищать дѣвицъ. Этотъ обычай, по словамъ Нестора существовалъ у Русскихъ Славянъ, такъ напримѣръ: у Радомичей, Вятичей, Сѣверянъ были *игры между селъ*, то есть между полей, а не между селъ; здѣсь во время игръ, пѣсенъ и плясокъ мужичины выбирали себѣ невестъ и увозили къ себѣ въ дома.

Въ воспоминаіе этого до христіанскаго обычая древней Руси, у насъ осталась древняя пѣсня прососѣянiя, начинающаяся такъ: „А мы просо сѣяли, сѣяли“.... Древляне уводили къ себѣ дѣвицъ, какъ въ древности Римляне Сабинянокъ. Самое выраженіе играть свадьбу напоминаетъ древнія игры, тѣмъ начиналось приобретеніе невесты.

Преслѣдованіе обычаевъ духовекствомъ. Во время свадебъ въ старину всегда присутствовали глумотворцы (шутники), органики, гусельники (гуслиры). Обычай этотъ существуетъ и по нынѣ; не разъ церковь возставала противъ такихъ порядковъ, которые суть слѣды язычества и хотѣла отдѣлить всѣ обычаи предъ вѣнчаніемъ и по вѣнчаніи, но этого было нельзя искоренить, такъ какъ самый актъ основанный въ своемъ будущемъ на любви и согласіи, на семейномъ счастьи вызывалъ на веселье.

Кромѣ языческой стихіи, оставшейся въ свадебныхъ обрадахъ, сюда же вошли обычаи и отъ другихъ народовъ во времена позднѣйшія.

Покупка дѣвицъ. Геродотъ упоминаетъ о древнемъ обычаѣ Египтовъ, пришедшихъ изъ Иллиріи. Здѣсь, говоритъ этотъ историкъ, въ известное время дѣвушки, достигшія совершеннолѣтія сходились, въ сопровожденіи своихъ родителей, въ одно мѣсто, туда же стекались молодые люди и вообщемъ мужчины и покупали дѣвицъ. Не отсюда ли и мы заимствовали до сихъ поръ существующій обрядъ покупать невесты или выкупать, причемъ женихъ даритъ дѣвушекъ?

Греческіе и Римскіе обряды. Въ Греческихъ и Римскихъ обрядахъ бракосочетанiя *) мы находимъ вѣнки, обручальныя кольца, покрывала (въ родѣ нашихъ вуали или фаты) соединеніе рукъ, свѣчи, свадебныя дары и пр. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это сходно съ христіанскими обрядами при самомъ совершеніи брака. Венера, какъ покровительница браковъ и союзовъ любви, называлась *Suada* и *Nabia* (свада и бабіа), представляемъ читателямъ раздѣлить съ нами мнѣніе, не находятъ ли они сходства въ словѣ *свада* съ свадьбой, а въ словѣ *бабіа*—баба. Этого мало: Русскіе обычаи говорятъ, что и по сейчасъ

*) J. Sauberti de Sacrificiis veterum Lugd. Bat. 1699 г.

молодыхъ осипаютъ хмѣлемъ, зерномъ и даже деньгами; смыслъ понятенъ: чтобы молодые жили счастливо, сыто и богато; но откуда возникъ этотъ обычай? опять отъ грековъ и римлянъ, а также отъ древнихъ Пруссовъ.

Говоря о заимствованіи обычая русскими, мы уже не можемъ не сказать о томъ, что русскій каравай, какъ символъ бракосочетанія, тоже заимствованъ у Римлянъ. У Римлянъ, какъ извѣстно, новобрачные, при торжественномъ бракосочетаніи, должны ѣсть пироги, приготовленный изъ муки, разитанной на водѣ посоленной, и меда.

Сниманіе сапога. Въ русскомъ коренномъ обычаѣ водилось и по сей часъ вѣстанн водится, что новобрачная должна разувать своего супруга. Этотъ обычай въ древности, вообще говоря, изображалъ покорность, рабское отношеніе, даже униженіе, потому что, кто же снимаетъ другому сапоги, если не человекъ вполне подчинившійся. Изъ исторіи мы знаемъ, что этотъ обычай былъ даже во времена Владимира и то, что дочь Полоцкаго князя не захотѣла его разуть *).

Въ Германіи во времена Лютера былъ тотъ же обычай, чтобы въ первую ночь брака снимала молодая супруга сапогъ и клала его на небо постели (въ изголовье); какъ знакъ господства супруга надъ женою **), мужчины надъ женщиной (порабощенной).

Ошарій и Гербенштейнъ ***) говорятъ о томъ, что въ ихъ пребываніе въ Москвѣ, даже на княжескихъ и боярскихъ бракахъ, совершался обычай разуванія и троекратное удареніе плеткою, которую вывѣсть съ гостинцемъ клали въ ларчикъ. Обрядъ этотъ продолжался въ Литвѣ до Ягеллона и до нынѣ сохраняется въ крестьянскомъ быту.

Куничное на свадьбѣ. Въ старыхъ свадебныхъ обычаяхъ упоминается должно быть тоже какое нибудь языческое преданіе. Куница въ свадебныхъ обычаяхъ есть памятникъ норманскихъ налоговъ. Если сказать куна, кона (копа, кupo), что значитъ—женщина, это высказывается по исторіи, сборъ ново-

*) Русские простояродно праздники и суевѣрные обряды. вып. IV. 1837 г

**) I. G. Graevii, *Trheaurus Antiquitatum Romanorum.*

***) *Luul Polski p. I. Golebicwskiego.* 1830 г

брачныхъ крестьянъ и вообще—простолюдиновъ. Куница, какъ мы увидимъ, осталась существенной единицей въ нашихъ простонародныхъ пѣсняхъ свадебнаго характера. Въ южно-русскихъ пѣсняхъ невѣста уподобляется иногда *черной куницѣ*, а женихъ—*черну соболю*.

Мы должны припомнить изъ исторіи, что въ Россіи до введенія монеты металлической, предметомъ денегъ были преимущественно шьха; отсюда возникаютъ слова: куна, полъ-куны, полъ ушка (полушка, медная мелкая монета). Если въ послѣдствіи явился металлическій чеканъ, то, разумѣется, была воспроизведена и сравнительная оцѣнка и, какъ должно думать нарицаніе счета удержалось тоже, которое существовало при кожаныхъ деньгахъ.

Отсюда возникаетъ сравненіе молодыхъ людей то съ куницей, то съ сободемъ, какъ оцѣнка достоинствъ, и сейчасъ у насъ существуетъ поговорка: „*взглянетъ—рублемъ подаритъ*“.

Было извѣстно не въ одной Россіи, но во всей Европѣ, *дѣвичье куничное, свадебная куница*, выраженіе, согласовавшееся съ значеніемъ окупа за невѣсту, выраженіе, разнивающееся смыслу крѣпостнаго права и порабощенія женщины *). Что существуетъ и по сейчасъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи.

Свадебная ящичи. Еще въ язычествѣ, у Литовцевъ, въ первый день бракосочетанія, мужъ раздиралъ принесенную ему на постель жареную куропатку, часть которой давалъ вѣсть своей супругѣ. У Нѣмцевъ въ средніе вѣка, давали новобрачнымъ жареную курицу, которая называлась: *брачною* или *любовною*. Жареную курицу (кура вечерняя), въ первый день подносили новобрачнымъ и въ Россіи, какъ то видно изъ описанія старинныхъ свадебъ XV столѣтія. Въ Москвѣ и по сіе время дарятъ молодыхъ парой живыхъ гусей въ ленточкахъ, а даже иногда и лебедей, а въ старину на столахъ княжескихъ молодыхъ подавали жареныхъ лебедей. Есть повѣрье въ народѣ, что только и можно вѣсть лебедей новобрачнымъ.

Головной уборъ новобрачной. Извѣстно, что въ Россіи,

*) Въ послѣдствіи *куница* или *куницейми* назывались въ Литвѣ цѣли, въ которыхъ заколачивались при вхождѣ дѣвочки, при церковномъ вхождѣ за нарушение цѣло-

новобрачной надѣваютъ на голову кокошинку, кокуй или кикку, расплетаютъ косу на двое, съ известными при этомъ пѣснями. Обычай этотъ, по видимому, перенятъ у татаръ, какъ думаютъ Плесно Карпинъ и Брунна; но Гринъ говоритъ, что и у ивлицевъ было обыкновеніе, у новобрачной не распускать волосъ, а связывать ихъ на головѣ и прикрывать чепцомъ. Тертуліанъ говоритъ, что у язычниковъ было обыкновеніе женщинамъ являться покрытыми, у евреевъ—тотъ же обычай, у русскихъ фата изображаетъ, и до днесь символъ стыдливости и скромности. По этому можно заключить, что всѣ наши старинные обряды, отчасти исчезнувшіе, отчасти существующіе и по нынѣ, не вѣзютъ полнаго характера новости, или своеобразности, но скорѣе заимствованіе путемъ вліянія отъ другихъ народовъ.

Баня, мытье и солома брачной ночи. Къ числу народныхъ обычаевъ, существовавшихъ даже въ царскихъ и боярскихъ домахъ, принадлежали: мытье въ банѣ наканунѣ свадьбы и послѣ ея, также постилка ржаныхъ сноповъ, вмѣсто постели и усаживаніе молодыхъ на ивха. Мытье въ банѣ выражало чистоту брачнаго ложа и вообще чистоплотность, спанье на снопахъ—прибытокъ въ домѣ, а на ивхахъ свидѣніе—богатство. Таковыя обычаи существуютъ и по нынѣ.

Вскрываніе молодыхъ. Со введеніемъ нѣкоторыхъ европейскихъ обычаевъ Петромъ Первымъ, многіе старинные обычаи были воспрещены и между прочимъ *вскрываніе молодыхъ* запрещено указомъ. Петръ Первый, старинную свадьбу съ ея причудами обратилъ въ шутку, что видно изъ свадьбы папы, и шута Шамскаго *).

Предосторожности и примѣты свадебнымъ. Свадьбы, какъ обыкновенно чаще всего бываютъ, или о святкахъ, или близъ Сеника. Такъ покрайней мѣрѣ объясняется Красная горка по веси и рождественскіе праздники (купальскія гаданія). Нужно замѣтить, что всѣ свадебные обряды сопровождалась да и по сейчасъ сопровождаютъ различнаго рода предосторожностями отъ лихаго глаза, или отъ лихаго челоузка. Мы найдемъ мѣсто поговорить отъ этомъ впоследствии, а сейчасъ скажемъ, что описанія могли быть и справедливыми при томъ складѣ дѣла и

*) См. стр. 127 Русс. Прост. Црал. и обряды. М. 1839 г.

при томъ возрѣніи на предметъ, въ какомъ онъ находится. Потрудитесь посмотреть часть вторую и третью.

Свадебныя пѣски, въ отношеніи ихъ значенія. Кто не знаетъ, кто не слышалъ свадебныхъ пѣсенъ? кто не понимаетъ ихъ значенія? все это очень просто до наивности. У Римлянъ дѣвѣцы пѣли пѣсни до полуночи, у спальни новобрачныхъ. А у русскихъ весь свадебный обрядъ сопровождается пѣснопѣніемъ, какъ то видно изъ величаній и пѣсней во время сговора, дѣвичника и т. п.

Въ характерѣ этихъ пѣсенъ вообще высказывается приговореніе къ обязанностямъ жены и хозяйки, изображеніе замужней жизни; иногда выраженіе тоски дѣвчегъ при воспоминаніи о томъ, какъ волей неволей, она должна оставить домъ родителей. Вообще такъ называемыя „свадебныя пѣсни“ содержатъ въ себѣ отбѣтки старинныхъ обычаевъ, а въ нѣкоторыхъ припѣвахъ упоминаются Ладо, Туръ и Леля, какъ Славянскіе боги любви и радостей. Въ нихъ встрѣчаются: синее море, горячъ камень, терема и свѣтлицы, скатерти бранныя, карабан, перепечи, сахарныя яства, гривны и проч. и тѣмъ указываютъ на свое старинное происхожденіе.

Суженый. Происхожденіе этого слова надобно производить отъ сѣдѣбы, которая посылаетъ невѣсту жениха. Самое слово „невѣста“, означаетъ — невѣстная, невѣдомая—указываетъ уже на тотъ русскій обычай, когда дѣвушку женихъ могъ видѣть только послѣ вѣнца, въ качествѣ новобрачной, точно также и невѣста своего суженаго, такъ какъ оба молодые сочетались бракомъ по волѣ не своей, а родительской. Отсюда понятно, что называя въ старину вѣчаніе „*Судомъ Божиимъ*“, видѣли въ этомъ обрядѣ заневѣдомо сочетаніе молодыхъ людей на вѣки, до могилы, возлагая свои надежды на Бога, который Самъ въ этотъ случай *присуждаетъ* имъ брачный вѣнецъ.

Свадебное причитаніе, голосованіе. Есть суевѣріе, что будто бы невѣсту необходимо въ дѣвичникъ и передъ свадьбой плакать, основываясь на старинной поговоркѣ: „*не плачешь за столбомъ, будешь плакать за столбомъ*“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по сіе время существуютъ причитанія или голосованія, такъ напримѣръ, по словамъ профессора Снегирева, въ Верховожскомъ посадѣ, Сватаньенъ,

невѣста накрытая фатою, среди подругъ — двѣицъ садится на возвышенное мѣсто съ искусною причитальщицей и начинаетъ *причитать*, то есть говорить напѣвнымъ голосомъ приличное слово или привѣтъ отцу и матери, братьямъ, сестрамъ и всѣмъ родственникамъ, прощается съ своимъ домошникомъ, если ее выдаютъ на чужбину, то и съ подругашп.

Свадьба съ трубами. На свадьбахъ русскихъ царей и важныхъ бояръ, кромѣ пѣсень, играли въ трубы зурны, какъ то извѣстно изъ описанія свадебъ въ XVII вѣкѣ *). Подобныя свадьбы, такъ и назывались *свадьбы съ трубами*. Царь Алексѣй Михайловичъ, во время бракосочетанія своего съ Натальей Кирилловною, велѣлъ вмѣсто трубъ и органовъ, пѣть своимъ государевымъ пѣвчимъ, дякамъ, всѣмъ станицамъ по переимно строчные и дѣмественные большіе стихи изъ праздниковъ и тріодей хорошіе стихи, со всякимъ благочшіемъ. Совершеніемъ церковнаго обряда, окончились пѣсни и главные обряды свадьбы.

*Деревенскіе обычаи **).* Изъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ свадьбѣ самымъ дѣятельнымъ лицомъ, по возложенной на него обязанности это—дружко. Онъ распоряжается всѣмъ, что только принадлежитъ свадьбѣ и свойственнымъ свадьбѣ обычаямъ. Каждая мѣстность имѣетъ свои особенности и отгѣвки и дружкѣ (шаферу) эти обычаи должны быть извѣстны, какъ свои пять пальцевъ; онъ долженъ быть и знатокъ въ обычаяхъ, и пѣсенникъ, и весельчакъ, и плясунъ, вообще ловокъ, смысленъ, а также и не дуренъ собою и въ обращеніи.

Вотъ какъ описываютъ свадебный обрядъ, записанный въ селѣ Бурцевѣ на Волгѣ въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи.

Когда все готово, дружко ѣдетъ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ той и другой стороны бракосочетающихся и отъ имени жениха и невѣсты зоветъ всѣхъ въ гости, привѣтствуя при этомъ обычнымъ рифмованнымъ наговоромъ:

Бью челомъ бачко... (имя отчество).

Бью челомъ мячка... (имя отчество).

*) См. опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. г. Успенскаго. 1818 г. Ч. I.

**) Извлечено изъ кн. Русскіе простонародные Праздники. 1839 г. Вып. IV.

Къ новобрачному князю,
Къ молодой княгинѣ,
Хлѣба кушати.

Когда дружка объѣдетъ всѣхъ и приготовитъ весь поѣздъ со стороны жениха къ невестѣ собранный, то первоначально обращается къ отцу и матери, говоря:

Еста! сватушка коренной и сваханька коренная,
Вы сродниковъ созывали,
Харобрый поездъ собирали,
Новобрачнаго князя сваражали,
Въ цвѣтно платьѣ одѣвали,
За столы дубовые сажали:
За столами за дубовыми,
Сидятъ гости собранные
Пьютъ, прохлаждаются,
Храбрый поступокъ похваляются:
У тебя де, сватушка, на дворахъ на широкіяхъ
Стоять кони запряженные,
Во дороженьку припасенные,
Стоять кони поминаются,
Съ широка двора порываются,
Новобрачнаго князя дожидаются.
Новобрачный князь собирается,
Во цвѣтно платьѣ наряжается,
Стоитъ на рывыхъ ногахъ,
Проситъ родительскаго благословенія:
Благословите, сватушко, свое дитя,
Изъ шеста стать,
Святини попомолиться!

Благословляйте!

Изъ за столовъ идти изъ за дубовыхъ,
Изъ за скатертей изъ за браныхъ,
Изъ за ѣстницевъ изъ за сахарныхъ,
Изъ за питьецовъ изъ за медвяныхъ,
По горенкѣ идти, по новой,
Черезъ порогъ переступить,
Изъ мосту по колоновому,

По лѣстницѣ по брусчатовой,
Широкимъ дворомъ идти,
Ко добру коню придти,
На добра коня садиться,
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей проѣзжать,
Въ чисто поле выѣзжать;
По лугамъ ѣхать по зеленымъ,
По цвѣтамъ по лазоревымъ
Цвѣтки разцвѣтали,
Поднебесныя птички распѣвали,
Новобрачнаго князя увеселяли;
Ѣдетъ де нашъ новобрачный князь
По свою новобрачну княгиню,
Сужену взять, ражену взять,
По Божьему велѣнью—
По царскому уложенью
По господскому приказанью
По мирскому приговору.

Благословляйте!

Дружка, покончивъ эту стихотворную рѣчь обращается къ гостямъ:

Еста добрые люди!
Гости полюбовные!
Званные и не званные!
Усатые и бородатые!
Холостые не жещатые!
У воровъ приворотнички!
У дверей притворнички!
По полу ходючи,
По середѣ стоячи,
Изъ кута по лавкѣ,
По кривой, по скамейкѣ!

Благословляйте!

Потомъ, увидя молодыхъ женщинъ, говоритъ имъ:

Молоды молодки!
Хорошія походки,

Кушн шубы,
Соболиные пухи,
Съ поволокаши глаза,
Съ помали голова.
Золоты кокошки,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки!

Благословляйте!

Послѣ сего дружка, вставъ, привѣтствуетъ дѣвицы:

Красныя дѣвицы!
Пирожныя мастерицы,
Чесаныя головы,
Обутыя голени
Кривочныя блудницы
Сметанку снѣдали,
Кокурки ѣсили
Подъ застрегъ хоронили,
Постушковъ дарили.

Благословляйте!

Наконецъ дружка, обращается къ малыгъ ребятамъ; говоритъ:

Еста! малыя ребята
Свинныя . . . !
Кривыя желудки,
Жимолостныя ноги
Броховичныя рожи,
. . .
. . .

Благословляйте!

Потомъ дружка ѣдетъ съ женихомъ къ невѣстѣ. Не доѣхавъ до селенія, въ которомъ живетъ она, оставляетъ поѣздъ въ полѣ, а самъ съ подружьемъ привѣзжаетъ на дворъ къ свату. Сватъ встрѣчаетъ ихъ съ пивомъ въ рукахъ дружка, принявъ пиво, говоритъ такого рода прибаутку:

Еста! сватушка коренной.
Я иду самъ — третій съ ковшомъ.

Ръзвы ноги съ подходомъ,
Бѣлы руки съ подносомъ,
Ковшикъ съ питьемъ,
Голова съ челобитьемъ;
Ковшикъ тебѣ принять да пить,
Послѣ того здоровью бытъ.
Въ ручки, въ ножи,
Въ буйну голову,
Въ ретиво сердечко.
Ковшикъ прими и вкушай,
А меня тамъ въ горницѣ
Выслушай!

Затѣмъ, входя въ горницу, дружка говоритъ:

Еста! сватушка и свахонька коренные,
Намъ свать и сваха приказали про васъ распросить,
Про свое рассказать:
Нашъ свать и сваха добры и здоровы
По сяковъ день и по сяковъ часъ.
Какъ васъ Богъ несетъ?

Потомъ дружка присядеть на нѣсколько минутъ за столъ. Вставши беретъ пиво и потчуетъ свата, повторяя сказанный предъ симъ приговоръ и прибавя къ нему просьбу, чтобы поскорѣе собрать невѣсту. Послѣ сего, по соизволенію отца, сажаетъ невѣсту за столъ, и поднося свату пива, проситъ, чтобы онъ далъ невѣстѣ стража. Этотъ стражъ сидитъ близъ невѣсты до самаго пріѣзда жениха. Коль скоро такое распоряженіе исполнилось, дружка говоритъ:

Еста! сватушка, а дружка съ поддружемъ
Пріѣхалъ къ тебѣ на широкой дворъ,
Широки дворы осматривалъ,
Новы стойници оирастывалъ,
Добро коня въ путь поворачивалъ,
За точеные столбы привязывалъ.
Ваша милость встрѣчали,
Въ нову горницу звали.
Я ходилъ въ нову горницу,
Богу помолился, съ вашей милостью поклонился,

Ваша милость встрѣчали,
За дубовые столы сажали,
Посидѣлъ, погостилъ,
Что надо себѣ получилъ.
Новобрачну княгиню за столъ посадилъ,
Не такъ просто узжалъ,
А сторожа оставилъ,
Богу помолился,
Съ вашей милостью простился,
Изъ новы горницы выходилъ,
На мовой дворъ выступалъ,
Къ добру коню приходилъ,
На добра коня садился,
Съ широка двора съвзжалъ,
Широкія улицы провзжалъ,
Въ чисто поле завзжалъ,
Храбрый повздъ свой искалъ,
Мой храбрый повздъ
Стоять въ чистомъ поле за далече,
За темными лѣсами,
За зелеными лугами,
За черными грязями,
За быстрыми рѣками,
Подъ ходячими облаками,
Подъ чистыми звездами,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцомъ,
Подъ лебединымъ крылышкомъ,
Подъ полотнянымъ шатеркомъ:
Пьютъ, вдатъ изъ чаши мѣдвяной,
И хвала, про свата выпрашиваютъ:
Если-ста двory широкіе?
На дворахъ столбы точеные?
Кольца золоченые?
Ясли крашеные?
Ковры шелковые?
Ну, сватушка! у меня вдетъ великъ повздъ.
Сто вершниковъ
Пятьдесятъ толешниковъ...

А рюпочку поднесешь, такъ и убавлю; а другую поднесешь, такъ и въ половину убавлю; а третью поднесешь, такъ и самъ по себѣ прѣвду.

Сватъ привѣтствуетъ, говоря, что онъ всѣхъ радъ принять. Послѣ сего отправяся дружка за женихомъ, привозить его къ невестѣ. Сватъ встрѣчаетъ, сажаетъ за столъ. Послѣ дружка вставши, говоритъ, тоже какой нибудь соответствующій приговоръ, расположенный стихами, какъ напримѣръ:

Еста, сватушка, коренной!
И сватушка коренная!
Благословяйте новобрачнаго князя—
Съ новобрачною княгиней,
Изъ мѣста встать,
Богу помолиться,
Добрымъ людямъ поклониться,
У отца и матери благословиться,
Изъ-за столовъ идти изъ-за дубовыхъ,
Изъ-за скатертей изъ-за браныхъ,
Изъ-за вѣстцевъ медвяныхъ,
По горенкѣ идти по мовой,
Черезъ порогъ переступить,
По мосту по калиновому,
По лѣсенкѣ по брусчатой,
Широкимъ дворомъ идти,
Къ добрымъ конямъ придти,
На добрыхъ коней садиться,
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкою улицей прѣзжать,
Ѣхать по чистымъ полямъ,
По зеленымъ по лугамъ,
По лазоревымъ цвѣтамъ;
Цвѣтки расцвѣтали.
Поднебесныя птицы распѣвали,
Новобрачныхъ увеселяли,
Ѣдетъ новобрачный князь,
Съ новобрачною княгиней,

Ко въичанію:

Подъ вѣнцемъ стоять,
Законъ Божій принять,
Суженую взять,
Ряженую взять,
По Божью повелѣнію,
По Царскому уложенію,
По господскому приказанію,
По мірскому приговору

Благословляйте!

Тѣже наговоры или пѣсни повторяетъ дружка предъ каждымъ лицомъ прежде, чѣмъ должно ѣхать къ невѣстѣ. Когда же возвратятся отъ вѣчанья въ домъ, посидя за столомъ и кончивъ его, дружка встаетъ и говоритъ:

Еста. сватушка коренной,
И свахонька коренная!
Благословляйте своихъ дѣтей
На подкѣтъ идти,
Подъ шубой спать,
Подъ куньей спать,
Кунью шубу въ ногахъ топтать
.
Здоровенько спать,
Веселенько встать.

Потомъ привѣтствовавъ онъ всѣхъ гостей и бывшихъ дружка оканчиваетъ всю церемонію свадебнаго обряда.

Пермскія свадьбы. Пермскіе женихъ сыновей очень рано. „Едва минетъ зонкъ“, то-есть, когда парню будетъ восемнадцать лѣтъ, то уже отецъ и мать помышляютъ о томъ, чтобы дать ему помощницу. Поэтому рѣдко пермякъ достигаетъ 25 лѣтъ въ холостомъ состояніи и развѣ отъ того, что живетъ въ крайней бѣдности, въ сиротствѣ, или уже слишкомъ некрасивъ собою. Ранняя женитьба — непремѣнный произволъ родителей и желаніе имѣть въ домѣ работницу, а иногда удержать шалуна сына отъ противозаконныхъ шалостей.

Сватовство пермяковъ. Пермскій свадьба представляетъ сложность въ разнаго рода предварительныхъ операціяхъ; нужно испросить дозволеніе у своего начальства и у приходскаго

священника, когда отецъ прискиваетъ своему сыну невесту. Подобнаго рода свадьба всегда рѣшается безъ участія жениха, стало быть по старинному обычаю, и ограничивается только совѣтомъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ, съ которыми и повершается совѣтъ и судьба будущаго благосостоянія ближайшаго ихъ родственника.

Случается, что женихъ узнаетъ свою суженую только на рукобитъ, а иногда и въ день свадьбы; рѣдко случается, чтобы молодой пермякъ самъ подговаривалъ себя невесту. Отецъ жениха, самъ подговариваетъ себя дѣвушку съ богатыми придаными, причемъ ищетъ характера, и благопріятія въ подмѣченной имъ дѣвицѣ.

Послѣ окончательнаго рѣшенія—какую дѣвушку сватать, начинается самое сватовство (корасемъ). Это дѣло всегда принадлежитъ старшему въ семействѣ, или за неизвѣніемъ, крестному отцу, а то одному изъ старшихъ родственниковъ и вообще человѣку опытному въ подобныхъ дѣлахъ.

Принявшій на себя обязанность свата, наряжается въ праздничное платье и ѣдетъ въ домъ невесты, лѣтомъ—верхомъ, а зимой въ саняхъ, и неизменно покрытыхъ рогожей.

Сватъ, или по пермяцки сватовщикъ, при входѣ въ домъ отворяетъ двери избы въ три приѣма. Сначала, отворивъ немногое, снова затворяетъ дверь на глухо, потомъ отворяетъ вторично и опять тотчасъ затворяетъ, наконецъ въ третій разъ уже отворяетъ дверь совсѣмъ.

Во время входа въ избу, перенеся чрезъ порогъ правую ногу, сватъ пристукиваетъ о порогъ пятой и потомъ уже ступаетъ на полъ комнаты. Это пристукиваніе, по суевѣрному понятію пермяковъ, нужно для успѣха дѣла. Выйда изъ подъ подлатей, которыя, какъ обыкновенно висятъ близъ входа, сватъ молится Богу, ставъ подъ иатицу, молча кланяется хозяевамъ и садится на лавку и до тѣхъ поръ молчитъ, пока хозяинъ не спроситъ его о причинѣ прихода, и тутъ уже въ отвѣтъ на вопросъ его начинается по русски *), либо по пермяцки гово-

*) См. Периса. Сборникъ. 1860 г. Книга II. Нужно замѣтить, что у Пермяковъ существуетъ свой языкъ, на который они говорятъ. По утвержденію автора, жеманцы, вѣроятно не удѣлютъ говорить по русски.

рять о дѣлѣ. Предлагаая жениха, котораго, какъ в водится, расхваливаетъ до нельзя. Отецъ или мать на эти слова отговариваются сколько могутъ тѣмъ, что и дѣвка молода, и выдать рано, пусть поробитъ дома и пр.

— Коли шибудь отдавать жо; дѣвка родилась—вѣкъ держать не будешь... Женикъ нашолся стояншей, лучше не найдется; у него всякой своть, пакота (панья) добра, клѣбъ изъ сусека не выводитца.

— Да она не приготовила нишо ни подарковъ, ни лѣпоти, (верхней одежды) нѣтъ у нее ни каптана; ни сарапана.

— Для че намъ каптанъ, для че сарапанъ?... Намъ нужна короша работнича.

— Какже, безъ каптана нельзя; годъ, другой понаровимъ, все же здѣлимъ; сево годы (въ этотъ годъ) намъ не годъ отдавать.

Такъ начинается первое сватовство, починъ дѣлу. Но если отецъ невѣсты окончательно почему либо не захочетъ отдавать невѣсты то говорятъ свату: У меня нѣтъ невѣсты; иши ее въ другомъ домѣ, а ко нѣтъ съ этниъ дѣломъ (сватаньемъ) не приходи. А если кошь, приходи за просто за бражкой.

Вообще отецъ невѣсты на первыхъ порахъ бываетъ въ отвѣтахъ уклончивъ, а свату нужно не одинъ разъ прѣхать, какъ говорится, съ добрымъ словомъ, чтобы получить окончательное согласіе и согласитесь съ отцемъ на счетъ рукобятъ и сговора.

Если же невѣста не желаетъ видти за предложеннаго жениха, то отецъ отказываетъ во второй или третій разъ.

Замѣчательно, что сватовъ не угощаютъ у невѣсты, не смотря на то, что сваты сидятъ тогда отъ 3 до 5 часовъ.

Периачки рѣдко сохраняютъ дѣвство, но женихи на это не обращаютъ особеннаго вниманія и не обгаютъ, а напротивъ берутъ съ охотою и даже беременныхъ, расчитывая, что иренъ*), скоро работникъ будетъ. Рассказываютъ и такіа вѣщи, что отцы основали такое убѣжденіе: въ семьѣ считая дочерей своихъ невѣстными, оскорбляются сватовствомъ, бранятъ и даже

*) Незаконнорожденный, вѣрской мальчикъ. См. Ж. М. В. Д. статья Рогова.

выговяютъ сватовъ, иногда даже колотать, говоря: „Что разъ дочь моя пенна?“ то-есть виновная (отъ слова пеня, вина).

Въ день, назначенный для рукобитья, сватовщикъ беретъ у жениха вина, пива, рыбный пирогъ и съ этими дарами являеся въ домъ невесты, въ сопровожденіи одного изъ родственниковъ или родственницъ. Но самъ женихъ рѣдко бываетъ на рукобитъ и входитъ въ домъ, только по желанію невесты.

И тутъ уже, послѣ полного изъявленія согласія, въ день, назначенный для рукобитья, отецъ притворно отпихивается. И только родственники невесты, напоминаютъ ему о данномъ словѣ, заставляютъ тѣмъ, какъ будто удержаться отъ отказа и дать согласіе.

Тутъ свать ставитъ съ виномъ посуду кромѣ одной, которую оставляютъ на нужды невесты! Отецъ ея приказываетъ заечь свѣчу предъ иконою и принести хлѣбъ и соль на столъ. Затѣмъ всѣ въ избѣ молятся съ минуту времени. Затѣмъ отецъ заходитъ за столъ, къ столу, подходитъ сватовщикъ и берутся правыми руками и проговаривъ: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ,“ сватовщикъ говоритъ отцу: „Смотри свать, ней—ивй другаго слова! полатишься—отдашь безчестіе, я отступлюсь—я плачу“.

Съ одной стороны товарищъ сватовщика, а съ другой мать невесты, разнимаютъ руки; это служитъ, какъ бы поручительствомъ въ тоиъ, что между сватами дѣло начато и утверждено при свидѣтеляхъ.

Послѣ того свать угощаетъ всѣхъ присутствующихъ водкою; а отецъ, выйдя изъ за стола, проситъ садиться. Потомъ появляется нарядная невеста и обноситъ всѣхъ водкою принесенною на нужды сватовъ и даритъ всѣхъ подарками преимущественно своего рукодѣля и не дорогие. А гости отдариваютъ за то деньгами. Если тутъ присутствуетъ женихъ, то онъ тоже получаетъ подарокъ.

Послѣ даровъ, сватовщика и сопровождающаго или сопровождающую его угощаютъ нарочно, приготовленнымъ для нихъ праздничнымъ обѣдомъ, состоящимъ преимущественно изъ рыбнаго пирога, студени, шей, двухъ трехъ жаркихъ, иногда меда. Во время обѣда угощаютъ всѣхъ безразлично званыхъ и незваныхъ пивомъ и виномъ привезеннымъ сватовъ, причемъ на-

питковъ не жалбуютъ, а богатый отецъ невѣсты иногда расходится до того, что и своимъ виномъ угощаетъ: Разъѣзжаются уже поздно ночью.

Когда на рукобитья бываетъ женихъ, то во время даровъ и столованія соблюдаются обрядности, поются пѣсни, также, какъ и въ день свадьбы.

Это рукобитье у Перяковъ занимаетъ просватанье. Сначала его, во день пирожного стола исключительно, въ домахъ жениха и невѣсты никому не даютъ денегъ взаймы и даже вещей и предметовъ и невѣста считается просватанною. Начиная съ этого дня въ домъ приглашается вытница (плакальщица, причитальщица) и подруги.

Вытница, это лицо очень важное въ свадебномъ дѣлѣ. Обыкновенно въ эту должность идутъ:—или старшая дѣвушка или замужняя женщина хорошо знающая пѣть свадебныя пѣсни и руководить хоромъ дѣвушекъ, разумеется она должна обладать пріятнымъ голосомъ и манерою пѣть.

Вытницей она называется не потому, что сама плачетъ, а потому, что во время ея пѣнія невѣста „воетъ“, то есть плачетъ.

Хорошія вытницы очень рѣдки и, потому у Перяковъ онѣ въ большомъ уваженіи.

Въ теченіи времени, начиная съ рукобитья до вѣнца, какъ вытница такъ и дѣвушка, если не постоянно, то все таки и не рѣдко, посѣщаютъ невѣсту и помогаютъ ей приготовить подарки, какъ невѣств такъ и самой роднѣ жениха.

Въ первые дни послѣ рукобитья всѣ родственники, начиная съ стороннихъ и ближнихъ приглашаютъ по очередно къ себѣ невѣсту съ вытницею и съ подругами къ себѣ въ гости, для чего присылается такъ называемый „званья“. Невѣста угощаетъ этого *званья* виномъ и даритъ его, тѣльникомъ, (крестомъ), и двумя полсками. Для выхода въ гости, она одѣвается по праздничному и влетаетъ въ косу разноцвѣтныхъ ленточки. Ставъ среди избы съ подругами и запѣвалой (вытницей), онѣ поютъ пѣсню отцу, въ которой спрашиваютъ его благословенія въ дорогу, куда онѣ приглашаются, при чемъ невѣста кланяется отцу въ ноги. Отецъ даетъ благословеніе и затѣмъ тоже, съ приличными изиѣненіями пѣсня обращается къ матери и къ другимъ старшимъ въ домѣ.

Получивъ отъ всѣхъ благословеніе, невѣста отправляется въ гости въ сопровожденіи всѣхъ своихъ подругъ, если близко—то пѣшкомъ, а если далеко и зимою,—въ саняхъ, а лѣтомъ—верхомъ. При этомъ подруги берутъ съ собой сидѣнье невѣсты—войлокъ и подушку и дорогой расцѣвываютъ разныя прогосные пѣсни.

Если невѣста ѣдетъ къ теткѣ, то подойдя къ переднему крыльцу, дѣвушки ея сопровождающія стелютъ войлокъ передъ избными дверями и ставши на него виѣствъ съ невѣстой поютъ:

Не хотѣла ты матушка,
На мосту меня заморозить.
Прищипало мои ноженьки рѣзвыя
Къ мосту, да къ калиновому;
Прищипало мои ручки бѣлыя
Ко скобѣ да ко желѣзною.

Тетка, между тѣмъ, пославши въ избѣ къ порогу войлокъ, выходитъ въ сѣни съ туескомъ теплой браги для невѣсты и сопровождающихъ ея подругъ. Невѣста при этомъ падаетъ теткѣ въ ноги, а дѣвушки поютъ краткую пѣсню о кручинѣ невѣсты, что она въ послѣдній, хоть и не въ первый разъ къ ней приходитъ. Мысль пѣсни, понятно, выражаетъ тоску о дѣвческой жизни.

Поднесенную брагу, разумеется, пьютъ всѣ; войлокъ и подушку вносятъ въ избу. Молатся, кланяются, съ женскимъ полонъ цѣлуются и садатся. Хозяйка съ своей стороны дорогихъ гостей угощаетъ брагой, пивомъ, виномъ, пельменями и другими кушаньями. Въ холодное время, чтобы скорѣе разогрѣть невѣсту, подносятъ ей теплое пиво съ перцемъ. Коль скоро дѣвцы будутъ угощены всѣми до сыта, то онѣ поютъ пѣсню, въ которой отъ лица невѣсты славятъ тетку, благодарить за угощеніе и выхваляютъ ея кушанья до нельзя, и не только одной теткѣ, но каждому порознь члену въ домѣ. За это чествованіе каждый въ домѣ даритъ невѣсту деньгами отъ 1 копейки даже до 20 копѣекъ, кромѣ тетки, которая даритъ невѣсту шамшурою.

Затѣмъ поются пѣсни разнаго рода, и тетка получивъ отъ невѣсты холстъ на рукава, тѣльничъ и два пояска, а хозяйку

порты или опояску съ тълънникомъ и двуя поясками и другіе предметы. Все дѣло въ томъ, что вся шеса посѣщенія тетки или даже другихъ родственниковъ состояла въ прославленіи пѣснями.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней передъ свадьбою, отецъ жениха, или за смертью отца старшій и ближній его родственникъ—сватовщикъ пріѣзжаетъ въ домъ невесты условиться о днѣ свадьбы, что значитъ по пермячки—*держать совѣтъ*.

Онъ опять привозитъ съ собою вина, пива, рыбный пирогъ и челпанъ, завернутые въ платокъ и обвитые тълънникомъ и двуя поясками. Вино поступаетъ къ отцу, а пирогъ съ платкомъ, тълънникомъ и поясками, матери невесты. За эти подарки мать посылаетъ такіе же гостиницы отъ лица невесты къ жениху. Невѣста угощаетъ дорогаго гостя виномъ, которое получила при рукобитіи, а также пивомъ, брагой и обѣдомъ.

За день, или за два до свадьбы отецъ жениха совѣщается съ семьей, кого поставить въ поѣзжане и особливо въ вѣжливцы *).

Поѣздъ составляется такіи образомъ: Крестный отецъ, старшій братъ или дядя жениха—тысяцкіе или бояре. Крестная мать, или старуха тетка, замужняя сестра въ—свахи. Младшіе братья и знакомые жениха—въ дружки, и подружки; а какой инбудь колдунъ, знахарь—въ вѣжливцы. „Присутствіе колдуна или вѣжливца, по мнѣнію Пермяковъ, отвращаетъ отъ поѣзда великой злой умыселъ или злаго врага“ и т. п.

Въ это время суевѣрные Пермяки особенно опасаются, не оборотилъ бы кто свадебжанъ—въ звѣрей или птицъ. Поэтому вѣжливецъ долженъ быть силенъ въ колдовствѣ; оттого людей годныхъ для этой должности весьма мало и вѣжливецъ становится чрезвычайно важнымъ лицомъ на свадьбѣ—его почитаютъ больше всѣхъ поѣзжанъ.

Избранные въ поѣздъ приглашаются наканунѣ свадьбы въ домъ жениха. Приглашеніе это дѣлается со стороны отца, брата или дяди жениха, получающіе по этому случаю названіе „сватыхъ“.

Каждому приглашаемому „сватыхъ“ привозятъ въ подарокъ

*) Вѣжливецъ—знахарь, которому поручается оберегать полюдныхъ отъ порчи, дурного глаза и отъ прочаго.

челпанъ хлѣба и кусокъ говядины, но чаще сырую баранью лопатку. Въ то же время своего рода приготовления происходятъ въ домъ невесты.

Въ послѣдній день передъ свадьбой (въ двиншникъ) невесты расплетаютъ косу и водятъ ее въ нарочно истопленную баню, а передъ тѣмъ какъ ее вести, поютъ пѣсни, испрашивая родительскаго благословенія и то же благословенія братьевъ, сестеръ и всѣхъ другихъ членовъ семейства.

При всемъ этомъ, невеста кланяется всѣмъ въ ноги безразлично, начиная со старшихъ.

Въ баню отправляются съ пѣснями, точно также, какъ и возвращаясь изъ бани. При встрѣчѣ мать, возвращающихся изъ бани невесту и подругъ, подчууетъ брагою и благословляетъ словомъ, а за тѣмъ слѣдуетъ ужинъ, послѣ котораго дѣвушки опять поютъ благодарственную пѣсню отъ имени невесты, и, выйдя изъ за стола и ставъ среди избы всѣ поютъ съ невестою опять пѣсню, содержаніе которой заключаетъ въ себѣ просьбу къ отцу о дарованіи благословенія на житье въ дальней сторонушкѣ. Отецъ, благословляетъ дочь; она при этомъ даритъ ему, что нибудь изъ бѣлья съ новымъ приговоромъ, а за тѣмъ всѣмъ роднымъ въ домъ. Эту пѣсню повторяютъ матери, дядьямъ, теткамъ, братьямъ, сестрамъ и другимъ взрослымъ домохозянамъ, а затѣмъ невеста дѣлаетъ всѣмъ подарки. Когда же пѣсни кончатся, невеста кланяется въ ноги вытницѣ и даритъ ее холстомъ или рукавами.

Вслѣдъ за этимъ, дѣвушки сажаютъ невесту на лавку и въ послѣдній разъ заплетаютъ ей косу съ ленточками, сопровождая это припѣваніи, сообразными времени.

Потомъ, съ одной, или съ двумя подругами, невеста ложится за столъ на лавку противоположную дверямъ, къ которой на этотъ разъ приставляется скамейка; прочія дѣвушки, если онѣ одной деревни съ невестой, уходятъ домой, — если же дальнія, то ложатся, на полъ и на полати.

Между тѣмъ у жениха, наканунѣ свадьбы, въ избѣ моютъ полъ и застилаютъ ихъ соломой съ тѣмъ понятіемъ, чтобы молодой не бѣдно жилъ съ женой и не „голо“, а богато, или по народному выраженію „толсто“. По вечеру женихъ ходитъ въ баню, Впрочемъ безъ всякихъ обрядностей.

Въ день свадьбы, лишь только проснется невеста, какъ дѣвушки опять начинаютъ отъ лица невесты пѣть пѣсню, въ которой говорится, что: „будто бы постель невесты уплыла по синю морю, что она не могла ее поймать, а что поймалъ ее одинъ удалый добрый молодецъ и положилъ на свою кроватушку“. А потомъ поютъ дѣвнцы, каждому изъ членовъ семейства невесты, тоже отъ ея имени, гдѣ высказывается сожалѣніе, что не она нѣтъ стлала постель въ горѣ и кручинушкѣ, и сомнѣваются хорошо ли спали ночевали, тотъ или другой членъ семейства. Затѣмъ невеста встаетъ и опять проситъ благословенія умываться, снаряжаться, подъ золотымъ вѣнцомъ стоять, законъ Божій пріяти, съ чужь-чужевинномъ, и опять надаетъ въ ноги отцу и матери, которые, по обыкновенію опять благословляютъ невесту словами: „Богъ благословитъ!“ После того невеста вѣствъ съ дѣвушками спускается въ подпольцу—въ голбець—одѣваться. Сначала она умывается съ мыломъ, потомъ она надѣваетъ чистую рубашку, новую и лучшую съ бѣлыми рукавами, китайникъ, на плечи шаль, или ситцевый платокъ, на голову—ленту и сверху фату, на ноги чулки и коты. Но прежде всего этого, по народному суевѣрью, опоясывается по голому тѣлу лыкомъ, подъ пазуху правой руки кладетъ по немногу льна, шерсти, мыла и на грудь три кределя или три пряничка. По мнѣнію Пермиковъ, лыко—защита отъ колдуновъ и уроковъ (припадковъ;) ленъ, шерсть и мыло выражаютъ желаніе молодой носить всегда льняную и шерстяную одежду и ходить чисто и богато; кределями выражается та мысль, чтобы у мужа никогда не переводился хлѣбъ и сытая жизнь. Такимъ образомъ одѣвши невесту, дѣвушки вѣствъ съ нею поютъ выходя изъ подпольцы пѣсню, гдѣ отъ лица невесты выражаютъ сребра и здоровья Царю и Царицѣ и его малымъ дѣтушкамъ, а потомъ роднымъ отцу и матери, потомъ за себя молодешеньку съ желаніемъ счастья великаго; пріетомъ на самомъ дѣлѣ кладетъ по земному поклону предъ образами.

Окончивъ это молоніе, дѣвушки съ невестою садятся на лавки и поютъ:

Наглядись ка родимый батюшка

На меня, на молодешеньку.

Хорошо ли я снарядилась

По Божьи въ церковь ѡхати,
Подъ златой вѣнецъ ставати,
Законъ Божій прияти
Со чужпъ то со чуженномъ?

Эту пѣсню повторяютъ матери, роднымъ братьямъ и сестрамъ, а также и присутствующимъ родственникамъ. Затѣмъ продолжаютъ:

Я тебя, батюшка,
Бью челомъ, низко кланяюсь.
Я была у тебя, батюшка,
Малынь то малешенька,
Возлѣ лавочки ходила,
Со по студчичкамъ бѣгала.
Бралъ ты меня, батюшка,
На свои ручки бѣляя;
Поднималъ ты меня батюшка,
Выше буйной головушки;
Говорилъ ты мнѣ, батюшка:
„Не отдамъ я тебя, мила дочь,
Ни за князя, ни за боярина;
Посажу я тебя, мила дочь,
Во сады, во зеленыя;
Обтыню я тебя, мила дочь,
Тынинами желѣзными;
Покрою тебя, мила дочь,
Каккою трубчатю;
Осыплю тебя, мила дочь,
Мелкимъ частымъ жемчугомъ.“
Вотъ сижу я у тебя, батюшка,
Во кутн, за занавѣсой:
Обтынилъ ты меня, батюшка,
Кумушками, да подружками:
Покрылъ ты меня, батюшка,
Тоскою да кручиноюшкой;
Обсыпалъ ты меня, батюшка,
Слезами, да горячими.

Въ продолженіи этой пѣсни, невѣста плачетъ не шута. По окончаніи этой пѣсни, дѣвушки расплетаютъ невѣстѣ косу и вновь поютъ пѣсню, такого содержанія, гдѣ говорится между прочимъ о томъ, что невѣсту беретъ раздумье: „*Кому оставить свою русу косу и дѣвою красоту?*“, Оставить ли родному батюшкѣ,—тотъ пропьетъ все это во царевомъ кабатѣ за одну чарочку, оставить ли родной матушкѣ,—та охоча ходити и гулати; а потому обронитъ въ черную грязь, и, наконецъ—рѣшается оставить русу косу въ церкви Божіей, за престоломъ Богородицы, гдѣ ей будетъ „*мѣсто и мѣстичко, и житье и красовальцо*“.

Послѣ такой пѣсни начинается ожиданіе жениха съ поѣздомъ.

Поѣзжане прѣзжаютъ къ жениху, смотря по времени года, верхомъ, въ саняхъ, или на телѣгахъ и всегда съ большими звономъ. Къ прѣзду поѣзжанъ, женихъ бываетъ уже одѣтъ. Бѣлье его бываетъ бѣлое, зипунъ черный и сапоги. Въ первый сапогъ женихъ кладетъ копыйки три ивднхъ, и всегда полушками. Ко времени отпуска жениха, мать, или старшая въ домѣ родственница, приносятъ на столъ, накрытый скатертью, челпанъ хлѣба, назначенный для благословенія жениха, соль пиво и брагу и зажигаетъ предъ Иконами свѣчи. Женихъ молится, кланяется отцу и матери въ ноги, испрашивая благословенія и, прочитавъ Іисусову молитву, становится за столъ, къ которому съ той же молитвой подходятъ всѣ поѣзжане и отдають, одинъ за другимъ, жениху чрезъ столъ обѣими руками принесенные подарки или гостинцы. Они состоятъ изъ печеной лопатки, или куска сырой свинины, и всегда на хлѣбѣ, причесть, каждый говоритъ: „Прини-ко князь молодой, дорогіе подарки“, и сопровождаютъ молитвой: „Господи Іисусе Христе“ и прочее. На это женихъ отвѣчаетъ каждому: „Аминь—твоей молитвѣ“, затѣмъ принимаетъ тоже обѣими руками, гостинцы, кладетъ ихъ сначала на голову, потомъ на столъ и подчууетъ каждого поѣзжанна пивомъ и брагой, рѣдко виномъ, творя Іисусову молитву и приговаривая: „Пей-ка на здоровье (такой-то). На это конечно отзывается каждый поѣзжанинъ, къ которому обращается женихъ, словомъ: „Аминь—твоей молитвѣ и принявъ стаканъ, кланяется жениху, приговаривая: „Дай тебѣ Господи долги вѣка, счастье великое, жить да быть, да счастья

нажить, скота, живота, хлѣба—соли, княгиню—молодицу получить, съ княгиней въ церковь вхати, подъ златыми вѣнцами стоати, законъ Божій приняти! и затѣмъ каждый угощаемый пьетъ. Мать, или старшая родственница жениха уноситъ со стола гостиницы въ куть.

По приглашенію хозяина, всѣ позъжане, долженствующіе его сопровождать, садятся за столъ и по обѣ стороны жениха. Тысяцкій справа, а слѣва сваха, впрочемъ это зависитъ отъ расположенія избы; но вообще свахѣ даютъ одно изъ мѣстъ съ краю стола, по ближе къ куть. Женихъ во все время сидитъ или на войлокѣ, или на подушкѣ. Прежде, чѣмъ отправить жениха съ позъжанами къ невестѣ, позъжанъ угощаютъ рыбнымъ пирогомъ, затѣмъ ухой, въ скоромные дни — бараньей лопаткою, а послѣ всего, какъ знакъ окончанія закуски—приносятъ каравай. Что касается до жениха; то онъ по обычаю—въ это время ничего не ѣстъ, хотя позъжане услаждаютъ во время закуски то пивомъ, то брагой. Послѣ закуски позъжане приготавливаются къ невестѣ, причемъ дружка опять таки благословясь, говоритъ:—„Садитесь отецъ на отцово, мать на матерно“. По его предложенію родители жениха заходятъ за столъ тоже съ молитвой и дружка начинаетъ, благословясь, говорить:

„Отецъ родимый! мать родимая! у васъ въ дому во свѣтлой свѣтлицѣ, во новой горницѣ, за новымъ столомъ, за скатертью шитою—браною, князь молодой сидѣлъ съ полкомъ—съ позъдомъ, съ тысяцкиемъ, съ боярами, съ дружкой и съ подружкою; не проситъ у васъ князь молодой, ни злата ни серебра, а проситъ вашего благословенія—къ княгинѣ—молодицѣ вхати, княгиню—молодицу получить. съ княгиней—молодицей до Божьей церкви довхати, подъ златыми вѣнцомъ стоати, законъ Божій приняти. Чѣмъ его благословите? ласковымъ словомъ, или швакитъ поклономъ, или Божьимъ образомъ, или хлѣбомъ съ солью?

Отецъ и мать въ это время выходятъ изъ за стола; отецъ беретъ икону изъ передниго угла, а послѣдняя—челпанъ хлѣба со стола и становится предъ столомъ спиной къ переднему углу; женихъ кладетъ предъ образами три поясныхъ поклона, а два земныхъ, потомъ падаеть въ ноги отцу и матери. Роди-

тели благословляют жениха—сына то образомъ, то хлѣбомъ попеременно, говоря: „Дай Господи тебѣ княгиню—молодицу получить—законъ Божій принять!“

Такой же обрядъ, и тотъ же порядокъ исполняютъ надъ женихомъ старшіе въ домѣ послѣ отца съ матерью, братья и сестры жениха, иногда старшіе въ семействѣ и тысяцкій, какъ почетный членъ жениха и чаще всего родственникъ.

Но вотъ, далѣе: Образъ кладутъ за пазуху жениха, а чепанъ беретъ дружку. Затѣмъ всѣ возжакане и женихъ, въ сопровожденіи своихъ родителей, родственниковъ и гостей выходятъ задними крыльцомъ во дворъ, гдѣ опять съ молитвой садятся, каждый на свое мѣсто, кто на чемъ пріѣхалъ, кромѣ дружекъ, которые всегда бываютъ верхами. Колдунъ, или вѣжливецъ, между тѣмъ ворчитъ про себя заговоръ, обходитъ всѣхъ лошадей, передвигаетъ экипажи, потрасываетъ колокольцы и бубенчики (шаркушцы). Хоть и глупо съ одной стороны взвѣряться вѣжливанъ, но съ другой стороны нельзя и не приглашать проститъ людямъ такихъ знатоковъ дѣла въ предохраненіе могущаго произойти несчастія отъ простыхъ причинъ.

Отецъ жениха угощаетъ возжаканъ виномъ, въ случаѣ состоятельности обхода „подачей“ всѣхъ три раза. Всгдъ за отцомъ, мать и братъ жениха подносятъ пиво и брагу. Дружка творитъ молитву и говоритъ: „Тысяцкій воевода! приготовился ѣхать или не приготовился“. Тысяцкій отвѣчаетъ: „да или нѣтъ“, въ послѣднемъ случаѣ значить, что онъ ждетъ подачи, которая и повторяется. Въ продолженіи этого, дружки, обращаясь къ жениху, поютъ пѣсни, вопрошая жениха: „куда ты молодецъ снаряжаешься со полкомъ, со поѣздомъ“ и пр. По окончаніи пѣсни дружка опять спрашиваетъ тысяцкаго: „приготовился или не приготовился?“ тысяцкій отвѣчаетъ на это, приготовился. Тогда дружка, какъ и прежде, сотворивъ молитву: „Господи Іисусе“, говоритъ: „отецъ родимый, милые братья, милые сестры, гости званые и незваные! благословите нашего князя молодого, ясна сокола, со всѣмъ полкомъ, съ поѣздомъ и пр. къ княгинѣ—молодицы ѣхать и пр.“ приглашаемые всѣ отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ!“ послѣ благословенія, дружки поютъ: „соколы вы, соколы, соколы перелетные! и пр.“ а потомъ „боаре, вы боаре. боаре пріѣзжіе и пр.“ и поѣздъ от-

правляется къ невѣстѣ, причѣмъ дружка везетъ къ невѣстѣ подарки. Нѣкоторые подарки весьма оригинальны по назначенію—вино для отпирателя воротъ у невѣстѣ, и для угощенія, отца и прочихъ. Пиво—въ лагуни, рыбный пирожекъ обвѣзанный поскани, для матери невѣсты и для сестеръ; ячные пироги или тоже рыбные, для витницы съ дѣвушками и наконецъ челпанъ хлѣба, свой или чужой, китайникъ, фаты, коты, чулки и шило со вдавленною въ него монетою для невѣсты.

Свадебный поѣздъ, обыкновенно составляется изъ нечетнаго числа поѣзжанъ большою частью изъ 7 или 9 человекъ: жениха, тысяцкаго, двухъ, трехъ бояръ, одного или двухъ дружекъ, поддружья, свахи и вѣжливца. Тронувшись съ мѣста, поютъ: „Какъ по морю, морю спянему, по спянему, по хвалынскому, плыль селезень и пр.“ Подѣзжая къ дому невѣсты поютъ: „У нашего добра молодца, черны кудри увиваются, увиваются, завиваются на три сторонушки и пр.“ Въ домъ же невѣсты въ это время поютъ: „Поглажу я молодешенька, вдаль да во чистое поле и пр.“

Въ этой пѣснѣ высказывается и похвала поѣзжанъ въ отношеніи ихъ богатства, и въ тоже время, близкая тоска о разлукѣ съ роднымъ домомъ, и жизни съ чужь-чужениномъ и просьба невѣсты охранить домъ отъ нашествія супостатовъ—разлучниковъ.

Въ это время обыкновенно поѣздъ уже у воротъ дома. Дѣвушки прячутся въ куты. Невѣста садится противъ печи на лавку, покрытую войлокомъ или подушкой. Это служитъ призывной или желаніемъ, жить не бѣдно.

Дружки жениха подойдя къ окну, читаютъ три раза „Господи Іисусе“ невѣста отвѣчаетъ: „Аминь.“

— Отецъ родимый! мать родимая! звали ли гостей? ждали ли гостей? спрашиваетъ дружка.

— Звали, звали! отвѣчаетъ хозяйня.

— Бьешь челомъ, снова говорить дружка.

— Было ли сватовство? было ли любовство? было ли обрученіе?

— Было, отвѣчаетъ хозяйня.

— Отецъ родимый! мать родимая! у насъ князь молодой, ясный соколъ со всѣмъ полкомъ, со всѣмъ поѣздомъ, тысяцкій

съ боярами, дружно съ подружьемъ, сваха съ проводничкомъ стоятъ подъ окномъ, подъ небеснымъ облакомъ,—дозволили намъ, дружкамъ, спроситься: во время ли или не во время мы пріѣхали?

— Во время—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Будеть ли приказано намъ—къ золотому вашему столбу, къ серебряному кольцу—кошей привязать, али во дворъ завъхать?

— Во дворъ завъхать.

— Будеть ли довольно у воротъ воротниковъ, у дверей придверниковъ?

— Будеть.

— Будеть ли конякъ сѣна до ушей. овса до копытъ?

— Будеть.

— Нѣтъ ли на дворѣ свинья горласты, собаки кусасты? гуся зубаста? Свиной во хлѣвъ загоните, собакъ на цѣпь привяжите, гусей въ стадо заприте. Намъ прикажите, али сами исполните?

— Сами.

— Нѣтъ ли въ домѣ курицы летучей? заприте въ шестокъ, чтобы она по избѣ не летала, сажн не спускала, цвѣтно платье не марала.

— Нѣтъ.

— Кто будетъ ворота отворять? отецъ или мать, братья али сестры, али гости званые, али не званые. али люди приходіе, али намъ, дружкамъ прикажете?

— Братъ отворить, отвѣчаетъ хозяинъ.

Это порученіе падаетъ на дядю или на другихъ мужчинъ—родственниковъ.

Когда посланный отправится отворять ворота, то въ избѣ, предъ образами зажигаютъ одну или двѣ свѣчи, и дѣвцы въ это время поютъ небольшой куплетъ, выражающій упрекъ отцу за то, что онъ не послушавшись ее, молодой дѣвушки, отворилъ ворота и впустилъ ея разлучниковъ и супостатчиковъ.

Нѣкоторые изъ веселыхъ и богатыхъ отцевъ, нарочно въ началѣ или въ концѣ разговора съ дружкой, стрѣляютъ по повзду холостымъ зарядомъ, причеиъ иногда лошади пугаются и сбрасываютъ сѣдоковъ, къ общему удовольствію и смѣху.

Потомъ повздъ завъживаетъ во дворъ, къ заднему крыльцу.

Отпиравшему ворота, дружка даетъ въ особой посудѣ вино съ косушку, и съ Иисусовой молитвой, кладетъ нагайкой крестъ на воротахъ и на ближнемъ къ нему углу дома. Поѣзжане и женихъ выходятъ изъ повозокъ или свѣшиваются, снимаютъ верхнюю одежду и складываютъ ее въ повозки, или на сѣдла.

Дружка кладетъ за назуху восковую свѣчку; а на особое блюдо для отца невесты, ставитъ вино. Для матери кладетъ парогъ съ рыбой, для невесты—челпанъ, и одинъ, а иногда выѣстъ съ подружьемъ, идетъ въ избу. Здѣсь онъ молится Богу, произноситъ Иисусову молитву и говоритъ: „Становитесь—отецъ на отцово мѣсто, мать на материно“—и, когда отецъ и мать станутъ рядомъ за столъ, продолжаетъ: „Руки съ подносомъ, ноги съ подходомъ, головы съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ. Идутъ отъ нашего князя молодого, яснаго сокола, дорогіе гостиночки, честны—не малы примете, аль не примете?“

— Приметъ,—отвѣчаютъ отецъ и мать.

Дружка снимаетъ съ блюда слѣдующій имъ подарокъ, кладетъ его на столъ, потомъ продолжаетъ: „Идутъ къ княгинѣ—молодицѣ отъ нашего князя молодого, яснаго сокола, дорогіе гостиночки, честны—не малы: какъ прикажете—на столъ положить, али намъ поднести?“

— Ты, дружка, самъ поднеси, говоритъ отецъ.

— Со свѣтомъ, или безъ свѣту?

— Со свѣтомъ, обыкновенно, отвѣчаетъ отецъ.

— „Свѣчи воску враго отъ насъ, а свѣтъ летучій отъ отца и материнной душъ“,—говоритъ дружка, и вынимаетъ изъ назухи свѣчку зажигаетъ ее отъ свѣчей предъ иконами и идетъ въ куть къ невестѣ, говори: „Дѣвицы—пѣвицы, пирожныя на-стерицы, старыя старушки, молодыя молодки! подвиньтесь, отсторонитесь отъ княгини—молодицы, чтобы мнѣ на правую ногу не наступить, чулокъ не заварать, башмакъ не разорвать, въ бѣлу грудь не толкнуть, безчестія не хватить.“

Невеста съ дѣвушками встаетъ на ноги; дружка сотворивъ Иисусову молитву, продолжаетъ: „Княгиня—молодица! становись ко ты на рѣзы ножки, на кушны лапки; прини ка ты отъ нашего князя молодого, яснаго сокола, дорогіе подарочки, добрыя гостиночки.“

Въ отвѣтъ на это дѣвушки поютъ отъ лица невесты: „Не приму я безъ роднаго батюшки отъ чужъ чуженина дорогіе подарочки, которые разлучатъ меня изъ дома родительскаго“.

Дружка опять творитъ молитву и проситъ отца благословить невесту на принятіе даровъ отъ жениха. Отецъ изъ за стола даетъ благословіе. Затѣмъ точно также пѣсня повторяется матери невесты и прочимъ ея родственникамъ, каждому особенно и по старшинству. Всѣ родственники благословляютъ невесту на принятіе подарковъ и тогда уже невеста принимаетъ подарокъ ей слѣдующій—челпанъ. Она поднимаетъ челпанъ на голову, потомъ отложивъ отъ него кусочекъ, даетъ матери, а затѣмъ конищаетъ въ близъ стоящую коробку; на блюдо дружкѣ для передачи кладетъ свой челпанъ для жениха.

Загасивъ свѣчу и положивъ ее на градку съ отдарками невесты, дружка возвращается во дворъ. Невѣстинъ челпанъ бываетъ черствый и мягкій. Отъ черстваго женихъ также отламываетъ небольшой кусокъ и сѣдаетъ его. Взаимное отдариваніе челпанами имѣетъ свой тайный смыслъ. Женихъ даетъ понятіе невестѣ, что у него будетъ достаточно хлѣба для прокормленія жены и семейства. А невеста своимъ подаркомъ оказывается, цѣлудренна ли она? Цѣлудренная посылаетъ женку самый черствый хлѣбъ, а нарушница дѣвство—мягкій. Съ какою цѣлью обнаруживается такой порядокъ—объяснить можно только тѣмъ развѣ, что у пермяковъ нарушенное дѣвство не означаетъ особеннаго проступка или паденія чести дѣвушки, какъ и у Японцевъ.

Отдавъ жениху невестинъ челпанъ, дружка кладетъ на блюдо другіе подарки невестѣ: китайникъ, фату, коты, чулка, мыло и выѣтъ съ женихомъ и другими повѣзаванами входитъ въ сѣни, отворяетъ двери въ три пріема, и прочитавъ молитву, говоритъ черезъ порогъ невестинной свахи: „свашенька, ты нагушка! приступись поближе, поклонись пониже, не будь ты драчлива, не будь лоплива, будь жалостлива, будь приступлива!“ Невѣстнина сваха тихонько подходитъ къ дверямъ со стаканомъ вина или пива; изъ сѣней низко кланяется ей женихова сваха, тоже со стаканомъ пива. Когда невестнина сваха подойдетъ къ порогу и перенесетъ черезъ него одну ногу, дружки выводятъ ее въ сѣни и запираютъ двери. Здѣсь свахи

взяются стаканами и, поцѣловавшись, выпиваютъ пиво. Тогда женихъ съ повздомъ входятъ въ избы. Дружка, прочитавъ обычную молитву, говоритъ: „У насъ князь молодой, ясный соколъ, стоитъ среди пола, среди дубоваго,—проситъ нѣста. Благословите-ка отецъ и мать—ему нѣсто!“—„Вотъ нѣсто здѣсь“, говоритъ отецъ, указывая на лавку въ передней углу, а самъ выходитъ изъ за стола.

Тысяцкій окупаетъ нѣсто, оплачивая его деньгами отъ 3 до 20 копѣекъ серебромъ. Женихъ садится. Дружка беретъ съ градокъ свою свѣчку, зажигаетъ ее и, прочитавъ молитву говоритъ: „Идетъ отъ нашего князя молодого, яснаго сокола къ княгинѣ молодицѣ, было мыло, злато серебро, цвѣтно платье, сини чулочки, красныя башмачки. Было мыло—на умыванье, злато-серебро—на уживанье, цвѣтно-платье на одѣванье, сини чулочки, красныя башмачки—на обуванье, кому прикажете поднести?

— Невѣствъ поднесите, отвѣчаетъ отецъ.

Дружка читаетъ молитву, входитъ въ куть вѣствъ съ вѣжливецемъ и обращается съ такими словами къ невѣствъ: „княгиня ты, молодлица! ты приняла отъ нашего князя молодого, яснаго сокола, было мыло, злато серебро, цвѣтно платье, сини чулочки красныя башмачки“.

Во время этихъ словъ вѣжливецъ, или знахарь, беретъ съ полу солону и подкидываетъ ее подъ ноги невѣствъ съ огражденіемъ отъ уроковъ и призоровъ.

Невѣста принимаетъ дары, также, какъ прежде, испрашивая благословеніе всѣхъ домашнихъ, какъ выше было сказано.

Послѣ поднесенія даровъ, дружка говоритъ: „у меня отъ свѣчки руки горятъ“; на это ему отвѣчаютъ подаркомъ отъ невѣствы, то-есть ширинкой, платкомъ или поасками, съ которыми онъ выходитъ отъ невѣствы и присоединяется къ повзду. Невѣста, какъ и прежде, садится въ куть противъ печи на лавку. Вѣжливецъ, почерпнувъ ковшемъ воды изъ кадки, даетъ ей умыться въ устраненіе уроковъ и призоровъ, а иногда даже и самъ ее умываетъ. Женихова сваха покупаетъ невѣсту у двушекъ за гривенникъ, потомъ одѣваетъ ее въ платье и обувь, привезенныя отъ жениха и, сотворивъ молитву, беретъ объятии руками читу, обноситъ ее по солнцу вѣкругъ головы

относить на сторону и встрахиваетъ; повторлетъ это три раза и наконецъ надѣваетъ фату на голову. Это дѣлается для защищенія головы отъ всего худаго, напущеннаго. Нужно заитить, что невеста съ утра въ платьѣ, но было въ обязанности ея надѣть подарокъ жениха сверхъ своего собственнаго, даже если женихово будетъ короче и даже кромѣ платья необходимо надѣть всѣ подарки жениха. При такомъ обыкновеніи на невестѣ кромѣ двухъ платьевъ въ день свадьбы надѣто двѣ фаты, двѣ рубашки и двое чулковъ, а башмаки всегда подарокъ жениха. Теперь двойное одѣваніе выводится.

Если женихъ изъ далека, то невеста вичается въ своемъ платьѣ.

Послѣ одѣванія, мать невесты даетъ невестѣ подаренный ей пирогъ съ рыбой и невеста кладетъ его за пазуху.

Лишь одѣнется невеста, какъ дружка, послѣ обычной молитвы, спрашиваетъ отца:

— Будетъ ли повздъ стоять, или за столъ сядетъ?

— За столъ сядетъ, говоритъ отецъ.

— Есть ли у васъ столы дубовы, столешники кедровы, скатерти—шнты—браны?

— Есть.

— Есть ли нашему князю молодому, ясному соколу, съ полкомъ, съ повздомъ, тысяцкому съ боярами, свяхъ съ проводничкомъ, чего нибудь закусить?

— Будетъ.

— Есть ли у васъ на дубовыхъ лавкахъ войлоки валены, полушка пуховы, на столѣ пироги рыбны?

— Есть.

— Гдѣ обручаться: въ куты за занавѣской, или за столомъ?

— За столомъ.

— Сколько денегъ за обрученье?

— Сколько положите.

При этомъ тысяцкій кладетъ, смотря по состоянію жениха отъ двадцати копѣекъ до рубля. Эти деньги поступаютъ въ пользу невесты. Гдѣ сидѣтъ жениху и невестѣ, на то мѣсто кладутъ войлокъ и на него подушку. Исключая дружекъ повзжане заходятъ за столъ, но не садятся; садится только въжливецъ въ углу стола и молчитъ.

Дружка продолжает спрашивать:

— Нашъ князь молодой. Ясный соколъ стоитъ за столомъ на рѣзвыхъ ножкахъ, на кумихъ лапкахъ, бьетъ челомъ, низко кланяется; ему ни пьется, ни ѣстся, онъ тоскуетъ, горюетъ о своей княгинѣ—молодицѣ. Батюшка родимый! изъ кути изъ за занавѣсы вывести княгиню—молодицу время или не время?

— Время, отвѣчаетъ отецъ.

— Кому прикажете?

Порученье выводить невесту возлагается на брата, если у ней есть, а нѣтъ, то на дядю, то отецъ сообразно съ тѣмъ и отвѣчаетъ дружку.

Выводящій невесту, помолась Богу и вслухъ прочитавъ молитву, проситъ благословія выводить невесту у каждаго изъ родственниковъ невесты, начиная по старшинству. Получивъ благословіе, беретъ отъ иконъ свѣчку и идетъ въ кутю, гдѣ дѣвушки отъ лица невесты поютъ каждому члену семейства пѣсню, гдѣ та отказывается выдти безъ родимаго батюшки или матушки безъ родительскаго благословія и тотъ, кто былъ названъ въ пѣснѣ, обязанъ подходить къ невестѣ, принять земной поклонъ отъ невесты и дать благословіе. Тогда только избранный выводитъ невесту за конецъ платка, называемаго „выкупомъ“, который держитъ невеста въ рукахъ; подводитъ ее къ столу, вѣстѣ съ ней молится Богу, обводитъ вокругъ стола, нарочно отодвинутаго отъ лавокъ, ставитъ возлѣ жениха со стороны кути и, передавая ему конецъ платка, говоритъ: „у меня невеста была послушна и почетна, держи ее такъ, чтобы она и тебя слушала и у тебя была честна“.

Въ это время женихова сваха иногда заходитъ въ кутю и ударивъ поднятыми вверхъ руками говоритъ три раза: „обнавули—провели!“

Дѣвушки просятъ у дружки рыбный пирогъ, называемый (юръ—кучикъ) *), который онъ и отдаетъ съ головы, ставши на стулъ такъ, что дѣвушки принуждены бывали подпрыгивать; затѣмъ поютъ пѣсню:

*) По перьямъ: юръ—голова, кучикъ—хвостъ.

Охъ, ты утка, ты уточка
Стара мала перепелица!
Ты затѣвъ рано выходила
Изъ тепла гнѣзда утичьа,
На луга на зеленые и проч. и затѣвъ:
Охъ, ты дѣвка, ты дѣвица,
Ты къ чему рано во замужъ пошла?

И затѣвъ въ этой пѣснѣ излагается весь вышеописанный обрядъ и что отдалъ ее братецъ малевый, на вѣки на долгіе, на годы несчетные.

Когда женихъ получить невѣсту, тысяцкій угощаетъ всѣхъ виномъ и первую рюмку подноситъ выводящему невѣсту, потомъ подноситъ по рюмкѣ отцу и матери и затѣвъ всѣмъ остальнымъ, конечно взрослымъ членамъ семейства и родственникамъ невѣсты, причемъ дружка называетъ по имени и отчеству каждаго, кому подносится вино и говоритъ молитву „Господи Исусе“.

Послѣ этого угощенія весь повѣздъ садится, и тутъ начинается закуска, состоящая изъ трехъ блюдъ, рыбнаго пирога, какойнибудь похлебки, въ скоромные дни—щей, и въ постные—ухи, а изъ челпаня; иногда же—у зажиточныхъ въ скоромные дни подаютъ: пирогъ, студень, щи, три жаркихъ и въ заключеніе челпаня. Всякое кушанье подаютъ подъ прикрытіемъ деревяннымъ блюдомъ, по требованію дружки, который при этомъ подсказываетъ разные прибаутки. Снимаетъ покрывку съ каждаго блюда тысяцкій, а потомъ хозяйка уже безъ требованія дружки, приноситъ челпаня въ знакъ того, что пора окончить закуску. При этомъ ѣдятъ только повѣзжане, но прежде вли и женихъ съ невѣстой.

Пока продолжается закуска, дружки угощаютъ всѣхъ родныхъ невѣсты, дѣвушекъ и вытвицу пивомъ, которое они привезли съ собою отъ жениха.

Предъ окончаніемъ закуски, дѣвушки поютъ пѣсню для жениха, бояръ, свахи и для каждаго повѣзжанина особенно, кромѣ тысяцкаго, конечно съ переменю въ словахъ. Эта пѣсня содержитъ, такъ называемое величаніе, гдѣ выхваляютъ гостей. Тысяцкому же особенно, какъ воюводу, причемъ говорятъ, что „нынѣ онъ воюеть съ головою со невѣстною, со буйною“.

Когда окончится закуска, девушки цѣлуютъ поцѣлманъ; за пѣсни и поцѣлуи поцѣлмане дарятъ девушкамъ отъ гроша до 3 копѣекъ. Конечно тотъ поцѣлманецъ, который поцѣлуетъ девушекъ и не подаритъ какъ и вездѣ, вознаграждается на- ситѣшкою.

Периачки въ этотъ случай, поютъ:

Создай тебѣ Господи
Дочерей, сорокъ-вѣщицъ,
Сыновей, черныхъ вороновъ!

Поцѣлмане, покончивъ закуску выходятъ изъ-за стола и становятся среди избы; а вмѣсто жениха и невесты на тѣже мѣста садятся отецъ и мать невесты. Посидѣвъ немного, они выходятъ изъ-за стола. Дружка читаетъ Иисусову Молитву, потомъ говоритъ: „Отецъ родимый! Мать родимая! Приступите, благословите своихъ чадъ—во Божью церковь вхати, законъ Божій приняти, подъ златыми вѣщаницы стояти, чуденъ крестъ цѣловати“.

Послѣ этого предложенія, немедленно начинается благословеніе иконой, которую отецъ снимаетъ съ божицы, и—хлѣбъ, который мать беретъ со стола. Икона и хлѣбъ передается невестинной свахѣ. Дружки берутъ изъ передняго угла войлокъ или подушку, на которой женихъ съ невестой сидѣли за столомъ. Къ этому времени женихово пиво обыкновенно вышивается. Родители невесты въ пустую посуду наливаютъ свое пиво, чтобы имъ угостить поцѣлманъ послѣ вѣнца у церкви.

Здѣсь, какъ въ прочихъ губерніяхъ Россіи, дѣлаютъ подруги такъ: садятся, которая изъ нихъ успѣетъ на подушку или войлокъ и не трогаются съ мѣста, требуя выкупа.

Отъ имени жениха, тысящій выкупаетъ захваченную вещь, для чего овладѣтельница ея даютъ одинъ или два мѣдныхъ гривенника. Затѣмъ женихъ, невеста и поцѣлмане выходятъ изъ избы на дворъ въ сопровожденіи родителей, гостей и девушекъ. послѣднія поютъ:

Жарко камню въ горѣ лежучи,
Тошно сердцу батюшкину:
Милу дочь со двора повели,
За ней коробья понесли:
Конь говоритъ: не свезу,

Земли говорить: не здмну (не подниму),
Вода говорить: утоплю.

А выйдя на дворъ:

Кругомъ, кругомъ солнышко обошло,
Радомъ, радомъ бояре вхали,
Со березы вершины вершинночку сложили;
Стой-ко, стой, береза безъ вершины,
Живи, живи, батюшка, безъ дочерв.

Ту же пѣсню поютъ матери, сестранъ, братьямъ и другимъ родственникамъ.

На дворъ женихъ беретъ въ охапку невесту и самъ усаживаетъ ее въ сани вѣствъ со свахой, вдвоемъ, а самъ верхомъ ѣдетъ вѣствъ съ невестой, или вѣствъ съ тысяцкииъ въ санахъ, тутъ подъ жениха укладываютъ войлокъ и перину для сидѣнія, а подъ невесту подушку. Если лѣтомъ, то привязываютъ войлоки и подушки къ сѣдланъ, для чего эти вещи укладываютъ въ мѣшки и привязываютъ къ сѣдланъ въ торока.

Но не сейчасъ еще трогается поѣздъ въ дорогу. Поѣзжане выходятъ на дворъ и усаживаются, какъ то было и на дворъ жениха. Ихъ нужно угостить; въ это время дѣвушки поютъ трогательныя пѣсни, окруживъ жениха и невесту.

Между тѣмъ вѣзливецъ обходитъ кругомъ всѣ сани, телѣги, верховыхъ лошадей, экипажи, и все до мелочей отчетливо въ томъ предположеніи, нѣтъ ли гдѣ колдовства, и въ тоже время нашептываетъ тотъ или другой заговоръ. Наконецъ братъ, или дѣда невесты отворяетъ ворота и поѣздъ отправляется въ церковь въ томъ же порядкѣ, какъ отъ жениха. При выѣздѣ изъ двора, дружки крестообразно хлещутъ нагайкой ворота невесты и ближайшій уголъ дома; хозяинъ въ слѣдъ поѣзду иногда стрѣляетъ.

Послѣ того дѣвушки въ сопровожденіи витницы возвращаются въ опустѣлую избу невесты и усѣвшись на то мѣсто, гдѣ, только что сидѣла невеста, закусываютъ пирогомъ, полученнымъ отъ дружекъ и расходятся по домамъ, если церковь далеко, а если близко, то бѣгаютъ смѣрять на вѣчанье.

Но вотъ ужъ и поѣздъ тронулся; однако не проходитъ трехъ

мннуть, какъ дружки возвращаются къ дому и подь окномъ отца невѣсты спрашиваютъ:

— Нѣтъ ли у васъ отъ насъ обиды, всѣ ли чашки-ложки цѣлы?

— Обиды нѣтъ, все цѣло, отвѣчаетъ отецъ.

Тогда одинъ изъ дружекъ, сотворивъ молитву, говоритъ: „Насъ желаешь или не желаешь?“ Если отецъ на этотъ вопросъ отвѣтитъ—„не желаю“, то дружки возвращаются къ повзду; а если скажетъ—„желаю“, то входятъ въ домъ, гдѣ ихъ угощаютъ пивомъ или брагой. После двухъ, трехъ стакановъ дружки увъзжаютъ, сказавъ на прощанье: „спасибо! прощай!“

Если домъ жениха далеко, то отецъ съ матерью отправляютъ съ братомъ или дядей ея вещи для подарковъ новой роднѣ въ большой столъ.

Пермяки очень суевѣрны и потому въ обычаѣ осталось во время свадебнаго повзда каждому встрѣчному кланяться всѣмъ повздомъ, разумеется съ тою мыслью, чтобы того не оскорбить, а униловствитъ и расположить въ свою пользу.

Когда повздъ приближился къ церкви, свахи ставятъ жениха и невѣсту рядомъ и даютъ имъ держаться руками за концы ширинки и въ этомъ положеніи ведутъ ихъ въ церковь.

Тысяціей на данные женихомъ деньги покупаетъ, какъ для бракосочетающихся, такъ и для повзжанъ свѣчи, кромѣ въжливца, который стоитъ у дверей и безъ свѣчи.

Когда надлежитъ священнику подвести бракосочетающихся къ налою, невѣстина сваха кладетъ ей подъ ноги пару поясковъ, а повзжане окружаютъ молодыхъ, причемъ каждый держитъ свѣчку, обернувши нижній конецъ ея, кто въ кусокъ холстины, кто въ платокъ, чтобы не капать на полъ воска.

По окончаніи вѣчанья, свахи покрываютъ голову молодой, или молодушки фатами, поэтому она, какъ нужно полагагъ вѣчается безъ фаты, и уводятъ ее съ женихомъ въ сторону или въ уголъ цоркви, гдѣ надѣваютъ на нее шемшуру (женскій головной уборъ), не заплетая косъ, а молодая, вынужъ изъ-за вазухи спрятанный рыбный пирогъ, вѣсть его съ мужемъ, если только не помѣшаетъ имъ священникъ съ крестомъ для сопровожденія ихъ изъ церкви. Въ последнемъ случаѣ молодые

идать пироги за оградой, где тоже распивают пиво и по-
взжале.

Послѣ свадьбы повздъ отправляется въ домъ жениха; въж-
ливецъ точно также слѣдитъ за порядкомъ и спокойствіемъ, ста-
раясь изслѣдовать, нѣтъ ли гдѣ препятствій для возвращеннаго его
попеченію повзда. Но если по дорогѣ встрѣтится кабакъ, то
повздъ непремѣнно остановится в тысяцкій, купивъ водки, уго-
щаетъ всѣхъ повзжанъ не исключая молодыхъ.

Повздъ, вѣхавъ во дворъ жениха, принимается родителами
и родственниками жениха; послѣдній встрѣчаетъ молодыхъ съ
образомъ, мать съ хлѣбомъ-солью, братья и сестры съ пивомъ
и брагою, причеиъ родню молодого встрѣчаютъ на заднемъ
крыльцѣ очень много постороннихъ лицъ. Все чинно и хорошо,
только является при этомъ иногда одинъ выходящій изъ ряда
обычай: мать жениха часто встрѣчаетъ молодыхъ въ вывороч-
ченной шѣхонѣ на изнанку шубъ, повязавъ голову грязными
тряпками и лохотьями съ единственною цѣлью показаться
молодухъ страшною и тѣмъ выунить къ себѣ боязнь, въ ви-
дахъ возбудить послушаніе, или же безпрекословное рабство.
По приказанію отца молодыхъ в повзжанамъ подаютъ по стакану
пива и браги, а иногда вина. Всѣ заходятъ въ избу. Отецъ съ
матерью становятся близь стола лицомъ къ дверямъ, когда нужно
всѣмъ входить въ избу. Молодые, не доходя до отца съ ма-
терью двухъ шаговъ, молятся на образъ, который держитъ
отецъ и послѣ трехъ земныхъ поклоновъ подходятъ подъ
благословеніе отца и матери образомъ и хлѣбомъ. Отецъ ста-
витъ образъ въ божилицу, а мать хлѣбъ на крытый скатертью
столъ. Образа, которые были и съ молодыми, тоже уста-
вляются въ божилицу, а челпаны ставятъ на столъ. Вскорѣ за-
тѣмъ свахи уводятъ молодыхъ зиную на печь, лѣтомъ въ куть,
гдѣ и окручиваютъ молодыхъ, то-есть расплетаютъ ей косу
на двѣ и надвѣваютъ на голову шамшуру, повязывая ее, какъ
должно платкомъ. Потомъ уже вводятъ молодыхъ въ избу и
ставятъ передъ столъ. Потомъ отецъ распоряжается всѣмъ,
начиная съ молодыхъ послѣдняго гостя садиться за столъ, и
молодые садятся такъ, чтобы были лицомъ къ дверямъ, на
войлокъ и подушку. Подлѣ жениха сажаютъ тысяцкаго, ря-
домъ съ невѣстой ея сваха. Дружко произноситъ обычную

политву и требует подачи кушаньевъ и начинается ужинъ. Молодые въ знакъ единодушiа вьдтъ одной вилокъ и одной ложкой попеременно, пьютъ вино и брагу изъ одного стакана, вино изъ одной рюмки поволамъ. У богатыхъ за каждыиъ кушаньемъ, бываетъ круговая подача вина всѣмъ застольникамъ, у людей средняго состоянiя черезъ кушанье, а у бѣдныхъ только три раза, въ началѣ, въ среднѣиъ и въ концѣ стола. Но вино и брага непременно подаются дружкой всѣмъ за каждыиъ кушаньемъ. Виномъ всегда угощаютъ сами молодые; для этого они за каждой круговой встаютъ на ноги: молодой наливаетъ рюмку вина изъ штофа, а молодая подноситъ ее на тарелкѣ. За каждой новой круговой, гости не пьютъ до тѣхъ поръ, пока молодые не выпьютъ сами вина. При каждой подачѣ, гости поздравляютъ съ законнымъ бракомъ, желая счастливой согласной жизни, цѣлуя и дая ихъ деньгами каждыиъ разъ отъ 3 до 20 коп. сер. каждыиъ. Ужинъ состоитъ въ скорныиъ дни изъ рыбнаго пирога, студени, щей, трехъ жаркихъ (бараньей лопатки, утки и индѣйки) и челпана. Въ постныиъ дни — изъ пирога, судачины съ уксуомъ, ухи изъ свѣжей рыбы, сиговъ, киселя, меду и челпана.

Замѣчательно требованiе дружки слѣдующаго кушанья по окончанiи прежде подавнаго: „Отецъ родимый! Мать родимая! У насъ князь молодой, соколъ ясный, съ княгиней—молодицей сидятъ за столомъ дубовымъ и скатертью шитой—бранною и тысяцкiй воевода—просятъ переизъму. Поднашивай!“ Нѣтъ переизъмы—челпанъ на столъ, поклонъ воздай! Мы отъ хлѣба соли сыты, отъ пива и браги пьяны и веселы. Что въ рукахъ вожево, во дворъ пушено, во хлѣвъ рощено, что есть въ печь, все носи на плечъ. Вы не сможете, мы дружки подскочнть и поможемъ.

Къ концу ужина всѣ позъжане напиваются и наждаются до послѣдней крайности. Молодые пьютъ и вьдтъ весьма увѣренно, сохраняютъ непоколебимое спокойствiе, молчатъ, скромничаютъ, сидятъ степенно и важно. По окончанiи ужина гости пляшутъ и поютъ.

Спустя какой нибудь часъ, молодыхъ ведутъ спать въ подклять въ сопровожденiи отца, матери, свахи и всѣхъ позъжане, включительно съ вѣжливцемъ и дружекъ; послѣднiе приносятъ

въ подклѣтѣ рыбный пирогъ, пиво, брагу, иногда вино. Отецъ и мать называютъ молодую „хозяйкою,“ предоставляя ей право угощать всѣхъ свадебжанъ питьемъ и пирогами, а въжливецъ подаетъ свой собственный пирогъ съ рыбой, который онъ ѣдать не вѣстѣ, въ знакъ того, что они мужъ и жена съ этого времени, ѣсть общій хлѣбъ и жить въ единодушїи. Поѣзжане пьютъ и закусываютъ отъ дружекъ и цѣлуютъ молодыхъ по три раза, дая каждый разъ изданный пятаконъ или гривенниконъ. Молодая по просьбѣ поѣзжанъ, произнеся Иисусову молитву, разуваетъ мужа, сначала съ правой ноги, и вынутый изъ сапога пятакъ, или другую какую монету, беретъ себѣ. Этимъ выражается начало повинновенїа и покорности мужу, а со стороны мужа будущее расположенїе къ подругѣ жизни, которую надѣется неоставить безбѣдною и содержать достаточно. Верхнее платье молодой снимаетъ самъ. Затѣмъ гости изъ подклѣта уходятъ. Остаются только въжливецъ и свахи. Раздѣтую до рубашки невесту сваха и въжливецъ просятъ обнять и поцѣловать мужа и уложить его въ постелю, потомъ по ихъ же предложенїю молодая ложится рядомъ. Когда это исполнится, свахи отъ радости пляшутъ. Въжливецъ направляетъ и укладываетъ молодыхъ въ постель, обходитъ вокругъ постели съ нашептыванїемъ. И въ заключенїе говоритъ молодымъ: „Слово мое крѣпко! Дай Богъ совѣтъ и любовь, да великаго счастья!“ Затѣмъ всѣ молодыхъ оставляютъ до утра. Между тѣмъ пированїе гостей идетъ далеко за полночь. Здѣсь всѣ пляшутъ, поютъ, кричатъ, цѣлуются, даже самъ важный въжливецъ предается общему веселью. Потомъ ближїие отвѣзжаютъ, а дальнїе остаются у жениха ночевать.

Утромъ къ молодымъ отправляется въжливецъ будить ихъ; а потомъ свахи, чтобы удостовѣриться справедливо ли то, въ действительности, если молодой получилъ черствый хлѣбъ отъ невесты; но когда невеста накануне дарила мягкий хлѣбомъ, то свахи не ходятъ. Молодая одѣвается и одѣваетъ молодого въ чистое бѣлье, привезенное ею въ подарокъ молодому; затѣмъ умываются.

Въ этотъ день бываетъ большой столъ. Часовъ въ девять, время крестьянскаго обѣда, молодые, всѣ семьяне, поѣзжане здѣсь оставшіеся и дружки обѣдаютъ запросто и безъ вина.

Кушанье въ немного, вина нѣтъ; здѣсь опять молодые ѣдятъ одною ложкою, вилокъ и кушанья по прежнему подаютъ закрытыми. Этотъ кончается малый столъ; въ это время дружка, принявъ приданое невесты, если его не принималъ наканунѣ, беретъ кстатѣ подарки отъ родителей жениха на подарки въ большой столъ *), и, затѣмъ ѣдетъ приглашать всѣхъ ближнихъ наканунѣ бывшихъ повѣжанъ. Тестя и тещу весьма рѣдко приглашаютъ; къ столованью бываетъ человекъ до тридцати, такъ какъ тутъ приглашаются и не бывшіе на свадьбѣ гости; но это у богатыхъ.

Коль скоро соберутся къ большому столу, молодая ставитъ среди комнаты лохань или другую нечистую посуду, беретъ въ ковшъ воды, полотенце и мыло и приглашаетъ чрезъ дружка всѣхъ умытъ руки **), начиная со свекра и свекрови и кончая послѣднимъ гостемъ. Въ этомъ простомъ обрядѣ таится тотъ смыслъ, гдѣ новобрачная выражаетъ готовность на покорность, услуги и смиреніе не только передъ мужемъ но и предъ всѣми его родственниками. Послѣ того, какъ всѣ послѣ умыванія рукъ стоятъ, молодая прибавъ ковшъ, ведро, полотенце и мыло, и становится рядомъ съ молодымъ, среди избы и даритъ свекра, свекровь и всѣхъ присутствующихъ. Въ то время когда молодая изъявляетъ намѣреніе подарить тестя, дружка отъ ея имени, говоритъ послѣ обычной молитвы: „Отецъ родимый! Мать родимая! Приступись поближе, поклонись пониже! Будь ты не крикливъ, будь ты не лошлнвъ, а будь жалостливъ, будь милостивъ, будь приступчивъ. Прини-ко отъ нашего князя молодого, новобрачнаго яснаго сокола и княгини—молодицы дорогіе подарки. Княгиня—молодица по чистому полю бы гуляла, кунницъ бы имала, лисицъ бы ловила, тебя бы шелкомъ подарила. Она по чистому полю не гуляла, кунницъ не имала, лисицъ не ловила,— что напряла, что выткала, тѣмъ тебя и дарить. Не осуди за малые подарочки!“

Молодые подходятъ къ отцу и матери и кланяются по череду въ ноги. Въ это время сваха подаетъ молодой, а дружка—молодому на блюдахъ, первая—дары, послѣдній вино въ

*) Это бываетъ, если родители невесты живутъ въ одномъ селеніи или близко.

***) У нихъ говорится „помыть руки“.

давать имъ пить; потомъ какъ и вчера, уложивъ молодыхъ спать, уходитъ. Гости, между тѣмъ, продолжаютъ по прежнему пирушку и развѣзжаются по своимъ домамъ, кромѣ вѣжлива и дружка, которые остаются. Черезъ полчаса или черезъ часъ дружка, по порученію отца и матери, отправляется въ подклатъ и зоветъ молодую въ избу, гдѣ по приказанію свекрови заводитъ хлѣбъ или брагу къ завтрашнему дню и опять отправляется спать.

На третій день свадьбы бываетъ *пирожный столъ*, гдѣ молодые подчуютъ гостей пирогами своего издѣлія въ знакъ того, что она желаетъ съ новой родней водить хлѣбъ-соль и въ тоже время свое искусство. Но пироги только—слава, на самомъ же дѣлѣ, она участвуетъ также въ приготовленіи прочихъ блюдъ. Для этой цѣли молодые встаютъ рано, оба ходятъ за водою, за дровами, и если время зимою, то молодой прорубаетъ новую прорубь на рѣкѣ. Молодая кладетъ дрова въ печь, затапливаетъ и затѣмъ занимается важнымъ блюдомъ обѣда, приготовленіемъ пирога, или хлѣба на ячныхъ сочняхъ и мететъ избу, выбрасывая изъ избы солому, а прочіе домашніе опять забрасываютъ избу соломою, съ цѣлью испытать терпѣніе молодой.

Утромъ, въ 9 часовъ, домашніе обѣдаютъ запросто, а чрезъ вѣсколько времени въ домъ молодого собираются родные, знакомые и сосѣди. Всѣхъ приглашаютъ за столъ, въ это время молодые не садятся, такъ какъ обязаны подавать гостямъ кушанья, а молодой угощать разнаго рода напитками. Блюдо готовится почти столько же, что и наканунѣ: студень, щя, одно или два жаркихъ, сыръ съ караваемъ и пироги. Питья: брага, пиво, иногда вино. При первой чаркѣ вина, гости поздравляютъ молодого съ молодой доброй хозяйкой. *пирожной мастерицей*, а отца и мать съ невѣсткой, съ вѣрной заѣтной. Пьютъ много и всѣ бываютъ очень веселы.

Въ продолженіе обѣда прибываютъ и новые гости. Отпочиновавъ первыхъ, молодые собираютъ столъ для вновь прибывшихъ, потомъ третьихъ и такъ далѣе и нерѣдко продолжаютъ обѣдъ до вечера.

Съ окончаніемъ пирожнаго, жизнь молодыхъ вступаетъ въ свои права обыденной жизни до, такъ называемыхъ, *хлѣбинъ*.

Такъ называемые хлѣбники бываютъ въ разные сроки, но преимущественно исполняютъ въ день наслаицы, или Рождества. До этого времени зять не бываетъ у теста. Хлѣбники справляютъ въ обѣдахъ породившихся домахъ. Прежде они исполняются у родителей невесты, которые зовутъ къ себѣ молодыхъ, а потомъ отправляются къ нимъ и сами. Какъ и въ день свадьбы, тесть и теща встрѣчаютъ на дворѣ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, пивомъ и брагой.

Въ обѣдахъ домахъ угощаются обѣдомъ или ужиномъ во праздничному съ пивомъ, брагой и виномъ. Но у тещи существуетъ еще обычай угощать зятя блинами, *блины для зятя*, отъ чего у насъ до сихъ поръ осталась шуточная пѣсня: „*Теща для зятя блины жекла* и пр.“ Дѣло происходитъ такъ: теща подаетъ на столъ блины, покрытые блюдомъ и платкомъ. Молодой снимаетъ платокъ и беретъ себя, а вѣсто его кладетъ деньги копѣекъ 30, потомъ снимаетъ и блюдо. Поцѣловавъ теста и тещу молодые ѣдятъ блины. Въ доказательство любви къ тещѣ, по ея просьбѣ, послѣ первыхъ двухъ блиновъ молодой долженъ съѣсть нижній блинъ, не трогая верхнихъ и не проливъ масла, для этого молодой накрываетъ блины блюдомъ и быстро поворачиваетъ къ верху нижнее блюдо. Въ этомъ искусствѣ теща усматриваетъ степень ловкости молодого.

Что касается до значенія угощенія блинами, то Перяки объясняютъ такъ: Платокъ—ея дѣвство, блины—дочь. Взятіе платка и раскрытіе блиновъ—удостовереніе въ сохраненіи дѣвства до замужества. Деньги—окупъ за дѣвство, цѣлованіе—благодарность за соблюденіе дочери. Если молодой недоволенъ своей женой, то онъ не снимаетъ платка и блюда, не ѣстъ блиновъ и не цѣлуетъ родителей жены. Но это у Перяковъ бываетъ, какъ говорятъ—рѣдко.

Бѣлыя свадьбы. Тайныя свадьбы. Самокрутка. Подобныя свадьбы вообще совершаются безъ согласія родителей, такъ сказать по тайной любви и соглашенію молодыхъ людей, тогда какъ на это нѣтъ, и даже не ожидаютъ, родительскаго благословенія. Есть нѣсколько предлоговъ къ такому ввѣчанью: любовь между неравными по состоянію или богатству; хитрость жениха, воспользоваться приданымъ невесты, а часто и ея капиталомъ, долгое безбрачіе дѣвушки,—скупчая жизнь ме-

жду золовокъ, преслѣдованіе начихи, а часто—прикрыть бере-
женность. Впрочемъ—бываетъ и такъ, что часто родители са-
ни потворствуютъ бѣглымъ свадьбамъ во избѣженіе расходовъ.

Во всякомъ случаѣ дѣвушка сама принимаетъ участіе въ
нѣбѣгѣ и даже, если можетъ, то даже предварительно препро-
водитъ чрезъ взрнаго человека къ жениху свое приданое, а
потомъ ужъ сама убѣжить. Въ домѣ жениха свадьба эта счи-
тается формальною.

Послѣ такого вѣнчанія молодые отправляются къ родителямъ
невѣсты, кланяются въ ноги и просятъ прощенія. Въ нѣкото-
рыхъ приволжскихъ губерніяхъ, отецъ ударяетъ молодыхъ по
спинѣ плетью и приказываетъ встать, за тѣмъ прощаетъ и
благословляетъ образомъ и хлѣбомъ—солью. Даже, если моло-
дая бѣглица не взяла ничего изъ своего приданого, то роди-
тели невѣсты отдають при этомъ его. Впрочемъ есть и ха-
рактерные отцы, но и тѣ со временемъ отдають назначенную
долю дочери, вѣнчавшейся самокруткой.

Свадьбы великорусскія. *) Старинныя свадьбы въ коренной
Руси, совершались при слѣдующихъ условіяхъ: Передъ поѣз-
домъ въ церковь, жениха и невѣсту сажали рядомъ на соболій
или вообще на мѣхъ какой либо, и затѣмъ свахи чесали имъ
обонимъ волосы, обмакивая гребень въ винѣ, или въ меду (квѣ-
нокъ для питья) для чего, то или другое питье держалъ въ
кошкѣ нарочный. Потомъ ихъ, осыпали хлѣбомъ, или зернистымъ
хлѣбомъ вѣстѣ съ деньгами **) затѣмъ зажигали брачныя свѣчи,
которыя бывали слишкомъ по пуду у богатыхъ и полегче у
менѣе зажиточныхъ. Свѣчи эти зажигали богоувоенскою свѣ-
чею. Въ церкви, во время вѣнчанья, жениху и невѣстѣ подъ
ноги канку или другую матерію, или другую мягкую рухлядь.
Въ церковь возили съ собою посудину съ хлѣбнымъ виномъ,
изъ которой священникъ давалъ пить жениху и невѣстѣ три
раза. При третьемъ разѣ женихъ бросалъ сткланку съ виномъ
на полъ и топталъ ее ногами. Затѣмъ, слѣпивши объ брачныя
свѣчи, ставили въ кадку со пшеницей въ сѣнникъ, въ голо-
вахъ постели новобрачныхъ, на цѣлый годъ.

*) Поверіе страшихъ и свѣннихъ обрядовъ при бравосочетаніи. Г. Г. 1797
года. Сиб.

**) Хлѣбъ, хлѣбъ зерновой и деньги вѣстѣ свѣщанно назывались осмысломи.

Сънникъ, гдѣ молодые спали, убирался такимъ образомъ: По всѣмъ четыремъ стѣнамъ этого помѣщенія ставили иконы. во всѣхъ четырехъ углахъ втыкали по стрѣлѣ, а на каждой изъ нихъ по соболу, или по кунницѣ съ калачемъ. На лавкахъ по угламъ ставили по сосуду (оловянному) съ медомъ. Самый брачный одръ (постелю, дѣлали на двадцать одномъ снопѣ. (Какъ и у Пермяковъ, нечетъ уважался).

Какъ только подадутъ на столъ послѣднее кушанье, то есть жаркое, то дружка, обернувъ блюдо съ жаркимъ, а также калачъ и солонку скатертью, относилъ въ сънникъ къ постели, куда всхлѣдъ за ними отводили и молодыхъ. Въ дверяхъ сънника посаженный отецъ, сдавъ съ рукъ на руки новобрачную мужу ея, дѣлалъ ей пристойное правоученіе и давалъ совѣты какъ жить въ супружествѣ. По прибытіи молодыхъ къ постели, жена тысяцкаго, одѣтая въ то время въ двѣ шубы, одна, какъ слѣдуетъ, другая на выворотъ, осыпала ихъ осыпаломъ (зерномъ, деньгами и хмѣлемъ), кормила молодыхъ на постели.

На другой день по утру, члены свадьбы являлись въ сънникъ. стрѣлою поднимали одѣяло новобрачныхъ и осматривали по известнымъ признакамъ непорочность новобрачной.

Совершивъ глупое наблюденіе разувается изъ простаго любопытства и ради сплетней, которая есть всегда въ народной семьѣ скоро угасаютъ, хотя живо возгораются, предметъ которыхъ никого при томъ не интересуеетъ кромѣ новобрачнаго; свахи водили молодыхъ въ баню, куда теща зятю присылала платье нужное для того, чтобы достигнуть до покоевъ, а потомъ кормила ихъ кашею. Со стороны молодой слѣдовало всѣхъ собравшихся гостей кормить овощами и разными предметами. Въ порядкѣ церемоній брачнаго торжества было, чтобы женихъ держалъ за руку невесту, гдѣ бы только имъ приходилось ему представляться вмѣстѣ съ нею во время брачнаго торжества, иначе всѣ предрекали неприятный бракъ и несогласіе въ супружествѣ.

Старые обряды, какъ и ранѣе видѣли, существуютъ, но уже измѣнены во многомъ. *) Наканунѣ дня брака призываютъ въ

*) Это говорится въ книгѣ, изданной въ 1797 г. подъ названіемъ: „Позорище страсти и смѣшныхъ обрядовъ“. Г. Г. Спб. Цезарь Семеновъ Котельниковъ.

домъ жениха шести или семи лѣтъ мальчика, который уклады-
ваетъ въ ларчикъ, для подарка невесты, всѣ галантерейные пред-
меты, какъ то: румяна, бѣлила, духи, опахало, перчатки и
проч. Этотъ ларчикъ, заперевъ, отвозить въ тотъ же вечеръ
женихъ вывѣстъ съ ключомъ къ невестѣ, и оба они сидятъ по-
томъ въ шубахъ, въ знакъ благополучія.

Но вотъ наступаетъ другой день, день поѣзда въ церковь;
набранный со стороны невесты мальчикъ обуваетъ невесту въ
новую обувь и продаетъ ее косу за гривну, за полтину или
за рубль, словомъ торгуется, сколько можетъ выторговать и
побольше дать цѣны.

Новобрачныхъ укладываютъ спать въ пустой хоромишѣ, при-
томъ въ удаленной и въ нетопленной, не смотря на холодъ.
Говорятъ даже, что для новобрачныхъ строили такіе покои, на
потолки которыхъ и земли не клали.

Подъ постелю клали ржаные снопы или солому, примѣта или
обычай, сказанный нами выше. Молодая должна разувать моло-
даго въ первую ночь свадьбы и у него подъ пятой правой
ноги всегда бывало нѣсколько мѣдныхъ денегъ, а въ лѣвомъ
сапогѣ платка. Отъ холода зависѣло взяться за правую,
или за лѣвую ногу, такъ, какъ мужа необходимо требовалось
разувать. И вотъ, ежели она по своей оплошности, застенчи-
вости или робости, хваталась за лѣвую ногу, то молодой вынужъ
възъ за сапога платку, хлесталъ ее. Но если она бралась за
правую ногу, то деньги которыя были въ сапогѣ, она брала
себѣ.

На другой день бракосочетанія, ежели молодая не была
цѣломудренна, то дружка, взявъ стаканъ съ дырою на днѣ,
зажималъ его пальцемъ, и наливъ его какимъ либо напиткомъ
подносилъ ее матери; коль скоро мать брала стаканъ, онъ от-
нималъ палець, и напитокъ вытекалъ.

Такая укоризна матерямъ и сейчасъ идетъ къ лицу. Старина
ваша была не глупа. Если женихи брезгаютъ недостойными
дѣвушками, а особенно, если по неосторожности одинъ такой
вступилъ съ упавшей дѣвушкой въ бракъ, то конечно вся
вина падаетъ на мать, и стаканъ съ дырой—укоризна слабымъ
родителямъ. Изъ этого можно заключить хоть немного, но вѣрно
то, что для воспитанія дочери—прежде всего внушеніе вѣры и

что нѣтъ лучшаго качества въ замужествѣ, какъ ея непорочность, которой не брезгаютъ, ни князья, ни бояре, ни ученые люди. Отсутствие дѣвства, для жениха внушаетъ на всю жизнь ревность и это рождаетъ много неприятностей въ жизни, которая тянется до пятидесятихъ годовъ, то есть до времени привычки, когда угасаетъ любовь; но согласіе супружеское необходимо для поддержанія семейныхъ выгодъ, интересовъ и для воспитанія дѣтей. Вотъ тутъ и нужна школа жизни, но мудрая. Воспитывать дѣтей, дѣло важное. Нужно ихъ воспитать, нужно ихъ учить. Воспитать—направить, учить наукъ, развитъ разумъ, дать свѣтское понятіе или цѣль въ жизни. Про мальчика говорить нечего.

Вотъ цѣль родителей и преимущественно матеря, такъ, какъ мужъ чаще занятъ пропитаніемъ, а не воспитаніемъ семьи.

Въ наше время, если дали дѣвушкамъ свободу, позволили имъ являться въ свѣтъ, романиками великихъ поэтовъ внушили имъ великое значеніе любви, намъ нечего удивляться, что онѣ, читая какого нибудь заграничнаго новаго философа начинающаго страдать ипохондріей, сумасшествіемъ, или какою нибудь овладѣвующею его идеею, вретъ съ три короба и смущаетъ прочихъ, а дѣвушки читаютъ и на усъ мотають, а изъ этого извлекають свои теоріи и путають всѣ системы.

Свадьбы въ Малороссіи. У малороссовъ свадьбы происходятъ такъ: Сынъ, пришедшій въ возрастъ, объявляетъ своему отцу подъ веселую руку, что такая то дѣвушка недурна, ему нравится и охотно бы женился, если она пойдетъ за него.

Тогда отецъ приглашаетъ двоихъ своихъ родственниковъ уже пожилыхъ, а иногда сосѣдей и предлагаетъ имъ наиврежніе сына. Сынъ имъ низко кланяется и вѣсть съ отцомъ проситъ ихъ, чтобы онѣ приняли на себя трудъ сходить къ отцу избранной дѣвушки, посватать дочь за него. А получа отъ нихъ согласіе, вручаетъ каждому изъ нихъ по посоху въ знакъ полномочія ихъ и посольства, и нарочно приготовленный хлѣбъ, и провожаетъ ихъ за ворота. Такіе сваты называются *старостами*.

Старосты, явсь въ домъ невѣсты, кладутъ этотъ хлѣбъ на столъ и потомъ привѣтствуютъ хозяйку. Хозяйка приглашаетъ ихъ сѣсть, заводитъ о чемъ либо разговоръ; они, отвѣчая на

все крѣпко постукиваютъ посохами, напоминая тѣмъ, какъ бы нетерпѣливое желаніе спрашивать о причинѣ ихъ прихода, при чемъ стараются объясниться съ нимъ кратко и прямо, если хозяинъ нарочно медлитъ такимъ вопросомъ. Хозяинъ, выслушавъ предложеніе и, если оно ему нравится, отправляется въ хижку (квѣтъ) къ женѣ своей, объясняется съ ней объ этомъ предметѣ и призывая дочь свою, родители спрашиваютъ ее нравится ли ей женихъ?

Узнавъ отъ дочери, что женихъ нравится, вводятъ ее къ сватамъ; тутъ она каждому изъ сватовъ подноситъ по ручнику или полотенцу на деревянной тарелкѣ въ знакъ того, что она принимаетъ ихъ предложеніе. Старосты, принявъ дары, перевазываютъ ихъ черезъ плечи и оставивъ хозяину въ залогъ своего посольства хлѣбъ и получивъ въ замѣнъ его другой, отправляются въ домъ жениха съ радостною вѣстью.

Женихъ, вида своихъ возвращающихся посланниковъ, съ знакомъ согласія чрезъ плечо, встрѣчаетъ ихъ у воротъ и вводитъ къ отцу. гдѣ, по общему съ невѣстными родителями согласію, назначается день бракосочетанія. Съ этого дня женихъ ежедневно посѣщаетъ невѣсту, къ которой во все эти дни ходятъ ея подруги; но во все время до свадьбы, пѣсенъ не поютъ, да и даровъ до этого времени женихъ невѣстѣ не возитъ. Женихъ имѣетъ позволеніе, если желаетъ съ невѣстой быть наединѣ и даже вочевать, при чемъ строго воспрещено, предпринимать, что либо противное цѣломудрію невѣсты.

Въ Малороссіи также существуетъ прекрасный обычай не домогать приданаго. Женихъ въ этомъ случаѣ предоставляет все это на волю будущаго тестя.

Бракосочетаніе у нихъ бываетъ обыкновенно въ воскресенье, по сему наканунѣ, въ субботу, бываетъ у невѣсты дѣвишникъ, приглашаются подруги или дружки, изъ которыхъ одна называется на всю свадьбу *свѣтлкою*. Ея обязанность во время стола сидѣть въ большомъ углу и держать на саблѣ, увитой калиновыми вѣтвями съ ягодами, восковую свѣчу *тройчатку*.

Вечеромъ, къ ужину, пріѣзжаетъ женихъ съ *болярами* (молодыми товарищами) къ невѣстѣ, гдѣ противъ нихъ сажаютъ за столъ подругъ невѣсты. Въ это время женихъ раздастъ дары

родителямъ и сродникамъ невѣсты, а дружки поютъ свадебныя пѣсни. Послѣ ужина начинается пляска подъ скрипку и пляшутъ до полуночи.

Бояре и подружки отправляются въ воскресенье съ женихомъ и невѣстою къ утрени, а послѣ обѣдни вѣчаются. Послѣ вѣнца женихъ съ боярами и съ позваными (съ бесѣдою) ѣдетъ къ себѣ въ домъ, тогда, какъ молодая съ своими подругами отправляется къ своему отцу въ домъ.

У жениха обѣдаютъ всѣ бояре съ свѣтлагою, свахою, старостами и маршалками *), при чемъ сваха и свѣтлаго, въ знакъ особеннаго почета, принимаютъ бояранъ, старостамъ и скрипачу къ шапкамъ изъ красныхъ лентъ квітки (цвѣтки), за что получаютъ отъ нихъ по копѣйки или по двѣ. Послѣ обѣда родители жениха садятся на шубу, сверху шерстью, и держатъ въ рукахъ каравай хлѣба; сынъ кланяется въ ноги сверва отцу, а потомъ матери и проситъ позволенія ѣхать къ невѣстѣ; благословивъ хлѣбомъ и солью, родители его отпускаютъ и молодой со всеми своими гостями отправляется къ невѣстѣ.

По приближеніи къ дому дружка и подружій, давъ знать о семъ отцу и матери невѣсты, кладутъ на столъ хлѣбъ, и стеклянку водки. Мать, подаривъ нѣ по ручнику, велитъ вѣзжать во дворъ, среди котораго всегда ставится столъ, накрытый скатертью, а на немъ квашню, хлѣбъ и посуду съ водкой. Выходитъ теща встрѣчать жениха въ вороченной шубѣ, сидя на вилахъ или кочергѣ и, держа въ рукахъ горшокъ съ ведою и овсомъ, который послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, подаетъ она зятю, а сей, не сходя съ лошади выливаетъ все на гриву лошади и потомъ отдаетъ пустой горшокъ старшему боярину, который по принятіи бросаетъ его въ сторону, причѣмъ ежели горшокъ разобьется, то родится сынъ, а если уцѣлѣетъ — то дочь.

Какъ только женихъ сойдетъ съ лошади, то братъ невѣсты или какой либо близкій и молодой родственникъ, сѣвъ на лошадь жениха, рыщетъ по удвѣцъ во всю конскую прыть; за нимъ гонятся на лошадяхъ бояре, а настигнувъ ведутъ лошадь на тотъ дворъ, гдѣ подчуютъ его на конѣ виномъ, при чемъ

*) Дружками со стороны жениха.

подносившій говоритъ ему: *прошу выкушать!* а тотъ, не принявъ чарки съ виномъ, только кланяется. Дружко выпиваетъ эту чарку самъ, и наливъ другую снова подноситъ; но онъ опять не беретъ; дружко потомъ спрашиваетъ: что ему надобно? „Денегъ“ отвѣтствуетъ онъ, тогда дружко подаетъ ему на тарелкѣ нѣсколько копѣекъ; невѣстинъ братъ, принявъ деньги, выпиваетъ вино и сходитъ съ лошади. Тутъ его слегка стегаютъ прутикомъ, но братъ невѣсты успѣваетъ убѣжать къ сѣннымъ дверямъ, и, взявъ обнаженную саблю или палку, садится рядомъ съ невѣстою.

Между тѣмъ, женихъ со свахою и свѣтлякою стоятъ въ сѣняхъ за порогомъ. Невѣстина мать, выйдя съ зажженою восковою свѣчою, зажигаетъ ею свѣчу въ рукахъ у свѣтляки, потомъ цѣлуются черезъ порогъ съ нею. Тогда дружко, съ позволенія старосты, вводитъ жениха въ избу, гдѣ сидитъ съ своими подругами невѣста и ея братъ съ обнаженной саблей.

— Дружко спрашиваетъ брата жениха: ты зачѣмъ здѣсь?

— Сестру берегу, отвѣчаетъ тотъ.

— Она не твоя, а наша, говорятъ дружко.

— А если она ваша, говоритъ братъ, то заплати, за нее то, что я на нее употребилъ.

— А что ты на нее употребилъ?

— Весьма много, отвѣчаетъ братъ, а именно: Въ пятнадцать лѣтъ пребыванія ея въ нашемъ домѣ, она съѣла и выпила: пять бочекъ бураковъ (свеклы), три бочки капусты, четыре вола (быка), шесть кабановъ (откормленныхъ барановъ), десять овецъ, сто гусей, двѣсти куръ, семьдесятъ пять утокъ, двадцать кулей хлѣба, пять бочекъ пива, двѣ бочки меду, пять бочекъ горѣлки и пр.

Дружко, выслушавъ все это, вынимаетъ изъ кармана двѣ или три копѣйки и положивъ ихъ на деревянную тарелку, на которой уже стоитъ налитая чарка вина, подноситъ ее продавцу, а этотъ видя мало денегъ не уступаетъ и продолжаетъ торговаться до пяти, а иногда до десяти копѣекъ. Получивъ то, чего желалъ, выходитъ изъ за стола. за который на его вѣсто садится женихъ до того времени, безмолвно стоявшій по среди комнаты и смотрѣвшій на сцену торговли.

Невѣста бываетъ въ это время одѣта, въ шитую узорами

бѣлую холстинную сорочку, поверхъ которой пестрая шерстяная плахта (юбка), красная заплата (передникъ, фартукъ), сверхъ всего сукошный смурый или бѣлый кафтанъ. Козловые, красные съ желѣзными подковками или высокими ободками, сапоги подбитые гвоздями. На головѣ двѣ завитыя изъ природныхъ волосъ косы; около которой повязаны шелковыя разныхъ цвѣтовъ ленты съ висащими по синимъ длинными концами. На шею обыкновенно надвѣваютъ красную кофту (нѣсколько корольковыхъ нитокъ) и мѣдный, или серебряный крестъ; на рукахъ кольца. Костюмъ жениха—сукошный смурый кафтанъ, того же цвѣта шаровары, шерстяной пестрый поясъ, сукошная съ околышкомъ черной овчины шапка, и на ногахъ сапоги сильно смазанные смальцомъ (саломъ) или дегтемъ. Въ одной сапогѣ лежитъ мѣдная или серебряная монета, на рукѣ перстень или кольцо. По кафтану красный кушакъ, за который заткнутъ красивый шитый платокъ.

Послѣ описанной купли невѣсты, какъ новобрачные, такъ и его повзжано сидѣть за столомъ. Вскорѣ отецъ и мать невѣсты также и родственники невѣсты, войдя къ нимъ съ малыми виномъ стаканами подчуютъ ихъ и всю бесѣду. Потомъ дружка испрашиваетъ позволенія у старосты, на раздачу подарковъ отцу, матери и всѣмъ родственникамъ невѣсты. И такимъ образомъ отцу дается хлѣбъ, матери сапоги, родственникамъ хлѣбы и платки, а дружка (подругамъ) по горсти орѣховъ и по два бублика (кределе).

Равнымъ образомъ женихъ и невѣста, дарятъ всѣхъ родственникововъ хлѣбами и платками, а бояръ, каждого по шитому или тканому бумагою платку. Потомъ дружка проситъ позволенія у старосты или посаженаго отца, на то, чтобы поплясать новобрачнымъ и прочимъ на дворѣ, и получивъ разрѣшеніе послѣ троекратной просьбы, пляшутъ подъ звуки скрипки до времени обѣда, къ которому также являются съ позволенія старосты или посаженаго отца.

Столъ покрывается сверхъ *кылма* (ковра) скатертью. На немъ ставятся деревянныя бѣлыя, или красныя тарелки, и ложки съ нѣсколькими ножамъ, но безъ вилокъ. Передъ женихомъ и невѣстою ставится одна тарелка, положены крестообразно двѣ и и цѣлый ржаной, осыпанный солью, хлѣбъ. Посредь

стола. лежит куличъ—(каравай), который накрыть крестообразно же двумя утиральниками, съ вышитыми по концамъ красною бумагою, и который освящается еловою вѣткою, въ него воткнутою. Позади новобрачныхъ въ углу, гдѣ иконы, стоитъ сабля съ зажженными восковыми свѣчами—принадлежность свѣтлди.

Какъ только принесутъ первое кушанье, состоящее изъ лаши со свиной и курицей, отецъ и мать невесты, подчуютъ гостей и сами пьютъ за здоровье молодыхъ, которые во весь обѣдъ не пьютъ и не ѣдятъ. Такимъ же образомъ при борщѣ, жаркомъ и при другихъ кушаньяхъ повторають пить. Въ продолженіи обѣда невестина сестра, или родственница, снявъ съ жениха шапку, пришиваетъ къ ней сдѣланный изъ розовой ленты цвѣтокъ, а между тѣмъ, поетъ приличную по сему предмету пѣсню, за что получаетъ въ награду нѣсколько копѣекъ. Предъ концомъ обѣда, дружко по благословенію старосты, прочитавъ „Отче нашъ“ и снявъ съ кулича ручки, беретъ одинъ себя, а другой отдаетъ подружему. Потомъ, перевязавшись своимъ черезъ плечо, разрѣзаетъ куличъ по частямъ, и раздають куски всѣмъ присутствующимъ за столомъ. Каждый, получивъ кусокъ, долженъ за него дать какую нибудь мелкую монету на разживу новобрачной. Послѣ обѣда начинается пляска и продолжается до вечера.

Въ сумерки входятъ въ избу и начинаютъ ужинать, который ѣдетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и обѣдъ. Послѣ ужина подруги невесты, простясь съ нею и откланявшись всей веселой бесѣдъ, расходятся по своимъ домамъ, получивъ при томъ въ подарокъ, по горсти орховъ и нѣсколько бубликовъ каждая. Старшую же подругу, провожаютъ молодые люди (бояре) при пѣніи, пляскѣ и музыкѣ, до самаго двора. Когда подруги удалятся, собиравтъ ужинъ для молодыхъ въ особенномъ уединенномъ мѣстѣ, иногда и въ чуланѣ. Въ это время дружки и свахи собирають невестино приданое и укладываютъ, смотря по времени года, въ телѣгу или сани, и посада потомъ туда невесту съ свѣтлкою и свахою, везуть въ домъ жениха; самъ женихъ ѣдетъ по правую сторону верхомъ, сопровождаемый боярами. Женихъ, вскорѣ по отъѣздѣ изъ дома тестя, ударяетъ новобрачную нѣсколько разъ плетью по спинѣ, говоря: „Покидай нравы отца и матери, а привыкай къ моимъ“.

При самомъ отъездѣ въ домъ жениха, среди воротъ зажигается куль соломы, чрезъ огонь котораго провозятъ повозку невесты и всѣ слѣдующіе верхами за нею. Потомъ новобрачные входятъ въ избу, кланяются отцу и матери и опять садятся за ужинный столъ, со всѣми гостями и тѣмъ же порядкомъ, какъ въ домъ невесты. Послѣ ужина дружка со свахой и родственниками, ведетъ ихъ въ подклѣтъ, гдѣ оставляютъ ихъ однихъ. Здѣсь невеста разуваетъ жениха и беретъ деньги изъ сапога себя, а мужъ въ это время, бьетъ ее голенищемъ по спинѣ. Потомъ ложатся они на постланной на полу соломы, покрытой килиномъ или войлокомъ, который служитъ имъ вѣсто одала. Послѣ извотораго времени молодой призываетъ дружку и объявляетъ ему, что жена его сохранила дѣвство до сегодня, а этотъ послѣдній объявляетъ это всей бесѣдѣ съ доказательствомъ на лицо. Затѣмъ ей тотчасъ подають другую сорочку. Тутъ происходитъ новое веселье, пляска и пѣсни; потомъ гости жениха, отправляются въ домъ родителей невесты бьютъ посуду, окна, ломають столы, лавки, причемъ родители жениха вѣсто того, чтобы обижаться, награждаютъ полотенцами и платками гостей, за радостную вѣсть о благополучіи дочери. Получивши дары, гости отправляются опять въ домъ жениха, и тамъ шумно проводятъ день до разсвѣта.

На другой день снова собираются къ жениху гости. Поутру рано, приходитъ старшій бояринъ къ новобрачной, и взявъ у нея красную записку, то есть передникъ, выставляетъ его высоко на шею, какъ флагъ, надъ домомъ молодого, въ знакъ цѣломудрія новобрачной.

Потомъ дружки, свахи, бояре, родственники, сосѣди и проч., подъ предводительствомъ одного дружки, отправляются въ домъ старшей подруги новобрачной, и ставятъ на столъ хлѣбъ и посуду съ водкой, та съ своей стороны ставитъ на столъ кушанье и подаетъ посѣтителей имъ, и водкою; поѣвши и выпивъ, гости выходятъ на дворъ, пляшутъ и поютъ, и такъ повторяется тоже у всѣхъ подругъ невесты. Отпраздновавъ всѣхъ по порядку, гости возвращаются въ домъ жениха и просятъ у отца позволенія вести молодыхъ въ церковь. Отецъ надѣваетъ на молодую вибалку (наметка). Коль скоро достигнуть церкви, то дружка, поддружій и другіе оставя ихъ на цѣль-

жарь (монастырь), всё безъ исключенія поютъ пѣсни и идутъ въ домъ священника, гдѣ поставя на столъ хлѣбъ и водку, просятъ его, чтобы онъ ввелъ молодыхъ въ церковь. Священникъ, получа надлежащую за то плату, склоняется на ихъ просьбу, вводитъ съ молитвою въ церковь, читаетъ молитву, благословляетъ молодыхъ и надвываетъ послѣ того на голову молодой серпанку (фату), потомъ, окропя того и другаго св. водою отпускаетъ съ широмъ.

Гости возвращаются въ домъ отца жениха. Тамъ сажаютъ молодыхъ за столъ, туда является и свекоръ и, тыча палкою въ глаза, спрашиваетъ; „не слѣпа ли она“, но потомъ снявъ съ нея серпанокъ подчуевъ ее виномъ. Затѣмъ дружка угощаетъ молодыхъ хлѣбомъ, намазаннымъ сотовымъ медомъ, а потомъ всѣхъ гостей *).

Послѣ обѣда, съ позволенія старосты выходятъ всѣ на дворъ, для пѣнія и пляски, которую начинаетъ дружка. Потомъ старшій бояринъ, положи на тарелку нѣсколько денегъ и поставя чарку вина, подноситъ молодой, которая принявъ деньги и выпивъ вино, начинаетъ съ нимъ плясать; такимъ образомъ она перепляшетъ со всеми. Потомъ гости, войдя въ избу, садятся за столъ, гдѣ отецъ и мать ихъ подчуевъ; потомъ дружка, испрося благословеніе у старосты и прочитавъ „Отче нашъ“, разрѣзываетъ куличъ и подноситъ куски отцу и матери, родственникамъ и вообще всѣмъ гостямъ, которые съ своей стороны для обзаведенія молодыхъ хозяйствомъ, дарятъ ихъ разнаго рода скотомъ, птицей и другими предметами домашняго хозяйства.

По окончаніи этого угощенія дружка, взявъ *стульми* (пирогъ безъ начинки, лепешки), также вареную, а иногда и не вареную курицу, и обложивъ ее вѣтвястою калиною и красными бумажными нитями, идетъ съ молодымъ и со всею свадебною бесѣдою съ пѣніемъ и музыкой къ тестю; а по прибытіи туда, ставитъ курицу и пироги на столъ.

Тестъ и теща угощаютъ зятя и всѣхъ его сопровождавшихъ, чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время дружка, разрѣзавъ курицу подаетъ: тестю пару пироговъ и куриную головку, тещѣ

*) Не отъ этого ли первый пѣснецъ молодыхъ называется „медовишъ“?

столько же пироговъ и гузку, то есть заднюю часть, а прочиѣмъ гостямъ по ломтю пирога и по куску курицы. Послѣ сего теща отправляется со всѣми гостями къ отцу ея зятя и тамъ всѣ поужинавъ, веселятся всю ночь.

Во вторникъ, собираются всѣ гости, исключая бояръ (бывшихъ товарищей молодого), и подругъ невесты, къ обоимъ сватамъ; и ходя компаниями изъ дому въ домъ, подчуютъ другъ друга кушаньями и вообще шумно веселятся.

Такое свадебное пиrowаніе продолжается цѣлую недѣлю. Не смотря, по видимому на большіе расходы, вся свадебная пирушка въ теченіи недѣли, въ старину обходилась съ обѣихъ сторонъ въ 34 рубля 20 коп. ассигнаціями *).

Свадьбы на Уралѣ. У Уральскихъ казаковъ въ обыкновеніи у сговоренной невесты, съ начала сговора до самой свадьбы, гостить всѣхъ ея подругашъ, гдѣ сходятся молодые люди, поютъ и пляшутъ съ дѣвушками. Въ двичникъ женихъ приноситъ своей невестѣ въ подарокъ платье, и весь женскій уборъ, а невеста отдариваетъ эти подарки шапкою, сапогами, рубашкою и шароварами.

Послѣ вичанія невесту везутъ въ тельгѣ, сзади ея сидитъ мать и сваха, пальцы которой унизаны бывають кольцами. Обѣ онѣ прикрываютъ невесту полотенцемъ, чтобы никто не видалъ ее. Предъ тельгою идетъ женихъ съ отцемъ и дружкойю, а позади ея вѣдутъ верхомъ на лошадяхъ пріатели и родные жениха. Одинъ изъ нихъ на шесть, подобно знамени несетъ полосатую плахту (юбку).

Свадьба у Донскихъ казаковъ. У Донскихъ казаковъ, за невестою не бываетъ никакого приданого, напротивъ женихъ обязанъ одѣть невесту съ головы до ногъ.

Свадьбы у Камчадаловъ. Камчадалы — древніе обитатели обширнаго полуострова Камчатки. Образъ женидьбы у Камчадаловъ слишкомъ страненъ и дикъ. Когда Камчадалъ захочетъ жениться, то ищетъ себѣ невесты въ чужомъ острожкѣ, и, высмотрѣвъ по своему характеру дѣвушку, приходитъ къ ея родителямъ, изъясняется предъ ними въ своемъ сердечномъ расположеніи къ ихъ дочери и проситъ ихъ пожить у нихъ

*) По свѣдѣнію составленной въ 1777 г., то есть 9 руб. 57 к., на наши деньги.

нѣсколько времени, на что тѣ легко соглашаются. Иногда даже не объясняется съ родителями, а просто такъ поступаетъ, и прослуживъ нѣсколько времени проситъ за услугу—дочь.

Во время службы, чтобы понравиться родителямъ дѣвушки, онъ показываетъ необыкновенное усердіе, ловкость и проворство, даже удайство. По истеченіи условленнаго срока, молодой Камчадалъ добивается позволенія *хватать невѣсту*. Если поведеніе его будетъ хорошо, и онъ понравится родителямъ, сродникамъ и невѣстѣ, то ему позволено хватать, если же нѣтъ, то труды его вознаграждаются какою либо вещью, и онъ долженъ оставить ихъ острожекъ (селеніе). Случается, что онъ остается и безъ всякаго вознагражденія.

Камчадалъ, получившій позволеніе хватать невѣсту, всѣми силами старается улучшить время, подстеречь невѣсту одну, или съ немногими женщинами; между тѣмъ, какъ со стороны женщинъ и дѣвушекъ селенія, принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранить невѣсту отъ нападенія, такъ что рѣдко ее оставляютъ.

Къ тому же ее въ это время одѣваютъ въ двѣ, три хоньбы (одежда изъ собачьей шкуры), потомъ опутываютъ отъ колынь до мышекъ рыболовными сѣтями, по которой увиваютъ ремнями, такъ крѣпко, что она рѣшительно лишена всякаго свободнаго движенія. Опутываніе и укрупчиваніе невѣсты служитъ къ тому, чтобы защитить дѣвушку отъ молодого человека, которому необходимо для полученія ея въ жены, прикоснуться къ голому ея тѣлу, а для того разрушить своею ловкостью всѣ преграды къ тому. Если только представится къ тому возможность, онъ стремительно кидается къ дѣвушкѣ, старается разорвать ремни и сѣтку, но тутъ невѣста и дѣвки поднимаютъ крикъ, визгъ, схватываютъ его за волосы, царапаютъ его лицо, бьютъ, и всѣми силами стараются отбить невѣсту, хотя сама невѣста окончателно не дѣлаетъ при этомъ никакого сопротивленія. Если женихъ, преодолевъ всѣ препятствія, успѣлъ коснуться рукою до голаго тѣла, съ него этого довольно, онъ побѣдитель и самъ отходитъ отъ нея, а затѣмъ всѣ бабы и дѣвушки разбѣгаются, между тѣмъ невѣста умилыннымъ голосомъ говоритъ своему жениху „ми, ми!“ чѣмъ и заключается весь бракъ у Камчадалъ.

Рѣдко случается, чтобы Камчадалъ съ разу достигъ своей цѣли. Бывали случаи, что ему приходилось пробовать свою ловкость нѣсколько разъ, и каждый разъ получать ушибы и царапины, для излеченія которыхъ требовалось время. Бывали случаи, что бѣднякъ семь лѣтъ добивался своей невѣсты и во все это время служилъ безвозмездно, а бывали такіе привѣры, что послѣ неудачныхъ попытокъ бѣдный женихъ былъ поруганъ своей невѣстой и бабы овладѣвъ имъ сбрасывали съ балагановъ.

Кто схватываетъ свою невѣсту, тотъ получаетъ все права мужа, и на другой или на третій день увозить ее въ свое селеніе. Для празднованія же брака онъ возвращается. спустя нѣсколько времени, къ роднымъ жены.

Что касается до женитьбы на вдовахъ, то здѣсь не встрѣчается никакихъ препятствій кромѣ одного согласія съ той или другой стороны.

Мордовскія и Чувашскія языческія свадьбы. Когда отецъ хочетъ женить своего сына, то посылаетъ къ отцу невѣсты постороннихъ людей, чтобы спросить: желаетъ ли онъ выдать дочь свою за такую то? И если послѣдуетъ благопріятный отвѣтъ, то родители жениха и невѣсты, договаривались о *калымѣ* (выкупѣ), также—кому держать первую попойку и сколько чего употребить при ней. *Калымъ* полагался смотря по состоянію 8, 9 или 10 рублей ассигнаціями. Потомъ отецъ и мать жениха просятъ невѣстину родню въ гости въ домъ ея; а изъ своей родни никого не принимаютъ.

Въ назначенной для того день званые гости собираются. причемъ ихъ угощаютъ.

Только въ самый день бракосочетанія объявляютъ жениху и невѣстѣ, о томъ.

Родители жениха пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты, которая въ то время уже совсѣмъ одѣта по праздничному и приготовлена къ браку. Вся церемонія и важность ея заключается единственно въ томъ, что отецъ, взявъ за руку дочь свою, а мать въ руки хлѣбъ и соль, вручаютъ дочь свою съ хлѣбомъ-солью свекру и свекрови.

Невѣста, поблагодаривъ родителей своихъ за повеселенные ими труды и хлопоты о воспитаніи ея и притомъ заплакавъ

о родительскомъ домѣ и родственникахъ, покрывается бѣлымъ холстомъ до пояса и въ этомъ видѣ выводится своимъ братомъ изъ отеческаго дома до саеи, или телѣги. Прочая родня ея, проводивъ ее до половины дороги и встрѣтивъ родню женихову, возвращается, такъ какъ на брачномъ пиру съ невестиной стороны родни не бываетъ.

Какъ только прѣдутъ въ домъ жениха, то его братъ, или ближайшій сродникъ, взявъ невесту за руку вводитъ въ избу и сажаетъ за столъ. Потомъ зовутъ жениха, который нахлобучивъ шапку, садится подлѣ нея. Отецъ его, при собраніи всѣхъ сродниковъ и другихъ гостей, взявъ поставленный на столъ пирогъ аршина въ полтора, поднимаетъ его и концемъ его поднимаетъ покрывало у невесты, говоря между тѣмъ: „Вотъ тебѣ свѣтъ! Будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію семьи“. Потомъ переимѣняетъ онъ ей имя: Мезява, большая, Сернява, средняя, Вежава, меньшая и такъ далѣе по старшинству сочетающихся сыновей своихъ. Тогда женихъ и сродники увидятъ невесту, такъ какъ и она ихъ всѣхъ. Послѣ сего начинается пирушка, которая продолжается смотря по средствамъ. Въ этомъ состоитъ весь обрядъ ихъ таинства брака.

Нынѣ ихъ браки какъ христіанскіе, сопровождаются новыми обычаями близкими къ нашимъ. Обыкновенно въ день свадьбы надѣваютъ на невесту красное платье или кумашиникъ, красную рубашку и красные сапоги. На всѣ пальцы обѣихъ рукъ надѣваютъ разноцвѣтные перстни съ привѣшенными къ нимъ небольшими цвѣточками, къ которымъ привѣшены серебряныя или медныя копѣйки. Голову ея прикрываютъ красною фатою такъ, чтобы видѣть лица ея нельзя было. Предъ нею ставятъ скамейку, на которую ставятъ хлѣбъ, соль и ведро пива; подлѣ ея садится пожилой мужчина съ иконою, предъ которою мальчикъ держитъ свѣчу. Между тѣмъ всѣ сродники ея, подходя къ ней одинъ по одному, подклоняютъ головы свои подъ фату ея, которыхъ она порознь оплакиваетъ. Въ продолженіи сей церемоніи одинъ играетъ на гудкѣ; а прочіе по своему обыкновенію приплясывая поютъ: *воѣ! воѣ!* При этомъ подчуютъ пивомъ или медомъ всѣхъ безъ изыятія предстоящихъ, и всякъ въ честь себѣ вмѣнаетъ быть при этомъ пьянымъ. Со стороны здѣсь не бываетъ гостей, кромѣ отца и брата, свахи и двухъ

дружекъ. Должность свахи и одного дружка состоятъ въ томъ, чтобы подносить напитки.

Другой дружка, стоя предъ невестою въ безшолми, держитъ въ правой рукѣ обнаженную саблю, которою время отъ времени нахалъ, ударяетъ въ потолокъ или матицу.

Между тѣмъ у печки, на столѣ кладутъ постелю и все прочее приданое, на которомъ садится невестина сестра, или иная ея подруга, у которой дружка долженъ выкупать приданое.

Коль скоро невеста оплачетъ всѣхъ своихъ сродниковъ, то немедленно начинается церемоніальное шествіе къ вѣнцу. Во первыхъ идетъ дружка съ саблею, потомъ невестина мать или бабушка со свачею, а за нею отецъ или ближайшій сродникъ съ иконою.

Тутъ берутъ невесту, кто за поясъ, кто за ноги и выносятъ изъ избы на дворъ. Между тѣмъ она, какъ бы не охотно оставляя домъ своихъ родителей, старается всѣми силами протолкнись этому выходу изъ дома. То схватится за матицу, то за косякъ дверей, то за скобу и съ такою силою, что окружающіе ее должны бываютъ употребить все силы для того, чтобы раздвинуть руки. Коль скоро вынесутъ ее во дворъ, то дружка вооруженный саблею кричитъ, чтобы все зрители стояли рядомъ и чтобы никто не выходилъ ей навстрѣчу, что принимается за дурной знакъ.

Между тѣмъ у избы запираютъ двери и никого оттуда не выпускаютъ, пока не посадятъ невесту въ сани, или въ повозку, и покрываютъ бѣлою скатертью съ бахромою. Повѣздъ слѣдуетъ такъ: сперва отецъ или братъ жениховъ, потомъ невеста со свахою и дружкой, въ одной повозкѣ, затѣмъ подруги ея и вся свита ѣдетъ только до половины дороги; а отсюда сопровождаетъ ее повѣздъ жениха до самой церкви, гдѣ дожидается женихъ.

Когда окончится вѣнчаніе, впереди всѣхъ ѣдетъ женихъ, а за нимъ невеста, послѣ того и весь повѣздъ. По прибытіи домой, женахъ тотчасъ, принявъ невесту, ведетъ въ избу; но прежде, нежели входятъ въ нее, становятся оба одною ногою на порогъ избы, гдѣ ставятъ горячую съ хмѣлемъ сковороду на ногу сперва жениху, а потомъ невестѣ. Женихъ сбрасываетъ ее ногой, потомъ тоже дѣлаетъ и невеста. За отбрасы-

ваніемъ ногою сковорода съ хвѣлемъ тщательно наблюдаютъ весь домашній и выводятъ свои заключенія о будущемъ новобрачныхъ. Чѣмъ далѣе отлетитъ сковорода отъ ноги невесты, тѣмъ она будетъ сердитѣе и сварливѣе; а чѣмъ ближе, тѣмъ свирѣе и добрее. Если сковорода упадетъ вверхъ дномъ то думаютъ, что новобрачные будутъ несчастливы, и обратно дномъ кънизу—полное благополучіе.

Затѣмъ, женихъ, невеста и все гости входятъ въ избу; садятся за столъ и пируютъ; но при этомъ пиршествѣ никого изъ родни новобрачной не бываетъ. Сама же невеста тотчасъ убираетъ голову по дѣвчьи, какъ до сего ходила, и потомъ ходитъ такъ до того времени, пока не увидится съ отцемъ или матерью, или вообще съ тѣмъ, кто ее выдавалъ за мужъ, а затѣмъ ужъ лишается всѣхъ дѣвичьихъ украшеній.

У нѣкоторыхъ мордовцевъ есть обычай раздавать крутую кашу всѣмъ собравшимся съ деревни смотрѣть молодыхъ, по чумичь на челоуэка, кому въ шапку, кому въ полу, а иному и за пазуху.

У Чувашъ, живущихъ по Волгѣ, если кто вздумаетъ жениться, долженъ послать свата въ домъ невесты и торговаться съ отцемъ на счетъ выкупа. Не знаемъ какъ теперь, но гдѣ то 90 тому назадъ, цѣна танюшнимъ невестамъ простиралась отъ двадцати до пятидесяти рублей ассигнаціями. Бѣдняки покупали въ то время женъ, платя десять, пять рублей, а богатые платили до осмидесяти рублей на ассигнаціи. Приданое невесты обыкновенно состоитъ изъ разнаго скота, домашней утвари и одежды, сораазврно, или почти сораазврно съ выкупомъ. Впрочемъ это въ другихъ мѣстахъ называется калымомъ (выкупомъ, а у чувашъ называется *Хота*, сватовство).

По заключеніи торга бываетъ повздъ съ дарами. Женихъ, пріѣзжая съ родителями къ невестѣ, представляетъ договорную сумму денегъ, причемъ даритъ новыхъ родственниковъ рубахами, платками, или холстомъ; а для благополучія въ сочетаніи, хозяевамъ—пшеничный хлѣбъ и небольшое количество меду—сырца, которое поднося, держитъ противъ солнца и творитъ молитву. Въ этотъ же день послѣ веселой пирушки условляется на счетъ дня брака.

Въ этотъ день невеста сидитъ въ гостепріимной избѣ за

отгородкою съ закрытымъ лицомъ. Но въ известное время выходитъ оттуда, и ходитъ вокругъ избы съ печальнымъ выраженіемъ лица, между тѣмъ, какъ ея подруги носятъ предъ нею пиво, хлѣбъ и медъ — сырецъ. Когда такимъ образомъ она обойдетъ три раза вокругъ избы, то женихъ, сорвавъ съ нея покрывало цѣлуетъ ее и мѣняется съ нею перстнями. И съ того времени она называется обрученною. Послѣ того невѣста, угостивши гостей хлѣбомъ, пивомъ и медомъ уходитъ опять за перегородку, гдѣ женщины, снявъ съ нее худую дѣвичью шапку надѣваютъ бабью, поновѣе, называемую хушіу.

При раздѣваніи, какъ и другихъ русскихъ племенъ, невѣста должна разувать жениха. На слѣдующій день происходитъ слѣдствіе, сохранила ли молодая свое дѣвство, если не сохранила, то стыдятъ молодую стаканомъ съ продыравленнымъ дномъ, какъ уже ранѣе было описано (см. стр. 161) и все кончается смѣхомъ, безъ непріятныхъ для молодой послѣдствій.

Въ этотъ день молодая принимаетъ гостей какъ хозяйка, и день проводится въ пѣсняхъ и пляскахъ подъ музыку, веселѣе перваго.

Свадьбу играютъ по большей части у жениховыхъ родителей. Гости съ своей стороны никогда не ходятъ безъ съѣстнаго и напитковъ, а кромѣ того кладутъ на поставленный на столъ хлѣбъ съ воткнутой въ него стрѣлою, кто что можетъ изъ денегъ, на раззаводъ молодыхъ.

Въ прежнее время чуваша—христіане вѣнчались спустя долгое время послѣ этихъ обрядовъ.

Черемисскія языческія свадьбы. Когда черемисы были идолопоклонники, то въ той избѣ, гдѣ предположено было свадебное торжество, на столъ домашняго своего идола, предъ которымъ *Картъ* совершалъ моленіе. Потомъ дѣлали обѣдъ, а за окончаніемъ его предавались веселью, состоящему въ пляскѣ, пѣсняхъ и музыкѣ на гусяхъ, или на волынкѣ. Въ то время, какъ *Картъ* *) читалъ свою молитву, въ другой избѣ невѣсту наряжали въ замужнее женское одѣваніе, сивавъ покрывало, надѣвали на нее нарядную женскую шапку, или повязку. Затѣмъ женихъ, взявъ ее за руку, отводилъ ее въ гостепріимную избу,

*) Жрецъ.

гдѣ она во все время колѣнія Карта стояла на колѣняхъ, а затѣмъ, вставши, раздавала дары и подносила всѣмъ гостямъ пиво или медъ. По окончаніи всего этого она отправлялась опять въ ту избу, гдѣ была.

Въ вечеру невеста раздвигалась сама, но ложилась, какъ то недобровольно и во принужденію. Уложивъ молодыхъ, бабы запирали подклѣтъ.

На другой день, по утру, въ сопровожденіи женщины входилъ въ подклѣтъ одинъ изъ пожилыхъ мужчинъ, избранный вмѣсто отца молодой, держа въ рукѣ предобрую плеть. И если онъ усматривалъ въ молодой, что либо противное доброй чести до ея замужества, то поднималъ плеть и общалъ ею вознаграждать на другой день, и конечно это наказаніе исполнялось. Такъ же поступали и молодые только поздѣе, по окончаніи всѣхъ свадебныхъ обрядностей.

Третій день препровождали они также въ пирушкахъ и весельѣ. Предъ удаленіемъ всѣхъ, каждый, выпивъ стаканъ пива или водки, бросалъ въ него какую либо монету, въ подарокъ молодымъ.

Мало бываетъ и нынѣ между черемисами браковъ, гдѣ бы не принимались эти языческіе обряды.

Татарскія свадьбы. У татаръ русскихъ существуетъ въ основѣ одно и тоже, согласно религій, но встрѣчаются нѣкоторыя различія въ частности ихъ обрядности. У татаръ по рѣкѣ Черемхану, которая впадаетъ въ Волгу при Сингелеевѣ, существуетъ такой обычай при свадьбахъ: Когда женихъ или его родители выберутъ невесту, то сватаютъ ее тоже, какъ и прочіе, чрезъ постороннихъ лицъ, и послѣ согласія съ той и другой стороны, начинаютъ толковать о калымѣ. У нихъ даже бѣдняки должны платить довольно тяжелый калымъ. И женскому полу нѣтъ принужденія выходить замужъ, а потому невестинъ отецъ при началѣ сватовства спрашиваетъ дочь: „охотно ли она идетъ, нравится ли ей женихъ? Только ея согласіе рѣшаетъ дѣло. Затѣмъ приглашаютъ муллу, который прочитавъ молитву разрѣшаетъ ей сидѣть съ женихомъ за занавѣсой, потому гости пьютъ и веселятся. Но только тогда женихъ воленъ взять свою невесту, когда заплатитъ ея отцу калымъ сполна. Между тѣмъ женихъ воленъ тайно, время отъ времени, посѣщать невесту, повольничать немного, но

въ права мужа вступать ни подъ какими предлогами не допускается *).

По уплатѣ поднаго калыма, невѣстинъ отецъ приглашаетъ гостей на пиръ, и погулявъ до пьяна, они разъѣзжаются по домамъ; а женихъ съ невѣстою и другими сродниками, взявъ все приданое невѣсты уѣзжаетъ въ свой домъ. Потомъ призывается мулла, и начинается бракъ. Бракъ ихъ очень кратокъ и простъ. Молодые сидятъ или въ другой избѣ, или тутъ же за званъсомъ. А мулла, не вида новобрачныхъ, спрашиваетъ трижды у присутствующихъ: „женился ли такой-то?“ Ему отвѣчаетъ дружка: „женился!“ тоже троскратно называя по имени жениха.

Потомъ мулла спрашиваетъ о невѣстѣ троскратно: „вышла ли такая-то замужъ за такого-то?“ дружка тоже на каждый его вопросъ;—что вышла такая то? Наконецъ мулла читаетъ молитву и тѣмъ кончается процессъ брака.

По прошествии двухъ или трехъ дней, зять приглашаетъ къ себѣ въ домъ тестя и всю родню молодой жены для пираванія; гости собираются и каждый изъ нихъ приноситъ что либо въ подарокъ новобрачнымъ.

Свадьбы у Казанскихъ и Оренбургскихъ татаръ совершаются такъ же почти, какъ вышесказано. Также поступаетъ и мулла при совершеніи брака. Замѣчательно то, что у нихъ существуетъ дѣвичникъ, куда собираются подружки и родные, поютъ пѣсни и оплакиваютъ перемену состоянія невѣсты, которая въ это время сидитъ съ закрытымъ лицомъ. Между тѣмъ двое мужчинъ отъ лица невѣсты поютъ пѣсню, содержаниемъ которой то, что „она перемьлы этой желаетъ“. Наканунѣ брачнаго дня къ вечеру, посада невѣсту на коверъ, относятъ невѣсту въ тотъ домъ, гдѣ должна быть свадьба, и тутъ она видится съ новыми своими родственниками.

У этихъ татаръ, потеря дѣвства до замужества считается величайшимъ безчестіемъ. Гнѣвнаго характера женихъ имѣетъ право во время самой свадьбы сорвать съ своего тестя и тещи свои подарки.

*) Уплата по частямъ и тайное посещение женихомъ невѣсты, у нихъ называется *хождениемъ за пазузу*. Молодой человекъ въ это время можетъ удобно узнать невѣсту и если зайти, что либо предосудительное, засвидѣтельствованное дружини, прекращаетъ сватовство и получаетъ десять навадъ.

Свадьбы сибирскихъ (чулымскихъ) татаръ. Эти татары также посылаютъ свата. Сватъ отправляясь по дѣлу сватовства беретъ съ собою новую трубку (китайскую), набиваетъ ее китайскимъ табакомъ, а придя туда, объявляетъ причину прихода и тотчасъ оставляетъ тамъ свою трубку и табакъ, самъ удаляется куда то, на короткое время. По возвращеніи, если онъ замѣтитъ, что трубка не была въ употребленіи, то считаетъ это за отказъ, а если усмотрѣно, что курено, то принимается торговать невесту на платье, мягкую рухлядь, скотъ и на проч.

Свадьба совершается въ новой юртѣ, брачное ложе молодыхъ—войлокъ. Если новобрачная виновата предъ своимъ мужемъ, то она никакой обиды отъ мужа не терпитъ, но молодой украдкой уходитъ и не ранѣе возвращается, какъ раздѣлавшись добрымъ порядкомъ съ похитителемъ ея чести. Потомъ все предается забвенію.

Въ день свадьбы у нихъ тоже происходятъ пирушки и веселье съ пѣснями, пляскою и музыкой. Кромѣ того женихъ занимается борьбою съ родственниками невесты и если успеетъ всѣхъ ихъ побороть безъ посторонней помощи, то заслуживаетъ огромное общее одобреніе.

Калмыцкія свадьбы. У этого народа, исповѣдующаго ламаискую вѣру, женитьба дѣтей совершается по волѣ родителей. Но прежде, чѣмъ принимаются за сватовство, обращаются къ *Гелюну* (своему жрецу) объявляютъ ему имена жениха и невесты, годъ, мѣсяцъ и число рожденія каждаго изъ нихъ, и гелюнь справляется въ книгѣ судебъ (сударъ), а потомъ имъ объявляетъ соизволеніе *Бурхановъ*, ихъ боговъ, или не успѣхъ брака. Въ послѣднемъ случаѣ бракъ никогда не состоится. Развѣ только задарятъ гелюна, тогда онъ постарается умиловать своихъ боговъ.

Такимъ образомъ, получивъ соизволеніе своего жреца, договариваются при свидѣтеляхъ обѣихъ сторонъ о колымѣ, который состоятъ изъ выкупа со стороны невесты. Она должна привести за собою: новую кибитку, по нѣскольکو всякаго скота и ясырь (прислугу).

Бракъ, гелюнь совершаетъ во время новаго мѣсяца съ обыкновенными своими обрядами: сперва приводитъ жениха и не-

вѣсту къ бурханской присягѣ во взаимной вѣрности; потомъ выведя ихъ изъ кибитки, приказываетъ имъ глядѣть на солнце, а самъ читаетъ молитву; при чемъ женихъ и невѣста кладутъ земные поклоны.

Наконецъ—гелюнь, по совершеніи подлежащихъ молитвъ, возлагаетъ на жениха и невѣсту руки, тѣмъ и кончается вся церемонія. Потомъ сажаютъ невѣсту въ кибитку за занавѣсъ; а женихъ садится впереди.

Родственники обѣихъ сторонъ, взявшись за сырую овчину съ двухъ сторонъ, начинаютъ, что есть силы тянуться, между собою и чья сторона перетянеть, значить та должна угощаться на счетъ противоположной побѣжденной стороны. Обыкновенно съ одной стороны тянутся одни жениховы родственники, а съ другою невѣстныи.

При началѣ парушки вводятъ невѣсту въ ея кибитку, гдѣ она съ прочими женщинами и дѣвушками при игрѣ на чебыдзѣ, волынкѣ и гудкахъ, веселится. Въ это время воспрещается видѣться со свекоромъ и старшею жениховой родней, а отца своего не прежде посѣтить, какъ по прошествіи года и тогда уже получаетъ она отъ него надлежащій свой *маа* (удѣль или участокъ) состоящій въ верблюдахъ, разномъ скотѣ и прочемъ.

У калыковъ Уральскихъ часто сговариваютъ дѣтей не только младенцами, но даже тогда, когда жены ихъ беременны, если только родятся у одного сына, а другаго—дочь.

Сочетаются бракомъ еще по четырнадцатому году. За два года до свадьбы позволяется жениху ходить играть съ невѣсткою. Но ежели она до свадьбы забеременѣетъ, то—женихъ, или его отецъ, долженъ удабривать родителей невѣсты подарками, не смотря даже, что послѣдовало обрученіе.

Договоры съ невѣстныиныхъ отцомъ и матерью насчетъ выкупа за нее, производится до свадьбы. Съ своей стороны ея родители приготавливаютъ въ приданое платье, разныя домашнія вещи, постелю, войлоки, одѣяла и кибитку изъ бѣлаго войлока.

Предъ бракомъ справляются у Гелюна, на счетъ благополучнаго для брака дня, когда и совершаютъ потомъ бракъ. Предъ началомъ брака, когда невѣста въ сопровожденіи родителей и родственниковъ пріѣзжаетъ къ жениху и ставятъ новую кибитку прибывшій въ домъ гелюнь, при всемъ поѣздѣ, чи-

таетъ нѣкоторыя молитвы; невѣстѣ, по его приказанію, расплетаютъ косы, и волосы заплетаютъ только на двѣ. Зятѣмъ, женихъ беретъ шапки у жениха и у невѣсты, отходитъ въ поле и окуриваетъ ихъ ладономъ, при чтеніи ему известныхъ молитвъ, возвратись отдаетъ дружкѣ женихову, а свахѣ—невѣстину шапку и приказываетъ надѣть молодымъ.

Послѣ этого брака начинается пирушка, на которую мясо для пира жертвуетъ отецъ невѣсты. Зятѣмъ невѣсту оставляютъ въ кибиткѣ у жениха, въ которую нѣкоторое время не дозволяется входить никому съ ея стороны, кромя матери и сродницъ.

Многоженство и разводъ калмыкамъ возбраненъ, хотя бывали примѣры и нарушенія этихъ правилъ. Въ послѣдней случаѣ разводъ по неудовольствію того или другаго супруга между знатыми калмыками. Говорятъ, что если желаніе развода слѣдовало со стороны жены, то мужъ раздѣвалъ жену до нага и гналъ со двора плетью *). Но болѣе благоразумные калмыки отпускали жену не только съ честію, но даже дѣлали для ея родственниковъ пирушку и награждали скотомъ и лошадьми.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

*) См. Позорше странныхъ суевѣрій. 1797 г.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Примѣты. *Храмъ трещитъ* (домъ трещить, стѣны)—выжи-
ваетъ изъ дома. *Угозвонъ, кости подъ колликами свербятъ*—
путь будетъ. *Длани свербятъ* (ладони чешутся)—дѣпги
нѣтъ; *очи свербятъ*,—плакать. *Вороноградъ, курокликъ* (пѣніе
курицы)—худо будетъ. *Утица крикнетъ, усь гогочетъ*—око-
нигъ, (дрожь въ рѣсницахъ). *Ониъ бучитъ* (трескъ дровъ),
яесъ воетъ, мышенискъ (пискъ мышей), мышь порты грызетъ
(вообще платъ); *кошка въ окнѣ мышница устранитъ*,—сонъ
страшенъ. *Сльница встрѣтитъ*—изгоритъ нѣчто; *оюкъ пищитъ*,
искры изъ оюка, кошка млукнетъ—падетъ человѣкъ; *свѣща*
уяснетъ, кокъ ржетъ, волъ реветъ, трава шумитъ, древо
скрипитъ, сорока поцекоцетъ, дятель жселна (долбитъ де-
рево); *стльощелкъ* (черви въ стѣнахъ); *жаба воркуетъ* *).

Эти послѣднія примѣты служили или предвозвѣстниками пе-
реивны погоды или удачи охоты.

Дымъ въ шибѣ высоко ходить (*въ курной*)—къ погодѣ.

Мышь въ жильѣ высоко гнѣздо совѣтъ—снѣгъ великъ бу-
детъ и погода будетъ.

Берегъ подымается, и море дичится, и *вѣтры* сухіе и мокрые
тянутъ и *облака* дождевыя, снѣжныя и вѣтренныя, и *громъ* гре-
митъ, и *бура* вѣетъ, и *лѣсъ* шумитъ, и *древо о древо* скри-
паетъ, и *волки* воютъ, и *бѣлки* скачутъ—моръ будетъ и война
возстанетъ, и вода прибудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ
не будетъ, или умалится **).

*) Ся. Русс. Вѣстанкъ 1842 г. 2.259).

**) Рус. Сборникъ Русов. № 374.

Суевріє беременныхъ женщинъ. Сильная и-суевѣрная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родитъ, давала изъ рукъ своихъ медвѣдю, конечно медвѣдю ручному, такихъ встарь водили скоморохи на потѣху,—хлѣбъ, медъ, водку, и ожидала, какой голосъ или звукъ издастъ медвѣдь: если онъ рыкнетъ—женщина родитъ дѣвцу, а если замычить то—мальчика *).

Объ образованіи младенца, тоже образовались полуязыческія, полухристіанскія убѣжденія. Одно описаніе говоритъ, что человекъ состоитъ изъ восьми частей: сердце отъ камня, тѣло отъ персти, кости отъ облакъ, жилы отъ иглы, кровь отъ чернаго моря, теплота отъ огня, очи отъ солнца. духъ отъ Святаго Духа **).

*Зарожденіе въ младенцѣ духа ***).* Говорится, будто бы во время беременности женщины, ея Ангелъ Хранитель беретъ части: у земли, или у воды, или у желѣза, или у камня, или у древа, или у огня, или у всякія вещи смертныя, и возьметъ отъ того камень шатерниъ и кинетъ на отроца то, и отъ того зарождается въ немъ духъ.

*О человѣческихъ свойствахъ, (Темпераментъ) ****).* Человѣческія свойства зависятъ (былое увѣреніе), отъ преобладанія какой нибудь изъ восьми частей состава его тѣла: отъ земли тѣло: тотъ человекъ темень и не говорливъ; отъ моря—кровь въ человекѣ, и тотъ человекъ прохладенъ; отъ огня—жарь: тотъ человекъ сердитъ; отъ камня—кость: тотъ человекъ скупъ, не милостивъ; отъ солнца очи: тотъ человекъ богатыреватъ и безстрашенъ; отъ вѣтра дыханіе: тотъ человекъ легкоуменъ; отъ облака мысль: тотъ человекъ похотливъ; отъ свѣта—свѣтъ: тотъ человекъ святъ, не мыслитъ земнаго, но мыслитъ небесное.

Хозяйственныя примѣты противъ червля. Возьми вѣнякъ, которымъ отъ оводовъ отмахивались, покрапливай капусту и—червь выйдетъ.

*) Руянц. Сборникъ Рукон. № 374.

**) Руянц. музей № 358.

***) Погод. Сборникъ. Публичная Библиотека № 1315.

****) Тамъ же.

Для удачи въ пчеловодствѣ. Возьми осетровую кость и поткии въ улей къ пчеламъ и больше пчелы водятся и пасутъ (несутъ) медъ изъ чужихъ улей и бортей *).

Хозяйств. примѣта противъ надежда скота. А коли скотъ умереть, и ты съ умершаго скота сыни кожу, продай, да на тѣ пенязи купи сковроду желѣзную, да ѣшь самъ съ нее всякую явству—скотъ твой не станетъ мереть.

Хозяйств. примѣта на счетъ купли коня. А коли купишь коня и ты, или вымѣняешь, и дай ему изъ рѣшета ясти въ ступу,—будеть добра.

Камень противъ отравленія. Есть камень спить, въ жабѣ — черепахѣ, а носить она у себя въ головѣ, и кто тотъ камень выиметь изъ жабы и держать у себя во устѣхъ, и не боится человекъ никакого окорму, а коли озорнать и тотъ камень поддержи во устѣхъ.

Для успѣха въ работѣ. Вреия предъ восходомъ солнца, считалось особенно знаменательныиъ: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и прали, вертели масло и дѣлали другія домашнія работы, думая, что дѣланное до солнечнаго восхода имѣеть что-то особенно важное **).

Орловъ камень, змѣиные рожки, рога единорога. Къ симпатическимъ средствамъ принадлежали, въ XVII вѣкѣ, орловъ камень, рога единорога и змѣиные рожки. Орлову камню, по современному суевѣрью, Богъ далъ дивныя угоды таковы, что не свѣдущимъ людямъ нельзя про него и вѣры взять. „Воображали“ что этотъ камень, находятъ въ орловомъ гнѣздѣ. А держитъ орелъ тотъ камень, въ своемъ гнѣздѣ, будто бы для обереганія дѣтей своихъ, потому что тотъ камень оберегаетъ отъ всякихъ притчей, отъ повѣтрія, и отъ всякихъ золь ***). Рогъ единорога считался рѣдкимъ и драгоцѣннымъ средствомъ, не только для исцѣлвнн отъ тяжелыхъ болѣзней, но и для поддержанія цвѣтущаго здоровья вообще на всю жизнь. Это вѣрованіе о рогѣ единорога распространили иностранцы въ XVII вѣкѣ, и самъ Царь Алексѣй Михайловичъ въ 655 г. соглашался за три та-

*) Прилож. къ 2-й книжкѣ Перскаго Сборника.

***) Рун. Музей. Рун. № 374.

****) Буслаева, о Народн. повѣн, стр. 28.

іе рога заплатитъ десять тысячъ рублюи соболими и мигкою рухлядью *). Разсказывали, что оцъ длиною, до шести пядей и свѣтелъ **). Небогато не могли нить такихъ дорогихъ средствъ и употребляли, такъ называемые зивные рожки. Ихъ толкли въ порошокъ и давали пить въ случаѣ какой нибудь внутренней болѣзни. Этя зивные рожки очень часто (п вѣроятно всегда) были ничто иное, какъ простыя кости ***).

Примѣты для воду скота. Если хочеть скота много держать, то медвѣжью голову пронеси сквозь скоть, на Ивановъ день до солнца, и вкопай среди двора и скоть будетъ вестись.

Тоже. Аще кто животину купить приводиную, мерина или корову, и приведши ко двору велѣть растянуть поясъ женскій отъ верев до верев, да замокъ положить къ веревъ, а колоду замочную къ другой веревъ, и проведши животину сквозь замокъ, замкнуть и поясъ взять, опоясаться и черезъ мужской поясъ, животину водять же отъ верев до верев растянувши ****).

Отчего въ деревнѣ не ѣдятъ телатину. Во многихъ городахъ и деревняхъ, суевѣры почитаютъ грѣхомъ ѣсть телатину. Смыслъ этого понятія происходитъ съ одной стороны отъ того, что новотѣльные коровы, лишась своихъ ососковъ, теряютъ молоко, изъ чего и явствуетъ, что воздержаніе отъ яденія телатины въ сельскихъ жителяхъ происходитъ не отъ суевѣрія, но отъ доброй экономіи *****). Но можно считать еще и ту причину отчего не ѣдятъ телатъ, потому что теленокъ — бычовъ, или телка — предметъ будущихъ выгодъ; между тѣмъ, какъ крестьянинъ можетъ довольствоваться въ скоромные дни мясомъ свиней и барановъ, и то по праздникамъ, которыхъ въ году не особенно много, благодаря постанъ.

Мищеніе за неопрятность. Кто, не соблюдая чистоты въ домѣ или во дворѣ, кладеть свой пометъ, гдѣ попало, и особа та неизвѣстна, то берутъ изъ печи раскаленное уголье и

*) А. И. IV. 242. **).

***) А. И. II. 46.

****) Булаева, О народной повѣр., стр. 35.

*****) Абенета, русскихъ суевѣрій.

сплутъ на тотъ помѣть, вѣря точно, что все сѣдлице опаршивѣеть *).

Примѣты и обряды при родинахъ. Когда женщинѣ наступитъ время родить, то часъ рожденія стараются угадать, вѣря, что отъ того женщина родить легко, а въ противномъ случаѣ тяжело. Родильную молитву, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ деревни отъ церквей отдалены, давали въ шапку; посланный, возвратясь въ избу къ родильницѣ, встрясаетъ изъ шапки, и тѣмъ очиститъ. Кормятъ за столомъ отца новорожденнаго кашею, куна и другія женщины: такимъ образомъ, отецъ высылается на сіе время вонъ; потомъ, взявъ столовую ложку, кладутъ въ нее по пропорціи: горчицы, перцу, хрѣну, соля, укусу, сорочинскаго пшена, то есть каши бабкиной и обсыпаютъ сахаромъ, принудить это съѣсть хозяина, знаменуетъ тѣмъ, чтобы и оный, что нибудь при сихъ родинахъ претерпѣлъ болѣзненнаго, такъ, какъ и роженица. По многимъ городамъ родня посылаетъ къ роженицѣ, такъ называемую *порушку*; она дѣлается изъ сухой разваренной малины, подслащенной сахаромъ или медомъ: сей порушки, посылается всегда по кружкѣ отъ всякаго родственника, и по большому круглому пирогу.

Въ Мордвѣ, существуетъ обычай беременнымъ женщинамъ рожать въ банѣ, подъ предлогомъ, что въ натопленной банѣ рожать легче. Въ баню эту, кромѣ бабушки нѣмто не входитъ. Послѣ благополучнаго исхода, бабушка оповѣщаетъ отца и родственниковъ о рожденіи младенца, но не допускаетъ до свиданія съ новорожденнымъ до тѣхъ поръ, пока бабушка не запечетъ блиновъ, не сваритъ крутой каши. Такимъ образомъ приготовивъ столъ, приглашаетъ отца и родственниковъ младенца, и тутъ назначается имя ребенку бабушкою, часто по имени перваго встрѣчнаго или встрѣчной.

У Калмыковъ, когда приходится женщинѣ быть на сносяхъ, тогда избираютъ здороваго мощнаго калмыка, котораго чествуютъ каждый день, хорошею по ихъ обыкновенію пищею, о которой выше сказано: и какъ скоро начнутся у роженицы потуги, тогда дюжій угощенный калмыкъ садится на полъ среди кибитки и роженицу посадивъ на колѣни, жметъ ее об-

*) *Абесса русскихъ суварій.* 1786 г.

хватомъ своихъ рукъ, начиная отъ грудей и опуская ихъ до самого лона. Это давленіе продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока младенецъ начнетъ показываться, котораго калмыцкая бабушка, сидя передъ роженицею на цыпочкахъ, караулитъ и, какъ скоро покажется младенецъ, то даетъ знать около стоящимъ, которые палятъ изъ пистолетовъ, дабы нечаяннымъ выстрѣломъ испугать роженицу, и тѣмъ споспѣшествовать къ рожденію. Дюжаго калмыка за труды гостятъ, дня два или три и, подаривъ овцею или жеребенкомъ, отпускаютъ; бѣдные, которые не въ силахъ нанять дюжаго калмыка, дѣюкое имѣютъ средство: первое состоитъ въ томъ: у роженицы въ то время, когда начинаются потуги, утробу перетягиваютъ широкимъ ремнемъ и давятъ сверху внизъ; черезъ что бываетъ имъ облегченіе; послѣднее средство кажется имъ значительнымъ облегченіемъ, третье средство состоитъ въ томъ, что роженица беретъ палку, къ которой придѣлана широкая развилка; роженица ложится животомъ, и давитъ оной, сколько достанетъ силъ до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится отъ бремени: при всѣхъ сихъ способахъ къ облегченію родовъ случается что роженицы послѣ родовъ долгое время бываютъ безъ чувствъ, а нныя и долго страдаютъ разными отъ того болѣзнями, но крѣпкая ихъ природа все преодолеваетъ; и рѣдко между ими слышать можно, чтобы женщина замучилась родами. Впрочемъ, никакихъ увеселеній, пиршествъ при родахъ не бываетъ, напр. при родахъ русскихъ женщинъ и другихъ народовъ Европы *).

*) Анебегъ русскихъ суевѣрій, 1796 г., стр. 278.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАРОДНЫЯ ЗАВЛУЖДЕНІЯ.

СУЕВѢРІЯ И ЛОЖНЫЯ УБѢЖДЕНІЯ.

Къ чему бы отнести, что не только у насъ на Руси, но и во всей Европѣ, существуетъ такъ много суевѣрныхъ искаженныхъ понятій и убѣжденій? Кажется ихъ можно бы уничтожить, но, къ несчастію, ихъ одно поколѣніе передаетъ другому изъ вѣка въ вѣкъ, со всѣми ихъ мелочами, обрядностями, приписывая часто совершенно ничтожнымъ вещамъ, непонятныя чудеса. Какъ судить о тѣхъ людяхъ, которые убѣждены, что если попадется попъ на встрѣчу—жди неудачи, или о тѣхъ, кто распространяетъ такое глупое убѣжденіе? А между тѣмъ есть люди, которые принадлежатъ къ лицамъ развитымъ, даже къ кругу образованныхъ?

Понятно, что простолюдины, или люди не получившіе никакого образованія наследовали такія понятія отъ отцевъ и дѣдовъ, ихъ единственныхъ наставниковъ и учителей, а также можетъ быть эти внушенія укрѣпились общими убѣжденіями той среды, въ которой они постоянно вращались и вращаются; такъ какъ эта среда, тоже съ своей стороны, развивалась, училась и зрѣла, подъ кровомъ суевѣрныхъ и неразвитыхъ родителей, дѣтей природы. Конечно никто и не думалъ изъ числа ихъ, чтобы обсудить, усумниться, а тѣмъ паче провѣрить, справедливъ ли тотъ или другой примѣръ изъ числа суевѣрныхъ свѣденій и предразсудковъ? слѣпо вѣрить тому, что говорилъ ему отецъ или дѣдъ, тоже убѣжденный въ своихъ вѣрованіяхъ своимъ отцомъ и дѣдомъ, нельзя. Тутъ безъ со-

ниѣня нельзя было ожидать провѣрки. Простолюдникъ боится сомнѣваться въ томъ, въ чемъ убѣждена, чему вѣрить его семья, его среда; если онъ вѣритъ, что чертъ всегда бываетъ съ рогами, съ капюшанн, съ крыльямн, то они даже во время болѣзни ему грезятся не иначе, какъ въ этомъ костюмѣ, хотя какъ ни убѣждай, что чертъ или дьяволъ, есть изображеніе зла.

Но отчего же люди болѣе развитые, даже люди образованные не чужды разныхъ предрасудковъ? вотъ задача, которую рѣшить не легко.

Прежде всего должно помнить, что дитя въ первые годы сознанія своего собственнаго „я“ въ смыслѣ существованія, конечно, бываетъ чрезвычайно любопытно. Его все увлекаетъ, на всемъ онъ останавливаетъ свой взоръ, и онъ теревитъ свою няню, спрашивая; что? какъ? да почему? Маленькій мозгъ работаетъ, память его такъ же впечатлительна, какъ дѣтенышъ, свѣжъ мозгъ при самыхъ чувствительныхъ нервахъ. Ребенокъ надѣдается нянѣ, всегда или почти всегда необразованной и часто съ слабыми понятіями о самыхъ простыхъ предметахъ, а иногда даже съ таковыми, которыя совершенно ложно, искаженно передаются впечатлительной памяти дитяти. Но вотъ тотъ же ребенокъ рѣзвится, играетъ, прыгаетъ подвергая ежеминутно свою няню заботѣ о сохраненіи ребенка отъ ушиба, увѣчья и неминуемой отвѣтственности. Няня устаетъ, гоняясь за шалуномъ или шалуньей, и наконецъ принимается за хлѣбъ, не понимая сама конечно, что рѣзвость, прыганье, бѣготня этого дитяти, есть требованіе природы, неизбежная при ростѣ и развитіи организма; эта та же гимнастика, которой нечуждо даже ни одно изъ молодыхъ животныхъ. Чтобы успокоить дитя, чтобы скорѣе уложить его въ постельку, та же безтолковая няня пугаетъ его букой, буканомъ, игошей, кикиморой и на вопросъ ребенка; что это за бука? няня рассказываетъ страшный разсказъ о букѣ, или о другомъ какомънибудь страшномъ врагѣ, изъ міра фантазій, напримеръ о людоедѣ. Ребенокъ въ страхъ закрывается, воображеніе работаетъ; вотъ онъ спитъ; но фантастическіе страшные сны преслѣдуютъ его въ часы ночи. Дитя часто кричитъ во снѣ, просыпается и нерѣдко случается, что и на яву память возобновляетъ ему нянькину сказку съ ея ужасами.

Наступаетъ утро, сказка оживаетъ въ юной памяти, какъ что-то рѣзкое, выдающееся, новое, и всѣ герои ея представляются живо, какъ на яву и на долго. Видя, какъ успокоительно действуетъ на малютку сказка, нянька, для того, чтобы и самой каждый разъ предаться поранѣе покою, говоритъ ему новую, затѣмъ опять новую сказку и такимъ образомъ укрѣпляетъ въ памяти дитяти идею о невѣдомыхъ злыхъ духахъ, разнаго рода, которые вредили людямъ, животнымъ, губили людей, въ нихъ. Такіе полные рассказы все-конечно доводили ребенка до того, что онъ начиналъ бояться ночью и даже вечеромъ, пугаться то того, то другаго и трудно было наконецъ выжить изъ ребенка эту робость, этотъ страхъ родителей, которыми начинала ему голову усердная няня! Трудно было искоренить предрасудки и убѣжденія, которымъ она убѣдила его вѣровать въ юномъ возрастѣ. Они такъ проникали въ плоть и кровь ребенка, что искоренить ихъ не было возможности, особливо, если при томъ, какъ нибудь одно изъ ея убѣжденій случайно оправдывалось надъ нимъ.

Говоря о няняхъ, мы знаемъ и даже скажемъ въ своемъ извѣстѣ, что сами родители иногда развиваютъ такіа убѣжденія въ дѣтахъ.

Много значатъ хорошія книги для чтенія дѣтей и добрые наставники, которые стараются разоблачить всѣ предрасудки, которые не довольствуются однимъ упражненіемъ памяти, но и разума. Что же хорошаго выходило изъ того, что вырѣбывался на свѣтъ человѣкъ, въ памяти котораго укрѣпились цѣлые томы, который могъ, какъ полугай говорить обо всемъ томъ, что когда-то вычиталъ, а между тѣмъ не можетъ провѣрить того разумомъ справедливо ли оно, сообразно ли съ современными понятіями науки? Такъ напримѣръ: Въ одной старой естественной исторіи говорится о томъ, что когда-то водились рогатые зайцы, оказывается, что такихъ не было на свѣтѣ, а только были изъ нихъ уроды, которыхъ челюсть нижняя, будучи выдвинута впередъ, допускала возможность длиннымъ рѣзцамъ зайца свободно расти далеко выше лба и изображать такіи образомъ подобіе роговъ.

Всему на слово вѣрить нельзя, могутъ и ученые люди увлекаться и заблуждаться, нужно все изслѣдовать, а чего нельзя,

то уяснить себя, добиваться истины. чтобы не ошибиться. Предположите, что учитель заставляет переводить ученика, чтонибудь из Плинія о естественной исторіи рыбъ: тамъ, въ одномъ мѣстѣ разсказывается, что есть родъ морской миноги называемой *четоча*, которая одарена такою необычайною силою въ зубахъ и мускулахъ, что можетъ остановить корабль. Тамъ же найдутъ, что корабль, на которомъ вѣхалъ Антоній на Лукиіумскую битву, былъ внезапно остановленъ одною изъ подобныхъ миногъ; тоже происшествіе случилось съ Періандромъ и Калпгулою, такъ, что мореплаватели, желающіе скорѣе хода на морѣ должны были остерегаться встрѣчи съ миногами.

Умный наставникъ долженъ и самъ не убѣждаться, согласно современному изученію животнаго царства, въ излишнемъ легковѣрїи ученаго Плинія. Мы уже знакомы со всѣми родами миногъ (*Petromyzida*), которые даже не въ силахъ остановить руку повара, а не только корабля. Да притомъ, что же за корабль, который при своемъ теченіи не могъ бы увлечь миногу.

Напримѣръ, у насъ существуетъ убѣжденіе, что левъ бьется пѣтушиного голоса. Сообразно ли это съ действительностью? если онъ бьется, то его боязнь должны раздѣлить и кошки, принадлежащія къ одной съ нимъ породѣ; между тѣмъ, какъ кошки пѣтуховъ не бьются. Мало того: были опыты въ звѣринцахъ, гдѣ львы выражали самое искреннее желаніе скушать пѣвца, а вовсе не боялись его и если случалось что пѣтуха пускали въ клетку, то пѣтухъ былъ всегда побѣжденъ. А между тѣмъ о такихъ храбрыхъ симпатическихъ свойствахъ пѣтуха увѣрили Римскіе и Греческіе писатели.

Также Геродотъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Титъ Ливій, Еліанъ, Светоній, Плиній, Антоній, Мела и др. говорили о существованіи странъ, гдѣ есть люди одни, съ собачьими и оленьими головами, другіе, безъ глазъ, третьи, съ одною ногою, на которой скачутъ, а когда захотятъ бѣжать, то становятся двое вмѣстѣ и держатся за руки; наконецъ четвертые, совсѣмъ безголовые *). Изъ тѣхъ же писателей вы узнаете, что рысь мо-

* Геродотъ говоритъ, также на сѣверѣ есть люди, которые спятъ полгода, а полгода живутъ дѣятельною жизнью.

жетъ смотрѣть сквозь стѣну; что лебедь поетъ передъ своею смертью, что крокодилъ подражаетъ дѣтскому крику и тѣмъ привлекаетъ легковѣрныхъ и сострадательныхъ людей. Говорятъ, что Аннибалъ разсѣкъ Альпы помощью укуса, а что Ахиллесъ расшаталъ Ахиллесовы столбы и образовалъ Гибралтарскій проливъ.

Все это должно быть, уважая древнихъ писателей, разсмотрѣно наставникомъ предварительно, прежде, чѣмъ объяснено своимъ ученикомъ. Если въ древности наука почему либо была слаба, то теперь уже разработана. Римляне и Греки, разумѣется были слабѣе насъ въ географіи, потому, что не могли безъ компаса, пароходовъ и паровозовъ провѣзжать такія громадныя пространства, да притомъ только силою своихъ копій и мечей завоевали много; а съ этимъ вѣсть ужъ и пути къ открытіямъ и изслѣдованіямъ. Зато въ другихъ отношеніяхъ они были хороши и остались нашими учителями. Но это не касается нашего труда и опять воротясь послѣ сказанныхъ нами словъ замѣтимъ, что Римскіе ученые излагая все, какъ историкъ-наблюдатели, указали намъ многое и этимъ многимъ дали направленіе болѣе или менѣе своимъ послѣдователямъ, собратамъ по наукѣ, по торному пути, разсмотрѣть яснѣе то, что казалось неясно. Непосвященный въ науку, вѣровалъ старинъ, изложенной на страницахъ желтаго пергамента, никогда не изслѣдовавъ правду, и вѣрилъ до смерти. Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ чудесъ, который открылъ намъ силу пара, могущественную силу магнетизма, электричества, наградилъ фотографіею, фонографомъ, телефономъ, микрофономъ, съ объясненіемъ даже дѣйствія силы, каждый изъ насъ долженъ быть далекъ отъ предразсудковъ, суевѣрій и всякаго рода заблужденій, покоряясь наукѣ, которая идетъ болѣе прочнымъ и прямымъ путемъ.

У насъ въ Россіи вѣрятъ въ колдуновъ, какъ въ людей, водящихся съ чертами всякаго рода. Любопытно бы было, если бы хоть одного изъ нихъ подвергнуть дѣйствию тока, какогонибудь электрическаго прибора, чтобы онъ сказалъ. Ужъ навѣрное отказался бы отъ всѣхъ чертей и дьяволовъ и сознался бы, что онъ лгунъ ради наживы.

И такъ, чтобы молодую душу образовать, нужно дѣйствовать на нее вліятельно и благоразумно каждому наставнику.

Святъ чистое зерно, а не плевелы, говорить только то, что какъ посѣянное доброе зерно дастъ хорошую полезную жатву, а не внушать недоброе, не страшать тѣмъ, что дѣлаетъ впечатлѣніе на всю жизнь. Наука дала много прищиповъ совершенно уничтожающихъ предрасудки. Паприщипъ, порча не дѣйствуетъ на образованныхъ людей, а существуетъ только въ простомъ народѣ между неразвитыми поселенцами. Это почему? да потому, что наставники, или не вѣдуютъ объ этомъ понятіи, на лекціи никто имъ не говорилъ объ этомъ и они чужды того, что не вошло въ ихъ программу, разувѣется по этому случаю не распространяются съ своими учениками; конечно молчать лучше, чѣмъ распространяться о миногахъ Плинія.

Нынѣ разные суевѣрные убѣжденія „на слово“ считаются неприличными, такъ что даже объ образованномъ человѣкѣ думаютъ какъ о неучѣ.

ОТКУДА ВОЗНИКЛО ЧАРОДѢЙСТВО И СУЕВѢРІЕ.

Во все времена и у всехъ народовъ умъ человѣческій имѣлъ стремленіе ко всему чудесному, таинственному и старался открыть и изслѣдовать то, что для него было загадочнымъ и необъяснимымъ. Видя свои силы слабыми и сознавая чувства ограниченными, противъ могущественныхъ силъ природы, онъ невольно боялся ихъ вліянія и дивился; а все то, что ему было непонятно относилъ къ тайной высшей силѣ.

Чѣмъ менше развитъ человѣческій умъ, тѣмъ ему кажется шире область чудеснаго и сверхъестественнаго. Онъ удивляется всему сверхъестественному и въ тоже время находитъ необходимымъ вѣрить, что есть невидимая сверхъестественная сила, которая управляетъ всеми видимыми, но непонятными явленіями, которая одарена высшимъ разумомъ и могуществомъ. Люди относились къ невидимой, могущественной отвлеченной силѣ съ благоговѣніемъ, съ робостью и съ полнѣйшимъ уваженіемъ, и не только къ ней одной, но и ко всемъ тѣмъ явленіямъ, которыя ихъ удивляли и становились для нихъ необъяснимыми. Со временемъ силу эту, признавъ за божество, управлявшее ими самими, воздвигали ей алтари, избирали изъ среды „бл достойныхъ“, которые управляли дѣлами богослуженія и

такимъ образомъ жрецъ являлся между народомъ и божествомъ, между землею и небомъ, посредникомъ. Какъ удостоенный посредничества, его признавали ближе всего къ всемогущему, все устроившему и все обладающему и часто давали ему первыя права и всевозможныя преимущества. Такимъ образомъ мы видимъ у индійцевъ: таиъ каста жрецовъ или браминовъ, по ихъ убъжденію, произошла изъ мозга Брами, а потому эта каста была первенствующая предъ прочими, заслуживала народное почтеніе и почиталась мудрейшею. У персовъ маги (ихъ жрецы) также считались потомками ихъ законодателя Зороастра или Зердуста, а ихъ божество Митра, источникомъ свѣта и всего существующаго въ мірѣ.

Почти у всѣхъ народовъ всегда существовало убъжденіе, что верховное божество существовало не одно въ своемъ невещественномъ отвлеченномъ мірѣ, но было окружено ему подвластными божествами такими же, какъ и оно, безплотными и невидимыми духами, происшедшими отъ его свѣта и власти. Нѣкоторые изъ этихъ второстепенностей по существу своему были менѣ совершенныя, чистыя, находились между верховнымъ свѣтомъ и людьми. Далѣе, нѣкоторые изъ духовъ уже утратили свою чистоту, хотя все таки не утратили своего могущества и безсмертія. Вотъ изъ этого то созданнаго людьми понятія, возникаетъ существованіе духовъ чистыхъ и нечистыхъ, духовъ свѣта и тьмы, добрыхъ и злыхъ, вліяющихъ на дѣла міра и людей.

Изъ этого же ученія о мірѣ духовъ, современемъ произошли всѣ суевѣрія, таинства и чародѣйскія сумазбродства, которыя встрѣчаемъ у Египтянъ, Халдѣевъ, Пинеагорійцевъ, Индусовъ, у Симона волхва, почерпнушаго свое ученіе въ Александрійской школѣ и другихъ.

Всѣ волшебныя знанія вообще почерпнуты были изъ одного и того же источника, существовавшаго на востокѣ, гдѣ была школа *тайныхъ наукъ*. Эта магія потомъ распространилась повсюду въ различныхъ ея отрасляхъ и видоизмѣненіяхъ, и во всякомъ случаѣ поражала своею сверхъестественностью.

Такъ напримѣръ, греческій философъ и геометръ Пинеагоръ, кромѣ своихъ математическихъ вычисленій, занимался тайными науками.

Всѣ мнѣшья чудеса дѣлались при помощи знаній недоступныхъ для народа и хранились въ тайнѣ въ рукахъ жрецовъ или мудрецовъ и конечно составляли нѣкоторымъ образомъ обманъ или случайность, которымъ умѣли воспользоваться жрецы, какъ наприѣръ Пифіей и все изъ собственныхъ выгодъ.

Когда христіанская религія вступила въ свои права, тогда измѣнился прежній строй и бытъ народовъ, и борьба завязалась между одряхлѣвшимъ язычествомъ и христіанствомъ, по поводу новаго вѣроученія. Здѣсь все пришло въ колебаніе и открылась самая благопріятная почва для развитія всего чудеснаго и сверхъестественнаго. Въ это время умолкли совсѣмъ оракулы, прекратились чудныя явленія въ языческихъ капищахъ. Зато въ это время явились чудодѣи *), которые въ большихъ городахъ предсказывали будущее и подъ открытымъ небомъ производили различныя продѣлки; особенно эти зрѣлища производились въ Римѣ, въ первый вѣкъ христіанской эры. Тамъ являлись въ это время Симонъ, волхвъ изъ Самаріи, ученикъ Александрійской школы, который до того удивлялъ народъ римскій и сенаторовъ, что его признали за одного изъ боговъ и даже воздвигли ему на берегу Тибра статую съ надписью: *Simoni deo sancto* (Симону богу святому). Объ немъ упоминаетъ даже св. мученикъ Іустинъ. Тамъ же удивлялъ Римлянъ и Апполоній Тіанскій.

Весьма понятно, что народъ могъ повѣрить этимъ чудесамъ и уважать этихъ людей, ставя ихъ выше обыкновенныхъ. При паденіи язычества, жрецы, бывшіе главными хранителями мистическихъ тайнъ, изгнанные изъ своихъ убѣжищъ, разнесли свои знанія и продѣлки по всему міру. Вотъ та причина, по которой первые вѣка христіанства, такъ изобиловали чародѣями и волшебниками. Но покинувъ священныя притворы и подземелья храмовъ, волшебство потеряло большую часть своего величія и блеска и опустилось съ своего пьедестала, гдѣ оно было доступно многимъ избраннымъ. Мало по малу весь жреческій порядокъ измѣнился отъ забвенія такъ же, какъ и скрытое ихъ научное значеніе и наука превращалась въ простой фокусъ или обманъ.

*) Тауатури

Но въ этомъ положеніи чародѣйство все еще сохраняло сильное вліяніе на невѣжественныя массы въ мрачнѣйшій періодъ умственного потемнѣнія въ средніе вѣка. Церковь преслѣдовала волшебниковъ, или по крайней мѣрѣ обманщиковъ, какъ проповѣдниковъ древняго язычества, такъ какъ еще въ первые вѣка христіанства было много язычниковъ, которые фанатически защищали свое вѣроученіе и старались всѣми мѣрами возстановить падшее идолослуженіе и фетишизмъ, пда въ разрѣзъ цѣлямъ христіанства, употребляя при томъ волхванія и производя мнимыя чудеса, предъ народомъ, чтобы возбудить въ народъ страхъ и уваженіе. Такимъ образомъ въ средніе вѣка, несмотря на всеобщую побѣду христіанскаго вѣроученія въ лѣсахъ Галліи и Германіи. Скандинавіи и Земляхъ финскихъ, также какъ въ Греціи и Римѣ въ темныя средніе вѣка оставались непросвѣщенные истинной вѣрой язычники съ своимъ таинственнымъ знаніемъ. Тѣхъ язычниковъ было еще до половины населенія Европы. Весьма легко понять изъ этого, что нѣкоторые обычаи языческіе еще вліяли на новыхъ христіанъ, или какъ укоренившееся въ нихъ суевѣріе не могло быть побѣждено сразу, то если новые христіане совершенно оставили поклоненіе идоламъ, но не могли совершенно покинуть нѣкоторыхъ убѣжденій и слѣдовъ язычества, такъ что и по сей часъ въ памяти легенды, сказанія германцевъ, скандинавовъ, британцевъ, саксовъ, финновъ и славянъ въ своей канвѣ имѣютъ языческіе обычаи, хотя измѣненные въ своей формѣ. Такъ напримѣръ, если язычники имѣли множество боговъ и полубоговъ, которые покровительствовали и управляли морями, сушей, рѣками, полями, лѣсами, ручьями, хозяйствомъ, то у первыхъ христіанъ въ Германіи были: Кобольты, Троялы, Эльбы и Гномы, во Франціи—Фен, въ Англіи—Дизіи и др. въ Шотландіи и Ирландіи—Эльфы, Броуны и др. въ Греціи наяды, Дриады, Неренды. У Славянъ—лѣшіе, домовые, русалки, яги-бабы, кикиморы, пгоши, водяные и пр. Всѣ эти духи, по понятію суевѣровъ, вмѣшивались въ дѣла людей и побольшей части причинали по мнѣнію людей—зло. Кажется откуда бы христіанамъ вынести такіа суевѣрія, не христіанское же ученіе тому причиною, чтобы распространять идею о существованіи духовъ—обитателей темнаго царства. Такимъ образомъ у

христіанъ укоренилась вѣра въ существованіе злыхъ духовъ, чаще вредныхъ.

Какъ въ язычествѣ жрецъ былъ посредникомъ между богами и людьми, такъ въ христіанствѣ волшебникъ, колдунъ—лицомъ посредствующимъ между людьми и духами, которыхъ христіане называли нечистыми, или злыми, считая ихъ къ обитателямъ ада, подвластными дьяволу, за ихъ злыя направленія противъ людей. Какъ жрецъ былъ, по народному мнѣнію, въ силахъ униловствитъ боговъ и входилъ въ тѣсныя сношенія съ ними, такъ и колдунъ, по народному убѣжденію, входитъ въ подобныя же сношенія съ враждебными человеку духами. Если прежде жрецъ, по мнѣнію народа, униловствивалъ боговъ для народнаго благополучія, то колдунъ, напротивъ, по мнѣнію христіанъ, могъ обращаться къ злымъ духамъ съ тѣмъ, чтобы причинить то или другое зло человеку, такъ какъ духи тѣми или дьяволъ неспособенъ на добро, потому, что самъ злой врагъ творенія Божія, всегда готовый къ разрушенію Его созданія.

Отсюда можно вывести, что въ первые вѣка христіанства, ученые язычники угрожали христіанамъ именемъ боговъ—ищеніе, и сами совершали ищеніе своими средствами, какъ могли, христіанамъ. Страшая и обманывая разными фокусами, всегда вредными, эти жрецы, или ихъ послѣдователи—язычники пугали народъ, навивались и даже увлекали обратно изъ христіанства въ язычество съ цѣлью заслужить милость оставленныхъ боговъ. Понятно, что изивившіе христіанству, сокрушали, уничтожали и топтали ногами святыя символы христіанской вѣры, какъ наиримѣръ думаютъ наши русскіе люди о колдунахъ, продавшихъ душу дьяволу. Вотъ простая и вѣрная исторія происхожденія волшебства, корень его можно всегда найти въ язычествѣ, враждебномъ христіанству въ эпоху борьбы этихъ вѣръ.

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ водворилось христіанство въ Европѣ; понятіе о жрецахъ и о язычествѣ забылось, но волшебники и колдуны существовали въ народѣ. Членъ ихъ преслѣдовали, то простой народъ ихъ, какъ уже мы сказали, боялся, притворно уважалъ этихъ злодѣевъ и такое понятіе существовало въ сильно развитомъ видѣ отъ VI до XIII вѣка. Дьяволъ, какъ духъ зла, какъ само зло, первоначально

не имѣлъ никакой воображаемой формы, но мало по малу, по милости шарлатановъ, по милости людей, распространившихъ иль, противный духу христіанства, демонъ принялъ уже болѣе опредѣленные формы и видъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его клеветы—духи, существовавшіе повсюду и наводившіе всѣ углы, приняли опредѣленные ясныя формы, и въ наше время все уже доведено до утонченности такъ, что художники изображаютъ ихъ почти безошибочно, основываясь на сказаніяхъ и писателяхъ прошедшихъ вѣковъ, и чѣмъ живѣе и ярче рисуются эти образы, тѣмъ онѣ впечатлительнѣе дѣйствовали на умы народа.

КОДУНЫ И ЧЕРНОКНИЖНИКИ.

По всеобщему убѣжденію, демонъ—падшій духъ, неизвѣстной формы видимой, между тѣмъ, какъ вліяніе духа ощутительно для человека. Духъ добра вліяетъ на человека благотворительно, между тѣмъ, какъ духъ зла дѣйствуетъ на нравъ противоположно, растлывая нравы и раздувая порочныя страсти.

Если дѣйствуютъ оба духа разомъ, то, по мнѣнію гностиковъ, развиваютъ въ человекѣ сомнѣніе, недоумѣніе, вопросъ, борьбу чувствъ. Вліяніе духа ощутительно и если матеріалисты отрицаютъ существованіе этихъ силъ враждебныхъ между собою, то во всякомъ случаѣ зло и добро существуютъ на свѣтѣ такъ же, какъ два противоположные полюса магнита, катодъ и анодъ въ электричествѣ, какъ полезныя и вредныя работы въ механикѣ и пр.

Человекъ, будучи еще въ началѣ своего развитія, уже чувствуя вліяніе на умъ со стороны возмущающей, или успокоивающей силы, по своему выражалъ эти вліянія въ формахъ басни, а художественное настроеніе олицетворяло эти психическія вліянія посредствомъ статуй и другихъ изображеній; такъ, видимъ у грековъ—олицетвореніе жизни и страстей въ формахъ людей болѣе или менѣе изящныхъ формъ, выражая тѣмъ міръ существенный и человеческія страсти. Въ Египетской и Индійской мифологіи мы видимъ изображеніе людей, звѣрей, птицъ и другихъ фигуръ. Хотя эти изображенія для многихъ темны во многомъ неразобранны, но и здѣсь та же мысль борьбы межл"

зломъ и добромъ, владычество Творца надъ вселенной и господство страстей надъ человѣкомъ.

Совсѣмъ другое мы замѣчаемъ въ Славянской мѣологiи, хотя результатъ былъ впоследствии одинъ и тотъ же, какъ и у западныхъ народовъ Европы. Древнiе невѣжественные славяне, вопреки грекамъ, римлянамъ и другимъ народамъ, приносили въ жертву не только скотъ, но и людей. Изображали своихъ боговъ страшными, безобразными, съ рогами, длинными ушами и боялись своихъ боговъ, какъ сильныхъ, грозныхъ и страшныхъ и жертвами своими думали ихъ умилостивить, дабы избѣжать ихъ гнѣва. Жрецы, стоявшiе въ главѣ народа, изъ своихъ выгодъ требовали различнаго рода жертвъ и распространениемъ лжебожiя, сами поддерживали этотъ страхъ къ богамъ въ своемъ народѣ. По этой причинѣ, когда во времена св. Ольги и св. Владимiра, Христіанская вѣра проникла въ Россiю, то она не повсюду и не сейчасъ подавила славянское язычество, что видно изъ борьбы Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ, который, по сказанiямъ, былъ никто иной, какъ бѣглый жрецъ, скрывшiйся въ лѣсахъ, что и могло случаться со многими жрецами и многими идолопоклонниками, державшимися упорно своего язычества и бѣжавшими отъ преслѣдованiя, такъ какъ при этомъ начала возникать вражда между новыми христіанами и язычниками и образовались двѣ партiи, поддерживаемыя духомъ убѣжденiя. У Христіанъ укрѣпилась мысль, что язычество ложно, что язычники вѣрятъ и поклоняются духу злобы. Съ своей стороны язычники, ослабленные притѣсненiями правительства, искали случая всячески вредить христіанамъ и вотъ почему въ нашихъ старинныхъ сказкахъ и легендахъ язычники признаются за поклонниковъ злаго духа, потому что поклоняются духу злобы *) и будто бы имѣли сношенiе съ злыми духами или сатаною; такъ какъ жрецы у славянъ назывались волхвами **) то самое идолослуженiе называлось „волхвованiе“, которое впоследствии получило значенiе волшебства.

Нельзя не отдавать справедливости и тому мнѣнiю, что во

*) Славяне поклонялись Чернобогу, или Лютобору, богу злобы.

**) Названiе древнее, происшедшее отъ древняго бога, именуемаго *Волохомъ*, которому тоже приносили въ жертву людей.

времена св. Владимира и послѣ него еще были тайныя капища, гдѣ совершались языческія мессы, и куда можетъ быть ходили не одни язычники, а ложно—христиане, не подавившіе въ себѣ безслѣдно прежнихъ убѣжденій и, потому являлись для испрашивания себѣ у боговъ милости, помилованія, или за совѣтомъ къ волхву, который съ своей стороны употреблялъ всѣ хитрости или обманы, чтобы удовлетворить колеблющагося христианина и убѣдить его въ силѣ ложныхъ боговъ. Даже самыя вѣрные христиане для узнанія своей судьбы, или изъ другихъ корыстныхъ цѣлей, чего разумется не могли добиться отъ христианскихъ пастырей церкви, обращались къ волхвамъ, и тѣ не отказываясь, открывали тайну будущаго и вообще старались удовлетворить ихъ, чтобы только поддержать уваженіе въ языческой вѣрѣ. Такимъ образомъ на Руси укрѣпилось убѣжденіе въ силу чаръ, въ волхвованіе и въ возможность при помощи злаго духа производить чудеса. А затѣмъ возникла боязнь къ колдунамъ, людямъ отвергнувшимъ истиннаго Бога и поклонявшагося сатанѣ. Понятно, что язычички того времени, вооруженные злостію противъ новой религіи и ея послѣдователей, не щадя средствъ, гдѣ только была возможность, губили христианъ, если не открыто, то тайно подстрекаемые своими волхвами.

Точно такое же броженіе умовъ по причинѣ водворенія христианства между язычниками и таже самая вражда возникла въ западной Европѣ; чѣмъ болѣе возрастало число угодниковъ, тѣмъ болѣе появлялось колдуновъ и чародѣевъ; какъ отступниковъ истинной христианской вѣры.

Истинная Христова вѣра, проповѣдуя вѣру надежду и любовь въ истиннаго Бога, и любовь къ ближнему, незлобіе и вообще добродѣтель, не удовлетворяла даже обращенныхъ христианъ; они помнили, что жрецы—язычники, населяя священныя дубравы, или совершая свою мессу богамъ, въ тоже время умѣли предсказывать будущее, врачевали болѣзни, посылали и снимали порчу съ людей и скота, возбуждали стихіи и даже умѣли превращать людей въ животныхъ своими заговорами и заклятіями. Они знали множество метеорологическихъ примѣтъ, силу и дѣйствіе многихъ полезныхъ и вредныхъ травъ, которыми умѣли пользоваться, и весьма вѣроятно, что они иногда при-

мъняли въ своихъ дѣйствіяхъ животный магнетизмъ, хотя можетъ быть совершенно безсознательно. Вызываніе тѣней усопшихъ и духовъ тоже было ихъ обычнымъ дѣломъ, о чемъ до насъ дошли самыя положительныя свидѣтельства, чѣмъ удостоверяетъ насъ св. писаніе, когда волшебница вызвала по просьбѣ Саула тѣнь Самуила. А между тѣмъ, кроткая христіанская религія не допускала въ своихъ догматахъ ничего противуестественнаго, никакой злобы, а требовала отреченія отъ зла и внушала кроткую любовь, человеколюбіе, и прощеніе обидъ. Кроткіе христіанскіе пастыри дѣйствительно кромѣ своей миссіи и служенія Богу, подавали совѣты, даже изъясняли врачевали болѣзни; но было ли въ духѣ христіанства производить все то, что видѣлъ народъ въ тонкихъ обманахъ своихъ прежнихъ волхвовъ?

Можетъ быть и сѣтовалъ, что нѣтъ прежнихъ жрецовъ, обладавшихъ такимъ могуществомъ, которымъ не обладаютъ новые учителя взры... И вотъ стали появляться люди къ услугамъ новыхъ христіанъ и начали изслѣдовать и изучать науку волхвовъ, къ сожалѣнію, будучи даже отъ рожденія христіанами; это началось съ первыхъ вѣковъ христіанства, но развилось послѣ VIII и IX столѣтія. Въ концѣ XIII вѣка существовало уже много книгъ о чародѣйствѣ, на языкахъ: арабскомъ, латинскомъ, итальянскомъ, французскомъ, голландскомъ, англійскомъ и др. Но говорятъ, что такихъ книгъ болѣе всего было въ Германіи и Голландіи. Эти книги назывались черными книгами, а кто ими занимался и изучалъ магію—чернокнижникомъ, что значило — „колдунъ, чародѣй“. Чтеніе этихъ книгъ, такъ распространилось, что превратилось въ своего рода манію (страсть) и въ довольно большихъ размѣрахъ на западѣ Европы. Въ книгахъ этихъ преимущественно излагались правила, какъ вызывать духовъ и какъ повелѣвать ими.

Страсть къ чернокнижію развилась до такой степени, что сдѣлалась любимымъ занятіемъ папы Сильвестра II, Льва III, и Гонорія III. Нѣкоторые германскіе императоры, короли, князья, знаменитые ученые, какъ-то Альбертъ Великій, занимались чернокнижіемъ и заставляли злыхъ духовъ (будто-бы?) повиноваться ихъ приказаніямъ. Чародѣи и колдуны, по мнѣнію того времени, до того размножились, что изъ десяти человѣкъ непременно предполагался одинъ колдунъ.

Существовало въ западной Европѣ такое мѣтѣе, что каждый колдунъ обязуется демону дѣлать всѣмъ людямъ зло, за то только, чтобы пользоваться для себя всѣми земными благами, то-есть могуществомъ и богатствомъ. И въ знакъ такого союза, онъ писалъ подъ диктовку сатаны договоръ на пергаментѣ, изъ кожи мертвеца—удавленника, собственную кровью. Дьяволъ кромѣ этого договора (будто-бы) накладывалъ печать на тѣло своего союзника и въ замѣнъ того награждалъ его требуемымъ, на все время заключеннаго договора. Печати дьявола не причиняли боли, какъ говоритъ Исторія инквизиціи.

Наконецъ, въ XV столѣтіи чародѣйство достигло высшей степени своей славы. Начиная отъ владѣтельныхъ особъ до послѣдняго поселанина всѣ читали съ жадностью черныя книги: куда принадлежали между прочимъ: *Красныя Драконы*, *Захиридіоны* папы Льва III и Гринуаръ папы Гонорія VI, *Черныя вороны* или *чародѣйныя творенія* Альберта Великаго. Даже прелаты были не лишены этого любопытства.

Договоръ съ демономъ. Трудно было придумать болѣе глупую сказку, какъ сойтись человѣку съ демономъ, человѣку облеченному плотью — съ духомъ безплотнымъ, лишеннымъ языка, ощущенія, вѣщности, осязаемыхъ, опредѣленныхъ формъ. А между тѣмъ, есть преданіе, что какъ въ западной Европѣ (см. выше), такъ равно и у насъ на Руси вѣрили, что колдуны и ихъ сношенія съ дьяволомъ существовали. Человѣкъ честолюбивый, бѣдный, или злой продавалъ душу дьяволу и пользовался полученными замѣнъ того земными благами.

Но какимъ же образомъ можно было увидѣть дьявола и говорить съ нимъ? Скорѣе, и всего правдивѣе, въ первые вѣка обращались къ языческимъ жрецамъ, или ихъ послѣдователямъ и тамъ, отрекаясь отъ всего святаго, начиная съ христіанской религіи и кончая презрѣніемъ ко всѣмъ святымъ принадлежностямъ *) предъ врагомъ христіанства, научались волхвованію, и то, какъ говорятъ, предварительно подвергаясь отъ волхва

*) Есть повсемѣстное поварье, что тотъ, кто хочетъ быть колдуномъ долженъ носить трие сутокъ натальный крестъ подъ платой, не молиться, не креститься. Отсюда видно, что это преданіе существуетъ со времени измѣщенія, со времени его борьбы съ христіанствомъ.

испытаніямъ, какъ то дѣлали египетскіе жрецы съ новопосвященными. Можетъ быть жрецы, или волхвы, въ это время зашаскировавъсь дѣйствительно брали подписки кровью и составляли съ новопосвященными договоръ, въ которомъ, между прочимъ онъ долженъ былъ душою и тѣломъ принадлежать имъ, и стремиться всѣми силами идти наперекоръ христіанскимъ стремленіямъ, свѣать зло, вредить и причинять всевозможный вредъ своимъ противникамъ. За что получаетъ знаніе и называется волхвовать, будучи посвященъ въ таинство. Это понятіе, или предположеніе, идетъ какъ нельзя лучше къ понятіямъ той эпохи, когда языческіе жрецы на закатѣ дней своего существованія стремились удержать за собою свое могущество, первенство и славу.

Но были такіе случаи, что человекъ впадалъ въ болѣзнь, отъ неудачъ въ жизни, или просто, будучи вздорнаго характера отъ природы, рѣшался идти наперекоръ судьбѣ и, какъ сумасшедшій, забывши Бога, искалъ крайностей. Часто такіе эксцентрики и безъ помощи договора съ демономъ, творили зло обществу, вмѣсто того, чтобы быть его полезнымъ членомъ и увлекаясь этимъ зломъ находили, какъ эгоисты, въ этомъ своего рода удовольствіе.

Такихъ вредныхъ людей народъ клеймилъ колдунами, сообщниками дьявола, тогда какъ они вовсе не видывали чертей, но если дѣлали зло, то вслѣдствіе ненависти къ людямъ и зависти къ благосостоянію и славѣ другихъ.

Но были мечтатели—безумцы, которыхъ хотя и живое воображеніе постоянно рисовало мрачныя картины жизни изъ міра отвлеченности *). Эти люди скорѣе и чаще могутъ впасть въ припадки болѣе или менѣе болѣзненные (ипохондрія). Ихъ постоянная задумчивость придаетъ самымъ интереснымъ проявленіямъ въ жизни, мрачный колоритъ; этимъ человекомъ овладѣваетъ неудовольствіе, переходящее въ досаду; его ничего не радуетъ, не утѣшаетъ, и—такимъ образомъ несчастный больной, ни въ чемъ не находя успокоенія, кончаетъ съ жизнью, и кончаетъ не по своему собственному произволу, а по болѣзни. Мрачному мечтателю, никогда ни въ чемъ не ви-

*) Какъ напр. Мельницъ—Сянталець.

дѣвшему радости, въ тяжелые давящіе его грудь дни, иногда даже являются призраки, съ которыми онъ въ болѣзненномъ забытіи входитъ въ разговоръ, какъ то часто бываетъ, изъ чего суевѣрные люди часто заключаютъ, что онъ колдунъ, тогда какъ этотъ несчастный требуетъ лекарства и доктора. Этотъ человекъ готовъ сознаться, что онъ заключилъ договоръ съ демономъ, если его спросить объ этомъ.

Про колдуновъ и чародѣевъ есть тысячи легендъ и разнообразныхъ басенъ, въ самомъ разнообразномъ видѣ. Въ средніе вѣка различали ихъ, раздѣляя ихъ на благодѣтельныхъ и злыхъ волшебниковъ и волшебницъ.

Волшебники и волшебницы, на западѣ Европы, имѣли свои замки, экипажи, запрягались голубями, лебедями, драконами, зміями, извергающими дымъ, пламя, искры и другіими фантастическими тварями, и каждый изъ нихъ повелѣвалъ сонмомъ духовъ. Въ арабскихъ легендахъ и сказкахъ также встрѣчается благодѣтельныхъ волшебниковъ и пустынниковъ, могущественныхъ геніевъ и также злыхъ. Рыцарскіе романы: „Рихардетъ“, „Неистовый Роландъ“, „Ричардъ львиное сердце“ и проч. описываютъ эпоху средневѣковыхъ заблужденій, придающихъ большую важность талисманамъ, амулетамъ и волшебникамъ. Тамъ говорится, что благодѣтельныя волшебницы обладали, какъ и благодѣтельные волшебники, красотой лица, умомъ и могуществомъ; они поощряли и награждали храбрость и добродѣтель; карали зло и вели ожесточенную борьбу съ злыми волшебниками и геніями, продолжавшуюся иногда нѣсколько вѣковъ, при чемъ добродѣтель всегда дѣлается побѣдительницей.

Въ этихъ фантастическихъ бредняхъ, созданныхъ предразсудками вѣка, есть отчасти своя доля правды, доказываемая тѣмъ, что между добромъ и зломъ въ здѣшнемъ мірѣ всегда ведется непримиримая война или вражда съ начала міротворенія, но что рано или поздно, а все же добродѣтель, какъ истина, восторжествуетъ.

Вотъ любопытное изслѣдованіе господиномъ Глаголевымъ, напечатанное изъ *Гродненскихъ вѣдомостей* въ *Воскресный Досугъ* *), которое мы помѣщаемъ отъ слова до слова; это касается русскихъ колдуновъ XIX столѣтія.

*) Воскресный Досугъ, томъ VI. № 137.

Онъ раздѣляетъ колдуновъ на слѣдующія градации:

- 1) Колдуны случайные.
- 2) Колдуны по неволѣ.
- 3) Колдуны по убѣжденію и
- 4) Колдуны злоумышленныя.

1) *Случайными, простыми колдунами* прослыть требуется очень и очень немного, напротивъ имѣть какойнибудь бросающійся въ глаза недостатокъ тѣлесный, или излишество, даже отдѣльный клокъ волосъ, случайно выросшій на головѣ, или на бородѣ; если при томъ мужикъ сивтливъ, то очень легко воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; стоитъ лишь повести ему жизнь противъ принятаго обыкновенія, то есть, ложиться спать тогда, когда другіе бодрствуютъ и наоборотъ — вставать, когда люди ложатся спать, не чесать бороды и не расчесывать волосъ на головѣ, говорить вздоръ, вообще дѣлать разныя несообразныя штуки, затѣмъ нашептывать какуюнибудь небылицу. Подобнаго рода колдуны-обманщики безвредны.

2) *Колдуны по неволѣ.* Эти люди, которые производятся по неволѣ другими.

Противъ пояснить дѣло: Въ полуверствѣ, отъ одной деревни находилась небольшая мельница содержимая крестьяниномъ Антономъ Петровымъ. О немъ ходила молва, что это такой дока, какихъ рѣдко сыскать, впрочемъ хотя и колдунъ, но колдунъ добродѣтельный, зла никому не дѣлаетъ, а все добро. Это былъ старикъ лѣтъ 65, добрый, ушный, сивтливый, веселый и набожный до того, что слово „чертъ“ никогда имъ не употреблялось и, если ужъ необходимо было сказать это слово, то онъ замѣнялъ это названіемъ „черный“.

Петровъ самъ рассказывалъ, какъ его дураки произвели въ колдуны: лѣтъ пять тому назадъ былъ въ нашей деревнѣ парень здоровый и бойкій; вотъ приѣзжаетъ онъ разъ на мельницу молотъ рожь; лѣтомъ на мельницѣ вообще бываетъ работы мало, вотъ я и хаживалъ обѣдать и ужинать домой въ деревню. Это было уже къ вечеру, я и говорю: послушай Ванюха, я пойду ужинать въ деревню, побудь здѣсь пока. „Хорошо говорить. Я ему шутя и говорю:—Ты, молъ не боишься остаться одинъ на мельницѣ?“— „А кого я буду бояться, что мнѣ хоть самъ черной (чертъ) приходи, я в тому ребра

переломая“, отвѣчалъ онъ. Это мнѣ не понравилось; ну, думаю я, постой же, испробую тебя, каковъ ты таковъ? — Хорошо, говорю, запри же двери-то на крючокъ. Потому я вѣсто деревни обошелъ кругомъ, да подъ колесами и пробрался подъ мельницу, лицо вымаралъ грязью, а на голову надѣлъ вершну, что изъ прутьевъ плетутся, и ползѣть въ творило, гдѣ колеса мажутъ; лѣзу помаленьку, Иванъ же, заслышавъ шорохъ, отступилъ шага на два и сталъ креститься, а я вдругъ высунулся до половины да в рожу еще такую скорчалъ; тутъ Иванъ не выдержалъ и со всѣхъ ногъ бросился въ дверь, сшибъ ее съ крючка и безъ оглядки подралъ прямо въ деревню.

Сбросивъ вершну и кричу: „Иванъ! Иванъ!“ — куда ты? Только патки мельнаютъ. „Вотъ тебѣ думаю и пошуталъ, теперь и оставайся безъ ужина“. Нечего дѣлать, позѣлъ в хлѣбца, прихлебнулъ водицей и легъ спать. На другой день поутру, слышу кто-то ходить и покрикиваетъ. Э, думаю, снѣлчакъ мой пришелъ. Отворилъ я дверь, гляжу: Иванъ. — „Что же“ говорю, „такъ то караулить?“ — Да что, дядя Антонъ, озабь до смерти, пошелъ погрѣться, отвѣчаетъ Иванъ, а между тѣмъ слышитъ скорѣе лошадь запречь, да на меня, какъ-то странно поглядываетъ; я ни гугу, знай подметаю мельницу. Запречь онъ лошадь и сейчасъ уѣхалъ. Я такъ и думалъ, что дѣло твое и кончится, анъ вышло не такъ. Дня черезъ три является ко мнѣ одна старуха и бухъ мнѣ въ ноги: — „Батюшка, помоги“ говоритъ. Что, молъ, такое? „Ваську моего испортили“. Какъ испортили? — Да вотъ какъ, кормилецъ: Вчера, послѣ ужъ полуденъ, везъ онъ сѣно. Жара страшная. Вотъ подлѣ дороги идетъ Матрена съ водою, онъ и попроси напиться; напившись же и говоритъ: „Спасибо бабка“. — „Не на чемъ“ говоритъ; „а при случаѣ прищони“. — Припомню, говоритъ. Отъѣхавъ сажень десятокъ вдругъ ему подъ сердце и подступило, едва могъ лошадь отпречь и прямо на печь. Мы собрались ужинать, клѣченъ его, нейдетъ, а самъ все мечется; поутру я было ему личко поднесла, не беретъ; такъ сдѣлай милость помоги! „Да чтожъ я то тутъ ногу сдѣлать?“ — „Батюшка“, такой-сякой, „помоги!“ а сама — все въ ноги. „Постой!“ думаю, „дамъ я ей землицычаго листа“ я, знаешь, самъ его употребляю, когда занеможется; возьмишь, поставишь самоварчикъ, да обольеши

(лпстѣ) кипяткомъ, да чашекъ десять и выпьешь. а допрежъ ты стаканчикъ винца хватишь. надѣнешь тулупъ да на печь; вотъ потъ тебя и прошибетъ; а къ утру и встанешь, какъ встрепанный“. Пстой, „говорю, я тебѣ травку вынесу“. и вынесъ пучка два, да и разсказалъ ей, что съ ней дѣлать. Гляжу, на другой день она опять ко мнѣ и опять въ ноги. — Что молъ, али опять худо съ Васькой-то?—Какое, говорятъ худо, онъ уже повхалъ на покось.—Ну и слава Богу. Она межъ тѣмъ холста мнѣ эдакъ аршинъ пять суеть.

— „Что ты“, молъ, „Богъ съ тобой! куда мнѣ?“ Возьми. да возьми! Злость меня взяла, говорю:—Отдай, молъ, въ церковь! Послушалась и ушла. Что же, батюшка мой! и сталъ я замѣчать, что какъ завидать только меня, всѣ кланяются еще издали. Что это, думаю, за чудеса такія? Сперва я все ту же травку давалъ, всю почти передавалъ; ничего, выздоравливають, а тамъ уже ворожить стали ходитъ; я сначала сердился на нихъ и гонялъ, не тутъ то было; ломаютъ, да и только. Ужъ больно стали надѣдвать; я и пошелъ къ священнику. да и поразсказалъ въ чемъ дѣло; священникъ посмѣялся, да и сказалъ: „Ну, ты невольный колдунъ, терпи, нечего дѣлать! народъ не скоро переломишь, предоставь все времени“.

Колдуны по убѣжденію. Колдуны по убѣжденію, по словамъ г. Глаголева, сами убѣждены въ дѣйствіи заговоровъ. Заговоры передаются младшимъ въ семействѣ, или друзьямъ, и при томъ съ завѣтомъ, что тайны никому не открывать. Но мы объ заговорахъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Г. Глаголевъ сообщаетъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, какой онъ замѣтилъ или самъ, или слышалъ изъ достовѣрнаго источника. Вотъ что дѣлаютъ свѣтлівые колдуны или просто деревенскіе шалуны. Извѣстно, что деревенскія лошади счастливо чутьемъ городскихъ, такъ какъ пасутся въ полѣ, на волѣ и пользуются болѣе дарами щедрой природы, чѣмъ наши выведенныя лошадки, какъ барышни, годныя только порисоваться на бѣгу, какъ на балѣ, и затѣмъ въ теплой конюшнѣ жевать овесъ и пить тепловатую водицу.

Одаренная богатымъ чутьемъ деревенская лошадь, хоть не въ холѣ воспитанная, лучше слышитъ слѣды и сѣраго волка, и мохнатого медвѣдя издалека, и чуткая по природѣ, всегда

принимаетъ своя шѣры, если только она свободна отъ воли человѣка; но если ею управляетъ человѣкъ, то конечно она бѣется при видѣ животнаго ей вреднаго и враждебнаго, даже часто погибаетъ вслѣдствіе повинновенія рукамъ, управляющимъ браздами.

На основаніи богатаго обонянія лошадей, колдуны дѣлають такія продѣлки, напримѣръ: чтобы остановить повѣздъ свадебный, или вообще на бѣгу лошадей, употребляютъ слѣдующія средства: берутъ свѣжаго жира или крови отъ какого либо хищнаго звѣря (ближе всего отъ медвѣдя, или волка), и намазываютъ ими канни, которые разбрасываютъ по дорогѣ. Лошади, почуявъ запахъ звѣря, начинаютъ упрямиться и бѣситься, а особенно молодыя.

Это средство особенно употребляется при свадебныхъ повѣздахъ и до того сдѣлалось обыкновеннымъ въ простонародьѣ, что стоитъ только кому либо перейти дорогу во время свадебнаго повѣзда, какъ дружка станетъ упрашивать его перейти дорогу обратно, даже водкой и брагой поподчуетъ его при этомъ *).

Вотъ одинъ случай колдовства: Зажиточный крестьянинъ купилъ у другаго крестьянина дворовую собаку, очень злую и привязалъ ее на цѣпь. Но собака вовсе не хотѣла лаять у новаго хозяина, свернется калачикомъ и лежитъ въ такомъ положеніи. Мужикъ обратился къ колдуну съ просьбой помочь этому горю. Колдунъ сначала поломался, какъ водится, поставили ему шкаликъ, и тогда онъ объявилъ, что не пришло еще время, и когда оно наступитъ онъ самъ придетъ.

Недѣли черезъ двѣ колдунъ является. „Подержите собаку, говоритъ“. Собаку подержали; колдунъ взялъ собаку за хвостъ и чѣмъ то помазалъ его. Собаку пустили; сперва она по своему, свернулась калачикомъ, но въ ту же минуту вскочила, дико залаяла и стала метаться на цѣпи; потомъ опять хотѣла свернуться, и опять вскочила, словно ошпаренная. Съ тѣхъ поръ собака стала лаять и сдѣлалась опять отличною собакою.

А ларчикъ просто открывался: Колдунъ помазалъ корень хвоста у собаки свѣжимъ волчьимъ жиромъ; собака чуть кос-

*) См. свад. обряды Царилковъ. Часть 1-ая.

вется носомъ хвоста, послышптъ запахъ и съ яростью начнеть лаять. Мало по малу собака, привыкнувъ къ новому хозяину, перестала скучать и дичиться.

Злоумышленные колдуны. Это колдуны самые опасныя и на нихъ должно быть обращено вниманіе полиціи. Это просто мошенники. Они очень часто развѣзжаютъ по деревнямъ (говорить г. Глаголевъ), и подъ видомъ выкурки чертей и домовыхъ, окуриваютъ и опанваютъ народъ одуряющими зельямъ, преимущественно бѣленой и дурманомъ и, пользуясь опьяненіемъ своихъ жертвъ, обираютъ ихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ священнику села К., прѣзжаютъ двое неизвѣстныхъ людей, повидимому купцовъ, довольно подозрительной наружности; одинъ изъ нихъ при огромномъ ростѣ и атлетическомъ сложеніи казался необыкновенно сильнымъ.

Они обратились къ священнику съ просьбою покормить у него лошадь и чапиться чаю. Священникъ пригласилъ ихъ на дворъ и попросилъ самихъ въ комнату. Великанъ сталъ хлопотать около лошади, а товарищъ его, повидимому, хозяинъ лошади, войдя въ горницу просилъ поставить самоваръ, и вѣзвъ со священникомъ сталъ пить чай, во время котораго сыпалъ въ самоваръ какой то порошокъ и на вопросъ священника, „что онъ дѣлаетъ“, отвѣчалъ, что въ комнатѣ чувствуется тяжелый запахъ, а потому не мѣшаетъ подсыпать курительнаго порошка.

Такъ, какъ выходящій изъ самовара дымъ противнымъ не оказался, то слова гостя казались вѣроятными. Между тѣмъ, купецъ по временамъ, что-то выпивалъ изъ находившейся при немъ бутылки; священникъ полагалъ, что у него ромъ, или водка, тѣмъ болѣе, что лицо купца дѣлалось все красивѣе и красивѣе; за собой же священникъ не замѣчалъ, что онъ мало по малу теряетъ сознание. Мать его (священника), старуха лѣтъ сто, уже потеряла сознание; а жена, будучи занята по хозяйству, то входя, то выходя, сохранила болѣе самосознанія, чувствовала только бѣненіе сердца, наконецъ, взглянувъ изъ спальни въ комнату, увидѣла, что мужъ ея даетъ деньги купцу, а тотъ проситъ еще и самоваръ, обѣщаясь отдать все на обратномъ пути, на что священникъ изъявляетъ согласіе. Она хотѣла

видти изъ комнаты, чтобы позвать сосѣдей, но увидѣвъ великана въ дверяхъ, до такой степени испугалась, что лишилась чувствъ.

Великанъ не постоянно находился въ комнатѣ, но выходилъ на улицу и на дворъ, вѣроятно для того, чтобы не вошелъ, кто либо изъ постороннихъ.

Вскорѣ оба незнакомца съѣли въ телѣгу, взявши съ собою 10 рублей, самоваръ и еще кое какія другія вещи. Священникъ машинально вышелъ ихъ провожать и, когда вдохнулъ въ себя нѣсколько разъ свѣжаго воздуха, который, какъ онъ послѣ сказывалъ, казался ему усладительнымъ, самосознаніе и память стали ему возвращаться, тогда онъ бросился въ комнату, нашелъ жену и мать почти въ безчувственномъ положеніи, отворилъ двери, вспрыскивалъ больныхъ водою, и съ трудомъ привелъ ихъ въ чувство. Головная боль продолжалась около недели.

Всегда нужно осматриваться относительно наркотическихъ веществъ, скажемъ мы въ заключеніе, потому, что изъ исторіи Индійцевъ и Римлянъ мы видимъ, что тамъ такіа куренія были въ большомъ ходу, тоже самое куреніе производилось и въ средніе вѣка при вызваніи тѣней и духовъ, особенно въ то время, когда употребляли волшебный фонарь.

Злонамѣренные колдуны нашего времени, особенно практикуютъ въ нашихъ русскихъ деревняхъ удачнымъ угадываніемъ украденныхъ лошадей, опредѣленіемъ мѣстности и ихъ нахожденіемъ, в все это устраивается посредствомъ стачки колдуновъ съ конокрадами. Хитрые обманщики помогаютъ злымъ и в негодяямъ ядовитыми зельями, съ намѣреніемъ ищенія за обиду, и находятъ себѣ въ нашемъ отечествѣ обильную профессію и, хотя не всегда достигаютъ своей цѣли, то чаще всего губятъ несчастныхъ, награждая ихъ такими болѣзнями, о которыхъ даже врачи не имѣютъ никакого понятія.

Грубые поселане, со слишкомъ поверхностными понятіями о христіанской любви и высокой христіанской добродѣтели, считаютъ себя уже добрыми христіанами, если каждое поскресеіе ходятъ въ церковь, мало понимая, а иногда и вовсе не понимая суть молитвъ на славянскомъ языкѣ, произносимыхъ во время божественной литургіи.

Проповѣдей въ селахъ и деревняхъ не говорится, можетъ на это нѣтъ ли еще и запрещенія, не знаешь и унываемъ руки; но во всякомъ случаѣ не нѣшало бы крестьянамъ по праздникамъ хоть катихизисъ читать. Впрочемъ это дѣло не наше, на то есть іерархія; но во всякомъ случаѣ, каждый крестьянинъ, по обязанности совершая св. Таинство покаянія и св. Причащенія думаетъ, что тѣмъ сдѣвъ ежегодно извѣстные грѣхи, онъ совершенно правъ и освобождается отъ ответственности предъ Всемогущимъ и потомъ, на основаніи своего иинмага очищенія грѣховъ, вновь предаются новымъ размолвкамъ въ семействѣ, между знакомыми, враждовать съ сосѣдами, пьянствовать и даже воровству всякаго рода, какъ напр. конокрадству, самому вредному для земледѣльческаго хозяйства. Конечно при такой грубой обстановкѣ нашего народа и въ настоящее время происходятъ разнаго рода преступленія, существуютъ вредные колдуны для вреда и наводненія ужаса въ средѣ народа, которые посредствомъ разнаго рода ему извѣстныхъ составовъ и зелій отравляютъ, или какъ говорятъ, портать народъ, то по собственному желанію, то по просьбѣ другихъ изъ личнаго ихъ ищенія. Все это противно духу религіи и сильно отзываетъ грубыми остатками древняго азычества, закоснѣлаго въ народѣ. Будь простой народъ начитаннѣе, знай онъ основательнѣе религію, кромѣ однихъ обрядностей, нравы ихъ были бы мягче и не было бы такихъ злодѣевъ. Отчего въ столицахъ мы не слышимъ о существованіи колдуновъ и не боимся никакой порчи? Оттого конечно, что въ столицахъ народъ развитѣе, гуманнѣе, да и полиція, не боясь ищенія, преслѣдуетъ закономъ распространеніе обманщиковъ и злодѣевъ.

Легенды о колдунахъ въ Россіи. Простой народъ, мало знакомый съ таинствами окружающей ихъ природы, скорѣе вѣрять въ чудесное и невозможное, тогда какъ все можно объяснить при помощи науки, а особенно знаетъ тотъ же мужикъ, котораго зовутъ знахаремъ или колдуномъ. Конечно, если бы онъ былъ призванъ къ допросу и сказалъ бы откровенно, чѣмъ онъ прославился въ народѣ, то онъ чистосердечно бы открылся, что ничѣмъ въ особенности, а что знанія его заключаются въ томъ то, и томъ, которымъ онъ и орудууетъ

безсознательно, благо дѣло пошло. Часто къ колдуну, являются скорѣе за медицинской помощьюъ, чѣмъ къ священнику. Колдунъ ни въ чемъ не отказываетъ за щедрый подарокъ, хотя немножко и *полюмается*, а дастъ хоть какое зелье и отъ чего угодно, сопровождая для пущей важности какими либо нашептываніемъ или наговоромъ, иногда упоминаая въ наговорѣ, сатану. Получатель или получательница этого зелья дрожитъ отъ близости такого человѣка, по тому мнѣнію, что колдунъ окруженъ сатанинской силой, и имѣетъ несомнѣнную вѣру въ чудеса своего покровителя. Дѣло кончается тѣмъ, что получившій изъ рукъ покровителя зелье, даетъ въ питье, или пищу, своему недругу и свойство яда долго ли скоро — ли, но прозведетъ свое дѣйствіе.

Яды данные колдунами, не убиваютъ, но употребляли сильныя наркотическіе яды, или такіе изъ нихъ, которые губительно вліяютъ на нервную систему, или на другія системы человеческого организма. Такимъ образомъ больной (испорченный) получаетъ или вредныя сыпи, судороги, твердая опухоли (килы, грыжи). Яды эти, колдуны приготавливаютъ преимущественно изъ извѣстныхъ имъ травъ. Понятно, что человѣкъ, занимающійся такими вредными операціями, проникнуть до мозга костей зломъ и ненавистью къ человечеству; говорятъ въ народѣ, что самое выраженіе лица изобличаетъ колдуна; и даже рассказываютъ слѣдующія примѣты: колдунъ имѣетъ мутный взглядъ, свинцово-сѣрое лицо, сросшіяся и напущенныя брови, злую улыбку, медленный съ разстановкою голосъ, небрежную прическу, морщинистый лобъ, взглядъ свирѣпый изъ подлобья, сутуловатость, походку неторопливую и задумчивость; говорить вообще мало и хрипло, за то, какъ говорятъ, любитъ постоянно что-то ворчать, или шептать, всегда любитъ выпить.

Такъ описываютъ наружность колдуна. Теперь выведемъ свое умозаключеніе, такъ: Представимъ себѣ деревенскаго мужика, которому пришлось хоть однажды помочь больному и поставить на ноги. Въ деревнѣ какія болѣзни? чаще всего простудныя лихорадки, горячки, положимъ, что есть множество другихъ, какъ-то: оспа, сифилисъ, тифъ. Но вообразимъ, что мужикъ излѣчилъ простуду, узнавъ отъ кого либо случайно о средствахъ лѣченія, какъ мы выше сказали, смородиннымъ

листомъ, стаканомъ водки и печкою *)). Его это обрадовало, потому, что въ часы досуга мужичекъ разсчитываетъ и впрсдъ при удачѣ нить побочный доходъ; но суевѣрный народъ поглѣ нѣсколькихъ удачъ мужика, клеймитъ его названіемъ шахара или колдуна, потому, что никакъ не можетъ вѣрнть, чтобы простой мужикъ могъ познакомиться съ какимъ либо знаніемъ кромѣ земледѣлія. Даже мольники у нихъ почти всѣ колдуны, потому, что знакомы съ ея устройствомъ, скотники или скотницы умѣющіе врачевать скоть—тоже. Понятно изъ этого, что случайный врачъ, разъ ославленный связями съ чертомъ, онъ самъ сознаетъ, что если и можетъ быть терпимъ, но никогда не можетъ быть любимъ, и поэтому онъ, разстронный своимъ положеніемъ и общинъ о немъ невыгоднымъ мнѣніемъ, часто вовсе не заботится о себѣ, объ домѣ, какъ хорошій хозяинъ, а предается пьянству или съ гора, или по склонности. При такомъ хозяйствѣ конечно хозяйство утрачиваетъ и свои выгоды и пользу для его семейства, и нерѣдко бѣдность дѣлается удѣломъ этого парія, часто по глупости своихъ односельчанъ. Нерѣдко этотъ человекъ озлобляется и тогда въ своемъ глупомъ невѣжествѣ ищетъ средства мститъ и находить нерѣдко. Вотъ тутъ то изъ него вырабатывается настоящій колдунъ, то-есть человекъ вредный для общества. Во всякомъ случаѣ трудно намъ думать, что онъ входитъ въ сношенія съ дьяволомъ. Если, какъ говорятъ, онъ проводитъ ночи безъ сна, то скорѣе можно подозрѣвать, что онъ опасается, что его темныя дѣла откроетъ кто-либо предъ лицомъ правосудія и что онъ, долго-ли, коротко-ли, но получить должное возмездіе. Впрочемъ, онъ остерегается и своихъ одпосельчанъ, даже боится ихъ, что за свои дѣянія легко могутъ его побить смѣльчаки. Съ этой цѣлью имъ же, этимъ колдунами, выдумана сказка, что будто-бы колдуны неуязвимы, а чтобы нанести ему побой, то нужно бить по его тѣни въ томъ предположеніи, что подъ видомъ тѣни ходятъ за нимъ нечистые духи. На самомъ же дѣлѣ колдуны, поддерживая такое мнѣніе въ народѣ тѣмъ оберегаютъ свою спину и тѣло отъ ударовъ злобствующихъ враговъ и, если случится, что какой либо озорникъ по-

*) См. статью г. Глаголева.

пробуетъ ударить колдуна, то послѣдній всегда, какъ говорятъ, выдержитъ ударъ терпѣливо и засмѣется при этомъ, не желая разувѣтса, измѣнить мнѣнію народа, напротивъ же, кто станетъ бить его тѣмъ, то онъ будетъ всячески кривляться и кричать; конечно эта комедія спасаетъ его личность отъ не-пріятности побоевъ и увѣчья.

Понятно, что злой человѣкъ не наследуетъ царства небеснаго, а поэтому, тоже нужно и о колдунѣ, котораго вредное вліяніе на людей извѣстно его ближнимъ и сосѣдямъ, то они окончательно увѣрены въ томъ, что онъ уже на землѣ осужденъ на вѣчное мученье, и теперь даже достояніе сатанъ, стоитъ только умереть ему.

Люди эти стали рѣдки. Съ развитіемъ образованія повсюду и грамотности, въ деревняхъ и селахъ, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и проведеніемъ ихъ по всѣмъ направленіямъ, наши русскія захолустья и глушь стали оживляться; вмѣстѣ съ эмансипаціей началось тѣсное сближеніе всѣхъ классовъ общества; удешевленіе сообщеній съ главными городами, или такъ сказать съ торговыми пунктами, сдѣлало крестьянъ развѣнне, бодрѣе, гуманнѣе, и дало многимъ изъ нихъ: средства къ правильному развитію понятій, новую жизнь, новыя права. Увидѣвъ паровозы, пароходы, телеграфы, фотографіи, народъ сталъ понимать тверже, что эти предметы стоютъ большаго вниманія, чѣмъ какой нибудь барноволокной безграмотный колдунъ и его дѣйствія. Къ тому повсюду стали назначаться учителя, образоваться школы для распространенія грамотности, и самые священнослужители по характеру своего воспитанія стали иначе смотрѣть на свою паству; а все это много повліяло на крестьянъ до сихъ поръ, въ будущемъ разувѣтса будетъ еще лучше, иначе, водворявшаяся повсюду грамотность и общая воинская повинность благотѣльно повліяетъ на простой народъ и конечно искоренятся суевѣрные обряды. а съ тѣмъ вмѣстѣ улучшатъ жизнь, поставивъ народъ на добрую почву при новыхъ началахъ.

Смерть колдуки. Вотъ какъ рассказываютъ въ русскомъ народѣ о томъ, какъ умираетъ колдунъ, или колдунья, портившіе народъ. Колдунъ, какъ бы долго не жилъ — не вѣченъ, когда же приступить къ его одру безжалостная съ косою въ

рукъ, ему, понятно, какъ всякому злодѣю, страшно за себя, такъ какъ онъ только и находилъ удовольствіе въ томъ, что жилъ и губилъ тѣхъ, кто нечаянно попадался ему подъ руку. Какова же ему придется жизнь за гробомъ? Остается одно: горькое раскаяніе во грѣхахъ, это правда! Но гдѣ же какія либо добрыя дѣла его, которыя могли бы облегчить угрызавшую совѣсть, облегчить, успокоить душу, которая сейчасъ оставитъ тѣло, которая должна скорбѣть. Здѣсь конечно предсмертныя страданія не пройдутъ безъ галлюцинаціи и разнаго рода иллюзій для умирающаго. Какъ и всегда, въ предсмертной агоніи многихъ умирающихъ, совѣсть колдуна, какъ и всякаго другаго злодѣя, требуетъ примиренія со всеми, кого онъ зналъ, кого онъ обидѣлъ; ему этого хочется ради того, чтобы облегчить свою душу, совѣсть... ему хочется, чтобы кто нибудь при его физическихъ страданіяхъ присутствовалъ изъ постороннихъ или домашнихъ. Но, увы! въ эту для него безнадежную минуту, еще скорѣе чѣмъ въ какую другую, овладѣваетъ ужасъ умами суевѣрныхъ, не исключая и ближнихъ его. Всѣ узнаютъ объ этомъ въ селеніи и въ одинъ голосъ говорятъ: „колдунъ окольваеть“, при чемъ крестятся и чураются. Бывало не мало примѣровъ, что мнимые колдуны, или вѣрнѣе злодѣи эти, умирали посредствомъ петли. Впрочемъ меланхолики и иппохондрики также часто кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Недѣзя же всѣхъ, кто золъ, нелюдишь, считать какимъ то чародѣемъ; часто на челоуѣка говорятъ только одну напраслину.

Есть повѣрье въ народѣ, что земля не принимаетъ тѣла колдуна. Говорятъ такъ: Если колдунъ ежегодно ходилъ въ церковь говѣть, принималъ Св. Дары, то колдуна можно, по усмотрѣнію духовника, хоронить по христіански, а особенно богатаго. Но говорятъ такъ: что несмотря на похороны, исполненныя по христіански, обрядъ похоронъ для его души тяжелъ и приноситъ ей страданіе *).

Когда окончится обрядъ похоронъ колдуна, то послѣ сто-

*) Здѣсь опять отзывается преданіемъ стариннымъ глубокой, когда послѣдователь лжычества, хотя и принялъ Христову вѣру, во въ душѣ были преданы своей преемъ; на это и намекаетъ легенда. *Асторъ.*

ловація гости разъѣзжаются и семья остается въ полномъ недовольствіи и горюетъ, полна паническаго страха.

Хожденіе тѣни колдуна. Если колдунъ не передалъ никому своей тайны колдовства, то въ народѣ говорятъ, будто бы опасеніе домашнихъ оправдывается, то-есть, что они и послѣ смерти его еще не совсѣмъ съ нимъ разстались; далѣе, говорятъ, будто бы въ теченіи дня у нихъ раздается стукъ, трескъ, ходьба по комнатахъ, кого-то невидимаго, потомъ,—говоръ, котораго нельзя хорошенько разобрать, а потомъ, съ наступленіемъ глухаго времени отъ начала одиннадцатаго часа до двухъ, слышится отвореніе запертыхъ дверей и иногда является привидѣніе, всѣмъ ясно видимое въ видѣ мертвеца, сего дня или вчера похороненнаго, что страшно поражаетъ домашнихъ и наводитъ ужасъ тѣмъ болѣе ужасный, что они уже ранѣе были парализированы ожиданіемъ или предвѣстьемъ новаго ужаса.

Какъ, обыкновенно, по рассказамъ, это посѣщеніе повторяется недѣли двѣ, и домашніе до того истомляются такими беспорядками въ домѣ производимыми, то разнаго рода стукомъ, шумомъ и говоромъ, а то посѣщеніемъ похороненнаго мертвеца, что прибѣгаютъ къ сосѣдямъ, но послѣдніе иногда сами страдаютъ тѣмъ же недугомъ, то-есть имъ самимъ приходится видѣть сосѣда, который ѣстъ, пьетъ, а иногда и пляшетъ, между тѣмъ на могилѣ его иногда видятъ огонекъ, горящій въ родѣ свѣчки. Какъ бы то ни было, будь это свѣтлякъ, будь это фосфорическій огонь, выходящій отъ трупа, сквозь поры, насыпи свѣжей земли, будь это глаза волка или росомахи, любительницы разрывать трупы, для народа представлялось одно,—что похоронили колдуна и всѣ эти признаки еще болѣе подкрѣпляли ихъ убѣжденіе. Можетъ быть шумъ, трескъ происходилъ отъ того, что, или домъ садился, или можетъ быть отъ мороза трещали бревна дома; иногда случалось что сильный вѣтеръ вылъ въ ближнемъ лѣсу; изслѣдовать естественную причину никому не хотѣлось, а между тѣмъ воображеніе работало до болѣзни мозга, до галлюцинаціи.

Позорительнаго мертвеца (колдуна) всѣмъ міромъ откапывали изъ земли, и даже иногда находили лежащаго ничья, или внизъ лицомъ, это подавало новую мысль къ тому, чтобы ду-

мать о немъ, какъ о колдунѣ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, онъ былъ просто мнимо-умершій отъ летаргическаго сна (замеръ, по русскому выраженію) и потомъ проснулся въ могилѣ.

Въ деревняхъ и сейчасъ не рѣдкость, что хоронятъ покойниковъ въ теченіи сутокъ, а особенно во время лѣтней страды, когда съ мертвецомъ некогда хороводиться: то сѣнокосъ великъ, убратся надо, то боится, что отъ жары изъ колоса зерно перезрѣвши осыпится, во время житва.

Обыкновенно, чтобы колдунъ лежалъ спокойно въ могилѣ и не тревожилъ живыхъ, вонзаютъ трупу между доплатокъ осиновой колъ и тѣмъ, по мнѣнію народа, посѣщеніе колдуна прекращается.

Если же, какъ говорятъ, въ простомъ народѣ, покойный колдунъ былъ одинокъ, то-есть жилъ вполнѣ бобылемъ, то не смѣетъ явиться къ сосѣдямъ и блуждаетъ по кладбищу, разумѣется, пугая суевѣрныхъ земляковъ.

Впрочемъ, народное преданіе говоритъ, что тотъ изъ колдуновъ, кто успѣетъ передать младшему себя свое ремесло передъ смертью, тотъ умираетъ хорошо и спокойно, и трупъ не требуетъ клина, какъ и обыкновенный человѣкъ, — какъ добрый христіанинъ. Передача знаній происходитъ по большей части передъ самой смертью и народное повѣрье говоритъ такъ: Колдунъ, продавая душу дьяволу, получаетъ отъ послѣдняго столько нечистыхъ духовъ на службу, сколько тому нужно по условію, чтобы отступнику достигъ до условнаго значенія своего величія.

По смерти, подвластные демоны должны оспротѣть безъ работы, такъ, какъ имъ при жизни колдуна давалась постоянная работа, на которую они буквально обречены Люциферомъ (княземъ тьмы). Говорятъ, что демоны во время смертной агоніи умирающаго, тормошатъ тѣло покойника и вида, что тѣло пусто и безъ души, то временно, даже будто бы вступаютъ въ его пустое тѣло и ходятъ, олицетворяя челоуѣка со всѣми его признаками, иногда даже весельчака, а то строгаго, сообразно съ характеромъ покойника, съ тѣмъ только исключеніемъ, что такой псевдо-покойникъ лишается въ характерѣ величія и остается неуловимымъ, какъ духъ.

Передача колдовства. Каждый изъ колдуновъ, зная, какъ ему трудно разстаться съ жизнью, а душу дьяволу, по общему повѣрью, стараетсяъ отдать свое право колдовства и вреда, кому нибудь, если не по знакомству, или по родству, то хотя *обмакомъ* и не *за-звать*.

Передача колдовства внучку (лѣгенда). Однажды умирающій колдунъ передалъ свое колдовство внучку.

Дѣло было вотъ какимъ образомъ, какъ говоритъ преданіе: Старикъ-дѣдъ, замѣшанный въ какихъ-то плутняхъ и за-служившій ими — „колдуна“ умираетъ, оставляя по себѣ потомство. Всѣ его удаляются, брезгаютъ. Онъ самъ видитъ это, лежа на смертномъ одрѣ, и ухищрится, обращаясь къ мальчику лѣтъ 8 или 10 его внучку, мальчику бойкому, который во все время былъ къ нему привязанъ

— Внучекъ! поди сюда! клочетъ старикъ внука въ прппадкѣ своей предсмертной агоніи. — „Што дѣдушка?“ — „На-ко возьми внучекъ!, возьми!...“

Внучекъ взялъ отъ дѣда-колдуна вѣникъ и вышелъ отъ него; въ это самое время внучекъ ощутилъ, что то особенное. Внучку пришлось спать, ему грезятся небывалые до сего дня сны и онъ просыпается, словно отъ лихорадки. Затѣмъ, послѣ просонья ему представляются вдругъ безобразныя, пугающія дѣтское воображеніе личності, требующія у него работы.

Бѣднякъ промаялся до утра съ своими дрянными снами, недавшими покоя и всталъ, какъ отуманенный. Ночныя грезы онъ передалъ своимъ родителямъ, или воспитателямъ и указалъ на вѣникъ. Это еще болѣе встревожило семью, разумѣется напуганную событіемъ и суевѣрную по простотѣ и грубости образованія.

Это былъ не сонъ, а явь, во время котораго страдалъ ребенокъ, котораго мучили духи, переданные не въ вѣникъ, а съ вѣникомъ, и припявшимъ этотъ вѣникъ безъ молитвы, конечно потому, что вѣникъ предметъ ничего не заслуживающій и не стоящій никакого вниманія.

Въ семьѣ подумали и рѣшили побѣхать къ колдуну, чтобы разрѣшить дѣло и рассказали случившееся, предварительно подаривъ его милость.

Колдунъ, хорошо удовлетворенный благодарностью и подаркомъ сказалъ:

— Вотъ что: пусть, когда шишиги будутъ просить работы, сынъ вашъ прикажетъ къ утру разобрать по зернышку куль овса, куль пшеницы, куль гречихи; а зерна эти нужно пере-мѣшать передъ вечеромъ и разсыпать по амбару.

Родители такъ и сдѣлали: Но черти къ утру все собрали, и зерна очутились разобранными и высыпанными въ кули. По окончаніи этого опять потребовали чертенята у мальчика работы. Родители мальчика опять обратились къ колдуну и рассказываютъ:—такъ и такъ... кормилецъ! Опять съ доукой!... колдуну опять влетѣлъ гостинецъ.

— Ну, ладно! приготовьте бездонную кадку да ушата два песку и вотъ, пусть, они въ бездонную кадку воды нальютъ, а изъ песку веревки выютъ.

Родители подготовили и песку и бездонную кадку, но черти и это порученіе исполняли. Опять къ колдуну.

Колдунъ, слишкомъ благодарный за всѣ награды, посоветовалъ такъ сдѣлать:

— Если и это не беретъ, сказалъ онъ, „то пусть онъ раскидаетъ мѣшокъ овсяной муки, бросая горстью на всѣ стороны и потомъ закреститъ на всѣ четыре стороны. Когда нечистые явятся къ нему, то пусть онъ велитъ муку въ мѣшокъ собрать до пылинки“. Родители мальчика возвратились и приказали при себѣ исполнить приказаніе колдуна.

Мальчикъ исполнилъ, что приказано, и вечеромъ распорядился ватагою адской сволочи. Нечистая сила пошла собирать муку, но видно эта работка была имъ не подъ силу, болѣе не возвращались.

Говорятъ, что демоны прислуживающіе человѣку, и подпавшіе ему подъ власть, не имѣютъ вида сатировъ, какими ихъ малюютъ на лубочныхъ картинахъ, или черныхъ мурновъ, страшныхъ вѣюповъ, но что они представляются колдуну въ видѣ маленькихъ человѣчковъ.

По народному повѣрью, передача колдовства можетъ быть производима и другими средствами. Рассказываютъ, что нѣкоторые берутъ у колдуновъ колдовство, изъ любви къ профессіи; при этомъ говорятъ, что человѣкъ, получившій отъ колдуна искусство колдовать, теряетъ добродѣтель и всѣ добрыя качества и дѣлается злымъ, ненавистникомъ, съ момента по-

лученія. Разумѣтся, не нужно смѣшивать колдуна съ знахаремъ; разница между ними та, что колдунъ, — отщепенецъ вѣры, не носитъ креста, не ходитъ въ церковь, а если и ходитъ для виду, то не молится, если причащается, то не глотаетъ Святые Дары, всемъ вредитъ, но не пользуется. напротивъ знахарь — человекъ совершенно другаго закала. онъ истинный христіанинъ, онъ врачъ и благодѣтель для всей окрестности, но не врагъ, онъ не портитъ, а выгоняетъ порчу, на что у него есть свои пріемы. Вообще нужно оказать, что тамъ, гдѣ нѣтъ близко врачей, знахари съ успѣхомъ дѣлаютъ свое дѣло и нерѣдко помогаютъ даже лицамъ довольно значительнымъ. Такъ изъ біографіи графа Граббе *) видно, что его вылечилъ простой знахарь.

Народное понятіе о порчѣ. По народному повѣрью колдунъ, стараясь удалить отъ себя подвластныхъ себѣ духовъ, безпокоившихъ его требованіями работы, портитъ народъ тѣмъ, что будто бы разгоняетъ ихъ, посылая къ людямъ ихъ мучить въ разныхъ видахъ, разумѣтся къ тѣмъ, которые, чѣмъ нибудь досадили колдуну; такимъ образомъ народъ объясняетъ вликушъ или порченныхъ. Это люди, которыхъ будто бы мучаютъ духи, преслѣдующіе повсюду; тотъ человекъ, на котораго указалъ колдунъ, страдаетъ или душою, или чувствами и нравственно. Въ этихъ болѣзняхъ души, малодоступныхъ врачамъ, прибѣгаютъ къ колдуну, но по мнѣнію многихъ, тотъ колдунъ, который берется вылечить порчу, будто бы не вылечиваетъ ее, а представляетъ къ больному болѣе сильнаго духа, чтобы ослаблять вредное вліяніе перваго.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ И КАЗНЬ КОЛДУНОВЪ.

Преслѣдованіе колдуновъ инквизиціей. Мы уже сказали, что на западѣ Европы, въ XV столѣтіи, магія на колдовство достигла своего полнаго апогея. За то инквизиція (духовный судъ) дѣятельно преслѣдовала колдуновъ, считая чародѣйство совершенно раснымъ еретичеству, отступничеству отъ Бога, и величай-

*) См. „Война Россіи съ Турціей“. П. Гарковенко.

шимъ изъ преступленій на свѣтъ. Если заблуждались тѣ, кто занимался чародѣйствомъ, не менѣе того заблуждались и инквизиторы, усердно вѣра въ существованіе чертей и разныхъ безплотныхъ духовъ, и въ сношенія людей съ этими духами. Даже нельзя было допускать мысли, по нашему мнѣнію, чтобы почтенные патеры, кардиналы и прелаты могли бы быть до такой степени невѣжественны, чтобы могли взрять тому, что въ наше время считается пустяками и безсмыслиемъ.

Во всякомъ случаѣ, кромѣ видимаго стремленія уничтожить охоту къ чернокнижію въ народѣ, почтенными лезуитами овладѣло желаніе пріобрѣтать имущество, оставшееся послѣ казенныхъ въ свою пользу. Такимъ образомъ къ числу жертвъ погнбшихъ на кострѣ принадлежали: Министръ французскаго короля Филиппа Красиваго, Ангерранъ де Маринь, знаменитая Орлеанская дѣвственница и множество другихъ невинныхъ жертвъ отъ руки палача, или на кострѣ, вивствѣ съ знаменитымъ Синимъ бороδοю, Жиль де Лавалемъ, маршаломъ франціи *).

Какъ ни сильно было развито чародѣйство и какъ ни жестоко оно преслѣдовалось, но никто такъ жестоко не нападалъ на еретиковъ, какъ папа Иннокентій VIII, который своею жестокою буллою (папскій указъ), отъ 4 декабря 1484 года, противъ волшебства и всякаго сношенія съ нечистыми духами. Послѣ этой буллы, усердные служители папскаго престола, до того усердно работали, что на ау-то-дафе приводили толпы колдуновъ (многихъ разумѣется) и полились рѣки невинной крови, едва изсякшія въ теченіи двухъ съ половиной вѣковъ.

Этотъ папа поручилъ преслѣдованіе чародѣйства особой комисіи инквизиціоннаго суда, председателемъ которой былъ назначенъ Яковъ Шпренгеръ, профессоръ богословія въ Кельнѣ. Усердный профессоръ немедленно занялся сочиненіемъ руководства для слѣдствія и суда, по дѣламъ волшебства; плодомъ

*) Жиль де Лаваль, владѣтель Реванъ Машкулъ, если и былъ соиненъ, какъ чародѣй, то это была со стороны инквизиторовъ тоже ошибка; это былъ скорѣе человекъ почтаанный на алхімію и философскомъ камиѣ. Но какъ злодѣй, онъ былъ достоинъ сожженія потому, что погубилъ до 150 мальчиковъ и до столько же беремьяныхъ женщннъ, вырѣзывая изъ нихъ чрева, нерожденныхъ дѣтей.

усилія этого ученаго фанатика, полубезумца, полузловдѣя, былъ знаменитый „*Malleus maleficarum*, или молотъ злодѣевъ“. Со времени изготовленія этого сочиненія, оно было утверждено кодексомъ для розысканія и наказанія иныхъ волшебниковъ. Дѣти были должны доносить на отцовъ, братья на братьевъ; супруги должны были обличать одинъ другаго. Кроме того, одного доноса даже безъ свидѣтелей было достаточно, чтобы арестовать и подвергнуть его суду и пыткамъ, почему почти каждый обвиненный, хотя и совершенно невинный, былъ въ дѣйствительности человѣкомъ, безвозвратно погибшимъ. Обвиненнаго подвергали пыткамъ. Если онъ, для избѣжанія нестерпимыхъ мукъ, сознавался въ мнимомъ преступленіи, его ввели на костеръ, какъ колдуна, или одержимаго бесомъ (бѣсноватаго, порченаго), если онъ не признавался, то погибалъ отъ мученія пытки, потому, что всѣхъ не сознававшихся были пытки, одна послѣ другой жесточе и невыносимѣе.

Дѣятельность агентовъ папы Иннокентія коснулась не только одного Рима и его областей, но проникла во Францію, Германію, Швейцарію, въ какой то пандемоніумъ, гдѣ на каждой горѣ совершались шабаша вѣдьмъ и гдѣ рѣдкій не былъ причастенъ чародѣйству, какъ злодѣй, или какъ жертва. Костры пылали и кровь лилась рѣками. Доль Рио рассказываетъ, что въ 1515 году, въ одной Женевѣ казнено было до 500 уличенныхъ въ чародѣйствѣ лицъ. По словамъ Бартоломео де Спины, въ томъ же году, въ приходѣ Комо, сожжено ихъ до тысячи, и въ послѣдовавшіе за тѣмъ два года по нѣскольکو десятковъ въ каждый мѣсяцъ. Ренигій съ самодовольствіемъ объявляетъ, что въ теченіе 15 лѣтъ, (1580 по 1595) сжегъ до 900 колдуновъ, обоюго пола. Въ царствованіе короля Карла IX, колдунъ Труазешель, въ одномъ Пуату, оговорилъ болѣе 1200 человѣкъ виновныхъ въ чародѣйствѣ и увѣрялъ, что ихъ болѣе трехъ сотъ тысячъ въ одной Франціи. По словамъ Бодена или Бодинуса, при Карлѣ IX казнено болѣе тридцати тысячъ человѣкъ.

Не смотря на эти ужасныя бойни, Франція все же была назади предъ Германіей, гдѣ папскія буллы, производили ужасныя опустошенія.

Вслѣдъ за Иннокентіемъ VIII, противъ чародѣйства возстали:

Александръ VI, Левъ X и Адрианъ II. Съ наибольшимъ усердіемъ работали инквизиторы въ Барбергъ, Падеборнъ, Вюрцбургъ и по всему протяженію владѣній нитъшняго Баварскаго королевства; впрочемъ и другія части Германіи, также принесли свою дань ужасному заблужденію людей умныхъ и ученыхъ, какими считались папы и іезуиты, и вообще ученые монахи Рима.

Хауберъ, въ своей *Волшебной библіотекѣ* приводитъ списокъ 157 лицъ обоого пола, уличенныхъ въ чародѣйствѣ и казненныхъ въ Вюрцбургѣ съ 1627 г. по 1629 г. въ 29 приемовъ. Но замѣчательно, что въ числѣ этихъ лицъ были: дѣти отъ 7-ми до 9-ти и 12-ти лѣтъ, да старики и старухи отъ 70 до 107 лѣтъ; тутъ же были четырнадцать кафедральныхъ викаріевъ, два знатныхъ молодыхъ дворянина, сенаторъ Штольценбургъ, Эмиа Гобель, первая Вюрцбургская красавица, и 20 другихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ двѣ слѣпыхъ и четыре глухонѣмыхъ. Въ Линденскомъ округѣ, изъ 600 жителей, казнено въ 4 года (1660—1664 г.) за волшебство 30 человекъ; въ другихъ мѣстахъ Германіи, погубило въ это время, болѣе ста тысячъ человекъ, за то же мнимое преступленіе.

Упорство и ужасъ этихъ гоненій были виною, что увѣренность въ возможности, противуестественныхъ сношеній съ злыми духами распространилась на всѣ классы общества и на всѣ возрасты. Она породила извращеніе умственныхъ способностей, известное подъ именемъ галлюцинацій и дѣйствующее иногда эпидемически на цѣлыя массы. Этимъ болѣзненнымъ состояніемъ мозга, объясняются вынужденныя (а иногда и добровольныя) признанія несчастныхъ о ихъ посвященіяхъ шабашей и пиршествъ злыхъ духовъ; и не только судьи и свидѣтели, но и самые подсудимые, раздѣляя общее настроеніе и помраченіе разсудка, считали фантастическія видѣнія, порожденныя разстройствомъ воображенія, за дѣйствительные факты. Мудрено ли послѣ этого, что судьи съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей справедливости, посылали на костеръ несчастныхъ, хотя по сущности невинныхъ, но убѣжденныхъ въ своей мнимой виновности.

Не всегда, однакожъ, признаніе въ дѣйствительности чародѣйскихъ занятій было вслѣдствіе умственнаго расстройства:

весьма часто пытка вырывала признаніе у обвиненнаго. Вотъ одинъ изъ примѣровъ *):

„Одинъ Вестфальскій дворянинъ, чѣмъ-то досадилъ своему сосѣду, который изъ ищениіа сдѣлалъ на него доносъ въ чародѣйствѣ. Обвинитель утверждалъ, что упомянутый дворянинъ выходитъ по ночамъ изъ дому, оборачивается чолкомъ (оборотнемъ), и рыская по окрестностямъ, давить и загрызаетъ прохожихъ. Несчастнаго обвиненнаго схватили и, продержавъ три недѣли въ тюрьмѣ, привели къ допросу. Несмотря на все желаніе судей найти инакаго чародѣя виновнымъ, невозможно было отыскать никакихъ уликъ. Но случай помогъ инквизиторамъ: Свидѣтельствуя состояніе обвиняемаго, открыли, что у него на лѣвомъ плечѣ есть родимое пятно, которое оказалось нечувствительнымъ къ укоду иглою. Этого вполне было достаточно, чтобы заподозрить обвиняемаго въ дѣйствительности сношеній его съ дьяволомъ; такъ какъ родимое пятно было признано печатью дьявола. Несчастнаго подвергли пыткамъ; но онъ былъ человекъ сильнаго характера, твердый и, не соглашаясь сознаться въ небываломъ преступленіи, съ мужествомъ перенесъ страшныя мученія.

Наконецъ, одинъ изъ судей придумалъ дать измученной жертвѣ отвара травы—красавица, (*atropa belladonna*) и тогда, подѣвъ вліаніемъ ложныхъ видѣній, развитыхъ этниъ наркотическимъ ядомъ, подсудимый, во временномъ умопомѣшательствѣ, взвелъ на себя, всевозможныя преступленія и сознался во всемъ, чего только хотѣли. Показанія его записали при свидѣтеляхъ. Придя въ себя онъ вновь съ твердостью сталъ отстаивать свою невинность; но его не хотѣли слушать, и принявъ во вниманіе совершенное предъ судомъ признаніе, сочли его за нераскаяннаго злодѣя и живаго сожгли на кострѣ“.

Не удивительно, что, при такомъ порядкѣ вещей, люди богатые жертвовали своимъ имуществомъ, чтобы подкупить судей, но судьи сперва раззоряли подозрѣваемыхъ, а все таки послѣ осуждали и казнили.

Ранѣе было указано, что нерѣдко обвиняемые сами признавались въ своихъ преступленіяхъ, сами доверяя своимъ соб-

*) Рассказъ Дель—Гію. Известнаго демонолога.

ственнымъ разсказамъ и убѣжденные въ дѣйствительности своихъ минувшихъ преступленій. Разувется этого нельзя было объяснить иначе, какъ болѣзненнымъ состояніемъ мозга и организма. Но какъ было объяснить страшное сходство въ показаніяхъ лицъ различнаго возраста, образованія и званія? Какими образомъ люди, совершенно другъ съ другомъ незнакомые, описывали свои небывалыя оргіи на шабашахъ съ чертами и рисовали предъ судьями почти тождественныя картины, безъ предварительнаго соглашенія и во вредъ себѣ.

Впрочемъ, нѣкоторые находятъ, что тутъ мало удивительнаго. Въ средніе вѣка господствовало довольно однообразное мнѣніе о колдовствѣ, привидѣніяхъ, шабашахъ злыхъ духовъ, и тому подобнымъ предметахъ таинственнаго и безплотнаго темнаго міра. Не мудрено, что на допросахъ, люди изнуренные заключеніемъ и страданіями, часто полупонимавшіе заключеніемъ и страданіями, объясняли предметы тождественнымъ образомъ. Этому способствовалъ и самый обрядъ допросовъ, совершавшихся однообразно, по сочиненію Шпренгеромъ съ товарищами, руководству. Самъ судья облакалъ вопросы въ форму обусловливающую большую часть вопросовъ такъ, что подсудимому, по большей части, оставалось говорить или— „да“ „или нѣтъ“. При страшномъ обрядѣ допросовъ, сопровождавшихся пыткой, несчастный въ вынужденныхъ своихъ сознаніяхъ, невольно, хотя и весьма естественно, принималъ настроеніе духа и ходъ идей, какіе желалъ найти допрашивающій.

Преслѣдованіе колдуновъ въ Россіи. Россія также заплатила тяжелую дань суевѣрію. Языческіе жрецы, игравшіе у древнихъ славянъ, какъ и повсюду, роль волхвовъ, неохотно, какъ уже мы и сказали, уступали вводимому въ Россію Христіанству. Въ народѣ старинныя повѣрья и обычаи не только утратились вдругъ, но и по сіе время, какъ мы уже упомянули въ первой части нашей книги, замѣтны въ своихъ остаткахъ обычаевъ, пѣсенъ и обрядовъ.

Высшіе представители духовенства употребляли все зависящія отъ нихъ средства, чтобы уничтожить въ народѣ суевѣрную довѣренность къ колдунамъ, вѣдьмамъ и волхвованію, чѣмъ свидѣтельствуютъ многіе памятники. Кирикъ XII вѣка,

митрополитъ Фотій въ своемъ посланіи къ Новгородцамъ, въ 1410 году, Царская окружная грамота 1648 года и *Домострой* строго воспрещаютъ всякое сношеніе съ волхвами.

Въ извиненіе русскому народу на счетъ убѣжденія въ знахарей и другихъ лицъ, занимавшихся мнимо противнымъ занятіемъ, скажемъ одно: когда христіанство въ Россіи укрѣпилось вполне, то народъ еще далеко не достигъ не только образованія, но и грамотныхъ было очень мало. Во врачахъ чувствовался крайній недостатокъ, даже нѣкоторые изъ царей умирали отъ чирьвъ, которые превращались въ злокачественныя язвы, по недостатку въ опытныхъ врачахъ. Къ кому же было обратиться народу простому, необразованному, даже грубому, въ своихъ болѣзняхъ, въ своихъ неудачахъ? Разумѣется и обращались къ человѣку, болѣе или менѣе знакомому съ недугами; часто иногда, кто нибудь давалъ остатки лекарства, которымъ самъ излечался, или подавалъ тотъ же совѣтъ другому больному, которымъ самъ пользовался. Успѣхъ кого нибудь въ дѣлѣ врачеванія разносился далеко. Со временемъ человѣкъ, въ глазахъ простаго народа, дѣлался извѣстнымъ, и, видя въ этомъ свою пользу, старался замаскировать средства, сопровождая свои эксперименты наговорами, таинственными дѣйствіями и тѣмъ, разумѣется, себя ставили дурно предъ правительствомъ и въ глазахъ простаго народа, облекая свои естественныя дѣйствія во что-то таинственное. Простой селянинъ, опиравшійся всецѣло, по наущенію своего духовнаго пастыря, во всѣхъ своихъ дѣланіяхъ видѣлъ промыслъ Божій, а даже, если и случалось получить помощь отъ знахаря, или колдуна, то онъ отиваливался, задавалъ себѣ извѣстное число поклоновъ, а все таки въ душѣ благословлялъ своего цѣлителя, хотя, подозрѣвая, по невѣжеству человѣка того вѣка, что его цѣлитель—колдунъ. Страшно думать въ наше время и сопрячислать врача къ колдунамъ, но однакоже по духу времени, по таинственности колдуновъ, по ихъ закрытымъ таинственнымъ операціямъ, и по невѣжеству вѣка, всѣхъ русскихъ знахарей считали какими-то изувѣрами.

Дѣла о волшебствѣ издревле принадлежали въ Россіи завѣдыванію духовной власти, и члродвѣвъ сжигали въ костръ, точно также, какъ и въ западной Европѣ, въ чемъ увѣряетъ

Каразинъ. Въ 1227 году, по сказанію летописца, въ Новгородѣ четыре волхва были приведены на архіерейскій дворъ и тамъ сожжены, несмотря на заступничество бояръ. Въ началѣ XV столѣтія, было сожжено во Псковѣ десять *вѣщизъ жюкожъ* (колдуній, вѣдьмъ). Въ повѣсти о волхвованіи, написанной для Іоанна Грознаго, утверждается необходимость сжигать чародѣевъ. Котошихинъ говоритъ, что въ его время, мужчннъ за волшебство и чернокижничество сожигали, а женщинъ за волшебство, живыхъ по грудь закапывали въ землю, отчего онѣ умирали на другой, или на третій день. Эта форма наказанія за чародѣйство согласовалась съ общнмъ народнымъ убѣжденіемъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Такъ, въ старину, во время повальныхъ болѣзней, зарывали въ землю женщину, подозрѣваемую нѣромъ въ наведеніи болѣзней своими волхвованіями.

Похитительницы росы. Въ Малороссіи и до нашего времени сохранилась легенда о томъ, какъ одна чародѣйка была сожжена за то, что похищала росу; преданіе это сохранилось въ пѣснѣ, гдѣ говорится, что дѣвица—чародѣйка цекла змѣй и варила зелье, чтобы этимъ волшебнымъ снадобьемъ отравить своего роднаго брата; братъ узналъ объ этомъ и, снявъ съ сестры голову, сжегъ ея трупъ, и пепелъ развѣялъ по чистому полю *).

Въ XVII столѣтіи, за ворожбу и чародѣйство, нещѣ виновныхъ ссылали въ дальніе монастыри на покаяніе, или въ ссылку.

Какъ убѣжденіе въ нечистую силу, такъ равно и увѣренность въ возможность сношенія человека съ дьяволомъ, долго жили во всей Европѣ, равно какъ и въ Россіи. Много погибло несчастныхъ мученическихъ путевъ, къ числу которыхъ принадлежали оговоренные по злости, по шенію, изъ корысти воспользоваться ихъ наслѣдствомъ, богатствомъ; много погнбло по собственному своему невѣжеству, много погнбло безумцевъ, идіотовъ, можетъ быть иногда и злодѣевъ—отравителей въ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ не колдуновъ, и вся эта громадная масса людей, погибла отъ невѣжества властей; кто знаетъ, не пробуждалось ли въ народѣ желаніе изученія

*) Смотри сказаніе русскаго народа. Сихарона. Т. I. стр. 13. Тамъ же: Даль, въ Иллюстраціи, годъ I. стр. 415.

природы, познанія къ наукамъ, которое встрѣтило противудѣйствіе, какъ и всякое открытіе въ наше время. Известно, что минныя колдуны позже превратились *аллимиками*, а потомъ въ наше время химиками и физиками. Теперь не удивляетъ насъ электричество, магнетизмъ, фотографія и различныя ихъ полезныя примѣненія, но будь это встарь—тогда бы сожгли знаменитаго изобрѣтателя, какъ колдуна. Быть можетъ въ числѣ множества жертвъ погубло много умныхъ, великихъ людей. Но обратимся къ дѣду:

„Въ Крестоцѣловальныхъ запискахъ на вѣрность царямъ Василью Шуйскому и Михаилу Феодоровичу, клалось не посылать вѣдуновъ и вѣдуній на государство лихо и ихъ государей на слѣдъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру, никакого лиха не посылати и слѣду не вынимати“^{*)}). Отсюда видно что и цари наши не были чужды вѣрованія въ колдовство и чародѣйство.

Наговорщица на хмель. При Михаилѣ Феодоровичѣ была отправлена въ Псковъ грамота съ запрещеніемъ покупать у литовцевъ хмель, потому, что посланные за рубежъ (границу) объявили о бабѣ колдунѣ, или вѣдунѣ, находящейся въ Литвѣ и наговаривающей на хмель, съ наитреніемъ навести на Русь моровое повѣтріе^{**)}).

Въ 1625 г. велѣно было выслать изъ Верхотурья въ Москву, переселенца Якова вѣсть *съ воровскими земельми*. Дѣло было такое, что Яковъ сознался, когда его, вѣроятно по подозрѣнію, обыскали, и нашли коробку багровой травы, три корня, да комокъ чего-то, то онъ сознался, что все это онъ получилъ отъ колдуна *Степанки*,—*Козмы ноим*.

Такой же процессъ былъ въ 1680 году, по наговору иноземца Зинки (Зиновія) Ларіонова^{***)}). Одинъ подсудимый объявилъ, что ему положили связку травъ, въ то время, когда онъ былъ пьянъ до безчувствія и сидѣлъ въ кабацкѣ. Его пытали и потомъ били батогами, чтобы ему впредь было не повадно^{****)}).

*) Москвитянинъ 1844 г. № 1. стр. 246.

**) Акт. Археол. Ком. Томъ III. № 197.

***) См. Акт. Юрид. № 30.

****) Не повадно—чтобы онъ не повадился къ тому, не примыкъ, чтобы не ври-страстился, не вдулъ бы охоту.

Московскіи порожейки. Косный разводъ. Старые архивы богаты актами, по части *вдовскихъ дѣлъ*. Порывшись въ нихъ мы находимъ, что въ Москвѣ, въ XVII вѣкѣ, жили бабы—ворожейки, къ которымъ прѣзжаніи даже боярскія жены просить помощи противъ ревности, или холодности мужей, а также совѣтоваться о любовныхъ интригахъ, или о способахъ извести супруговъ. Не правда ли, что въ наше время не нужно прибѣгать къ чертанъ, чтобы дать тотъ, или другой совѣтъ, при однихъ свидѣніяхъ хининъ? Невѣста Михаила Феодоровича, Марія Хлопова, и невѣста Алексѣя Михайловича, Евфимія Всеволожская, по свидѣтельству современныхъ актовъ, были *испорчены* злыми людьми (вѣроятно изъ зависти). По дѣлу последней, посланъ былъ въ Кирилловъ монастырь, подъ крѣпкое начало крестьянинъ Мишка Ивановъ за *чародѣйство*, за *косной разводъ* и за *наговоръ*, отъ котораго пострадала невѣста.

Корень противъ ненависти мужа. Въ 1635 году случилось такое дѣло: одна изъ придворныхъ женщинъ, мастерица по вышиванію золотомъ, по имени Антоніида Чашникова, по нечаянности выронила изъ кармана, сиди во дворцовой палатѣ, *корень невѣдомо какой*. Это уже возбудило подозрѣніе на мастерицу, достигло до царя; до какой степени и въ Россіи понятіе о коздовствѣ развилось въ тѣ мрачные вѣка—немыслимо! Самъ царь, издалъ приказъ, которымъ было предписано: *ссыковать* на крѣпко означенную мастерицу, и окольникій Стрѣшневъ, и дьякъ Таракановъ *смыкали*, то есть пытали бѣдную женщину, зараженную тѣмъ же суевѣріемъ, какъ и всѣ, не исключая владыкъ земли.

На пыткѣ несчастная Чашникова показала, что дала этотъ корень жинка Танька (женщина по имени Татьяна), для того, чтобы мужъ Чашниковой былъ добрымъ и пересталъ ее бить. Призвали на судъ вышесказанную Таньку, которая сказала, что корень этотъ называется *обратимъ* и располагаетъ мужа къ женѣ любовью. Дѣла же объ онъ супротивъ государя и его семейства не умышляли. Чашникову съ мужемъ сослали въ Казань, а Таньку съ мужемъ, на Чаронду.

Порча на слѣдъ. Спустя три года, тоже при дворѣ, одна изъ мастерицъ, именно Марья Сновидова, показала на свою подругу, тоже мастерицу Дарью Ломанову, будто бы послѣдняя

сыпала песокъ на слѣдъ царицы. И тутъ явились жонки-колдуньи Пастасьница да Манка—Козлиха и другія, которыя мужей къ жонкамъ привораживаютъ. Всѣхъ пытали въ томъ, что не нѣвли ли они чего либо противъ государя и его семейства? пытка была производима огнемъ, но несмотря на такія ужасныя мученія, ничего не оказалось кровей вздорныхъ напептываній. Однако же послѣ такой пытки, когда уже не было никакихъ средствъ продолжать ихъ больше, и средства пытокъ истощились, сослали Ломанову съ мужемъ въ Селымъ (въ Сибири), Манку-Козлиху въ Соликамскъ, слѣпую Феклицу съ мужемъ въ Вятку, а слѣпую Душкку въ Соль-Вычегодскъ, всѣхъ же соприкосновенныхъ къ дѣлу мастерницъ выгнали изъ дворца *).

Обвиненіе боярина Матвѣева въ чародѣйствѣ. Все вышесказанное теишетъ противъ выдающагося дѣла, какимъ можно считать обвиненіе, знаменитаго русскаго боярина, Артамона Сергѣевича Матвѣева, въ чародѣйствѣ. На него показали злобствующіе, что будто бы онъ съ докторомъ Стефаномъ, запершись въ палату, читали *черную книгу* и будто, по показанію обличителей, въ это время являлись къ нимъ нечистые духи. По этому доносу Матвѣевъ былъ сосланъ въ заточеніе съ отнятіемъ у него всѣхъ пивій и боярскаго сана. Будучи въ заточеніи, бояринъ Матвѣевъ много писалъ царю, патриарху, и ближнимъ своимъ боярямъ, но долго не могъ добиться успѣха. Въ одной изъ подобныхъ челобитенъ (прошеній) Матвѣева, онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„При государѣ царѣ и великомъ князѣ, Михаилѣ Феодоровичѣ, также ненависти ради, подкинули письмо воровское на боярина И. Д. Милославскаго, будто онъ ишетъ у себя перстень волшебный думнаго дьяка Грамотина, и по тому воровскому (обманному, мошенническому, вообще подложному) письму немного не пришелъ въ конечное раззореніе... А при царѣ... Алексѣѣ Михайловичѣ... Извѣтъ былъ... о волшебствѣ на боярина С. Я. Стрѣшнева, и за тотъ отвѣтъ страдалъ безвинно, честь была отята и сосланъ въ Вологду... да и многихъ... такихъ воровскихъ писемъ было, а иные и въ смертномъ страхѣ были...“

*) См. „*Колетн*“ ст. Забѣлина. 1851 г

Нужно замѣтить, что въ воинскомъ уставѣ, изданномъ въ 1716 году, сказано, что если кто изъ вонновъ будетъ черно-книжникъ, заговорщикъ ружья и богохульный чародѣй, то наказывать его шпицрутенами и заключеніемъ въ желѣзахъ, или сожженіемъ. Въ толкованіи же указали, что сожженіе есть обычная казнь чернокнижниковъ, входящихъ въ обязательство съ дьяволомъ *).

Страсти и ужасы, возникшіе по вѣрѣ въ колдовство и чародѣйство начали ослабѣвать послѣ реформы Петра Великаго и при томъ въ высшемъ классѣ общества, состоящемъ изъ разныхъ націй. Въ наше время во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ, да также и въ Россіи, принято считать волшебство за выдумку, за эпидемію въковъ, требующую жертвъ невѣжеству, и съ этого времени эта безумная попытка мести и ненависти потеряла въ народѣ свой ужасающій характеръ, а въ законѣ характеръ преступленія. Колдуны уже болѣе не сообщники дьявола, а обманщики, и если попадаютъ, то ихъ судятъ, какъ за обманы.

Прекращеніе преслѣдованія колдуновъ путемъ инквизиціи. Вотъ, наконецъ, и люди образумились, стали понимать суть чародѣйства. Нужно сказать, что вмѣстѣ съ чародѣями жгли и бѣсноватыхъ. Въ Вюрцбургѣ, пока жгли нищихъ - старухъ и жарили бѣдныхъ дѣтей, все обходилось хорошо, и судьи были окончательно правы въ своихъ поступкахъ, но когда дѣло дошло до лицъ знатнаго общества, то взгляды на волшебниковъ и чародѣевъ нѣсколько измѣнились.

Инквизиціонная система между тѣмъ все-таки держалась; народъ палили, умерщвляли пытками самыми жестокими, пока, наконецъ, не нанесло первый ударъ, и ударъ жестокой, сочиненіе Фридриха Спе, написанное дворяниномъ и іезуитомъ въ добавокъ, въ 1631 году Впрочемъ, были и ранѣе: Віерусъ, Антони, Редживальдъ, Скоттъ, которые наложили значительный ударъ инквизиціи. Книга даровитаго іезуита произвела такое сильное впечатлѣніе на Филиппа Шенбрунскаго, бывшаго тогда епископомъ вюрцбургскимъ, что когда этотъ епископъ впоследствии сдѣлался майнскимъ архіепископомъ — курфюрстомъ,

*1 См. Полное собраніе законовъ. Т. V. № 3006. Глав. I, арт. 1 и 2

то уничтожилъ въ своихъ владѣнiяхъ всякое преслѣдованiе чародѣйства. Этому, весьма разумному привѣру владѣтельской духовной особы, послѣдовалъ герцогъ Брауншвейгскiй и многiе другiе изъ государей германскихъ. А послѣднiе по крайней мѣрѣ смягчили строгость наказанiй и ограничили употребленiе пытки при допросахъ.

Въ 1701 году дѣло дошло до того, что Томаріусъ рѣшился публично защищать предъ Галдскимъ университетомъ свою диссертацию о невозможности чародѣйства, „какъ преступленiя“. Тезисъ этотъ былъ принятъ съ большимъ одобренiемъ и снискалъ благосклонное вниманiе общественнаго мнѣнiя, хотя мѣнѣе чѣмъ за столѣтiе передъ тѣмъ, подобная диссертация могла привести автора въ тюрьму инквизиціи.

Сочиненiе Томаріуса чрезвычайно успѣшно содѣйствовало къ уменьшенiю преслѣдованiя мнимыхъ колдуновъ, хотя не совершенно прекратило его. Въ послѣдствiи замѣчаемъ, что въ 1739 г., въ Сегединѣ, въ Венгріи были пытаны 13 человекъ и затѣмъ сожжены на кострѣ, за исключенiемъ одного умершаго ранѣе казни. Тѣ же сцены повторились и въ Бамбергѣ, пока, наконецъ процессъ Маріи Ренаты, обвиненной въ составленiи волшебныхъ зелий не возбудилъ ропота и неудовольствiя народа до такой степени, что самыя инквизиторы были принуждены бѣжать, опасаясь за свою личную безопасность.

Въ Швейцарiи судебное преслѣдованiе волшебства прекратилось еще въ концѣ XVII столѣтiя, и послѣднiй колдунъ въ Женевѣ, погибъ на кострѣ въ 1652 году, тѣмъ не менѣе, въ 1786 году, въ Глорисскомъ кантонѣ, одна старуха была приговорена къ смерти за сношенiя съ злымъ духомъ. Сомнительно, впрочемъ, чтобы эта несчастная дѣйствительно была казнена.

Въ 1682 году Людовикъ четырнадцатый призналъ тоже, что колдовство—обманъ, и эдиктомъ своимъ предписалъ судить колдуновъ, какъ распространителей суевѣрiя и обманщиковъ, распространителей сверхъестественныхъ чудесъ и суевѣрiй. Этотъ эдиктъ былъ изданъ вслѣдствiе протеста нормандскаго парламента, сдѣланнаго по поводу отиѣны казни одного лица, приговореннаго за волшебство. Въ этомъ протестѣ парламентъ умолялъ короля о позволенiи продолжать судебное преслѣдованiе и казни колдуновъ.

Въ Англіи преслѣдованіе волшебства было не менѣе энергично и продолжительно. Грей, издатель *Худибраса* писалъ, что онъ своими глазами видѣлъ списокъ пяти тысячъ казненныхъ за волшебство, во время *долгаго парламента*. *Халдудъ* и *Шуазель* почтили драматическимъ воспоминаніемъ несчастныя жертвы, казненныя за волшебство въ Ландкаширѣ, безумнымъ злодѣемъ Робинсономъ. Ученый Халь (Hale) осудилъ на смерть Эми Доней (Али Дону) и Розу Каллендусъ въ 1664 году, при главномъ судѣ Хонтъ, судьи оправдали старуху Маннингъ, противъ которой были гораздо полнѣйшія показанія, но умный Хонтъ доказалъ публично всю неспособность чародѣйства. Этотъ примѣръ до такой степени благотвительно подѣйствовалъ, что всѣ десять процессовъ о колдовствѣ, случившіеся отъ 1614 по 1701 годъ окончились оправданіемъ обвиненныхъ. Потому какого то колдуна присяжные осудили на основаніи самыхъ сумасбродныхъ указаній, не взирая на ученые доводы известнаго судьи Поуеля (Powell). Неразрѣшенная глупость присяжными свидѣтелями, скорѣе мало разобранная, непрочувствованная, рѣшилась сама собою при помощи Пауеля, и приговоренный къ казни былъ освобожденъ.

Съ того времени, когда стали преслѣдовать волшебство и чародѣйство въ Европѣ, всѣ государства торопились одно за другимъ посчитаться между собою числомъ жертвъ принесенныхъ на алтарь безумія и сумасбродства; но прошло время и Англія, въ лицѣ какого нибудь доктора Хускинсона, похваляется тѣмъ, что она ранѣе другихъ государствъ на свѣтѣ перестала преслѣдовать волшебство. Пусть бы говорила, да такъ и дѣлала; а то извольте видѣть: Еще въ 1716 году мистрисъ Хэнксъ (Hicks) была повѣшена вмѣстѣ съ своею девятилѣтнею дочерью; тѣмъ же несовершеннолѣтняя дочь виновата? Случай этотъ былъ въ Хоннингтонѣ. Мать и дочь обвинили въ связяхъ съ дьяволомъ, говорили, что намыливая по утрамъ чулки, притягивали къ себѣ грозу. Также нашли, что у ребенка были изъ черной кожи башмачки съ красною подошвой, и это признали за подарокъ дьявола, какъ по сочетанію двухъ адскихъ цвѣтовъ, краснаго и чернаго, такъ и по запаху отъ кожи.

Англія тоже отдала свой долгъ невѣжеству; юристъ Бар-

рингтонъ считаетъ, что въ Англіи казнено и различными образомъ уничтожено (повѣшено, сожжено и другой каръ предано) до 30000 лицъ обоего пола, въ числѣ котораго предано до 140 дѣтей менше десятилѣтняго возраста. Потомъ, смертная казнь за колдовство была уничтожена въ Англіи, въ 1766 году, и замѣнена позорнымъ столбомъ и тюрьмою за „*Вызываніе злыхъ духовъ и за стараніе воити съ ними въ сношеніе*“. Даже въ 1809 и 1827 году въ Англіи существовали процессы, гдѣ возводились обвиненія въ колдовствѣ.

Суевѣрная Шотландія особенно отличалась колдунами и, сколько запоминимъ, въ XIII вѣкѣ славилась чародѣи: Михайль Скоттъ, Тома Херсильдоунъ, Лордъ Саулисъ, но судебное слѣдствіе противъ волшебства началось не ранѣе царствованія Маріи Стюартъ. Графиня Леммисъ (Glamis), фаворитка Іакова I, была казнена за чародѣйство и составленіе зелей. Чрезвычайно мудро понять, къ чему стремились люди; можетъ быть выражалось желаніе свѣта, просилась наука, но это ужасно, если они рвались въ ту минуту, когда угрожалъ смертью.

Вальтеръ Скоттъ говоритъ, въ своей демонологіи, что серъ Люисъ Балгантонъ, председатель шотландскаго уголовнаго суда спросилъ у колдуна Ричарда Грэхэма (Graham), можетъ ли онъ ему показать черта?

Колдунъ отвѣчалъ утвердительно и вызвалъ нечистаго духа, до того натуральнаго, что бѣдный судья испугался и вскорѣ умеръ. Нельзя думать, что это вѣрно, тутъ было что нибудь особенное, исторія умалчиваетъ, и мы въ подобныхъ случаяхъ можемъ не вѣрить.

Вотъ представляется еще другой примѣръ: Въ 1568 году, судили Элизу Пирсонъ; архіепископъ Патрикъ Андамсонъ, будучи также боленъ, посылалъ въ тюрьму просить колдунью вылечить его, посредствомъ волшебства, и въ награду за это обѣщалъ ей свое покровительство.

Изъ этого можетъ каждый понять, какой взглядъ на колдунью имѣли даже важныя лица, да наконецъ, до какой степени эти важныя лица проникли науку, если просили помощи у простыхъ бабъ? Одно только извинительно и даже годилось бы принять кому слѣдуетъ, къ свѣденію: изученіе народной

ботаники и ея полезныхъ медицинскихъ свѣдѣній, известныхъ въ народѣ и чѣмъ-то не правившейся въ средѣ медиковъ. Не дурно, очень не дурно нашимъ медикамъ, какъ и литераторамъ. (Последние, спасибо имъ, много способствовали нашей литературѣ, какъ исторической, такъ и поэзи) изучать эту статью и раскрыть свойство тѣхъ еще не открытыхъ травъ, которыми богаты наши лѣса.

Впрочемъ, мы еще не кончили наше описаніе: Кромвель въ 1659 году, въ одномъ Глоро (Glasgow), сжегъ за разъ сто десять человекъ, будто бы имѣвшихъ какія то сношенія съ нечистою силою. Право уголовного суда, предоставлено было не только обыкновеннымъ судищамъ, но и помѣщикамъ, ихъ управителямъ и даже пасторамъ. Они безъ апелляціи могли присуждать волшебниковъ къ смерти, и потомъ ихъ вѣшать и жечь.

Замѣчательно, что Карлъ II уничтоживъ большую часть Кромвелевскихъ постановленій, не только оставилъ во всей силѣ законы противъ колдуновъ, но еще усилилъ противъ ихъ.

Преслѣдованіе противъ колдуновъ ослабло съ 1662 года и даже нѣкто Джеймсъ Уельтъ, былъ публично наказанъ за доносъ о чародѣйствѣ. Но въ 1678 году, опять казнили десять женщинъ признавшихся въ связи съ адскими духами. Последний судебный приговоръ съ адскими духами, былъ произнесенъ въ 1708 году 3 мая. Колдуна Эльстета Руля, выгнали изъ отечества, а сообщницу его колдунью сожгли на кострѣ.

ВѢДЬМЫ И ШАБАШИ ИХЪ.

Изъ всего того, что было сказано ранѣе, какъ нашими писателями, такъ равно и иностранными, выводимъ: Иностранцы писатели говорятъ до того согласно съ нашими русскими, не писателями, а сказаніями и повѣрьями, что мы рѣшаемся дать общее повятіе, какъ о вѣдьмахъ, такъ равно и шабашахъ, и ручаемся за согласность въ общемъ хотя, такъ сказать, мѣстомъ празднованія вѣдьмъ, были: то вершины горы Броккенъ, то Лысой горы близъ Кіева, а то и Блокула въ Швеціи.

Западные вѣдьмы. Вообще вѣдьмами назывались колдуны или вѣдуны, которымъ приписывали способность портить лю-

дей и входить въ плотскія сношенія съ дьяволомъ. Колдуны, и преимущественно колдуньи, ложась въ постель, натянулись мазью, составъ, которой сталъ теперь довольно извѣстенъ; она состояла изъ слѣдующихъ предметовъ специально наркотическихъ. Тутъ были: Аконитъ или Борецъ (*aconitum napellus*), Красавица (*atropa belladonna*), Блѣна (*hyosciamus niger*). *) Череница (*helleborus niger*). Дурманъ (*datura stramonium*), Вѣдьмина трава (*cicuta luteola*) и можетъ быть много другихъ, производящихъ на тѣло и мозгъ наркотическое опьяненіе. Намазавшись такою мазью, погружается въ глубокой сонъ исполненный разныхъ грезъ и воображалъ, что онъ верхокъ на пшечѣ, яди ухватъ, отправляется на шабашъ. Тамъ ему представлялся дьяволъ въ видѣ чернаго козла, сидящій на камнѣ или гниломъ пнѣ; случалось впрочемъ, что злой духъ, являлся въ видѣ мужчины весьма высокаго роста, въ одеждѣ черной съ краснымъ, съ козлиными ногами. Но лицо злаго духа въ человѣческомъ образѣ, никто не могъ видѣть. Предъ козломъ совершалось поклоненіе самымъ мерзостнымъ образомъ, котораго мы не рѣшаемся высказать. Довольно того, что здѣсь совершался полный разгулъ разврата. Потомъ начинались танцы людей съ чертями, принявшими формы лягушекъ, козловъ, и мгновенно превращавшихся въ красивыхъ молодыхъ людей. Танцевали, обыкновенно спина со спиною. За танцами слѣдовалъ роскошный ужинъ, во время котораго совершались разные пародіи на обряды Христіанской церкви, напримѣръ: крестили жабъ, звичали жнда съ лягушкою и совершали множество гадостей не только противныхъ духу христіанскаго вѣрученія, но даже законамъ природы. Послѣ ужина совершались различныя мерзости. Наконецъ, каждый изъ посѣтителей, утомленный излишествами всякаго рода, пресыщенный вполнѣ, вдругъ невѣдомо какимъ путемъ возвращался и просыпался въ своей постель.

Шабашы происходили каждую ночь, но преимущественно съ субботы на воскресенье и разнообразились только видами грѣховъ и совершаемыхъ гадостей. Главный годовой шабашъ праздновался въ ночь на Ивановъ день. Въ эту знаменитую

*) Блѣна возбуждаетъ въ сонномъ человѣкѣ ошумленіе летанія по воздуху.

волшебствомъ ночь, черти, по увѣренію колдуновъ, приобретаю самую высшую силу и бродили съ вечернихъ до утреннихъ сумерекъ. Суевѣрные люди не выходили въ эту ночь со двора, а благочестивые, проводили эту ночь въ молитвѣ и чтеніи духовныхъ книгъ. Въ это же время колдуны, приносили дьяволу жертву, желая что нибудь получить отъ него, какъ милость. Жертвами этихъ сунашедшихъ изуверовъ нередко были: кровь новорожденныхъ младенцевъ, нередко вырванныхъ изъ утробы матери, волосъ, ногти, черныя кошки, или черныя козлы; даже облаты католической эвхаристіи, тайно удержанной во рту.

Двойное зрѣніе. Такъ, наприимѣръ, въ Шотландіи долгое время вѣрили, что для полученія двойнаго зрѣнія, то есть, получить особый даръ видѣть то, чего не видятъ прочіе, нужно съжечь сорокъ кошекъ, это дѣлали такъ: съ пятницы на субботу, избирали пустынное мѣсто, и припасали нужное количество дровъ; ровно въ полночь колдуны читали заклинаніе надъ 40 кошками, которыхъ посвящали высшему злему духу; когда заклинанія были окончены, тогда колдунъ бралъ заостренный желѣзный пруть или деревянную палку, и медленно жарилъ надъ огнемъ живую. Понятно, что кошка въ мученіяхъ умирала, издавая страшнымъ образомъ. Послѣ послѣднихъ стоновъ, колдунъ, бросалъ кошку въ костеръ и начиналъ поочередно ту же операцію надъ прочими.

Боль и страданія кошекъ вслѣдствіе заклятій, будто бы, симпатически переходили на того духа, которому преданы были животныя. Мучимый демонъ, высылалъ изъ ада подчиненныхъ ему вѣсенятъ, которые являлись въ видѣ призраковъ — кошекъ, но онъ, не обращая вниманія на всѣ ухищренія демона, продолжалъ уничтожать животныхъ и послѣ сороковой, будто бы, приобреталъ двойное зрѣніе. Но если онъ желалъ получить отъ демона что либо болѣе важное, то продолжалъ свою адскую операцію цѣлыхъ трое сутокъ, безъ перерыва. Тогда къ нему являлся самъ демонъ, въ видѣ огромнаго чернаго кота и исполнялъ все, что требовалось колдуномъ *).

Шведскіе процессы надъ вѣдьмами. Вотъ одинъ замѣча-

*). Въ Шотландіи, этого рода жертвоприношеніе называлось Тейхортъ (Teighort).

тельный процессъ, о которомъ пишетъ Хотинскій. Въ Мора, въ Швеціи, въ 1669 году нашли множество дѣтей съ нервными припадками безумной фантазіи, что будто бы всѣ они летаютъ на гору Блокулу, на шабашъ вѣдьмъ. Нужно сказать, что для шведскихъ вѣдьмъ, эта *Черная* скала была тоже, что *Лысая* для русскихъ вѣдьмъ. Гора эта находится посреди моря, между Смаландомъ и Оландомъ. Названіе свое она получила отъ колдуновъ, которые умѣли вызывать бурю, вѣтеръ, грозу; ихъ называли блокула, блакула. Въ этомъ обвиняли колдуній, сильно расплодившихся въ тѣхъ мѣстахъ. Вѣсти дошли до короля, который назначилъ особую комиссію, для изслѣдованій. Колдуньи показали, что они уносили дѣтей на Блокулу для служенія дьяволу, который являлся туда одѣтымъ въ свѣрое платье, красные панталоны и чулки, и имѣлъ при этомъ рыжую бороду. Онъ вздиралъ туда верхомъ на разныхъ животныхъ, даже на людяхъ. Каждая колдунья, записывала собственною кровью свое имя, въ книгу сатаны. Потомъ, лишенный званія пасторъ, переводилъ ихъ въ дьявольскую вѣру. За ужинкомъ на шабашъ, онъ ѣлъ щя, свиное сало, овсянку, масло и сыръ. Потомъ начиналась пляска, сопровождаемая ссорами и драками. Вѣдьмы плясали вокругъ дьявола и дрались помедами, ухватани, кольани и т. далѣе. Если же, которая изъ нихъ не нравилась черту, то онъ, выхвативъ изъ подъ нее нипровизированную лошадь, сильно колотилъ вѣдьму, тѣ же, которыя нравились, провожали съ нимъ ночь. Когда злой духъ бываетъ боленъ, (вотъ какъ!) то вѣдьмы служили ему сидѣлками.

Русскія вѣдьмы и Мары. Женщины, занимающіяся колдовствомъ въ некоторыхъ мѣстахъ Россіи, называются *Марамы* *). Ихъ различаютъ на наследственныхъ, которымъ наука колдовства идетъ по наследству, и ученыхъ, выучившихся отъ другихъ вѣдьмъ, или царъ. Последнія, по повѣрью народа, опаснѣе первыхъ: ихъ полетамъ на Лысую гору, народное повѣрье приписываетъ единственно цѣль совѣщаній съ собирающейся тамъ нечистою силою, дѣлать зло человѣку. Доспие

*) Напр. въ Воронежской губ. Славянинъ нагастръ Федоръ Никоновъ. У Каргизовъ — *Дэжа-Абуларе*.

или выдаиваніе коровъ, народъ также относитъ преимущественно къ вѣдьмамъ ученымъ. Страстныя охотницы до молока, онѣ наносятъ вредъ каждому домохозяину, истощая его коровъ. Говорятъ, вѣдьма можетъ доить коровъ, несмотря ни на какое разстояніе, стоитъ ей только очертить кругъ на землѣ съ заговоромъ и въ центрѣ его воткнуть ножъ. Молоко (будтобы) задуманной ею коровы потечетъ изъ него само собою.

Ночь на Ивана Купалу считается самою опасною отъ нападенія вѣдьмъ: домохозяева принимаютъ всѣ мѣры, чтобы оградить отъ нихъ свой скотъ; они кладутъ въ окнахъ избѣ крапиву, какъ противудѣйствующій предметъ чародѣйству вѣдьмъ, вѣшаютъ на дверяхъ хлѣбовъ убитую сороку, или прильпляютъ срътенскія восковыя свѣчи.

Вѣдьмы производятъ колдовство чрезъ заговоры и наговариваніе разныхъ травъ, которыя онѣ собираютъ преимущественно въ ночь на Ивана Купала. Травы эти (папоротникъ, бѣлоголопникъ, шалфей, плакунъ, дурманъ, адамова голова, Иванъ да Марья, чертополохъ, подорожникъ, полынь и пр.) въ рукахъ обыкновенныхъ людей не имѣютъ такой силы, какъ въ рукахъ вѣдьмъ; тѣ, приготовляя изъ нихъ мази и натирая виѣ свое тѣло, могутъ принимать по желанію виды различныхъ животныхъ, напримѣръ свиньи. Если поймать такую вѣдьму-оборотня и бить ее на отмашь осиновымъ коломъ, то она непременно приметъ свой настоящій видъ. Толкуютъ, будто въ это время вѣдьма откажется отъ своего ремесла. Легенды о вѣдьмахъ говорятъ, что онѣ одарены возможностью превращать и людей въ животныхъ, или въ птицъ.

Смерть, какъ колдуну, такъ равно и вѣдьмѣ, приходится плоха. Одно средство для облегченія умирающаго въ этомъ случаѣ—поднять надъ его постелью доску въ потолокъ, или слегу, отъ чего думаютъ, душа скорѣе освободится отъ тѣла колдуньи, или колдуна (говорится безразлично).

Со смертію вѣдьмы, не прекращаются еще ея сношенія съ землею; венавистница при жизни, она, по мнѣнію суевѣровъ остается долгое время венавистницею рода людскаго и послѣ смерти. Какъ и колдуны онѣ встаютъ изъ гробовъ и ходятъ по землѣ; избавиться отъ нихъ можно только однимъ—вколотогилю и въ самый трупъ—осиновый колъ.

Мало того, что сейчасъ сказано о вѣдмахъ, про нихъ говорили, что онѣ отнимаютъ плодородіе земли, приносили безплодіе и голодъ, вредили произростанію овощей и плодородію животныхъ. Портляли не только свадьбы, но даже скотъ.

Защита противъ вѣдьмъ и колдуновъ. Противъ колдуновъ и вѣдьмъ нашлись люди, которые составили заклинанія и заговоры. Въ этихъ заклинаніяхъ они просили защиты противъ бабьихъ зазоръ и черлокишиа, отъ заговорнаго кудесника, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи—вѣдуньи, отъ вѣдьмы Кіевской и отъ сестры ея Муромской. Нужно замѣтить, при этомъ, что прежде вѣрили, будто бы слѣпые находятъ лучше всѣхъ зрячихъ—траву, „*ле чуй вѣтеръ*“, которая очень пригодна для колдуновъ.

Противъ колдуновъ и вѣдьмъ употребляли траву чернобыльника, крапиву, и плакунъ—траву, которая и сей часъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ адамовой головою и Петровымъ крестомъ, у Москворѣцкихъ воротъ и на Глаголѣ продается за хорошую цѣну.

18 января у вѣдьмъ бываетъ праздникъ; а потому люди суевѣрные, принимаютъ знахаря ровно въ полночь, чтобы заговорить трубы, забить подъ княжекъ колъ, насыпать на загниеткѣ золу изъ семи печей; все это, разутьется, дѣлается съ цѣлью отвратить дурныя наклонности колдуній и вѣдьмъ, стремищихся ко злу противъ всего человѣчества.

Чѣмъ же дѣйствовали вѣдьмы? а вотъ чѣмъ—травами. Вѣдьмы по ночамъ собирали различныя зелья и варили ихъ въ горшкахъ, а потомъ съ паромъ вмѣстѣ уносились въ трубу, когда готовое зелье, закипитъ. Для такого аэростатическаго зелья онѣ варили шалфей, руту и терличъ; послѣдняя трава, какъ говорятъ, способна была для превращеній.

По народному повѣрью, вѣдьмы, какъ и другіе колдуны, могутъ не только превращать себя, но и превращать людей въ животныхъ и даже въ неодушевленные предметы.

Вѣдьма получила свое названіе отъ того, что она „вѣдунья“, знающая, свѣдующая; названье происходитъ отъ глагола „вѣдать“ знать. Поэтому она ничто болѣе, какъ знахарка. Но пылкое воображеніе жителей юга Россіи, гдѣ родина вѣдьмъ *),

*) Понятіе о вѣдмахъ, о ихъ сборищахъ и шабашахъ чрезвычайно возникло съ запада Европы. Иная гдѣ было иначе получить такое понятіе.

придало много особенности этим колдуныям. Про вѣдьмъ говорятъ, что онѣ имѣютъ хвостъ *), могутъ летать по воздуху, превращаться въ сорокъ, оборачиваться въ свиней и другихъ животныхъ, перекинувшись черезъ двѣнадцать вѣсей. Не мало объ нихъ говорили и говорятъ. Толкуютъ, что будто бы вѣдьмы любятъ послѣ своей смерти сосать кровь изъ младенцевъ и молодыхъ людей, обоюга пола.

Про нихъ говорятъ также и много хорошаго: напримѣръ говорятъ, что вѣдьмы гостепріимчивы, ласковы и хороши: это, разумѣется, до русскихъ колдуній касается, что и говорили русскіе солдаты. Но если медалъ обратить на изнанку, то она, скажетъ другое: Онѣ подчасъ, какъ женщины, бываютъ очень пугливы. Говорятъ, чтобы напугать вѣдьму и обезоружить ея дѣйствія, нужно въ той избѣ, гдѣ она находится, въ крестъ оконной рамы, въ косякъ дверей, служашій перекладной, или же въ градку, подъ столомъ, воткнуть ножъ, и колдунья будетъ покорна. Можно всего вѣрнѣе думать, что вѣдьма, какъ женщина, побойтса за себя и свою жизнь, при видѣ того, кто такъ безцеремонно упражняется съ смертоноснымъ орудіемъ.

Скорѣе всего вѣдьмами въ старину называли деревенскихъ бабокъ — повитухъ, знакомыхъ съ различными приемами и въ другихъ болѣзняхъ, свѣденія о которыхъ особенно нужны при ихъ специальности. Если такія женщины въ старину, получили названіе знахарокъ или вѣдьмъ, то есть вѣдуній, свѣдущихъ, то конечно не въ бранномъ или презираемомъ смыслѣ, а если это слово со временемъ получило дурное значеніе, то, вѣроятно, вслѣдствіе дурныхъ событий и уже въ послѣдствіи слово „Вѣдьма“ стало браннымъ.

Хотя нѣтъ данныхъ, но можно предполагать, что понятіе о вѣдьмахъ возникаетъ со времени язычества и также можно думать, что Лысая гора въ старину была каппше, куда сходились жрецы и вѣдьмы. Такъ думаетъ и Снегиревъ **), при описаніи 1 мая.

Оборачиваніе вѣдьмъ въ животныя. Говорятъ въ народѣ, что вѣдьма или колдунья, желая обратиться въ какое либо жи-

*) Нѣсколько лишнихъ позвонковъ на протяженіи позвоночнаго столба.

** Русскіе простои. Прил. Часть III, стр. 87.

вотное, перекувыркивается чрезъ двѣнадцать ножей. Про нихъ говорятъ также, что онѣ иногда превращаются въ копны сѣна.

Отчего нѣтъ сороки въ Москвѣ *). Въ Москвѣ существуетъ повѣрье, что сороки оттого въ Москву не залетаютъ, что св. Алексій, митрополитъ Московскій, заклалъ ихъ, замѣтивъ подъ видомъ сороки—вѣдьму. Говорятъ также, что часто въ старину, снимая шкуру съ медвѣдицы, находили тамъ бабу въ сарафанѣ.

Вѣдьмино селеніе **). Въ деревняхъ вѣрятъ, какому то особенному предчувствію, по которому поселяне будто узнаютъ о пребываніи среди нихъ вѣдьмъ, люди свѣдующіе въ приѣздахъ, люди умѣющіе ихъ растолковать, придумали признаки, указывающіе прямо не на людей, а на землю. По этимъ признакамъ владѣтель земли, или самъ имѣетъ сообщеніе съ духами, или его жена вѣдьма, (колдунья). Такіе признаки по увѣренію знахарей есть слѣдующіе:

Въ лѣтнее время поселяне, выходя на работу, часто замѣчаютъ на лугахъ или зеленые или желтые круги. Увидѣвши это, они прежде всего узнаютъ, чье это поле? Много ли поломалось косъ? Потомъ распускаютъ молву, что круги появились недавно, а прежде ихъ не было; самъ хозяинъ, если онъ старикъ, поверстался въ колдуны, на этихъ кругахъ; что старая женщина въ семействѣ, покумилась съ вѣдьмами; что вѣдьмы собираются плясать сюда каждую ночь. Но какъ мужчины всегда скоро избавляются отъ нареканій, то вся вина падаетъ на женщину. Слѣдствіемъ такого подозрѣнія бываютъ, вообще, отчужденіе, ненависть, ищеніе, худые толки, пересуды. Такая новость для знахарей, есть золотой кладъ. Людей, прибѣгающихъ за совѣтомъ, они предостерегаютъ отъ вѣдь, ихъ ожидающихъ, увѣряя, что они сами видѣли, какъ новая вѣдьма хочетъ извѣсть всю деревню. Распуская такіе слухи, знахари каждый вечеръ, принимаютъ посѣтителей съ поклонами, съ подарками и просьбою защитить ихъ отъ вѣдьмы. Знахарь, собравши со всей деревни припасы, идетъ въ поле, скапываетъ круги съ земли и тѣмъ дѣло оканчивается.

*) Абсверга.

***) Сказ. Русск. народа. Сахарова. Томъ I. Изданіе третье 1841 г.

Пѣсни вѣдьмъ. Въ сказаніяхъ Сахарова помѣщены слѣдующія пѣсни вѣдьмъ, которыя онѣ поютъ при полетѣ на шабашъ къ Лысой горѣ. Эта *абракадабра*. Въ демонологіи она пѣветъ слѣдующую форму:

а
 а б
 а б р
 а б р а
 а б р а к
 а б р а к а
 а б р а к а д
 а б р а к а д а
 а б р а к а д а б
 а б р а к а д а б р
 а б р а к а д а б р а
 а б р а к а д а б р
 а б р а к а д а б
 а б р а к а д
 а б р а к а
 а б р а к
 а б р а
 а б р
 а б
 а

Въ народѣ существуетъ такое понятіе, что будто бы при каждомъ звукѣ вылетаетъ по одному духу изъ ада. Говорятъ также, что абракадаброю лечатъ отъ лихорадки. Слово абракадабра давно извѣстно въ Европѣ и Азій. Еврейскіе шагги вмѣсто слова *абракадабра* принимали слово *абракаданъ*. Одни производили это слово отъ Сирійскаго идола, другіе отъ персидскаго *авраксаксъ*, означающаго бога солнца—Митру, нѣкоторые составляли изъ расположенія словъ числа 1, 2, 100, 1, 60, 1,200, что составляетъ 365, число дней солнечнаго года.

заповѣдныхъ преданійхъ поселянъ есть повѣрье, что ка- казакъ забравшись на Лысую гору подслушалъ пѣсню

вѣдьмъ; на шабашное сборище, узнавши объ открытіи, утопило казака въ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ эта пѣсня гуляетъ по бѣлому свѣту и передается чародѣями только вѣдьмамъ. Нѣтъ никакой возможности постигнуть смыслъ этихъ словъ: вотъ они:

К у м а р а .

Нихъ, нихъ, запаламъ, бада,
Эшехомо, лаваса, шиббода.

К у м а г а .

А . а . а . — о . о . о . — і . і . і . — э . э . э .
у . у . у . — е . е . е .
Ла, ла, собъ, лі, лі собъ, лу лу собъ!

Ж у н ж а н ъ .

Вихада, ксара, гуятунъ, гуятунъ
Лифа пррадда, гуятунъ, гуятунъ.
Наппалимъ, вапшба, бухтара.
Мазитанъ, руаханъ, гуятунъ.

Ж у н ж а н ъ .

Яндра, кулайсип, яндра.

Я н д р а *).

Д О М О В Ы Е .

*Происхожденіе домовыхъ **).* Богъ, при столпотвореніи Вавилонскомъ наказалъ народъ, дерзнувшій проникнуть тайну его величія; смѣшеніемъ языковъ; а главныхъ изъ нихъ, лишивъ образа и подобія своего, опредѣлилъ на вѣчныя времена сторожить воды, лѣса, горы и пр. Кто въ моментъ наказанія находился въ домѣ, сдѣлался—домовымъ, въ горахъ—горнымъ духомъ, въ лѣсу—лѣсовикомъ. Повѣрье прибавляетъ, что не-

*) Пѣсни вѣдьмъ на неизвѣстномъ языкѣ, можетъ быть даже на небываломъ, можно читать въ Сказ. Русск. Нар. Сахарова. Можно ли вѣрить тому что онѣ заимствованы отъ какого нибудь народа?

**) Въ Воронежс. губ.

смотря на силу грѣха, раскаяніе можетъ обратить ихъ въ первобытное состояніе, поэтому народъ видитъ въ этихъ безтѣлесныхъ существахъ, надшихъ людей и придаетъ имъ чело-вѣческія формы и свойства. У Вотяковъ домовой называется— *албастъ*.

По общимъ понятіямъ, домовой представляетъ духъ безкры-лый, безтѣлесный и безрогий, который живетъ въ каждомъ домѣ, въ каждомъ семействѣ. Отъ сатаны онъ отличается тѣмъ, что не дѣлаетъ зла, а только шутитъ иногда, даже оказываетъ услуги, если любить хозяина, или хозяйку. Онъ предъ кончи-номъ кого нибудь въ семействѣ, воетъ, иногда даже показъ-вается кому нибудь изъ семейства, производитъ стукъ, хлопаніе двери и пр. По общему повѣрью, живетъ онъ по знамямъ близъ печки, или на печи, а если у хозяина есть лошади и конюшня, то пощѣщается близъ лошадей. Если лошадь ему нравится, то домовой холитъ ее, заплетаетъ гриву и хвостъ, даетъ ей кор-на, отъ чего лошадь добрѣетъ, и напротивъ, когда ему живот-ное не по праву, то онъ ее мучаетъ и часто заколачиваетъ до смерти, подбиваетъ подъ ясли и пр. Отъ этого мнѣнія многіе хозяева покупаютъ лошадей той масти, которая ко *двору*, то есть любима домовымъ.

Если домовой полюбилъ домашнихъ, то онъ предупреждаетъ въ несчастія, караулитъ домъ и дворъ; въ противномъ же слу-чаѣ, онъ бьетъ и колотитъ посуду, кричитъ, топаетъ и пр.

Тому, кого любить, завиваетъ волосы и бороды въ косы, а кого не любить, то ночью щиплетъ до синяковъ. По этимъ синякамъ судятъ, о какой нибудь несприятности особенно, если синякъ больно. Также наваливается во время ночи на спящаго и давить его, такъ, что въ это время нельзя ни пошевелиться, ни сказать слова. Обыкновенно эта *смѣль* наваливается на того, кто спитъ на спицѣ, въ это время спрашиваютъ, къ худу или къ добру, а домовой отвѣчаетъ мрачнымъ голосомъ— „да“ или „нѣтъ“.

Говорятъ, что онъ не любитъ зеркалъ, также козловъ, а равно тѣхъ, кто спитъ близъ порога, или подъ порогомъ. Иногда слышатъ, какъ онъ, сидя на хозяйскомъ мѣстѣ зани-мается хозяйской работой, между тѣмъ, какъ повидимому ни-этого не видно. Особенно любятъ домовой жить въ ба-

нихъ и париться, а также въ ригахъ и въ другихъ теплыхъ мѣстахъ, тоже его слышатъ и въ театрахъ.

Въ простомъ народѣ къ домовому питаютъ уваженіе, такъ что мужичекъ боится его чѣмъ либо оскорбить и даже остерегается произнести его имя безъ цѣли. Въ разговорахъ не называютъ его домовымъ, а „дѣдушкой, хозяиномъ, наибольшимъ или самимъ“. При переходѣ, или переездѣ изъ дома въ другой, непремѣнною обязанностью считаютъ въ послѣднюю ночь, предъ выходомъ изъ стараго дома, съ хлѣбомъ-солью просить домового на новое мѣсто. Хозяйство каждаго, по ихъ мнѣнію, находится подѣ вліяніемъ домового. Говорятъ, что домовый не любитъ лѣнливыхъ, особенно вѣтренныя мельницы.

Если домовый не будетъ любить хозяйина, то онъ начинаетъ проказать; въ этомъ случаѣ предъ порогомъ дома зарываютъ въ землю черепъ, или голову козла. Вотъяки называютъ домового *Албастъ* или *Коболтъ* и вѣрятъ, что домовый живетъ въ старыхъ домахъ, которые они сжигаютъ.

В о д я н ы е.

Водяной, водяникъ, живетъ въ водѣ, откуда онъ выходитъ рѣдко; его любимымъ мѣстомъ рѣчные омуты, да притомъ близъ водяныхъ мельницъ. Водяному приписываютъ тоже значеніе, что и домовому, чему служитъ доказательствомъ пословица: „дѣдушка водяной, начальникъ надъ водой“. Ему также приписываютъ власть надъ русалками, которыя поэтому не составляютъ самобытнаго божества. Народъ олицетворяетъ водянаго старикомъ, постоянно покрытымъ болотною травой. Водяной тоже требуетъ себѣ уваженія. Местъ его заключается въ порчѣ мельницъ, въ разгонѣ рыбы, а иногда, говорятъ, онъ посягаетъ и на жизнь человѣка. Ему приписываютъ сома, какъ любимую рыбу, на которой онъ разъѣзжаетъ и которая ему доставляетъ утопленниковъ. За это сома называетъ народъ— чертова лошадь.

Л ѣ с а и ѣ.

Лѣсовикъ, лѣшій, олицетворяется сходно съ домовымъ. Власть лѣснаго ограничиваютъ одними лѣсами; а живущемъ его пред-

полагають густые камыши и лѣсныя трущобы. Лѣшій, какъ и домовой, можетъ явиться къ человѣку въ разныхъ видахъ, но онъ всего чаще показывается дрихлымъ старикомъ. Ему приписываютъ то, что онъ любитъ кричать въ лѣсу, пугая тѣмъ народъ, заводитъ, и когда шутка удастся, то хохотать и хлопать въ ладоши. Если кого онъ заведетъ въ лѣсу, то народъ думаетъ, что стоитъ только вывернуть всю одежду на изнанку, чтобы выдти изъ лѣсу. Лѣшій, это русскій Фавнъ или Сатиръ. У Вотьякъ лѣшій называется „Алудъ“. Вотьяки думаютъ, что онъ имѣетъ одну ногу, и ту на выворотъ, пяткою впередъ, одинъ большой глазъ и также одну пребольшую тятку, которую всунувъ человѣку въ ротъ, его задушиваетъ. У Черемисъ—*Влдашь*—покровитель звѣриныхъ промысловъ.

Кикимвры, кикиморы, шишиморы, шишиги.

Такъ называются, по народному суевѣрью, духи низшаго разряда, тоже принадлежащіе къ домашнимъ духамъ.

У древнихъ славянъ, кикимвра была ночное божество сонныхъ мечтаній. Нынѣ кикимрами или кикиморами называютъ некрещенныхъ, или проклятыхъ во младенчествѣ матерями дочерей, которыхъ уносятъ черти, а колдуны сажаютъ ихъ къ кому нибудь въ домъ; кикиморы хотя бываютъ невидимы, но съ хозяевами говорятъ и обыкновенно по ночамъ прядутъ. Онъ если не дѣлаютъ живущимъ въ домѣ вреда, то производятъ такой шумъ, что пугаютъ и беспокоятъ. Говорятъ, что нѣкоторые плотники и печники, осердясь на того хозяина, который долго не отдаетъ заработанныхъ денегъ, сажаютъ ему кикиморъ въ домъ, отчего происходитъ такой шумъ и разнаго рода дурачество невидимой силы, что хоть бѣги изъ дома. Но лишь только домохозяинъ расчитается, все прекратится само собою.

Шишиморы, шишиги, это беспокойные духи, которые стараются съозорничать надъ человѣкомъ, въ то время, когда тотъ торопится и что либо дѣлаетъ безъ молитвы. Сюда также относятъ *шюшз*, то-есть безрукаго, безногаго, невидимаго луха, который тоже признается большимъ озорникомъ, кото-

рому некоторые суевѣры клали за столомъ лишнюю ложку и кусокъ хлѣба.

Проклятыя дѣти.

Въ народѣ упорно развито убѣжденіе, что есть особенныя существа, живущія невидимо на землѣ, иногда, впрочемъ, показываются, или могутъ превращаться въ какое либо животное, а также причинять людямъ вредъ. Это дѣти—проклятыя родители.

Въ самомъ дѣлѣ, уже не говоря о томъ, что суевѣрный страхъ можетъ развивать всякаго рода уродливую фантазію, такъ какъ у страха глаза велики, но, оно расходится съ понятіемъ, что судъ и проклятiе принадлежать Богу.

Между тѣмъ въ дѣйствительности у родителей грубыхъ, не живущихъ никакаго понятiя о воспитанiи, часто срываются съ языка слова: „чтобъ тебя чертъ побралъ! будь ты проклятъ!“ или подобную этому брань, и кому же это произносится? дѣтяти, который, рѣзвясь, поупрямился, или просто мѣшаетъ родителямъ въ ихъ занятiи. Если и простой брани не должно произносить ребенку, а дѣлать внушеніе съ ласкою, то проклятiе уже, конечно, совсѣмъ непозволительно уже по одному христіанскому чувству.

Въ народѣ существуетъ повѣрье, что проклятыя дѣти пропадаютъ, а особенно тѣ изъ нихъ, которыя были рождены и не крещены, или и ходящія, безъ креста. Дѣти, какъ говорятъ повѣрье, уносятся стариками в куду—неизвѣстно. Говорятъ, что этотъ старикъ ихъ понтъ и кормитъ, отпускаетъ гулять, словомъ, заботится, какъ нѣжный отецъ. Но кто этотъ таинственный старикъ, гдѣ воспитываетъ дѣтей—неизвѣстно. Говорятъ, что онъ кормитъ всѣми тѣми яствами, которыя хранятся у христіанъ безъ молитвы, и беретъ будучи невидимымъ; точно также поступаетъ съ бѣльемъ и платьемъ, въ которое одѣваетъ дѣтей.

Легендамъ подобнаго рода можно придать давность отъ временъ язычества. Весьма неумудрено думать, что древніе жрецы, скрываясь отъ христіанъ въ лѣсахъ, брали заблудившихся въ лѣсу дѣтей подъ свое покровительство и воспитывали въ духѣ

изящества, чтобы поддоргнуть володины сѣжины силами уга-
сающее изысканное вѣрованіе.

Вотъ рассказъ одной женщины *), который передаемъ, хотя
за достоверность его ругаться и не можемъ, а только можемъ
судить изъ этого, насколько у насъ въ Россіи жива вѣра въ
чудское, и вѣра въ оборотной и кикиморъ, и какъ эти
убѣжденія крѣпко укоренились въ народѣ:

„Я была маленькою“, рассказывала она, „лѣтъ пяти или
шести, когда къ моей теткѣ, въ нашенъ же донѣ, поздно ве-
черомъ, когда дяди доня не было, востучался какой-то про-
хожій; тетка уже заворнула ноги на валати и хотѣла ложиться
спать; а, услышавъ въ колодезное окно стукъ и, считая что это
прѣхалъ дядя, востынула къ окну и отворила.

— Дай вснить корнѣнца.

— Поди далѣ, такъ подадутъ, сказала тетка моя въ отвѣтъ
по просьбу и приказала затворить окно.

— Ну, повозишь же это, голубушка, пригрозилъ прохожій и
пошелъ далѣе.

Теткѣ моей было не ханю дать вснить, продолжала раз-
сказщица, оправдывая поступокъ родственницы, да она боялась
отому, что дорога-то наша была столбовая, такъ и частенько
мы на ней вознахалили въ старшину-то. А оставалась-то она
изъ съ дѣтми, даже о ту пору и работники-то въ полѣ за-
мечемъ. Далѣ-то было страдное. Мало дуная объ угрозу
чужаго, тетка уработавшись до сыта, скоро заснула.

На утро другого дня веротался и дядя. Тетка отворила во-
га и онъ въѣхалъ въ нихъ, но слѣзая съ телеги. Но вотъ
и было вѣстекъ при этомъ: съ нинѣ вѣстекъ въѣхала во
звѣ зѣба, востраа, красная, которая въ это время въѣхала
сѣвѣнѣ и тутъ же востала, какъ скоро телега переѣхала
съ востаннѣннѣмъ востворотнѣ.

сѣвѣнѣ востала, дядя востучался и, схвативъ кнутъ, сталъ бро-
сать въ уголъ въ уголъ, чтобы ее захлестануть; тетка же
сѣвѣнѣ въ вост старшину, но зѣба, словно сквозь землю про-
востѣ. Такъ и не востала зѣба.

*) Этотъ рассказъ слышанъ мною въ одномъ востосскомъ селѣ, старушка около
70 лѣтъ. Востосскій востосскій и не востосскій востосскій. Составитель.

Съ этой-то поры стали замѣчать въ домѣ что-то странное, говорила старуха, какъ будто что-то невидимое, но живое между нами жило и дѣлаетъ во всемъ помѣху. То горшки, которымъ нужно стоять въ печи, найдутъ подъ печкою, то какая нибудь посуда вывалится изъ рукъ, то вещь какая очутится гдѣ нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ей быть не слѣдуетъ, напримѣръ, лапотъ въ горшкѣ со щами. Словомъ, было каждый день по стольку проказъ, што и не выговоришь; между тѣмъ подозрѣвать было некого. Стали съ сосѣдами объ этомъ дѣлѣ думать, да гадать, да и дома матушка съ бабушкой совѣтоваться, говорить Купцова. Подумали и рѣшили позвать колдуна изъ одной деревни верстѣ за пятнадцать, чтобы онъ дѣло разрѣшилъ, да изъ головы долой. Вѣдь я то: на всѣхъ думно, а кто виноватъ—не знаешь. Колдунъ пріѣхалъ; а ужъ предъ этимъ накрыли на столъ, поставили на столъ самоваръ, приготовили чай, графинъ настойки; домъ у тетки былъ зажиточный.

Колдунъ былъ старикъ высокій, дородный, одѣтъ въ синемъ халатѣ, въ поярковой шляпѣ; оглядѣлся и сѣлъ въ передній уголъ. Дядя и тетка принялись угощать гостя и просить помочь горю, о которомъ ему ранѣе обо всемъ было рассказано.

— Ничево, ничево!.. это дѣло плевое, намъ и не такія дѣла приходилось обламывать, говоритъ колдунъ, а самъ такъ и погоняетъ рюмка за рюмкой въ свою утробу.

Посидѣлъ съ полчаса, а можетъ быть и болѣе, все ничего... только, вдругъ смотреть, а на потолкѣ виситъ пара лаптей и мотаются.

— А! пошучиваетъ... Погоди, погоди!.. Вотъ я тебя!.. И пропустилъ еще рюмку для храбрости. Потомъ взглянулъ на свою шляпу, а она вся изрѣзана, такъ что на голову надѣть нельзя. Колдунъ вспыхнулъ и началъ шептать какіе-то наговоры.

Не тутъ-то было. Правда, лапти съ потолка упали на полъ, за то у колдуна оказались сапоги и шаровары на ремешки изрѣзанными.

Колдунъ схватилъ упавшіе съ потолка лапти, выбѣжалъ въ сѣни; тамъ надѣлъ ихъ и опрометью припустился скорымъ шагомъ по улицѣ.

— Что же, коряилецъ? Помогли!

— Нѣтъ, тутъ послыше меня, я не въ силахъ... хвастать нечего... и съ этими словами ушелъ.

Погоревали дядя съ теткой и рѣшились завтра отправиться къ священнику просить его, чтобы онъ отслужилъ въ домѣ молебенъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Съ утра прибрали избу, накрыли столъ скатертью, приготовили что нужно и отправились къ священнику, которому и рассказали все дѣло. Священникъ давно уже слышалъ объ этомъ и тѣмъ съ большею охотою пожелалъ исполнить желаемое, что былъ хорошъ съ семействомъ моего дяди.

Лишь только пришли въ избу священникъ и причтъ въ сопровожденіи дяди и тетки, какъ увидѣли, что на печи стоятъ образа вынутые изъ божицы передняго угла, и предъ ними разставлены горящія восковыя свѣчи.

Вотъ тебѣ и разъ! вскричала тетка сплеснувъ руками.

— Ну что же, замѣтилъ священникъ, на всякомъ мѣстѣ Владычество Его, и началъ молебенъ.

Прошло нѣсколько времени послѣ этого и все стало, какъ будто тише.

Однажды лѣтомъ мы, ребятенки бѣгали по лугу за деревней, какъ вдругъ увидѣли между нами дѣвочку, которая съ мѣсяцъ, не болѣе, умерла. Мы маленькія, что понимали, она съ нами гуляла, играла, и мы ее кликали по прежнему Сашей.

Только я и нѣкоторые изъ насъ, воротясь домой, рассказали домашнимъ, что видѣли покойную Сашу; а дома большаки и говорятъ:—Сашутка мѣсяцъ, какъ въ могилкѣ, какъ же она къ намъ играть придетъ; а мы — свое. Вотъ кто-то изъ бабъ и научилъ насъ спросить у дѣвченки, откуда та взялась, когда ее схоронили.

Такъ и было: на другой день опять увидали эту загадочную Сашу. Она опять стала играть съ нами. Мы въ огарыши, и она въ огарыши, мы вѣнки плести, и она... Саша! да вѣдь ты умерла!.. Неужто ты опять изъ земли вышла? спрашиваемъ мы.

— Нѣтъ! Я не умираю... Я Саша, да не та.

— Какая же ты?

— Я та Саша, что живу у Груниной тетки.

„Я какъ ни была глупа“ говорила расказица, „но взяла голову.“ какая такая Саша? У меня такой сестры нѣтъ, да

и у нихъ—тоже. Теткины дѣти тоже сказали: „Ну, что ты врешь, у насъ тебя нѣтъ, гдѣ ты у насъ живешь?“

— А я подъ лавкой, а то на печи.

— Ну, нѣтъ, вы не знаете.

Распросы съ новой игрой прекратились; только игра кончилась, Саша невѣсть куда пропала... Теткины дѣти по приходѣ въ избу даже стали искать дѣвченку и разумѣется не нашли.

— Саша! да гдѣ же ты? крикнулъ кто-то изъ ребятишекъ.

— „Я здѣсь!“ раздался тоненькій голосокъ гдѣ то въ избѣ, и затѣмъ все кончилось.

Все было пересказано ребятишками дядѣ и теткѣ и они начали серьезно подумывать объ этомъ странномъ событіи; а между тѣмъ тихонько ребятишкамъ наказали хорошенько пораспросить странную дѣвченку, какъ только случится ее видѣть.

Изъ распросовъ дѣтей, родные мои получили такіа свѣдѣнія:

„Я та самая Саша, сказала дѣвочка, которая постоянно озорничаетъ, я проклятая матерью, меня унесъ дѣдушка и вотъ сюда къ вамъ послалъ, за то, что прохожему хозяйка не дала воды испить; а какъ попала я къ вамъ, вы меня видѣли, о ту пору я змѣей обернулась. А озорничаю я потому, что вы мнѣ ни ѣсть, ни пить не даете; давайте мнѣ помягче спать, ставьте мнѣ подъ лавку поѣсть, а то, вотъ я и обносилась... Дѣвочка своимъ сверстницамъ показала, кой-гдѣ прорѣхи на бѣльѣ, и тетка узнавъ объ этомъ, стала ставить подъ лавку пищу и дѣтское чистое бѣлье класть. Но замѣчательно, что никто изъ большихъ ее не могъ видѣть; какъ только, кто хотѣлъ ее подкараулить, вороватый оборотень тотчасъ превращался въ клубъ пыли, въ клочекъ сѣна, уносился въ сторону и пропадалъ.

Нѣсколько разъ подучали дѣтей, обманомъ выстричь на темени крестомъ волосы, *) но ни креста надѣть, ни на головѣ подстричь.

Однажды, на вопросъ дѣтей:—когда она уйдетъ? та отвѣ-

*) Въ народѣ есть полѣрье, что если такого рода сборотню или кижжоръ выстричь крестообразно волосъ на темени, то онъ дѣлается настоящимъ человѣкомъ, лишавшимся силъ превращенія, и тогда его можно обрестить.

чала: „Я уйду спустя три года послѣ пожара“.— А развѣ будетъ пожаръ? „Да“—Ты зажжешь? „Нѣтъ, такое полѣно по- падется,“ отвѣчалъ оборотень.

Пожаръ дѣйствительно былъ, какъ рассказывала Купцова. Много сгорѣло всякаго добра у тетки; только благодаря родственникамъ, наши успѣли скоро построиться. Однажды, кажется о лѣтнемъ Nicolъ, тетка послѣ обѣда, на пути къ дому зашла въ кабакъ, купила полштофъ водки, да кой-какой закуски и пришла къ своей матери, къ своей родной сестрѣ, значить.

— Пойдемъ-ка сестрица ко мнѣ, сказала тетка, я и самоварчикъ поставлю, встрѣтись по радушному празднику.

— Э, полно Горюша! ужъ и такъ на тебя Божье пооще- ніе, чай! лѣтъ семь... Измаялась ты, говорить моя матушка.

— Богъ попустилъ за грѣхи, да вѣдь Онъ и милостивъ, сес- трица. Мать собралась и пошли обѣ въ новый теткинъ домъ. Что же тамъ: Робята ейные на крыльцѣ возятся да балуются, дома никого ничуть, а на столѣ, какъ въ избу вошли, на чи- стой скатерти готовъ самоваръ, полштофъ вишневки, закуска теплая, по деревенски, а кто все это уладилъ—никто не знаетъ. Дядя въ это время былъ въ Москвѣ.

Старухи только ахнули и послѣ не узнали, кто такое чудо сдѣлалъ для новоселья. Съ этой поры кончились проказы обо- ротня—видно, что она, оставляя навсегда пріютъ нашъ, отъ своего усердія сдѣлала угощеніе.

„Лѣтъ десять маялась, говорила рассказщица, кажись бы и дѣла все тѣ же и все шло своимъ чередомъ, а вотъ пока эта кикимора въ домъ жила, такъ и деньги то блин, какъ то не споры. Наконецъ все пошло послѣ этого, какъ слѣдуетъ.“

Оборотни, Варкулаки, Вовкулаки.

Оборотни, у Болгаръ *Варкулаки*, или *Полтепки*, у Мало- россовъ *Вовкулаки*, въ Россіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Бука*, у грековъ (*υκιστράτοι*) вообще возникли со времени язычества, а со времени введенія христіанства, вступили въ область демонологіи и сейчасъ существуютъ у всѣхъ европей- скихъ народовъ самыя многочисленныя разнообразныя сказки

объ этихъ баснословныхъ существахъ. Обратней вообще нѣкоторые изображаютъ какими то чуднищами, такъ напримѣръ у грековъ—оборотнемъ воображаютъ тощаго колдуна, съ головою осла, и хвостомъ обезьяны *): У нихъ вѣрятъ, что въ мрачныя зимнія ночи оборотни, особливо со дня Рождества Христова до Богоявленія, шляются повсюду, и пугаютъ людей. *Опокектапы*, похожіе на черныхъ альфовъ, по мнѣнію Датчанъ, Норвежцевъ и Шведовъ. Печистыя твари, это по мнѣнію простаго народа, ни что иное, какъ жиды ослопоклонники, ищущіе Мессіи, съ тѣмъ, чтобы убить его, еще въ колыбели. После водоосвященія воздухъ очищается отъ этихъ чудищъ, при чемъ они мгновенно исчезаютъ.

У насъ, какъ мы ранѣе сказали, это проклятыя или некрещеныя дѣти, наконецъ вѣдьмы, принимаютъ разные пещественныя виды по желанію; но рассказываютъ, что колдуны могутъ обращаться и другихъ въ волковъ.

По народнымъ сказаніямъ, такихъ превращеній бываеъ нѣредко. Вѣрятъ и такимъ сказкамъ, что будто бы цѣлыя свадьбы поѣзда превращаются въ волковъ. Давно говорятъ, что Марія Мнишекъ, будто бы превратилась въ сороку; но если вѣрить въ такія превращенія, то все же лучше иносказательно. Такъ напримѣръ: если вѣрить, что человекъ превращается въ волка, то значить, что онъ измѣняется своимъ нравомъ, пріобрѣтаетъ жадность, злобу и превращается въ дерзкаго хищника.

Въ народѣ говорятъ такъ: каждый оборотень, превращенный обаяніемъ колдуна въ волка, имѣетъ полное сознаніе, что онъ человекъ, и не пользуется инстинктами животнаго, кромѣ одной вышности. При томъ говорятъ, что обратню очень легко возвратитъ настоящій человѣческій видъ, если только надѣть на него снятый съ себя поясъ, на которомъ должны быть сдѣланы узлы, при навязываніи которыхъ, нужно сказать каждый разъ: „Господи помилуй“. Говорятъ, будто бы при этомъ шкура спадаетъ и предъ избавителемъ является человекъ.

Но вотъ въ чемъ задача: кому пожелается сдѣлать такой опытъ! Это также мудрено, какъ злодѣя возвратитъ на путь добродѣтели.

*) Ср. Taciti. Hist. V. 3, 4.

Б А Б А - Я Г А.

Подъ этииъ именемъ почитали Славяне адскую богиню изображаскую страшилищемъ сидящия въ желѣзной ступѣ, пивъющей желѣзный пестъ. Ей приносили кровавую жертву, думая что она питаетъ ея двухъ своихъ внучекъ, которыхъ ей приписывали и услаждается при этомъ, пролитіемъ крови.

Подъ вліяніемъ христіанства народъ забывалъ своихъ главныхъ боговъ, припоминая только второстепенныхъ и особенно тѣ мѣны, которые пивють олицетворенныя явленія и силы естества, или символы житейскихъ потребностей. Такія образы баба-яга изъ злой адской богини превратилась въ злую старуху-колдунью, подчасъ людоедку, которая жветъ, всегда, гдѣ нибудь въ лѣсу, уединенно, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Подобно вѣдьмамъ, она поѣщаетъ шабашъ вѣдьмъ, летаетъ на Лысую гору, но только не на помель, а въ ступѣ и пестомъ слѣдъ замечаетъ, говоритъ грубо; когда дома, то проводитъ большую часть времени, сидя на печи. Злая старуха, какъ человекъ хозяйственный, кромѣ ступы и песта, что замѣняло въ старину мельницу, имѣетъ тоже kota. Вообще о бабѣ-ягѣ остались только слѣды въ народныхъ сказкахъ и ея мнѣе сливается съ мнѣомъ вѣдьмъ.

Ш а м а н и з м ъ *).

Шаманы большей частью бываютъ у Якутовъ, Коряковъ, Тунгусовъ, Бурятъ и у всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, кромѣ Камчадаловъ, у послѣднихъ каждая старуха и баба и каждый коехчучъ считается волхвомъ и толкователемъ. При шаманствѣ камчадалы не одѣваются ни въ особенное для того платье, не бьютъ въ бубны, но нашептываютъ на рыбу шаглу, на сладкую траву, на тоншичъ и тѣмъ лечатъ болѣзнь, отвращаютъ

*) Сер. Анебергъ Русс. Суевзрій. Шаманизмъ отъ санск. слова состраданіе, видоизмѣненіе одной изъ индійскихъ вѣръ, которой придерживаются Самоды, Камчадалы, Тунгусы, Бурята и др. Они вѣрятъ въ вышняго Бога и во второстепенныхъ боговъ, а также и въ бѣсы, какъ духа злыхъ.

несчастіе и предвѣщаютъ будущее. Но что они говорятъ, то есть, въ чемъ состоятъ эти наговоры, это содержатъ въ глубокой тайнѣ.

Вызываніе бѣсовъ и іадаіе. Главнымъ образомъ шаманство состоитъ въ томъ, что двѣ бабы садятся въ уголь и безпрестанно шепчутъ, при чемъ у одной изъ нихъ привязана на ногѣ крапивная нитка, украшенная красною шерстью, и она качаетъ этою ногою. Если эту ногу покажется легко поднимать, то она считаетъ это благополучнымъ знакомъ, а если тяжело, то успѣха не предвидится. Между тѣмъ призываетъ къ себѣ бѣсовъ словами: „гушъ! гушъ!“ и скрежещетъ зубами, а какъ явится привидѣніе, то захохотавши, кричитъ: хай! хай! Если привидѣніе чрезъ полчаса пропадаетъ, то она говоритъ: „шики!“ то есть—„нѣтъ“. Тогда другая ея помощница поощряетъ первую и уговариваетъ не бояться, а прилежно подмѣчать и помнить явленія. Нѣкоторые увѣряютъ, что во время грома и молній, Билюкай (богъ грома) сходитъ къ шаманкамъ, вселяется въ нихъ, и помогаетъ предсказывать.

Если кому нибудь случится непріятность, неудача въ промыслѣ или тому подобное, то камчадалъ приходитъ къ старухѣ, или даже къ своей женѣ, и та начинаетъ шаманить, то есть разгадывать причину неуспѣха. Важной причиной ставится какое нибудь отступленіе отъ исполненія суевѣрія.

Тогда согрѣвшійся, чтобы очистить свой грѣхъ, вырѣзываетъ изъ дерева идольчика и относитъ въ лѣсъ, гдѣ и ставитъ его на дерево.

Шаманки производятъ свои гаданія также и въ праздники, когда грѣхи очищаются; при чемъ шепчутъ, курятъ, махаютъ, отираютъ тоншичень, отговариваютъ (отчитываютъ) пришедшихъ въ иступленіе.

Примиреніе ребенка съ бѣсами. Если, у которой нибудь изъ камчадалокъ, родится дитя во время бури или ненастья, то, въ то время, когда дитя будетъ въ состояніи говорить, надъ нимъ ворожатъ или шаманятъ съ цѣлью, примирить его на будущее время съ бѣсами, такимъ образомъ:

Въ жестокую бурю раздѣваютъ ребенка до нага, даютъ въ руки морскую раковину, которую ему, поднося къ верху, велать съ нею объѣхать вокругъ юрты, балагана и собачьей ко-

нуры, говоря слѣдующія слова, обращаясь къ Белокаю и къ другимъ врагамъ: „Раковина привыкла не къ прѣсной, а къ соленой водѣ, а вы меня очень мочите и хотите влагою меня погубить; видите, что на мнѣ нѣтъ платья и что я весь дрожу“.

По окончаніи этого примиряется съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ причиною погодъ и ненастья, по мнѣнію камчадаловъ.

Разгадываніе камчадалами сновъ. Камчадалы чрезвычайно любящъ разгадывать сны, такъ, что по утру у нихъ первымъ по видѣніи сна, заключать объ успѣхѣ или неудачѣ предстоящаго труда. О нѣкоторыхъ снахъ, они имѣютъ полное убѣжденіе въ ихъ неизмѣнимости; такъ напримѣръ: Если видать на тѣлѣ паразитовъ (извѣстныхъ насѣкомыхъ), то нужно ожидать къ себѣ казаковъ. Очищать желудокъ отъ естественныхъ нечистотъ, — прибытіе гостя изъ камчадаловъ. Спать съ женою — счастье въ промыслѣ.

Кромѣ того камчадалы упражняются въ хиромантіи, (гаданіе по ладони), но свой секретъ никому не говорятъ.

Шаманы у Тумусовъ. У шамановъ (жрецовъ) этого народа болѣе церемоній при совершеніи гаданій и разныхъ обрядовъ. Когда кто приходитъ спрашивать у чародѣя о какомъ либо дѣлѣ, то прежде всего нужно, чтобы шаману впередъ было заплачено за его трудъ, условленная плата. Потомъ шаманъ надѣвается на себя особенный костюмъ, увѣшанный посредствомъ колецъ разными желѣзными и мѣдными кусками, изображеніями птичьихъ, звѣриныхъ и рыбьихъ фигуръ, изъ желѣза и жести; на руки надѣваетъ желѣзные медвѣжьи рукавицы, но голову нѣчто въ родѣ желѣзнаго шлема съ желѣзными рогами. Потомъ лѣвою рукою, беретъ небольшой барабанъ, и палкою, обтянутой въ шкуру полевой мыши шаманъ, барабанить и прыгаетъ накрестъ ногами, причемъ всѣ его побрякушки производятъ нестройные и непріятные звуки. Въ это же время онъ посматриваетъ къверху въ дымовое отверстіе своей кибитки, безпрестанно кричитъ, барабанить, звонить, стараясь всѣми силами, чтобы всѣ его привѣски гремѣли какъ можно больше, и до тѣхъ поръ продолжаетъ свое искусство, пока не увидитъ въ вышесказанное отверстіе черной птицы, про которую сказываютъ, что она прилетаетъ и са-

дится на кабитку шамана, во время его пляски. Какъ скоро, онъ увидитъ его пницу, то тотчасъ приходитъ въ безсиліе, внѣ себя падаетъ на землю, и лежитъ въ неподвижномъ положеніи до $\frac{1}{2}$ часа. Придя въ чувство, онъ говоритъ вопрошителю отвѣтъ на вопросъ, и тунгусы вѣрятъ шаманамъ, не смотря на то, что пницу видятъ только одинъ жрецъ.

Шаманы у Самойдовъ. точно также, развѣ съ нѣкоторыми измѣненіями въ обрядности, предсказываютъ пророческіе отвѣты.

ПРИМѢТЫ И СИМПАТІИ.

Примѣты, повѣрья и симпатіи на Руся возникли не всѣ въ Россіи. Эти суевѣрныя убѣжденія остались издревле, какъ наслѣдство вліявшихъ чѣмъ либо на нашихъ предковъ народами, съ которыми они волей или неволей должны были сблизаться и заимствовать разные обычаи, предрасудками, примѣтами и тому подобнымъ, что конечно и въ наше время существуетъ въ простомъ народѣ, которымъ хотя и простительны нѣкоторыя заблужденія, но непростительно тѣмъ, кто имѣетъ право и возможность вліять на нихъ, и силой святой истины внушать, что эти примѣты и симпатіи остались слѣдами языческаго невѣжества. Еще встарь преслѣдовали такія заблужденія; кто не догадается, что старинныя черныя наши книги, къ которымъ относятся: *Волховникъ*, *Чаровница*, *Мысленикъ*, *Колдница*, *Громникъ*, *Остроловъ*, *Острономія*, или *Звѣздочетіе*, *Путникъ* (кн. о значеніи встрѣчъ), *Ворокоградъ* (значеніе полета птицъ), *Шестокрылъ*, *Аристотелевы врата*, *Рафли* и т. п. Всѣ не русскаго происхожденія, такъ напримѣръ: *Острономія*, *Остроловъ* — произведевіе запада, *Ворокоградъ* или *птицево.лгованіе* — этрусско-римская авгурія, и прочее. Наконецъ, сколько у насъ до сихъ поръ, сохранилось примѣтъ сходныхъ съ Римскими, напримѣръ, *здравствованіе при чиханіи (sternutatio)*, *звонъ въ ушахъ (limutus aurium)*, *чесотка зубовъ (pruritus dentium)*, просыпка соли на столѣ и т. п. Все это существуетъ въ нашихъ примѣтахъ и тождественно съ прежними римскими обычаями. О чемъ упоминалъ и Овидій, Плиній, и въ свое время въ харатейныхъ спискахъ пр. Несторъ:

онъ говоритъ слѣдующее: „Нарицающіеся хрестіане, а погански живуще—друзія же и зачуханью вѣрують, еже бываеть на здравіе главъ *)“.

Дурной глазъ, сглазъ, кризоръ очесъ или изурочиваніе. Римляне тоже вѣрили *сглазу*, такъ что было у нихъ особенное божество *Fascinus*, предохранявшее отъ этого даже младенцевъ (*custos infantium*). У тѣхъ изъ нихъ было въ обычаѣ оговариваться и отплеиваться, когда кто хвалилъ ихъ дородность, красоту, силу, или другія тѣлесныя качества. У Римлянъ, какъ и у насъ, были тоже черныя или злыя дни. Между повѣрьями нѣмцевъ существуетъ также, между прочимъ, слово *сглазить* или *изурочить*, *beschreien*.

Весьма немудрено, что русскіе приобрѣли это понятіе о *сглазѣ* и усвоивъ, присоединили ихъ къ своимъ убѣжденіямъ. Теперь въ русскомъ простонародѣ крѣпко укоренилась вѣра въ *дурной глазъ*. Всѣ родильницы (къ стыду, часто изъ высшаго купеческаго сословія) въ теченіи шести недѣль укрываютъ ребенка отъ посѣтителей и не пускаютъ къ нему никого кромѣ ближайшихъ родныхъ. А если кому нибудь придется нечаянно увидѣть новорожденнаго и похвалить его красоту, полноту, или здоровье, то нѣжныя суевѣрныя матери, крѣпко боятся за ребенка, боясь дурнаго глаза, видѣвшаго младенца. Но если же ребенокъ заболѣетъ, совершенно отъ другихъ причинъ, то его спрыскиваютъ съ уголька. Въ Испаніи и въ Италіи тоже повѣрье существуетъ: такъ особенно боятся цыганскаго глаза, такъ, что когда цыганка, взглянетъ на новорожденнаго младенца, то матери, или кормилицы, подсовываютъ ей подъ носъ кукишь. Черныя глаза вообще считаютъ опаснѣе сврыхъ, или голубыхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно пожалуй допускать и *сглазъ* такъ, напримѣръ, если молодой человѣкъ страстно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, которой онъ понравился, а та съ своей стороны отвѣтила тонкимъ взоромъ и, если при томъ, вспыхнула, то понятно, что она не могла затантъ въ себѣ того чувства, которое проникло въѣсть съ искрою взгляда, заронившеюся въ ея сердце. Были, есть и будутъ эти примѣры; но тутъ сглазъ переработался въ жела-

*) Карамзинъ. Ист. Гос. Росс. томъ II, прим. 113.

ніе любить и прнпнмаеть уже не волшебный, не враждебный, или ненавистный характеръ, а характеръ вспыхнувшей страсти.

Пожалуй можно *сказа* считать магнетизмомъ зора, но сколько начъ доподлинно извѣстно, влияние дѣйствія можетъ быть скоротечно и не нѣтъ дурныхъ послѣдствій, притомъ на магнетизмъ врачеваніе бесполезно.

У древнихъ также было убѣжденіе: что глаза имѣютъ большую силу вліять на людей, и преимущественно глазамъ Василиска приписывали обаятельную силу и до того вредную, что люди отъ его взгляда умирали. Это убійственное животное, по описанію, имѣло тѣло дракона и пѣтушнюю голову, а затѣмъ крылья. Можно предполагать, что преданье это принадлежитъ къ баснословной древности, провѣрить которую очень трудно. Мы знаемъ одно, что и доказано наукою, были въ допотопномъ періодѣ драконы и крокодилы равно какъ и мамонты громадныхъ разиъровъ, были чудовищныя галеопитеки отсюда понятно, что человѣку, увидѣвшему опасность, некогда было прнмѣчать подробности чудовища, оставалось только спастись, или умереть. Крокодилъ очень быстро бѣжитъ, и у насъ прнято говорить: „конь летитъ, какъ стрѣла“. Можетъ быть это слово—сравненіе. Египтяне, боготворившіе Ниль, боготворившіе крокодила, оставили на память намъ сказку о крокодилѣ, въ видѣ Василиска, быстро бѣгавшаго, какъ по водѣ такъ и по сушѣ. Василискъ упоминается даже въ одномъ изъ псалмовъ Давида.

Въ наше время, путешествующіе по Индіи говорятъ, что у гремучей змѣи свирѣпъ и обаятеленъ зоръ. По ея смертоносности, ужаленія, конечно каждый и неробкій можетъ подвергнуться испугу и можетъ въ этомъ случаѣ оцѣпенѣть, прнчемъ, устремивъ свой зоръ на животного, обнаружить испугъ предъ хитрой ядовитой змѣей, чѣмъ она и воспользуется, чтобы ужалить человѣка.

Открытие вора у Камчадаловъ. Когда будетъ нужно отыскать вора между Камчадалами, тогда убиваютъ, такъ называемаго каменнаго барана и жгутъ его становныя жилы въ присутствіи многочисленнаго собранія и своихъ шамановъ. Они увѣрены, что вору такъ же сведеть жилы, какъ сводятъ на огнѣ жилы барановъ.

День Благовѣщенія. Суевѣры увѣрены, что въ этотъ день птица гнѣзда не вѣетъ, а если завѣетъ, то у ней отнимутся крылья, и она будетъ въ силахъ только ходить; а между тѣмъ, если въ этотъ день воръ, что либо украдетъ, то ему будетъ на весь годъ—удача.

Свербеніе бровей. Свербить брови—къ пріѣзжену, смотрѣть на потныхъ лошадей, кланяться дорожному, иногда благодарить его за одоженіе.

Булажку давать—не должно, чтобы не раздружиться; а ужъ если нельзя обойтись, то сперва уколоть того въ руку, кому давать приходится.

Волосы и лошты хранить было въ обычаѣ у нѣкоторыхъ суевѣровъ, которые думали, что на томъ свѣтѣ придется за каждый волосокъ отдавать отчетъ. При расчесываніи оставить прядь волосъ не заплетенною, значило—дорога изъ дома.

Водяной воробей. Такъ называется птичка, водящаяся въ Сибири; она питается водяными червями и довольно ловко достаетъ ихъ изъ воды, при чемъ остается совершенно сухою. Есть суевѣрное убѣжденіе, что намазавшись жиромъ этого воробья, или кровью его намазать члены, то они на вѣкъ защищены отъ мороза. Суевѣры считаютъ водянago воробья, и вообще воробьевъ, проклятою птицею по той причинѣ, что они въ то время, когда Христа распинали, приносили опять ко кресту тѣ гвозди, которые ласточки у Римлянъ уносили; вслѣдствіе будто бы этого событія воробьи нибѣютъ на цогахъ невѣдима оковы и не могутъ шагать, а прыгаютъ.

Воронъ—предсказатель. Если воронъ сядетъ на куполъ или колокольню храма, въ той церкви будетъ отиѣваться покойникъ, тоже и въ томъ домѣ, кто либо умретъ, на кровлѣ котораго сядетъ и прокаркаетъ воронъ.

Воскъ изъ дому выносить самому не должно, такъ какъ какъ это убыль пчеловодству.

Противъ заговореннаго отъ пули. Заговореннаго отъ пули, по народному повѣрью, можно убить серебрянною или золотою пулею; но также можно обляпывать пулю воскомъ, и стрѣлять; тогда тоже чародѣй противъ ея силы своей противопоставить не можетъ.

Оспа и борьба съ нею. Въ старину Сибирскіе народцы

считали оспу не за болъзненную эпидемію, а за враждебнаго духа, который наслаждается мученьемъ и потомъ, питается ихъ тѣлами. Разсчитывая этого духа умилостивить, приносили ему въ жертву скотину, взаимъ человѣка. Остяки, Тунгусы и Якуты, надѣются обмануть дѣчона оспы, они зажигали па-кладенный на щеки и на носъ трута, чтобы сдѣлались отъ того на лицѣ ямы, какъ рабины, въ томъ мнѣніи. чтобы духъ оспы думалъ, что уже на этомъ человѣкѣ оспа была. Кроме того, инородцы во время эпидеміи оспенной удаляются въ густые лѣса, желая спрятаться и оставляютъ свои дома пустыми. Мало того, они не выѣзжаютъ ни на опушку лѣса, ни на дорогу. Затѣмъ, укрѣпляются застѣкою, а зимою — снѣжными валами и устраиваютъ самострѣлы, какіе бывають на лосей или оленей. Русскіе старовѣры и по сіе время, прививаніе оспы считали антихрестовою печатью, и чтобы избѣжать оспопрививанія прятали дѣтей отъ оспопрививателей подъ печь и въ подполье.

Встрѣча. У насъ на Руси существуетъ и по сіе время у суевѣровъ повѣрье, что если встрѣтятся: попъ, монахиня, монахъ, женщина, дѣвица, свинья, или лысая лошадь, то въ предпринятомъ пути успѣха не будетъ. А когда же кто встрѣтится съ полыми ведрами, или съ ушатомъ воды, то—успѣхъ въ намѣреніи.

Браниться въ Егорьевъ день—не совѣтуютъ потому повѣрье, что того убьетъ громомъ.

Глаза свербятъ, или зудъ подъ глазами, значить въ тотъ день—плакать.

Голубь въ окно влетитъ — быть пожару, или кому нибудь умереть; иногда быть вѣстямъ.

Беззвѣздныя ночи. Если на Рождество Христово и Богоявленіе, не будутъ видны на небѣ звѣзды, то, по понятію простаго народа, на этотъ годъ свѣтъ гороха не нужно, по предвѣстію плохого урожая; напротивъ того, если ночи звѣздныя, то шумно.

Громовая стрѣла. Въ первой части было нами упомянуто, что простой народъ еще и до сихъ поръ увѣренъ, что когда слышать раскаты грома, значить, то ѣдетъ Илья пророкъ, на огненной колесницѣ и убиваетъ дѣвола, который въ то время укрывается, обращаясь при этомъ въ разные виды, а особливс

во младенцевъ, просятъ у людей укрыться; но ежели бы демонъ и за Икону Божию спрятался, то образъ пощажень не будетъ. Громовая стрѣла, убивъ дьявола, уходитъ въ землю и тамъ пролежавъ три года скрытно, потомъ объявляется въ видѣ продолговатаго пальцеобразнаго кремня. Его употребляютъ въ случаѣ колотья, окачиваютъ его водою, и этою водою обливаютъ больного. Пожилые простолюдины, вѣрятъ, что кто всегда ѣстъ гнилой хлѣбъ, тотъ не будетъ боятся грому. Услышавъ же первый разъ по зимѣ громъ, дѣвушки умываются съ серебра, надѣясь получить красоту, бѣлизну тѣла и здоровья.

Дождь. Кто въ дождь выѣдетъ—предвѣстье благополучной дороги, какъ и во всякомъ предпріятіи.

Дока. Мастеръ своего дѣла. Знахарь, цѣлящій болѣзни и выгоняющій порчу.

Дорога. Въ старину не совѣтовали выѣзжать въ понедѣльникъ: неудача въ повздки; и когда заяцъ, дорогу перебѣжитъ. Ежели кто желаетъ скорѣе видѣться съ отъѣзжающимъ въ дорогу, тотъ, возвратясь къ порогу, долженъ оглянуться въ слѣдъ отъѣзжающему лицу.

Жельзница или *Бѣшенка* рыба, водящаяся въ Волгѣ въ огромномъ количествѣ, считается опасною, будто бы поѣсть ее, то сойдешь съ ума, а потому ее бросаютъ обратно въ воду, или отдаютъ Мордвѣ и Чувашѣ, которые ѣдятъ и съ ума не сходятъ. Почему это?

Примѣта о поспѣвѣ по жукамъ. Нѣкоторые весной ловятъ жуковъ и примѣчаютъ: ежели у него на переднихъ ногахъ болѣе зародышей, то должно въ лѣто сѣять ранѣе, и тотъ сѣвъ будетъ лучше; ежели на среднихъ, то должно сѣять въ среднюю пору, а ежели на заднихъ, то поздній сѣвъ будетъ выгодиѣе.

Почему должно работать на заговѣнье. Такъ какъ старухи будто бы увѣряли, что можно получить заусеницы, или ноготѣду.

Примѣта надъ замками. Суевѣрныя старухи кладутъ подъ порогъ передъ приходомъ отъ вѣнца молодыхъ, незапертыя замки, а потомъ, когда тѣ перешагнутъ, защелкиваютъ ихъ, ключъ же бросаютъ въ воду, или въ колодезь, съ тѣмъ убѣжденіемъ, чтобы мужу съ женою жить согласно. Тоже дѣлаютъ при пер-

вомъ прїѣздѣ жениха въ домъ невѣсты, чтобы свадьба была успѣшнѣе и выгоднѣе женихъ не отказался.

Задушеніе младенца на постели. Часто и теперь случается, что безпечныя, хвѣльныя а иногда уработавшіяся до устанка и дремоты женщины, лежа на постели, *засыпали* грудныхъ младенцевъ до смерти, придавивъ ихъ своимъ тѣломъ. Въ народѣ по этому давно распространилось, откуда неизвѣстно, повѣрье, что кромѣ непростительнаго грѣха для матери, ребенокъ не наследуетъ небснаго царствія. Разумѣется это приводило неутишную мать въ страшную печаль. Для искупленія младенца, будто бы, нужно было провести матери три ночи въ храмѣ и молиться, стоя въ начерченномъ кругу рукою священника, разумѣется, испытывая всѣ ужасы отъ нашествія злыхъ духовъ.

Зеркала держатъ въ комнатѣ, грѣхъ, по увѣренію старовѣровъ. потому что оно дано дьяволомъ и доказываютъ слѣдующей легендой:

Какой-то старецъ, спасаясь въ пустынь, прочелъ слѣдующія слова: „Просите и дастся вамъ“. Пустынникъ усумнился, и желая удостовѣриться, что все ли получить можетъ, чего захочетъ, пошелъ къ какому-то царю просить руки его дочери. Царь, почудаясь такому требованію, сказалъ о томъ своей дочери, которая тоже подивилась не мало и потомъ сказала: „Такъ какъ это дѣло необыкновенное и чрезвычайное, то должно, чтобы старецъ, если хочетъ жениться на мнѣ, оказалъ бы мнѣ чрезвычайную услугу и принесть бы въ подарокъ такую вещь, въ которой бы я всю себя видѣть могла“. Это желаніе было высказано царевною еще въ то время, когда зеркала не были выдуманы. Монахъ, узнавъ отъ цари такое требованіе, пошелъ искать такой вещи. Долго ходилъ онъ по лѣсамъ, наконецъ вступилъ въ пустыню, никѣмъ необитаемую. „Посидѣвъ въ ней нѣсколько времени, онъ начинаетъ слышать стонъ. Старецъ окликнулъ и получилъ въ отвѣтъ: „Почтенный старче! сжался на мое страданіе, ибо я уже нѣсколько лѣтъ заключенъ въ этомъ рукоюникѣ, выпусти меня изъ этой темницы, въ которую заключилъ меня тоже одинъ старецъ, и я тебѣ за это услугу, чѣмъ пожелаешь“. Старецъ, прежде, чѣмъ освободить изъ рукоюника заключеннаго, сталъ требовать отъ него вознагражденія тою вещью, которой требовала отъ него ца-

ревна чрезъ царя. Заключенный объщалъ, и старецъ. снявъ съ рукомяника крестъ. выпустилъ черта. Дьяволъ въ скоромъ времени привесъ къ нему зеркало которому старецъ, взявъ въ руки чрезвычайно подивился. но когда. увидѣлъ въ немъ себя съ морщинами. сѣдинами. дряхлаго и слабого. отложилъ навсегда намѣреніе жениться. Однако зеркало снесъ къ царю и тутъ же. отказавшись отъ своего слова. сталъ молиться о своемъ прегрѣшеніи въ томъ. что возымѣлъ сочинѣніе противу священнаго писанія И такъ, какъ зеркало доставлено впервые старцу дьяволомъ, то самые крѣпкіе старовѣры долгое время не имѣли въ своихъ домахъ зеркалъ.

Огненные змѣи. Воздушный метеоръ, который часто видятъ несущимся по воздуху въ видѣ длинной и широкой ленты изъ красноватыхъ искръ, летящей. или наклонно или горизонтально. Русскіе люди считаютъ его змѣю духомъ или огненнымъ змѣемъ, посѣщающимъ въ вечернее, или ночное время вдову, или дѣвицу, скучающихъ одинокой жизнью. послѣ недавней потери мужа, или друга жизни. и нерѣдко вносящимъ къ нимъ золото. Онъ является къ нимъ всегда принимая видъ любимаго человека, котораго онъ потеряли, и обаяніе. говорятъ, было такъ сильно, что онъ свыкались съ той мыслью, что онъ дѣйствительно живъ, а не умеръ. Потому лица, которыхъ посѣщалъ этотъ змѣй. худѣли и сойдя съ ума, нерѣдко. будто бы, кончали съ жизнью самоубійствомъ. Отъ того добрые и набожные, видя этотъ метеоръ, всегда кричали: „аминь. аминь, рассыпся!“

Въ народѣ существуетъ такое убѣжденіе, что посѣтителя, какъ духа, не видятъ и не слышатъ, между тѣмъ, какъ обольщенная змѣю змѣемъ дѣвушка. или женщина, слышно какъ разговариваетъ съ нимъ. По ея разговорѣ съ невидимкою. заключаютъ, что она говоритъ съ змѣемъ, или съ дьяволомъ. не иначе. Стараются уговаривать ее, призываютъ почтенныхъ людей, священниковъ. молебствуютъ и прочее, пока на нее. не подѣйствуетъ сила убѣжденія и молитвы; потомъ даютъ ей крестъ тѣльный на тесьмѣ, совѣтуя его тихонько надѣть на опаснаго посѣтителя. Если она послушается, то хотя и не успѣетъ надѣть. но въ три. въ четыре. въ пять разъ повторенія этой попытки. демонъ ее оставитъ и страдающая этой сальвицинаціей поправится

Икать тяжело — быть обругану, легко — помянуть ктонибудь.

Имя дать новорожденному. Въ старину бѣгали за ворота и спрашивали перваго встрѣчнаго, или встрѣчную, смотря по полу ребенка, и какъ встрѣчному лицу было имя, такое давали и новорожденному, вѣря, что дитя будетъ отъ того имѣть счастливую будущность. Тоже до пѣкотораго времени скрывали данное имя младенцу, замѣняя его ложнымъ чьимъ либо именемъ, чтобы колдунъ не испортилъ, или не превратилъ въ оборотня.

Имяники праздновать. Въ старину, когда имянинникъ садился за столъ, давали ему пирогъ съ кашею и разламывали его надъ головою имянинника, чѣмъ на него болѣе сыпалось каши, тѣмъ считалась жизнь его счастливѣе въ теченіи года. Въ этотъ день необходимо нужно что либо разбить и, если посуды никто не разбивалъ, то нужно было нарочно разбить хоть рюмку. Въ старину, въ Москвѣ, былъ обычай со стороны имянинника посылать утромъ своимъ знакомымъ по сгибю.

Каша. Когда варившаяся въ печи каша поднимется выше краевъ горшка и будетъ имѣть наклонность назадъ печи, то это былъ суевѣрнымъ признакомъ счастья и изобилія, а когда въ устье печи,—потерю, уронъ, раззореніе дому.

Комета и ея значеніе въ народѣ. Явившаяся и проходящая комета, а особливо съ хвостомъ, въ простомъ народѣ имѣетъ общественное несчастіе, то-есть морь, голодъ, или войну и т. п. Въ иностранныхъ же государствахъ приписывали движеніе такихъ небесныхъ тѣлъ—несчастію одного ихъ государствъ. Въ 837 году, отъ Рождества Христова, явившаяся комета навела несказанный ужасъ на Людовика Кроткаго. Этотъ суевѣрный государь прибѣгнулъ къ астрономамъ, закладывая монастыри и умеръ два года спустя, послѣ того отъ страха при видѣ полнаго солнечнаго затмѣнія. Въ 1264 году, историкъ того времени, явившуюся комету, приняли за предзнаменованіе смерти Папы Урбана IV. Въ 1456 году, явившуюся комету Папа Каллисть велѣлъ проклинать особо сочиненною молитвою, а также и Турокъ, которыхъ завоеванія такъ устрашали его. Въ 1686 году, бывшую комету почитали за предзнаменованіе подобныхъ печальныхъ происшествій. Вотъ

какія суевѣріемъ и старинныя европейскіе лѣтописцы были преисполнены.

Чудо отъ короля въ Казани *). Это было предъ взятіемъ его и повѣствуется такъ: „Родися отъ короля дѣтище чело-
вѣческимъ образомъ, его же видѣши татарове и синопшасы
мнози видѣти его, и вызвану дѣтище переименя въ совер-
шенна мужа возрастомъ и яко вооруженъ видяшеса и глаго-
лаше зрящимъ на него, паденіе Казани; и совѣщаша татарове
убити его, и абіе невидимъ бысть“.

Кошка. Есть одна домашняя примѣта. Когда кошка моетса къ себѣ лапкой—быть гостимъ, а когда спитъ рыльцемъ подъ брюхо—къ непогодѣ или къ холоду.

Кузнечикъ куемъ. Когда онъ заберется въ жилие покоп, будетъ трещать, то значить, по народному повѣрью, выживааетъ хозяевъ изъ дома. Въ столичныхъ баняхъ они хотя и полные хозяева, а не выживаютъ хозяевъ, а про деревенскія и говорить нечего, тамъ ихъ зною десятки, не только въ баняхъ, а и по избамъ.

Курица пѣтухомъ поетъ — не къ добру; тогда суевѣрные хозяева свертываютъ ей голову и бросаютъ черезъ порогъ, приговаривая: „на свою голову, не пой курица пѣтухомъ“. Отсюда даже возникла пословица: „Не пой курица пѣтухомъ, не брались баба съ мужикомъ“.

Отламывать лишній кусокъ хлѣба, когда есть недоѣденный кусокъ, означаетъ, по примѣтамъ старожилловъ, что кто нибудь изъ родныхъ того челоѣка голоденъ.

Ладонка. Въ предохраненіе отъ колдовства и сглаза подвизываютъ на томъ же шнуркѣ, вмѣстѣ со крестомъ сумочку съ ладономъ. А тѣ, кто родился въ сорочкѣ, носятъ ее до смерти.

Ладонъ чешется — по мнѣнію суевѣровъ, — въ тотъ день деньги считать. Если правая—получать, а лѣвая—отдавать.

Ласточка. Есть примѣта, что если кто убьетъ ласточку (которая признается хозяйкою, дошакою, домовиткою), или также голубя, синичку, пѣголицу, то тотъ не будетъ счастья имѣть въ скотоводствѣ. Тоже толкуютъ, что если ласточка

*) Свот. Абевера русскихъ суевѣрій—1786 г., стран. 226.

нечаянно подлетитъ подъ корову, то у той коровы будетъ кровавое молоко *).

Лихоманка, лихорадка. Простой народъ, лихорадкѣ, преимущественно происходящей отъ сильной простуды, которая по своей прикосновенности съ нервами производитъ ознобъ, бредъ, а также по ея, разновидности, раздѣляетъ ее на двѣнадцать дочерей Иродовыхъ и даетъ имъ слѣдующія названія: *Трясовица, Омевица, Знобля, Пералел, Горькуша, Крикуша, Чернетля, Пулел, Желтля, Дряхля, Дремля...* (двѣнадцатая не разобрана). Въ другомъ заговорѣ читаемъ слѣдующія ихъ имена: *Гытица, Плетля, Месора, Шатая, Черная, Толкая, Дида, Лада, Омца, Утьха, Персанда.* Въ третьемъ заговорѣ противъ лихорадки читаемъ названія этихъ 12 сестеръ лихорадокъ, чисто по свойствамъ простуды раздѣленнымъ: *Зеленая, Желтая, Внутренняя, Дулая, Водяная, Студеная, Омежная, Знобительная, Животная, Костоломная. Гнытуха спящая, Каммуха или Камуха.* Какъ бы имъ названія не были даны, но крѣпко въ народѣ повѣрье, что лихорадка существуетъ въ различныхъ видахъ и формахъ, одолеваетъ человека при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, упорно преслѣдуетъ и держится въ немъ, противодействуя лѣкарствамъ. И могучая фантазія русскаго человека, вдохновеннаго самою природою, создала новый мифъ, это двѣнадцать сестрицъ лихорадокъ, страшныхъ, какъ Мегеръ бичующихъ грѣшныхъ въ аду, которые мучаютъ русскихъ бѣдныхъ людей; противъ ихъ есть и лѣкарства, есть и заговоры. Народъ такъ воображаетъ **). Лихорадки крылаты, ихъ земля держитъ въ своихъ челюстяхъ на цѣпяхъ, какъ ненавистницъ человѣческаго рода; но когда ихъ спускаютъ, то эти дѣвы безъ милости нападаютъ на людей. Онѣ столь вредны, что когда имъ много дѣла, то онѣ однимъ мечтательнымъ поцѣлуемъ причиняютъ трясовицу и обитаютъ въ одержимыхъ лихорадками; и счастливъ тотъ, къ кому прикоснется лихорадка въ то время, когда и безъ того много

*) Какъ извѣстно ласочки, бойко летая, ловить маленькихъ насекомыхъ. Можетъ быть когда нибудь поймала на языкъ коровы пуху и острыми восконцъ повредила вымя, вотъ и пошла прихвля.

**) См. Абеверга Русс. Сувенірій. 1786 г., стран. 230.

большихъ, такъ какъ онѣ, будучи заняты дѣломъ и перелетая отъ одного къ другому, не поспѣваютъ трести безостановочно, а даютъ время отдохнуть болящимъ; вотъ этины недосугами и объясняетъ народная фантазія, лихорадки перемежающіяся. Далѣе говорится, что сестрицы эти по деликатности сложія и ищности восточнаго происхожденія, слишкомъ брезгливы: онѣ боятся собачьихъ удавокъ, свиньихъ гнѣздъ, блохъ, если кто съестъ не за знатъ въ хлѣбъ, абракадабры (пѣсни въдьмъ) и т. п. заговоровъ (см. ниже). Сибиряки, страдающіе лихорадкою, предъ приходомъ ея (когда она перемежающаяся), зачерниваютъ у себя лицо, а иногда и все тѣло и надѣваютъ на себя чужую гуню, дабы сей злой духъ его не узналъ, или бы испугавшись его, отсталъ.

Локоть чешетса—на новомъ мѣстѣ спать.

Лошадь. (разныя примѣты.) Если дорогой распряжется лошадь—въ домъ нездорово или—жена невѣрна. У Черемисовъ по годовымъ праздникамъ приносятся въ жертву бѣлые кони, послѣ жертвы они мясо ѣдятъ, предварительно очистившись и помывшись. У пожарныхъ командъ есть повѣрье, что если лошади сверхъ ожиданія, повернуть не въ ту улицу, куда ихъ направляютъ, то значить быть въ этой мѣстности пожару; то же скоро быть близъ погорѣвшаго дома пожару, когда кони не стоятъ на мѣстѣ и бьютъ копытами; то же говорить, что быть въ городѣ пожару, когда онѣ въ конюшнѣ не стоятъ смирно. Лошадь любить домовую дѣдушка, когда она подъ цѣвь волосъ на головѣ и бородѣ хозяина. Лошадь боится ласки, которая сосетъ кровь изъ гривы и головы лошади. Лошадь любить козла, который своею вонью и въ то же время, пользуясь свободой изгоняетъ всѣхъ вредныхъ животныхъ.

Луна. По народному повѣрью луна имѣетъ вліяніе на лунатиковъ (ночеходовъ), на менструацію женщинъ (въ известное время), на ростъ растений и развитіе цвѣтовъ, на приливы воды въ моряхъ, наконецъ, на переизмѣну погоды: Мордва почитаетъ луну нѣкоторымъ божествомъ и, увидя ее въ первый разъ новой, кланяются и просятъ, чтобы она ниспослала имъ во время своего правительства счастье, только жертвы ей не приносить. Кто увидитъ новую луну съ правой стороны, тотъ, по старымъ русскимъ повѣрьямъ, будетъ въ теченіи мѣсяца

получать доходъ. прямо, ни то, ни се, а съ лѣва — расходъ, Также совѣтуютъ при видѣ новой луны держаться за деньги, чтобы цѣлый мѣсяць была прибыль.

Лучина. Есть у нѣкоторыхъ изъ простаго народа примѣта, что кто бьетъ домашнихъ или дѣтей лучиною, тому будетъ грѣхъ, потому, что отъ этого можетъ высушить всѣхъ семенныхъ въ домѣ.

Мышь. Мышь укуситъ кого въ домѣ, тому неприятность или несчастье. Если попортить какой нибудь товаръ — къ скорой продажѣ или прибыл. *Летучая мышь.*—Суевѣрные люди носили ихъ въ сушеномъ видѣ за пазухой, ради здоровья или счастья. Или заваривали кипяткомъ и такую воду давали для исцѣленія больнымъ, лежащимъ въ гнетцахъ или въ горячкѣ дѣтямъ.

Лягушка. Уральскіе казаки долго были того убѣжденія, что если во время багрѣнія рыбы на Уралѣ попадется кому лягушка на багоръ, которая тамъ встрѣчаются очень велики, тому не удастся поймать ни одной рыбы, хотя бы онъ нѣсколько разъ, ивналъ и ивста, и багры. Суевѣры думаютъ, что если ивтъ крючекъ и вилочку отъ пары лягушекъ, то можно заставить каждого по желанію чувствовать къ себѣ любовь или ненависть.

Беременная женщина. Въ старину увѣряли, что беременной женщицѣ непременно нужно было отстранять отъ себя всѣ неприятности и предметы неприятнаго вида, звѣрей, безобразныхъ людей; въ противномъ случаѣ она могла родить ребенка, лицо или образъ котораго могло ивтъ большое сходство съ животнымъ, или тѣмъ уродомъ, котораго она часто видѣла, или котораго испугалась.

Такое убѣжденіе было всеобщимъ даже во время ученыхъ Плинія и Галлена, которые увлекшись существующими въ народѣ разсказами, занесли въ своихъ учейныхъ замѣткахъ слушан, изъ которыхъ мы помѣщаемъ два *).

„Я зналъ, говоритъ Галленъ, одного некрасиваго мужчину горбатаго, и довольно похожаго на Езопа. Боясь быть родоначальникомъ такого же уродливаго потомства, онъ приказалъ написать красиваго, хорошо сложеннаго мальчика, и такую кар-

*) О заблужденіяхъ и предрассуд. Сальг. Сиб. 1856 г.

тину повѣсилъ въ углубленіи кровати такъ, чтобы жена въ известныхъ случаяхъ, могла нить его передъ глазами. Ожиданіе супруга увѣчалось полнымъ успѣхомъ: жена родила красиваго мальчика, совершенно похожаго на портретъ, на которой она смотрѣла въ известныхъ случаяхъ⁴.

По словамъ Плинія, одна знакомая ему дама родила слона потому, что во время беременности съ большимъ вниманіемъ смотрѣла на этого животнаго. Другая дама по той же причинѣ разрышилась отъ бремени маленькимъ львенкомъ. Въ гельветическихъ хроникахъ Семпта разсказывается, что одна знаменитая римлянка, находившаяся въ тѣсныхъ связяхъ съ папою Мартинномъ IV, будто бы родила сына мохнатаго, какъ волченочъ и съ когтями, какъ у хищнаго звѣря. Объясняется будто бы тѣмъ, что у Папы было много картинъ изображавшихъ различныхъ животныхъ; эти картины и послужили къ рожденію мохнатаго сына. Послѣ этого случая папа приказалъ снять ихъ, боясь, чтобы прекрасная римлянка не произвела затѣмъ цѣлое поколѣніе мохнатыхъ. Сальве опровергая эти басни, между прочимъ всѣмъ вѣрующимъ въ подобныя сказки, совѣтуетъ беременнымъ женщинамъ посѣщать *Французскій Институтъ* и пристально смотреть на всѣхъ членовъ ученаго заведенія. Захочетъ ли она, чтобы сынъ ея былъ историкомъ, она можетъ глядѣть на бюстъ Вертота или Сень-Реала. А чтобы онъ былъ геометромъ—на бюстъ Паскаля и такъ далѣе.

Медвѣдь. По народному преданію, медвѣдь былъ прежде человекомъ и доказывается тѣмъ, что онъ можетъ ходить на заднихъ лапахъ, и сходные съ человѣческими глаза, что любить медъ и водку и пр. А остяки и другіе инородцы особенно медвѣдя уважаютъ, и шкуру его отдаютъ большую учтивость; такъ что, если убьютъ медвѣдя, то поютъ предъ трупомъ извинительныя пѣсни ради того убѣжденія, что медвѣдь на томъ свѣтѣ будетъ вмѣстѣ съ ними, то, чтобы тамъ не отомстилъ своему убійцѣ.

Противъ уроковъ младенцевъ. Если кто замѣтитъ матеря, что младенецъ ея красивъ, или здоровъ, словомъ—похвалитъ, то суевѣрная мать, чтобы не взяли младенца уроки, облизываетъ ему три раза лицо и каждый разъ сплевываетъ на землю. Тоже дѣлаютъ съ ребенкомъ въ баняхъ.

Суевѣрное разрѣзываніе сльда. Въ то время, какъ только ребенокъ встанетъ впервые на ножки, мать, или другая женщина схватываетъ ножъ и торопится поскорѣе провести по полу этимъ ножемъ между ступней ребенка, ради того, чтобы разрѣшить нехождение и разрѣзать невидимые путы. Но эта опасная поспѣшность часто сопровождалась порѣзомъ пальцевъ ребенку.

Молчаніе. Когда въ компаніи вдругъ всѣ замолчатъ, то говорятъ, что въ это время пролетѣлъ ангелъ. Также говорятъ, что если кто, сидя въ компаніи, вдругъ положить ногу на ногу, то послѣдуетъ молчаніе.

Кому изъ святыхъ, когда нужно молиться въ разныхъ случаяхъ. Въ особенныхъ случаяхъ и въ нуждахъ простой народъ обращается специально къ разнымъ угодникамъ: напр. о избавленіи отъ чумы и эпидеміи иконъ Боголюбской Б. М.—отъ зубной боли—св. Антипію, какъ зубному исцѣлителю; отъ вора и обидчика—Іоанну войственнику: для спорости въ наукѣ, или при начатіи грамоты—Космъ и Даміану; отъ головной болѣзни — Іоанну Предтечъ. Отъ лихорадки есть много молитвъ (см. заговоры). О лошадяхъ молятся Фролу и Лавру. Объ овцахъ—св. Анастасіи, о сновидѣніяхъ и о снѣ—св. девяти Мученикамъ, о разрѣшеніи отъ трудныхъ родовъ—св. Анастасіи узоразрѣшительницѣ; о совѣтѣ и любви между мужемъ и женою—св. Евангелистамъ о исцѣленіи больного—образу Всѣхъ Скорбящихъ; на морѣ отъ бури—св. Николаю Чудотворцу: о благополучной ловлѣ рыбы св. Ап. Петру; о коровахъ — св. Власію: о скотѣ—св. Георгію Побѣдоносцу; о бездождіи—св. Ильѣ пророку; о свиньяхъ—св. Василію Великому; о пчелахъ—св. Зосимъ и Савватію; о курахъ—св. Сергію; о гусяхъ—св. Никитѣ мученику; объ укрощеніи гнѣва въ чловѣкѣ—св. пророку и царю Давиду.

Мухоморъ и его отъствіе. Мухоморъ, какъ извѣстно, ядовитый грибъ, годный только для уничтоженія мухъ, когда его истолочъ, или взрѣзать, полить патокою и поставить въ комнату, при томъ съ открытыми окнами, иначе вредный газъ можетъ принести сильную одуряющую головную боль. Но у Камчадалонъ мухоморъ считается богомъ пьянства и начальникомъ ядовитыхъ зелей и употребляютъ его въ водкѣ для питья на-

стоеннымъ. На камчадаловъ этотъ напитокъ, какъ и на ихъ шамановъ, производитъ одуряющее дѣйствіе, на кого веселящее, на кого надмурное; вообще представляются при этомъ привидѣнія и призраки. Въ моментъ наркотическаго вліянія мухомора, камчадаламъ, какъ и отъ бѣлены, скважины представляются большіи преходами, соломинна—бревномъ, лужа воды—озеромъ. Мысли тоже бываютъ самыя разнообразныя въ это время, смотря по дозѣ употребленія этого напитка; въ малыхъ приемахъ онъ дѣйствуетъ, какъ приемъ хашиша или опиума, располагаетъ къ веселости, смѣху, дѣлаетъ человѣка отважнымъ; но безъ умѣренности—напитокъ этотъ располагаетъ камчадаловъ на самоубійство, такъ, что было множество примѣровъ, что они давились, или топились. За ними на ихъ оргіяхъ всегда большой надзоръ.

Насѣдку сажать—нужно класть подъ нее яйца изъ шапки, или изъ шубы, вообще изъ мѣховой вещи, чтобы было приплода больше *).

Несчастнаго въ домъ не держать. Въ народѣ есть повѣрье, что несчастному ни въ чемъ, какъ самому не спорится, такъ равно онъ и въ постороннемъ семействѣ водворяетъ несчастье. Несмотря на состраданіе къ бѣдственному положенію суевѣрные удаляютъ его отъ себя, а между тѣмъ причиняютъ сами ославленному несчастье.

Обливаніе водою. Въ старину, во времена язычества Славяне какъ рѣкамъ, морямъ, и источникамъ, такъ даже и колодцамъ приносили жертвы для умилостивленія боговъ съ цѣлью умноженія разныхъ плодовъ, а верѣдко и людей бросали въ воду. Въ память этого древняго идолослуженія и нынѣ еще изувѣры и суевѣры въ первый день Святыя Пасхи и въ другіе праздники, когда кто проспится заутреню, обливаютъ водою, или сталкиваютъ въ рѣку, или озеро.

Святые колодцы, святые озера. У насъ на Руси и по сіе время существуютъ св. озера, св. родники, которыхъ воду предпочитаютъ цѣлительною, купаются въ ней и бросаютъ на дно такихъ бассейновъ деньги, дорогія серьги, кольца, браслеты и прочее. Языческій отпечатокъ жертвоприношенія, хотя

*) Почти, чтобы яйца не были слишкомъ остужены, это принята хозяйственная.

я немыслимъ въ наше время, но бессознательный обычай упорно удерживается. Если боги изгнаны, то въ чью же пользу поступаютъ такіе, часто дорогіе подарки?

Обмирание, летарія. Обмирание существуетъ довольно часто, это похоже на продолжительный обморокъ; онъ продолжается не только два, три дня, но мѣсяць, годъ, и какъ удостоверяетъ исторія, даже не одинъ вѣкъ. Примѣры летаргическаго сна мы видимъ даже въ житіи святыхъ; а о временной смерти мы послѣ скажемъ особо. Наши русскіе простолюдины, которымъ приходилось видѣть и слышать воспрянувшихъ отъ такого чудеснаго сна, рассказываютъ, что уснувшаго въ летаргін водили по мытарствамъ, спрашивали о земныхъ дѣлахъ отчета, что этому человѣку приходилось видѣть адскія муки и прочее. Все говорилъ онъ (летаргикъ), только не могъ сказать трехъ словъ, о которыхъ ему было строго запрещено, но кѣмъ? тоже не могъ открыть. По народному сказанію летаргикки оживаютъ не надолго. Утомленный организмъ, безъ воспріятія столь долгое время пищи, не выдерживаетъ.

Обмороженіе — значитъ представленіе вещи не такъ какою она кажется, а въ какомъ нибудь другомъ видѣ. такъ напримѣръ — деньги представляются лягушками или мышами.

Обнова. Тотъ, кто бывало плюнетъ на платье нечаянно, тотъ надѣялся непременно получить, или сшить обнову. Бѣлая пятна на ногтяхъ пальцевъ — тоже обозначаютъ обновы, по величинѣ ихъ судятъ о цѣнности этихъ обновъ.

Осины. Осиною народъ признаетъ проклятое дерево, за то, что на немъ, по преданію, удавленъ Иуда Предатель и потому на этомъ деревѣ, хотя бы даже, если встрѣишь, происходятъ шелестъ листьевъ, оно же имѣетъ по суевѣрному понятію чрезвычайную силу противъ колдуновъ и когда такому умершему и встающему изъ могилы осиновый колъ вколотагъ между плечъ, то колдунъ прекращаетъ свое загробное странствованіе.

Пауки. По народному русскому повѣрью всѣ пауки вредны отъ мала до велика. Что будто бы кто нечаянно съестъ паука, тотъ будетъ страдать водяною или опухолью въ животѣ.

Кому садиться въ переднемъ углу. Передній уголъ вообще назначается въ церемонные дни свадьбы жениху съ невѣстою

и почетнымъ особамъ; вообще попамъ и дуракамъ. Попамъ принадлежитъ по преимуществу ихъ сана, а дуракамъ по ихъ гордости.

Перекосе чешется—о покойникъ слышать.

Прицелить въ дверяхъ свою одежду—значитъ быть еще разъ въ этомъ домѣ.

Забить гробовую крышку въ томъ домѣ, откуда вынесли покойника, значитъ—быть въ томъ домѣ другому покойнику въ скоромъ времени.

Плюнуть на себя печально—иить напраслину, или къ скорой обновѣ.

Паденіе поляна. Если кто, неся къ печкѣ, выронетъ поляно—быть гостямъ; тоже взрять, если горящая головешка вывалится изъ печки.

Понедѣльникъ. Въ этотъ день не любятъ денегъ давать, работы заказывать, изъ дома вхать и наконецъ многіе боятся мясное ѣсть, во избѣжаніе неприятностей, или неуспѣха въ дѣлахъ, счтая это день несчастнымъ. Конечно послѣ шумныхъ оргій и кутежа, когда руки трясутся, голова болитъ, деньги промотаны, то придется не только отказаться отъ всякихъ предпріятій и намѣреній, но даже отъ пищи, кромѣ хлѣба съ водою.

Попергнуться при употребленіи пищи или питія значитъ, что, кто нибудь къ поперхнувшемуся спѣшитъ обѣдать.

Узнать цѣны хлѣба по колосу. По увѣренію суевѣрныхъ людей достаточно только посмотреть на колосъ. Если колосъ начинаетъ цвѣсть отъ вершины, то цѣна на хлѣбъ будетъ высокая, если съ середины, то—средняя, если съ низу, то—низкая.

Собака воетъ. По народному повѣрью, собака воетъ, или къ пожару, или къ покойнику, или къ своей смерти. Къ пожару—воетъ вверхъ мордой, къ покойнику—внизъ, а къ своей смерти—сидя, или лежа. Если на кого собака потянется—то къ обновѣ.

Саванъ шить надобно на живую нитку и отъ себя, иначе весь домъ пережретъ, по увѣренію суевѣровъ.

Свинья. Когда свинья опоросится, то не должно на эту семью смотреть дурнымъ глазами. иначе свинья пережретъ всѣхъ поросятъ. Пынь признано гораздо лучшимъ, отнивать отъ нее поросятъ на нѣкоторое время, или надѣвать на нее намордникъ.

Свистъ. Суевѣры утверждаютъ, что свистѣть—отвращать отъ себя ликъ Богородицы, а свистѣть въ домъ—опустѣніе. Вообще свистѣть не принять въ обществѣ и въ семействахъ въ наше время, какъ непріятное, неуважаемое безпокойство нашего слуха.

Скопа. Такъ, у простаго народа, называлась смертоносная птица, которой адъ заключался въ когтяхъ, который она выпускала своей жертвѣ. Нужно думать, что подъ видомъ этой птицы, подразумѣвалась какая нибудь эпидемическая смерть.

Скоромъ. Встарину, въ посты, твердо соблюдаемые нашими предками, боялись упоминать слово мясо или говядина, а называли *скоромъ*, и притомъ приговаривали: „Помяни *Господи* на *Свѣтло* *Христово* *Воскресенье*“ или „на *Рождество* *Христово*“.

Соль просыпать—быть ссорѣ, во избѣжаніе ея нужно разсыпаться или дать себя ударить по лбу.

Сорочка, въ сорочкѣ уродился, кто считается счастливымъ особенно тогда, когда былъ рожденъ заключеннымъ въ пузырь съ головы до ногъ, какъ въ яицѣ. Эту тонкую перепонку, зашиваютъ въ тряпочку или засмалываютъ въ медальонъ, носятъ вмѣстѣ со крестомъ на шнурѣ, вѣря, что это дастъ на всю жизнь счастье рожденному.

Домъ, зданіе строить, кто намѣренъ, то держитъ въ головѣ первое, чтобы обновить его свадьбой, иначе есть убѣжденіе, что хозяинъ дома умретъ. Потомъ—чтобы не устранивать ворота, а слѣдовательно окна на ночь, то есть на сѣверъ потому, что тогда черти хозяина выживутъ. Хотя это не точно, но однакоже съ сѣвера постоянно дуютъ холодныя вѣтры и никогда не восходитъ солнце, слѣдовательно такъ устроенное помѣщеніе можетъ быть холодно и сыро отъ вѣтровъ, особенно осеннихъ, будетъ слышнѣе свистъ и вой вѣтра особенно близь лѣса, а лѣсные осенніе мотивы вѣтра, тяжелы для всякаго, даже и для того, который смѣется суевѣрїю.

Стѣны трещатъ—домовой выживаетъ. См. *Домовой*.

Предчувствіе таракановъ.—Говорятъ, что они уходятъ изъ того дома, которому скоро горѣть; но скорѣе всего, что они всегда оставляютъ тѣ покои, гдѣ холодно, и кушанье отъ нихъ хорошо накрывается, а также и провизїя, которую они

бать. Это замѣчено и надъ мышами, которыя не любятъ, чтобы все пряталось, отъ ихъ ненасытной прожорливости.

Телятину есть—грѣхъ. На этомъ убѣжденіи телятъ, крестьяне не ѣдятъ; но есть много такихъ существующихъ въ народѣ грѣховъ, которыхъ здѣсь и не перечислить и которые основаны не на духѣ религіи, а на экономическихъ или гигиеническихъ началахъ, точно такъ, какъ у Татаръ и жидовъ, ѣсть свинью. Какъ татары такъ и жида получили свою религію на юго-востокѣ, тамъ гдѣ существовалъ южный палестинскій жаръ, гдѣ свиньи отъ недостатка воды и лужъ заболѣвали проказою и развивали благодаря нерасширенности обитателей, заразу на людяхъ.

На этомъ то основаніи, жидамъ и магометанамъ подъ видомъ грѣха, (разумѣется грѣхъ умышленно развивать болѣзнь, какъ на людяхъ, такъ и на себѣ. Себѣ будетъ самоубійцей и другинѣ убійцей) ѣсть свиней. Но у насъ ѣсть телятину запрещено должно быть бабамъ—экономками при другихъ началахъ: стельныя коровы, лишаясь своихъ сосуновъ, теряютъ молоко. Изъ чего и значитъ, что воздержаніе отъ телятины сельскихъ жителей происходитъ не отъ суевѣрія, а изъ экономіи чисто хозяйственной со стороны старухъ; но кромѣ того, со стороны мужчинъ, тоже имѣется въ виду выгода вырастить теленка — бычка, на семѣна, а телушечку, на племя, да на добычу молочка; выростутъ и копѣчку намъ дадутъ. Вотъ отчего телятина у насъ, у крестьянъ, грѣхомъ считается, а баранина ничего... Вѣдь баранъ хоть шеротку и дастъ, да крестьянинъ съ него и шкурку деретъ, а себѣ тулупъ шьетъ, а безъ шкурки, баранъ челоуѣку на съѣденіе данъ. Вотъ мужичекъ по праздникамъ только баранишкой и занимается, а ни телятиной, ни говядиной, ни, ни! развѣ свиньякой, аль поросятинкой, ну это другое: свинья кромѣ щетинъ да поросятъ ничего не даетъ: ни молока, ни сливокъ, ни творога, ни масла... Скотина безрогая. безталапная!

Угорь—поганая рыба, змья. Простой народъ, не уважаетъ угря, признавая въ немъ рѣчную змью, какъ по наружнымъ ея признакамъ, такъ и по тому, что будучи разрѣзанъ на куски угорь обнаруживаетъ движеніе въ каждой отрѣзанной части, точно также какъ змья, да и потому наконецъ, что онъ жи-

ветъ въ нечистой водѣ, корнтся дрянью. Тогда, говорятъ, его вѣтъ можно, когда въ сени городахъ рыбы вѣтъ, а на дворѣ *масляница*. Точно также не любятъ въ Костромской губерніи рыбу, похожую на налима, но немного красноватѣе въ отѣнкахъ, которая зовется *мыскуль*, а народъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ называетъ ее позорнымъ словомъ.

Уроды. Въ Россіи людей-уродовъ, въ старину эксплуатировали въ свою пользу всѣ тѣ, кто любилъ даромъ собирать съ народа деньги, ничего не дѣлая и собирая на урода добровольное пожертвованіе, питался до смерти урода, или самъ до смерти своей благодушествовалъ въ жизни, пользуясь своей жертвой. Такими уродами, а также и калѣками, равно изуродованными калѣками искусственно, занимались въ старину Ростовцы (Ярослав. губерніи). Между тѣмъ Якуты, по своимъ понятіямъ, почитаютъ всѣхъ уродовъ не только изъ среды животныхъ, но даже людей, исчадіями дьявола и стараются ихъ уничтожить. Но у Якутовъ вѣра составляетъ видоизмѣненіе Ламайской вѣры. Между тѣмъ мы видимъ, что и Китайцы, сохранившіе вѣру ламайскую въ ея чистотѣ, тоже уничтожаютъ своихъ младенцевъ — уродовъ, что имъ даже не запрещено будто бы, тогда, какъ указомъ богдыхана запрещено истреблять зародышей во чревѣ матери.

Утопленники—жертва водяного или русалокъ. Простой народъ говоритъ, что эти всѣ утопленники не ниѣли креста, купались или въ полдень, или въ полночь, — самое опасное время, потому, что русалки или водяной пуще всего въ это время дебоширятъ. Говорятъ, утопленникъ сидитъ на днѣ рѣки или вообще на днѣ другаго какого резервуара, или бассейна на короточкахъ, и какъ обмерщій (по понятіямъ цовѣйшаго изслѣдованія науки) хватаетъ недоккихъ водолазовъ въ охапку и тѣмъ затопляетъ ихъ. Искусство нырковъ или водолазовъ въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы утопленниковъ брать сзади и за волосы и съ нимъ вѣвѣтъ подняться, то-есть выплунуть къ берегу. По рассказамъ многихъ ловкихъ водолазовъ, мастеровъ своего дѣла по части изслѣдованія русла рѣкъ, если они видѣли утопленника, то непременно въ сидачемъ положеніи и на короточкахъ, будь то женщина, или мужчина. Но когда въ утопленникѣ пузырь лопался, то жен-

щина всплывала по течению рѣки на спину, а мушкетер кверху спиной.

Ужъ, домашняя змѣя. Ужа считаютъ неопаснымъ змѣемъ. Деревенскіе жители говорятъ, что онъ живетъ въ южной Россіи подъ полами жилыхъ домовъ, и выходитъ изъ подъ полу въ ту пору, когда маленькіе ребяташки, сложя ножки, ѣдятъ съ молокомъ кашу. Случалось слышать рассказы такого рода: „ребятенки молоко на полу хлѣбають, а ужъ въ чашку къ нимъ молоко нить залѣзають. Ребята, какъ привычны къ ужамъ, народъ, ужей, то однимъ, то другой ложкой: — хлопъ! ну вотъ ужъ опять и скрылись подъ полъ, не ужаливъ дѣтей“. Мы не можемъ сказать, гдѣ ужъ вредны. По изслѣдованіямъ Синашко они безвредны... Народный говоръ слѣдующій: *) Ужъ въ свѣтѣ и другую страдающую пору, когда люди нѣютъ отдыхъ, посреди поля или въ лѣсахъ, ищутъ будто бы такихъ мѣстъ, гдѣ водятся ужъ. Тутъ они разсчитываютъ мѣста совершенно безопасными отъ вредныхъ змѣй; есть повѣрье, что змѣя влѣзаетъ въ горло и сонному человѣку представляется будто онъ глотаетъ что-то холодное. Какъ бы то ни было, но по суевѣрію, а можетъ быть и по убѣжденію народа, ужъ такихъ змѣй отгоняетъ. Народъ спитъ безопасно отъ змѣй вредныхъ довѣряясь гнѣзду ужей, что, по народному сказанью, оправдывается. Ужъ отгоняетъ такихъ змѣй прочь и не отходить отъ человѣка; а иногда вползши на грудь, лежитъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ проснется. Когда кто на ужа наступитъ, да если успѣетъ сказать: *ахъ! непарокомъ!* то ужъ не ужалитъ, вообще ужъ не ядовитый змѣй; но нѣкоторые, вѣроятно смѣшная ужъ съ другими змѣями, ихъ считаютъ ядовитыми; но напротивъ это полезная животная, какъ истребители мышей, лягушекъ, птичекъ и проч. Говорятъ, что отъ ужаленія ядовитой змѣй стоитъ только окунуться въ воду ранѣе се.

Утопленникъ печальный— другое дѣло, но тотъ кто нарочно утопился, по старинному, поминать на молитвѣ за упокой считалось за грѣхъ для поминнающаго. Говорятъ, что вынутаго изъ воды утопленника нужно непременно откачивать, но не класть на землю: если положить на землю замершаго, то онъ непре-

*) Абесса русскихъ суевѣрій.

иѣнно умереть, несмотря на разнаго рода растиранія щетками, шкотанія и прочее. Но медицина отрицаетъ откачиваніе на бочкахъ, на рукахъ, на коврахъ.

У камчадаловъ почитается за грѣхъ, избавить утопающаго: у нихъ есть убѣжденіе, что кто вытащитъ утопающаго изъ воды, тотъ самъ утонетъ; тоже освободить занесеннаго въ дорогъ—считается за грѣхъ.

Уши юрлятъ. У кого горять уши, того гдѣ нибудь въ то время переговариваютъ, то-есть подсмѣиваютъ; когда-жъ въ ухахъ звонитъ, то загадавъ что нибудь, спрашиваютъ, въ которомъ ухѣ звонитъ?

Филинкъ. Эта птица въ народѣ считается пагубною, потому что предвѣщаетъ несчастіе (будто бы); когда птица эта прилетѣвъ на уголъ какого нибудь дома, начнетъ кричать. Суевѣрные люди носятъ при себѣ ея когти, чтобы охранить себя отъ чародѣйства.

Фортуна. Фортуна, богиня счастья: ее повсюду изображаютъ на шарѣ, съ повязкою на глазахъ, держа въ рукахъ рогъ изобилія, изъ котораго сыпались разные предметы.

Франкъ масоны. Извѣстное братство, существовавшее до начала нашего столѣтія въ большой силѣ. Наши простолюдины про масонъ, говорятъ вотъ какія странныя вещи: тотъ, кто вступитъ въ члены Франкъ масонскаго ордена, тотъ неотступно долженъ исполнять всѣ условія ордена, состоящія въ томъ, чтобы не измѣнять его тайнамъ и не оставлять его для этой цѣли: будто бы вступающій долженъ дать рукописаніе своею кровью, а съ него его же кровью пишутъ портретъ и вѣшаютъ на стѣнѣ совѣта франкмасонской ложы. Если портретъ почернѣетъ, то значитъ вступившій измѣнилъ сектъ. Тогда стонутъ только одному изъ членовъ выстрѣлить въ портретъ, и оригиналъ его немедленно умретъ въ ту минуту, несмотря ни на какое разстояніе. Тоже говорятъ, что кто подслушаетъ что либо у Франкъ Масоновъ тайно, тотъ оглохнетъ. Въ народѣ называли ихъ фаръ—мазоны.

Чуранскъ. чуранскъ говорить „чуръ меня“. значитъ угрожать себя отъ предстоящей опасности, напримѣръ отъ дьявола. а иногда въ играхъ. Чуръ, у древнихъ Славянъ былъ богомъ хранителемъ межей, полей, пашень и властителемъ надъ чер-

тани. Поэтому то его всегда, как оберегателя, призывали въ крайней опасности и старались заручаться.

Юпка (примѣта). Если у замужней женщины при надѣваніи юпка завернется, то это, по суевѣрію бабъ, считается, что въ тотъ годъ, та женщина родить.

Яица (примѣта). Подъ насадку назначенныя яица не должно переносить чрезъ рѣку, или каналъ, потому что отъ того не будетъ цыплатъ, а нужно непремѣнно въ шапкѣ переносить съ мѣста на мѣсто. чтобы куры были съ мохватыми ногами и съ хохлами.

Ячмень на глазъ—чирышекъ, если сядетъ на глазу, то чтобы онъ уничтожился, стоитъ только не въ примѣту тому, кто его шибеть, слегка плюнуть въ больной глазъ, или поднести къ больному глазу кукишь, говоря: „*ячмень, ячмень! вотъ тебѣ кукишь. что хочешь, то и купишь, купи себѣ топорокъ, съжи себя поперекъ*“ и увѣряютъ, что отъ этого болѣзнь скоро проходитъ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПРИМѢТЫ.

Изстари существуютъ примѣты, освященныя вѣками, которыя передаются изъ вѣка въ вѣкъ, какъ заповѣдь. Эти примѣты основанныя на климатическихъ условіяхъ, отчасти атмосферическихъ и астрономическихъ, приблизительно вѣрны для средней полосы Россіи. Мы будемъ руководствоваться въ этомъ случаѣ примѣтами, располагая ихъ помѣсячно *).

Январь. 5. Яркія звезды подъ крещеніе породятъ бѣлыхъ ярокъ. 6. На Крещенье день теплый—будетъ хлѣбъ темный. Если на воду идутъ (на Иордань) въ туманъ—хлѣба будетъ много. На крещенье ятеть—на Святой ятеть. Мететь снѣгъ (въ этотъ день) хлопьями—къ урожаю. Звѣздная ночь—урожаи на горохъ и ягоды. 8. Коли на Омелина (Емелиана) подуетъ отъ Кіева—лѣто грозно. 10. На Григорія Нисскаго ишей на стогахъ—къ мокрому году. 18. На Авонасія ломоноса—береги носъ (морозы). Помело метлой на маслеу—придетъ государыня мительная. Въ полдень солнце—песня рашная. 22. Ти-

*Примѣты эти взиты изъ календари Алексѣя Алексѣевича Гатцука.

мофьевскіе морозы—ползимы. 24. На Аксинью полузимницу дорогу перемететь—кормъ подмететь. Ведро—весна красная. Какова Аксинья, такова и весна.

Февраль. Февраль бокогрѣй, воду подпустить, а Мартъ подбереть. 2. На Трифона звѣздно—весна поздняя. Срѣтенскіе морозы и оттепели. Какова погода на Срѣтенье, такова и весна. На Срѣтенье снѣжокъ—весной дождокъ. Капель—урожай на пшеницу. Отъ 3 до 11—семь крутыхъ утренниковъ: три до Власія, четыре послѣ Власія. 11. Св. Власія—сшиби рогъ съ зимы. Власьевскіе морозы. 15. Онисима Овчарника, окликають звѣзды для плодородія овецъ. 28. Василія капельника.

Мартъ. И Мартъ на шось садится (Морозъ). Ни въ Мартѣ воды, ни въ Апрельѣ—травы. Коли въ Мартѣ снѣжокъ за долинами—урожай на огородину и ярицу. 1. Пролѣтью, Авдотья Плющиха, подмочи порогъ. Пришли Евдокѣи—мужику затѣи. Евдокія весну сряжаетъ. Красный день Евдокіи—урожай на огурцы и грузди. Новичекъ на Евдокію съ дождемъ—быть лѣту мокрому. На Евдокею снѣгъ—урожай; теплый вѣтеръ—лѣто мокрое; сѣверно—холодное лѣто. Съ Евдокеи погоже—все лѣто пригоже. Съ Евдокеи вѣтры и вихри. Отколь вѣтеръ въ Евдокеи, оттоль и во все лѣто. 2. На Фодота наносъ—все сѣно снесешь (долго травы не будетъ). 4. Герасима грачевника. Коли грачи прямо на гнѣздо летать—дружная весна. 9. Сорокъ мучениковъ—сорокъ утренниковъ (впередіи будетъ). 17. Алексѣя—съ горъ вода. Каковы на Алексѣя теплаго ручьи—такова и пойма. 25. Весна на Благовѣщеніе—много морозовъ впередіи. На Благовѣщеніе дождь—родится рожь, морозъ—урожай на грузди, гроза—къ теплomu лѣту и орѣхамъ, мокро—къ грибамъ. Зимній путь кончается или за недѣлю—до Благовѣщенія или спустя недѣлю—послѣ Благовѣщенія.

Апрѣль. Въ Апрельъ земля ирѣбеть. Апрельъ съ водою—Май съ травою. Апрельъ сипить да дуеть,—тепло бабамъ сулить, а мужикъ гладить, что-то будетъ. 1. Марья зажги снѣга, зайграй овражки. Коли разливъ—травы много. 5. Пришлоъ Федулъ—тепликъ раздулъ. 12. Василія Парійскаго—весна землю парить. 15. На св. Пуда—доставай пчелъ изъ подъ спуда. 16. Прини—свѣи капусту на разсадникахъ. 18. На Козьму—свѣи морковъ и свеклу. 23. Егорій съ росой, Никола съ травой,

Егорій съ теплоуъ, Никола съ кормоуъ. Егорій съ ношей, Никола съ возоуъ. Юрій запасаеуъ коровуъ, Никола коней. Коли на Юрія березовый листь въ полушку, къ Успенью клади хлѣбъ въ кадушку. Юрій (Георгій) весну начинаеуъ, а Илья лѣто кончаеуъ. На Юрья дождь—скоту легкій годъ, а гречи не родъ. На Юрья роса не надо овса; снѣвгъ (крупа)—урожай на гречу. Морозъ—будеуъ просо, овесъ и гречи хороши. Ясно утро—ранній сѣвъ, ясный вечеръ—поздній сѣвъ. 30. Теплый вечеръ и звѣздная ночь—къ урожаю и ведрому (сухому) лѣту.

Май. Мѣсяцъ май—коню сѣна дай; а самъ на печь ползай. Коли въ май дождь—будеуъ прожъ. Май холодный—годъ хлѣбородный. 1. Коли на Ереуѣя погоже—уборка хлѣба пригожъ. 2. Борисъ—соловьиный день. На Бориса—самъ боронися. Борисъ и Глѣбъ—сѣюуъ хлѣбъ. 5. Ирины разсадницы. 6. Юва горошника, росенника, большая роса—къ урожаю огурцевъ. 8. Ивана пшенишника. 9. Николая вешній—праздникъ конюховъ. Лягушка квачеуъ—овесъ скачеуъ. Сади картофель. 11. На Мокія мокро, пли туманно—все лѣто мокро. Выходъ солнца багряный—все лѣто грозное. 13. Лукерья комарини. 14. Прошли Сидоры—прошли сиверы. 15. На Пахомія бокогрѣя поздний овесъ и пшеницы. Пришолъ Пахомъ—понесло теплоуъ. 18. Семь дѣвъ сѣюуъ лень.—Пришелъ Ѳедотъ—беретеуъ земля за свой родъ. Коли на Ѳедота на дубу макушка съ опушкой—будеуъ мѣрить овесъ кадушкой. 19. На Ивана долгаго—сажай огурцы. 21. На Олену—сѣй лень, ярицу, гречу, ячень, сѣй огурцы. 23. Леонтія огуречника. 26. Съ Иванова дня пошли медвяныя косы. 29. Феодосіи колосяницы.

Іюнь. Конецъ полѣтя — начало лѣта. 1. Красно утро на Устина—красный наливуъ ржи. Дождливый и пасмурный день—урожай на лень и коноплю. 3. На Луку полуденный вѣтеръ—къ урожаю яровыхъ; сѣверозападный—къ сырому лѣту; восточный—къ повѣтріамъ. На Троникой недѣли дождь—много грибовъ. 8. Гроза на Федора лѣтняго—плохая уборка сѣна. 12. Петра солищеворота, капустника. Солнце за зиму,—лѣто на жары. 13. Акулины гречишницы (гречиху сѣюуъ на недѣлю до Акулины, либо за недѣлю послѣ). 23. Акулины купальницы. 24. Ивана купала—1-й покосъ. До Иванова дня просите дѣтка

дождя у Бога, а послѣ Ивана я самъ упрошу. Сильная роса на Ивана—къ огурцамъ. 27. На Сампсона сѣногноя дождь—7 недѣль дождь. 29. Съ Петрова дня красное лѣто—зеленый покосъ. Зарница хлѣбъ зорить, коли дождь на Петровъ день—сѣнокосъ мокрый. На Св. Петра день дождь—урожай не дурной, два дождя—хорошій,—три—богатый.

Июль. Сѣнозарникъ, страдникъ. 1. Начало покоса. Кузьма и Демьяны пришли — на покосъ пошли. 8. Коли на Казанскую черница (черника ягода) поспѣла—поспѣла и рожь. Зажинъ ржи. 12. Св. Прокла—отъ росы поле промокло, (великія росы. 19. Коли на Макришу мокро—страда (полевая работа) ненастная. 20. Илья живо зачинаеть, лѣто кончаетъ. Начинаются утренники. На Ильинъ день до обѣда—лѣто послѣ обѣда—осень. До Ильина дня въ сѣнъ пудъ меду, послѣ Ильина дня пудъ навозу (значить хорошо сѣно скосить до Ильина дни, поспѣшить надо, а то гнить будетъ). 22. На Марью—сильныя росы—льны будутъ сѣры и косы. 25. Коли утренникъ холодный, и зима холодна. 29. Пронеси Господи Каляника морокомъ (туманомъ), а не морозомъ.

Августъ. Овсы да льны въ августъ смотри. 1. Во что Макавен, въ то и разговѣнье. Съ перваго Спаса хорошая роса. 3. На Исакія вихри—къ крутой зимѣ. 6. Со втораго Спаса начало засѣва озими. Пришелъ второй Спасъ, бери рукавицы про запасъ. (Значить могутъ и руки озябнуть). Осенины. 10. Коли на Лаврентія вода тиха, осень будетъ тиха, и зима безъ вьюги. 15. Оспожинки, обжинки. На Успенъ огурцы солить; на Сергія капусту солить. 16. Третій Спасъ хлѣбный. Съ 15—29. Молодое бабье лѣто. Сѣй озими до Фрола. 18. Фрола и Лавра—лошадиный праздникъ. Начало утренниковъ. 23. На Св. Луппа, овесъ морозомъ лупить. Первые заморозки (лупенскіе). Коли брусника поспѣла и—овесъ дошелъ.

Сентябрь. Сентябрь заревникъ. (Зарень). Много желудей—къ теплой зимѣ и плодородному лѣту. 1. Въ Семень день—сѣвалка съ плечь. Осенины, первая встрѣча осени. Бабье лѣто по Спасовъ день. (8 числа) Бабій праздникъ и бабьи работы. Не постно оно, осень сухая. Много тенетника—осень ясная, зима холодная. 8. Малая пречастая Пасиковъ и Луковъ день. Осенины. Вторая встрѣча осени. 11. Всякому лѣту аминь.

14. Вздвигенье — кастанъ съ плечъ сдвигаетъ, тулупъ надвѣваетъ. Начало капустныхъ вечеровъ, или капустниковъ. 15. Никиты гусепролета, рѣпорѣза. Стрижка овецъ. 18. Коли журавли полетятъ, то будетъ на Покровъ морозъ, а нѣтъ, то позже. 24. Ѳеклы заревяницы—замолотки. 27. Савватія—пчельника.

Октябрь. Октябрь—грязникъ, ни колеса, ни полоза не любить. Поздній листопадъ—на тяжелый годъ. Коли листь съ дуба и березы упалъ чисто—легкій годъ, нечисто—къ строгой зимѣ. Листъ ложится на землю вверхъ изнанкой (мохнатою стороною)—къ урожаю. Хорошая отава—къ озими. Первый снѣгъ за сорокъ дней до зимы. Ива рано ввѣетъ покрылась—къ долгой веснѣ. 1. Покровъ — первое позимье. Вѣтеръ съ востока—зима холодная. Не покрытъ Покровъ снѣгомъ—не покроетъ и Рождество. 7. Съ Сергія зима начинается. Съ Матрены (1 ноября), черезъ четыре седмицы, становится. 9. Іаковъ Братъ Господень, крупницу пошлетъ. 14. На Грязнихи порошокъ — грязь. 4 Садны до зимы. 28. Прасковья Лыняницы. 29. Авраамія печерника, Настасья строгольницы.

Ноябрь. Снѣгу надуетъ—хлѣбъ придуетъ, вода разольется—сѣна наберется.—Мокрый снѣгъ на озимь,—тотъ же наземь. Безъ воды зима не станетъ. Первый прочный снѣгъ въ ночь и на мокрую землю. Коли ледъ на рѣкѣ становится грудями—будутъ хлѣба груды. 1. Козьма, Демьянъ съ мостомъ—Никола—съ гвоздемъ. Козьма Демьянъ—закуетъ, Михайла раскуетъ. 8. Михаила съ подумостомъ. Коли на Михайла закуетъ—на Николу раскуетъ. 9. Съ Матрены зима встаетъ на ноги. 11. Ѳедоръ Студить, землю студить. 12. Коли дождь—то оттепели до Введенія. 15. Гурій на пѣгой кобылѣ (грязь и снѣгъ). 16. На Матвѣи земля прѣе. 21. Введенье ломаетъ леденье. Введенскія оттепели. Введенскіе морозы зиму не ставятъ. 26. Юрій съ мостомъ, а Никола съ гвоздемъ.

Декабрь. Большой иней, бугры снѣга, глубоко промерзлая земля—къ урожаю. Коли снѣгъ привалитъ вплотъ къ заборамъ—плохое лѣто; коли есть промежутки—урожайное. 4. Трещить Варюха — береги носъ да ухо! (Морозъ). Варвара мостить, Савва вострять (или салить), а Никола гвоздитъ. Коли въ Николинъ день снѣдъ заметаетъ,—дорогѣ не стоять. 9. Опока

на деревьях—къ урожаю. 12. Спирядона Солнцеворота. Солнце на лѣто—зима на морозъ. 16—17. Иней—теплые святки. Коли на Агея сильный морозъ, то онъ простоятъ до Крещенія. 24. Какова опока на деревьяхъ, таковъ будетъ цвѣтъ на хлѣбѣ. 25. Ясный день—къ урожаю. Небо звѣздисто—къ большому приплоду скота, къ ягодамъ и гороху. Тропинки черны—къ урожаю гречи.

Народныя примѣты по солнцу и облакамъ.

Солнце съ красною зарею заходитъ, а съ свѣтлою восходитъ—къ ведру и ясному дню. Красная вечерняя заря—къ вѣтру. Въ тучу, темное облако садится—къ дождю. Въ туманъ—тоже. Сильно при закатѣ сіяетъ—къ большому вѣтру. Тупые и рѣдкіе лучи солнца при закатѣ или восходѣ—къ дождю.

Свѣтлое облако предъ восходомъ солнца—хорошій день. Темноватое—пасмурный или дождливый. Мѣняющее цвѣта облако—къ дождю. Красныя облака—къ дождю. При полудневномъ вѣтрѣ—къ порывистому вѣтру и непогодѣ. Если же при этомъ лучи солнца темнѣютъ, то ожидай грозы. Кучею облака при восходящемъ солнцѣ—къ переменной погодѣ. Изъ темнаго облака солнце появляется съ большимъ жаромъ—къ грозѣ. Солнце паритъ и тишина въ воздухѣ—къ большой грозѣ и дождю. Краснаго цвѣта солнце на восходѣ—къ большому вѣтру. Солнце въ туманѣ—къ дождю. Различнаго цвѣта лучи восходящаго солнца—къ пасмурной, или къ дождливой погодѣ. Тоже предвѣщаетъ желтый, бѣлый, или зеленой восходъ солнца. Кругъ около солнца не раздѣляющійся при исчезновеніи—къ доброй и сухой погодѣ. Если кругъ разорвется, то со стороны разрыва кольца, будетъ вѣтеръ. Если кругъ темноватый, зимою—предвѣщаетъ стужу, лѣтомъ—дождь и вѣтеръ. Кругъ зеленоватый или красноватый предъ восходомъ, или заходомъ солнца—дождь, или вѣтеръ на нѣсколько дней.

По лунѣ. Если вѣтеръ въ три дня, обглядится, то весь мѣсяцъ будетъ водряный. Когда мѣсяцъ родится внизъ рогами (къ югу), то зимою будетъ теплый, а лѣтомъ жаркій мѣсяцъ; когда рогами вверхъ, то зимою холодный, а лѣтомъ вѣтряный.

Рога къ вѣтру, но нижній крутой, верхній отлогій, то первая половина мѣсяца зимой холодная, лѣтомъ вѣтреная; если же верхній рогъ круче, а нижній отложе, то та же примѣта на вторую половину мѣсяца.

Рога луны остры и ярки—къ ведру. Круты—къ морозу, Отлогн рога—къ ненастью. Тусклый мѣсяць—къ мокротн. Ясный—къ суху. Въ синевѣ—къ дождю; въ краснѣ—къ вѣтру, съ ушами—къ морозу. Ясная, кругловатая луна—зимой къ стужѣ. Лѣтомъ—къ ведру. Кольцо вокругъ луны—къ вѣтру.

По звѣздамъ. Когда млечный путь свѣтитъ, то будетъ хорошая погода. Когда же кажется, что звѣзды въ немъ словно бѣгутъ, то будетъ вѣтеръ. Черные круги около звѣздъ—къ дождю. Бѣлые и красные—къ ведру. Темные, зеленые и блѣдные круги—къ дождю. Сильно блестятъ звѣзды лѣтомъ—къ жарѣ.—Зимой—къ морозу. Темнѣютъ—къ переѣнной погодѣ, вѣтру и грозѣ. Мало звѣздъ видно—къ пасмурной погодѣ и дождю; а откуда лучи звѣздъ будутъ длиннѣе оттуда будетъ вѣтеръ.

По воздушнымъ явленіямъ. Гроизъ зимой—къ сильнымъ вѣтрамъ. Пушистые инен—къ ведру. Вечерняя роса—къ ведру. Тузанъ падаетъ (не поднимается)—къ ведру, поднимается—къ ненастью. Высокая и круглая радуга—къ ведру, пологая и низкая—къ ненастью. Большіе дождевые пузыри—къ ненастью и пушему дождю. Ранная роса лѣтомъ, а осенью иней—къ ведру. Дымъ столбомъ—къ морозу или къ ведру. Когда дымъ безъ вѣтру бьетъ къ землѣ, лѣтомъ—къ дождю, зимой—къ снѣгу.

По животнымъ. Скоть ложится подъ кровлю—къ ненастью, а на дворѣ—къ ведру. *Свинья* чешется—къ теплу. Визжитъ—къ ненастью; солому таскаетъ—къ бурѣ. *Лошадь* храпитъ—къ ненастью, фырчетъ—къ дождю, трясеть головой и закидываетъ къ верху—къ ненастью. *Собака* валяется—къ ненастью. Траву встѣ—къ дождю. *Кошка* лижется—къ ненастью. Кошка моется, джжетъ лапу—къ ведру; Морду хоронитъ—къ морозу, либо—къ ненастью; въ печурку садится—къ морозу, непогодѣ; скребетъ полъ—къ вѣтру и иятели; стѣну деретъ—къ непогодѣ. Крепко спитъ—къ теплу; лежитъ брюхомъ или рыльцемъ кверху—къ теплу.

Дворовая птица ошпыливается—къ ненастью.

Курица на одной ногѣ стоитъ—къ стужѣ. Настѣдка сажаетъ подѣ себя цыплить—къ ненастью.

Вороны въ кучу собираются—къ ненастью, купаются—тоже; каркаютъ стаями лѣтомъ—къ ненастью; зимой—къ морозу.

Воробы въ пыли купаются, или щебечутъ—къ дождю. *Ласточки* низко летаютъ—къ дождю, а высоко—къ ведру.

ЗАКЛИНАНІЯ, ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, МОЛИТВЫ, ПОДХОДЫ, ПРИГОВОРЫ и проч.

Знахари, пользующіеся большой довѣренностью въ простомъ народѣ, употребляютъ заговоры и другіе обряды только для того, чтобы прикрыть таинственностью свои дѣйствія; въ сущности врачевное искусство, которое по преимуществу состоитъ въ знаніи свойствъ нѣкоторыхъ травъ. Народъ же, по склонности своей къ суевѣрію, допускаетъ и даже съ охотою вѣрить этому шарлатанству, которое по времени сдѣлалось преобладающимъ, такъ, что въ настоящее время ни одинъ знахарь не приступитъ къ леченію безъ заговора, или какой либо маскирующей дѣйствіе обрядности. Обряды, эти тутъ не имѣютъ никакого значенія въ сущности, но много вліяютъ на народъ, пробуждая въ немъ вѣру въ несомнѣнность акта.

Допустивъ при леченіи обряды, народъ легко допустилъ знаніе знахарями таинственныхъ словъ, которыя имѣютъ силу осуществлять желаемое. Сила этого слова, по мнѣнію народа, заключается въ самомъ словѣ и времени, когда оно произносится. Основываясь на этомъ, народъ излеченіе болѣзней относитъ не къ травамъ, а къ словамъ и обрядамъ, сопровождающимъ леченіе.

Принадлежности знахарства, употребляемыя при леченіи, ворожбѣ, отдуваніи, нашептываніяхъ и пр. слѣдующія: печная глина, уголь, соль, зерна хлѣбныя, и проч. Принадлежности эти, какъ видно, сходны съ принадлежностями колдуновъ, но они, по повятію народа, имѣютъ особое значеніе: у первыхъ, соль, уголь, и прочее по вліянію злыхъ духовъ, принимаетъ въ себя вредное начало для человѣка; у знахарей же напротивъ: освященные силою слова, они служатъ на пользу; напр.,

уголь употребляется для излеченія отъ сглаза, соль отъ желудочныхъ болѣзней и т. д.

Заговоры отъ истеченія крови.

1. Знахарь крѣпко сжимаетъ указательнымъ и большимъ пальцемъ рану и произноситъ до трехъ разъ, отплевываясь послѣ каждого раза въ правую сторону: „Дернъ дерись, земля крѣпись, а ты кровь, у раба (има рекъ) уймись“. или же говорить такъ: 2. „На моръ Океанъ, на островъ на Буянъ, дѣвица краснымъ шолкомъ шпла; шить не стала, руда (кровь) перестала“. Эти слова тоже говорятся три раза, не переводя духа, а иначе кровотеченіе можетъ усилиться *).

3. *Чтобы не шла кровь изъ раны.* При порубѣ, или при другихъ случаяхъ, когда кровотеченіе считается опаснымъ, три раза наговариваютъ шепотомъ слѣдующія слова и послѣ каждого раза на рану сплевываютъ:

„Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота; погляжу въ чистое поле— ѣдетъ изъ чистаго поля богатырь, везетъ вострую саблю на плечъ, съчетъ и рубитъ онъ по мертвому тѣлу, не тече ни кровь, ни руда изъ этого мертваго тѣла. (Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ уездѣ.)

4) *Заговоръ отъ крови.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Доселева было при Агарянъ царѣ, небо мѣдно и земля желѣзна и не дала плоду отъ себя. Какъ утихнулись и ужахнулись рѣки и ручьи и малые источники, такъ бы утихнулась у раба б. Н. кровь горячая и щепота, и ломота, и много пособляешь всѣмъ мовимъ словомъ, какъ ключъ небо, а замокъ земля, аминь, аминь, аминь, (Записалъ помоч. Миссіонера Батраковъ, въ с. Ухтоостровъ, Холмогор. уѣз., Арх. губ.).

5. *Заговоръ отъ поръза.* На моръ на Океанъ, на островъ на Буянъ лежатъ бѣлъ, горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ, Алатырь, сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, руда желтую, зашиваетъ

См. Очерки поверій, преданій, примѣтъ и заданій. Вор. губ., свѣщ. извѣстръ Николоев.

равы кровавыя. Заговариваю, я раба (такого-то) отъ порѣзу. Бузатъ прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань *).

6. *Отъ истеченія крови.* Въ Мѣщовскомъ уездѣ, надъ обрѣзаннымъ, или порубленнымъ мѣстомъ, знахари говорятъ три раза: „Летитъ воронъ чрезъ Черное море, несетъ нитку шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись. Послѣ того каждый разъ дуютъ на порѣзанное мѣсто. (*Сообщено П. Евстигнеевымъ ***).

7. *Заговорить кровь.* „Фу ты, Боже мой! ни крови, ни раны,—чистая рана, ни синей опухоли. Ни ножомъ не сѣклося, ни топоромъ, никакимъ инструментомъ и нѣтъ у раба Божія (ниа рекъ), ни щипоты, ни ломоты, ни синей опухоли. (*Доставилъ г. Никольскій изъ гор. Мезени ****).

8. *Чтобы не шла кровь изъ раны.* Конь младъ, человекъ старъ. Ты, руда, стань, болѣе не кажь у раба Божія (ниа рекъ). (*Записано г. Шешенинымъ въ Камскомъ уездѣ*).

9. *Чтобы не шла кровь изъ раны.* Баба шла по дорогѣ, собаку вела за собой; баба пала, собака пропала; руда стаць, больше не кань. (*Записалъ Шешенинъ въ Камскомъ уездѣ*).

10. *Если какой либо человекъ посьчетъ, что-нибудь у себя, то заговаривать кровь, или щипоту.* Стану я рабъ Божій (ниа рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы двериши, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоятъ святъ окіанъ-камень, на святомъ окіанъ-каменѣ сидитъ красная дѣвица съ шелковой ниткой, рану зашиваетъ, щипь унимаетъ и кровь заговариваетъ у раба Божія (ниа рекъ), и чтобы не было ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, тѣмъ моимъ добрымъ словомъ ключъ я замокъ отпущу до вѣку, аминь. (*Нарядъ Устьпод. Удѣльн. Прав. о доставл. въ арх. Удѣльн. Конт. Этнограф. свѣд. 1847 г. по описи № 60*).

1. *Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвицы, въ болѣзни полюбившаю молодца.* Ложилаь спать я, раба Божія (такая-то), въ темную вечернюю зорю, темнымъ темно; вставала я (такая

* Связаніе Русс. Нар. Сахарова. Спб. 1841 г. Т. I.

** Сп. Тависта. чарм. Издавіе Леузина.

***) Сп. Труды Этногр. Отдѣла. 1878 г. Книга V. вып. II.

то) въ красную утреннюю зорю, свѣтлымъ свѣтло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платомъ. Пошла я изъ дверей до двери, изъ воротъ въ ворота, и шла путемъ дорогою, сухимъ сухопутьемъ, ко Окіанъ-морю, на святъ островъ; отъ Окіанъ—мора узрѣла и усмотрѣла, глядячи на востокъ краснаго солнышка въ чисто поле, а во' чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла: стоятъ семибашенный домъ, а въ томъ семибашенномъ домѣ, сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ, сидитъ уговариваетъ недуги, на колѣняхъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежатъ булатные ножички. Взшла я раба (такая-то) въ семибашенный домъ, смиреннымъ смиреншенько, головой поклонилась, сердцемъ покорилась и заговорила: Къ тебѣ я пришла красна дѣвица съ покорителемъ объ рабѣ (такомъ-то), возьми ты красна дѣвица съ серебрянаго блюдечка булатные ножички въ правую руку, обрѣжь ты у раба (такого-то) бѣлую някоть, ощишли его и оберн: скорби, недуги, уроки, пригороки, затяни кровавыя раны, чистою и вѣчною своею пеленою. Защити его отъ всякаго челоуѣка: отъ бабы вѣдуны, отъ дѣвки простоволосыя, отъ мужика одноженца, отъ двоеженца, отъ троюженца, отъ черноволосаго, отъ рыжеволосаго; возьми ты, красная дѣвица, въ правую руку двѣнадцать ключевъ и замки двѣнадцать замковъ, и опусти эти замки во Окіанъ—море, подъ Алатырь камень. А въ водѣ бѣлая рыбаца ходитъ и она бы тебѣ ключи подхватила и проглотила; а рыбаку бѣлая рыбаца не поимывать, а ключевъ изъ рыбаца не вынимать, а замковъ не отпирывать. Недужился бы недугъ у раба (такого-то), по сей день, по сей часъ, какъ вечерняя и утренняя заря станеть потухать, такъ бы у моего друга милого всѣмъ бы недугамъ потухать и, чтобы недугъ недужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его вѣкъ. (*Сказаніе Русс. нар. Сахарова. Томъ I. из. III. 1841 г.*)

2. *Заговоръ красной дѣвицы, о сбереженіи въ дорогѣ полюбованнаго молодца.* Ложилась спать я (такая-то), въ темную вечернюю, позднимъ поздно; вставала я въ красную утреннюю зорю раннимъ рано; умывалась ключевою водою изъ горшкаго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ родительскимъ. Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота и вышла въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ охорошилась, на всѣ четыре сто-

роны поклонилась, на горючъ камень Алатырь становилась, крѣпкимъ словомъ заговаривалась, частыми звѣздами обтыкалась, темнымъ облакомъ прикрывалась. Заговариваю я, раба такая-то, своего любовнаго молодца (такого-то), о сбереженіи въ дорогѣ; крѣпко на крѣпко, на вѣкъ, на всю жизнь. Кто изъ лугу всю выщиплетъ и выѣстъ, изъ моря всю воду выпьетъ, и не взалкаетъ и тотъ бы мое слово не превозмогъ, мой заговоръ не расторгъ. Кто изъ злыхъ людей его обзорочитъ и обпризорочитъ, и окодуетъ, и испортитъ, у нихъ бы тогда изъ лба глаза выворотило въ затылокъ; а моему любовному молодцу (такому-то)—путь и дороженька, доброе здоровье на разлукѣ моей. (*Сказ. Рус. Нар. Сахар., тамъ же*).

3. *Заговоръ на путь—дороженьку.* Ёду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дальнія мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зарямъ; умываюсь ледяною росою, утираюсь, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звѣздами. Ёду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ *одолень*—трава. Одолень—трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки *). Одолень трава! одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили, отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень—трава! одолѣй мнѣ горы высокія, доли низкія, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды. Иду я съ тобою, одолень трава, къ Окіанъ морю, къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ-морѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ, лежитъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Какъ онъ крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поверотился, руки не поднимались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одолень трава, у ретивова сердца, во всеиъ пути, во всей дороженьки. (*Сказ. Русс. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*)

ЗАГОВОРЫ О ТОСКѢ.

1. *Заговоръ отъ тоски.* На морѣ на Кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, подъ дубомъ мокрецкимъ сидитъ рабъ

*) Самокрутками называютъ дѣвушекъ вышедшихъ замужъ безъ согласія и благословенія родителей.

Божій (яма) тоскуя, кручинится въ тоскѣ невѣдомой и въ грусти незнаемой, въ кручинѣ недосказанной. Идутъ 8 старцевъ со старцемъ незваныхъ, непрошенныхъ; гой ты, еси рабъ Божій (яма), со утра до вечера кручинный ты, что, по что сидишь такой на половѣ полянѣ, на островѣ Буянѣ, на морѣ Кіянѣ! И рече рабъ Божій (яма) 8 старцамъ со старцемъ: нашла бѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце; щемить, болитъ головушка, не миль свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Воззовиши всякъ старцемъ со старцемъ грознымъ грозно, начали ломать тоску, бросать тоску за околицу, кидна кидалась тоска, отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ дороги до перепутья, отъ села до погоста; нигдѣ тоску не приняли, нигдѣ тоску не укрыли; кинулась на островъ на Буянѣ, на море на Окіанѣ, подъ дубъ мокрецкой. Заговариваю я раба (яма) отъ наносной тоски, по сей день, по сей часъ, по сію минуту, слово мое никто не превозможетъ не аеромъ, *) ни духомъ. (*Изъ рукописи г. Д. Книжолобова*).

Заговоръ матери отъ тоски по родномъ селѣ. Разрыдалась я родная, раба (такая-то), въ высокомъ теренѣ родительскомъ съ красной утренней зарей во чисто поле глядячи, на закатъ ненагляднаго дитятки, своего яснаго солышка (такого-то). Досидѣла я до поздней вечерней ночи, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмиллось мнѣ крушить себя, а придумалось мнѣ заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца; стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою прозорочною, и возговорила зычнымъ голосомъ: Заговариваю я своего ненагляднаго дитятку (такого-то) надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красныя, освѣщаю свѣчею обручальною его становой кафтанъ, его осанку соболиную, его подпоясъ узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко

*) Аеромъ—воздуховъ.

ненаглядное, свѣтлѣ солнышка яснаго, милѣ вешяго дня, свѣтлѣ ключевой воды, бѣлѣ яраго воска, крѣпче камня горячаго, Алатыря. Отвожу я отъ тебя черта страшнаго, отгоню вихора бурнаго, отдаляю отъ лѣваго одноглазаго, отъ чужаго домоваго, отъ злаго воднаго, отъ вѣдьмы Кіевской, отъ злой сестры ся Муромской, отъ моргуньи русалки, отъ треклятыя бабы-яги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны каркуньи, защищаю отъ кащей адуна, отъ хитраго чериокижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи—вѣдуныи, а будь ты, мое дитятко—имѣи словомъ крѣпкимъ—въ нощи и въ полунощи, въ часу и въ получасьи въ пути и дороженькѣ, во снѣ и на яву укрыть отъ силы вражіей, отъ нечистыхъ духовъ, сбереженъ отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохраненъ на водѣ отъ потопленія, укрыть въ огнѣ отъ сгорѣнія. А придетъ часъ твой смертный и ты вспомни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный; обернись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ. А будь мое слово, сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣпче горячаго камня Алатыря, могучѣе богатыря. А кто вздумаетъ моего дитятко обморочить и узорочить, и тому скрѣпиться за горы Араратскія, въ бездны преисподнія, въ смолу кипучую, въ жаръ палючій. А будутъ его чары, морочанье его—не въ морочаніе, узорочаніе его—не въ узорочаніе. (*Сказаніе Русскаю Нар. Сахарова. Томъ I. Рус. Чернокижскіе. Стр. 19.*)

3. *Заговоръ матери въ наносковъ тоскъ своей дитятки.* На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, подъ дубомъ мокрецькимъ, сидятъ двѣнца красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится, во тоскъ невѣдомой, во грусти недознаемой, во кручинѣ недосказанной; лдутъ семь старцевъ съ старцемъ, незваныхъ, непрошеныхъ. Гой, ты еси двѣнца красная, со утра до вечера кручинная! Ты что, по что сидишь на полой полянѣ, на островѣ на Буянѣ, на морѣ на Океанѣ? И рѣче двѣнца семя старцамъ со старцемъ: нашла бѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце, шевить, болить головуш-

ка, не нилъ и свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Возопиша семь старцевъ со старцемъ грознымъ—грозно, учали ломать тоску за околицу; кидна кидалась тоска отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ рѣки до перепутья, отъ села до погоста, и нигдѣ тоску не укрыли; кинулась тоска на островъ на Буянь, на море на Окианъ, подъ дубъ мокрецою. Заговариваю я родная матушка (такую-то) свою ненаглядную дитятку (такую-то) отъ наносной тоски по сей день, по сей часъ по сію минуту. Слово мое никто не превозможетъ ни аеромъ, ни духомъ. (*Сказаніе Русс. Народ. Сахарова. Томъ I. 1841 г.*)

4. *Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски.* Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья, пролегалъ путь—дороженька, всѣмъ дорогамъ старшая и большая, по той дорожкѣ шли дщери Иродовы, несли во рукахъ пруты ивовы, а шли онѣ въ мѣръ кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить. Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, на путяхъ и перепутьяхъ выростала травушка со муравушкой, на той травушкѣ со муравушкой сидѣла тоска со кручиной, а сидѣли онѣ да подумывали: какъ бы людей крушить, сердца щемить, свѣта не возлюбить.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, среди бѣлокаменной Москвы стоитъ теремъ боярскій, въ томъ теремѣ боярскомъ сидятъ во тоскѣ красная дѣвица по незнаемой бѣдѣ.

Вы, дщери Иродовы, не ходите по пути по дороженькѣ на мѣръ кости знобить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы во чисто поле на травушку со муравушкой, что на ту травушку, гдѣ сидитъ тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы онѣ изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабѣ (такой-то), наносную тоску, а не покорится вамъ тоска, ино вы учините бить во пруты ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко на крѣпко; а кто мой заговоръ воздолѣетъ, и ему провалиться сквозь таръ-тарары. (*Сказаніе Русс. Нар. Сахарова, тамъ же.*)

5. *Заговоръ отъ стѣни, задумчивости и отъ тоски и печали.* Крестъ, крестомъ крестъ, человекъкъ родися, крестъ водрузися и сатана связася, Богъ прославися, во имя Отца, и

Сына, и Святаго Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь (паниши крестъ + и въ немъ сѣи слова и повѣсь на крестъ).

ЗАГОВОРЫ ВОИНСКІЕ.

Заговоръ отъ пицалей и стрѣлъ. За дальними горами есть Окіанъ—море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: Желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, проволоку, свинцу, олову, серебру, золоту, каменяшъ, пицаламъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ: Подите вы желѣзо, каменя и свинецъ въ свою мать землю отъ раба (такого-то), а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птицу въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба (такого-то), а велить онъ ножу, топору, рогатни, кинжалу, пицаламъ, стрѣламъ, борцамъ, быть тихимъ и смирнымъ. А велить онъ, не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пицали, а велить схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпче панцыря и колчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣлъ—горючь камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ моя словеса крѣпки. (*Сказанія Русс. Нар. Сагарова. Томъ I. См. Нар. Пред. о чернокижѣи*).

2. *Заговоръ отъ ратныхъ орудій.* Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громовую стрѣлу во сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы—попымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильный дождь, что имъ покорились и поклонились селитра, порохъ, свирнымъ свирнехонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрыдываютъ и пузыри отскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прыдали отъ меня стрѣлы и порохъ-селитра

Слово мое крѣпко! (*Тамъ же, у Сахарова Сх. Рус. Нар. Сахарова*).

3. *Заговоръ отъ пули свинцовыя, мѣдныя, каменныя.* Въ высококъ терему въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ, покрывается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Въ правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, въ лѣвой иждныя, а въ ногахъ каменныя. Ты, красная дѣвица, отбери ружья: турецкія, татарскія, ивмецкія, черкесскія, мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ *), заколоти ты своею, невидимою рукою ружья врагιά. Будеть ли стрѣлять изъ ружья, и ихъ пули были бы не въ пули; а пошли ты эти пули во сыру землю, во чисто поле. А былъ бы я на войнѣ неуредпнъ, и мой конь былъ бы цѣлъ и невредимъ; а была бы моя одежда крѣпче панцыря. Замыкаю мои приговорыя словеса замкомъ; и ключъ кидаю въ Окіанъ-море подъ горючь камень Алатырь. Какъ морю не усыхать, камня не видать, ключей не доставать, такъ меня пулямъ не убивать до моего живота, по конецъ вѣка. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

4. *Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.* Мать сыра земля, ты мать всякому желѣзу, а ты желѣзо поди въ свою мать землю, а ты древо, поди въ свою мать древо, а вы перья подите въ свою мать птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а рыба поплыви въ море; а мнѣ бы рабу (такому то) было бы просторно во всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на меня не ходите бороться ушми и боками. Какъ мителица не можетъ прямо летѣть, такъ бы всѣмъ вамъ немочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня и приставать ко мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ крѣпокъ и дологъ. (*Сх. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*)

5 *Заговоръ ратнаго человека идущаго на войну.* Выкатило красное солнышко изъ-за моря Хвалынскаго, выходилъ ибѣяць

*1) Супостатъ—отъ слова супоставленный, супротивъ поставленный, супротивный то есть—врагъ, неприятель

изъ-подъ сная неба, собирались облака изъ далека, собирались сизы птицы во градъ каменный, а въ томъ градъ каменною породила меня мать родная (такая то), а рожад, приговаривала: будь ты мое дитятко цѣль и невредимъ, отъ пушекъ, цыцалей, стрѣль, борцовъ, кулачныхъ бойцовъ: бойцамъ тебя не требовать, ратнымъ орудиямъ не побивать, рогатиною и копіемъ не колоть, топоромъ и бердышемъ не съчь, обухомъ тебя бить—не убить, ножемъ не узавить, старожилымъ людямъ въ обманъ не вводить, молодымъ парнямъ ничѣмъ не вредить, а быть тебѣ передъ нимъ соколомъ, а нимъ дроздами. А будь твое тѣло, крѣпче камня, рубаха, крѣпче желѣза, грудь, крѣпче камня Алатыря; а будь ты: въ домъ добрымъ отцомъ, во полѣ молодцомъ, въ рати удалцомъ, въ міру на любованъ, на брачномъ пиру безъ малаго ухищренья, съ отцемъ съ матерью во миру, съ женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи. Заговариваю а свой заговоръ материниъ заповѣданьемъ; а быть ему во всемъ, какъ указано, во вѣки ненарушни. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговоръ всему—превозмогъ. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

6. *Заговоръ ратнаго челоуька, идущаго на войну.* Выхожу я во чпстое поле, сажусь на зеленый лугъ, во зеленомъ лугу есть зелья могучія, а въ нихъ сила видима-невидимая. Срываю три былинки: бѣлая, черная, красная. Красную былинку метать буду за Окіанъ-море, на островъ на Буянъ, подъ мечъ кладенецъ; черную былинку покачу подъ чернаго ворона, того ворона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясъ узорчатомъ зашить, завить колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечъ кладенецъ, черная былинка достанетъ уздечку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каменной стрѣлой. Съ тѣмъ мечемъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкой обратю коня врага, съ тѣмъ колчаномъ, со каленой стрѣлой, разобью врага супостата. Заговариваю я ратнаго челоуька, (такого то) на войну съ симъ заговоромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь. (*Сказаніе Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

7. *Заговоръ ратнаго челоуька, идущаго на войну.* Подъ ме

ремь подъ Хвалынскимъ стовтъ иѣднѣй домъ, а въ томъ иѣд-
номъ домъ закванъ зѣвъ огненный, а подъ зѣвомъ огненнымъ
лежитъ семипудовый ключъ отъ княжева терема Володимирова,
а во княжемъ теремѣ Володимировомъ сокрыта сбруя богатыр-
ская, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ.
По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ, плыветь лебедь кня-
жая со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю я ту ле-
бедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети къ морю Хвалын-
скому, заключи зѣва огненного, достань ключъ семипудовой, что
ключъ отъ княжева терема, терема Володимирова. Не моиѣ
крыльмиѣ долетать до моря Хвалынскаго, не моею мочи рас-
клевать зѣва огненного, не моиѣ ногами дотащить семипу-
довый ключъ. Есть на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ
воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ; онъ долетитъ до моря
до Хвалынскаго, заключетъ зѣва огненного, притащитъ ключъ
семипудовой; а воронъ посаженъ злою вѣдьмою Кіевскою. Во
лѣсу стоячень, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая,
ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма Кіевская. Пойду ль
я въ лѣсъ стоячій, въ боръ дремучій, взойду-ль я въ избушку
ко злой вѣдьмѣ Кіевскою. Ты, злая вѣдьма Кіевская: вели сво-
ему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ иѣднѣй домъ,
заклевать зѣва огненного достать, семипудовый ключъ. Заупря-
нилась, закорачилась злая вѣдьма Кіевская о своемъ воронѣ.
Не моею старости бродить до моря до Окіана, до острова до
Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моиѣ словомъ запо-
вѣднѣмъ достать ворону тотъ семипудовой ключъ. Разбилъ во-
ронъ иѣднѣй домъ, заклевалъ зѣва огненного, досталъ семипу-
довой ключъ. Опираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ Во-
лодимировъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей Ноугород-
скихъ, соратниковъ молодецкихъ. Во тойъ сбруи не убьютъ
меня ни пищали, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни казанская,
ни татарская рать. Заговариваю я раба (такого то) ратнаго
человѣка, идущаго на войну смѣй моиѣ крѣпкимъ заговоромъ.
Чуръ слову коонецъ, моему дѣлу вѣнецъ! (*Сказ. Рус. Нар. Са-
харова, тамъ же*).

8 *Заговоръ ратнаго челоуька, идущаго на войну.* На морѣ
на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, сидитъ добрый молодецъ, по
чъ заточень. Къ тебѣ я прихожу, добрый молодецъ, съ

покоримъ. Выдаютъ меня родные братья во княжью рать, одинокаго, неженатаго, а во княжьей рати мнѣ по добру не жити. Заговори меня своимъ молодецкимъ словомъ. Радъ бы стоять въ полѣ за тебя горькаго сиротину, да крѣпка моя неволл, да горька моя истома. Заговариваю я раба (такого то) идти на войну во всемъ потому, какъ заповѣдалъ мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ человѣкомъ, ино будь сбережень: отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ борца, единоборца, отъ бойца врага-супостата, отъ всей поганой, татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей, отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ. И будетъ тебѣ топоръ, не въ топоръ, бердышь не въ бердышь, пищаль не въ пищаль, татарская пика не въ пикю, поганая татарская сила не въ силу, казанская рать не въ рать, черные Божіе люди не въ люди, бабки зазоры не въ зазоры, богатыри не въ богатыри, недуги не въ недуги. Кручусь, верчусь отъ топоровъ, бердышей, пищалей, пикъ, бойцовъ, борцовъ, татарской силы, казанской рати, черныхъ Божіихъ людей. Отпахнусь по сей вѣкъ, по сей часть, по сей день. (*Сказаніе Рус. Народа Сахарова, тамъ же*).

9. *Заговоръ ратнаго чловѣка, идущаго на войну.* Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной водой, утрюсь сырой землей, завалюсь за каменной стѣной, Кремлевской. Ты, стѣна Кремлевская! бей враговъ супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ, а былъ бы я изъ нея цѣлъ, невредимъ. Лагу я поздно, вечерней зарей, на сырой зарѣ, во стану ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри княжьей породы, изъ дальнихъ странъ, со ратной русской земли. Вы богатыри могучи, перебейте татаръ, половните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за васъ цѣлъ и невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣлъ и невредимъ. Вы, раны тяжелыя; не болите; вы раны бойцовъ меня не губите, вы пищали меня не десятирите, а былъ бы я цѣлъ и невредимъ. Заговариваю я (раба такого то) ратнаго чловѣка, идущаго на войну, сямъ моимъ крѣпкимъ наговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ! (*Тамъ же. Т. I, Ск. Рус. Нар. Сахарова*).

10. *Заговоры ратнаго человека, идущаго на войну.* Заважу я рабъ (такой-то), во пяти узловъ всякому стрѣльцу не иррону, невѣрному на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ орудіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцямъ весь пути и дороги, замѣните весь пищали, опутайте весь луки, поважите весь ратныя оружія. И стрѣльцы бы въ пищаляхъ не были, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, весь ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча зѣвѣнная сокрыта, отъ змія двенадцать главаго, того змія страшнаго, что прилетѣлъ со Окіанъ-моря, со острова Буяна, со шѣднаго дома, того змія, что убить двенадцатью богатырями подъ двенадцатью дубами; въ моихъ узлахъ защиты моей начихою зѣвѣнная головы. Заговариваю я раба (такого-то) ратнаго человека, идущаго на войну моимъ крѣпкимъ заговоромъ, крѣпко на крѣпко. (*Тамъ же. Т. I. См. Сл. Рус.-Нар. Сахарова*).

ЗАГОВОРЫ ЛЮБОВНЫЕ.

1. *Заговоръ молодца на любовь красной дѣвочки.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ тоска; бѣется тоска, убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ поляна, изъ поляна выбѣгалъ сатанина, кричить: „Павушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабъ (такой-то) въ губы, въ зубы въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба (такая-то) тосковала всякій часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ; ѣла бы не заѣла, пила бы не запяла, спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтобы я ей былъ лучше чужаго молодца, лучше роднова отца, лучше родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью- семью замками, семьюдесятью- семью цѣпами, бросаю ключи въ Окіанъ море, подъ бѣлъ горячъ камень Алатырь. Кто мудренѣй меня взыщется, кто перетаскаетъ песокъ изъ всего моря, тотъ отгонитъ тоску. (*Сказ. Русс. Нар. Томъ I. Сахарова. 1841 г.*)

2. *Заговоръ для любви.* Исполнена еси земля дивности. Какъ на морѣ, на Окіанѣ на островѣ на Буянѣ есть горячъ камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепальная баня; въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ, тридцать три

тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски и бросаются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголъ, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ всѣ пути и дороги и перепутья, воздухомъ и аеромъ. Мечитесь тоски, киньтесь тоски въ буйную ея голову, въ тылъ, въ лѣкъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретиво сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣнье, во все ея тѣло бѣлое, и во всю кровь горячую, и во всѣ кости, и во всѣ суставы, въ 70 суставовъ, полусуставовъ и подсуставовъ; и во всѣ ея жилы въ 70 жилъ, полужилъ и поджилковъ, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала во всякъ день, во всякъ часъ, во всякое время; нигдѣ-бъ пробыть не могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути и дороги, и перепутья съ трепетомъ, туженьемъ, съ плачемъ и рыданьемъ, зѣло спѣшно шла бы и рыдала и пробыть безъ того ни минуты не могла. Думала бѣ объ немъ не задумала, спала бѣ не заспала, ѣла бы не заѣла, пила бѣ не запила и не боялась бы ничего, чтобы онъ ей казался милѣ свѣту бѣлаго, милѣ солнца пресвѣтлаго, милѣ луны прекрасныя, милѣ всѣхъ, и даже милѣ сна своего во всякое на молоду, подъ полнѣ, на перекроѣ и на исходѣ мѣсяца. Сіе слово есть утвержденіе и укрѣпленіе, имъ же утверждается и укрѣпляется, и замыкается. Аще ли кто отъ человѣкъ, кромѣ меня, покусится отмыкать страхъ сей, то буди, яко червь въ свинцѣ орѣховомъ. И ничѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бурей, ни водою дѣло сіе не отмыкается. (*Тамъ же. Томъ I. 1841. Сл. Русс. Нар. Сагарова*).

3. *Заговоръ полюбвеннаю молодца на любовь красной дѣвицы.* За моремъ, за Хвалынскимъ, во мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ, заточенъ во неволѣ, закованъ въ семьдесятъ-семь цѣпей, за семьдесятъ-семь дверей, а двери заперты семьюдесятью замками, семьюдесятью крюками. Никто добра молодца изъ неволи не ослобонитъ, никто добра молодца до сыта не накормитъ, до пѣяна не напойтъ. Приходила къ нему родная матушка (такая-то) во слезахъ горючихъ, пошла молодца сытой медовой, кормила молодца бѣдоснѣговой крупой, а кормивши молодца сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу

чужой добычи, не свыкаться бы молодцу съ буйными вѣтрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрѣлу по поднебесью, не стрѣлать бы во бѣлыхъ лебедей, что лебедей княжнхъ, не доставать бы молодцу мечъ кладенець врага—супостата; а жить бы молодцу во терему родительскомъ, со отцемъ, со матерью, съ родомъ-племенемъ. Ужъ какъ возговорить добрый молодець: не чисто поле меня сгубило, не буйны вѣтры занесли на чужую добычу, не каленой стрѣлой доставалъ я бѣлыхъ лебедей, не мечемъ-кладенцемъ хотѣлъ я достать враговъ—супостатовъ, а сгубила молодца воля молодецкая, во княземъ терему надъ дѣвицей красной (такой-то). Заговариваю я, родная матушка (такая-то) полюбовнаго молодца (такого-то) на любовь красной дѣвицы (такой-то). Вы вѣтры буйные, распорите ея бѣлу грудь, откройте ея ретиво сердце, навейте тоску со кручиною; чтобы она тосковала и горевала: чтобы онъ ей былъ милже своего лица, свѣтлже яснаго дня, краше роду племени, привѣтливже отца съ матерью; чтобы онъ казался во снѣ и на яву, въ день и полдень, въ ночь и полночь; чтобы онъ ей былъ во припожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по немъ, и безъ него бы радости не видала, утѣхъ не находила. Кто камень Алатырь изглохнетъ, тотъ мой заговоръ превозможетъ. Моему слову конецъ на любовь красной дѣвицы (такой-то). (Томъ I. Сказ. Русс. Народа. Сазарова. 1841 г.).

4. *Заговоръ на любовь.* На морѣ на Окианѣ есть бѣлъ горючъ (свѣтящійся) камень Алатырь, никѣмъ невѣдомой, подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы вѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу (на такую-то) красную дѣвицу; сажаю я силу могучу во всѣ составы, полусоставы, во всѣ кости и полукости, во всѣ жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча въ (такой-то) красной дѣвицѣ несхедно; а жги ты сила могуча, ея кровь горючую, ея сердце кипучее на любовь къ (такому-то) полюбовному молодцу. А была бы красная дѣвица (такая-то) во всея послушна полюбовному молодцу (такому-то), по всю его жизнь. Ничѣмъ бы красна дѣвица не могла отговориться

ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ чело-
вѣкъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое
крѣпко, какъ бѣлъ горячъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю
воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщиплетъ, и тому мой
заговоръ не превозмочь, силу могущу не увлечь.

5. *Какъ приворотить дѣвку.* Наговоръ на праникъ. Истопи
баню жарко и войди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чи-
стую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на праникъ.
Когда становишь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей за-
говоръ:

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стояло древо;
на томъ дровѣ сидѣло семьдесятъ, какъ одна птица; эти птицы
щипали вѣтви (вѣтви), эти вѣтви бросали на землю; эти вѣтви
подбирали бѣсы и приносили къ Сатанѣ Сатановичу. Ужъ ты
худъ бѣсъ! кланяюсь я тебѣ и поклоняюсь, — сослужи мнѣ
службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце (има рекъ) по мнѣ
(има рекъ) и зажги всѣ печеня и легкое, и всѣ суставы по
мнѣ (има рекъ), буди мое слово крѣпко, крѣпче трехъ була-
товъ во вѣки! (*Вели праникъ свѣсть*) *).

6. *Наговоръ на любовь на праникъ.* Взойди въ баню и гла-
голи трижды со вниманіемъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Бо-
жій, помилуй насъ, аминь. На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на
Буянѣ, на рѣкѣ Ярданѣ, стояла гробница, во той гробницѣ
лежала дѣвица. Раба Божія (има рекъ)! Встань, пробудись, въ
цвѣтно платьѣ нарядись, бери кремень и огниво, зажигай свое
сердце ретиво по рабѣ Божіемъ (има рекъ) и такъ зажигай
крѣпко, и дайся по рабѣ Божіемъ (има рекъ) въ тоску, въ пе-
чаль, какъ удавшему (удавленнику) въ петлѣ, такъ бы рабѣ
Божіей (има рекъ) было бы тошно по рабѣ Божіемъ (има рекъ).
Какъ утопшему въ морѣ, такъ бы рабѣ Божіей (има рекъ)
было бы тошно по рабѣ Божіемъ (има рекъ), какъ душа съ
тѣломъ разстается во вѣки, аминь. Утверждаю Іисусомъ Хри-
стомъ, и Пресвятою Госпожею Богородицею, и всею небесною
силою, во вѣки, аминь. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣ-
ковъ, аминь. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.

*) Народные заговоры собр. Леонасьевымъ. Сп. Летопись Русской Литературы.
1862 г.

Отца—аминь, Сына—аминь, Святаго Духа—аминь. *Дав прлямакь свѣсть **).

6. *Заговоръ на любовь дѣвушки ***). Лягу я, рабъ Божій (ниа рекъ) помолюсь и встану перекрестясь, и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подъ чистыя звѣзды, подъ лунь (луну) Господень. И лежать три дороги: и не пойду, ни на право, ни на лѣво; пойду по середней дорогѣ, и та дорога лежитъ черезъ темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсу стоитъ древо тоски; тоскуеть и горюеть тоска, печалуется (печалится) и поселю я ту тоску въ рабу Божию (ниа рекъ); взойди въ ея бѣлое тѣло и въ ретиво сердце, и въ русыя косы, въ кровь горячую—въ руду кипучую, чтобы она по рабъ Божию (ниа рекъ) тосковала, и все бы она обо ниѣ думала; въ питъѣ бы она не запивала, въ ѣствѣ бы она не заѣдала, во снѣ бы она не засыпала и завсегда бы она меня, раба Божія, на ушѣ держала. Какъ солнцу и мѣсяцу по нѣхи нѣтъ, такъ бы и моему заговору помѣхи не было. Аминь, аминь.

7. *Слова присушить дѣвицу*. Во ния Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чистое поле, въ широкое раздолье; на встрѣчу ниѣ, среди чистаго поля и широкаго раздолья семьдесятъ буйныхъ вѣтровъ, семьдесятъ вихоревъ и семьдесятъ вѣтровичъ и семьдесятъ вихоровичъ. Пошли они на святую Русь зеленаго лѣсу ломать, и на полѣ изъ корени вонъ воротить, и пещеры каменная разжигать. И тутъ, я, рабъ Божій (ниа рекъ) помолюсь ниѣ и поклонюсь: о вы, есте: 70 буйныхъ вѣтровъ, 70 вихоревъ, и 70 вѣтровичъ и 70 вихоровичъ. Не ходите вы на святую Русь, зеленаго лѣсу ломать, изъ корней вонъ воротить и пещеры каменная рѣзжигать, подѣте вы, разожгите у рабы Божіей (ниа рекъ) бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятную душу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы, и всю ей, чтобы она раба Божія (ниа рекъ) не могла бы ни жить, ни быть, ни питъ, ни истъ, ни слова говорить, ни рѣчи творить безъ меня раба Божія, (ниа рекъ). Какъ меня она,

*) Лэтон. Русс. Народ. Литер. Заговоры. Азовасяса. 1862 г.

***) Таме Азовасяса.

раба Божія (иия рекъ) увидитъ, или гласъ мой услышитъ, то бы радовалось ей (ея) бѣлое тѣло, ретивое сердце, паматная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы, и всѣ у ней суставы веселились. И какъ ждетъ народъ Божія владичнаго праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія и звону колокольнаго, такъ бы она, раба Божія (иия рекъ), дождалась: на который день она меня не увидитъ, или гласа моего не услышитъ, такъ бы она сохла, какъ кошенная трава съ поля; какъ не можетъ быть рыба безъ воды, такъ бы не могла бы быть она безъ меня, раба Божія (иия рекъ). Тѣмъ моимъ словамъ и рѣчашъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь. (*Изъ стариннаго рукоп. Сборника, полученнаго изъ с. Ваймуи Холмогор. ульзда* *).

8. *Присушитъ дѣвицу на пряникъ.* Молодой человекъ, желающій возбудить къ себѣ любовь непреклонной дѣвицы, идетъ къ знахарю, съ просьбой присушить къ нему ту, которая была къ нему равнодушна.

Колдунъ вынимаетъ пряникъ и, принявъ таинственный видъ, начинаетъ, поводя глазами, и расширяя по временамъ ноздри, заговаривать на этотъ пряникъ: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чистое поле за дворами; взмолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: Вѣтеръ Моусей, вѣтеръ луна, вѣтеръ буйный вихоръ! дуйте и винтите по всему бѣлому свѣту и по всему міру крещеному, распалите, разожгите, и сведите рабыню Н. со мною, съ рабомъ Божіимъ Н., душа съ душой, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хотъ съ хотью, не уроните той моей присухи, ни на воду, ни на лѣсъ, ни на землю, ни на скотину: въ воду сроните—вода высохнетъ, на лѣсъ сроните — лѣсъ повянетъ; на землю сроните—земля сгоритъ; на скотину сроните—скотина посохнетъ. Снесите и донесите, вжите и положите въ рабицу Божію (иия рекъ), въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хотъ и въ плоть, чтобы красная дѣвица не погла безъ меня, раба Божія (иия рекъ), ни пить, ни быть, ни

*) Пошѣн. *Труды Этнограф. Отдѣла.* Сж. книгу V. Вып. второй. 1878 г. При Москов. Университетѣ.

подкозьнномъ жилѣ, и въ пространной жилѣ, въ.... *) и вездѣ бы сохло и болѣло, по мнѣ, рабѣ Божиѣ Н. Еще есть въ чистомъ полѣ стоитъ Феокластъ, да все высохло; днемъ на солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ и при частыхъ звѣздахъ, и при частыхъ дождякахъ въ семидесяти суставахъ, и въ семидесяти жилахъ, и въ подкозьнномъ жилѣ, и въ пространной жилѣ въ..... и вездѣ бы сохло у рабы Божіей Н. Двадцать четыре часу ночныхъ и дневныхъ, на утренней зарѣ, на вечерней зарѣ, на новцѣ мѣсяцѣ и на ветхи мѣсяцѣ, и на перекроѣ мѣсяцѣ, во вся межевные дни, не могла бы она, раба Божія Н., безъ меня, р. Б. Н. ни жить, ни быть. Есть въ чистомъ полѣ, печь мѣдиная, наложено дровъ дубовыхъ, какъ отъ тѣхъ дровъ дубовыхъ сколь жарко разгорается, и такъ бы разгорѣлось у рабы Б. Н., по мнѣ рабу Б. Н., 24 часу дневныхъ и ночныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ и на ветху мѣсяцѣ, во вся межевные дни, не могла бы она р. Б. безъ меня ни жить и ни быть. Всѣмъ мовѣиъ словамъ ключъ и замомъ, аминь, аминь, аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль, или на пиво, или на пряникъ, или на вино. *(Списано со старинной рукописной тетрадки изъ Пинежскаго уѣзда в. Хромцовымъ).*

10. *Присушить дьяку.* Выйду я на улицу, на Божіи свѣтъ, посмотрю въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ есть 77 мѣдныхъ, свѣтлыхъ каленныхъ печей, на 77 на мѣдныхъ, на свѣтлыхъ каленныхъ печахъ по 77 яги-бабъ, у тѣхъ у 77 яги-бабъ, есть по 77 дочерей, у тѣхъ у 77 дочерей есть по 77 клукъ и по 77 метель. Помолюся и покорюся я, р. Б. Н., этимъ яги-бабовымъ дочерамъ: „ой еси вы яги-бабовы дочери, присушите и прилуците рабу Б. Н. къ рабу Б. Н., метлами слѣды запашите, клуками заключите, бейте, убивайте подпятную жилу, бейте убивайте подкозьнную жилу, бейте убивайте корекористый дубъ, бейте убивайте мѣдныя каленыя печи. Коль горятъ пылко и жарко мѣдныя печи, такъ же бы раба Б. (имя рекъ) пеклась и калилась во всякое время, во всякъ часъ, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полуночи, о утренней зарѣ и на вечерней, на нову и на ветху мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцѣ; не могла бы она р. Б. Н. ни жить, ни быть, ни пить, ни

*) Известный Membrum.

исть, во снѣ не засыпала, въ пѣтін не запивала, во ѣдѣ не заѣдала, съ добрыми людьми во бесѣды не засиживала, все меня, р. Б. Н., на умѣ держала; и казался бы я, р. Б. Н., свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца, краснѣе красна солнышка, любе отца, матери, толще и матерѣй всего міру крещенаго. Вѣтры вѣтерочки, буйны вихрочки, спущу я съ вами свои слова, свою статью, на свою сторону, гдѣ ее найдете, тутъ ее возьмите,— на широкой улицѣ, во ишаной хороминѣ, во дверяхъ, воротцахъ.

(Этотъ заговоръ, кажется незаконченный, списанъ со старинной тетрадки, доставленной г. Хромцовымъ изъ Пилежскаго уѣзда, въ Труды Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. 1878 г.).

11. *На разжесіе сердца у дѣвицы.* Стану и неблагоговясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дворами, изъ двора не воротами, въ чисто поле. Въ томъ полѣ есть Окіанъ-море, въ томъ морѣ есть Алатырь камень, на томъ камнѣ стоитъ столбъ отъ земли до неба огненный, подъ тѣмъ столбомъ лежитъ змѣя жгуча, опалюча. Я той змѣѣ, поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты змѣя! не жги, не пали мени, полетай подъ восточную сторону, въ высокъ теремъ, въ новый покой (покой), пухову перину, шелкову подушку, къ дѣвицѣ Н., разожги и распали у той дѣвицы бѣлое тѣло, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, всѣ подпятныя и занокотныя жилы; чтобы она, дѣвица Н., не могла ни жить, ни быть, часу часовать и минуты миновать; по утру вставала—обо мнѣ бы вздыхала, пошла—ко мнѣ бы Н., величала, ни съ кѣмъ бы она думы не думала, мыслѣ не мыслила, плоду не плодила, плодовыхъ рѣчей не говорила, ни съ отцемъ бы, ни съ матерью, ни съ родомъ, ни съ племенемъ, кромѣ меня, р. Б. Н., все бы она, дѣвица Н., со мной, р. Б. Н., думу думала, мысли мыслила, плодъ плодила, плодовая мысли говорила, на ветху и на нову мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцу. Будьте тѣ мои слова, недоговорены, перегонорены, всѣ сполна говорены, ключъ сямъ словомъ въ зубы, замокъ—въ ротъ. *(Доставилъ въ Труды Этнографическаго отдѣла 1878 г. Ш. А. Ивановъ изъ г. Пинежъ).*

12. *На разжесіе дѣвичьего сердца.* Встану я, рабъ Божій (я рекъ), благоговясь, пойду перекрестясь, изъ избы дв-

рани, изъ двора воротами, въ чистое поле, погляжу и посмотрю подъ восточную сторону; подъ восточной стороной стоитъ есть три печи. Печка мѣдная, печка желѣзная, печка кирпичная. Какъ онѣ разожглись распалились отъ неба до земли, разжигаются небо и земля и вся подвселенная, такъ бы разжигало у р. Б. (имя рекъ) къ рабу Божию (имя рекъ) легкое и печень, и кровь горячую, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни питъ, ни есть, ни спать, ни лежать, все на умъ меня держать. Недоговорены, переговорены, прострѣлите мои слова, пуше востраго ножа и рысыяго когтя. (*Записалъ помощникъ миссіонера Батраковъ въ с. Ухтоостровъ **).

13. Слова, тоску напустить, присушить дьвока. Четыре зарницы, четыре сестрицы: первая Марья, вторая Марфа, третья Марина, четвертая Макрѣда; подѣте вы, сымайте тоску и великую печаль съ гостей, съ властей, со кручинныхъ, по тюремныхъ людей, солдатовъ-новобранцевъ и съ малыхъ младенцевъ, которые титьку сосали и отъ матерей остались; наложите ту тоску и тѣлесную сухоту, великую печаль, на рабу Божию (имя рекъ), чтобы она, раба Божія (имя рекъ), безъ меня, раба Божія (имя рекъ), не могла бы она ни жить, ни ходить, ни лежать, не спать, все по мнѣ рабъ Божиємъ (имя рекъ) тосковать; тѣмъ словаъ и рвчашъ ключенныя слова, аминь, аминь, аминь. (*Изъ стариннаю рукописнаю сборника, полученнаю изъ села Ваймуш, Холмогорскаго уѣзда **).

14. Слова, тоску напускать. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле; въ чистомъ поле стоятъ изба, въ избѣ изъ угла въ уголь лежитъ доска, на доскѣ лежитъ тоска. Я той тоскѣ, рабъ Божій (имя рекъ), помолюся и поклонюся: о, сія тоска, не ходя ко мнѣ, рабу Божию (имя рекъ), поди тоска, навались на красную дѣвпцу, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ ретивое сердце, разожги у ней, рабы божіей (имя рекъ), ретивое сердце, кровь горячую по мнѣ, рабъ Божиємъ

* Ся. Труды Этнографа. Отд. Императорскаго общ. люб. Естествознанія, Этногр. и Антропол. 1878 г. Кн. V. томъ II

**) Пом. тутъ же

(ниа рекъ), не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крѣпость, аиннь, аиннь. (*Изъ старая рукописнаго сборника с. Ваймуш. Холмогорс. уѣзда*).

15. *Навести тоску*. Встану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, стану на западъ хребтомъ, на востокъ лицомъ, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна пеба летить огненна стрѣла; той стрѣлѣ помолюсь, покорюсь и спрошу ее: „куда полетѣла огненная стрѣла?“ Во темныя лѣса, въ зыбуція болота, во сырое коренье!“ „О ты, огненна стрѣла! воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на Святой Руси красна дѣвица (ниа рекъ), полетай ей въ ретиво сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, въ становую жилу, въ сахарныя уста, въ ясныя очи, въ черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, при вихрѣ-холодѣ. На прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отиниѣ и до вѣка. (*Шенкурс. уѣзд*).

16. *Присушать дѣвока* (наговоръ на пищу и питье). Держитца, сохнетъ, прочь не отходить. Какъ малый младенецъ отъ матери прочь не отходить, держитца, сохнетъ по всякій часъ и на всякое время, какъ косякъ косяка держитца, прочь не отходить, такъ бы держалась раба Божія (ниа рекъ) крѣпко и плотно прочь отъ меня, раба Божія (ниа рекъ), не отходила, держалась и сохла крѣпко; какъ двери отъ ободверины не отходятъ, держатся крѣпко, какъ печная доска отъ печи прочь не отходить, такъ бы не отходила раба Божія (ниа рекъ) отъ меня, раба Божія (ниа рекъ), сохла, горѣла, прочь не отходила во всякій часъ, во всякое время. Стану я, рабъ Божій (ниа рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широкую улицу, пойду въ чистое поле, въ чистомъ полѣ красное солнце грѣеть и огрѣваетъ сыроматерую землю; отъ краснаго солнца сохнетъ и обсыхаетъ роса медвяная, такъ бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы Божіей (ниа рекъ) по мнѣ рабъ Божиємъ (ниа рекъ). Какъ красное солнце огрѣваетъ сыроматерую землю, щепитце и колитца, и сохнетъ, какъ хмѣль вьетце в тянетце по сыроматерой земли, такъ бы вялось и тянулось ретивое сердце по мнѣ, рабъ Божиємъ (ниа рекъ) на всякой часъ,

на всякое время. Пойду я рабъ Божій по зарю Марью, по зарю Маремьянію, ко Господню престолу, на Господнемъ престолѣ мати Марія и Маремьянія; приду я къ тебѣ рабъ Божій (имя рекъ), низко помолюся и поклонюся, какъ на тебѣ нетлѣнные ризы держатся, такъ бы держалась, раба Божія (имя рекъ). Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ) подлѣ синие: есть въ морѣ ковыль щука, безъ воды не можетъ ни жить, ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой часъ. Поди, та тоска, въ семьдесятъ жилъ, въ семьдесятъ составовъ, во становя въ двѣ жилы, и въ едину въ попятную, и спяновую жилу. Тѣмъ моишь словамъ ключъ и замокъ. Брошу замокъ въ морскую пучину, тѣмъ моимъ словамъ ключа не бывать и того замка не отпирать. Аминь, аминь, аминь. *(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуи, Холмогорскаго уѣзда).*

17. *Наговоръ на присушеніе.* Какъ рабъ Божій Н. любитъ рабу Божию Н., такъ чтобы и раба Божія Н., не могла безъ него ни жить, ни пить, ни исъ, и любила, и почитала его лучше отца и матери, бѣлаго мѣсяца и краснаго ясна солнышка, вѣки по вѣки, отнынѣ до вѣку, аминь. *(Доставилъ г. П. А. Ивановъ изъ г. Цинем).*

18. *Для присухи (мужчины).* Изъ свѣтлаго вѣника берется прутокъ, который кладутъ на порогъ двери, въ которую пройдетъ тотъ, для кого назначена присуха. Какъ только перешагнутъ черезъ пруть, то (пруть) убирается (положившими его) въ такое мѣсто, гдѣ его никто не могъ бы видѣть. Потомъ пруть берутъ и кладутъ въ жарко натопленной банѣ на полкъ приговарывая:

„Какъ сохнетъ этотъ пруть, пускай сохнетъ по мнѣ рабъ Божій такой-то“. *(Доставилъ г. Никольскій изъ Мезени).*

19. *Старинное заклинаніе на любовь.* Стану отрокъ (имя рекъ) не благословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дверями, изъ двора не воротами, и пойду въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ стоятъ и три, и два и одинъ: бѣсъ Сава, бѣсъ колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и я сойдуся поближе, отрокъ (имя рекъ), и поклонюсь пониже а.... (вырвано нѣсколько словъ). Вы тридевять бѣсовъ три, два и одинъ бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ и бѣсъ Асаулъ, и какъ вы служили Ироду царю, и такъ служите мнѣ, отроку (имя рекъ), пойдите по городамъ и по уѣз-

дамъ, и по деревнямъ, избирайте тоску и сухоту, со звѣрей и съ птицы и съ рыбы и со всякаго званія людей, и смесите ту тоску и сухоту въ отроковицу (ниа рекъ), въ ясныя очи, въ черныя брови, въ румяное лице, въ сахарныя уста, въ горячую кровь, въ черную печень, въ тридевять жилъ и въ одну жилу, во стантовую, въ подпятную... (оторвано), чтобы отроковица (ниа рекъ) не могла бы ни жить, ни быть, ни день по солнцу, ночью по мѣсицу. Какъ младенецъ безъ матернаго молока жить не можетъ, такъ бы жила отроковица (ниа рекъ); безъ воды жить не можетъ ни днемъ, ни ночью, ни въ которую пору. Есть въ чистомъ полѣ, стоятъ дубъ сорочинской и подъ тѣмъ дубомъ сорочинскимъ есть тридевять отроковицъ, изъ подъ того дуба сорочинскаго выходитъ Яга-баба и пожигаетъ тридевять сажень дубовыхъ дровъ и колъ жарко, и колъ ярко разгоралось тридевять сажень дубовыхъ дровъ и столь жарко.... (вырвано) разгоралась отроковица (ниа рекъ), разгорались ясныя очи и черныя брови, и румяное лице, сахарныя уста, ретявое сердце и горячая кровь, черная печень, семдесятъ жилъ и семдесятъ суставовъ и семдесятъ одинъ суставъ, чтобы отроковица (ниа рекъ) безъ отрока (ниа рекъ) не могла бы съ себя тоски и сухоты снять, въ парной банѣ парятце, не могла бы въ чистомъ полѣ разгулятца и прѣснымъ молокомъ нахлѣбатце, ни сномъ отоспатце, въ бесѣди не отсидѣтце. И тѣмъ коимъ словамъ ключъ и замокъ, и замокъ замкну, и снесу замокъ въ Окіанъ-море подъ Латырь камень. *(Списана со старинной рукописи, доставленной изъ Пинежскаго уѣзда г. Хромцовымъ).*

20. *На разожженіе сердца у дѣвицы.* Встану не благословясь, пойду не перекрестясь въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоятъ терновъ кустъ; а въ томъ кусту сидятъ толстая баба, сатаница угодница. Поклонюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ и отступлюсь отъ отца, и отъ матери, отъ роду и племени. Поди, толстая, баба разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ (ниа рекъ). *(Заговоръ этотъ написанъ изъ стариннаго дѣла, бывшей Архангелогородской Губернской канцеляріи. Дѣло значитъ по секретной описи подъ № 251-мъ 1734 г. и названо: Присланныя ему Императорскаго Величества изъ С.-Петербургской канцеляріи Тай-*

мытъ и Розыскныы дѣль, указъ Кезотской волости о крестьянны Трофимъ Поповъ).

21. *Заговоръ на тоску добру молодцу по красной дѣвицѣ.* Стану я, раба (такая-то), благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, пойду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточной сторонѣ стоять изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается, бѣлый свѣтъ красное солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался, и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть; ни на утренней зарѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ материна молока, безъ материна чрева не можетъ жить, такъ бы рабъ такой-то, безъ рабы такой-то, не могъ бы жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полденъ, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ, ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въѣдайся тоска въ грудь, въ сердцѣ, во весь животъ рабу, такому-то, разростись, и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабѣ такой-то. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*).

22. *Напустить тоску парню (по дѣвицѣ).* Пойти въ баню, послѣ паренья стать на тотъ вѣникъ, которымъ парились и говорить:

Выйду изъ парной банны, стану своимъ бѣлымъ бумажнымъ тѣломъ на шелковъ вѣникъ; дуну и плюну въ четыре вѣтра буйныхъ. Попрошу изъ чиста поля четырехъ братьевъ, — четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети изъ чистаго поля бѣлый кречетъ, вострый ножъ и востро копье; садись бѣлый кречетъ рабу Божію (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце, рѣжь же его бѣлы груди тѣмъ же вострымъ ножемъ, коли же его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ; вынимай изъ его ретива сердца, изъ черной печени, и изъ всей крови горячей еще тоску и кручину. Полети бѣлый кречетъ, понеси бѣлый кречетъ, всю тоску и кручину, на воду не опусти, на землю не урони, на стужѣ не позноби, на вѣтрѣ не посуши, на солнцѣ не повянь; донеси всю тоску-кручину,

всю сухоту, чахоту и юноту велику до раба Божія (имя рекъ). гдѣ бы его завидѣть, гдѣ бы его заслышать, хошь бы въ чистомъ полѣ, хошь бы при разстанѣ великомъ, хошь бы при путяхъ-дорогахъ, хошь бы въ парной байнѣ, хошь бы въ свѣтлой свѣтлицѣ, хошь бы за столами дубовыми, хошь бы за скатертями перчатными, хошь бы за кушаньями сахарными, хошь при мягкой постели, при высокомъ сголовьѣ, хошь при крѣпкомъ сну. Садись бѣлый кречетъ на рабу Божию (имя рекъ), на бѣлы груди, на ретиво сердце, рѣжь его бѣлы груди, тѣмъ же вострымъ ножомъ, коля его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ, кладя въ его бѣлы груди, въ ретиво сердце, въ кровь кипучую всю тоску кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю яноту великую во всю силу его могучую, въ хоть и плоть его въ семьдесятъ семь жилъ, въ семьдесятъ семь суставовъ, въ становой его суставъ, во всю буйную голову, въ лицо его бѣдое, въ брови черныя, въ уста сахарныя, во всю красоту молодецкую. Рабъ бы Божій (имя рекъ) чахъ бы чахотой, сохъ сухотой, вялъ янотой, въ день по солнцу, въ ночь по мѣсяцу на полну и на ветху, въ перекрой мѣсяцу, во всѣ межные дни, въ утренни и вечерни зори, на всякій часъ и минуту. Какъ май мѣсяцъ мается, такъ бы рабъ Божіей (имя рекъ) за рабой Божіей ходилъ да маялся. Не могъ бы ее ходить и переходить, никакимъ словомъ обходить, вѣкъ по вѣки, и рабъ Божій (имя рекъ) по рабъ Божіей (имя рекъ) не могъ бы ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на новцу, ни на полну, ни на ветху, ни на перекрой мѣсяца, во всѣ межны дни. Какъ май мѣсяцъ мается, также бы рабъ Божій (имя рекъ) за рабой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся, и не могъ бы онъ ее ни коимъ словомъ ходить и переходить, и не могъ бы безъ ее ни пить, ни ѣсть, ни жить, ни быть. Эти мои наговорны слова, которы договорены, которы переговорены, которы назади остались, — берите мои слова вострѣе востраго пожа, вострѣе копья, вострѣй сабли, ярѣй ключевой воды. И этины моимъ наговорнымъ словомъ заключенныя слова ключъ и замокъ, ключъ щукъ, замокъ въ зубы, — щука въ морѣ. Нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Доставилъ въ Труды Этнот. Отдѣла г. Никольскій изъ г. Мезеки*).

23. *На прилученіе парня.* Пойду я въ чистое поле, есть

въ чистомъ полѣ бѣлый кречеть. Попрошу я бѣлаго кречета: слеталъ бы онъ въ чистое поле, въ синее море, въ крутыя горы, въ темныя лѣса, въ зыбучія болота и попросилъ бы онъ океанную силу, чтобы дала она ему помощи сходить ему въ высокій теремъ и застать его хошь бы середка темной ночи соннаго. И сълъ бы бѣлый кречеть на бѣлую грудь, на ретиво сердце, на горячую печень и вложилъ бы рабу Божию (ниа рекъ) изъ своихъ океанныхъ устъ, чтобы онъ не могъ безъ рабы Божіей (ниа рекъ) ни жить, ни быть, ни пить, ни вѣсть. (*Доставилъ въ Труды Этнол. Отдѣла. V кн. Томъ II. 1. Никольскій изъ 1. Мезени*).

24. *На людскую любовь* (чтобы пріобрѣсти общую любовь). Стану я рабъ Божій по утру, благословясь и перекрестясь; выйду я въ чистое поле, погляжу на всѣ четыре стороны: на восточной сторонѣ стоятъ святая церковь. Какъ на эту церковь смотрятъ и заратся, такъ бы на раба Божія смотрѣли и зарились старыя старушки, старыя старики, маленькіе ребята, красныя дѣвицы, молодыя молодичицы, смотрѣли и зарились на раба Божія (ниа рекъ), будьте слова мои крѣпки и емки, какъ ключи подземельные, аминь.

Это заклинаніе употребляется для привлеченія любви, какъ дѣвушка, такъ и всѣхъ вообще людей. (*Записано въ юр. Онезь*).

25. *На любовь дѣвушекъ и всѣхъ людей*. Наговорить на кольцо или на крестъ, и положить себѣ за пазуху, или въ платокъ.

Собирайтесь народъ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Какъ глядятъ на кресты, да на маковки, на мать Пресвятую Богородицу, на различный образъ, такъ бы на раба Божія Н. глядѣли и смотрѣли старыя старики, молодыя мужики, старыя старухи, молодыя молодухи, красныя дѣвицы, малыя робятки; такъ бы раба Божія Н. глядѣла и смотрѣла; такъ бы рабъ божій Н. (ниа заговаривающаго) казался краше краснаго солнца, чище чистаго серебра, будьте мои слова, тверды и крѣпки, на вѣки нерушимы. Ключъ въ воду, а замокъ въ руки. (*Записано въ 1. Онезь*).

Остудные, противу любовныя заговоры.

1. *На остуду между молодцомъ и дѣвицей.* Какъ мать быстра рѣка Волга течеть, какъ пески со песками споласкиваются, какъ кусты, со кустами свиваются, такъ бы рабъ (такой-то) не водился съ рабой (такой-то) ни въ плоть, ни въ любовь, ни въ юность, ни ярость; какъ въ темной темницѣ и въ клѣвницѣ, есть нежить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; такъ бы раба (такая-то) казалась ему (такому-то) простоволосой и долговолосой и глаза выпучивши; какъ у кошки съ собакой, у собаки съ росомахой, такъ бы и у раба (такого-то) съ рабой (такой-то) не было согласія ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ набѣдокъ. Слово мое крѣпко. (См. *Сказанія Р. Н. Сахарова. Т. I. 1841 г.*)

2. *Остудныя слова.* Эти слова употребляются для того, чтобы сдѣлать немилымъ кого либо, или разлучить съ другимъ. Обыкновенно (въ Мезени) они наговариваются на землю, взятую между двухъ горъ, или на воду взятую, тогда оба берега считаются горами. Эту землю даютъ въ какомъ либо кушаньѣ. Для большей дѣйствительности, прибавляютъ въ нее мелко изрубленные медвѣжьи когти. Вотъ на этотъ случай заговоръ:

„Стану не благословясь, выйду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ двора не воротами, — мышьей норой, собачьей тропой, окладнымъ бревномъ; выйду на широку улицу, спущусь подъ круту гору, возьму отъ двухъ горъ земельки; какъ гора съ горой не сходится, гора съ горой не сдвигается, такъ же бы раб. (имя рекъ) съ р. Б. (имя рекъ) не сходился, не сдвигался. Гора на гору глядитъ, ничего не говоритъ, такъ же бы р. Б. (имя рекъ) съ р. Б. (имя рекъ) ничего бы не говорилъ. Чуръ отъ дѣвки, отъ простоволоски, отъ жонки, отъ бѣлоголовки, чуръ отъ стараго старика, чуръ отъ еретикувъ, чуръ отъ еретицъ, чуръ отъ ащери ащерицъ. (*Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени*).

3. *Заговоръ на остуду между мужемъ и женою.* Стану я не благословясь, пойду я не перекрестясь не дверьми, не воротами, а дыннымъ окномъ, да подвальнымъ бревномъ. положу шапку подъ пату, подъ пату, не на сыру землю. да въ

черный чоботъ; а въ томъ чоботъ побѣгу я въ темный лѣсъ, на большо озерящю; въ томъ озерящѣ, плыветъ челнище, въ томъ челнищѣ сидитъ чертъ съ чертищей; швырну я съ подь паты шапку въ чертища. Что ты чертище, сидишь въ челнищѣ съ своей чертищей? Сидишь ты чертище прочь лицомъ отъ своей чертищи; поди ты чертище къ людямъ въ пепелище, посади чертище свою чертище къ такому то въ избяще, не какъ ты, чертище съ своей чертищей живутъ людяща мирно любовно, другъ друга любить, чужихъ ненавидятъ. — Ты чертище веди чертищѣ, чтобъ она чертища-распустила волосища; какъ жила она съ тобою въ челнищѣ, такъ жилъ бы (такой-то) со своей женой въ избящѣ. Чтобъ онъ ее ненавидѣлъ. Не походя, не подступа, разлилась бы его, ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу, на рожество, не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзела бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ (отступить) отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ озеряща тебѣ чертищу, хранить шапку въ озерящѣ, отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злаго колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбакъ достать, ни злой колдунъ отколдовать на миръ и на ладъ. И виѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слову. (См. *Сказанія Русскаю Народа, Сахарова. Томъ I. 1841 г. Русское Чернокнижие*).

4. *На остуду.* Ручей съ ручьемъ сбѣгается, гора съ горой не сходится, лѣсъ съ лѣсомъ сростається, цвѣтъ съ цвѣтомъ слипається, трава развивается. Отъ той травы цвѣтъ сорву, съ собой возьму, выйду на долину, на такую большу тропяну, возьму себѣ землину, сяду подь лѣсину, выйду на широкій лугъ, посмотрю на всѣ четыре стороны, нейдетъ ли р. Б. (имя рекъ) и кяну, и брошу я въ чисто поле; я какъ гора съ горой не сходится, такъ бы и р. Б. (имя рекъ) не сходился и не сдвигался. (*Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени*).

5. *На разлученіе.* Зайду я во широкій дворъ, во высокій домъ, запишу я (имя рекъ) остуду велику, отстудился бы р. Б. (имя рекъ) отъ р. Б. (имя рекъ), чтобъ онъ былъ ей ни на глаза, ни днемъ ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ; чтобы онъ въ покой, она изъ покоя, онъ бы на улицу, она бы съ улицы, такъ бы она ему казалась, какъ люта медвѣдица. И въ

какошъ бы она ни была платъ, хоть въ цвѣтномъ, хоть въ держимомъ (будничномъ, рабочемъ) все бы онъ не могъ ее терпѣть и кажинный бы разъ не сносилъ бы съ ея зубовъ своихъ кулаковъ. Хоть бы ладно она дѣлала, а ему все бы казалось не ладно, и хошь бы по ушу дѣлала, а ему бы казалось не по мыслямъ. Пошелъ бы онъ по улицъ, разогналъ бы грусть тоску кручину съ чужими людьми, и пошелъ бы онъ домой и повалился бы на мѣсто (на постель) и есть у него подружка, ночная подушка и разогналъ бы онъ съ ней грусть, тоску. (*Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени*).

6. *Наговоръ на разлученіе*. Чертъ идетъ водой, волкъ идетъ горой; они вѣствъ не сходятся, думы не думаютъ, мыслей не мыслятъ, плоды не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ. Такъ бы у раба Божія (такіе-то), мыслъ не мысляли, плодовъ не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы, какъ кошка да собака жили. (*См. Труды Этног. Отдѣла, кн. V. выпускъ II. 1878 г. Сообщено г. Иваловымъ изъ г. Пикети*).

7. *На устуду*. Стану я, рабъ Н., не благословясь, и пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ воротъ не воротами, выйду подвальнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ (трубою) въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжить рѣка черна, по той рѣкѣ черной вздять чертъ съ чертовкой и водной съ водяночкой, на одномъ челнѣ не сидятъ, и во одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ и совѣтъ не совѣтуютъ. Такъ бы рабъ Б. Н. Съ рабой Б. Н. на одной бы лавкѣ не сидѣли, въ одно бы окно не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта не совѣтовали. Собака бѣла, кошка сѣра—одниъ змѣиный духъ. Ключъ и замокъ словамъ моиъ.

Заговоръ этотъ преимущественно употребляется въ г. Онегѣ, и наговаривается или на воду, или на съѣстное. (*См. Тр. Этн. Общ. при Имп. Моск. Ун. 1878 г. Книг. V. Вып. II Сообщ. С. Огородниковымъ*).

ЗАГОВОРЫ ДЛЯ ПРИЗЫВАНІЯ, ИЛИ ОТОГНАНІЯ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ.

1. *Въ защиту отъ нечистой силы*. Наговори на воскъ и прилѣпи на крестъ отъ враговъ своихъ.

Знаменуи ся рабъ Божій (ниа рекъ) крестомъ животворящимъ— одесную и ошую, спереди и сзади. Крестъ на мнѣ, рабъ божиешъ (ниа рекъ), крестъ передо мною, крестъ за мною, крестъ— дьявола и всѣ враги побѣдиша. Да бѣжать бѣсове, вся сила вражія отъ меня, раба божія (ниа рекъ), видѣвшу, яко молнію— крестную силу опаляющую. Близъ меня Христосъ и вся сила небесная: Михаилъ, Гавриилъ, Уриилъ и Рафаилъ, архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, Господни силы и нерушимо страшные серафимы, и святіи Ангелы— хранители преданные мнѣ на соблюденіе души и тѣлу моему отъ святаго крещенія. А далече отъ меня съ своею темнообразною силою стоитъ, и со всѣми челоуѣки прогнанъ бысть, третью стами и шестидесятью ангелы сталя божіи. Молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери, Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй ми грѣшнаго раба Твоего (ниа рекъ)— всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Сообщено Афанасьевымъ См. Лѣтописи Русс. Нар. Лит. 1862 года).*

2. *Заговоръ на отманіе черныхъ муріевъ.* За моремъ за синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, по срединѣ Окіанъ-моря лежитъ островъ Буяиъ, на томъ островѣ Буяиъ стоятъ дубъ, подъ тѣмъ дубомъ живутъ седмерицею семь старцевъ, ни скованныхъ, ни связанныхъ. Приходилъ къ нимъ старецъ, приводилъ къ нимъ тму темъ черныхъ муріевъ. Возмите вы, старцы, по три желѣзныхъ рожна, колите, рубите черныхъ муріевъ на семдесятъ семь частей.

За моремъ за синимъ, за моремъ за Хвалынскимъ, посреди Окіана-моря, лежатъ островъ Буяиъ, на томъ островѣ Буяиъ стоятъ домъ, а въ томъ домѣ стоятъ кади желѣзныя, а нъ тѣхъ кадахъ лежатъ тенета шелковыя. Вы старцы ни скованные, ни связанные, соберите черныхъ муріевъ въ кади желѣзныя, въ тенета шелковыя, отъ раба (такого то).

За моремъ за синимъ, за моремъ за Хвалынскимъ, посреди Окіанъ-моря, лежитъ островъ Буяиъ, на томъ островѣ Буяиъ сидитъ птица Гагана, съ желѣзнымъ носомъ, съ шедными когтями. Ты птица Гагана сядь у дома, гдѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ кадахъ лежатъ черныя муріи, въ шелковыхъ тенетахъ; сиди дружно и крѣпко, никого не подпускай, всѣхъ

отгоняй, всѣхъ кусай. Заговаривлю я снѣмъ заговоромъ раба (такого то) отъ черныхъ муріевъ, по сей день. по сей часъ, по его вѣкъ, а будь мой заговоръ дологъ и крѣпокъ. Кто его нарушитъ, того черныя мурія съядатъ. Слово мое крѣпко! (*Сказаніа Русскаго Народа, Сахарова. Томъ I. 1841 г. Черно-книжсіе*).

3. *Заговоръ отъ дьявола.* Отъиде дьяволе отъ храну и отъ дому сего, отъ дверей и отъ всѣхъ четырехъ угловъ. Нѣтъ тебѣ, дьяволе, части и участія, мѣста и покою, здѣсь крестъ Господень, Матерь Христова, пресвятая Богородица, святыи Петръ, святыи Евангелисты, Іоаннъ, Лука, Марка, Матвей, св. Архангелъ Михаиль, Гавріиль, Рафаиль, Урииль, Угасииль, Егудииль, Вараханиль. Силы небесныя ликовствуютъ, здѣсь святыи Херувимы и Серафимы, святыи Михаиль нынѣ по всей вселенныи, по нынѣ же полки держитъ святыи Петръ палицу держа, здѣсь Рождество Предтечи, здѣсь тебѣ, дьяволе, нѣтъ части и участія, мѣста и покою, не дѣлай пакости, дьяволе, всему мѣсту и дому, и человѣку, и скоту, и всѣмъ рабамъ Божиимъ, бѣги отсюда во адъ кромѣшныи, гдѣ твой настоящій пріютъ и тамо да обрѣтайся. Слово мое крѣпко, яко камень, аминь, аминь, аминь. (*Изъ рукописной тетради Г. Григорія Данилова Книю-любова*).

4. *Молитва отъ злаяю чарованія.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Нравомъ причастникъ и Апостоламъ намѣстникъ, Апостоломъ бытъ, дѣяніе обрелъ еси боговдохновеннѣ, въ видѣніяхъ восходѣ, сего ради слово истинны исправляя, вѣры ради пострадалъ еси даже до крови, священномученице Кипріане и Іустинѣе, моляте Христа Бога, избавите р. Б. отъ всякаго злаго волхованія и колдованія, отъ врага и супостата, и всякихъ вредоу, козней и золь, ликъ ангельскій отъ художества волшебнаго обратился богомудре къ познанію божественному, показався еси міру врачъ мудрѣишій и исцѣленіа даруя чевствующимъ тя, Кипріане со Іустинюю, съ яею же молися чевѣколюбчу владыцѣ очыститися и избавитися р. Б. (имя рекъ) отъ всякаго злаго очарованія, обаянія, колдованія и волшебства, козни и всѣхъ злыхъ дѣйствій, отъ сего часу и минуты по весь его вѣкъ и на всю его жизнь, во вѣки и во вѣкъ, аминь.

5. *Заговоръ отъ змія къ жемъ летающую въ домъ* *) Во всемъ домѣ—гилло магалъ—сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой—шингафа, искала дѣва; не богатырь могучъ изъ Ноугорода подлеталъ; подсталя огоньный змѣй Лиѣъ, лиѣъ, зауцапа калапуда. А броня не мѣдьяна, но злата; а ширинки на немъ не жемчужены; а шлемъ на немъ не изъ красного уклада; а калена стрѣла не изъ дѣдовскаго ларца. Пицапо фукадалимо коройталима канафо.—Полканъ, Полканъ! разбей ты огоньнаго змѣя; ты соблюди дѣвичью красу Солнцевой дѣвы.—Вихадимо гилло магалъ-дираѣъ. Изъ за Хвалынскаго моря летѣлъ огоньный змѣй по синему небу во дальнюю дереушку, во теремъ къ дѣвѣ: Могучъ богатырь—Шнялда-Шябулла качила баранчико дойцофо караяха дпна.—Во малиновомъ саду камка волжская, а на камкѣ дѣва мертвая, со живою водою, со лютою свекровью, со злымъ свекромъ. Убить огоньный змѣй, разсыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору муромскому, по мѣдвяной росѣ, по утренней зарѣ. Яниха-шойдега бираха вилдо.—А наѣхалъ злой татаринъ и узаялъ во полонъ Солнцеву дѣву, во золотую орду, ко лютому Мамаю, ко нехристу басурианскому, ко проклятому барходѣю. — Уахама широфо.

6. *Заговоръ отъ летающую змія въ домъ.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Встану я раба Божія, перекрестась, пойду я, раба Божія, благословясь, изъ дому въ дверь, изъ дверей въ ворота; благослови меня Господи Исусе Христе, и избави меня Господи не хитростью, не мудростью, но Твоею великою силою, Господи помилуй (трижды). Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его .. (до конца). Аллилуйа, аллилуйа, аллилуйа. На морѣ на Кіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на бѣль-горочемъ камнѣ Алатырь, на храбромъ конѣ сидятъ Егорій Побѣдоносецъ, Михаилъ Архангелъ, Илія пророкъ, Николай Чудотворецъ побѣждаютъ змія лютаго, огоньнаго, который леталъ въ невѣрное царство пожирать людей, убили змія лютаго, огоньнаго, избавили дѣвицу царскую и всѣхъ людей, и скоть избави и отгоните; и Ты Господи отъ рабы Божіей (имя) и отъ дому

*) Иначе—Чародѣйскія пѣсли солнцевыхъ дѣвъ. (Смъ Сказанія Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г. Чародѣйство Стр. 17.

ея, летающаго змія огненнаго и духа нечистаго прикасливаго деннаго, ношнаго, полуденнаго и ношнаго и полуденнаго, и утреннаго, и вечернаго, часоваго и минутнаго, и всю силу нечистую, отврати его отъ всѣхъ ея душъ и помысловъ, видѣній и мечтаній, дѣйствій и воли. Устрой и утверди, Господи, ея умъ и разумъ, чувство и память на Божеску путь и огради Господи рабу Божию (ниа) своимъ крестомъ животворящимъ отъ всѣхъ золъ и пакостей, вредовъ и дѣйствій, отъ нечистаго духа и змія огненнаго, запрети ему, Господи, своею силою небесною и словомъ великимъ, чтобы никогда не летати, не ходити, не прикачати, не пришатати, и не бывать вреда, пакости, обиды и зла не творити; спаси и сохрани и помилуй Господи святыни молитвами, и симъ словомъ на всякій день, на всякій часъ и на всякую минуту, врагъ, сопостать, змій летучій и духъ нечистый отшатнись отъ рабы Божіей (ниа) отъ сего время, отъ сего часа, отъ сей минуты и по всю ея жизнь, и по весь ея вѣкъ: полети ты отъ насъ на свое старое время, во озеро Содомъ и Гоморъ и въ бездну преисподнюю, тамо и буди заклатъ вѣчно и безконечно во вѣки вѣковъ, аминь.

7. *Молитва, аще въ домъ глумится.* Господи, Боже спасенія нашего, Сыне Боже живаго, на херувимахъ носимый, превыше всякаго начала, власти, силы и господства; Ты еси великій и страшный надъ всѣми сущими окрестъ Тебѣ. Ты еси поставивый небо, яко каиору, Ты еси, сотворивый землю въ крѣпости Твоей, исправивый вселенную въ премудрости Твоей, трясый поднебесную отъ основаній, столпы же ея неподвижны; глаголай солнцу, не воссияетъ, звѣзды же запечатляй; запрещай морю и изсушай морю, изсушай его; его же ярости таетъ начала и власти, и камени сотрясошися отъ Тебѣ. Врата и видны стерлъ еси, и верія желѣзныя сломилъ еси; крѣпкаго связалъ еси, и сосуды его раздралъ и учителя крестомъ Твоимъ изложилъ еси, и змія удицею вочеловѣченія Твоего привлекъ еси и узани врака въ тартаръ посадилъ, связалъ еси. Самъ убо, Господи, утверженіе, на Тя, Господи, надежду возлагающихъ, крѣпкая стѣна на Тя уповающихъ; отступити сотвори, отжени и въ бѣгство претвори всяко дѣвольское дѣйство и всякое сатанинское нахожденіе, всякъ навѣтъ сопротивный и надлежащія силы отъ крова сего и отъ обдержимыхъ

отъ него, и отъ обходящихъ предъ нимъ, знаменіемъ страшныя на демоновъ побѣды креста Твоего носящихъ и призывающихъ ния Твое благое; ей Господи, легионъ бѣсовъ отгнавый и глухому и нѣмому, демону и нечистому духу удержавшемуся отъ чловѣка изыти и исходу невозвратну быти, повелѣвый; все ополченіе враговъ невидимыхъ нашихъ потребивый, вѣрныя же и познавшія тебя умудривый, се даю вамъ власть, еже попрайти верху змievъ и скорпievъ и на всю силу вражію. Самъ Владыко, высшій всякаго вреда и искушенія, вса сущія въ дому семъ сохрани и, избавляя ихъ отъ страха ношнаго и стрѣлы летящія, во дни отъ вещи во тмѣ преходящія, отъ страща и демона полуденнаго, до твоей раби, твоя рабыни и младенцы (молоднцы?) наслаждающіяся, помощи и ангельскимъ силамъ воинствомъ храними, яко едины все во единомысліи вѣрно поють: „Господь мнѣ помощникъ, не убоюсь, что мнѣ сотворить чловѣкъ и пакы не убоюсь зла, яко Ты со мною еси, яко Ты еси, Боже, утверженіе мое, крѣпкій обладатель и князь міра, отецъ будущаго вѣка, и царство Твое и царство вѣчное, и Тебѣ единому есть царство и сила, и слава со Отцемъ и святымъ Духомъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь“. (*Выписано изъ рукописной книжки Григорія Бололюбова*).

8. *Заговоръ отъ бѣсовъ*. Плакунъ! плакунъ! плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не разносься твой вой по синему морю, будь ты страшень бѣсамъ и полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ Кіевскимъ; а не двдутъ тебѣ покоряща, утопи ихъ въ слезахъ, да убѣгутъ отъ твоего позорища; замкни въ ямы преисподнія. Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо вѣкъ вѣкомъ, аминь. (*Выписано изъ рукописной книжки Григорія Бололюбова*).

9. *Противъ черта* (О Святкахъ). Въ Святки отправляются на розстанъ, очертываются три раза, приговарывая за каждымъ разомъ: „За три черты, чертъ, не ходи!“ потомъ слушаютъ, что чудятся. (*Записано въ Холмогоряхъ*).

10. *Призываніе домового на новоселье*. При переходѣ на житье въ нововыстроенный домъ, семейные хозяева приходятъ въ старый домъ и, раскланиваясь во всѣ четыре угла избы, говорятъ: „Хозяйнушка господинъ! пойдемъ въ новый домъ на богатый дворъ, на житье, на бытье, на богатство“. (*См. Труды*

Этногр. Отдѣла. 1878 г. Кн. V. Вып. второй. Стр. 157. Сообщ. П. А. Исаковыми изъ г. Пинеж).

11. *Къ домовому.* При переходѣ въ новый домъ, или на новую квартиру, прежде всего вносятъ образъ, квашню съ раствореннымъ тѣстомъ, а потомъ кошку, собственно для домового, приговаривая: „Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь на богатый дворъ“. (*Карм. кн. для любит. землевѣд. Изд. Геогр. Общ. въ 1848 г. Запѣтк. Верецашина, стр. 312—320.*)

12. *Къ домовому, при покупкѣ скота.* Купавши скотинку, крестьянинъ молится виѣсть съ продавцемъ Богу, творить молитву Иисусову, три раза обводитъ вокругъ себя коня, не смѣя держать узды голыми руками, и говорить: „Вотъ тебѣ, хозяйнушко, мохнатый звѣрь на богатый дворъ, пой, корми, рукавичкой гладь!“ (*Записалъ священникъ Таратинъ въ селѣ Курьѣ, Холмогорскаго уѣзда.*)

13. *Къ домовому, при ввѣдѣ въ стойло скотины.* Вводя вновь купленную скотинку въ стойло, строго соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: низко кланяются въ каждый изъ четырехъ угловъ хлѣва, или стойла, и приговариваютъ: „Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь, моего (или „мого такого то“ кличка скотины) люби, пой да корми.“ (*Изъ Карман. книжки для любителей землевѣденія. 1848 г. Изъ запѣтокъ Верецашина.*)

14. *Тоже.* Когда приводятъ купленную скотину въ хлѣвъ, тогда употребляютъ слѣдующее воззваніе къ домовому: „Дѣдушка, отаманушко, полюби моего чернѣюшка, или пестрѣюшка, (смотря по шерсти) пой, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути, и женой не спущай, и дѣтей укликай“. (*Записано въ г. Онезь.*)

15. *Заговоръ для того, чтобы видѣть дворовою.* „Дядя дворовой, приходи ко мнѣ не зелень, какъ дубравный листъ, не синь, какъ рѣчной валъ, приходи такимъ, каковъ я, я тебѣ христовско янчко дамъ“.

Кто хочетъ видѣть двороваго, долженъ первый получить отъ священника, по окончаніи заутрени на Св. Пасху красное янчко и взять изъ церкви свѣчу, съ которой стоялъ у заутрени. Затѣмъ, долженъ ночью, до пѣтуховъ, взявъ въ одну руку зажженную свѣчу, а въ другую красное яйцо, стать передъ отворенною дверью хлѣва и сказать приведенныя выше

слова; дворовой выйдетъ, по яду совершенно подобный произносившему заклатіе. (*Записалъ А. Харитоновъ въ Шенкурск. уездѣ*).

16. *Къ банному.* При выходѣ изъ бани, благодарятъ баннаго словами: „Спасибѣ тѣ, байнушко, на парной байничкѣ“. (*Сообщилъ г. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги*).

17. *При знакомствѣ съ лѣшимъ.* Крестьянинъ, желающій снискать милость лѣшаго, долженъ въ ночь передъ Ивановымъ днемъ отправиться въ лѣсъ и, найдя осину срубить ее такъ, чтобы она вершиной упала на восточную сторону; на пилъ срубленной осяны, ставъ лицомъ на востокъ, онъ долженъ нагнуться и глядя въ отверстіе, образовавшееся между ногами, говорить: „Дада лѣшій, покажись не сърмиъ волкомъ, не чернымъ ворономъ, не елюю жаровою, покажись takimъ, каковъ я“. (*Запис. А. Харитоновымъ въ Шенкурск. уездѣ*).

18. *Отъ нечистаго.* Отъ Духа Святаго, причастника Христава, Спасова рука, Богородицины замокъ, Ангелъ мой, сохранитель мой! Сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана! поди прочь отъ меня. Есть у меня три листа, написано все Маркъ, да Лука, да Никита великомученикъ; за грѣхи душу мучить, за меня Бога молить. (*Доставлено въ Труды Этногр. Отд. Св. Грандильевскимъ, изъ села Емецка, Холмог. уезда, Арх. цуб.*).

Эта молитва отъ нечистаго духа, произносимая ежедневно на сонъ грядущій, составляетъ предохранительное и заклинательное средство отъ всякаго недуга и скорби.

19. *Молитва отъ нечистаго духа.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Облекохомся во единаго Христа и слова Божія; убойся діаволу, отъиди отъ меня, раба Божія (имя рекъ). Христось воскресе Своею волею, имѣяй силою изгоняги тѣ, страшный и нечистый дьяволу, имѣяй силу Вышняго Бога, Отца невидимаго, Христось погребень бысть; Христось воскресе, бѣжи діаволу, побѣдою Отца, и Сына, и Св. Духа, я во вѣки, вѣковъ. Аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду изъ западу въ востокъ. Поднимается царь грозная туча и подъ грозною тучею мечетца царь громъ, царица молнія. Какъ отъ царя грома и отъ ца-

рицы бѣжатъ бѣрати и дьяволы лѣсные, водяные и дворовые, и всякая нечистая тварь въ свои пошѣстія—подъ пень и подѣ колоду, во озера и во омуты, и такъ бы бѣжали и отъ живущихъ во оныхъ хоромахъ, отъ меня, раба Божія (имя рекъ), бѣжали всякіе враги и дьяволы лѣсные, водяные, и дворовые подѣ пень и подѣ колоду, во озера и во омуты безотпратно, безотворотню, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣка, аминь.

Христось родился, и роспѣся, и воскресе, и въ третій день воскресенія и животь дарова всему міру, и нынѣ, рабу Божию (имя рекъ) крестѣ. Крестомъ человекъ родился, Богъ прославися, сатана связанъ бысть съ сильными своими бѣсъ; отъ нынѣ и до вѣка, и до втораго пришествія Христова, аминь.

Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣъ, съдай въ вышнихъ, ходи по громъ, осѣнай силою небесною, призывай воду морскую, къ проливанію на лице всея земли, праведный самъ суди врагу нашему, дьяволу, аминь.

Господи, Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, и пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за дверьми, подѣ утреннюю зарю и подѣ восточную сторону, ко истинному Господу Саваоѣу, Спасу Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному, и помолюся я рабъ Божій (имя рекъ), истинному Господу Богу Саваоѣу, Спасу Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному и Св. Архангеламъ Михаилу и Гавриилу, шестокрылатымъ херувимамъ и серафимамъ и прочимъ безплотнымъ небеснымъ силамъ, и святому честному пророку Предтечи и крестителю Господню Іоанну, и святымъ четыремъ апостоламъ и евангелистамъ Матѣею, Марку, Лукъ, Іоанну Богослову, и святому пророку Ильѣ Ѳезвитянину: создай, Господи, Свое Божіе великое милосердіе, отъ престола Господня грозную тучу темную, каменную, огненную и пламенную, изъ тое тучи грозной спусти, Господи, частаго дождика.

На небесахъ отъ престола Господня зачинается и поднимается Божія милость и грозная туча, сильный громъ и молнія; и спустилъ истинный Господь, Саваоѣъ Богъ, Спасъ Іисусъ Христось, Сынъ Божій, Царь Небесный, Свое Божіе великое милосердіе, отъ престола Господня; Святыи Духъ, царя грома,

парицу молонію; царь громъ грянулъ, царяца молнія пламя спустила, молнія освѣтила, раскакались, разбѣжались всякіе нечистые духи. И какъ изъ тыя Божіей милости, изъ грозной тучи, изъ сильнаго грома, отъ молнія вылетаетъ грозная громовая стрѣла, и сколь она грозно, и пылко, и ярко, и примичиво діавола изгоняетъ, и нечистаго духа демона К., С., С., Н. *) в мамонта посыльнаго и нахожего у меня, раба Б. (имя рекъ), изъ двора выганяетъ, камень и древо разбиваетъ, камень и древо разбиваетъ, и какъ отъ тое грозныя громовыя стрѣлы не можетъ камень въ одно мѣсто сростать, древо отростать, и такъ же бы проклятый дьяволъ и нечистый духъ, демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ посыльный и нахожій избѣжали бы отъ меня, раба Божія (имя рекъ), отъ сего мѣста прочь за 39 земель, за 39 городовъ, и за тридцать девять морей, и не могли бы меня, раба Божія (имя рекъ), видѣть и не могли бы слышать; и какъ ты и грозныя, огненныя, громовыя стрѣлы боятся проклятый дьяволъ и нечистый духъ, демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ посыльный и нахожій, и также бы раба Б. (имя рекъ) устрашилися и убоилися недруги и мои супостаты (имя рекъ), и всякіе нечистые духи, раскакались и разбѣжались отъ меня, раба Божія (имя рекъ), во свояси: водяной въ воду, а лѣсной въ лѣсъ подъ скрипучее дерево, подъ корень, и вѣтранный подъ кустъ и подъ холмъ, а дворовой, мамонтъ посыльный и нахожій, и проклятый дьяволъ, и нечистый духъ, демонъ, на свои старыя на прежнія жилища. И какъ Господь умудряетъ слѣпцы, не видать, а все знаютъ, такъ же умудри, Господи, меня, раба Б. (имя рекъ), на нечистыхъ бѣсовъ; гласъ грома Твоего въ колеса, освѣтища молнія твоя, вселенная подвижесе, и трепетна бысть земля, такъ же бы трепетны были нечистые духи отъ меня, раба Божія (имя рекъ); и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звону колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и такъ бы сей мой заговоръ и приговоръ былъ бы крѣпокъ и силенъ во всякое время, до будущаго вѣку, во вѣки.

Крестъ на мѣстѣ, крестъ на рабѣ Божіемъ (имя рекъ), крестъ у меня, раба Божія, и крестомъ Христовымъ діавола прокливаю, отступя бѣсъ и дьяволъ, и нечистый духъ отъ меня, раба

*) Вѣроятно брашныя слова.

Божія (има рекъ), отъ сихъ дверей, отъ четырехъ угловъ фатеры моей; здѣсь сидятъ архангелы, ангелы, херувимы, серафимы,—Михаилъ архангелъ и Гавриилъ архангелъ, здѣсь сидитъ Пресвятая Богородица, родшая Творца плотію, Христа Бога Нашего, Царя Небеснаго; Силою Христовою дьяволъ буди проклятъ, и нечистый духъ всѣми седьми соборани, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Крестъ, хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царяи держава, крестъ и дьяволаи прогнаіе отъ раба Божія (има рекъ). Во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Крестъ креститель, Христовъ хранитель, крестъ — красота, крестъ — церковная высота, крестъ ангеломъ слова, крестъ царю держава, крестъ тверди утвержденіе, крестъ басомъ бо язва, крестъ и врагомъ прогонитель, храни мя и милуй, раба Божія (има рекъ), ветуху и въ молоду и въ перекровъ мѣсяць, и ото всякаго врага и сопостата, ото всякаго злаго челоувѣка, скорби и болѣзни, ненавидящаго и обидящаго челоувѣка.

Во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я раба Божій (има рекъ) благословясь, пойду перекрестись, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле задворьми, подъ восточную сторону, покорюсь и помолюсь Господу Іисусу Христу и Св. Архангеламъ и Ангеламъ Михаилу и Гаврилу, шестокрылымъ херувимамъ и серафимамъ, и евангелистамъ Матвѣю, Марку, Лукъ, Іоанну Богослову: какъ васъ бонится демонская сила, и какъ смущаетъ небесная стрѣла, молнія и громъ, а также бы устрашилися и убоялися мена, раба Б. (има рекъ), во всякое время, и такъ бы приговоръ былъ столь силенъ и крѣпокъ, и какъ Господь умудрилъ слѣпцы, не видять, а все знаютъ, а также бы у мена, раба Б. (има рекъ), столь бы силенъ и крѣпокъ мой заговоръ, а сей приговоръ; и какъ наши родители не чуютъ звона колокольнаго, ня пѣніи церковнаго, и столь бы былъ крѣпокъ сей заговоръ, во всякое время до будущаго вѣку, по вѣки, аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. И ставитъ около мена, раба Божія (има рекъ), самъ истинный Господь Богъ Саваоѣъ. Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ, Царь Небесный со Своею Пресвятою Матерью Богородицею, Дѣвою Марією, и со всею небесною силою, со ангелами, со архангелами, съ

херувими, и серафими, со апостолами и пророками, и со святителями, и съ врачами съ безсребренниками, съ мучениками и мученицами, съ страстнотерпцами и со страстнотерпицами, съ преподобными, и съ праведными, и со всѣми святыми, тынь желѣзный, врата мѣдныя, веревъ булатныя, замокъ пресвѣтлаго рая, ключъ небеснаго царствія отъ земли до неба, отъ неба и до престола и по земли, отъ востока до запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта (юга), со всѣхъ четырехъ сторонъ, и заграждаетъ самъ истинный Господь Богъ Саваоѣвъ, Спасъ нашъ Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь небесный, мене, раба Божіа (имя рекъ), отъ всякаго отъ злаго, отъ лихаго человека и супостата: отъ угроватаго, отъ возгрываго, отъ сопливаго, отъ шедливаго (вѣроятно шелудиваго), отъ кяловатаго, отъ сутулатаго, отъ старца и отъ старицы, отъ бѣльца и отъ бѣлицы, отъ черица и отъ черницы, отъ схимника и отъ схимницы, отъ жѣнки долговолоски, и отъ дѣвки частоволоски, отъ черноволосыхъ, отъ бѣловолосыхъ, отъ русоволосыхъ, отъ сѣдволосыхъ, отъ нестрыхъ, отъ рябыхъ, отъ волосоватыхъ, отъ слѣпыхъ, отъ хромыхъ, отъ волшебниковъ, отъ волшебницъ, отъ колдуновъ, отъ колдунницъ, отъ вѣдуновъ, отъ вѣдунницъ, отъ кудесниковъ, отъ кудесницъ, отъ порчельниковъ, отъ порченицъ, отъ лихоглазыхъ, отъ лихозубыхъ, отъ лихокровыхъ, отъ лихощербыхъ, отъ Богоотступниковъ, отъ Богоотступницъ, отъ Богоотметниковъ, отъ еретиковъ, отъ еретицъ, отъ вѣщунновъ, отъ вѣщунницъ, и ото всякихъ отъ злыхъ, отъ лихихъ, отъ притчей, отъ скорбей, и отъ болѣзней, отъ щипоты, и отъ ломоты, отъ 12 проклятыхъ Иродовыхъ дочерей, отъ злыя, отъ лихія, отъ лихорадки: отъ Листопухи, отъ Комухи, отъ Лопухи, отъ Каркуши, отъ Пухоты, отъ Хрипоты, отъ Ломихи, отъ Знобихи, отъ Гнятеницы, отъ Огневицы, отъ Трасовицы *); отъ всякіа вражіа неупріязненныя силы, и ото всякаго мечтанія, сатанина угодіа, затворяетъ святыя верховныя апостолы, Петръ и Павелъ, тынь желѣзный вратами мѣдными, и былотными веревями, запирають и замкомъ пресвѣтлаго рая, ключемъ небеснаго; и такъ, какъ не бывать въ пресвѣтломъ раю, въ небесномъ царствіи

*) Сравн. названія 12-ти лихорадокъ съ названіями, упомянутыми выше.

проклятому діаволу и волшебнику, и волшебницѣ, колдуну и колдунницѣ, вѣдуну и вѣдунницѣ, кудеснику и кудесницѣ, порченику и порченицѣ, лихоглазому, лихоzubому, лихокровому, лихошерстному, Богоотступнику, Богоотметнику, еретнику и еретницѣ, вѣшуну и вѣщницѣ, и злому человѣку, лихому супостату, помышлителью нашему, во вѣкъ по вѣку, отнынь и до вѣку, и такъ бы не бывать на мнѣ, рабѣ Божиѣмъ (яня рекъ), тѣмъ злымъ, лихимъ притчанъ, скорбямъ и болѣзнямъ, хрипотамъ, ломотамъ, и 12 проклятымъ Иродовымъ дочерямъ, злой лихорадкѣ: Листопухъ, Лопухъ, Комухъ, Коршухъ, Коркушъ, Пухотъ, Хрипотъ, Ломихъ, Знобихъ, Гнятеницъ, Огневицъ, Трасовицъ и всякой вражьей непріязненной силѣ, и всякому мечтанію, сатанинну угодію, во вѣкъ по вѣку, отнынь и до вѣку. И поставляетъ Господь Богъ Саваоѣвъ, Спасъ нашъ Исусъ Христосъ, Смыъ Божій, Царь Небесный, у того желѣзнаго тына, у иѣдныхъ вратъ, святаго великаго святителя и теплаго заступника, и скорого помощника, Николая Мирликійскаго чудотворца; и святий великій святитель Христовъ, теплый заступникъ и скорый помощникъ, Николай Мирликійскій чудотворецъ стоитъ у того желѣзнаго тына и у иѣдныхъ вратъ, натягиваетъ свой иѣдный лукъ, накладываетъ булатныя стрѣлы, и стрѣляетъ, и отстрѣливаетъ отъ меня, раба Б. (яня рекъ), всякія злыя и лихія притчи, скорби и болѣзни: щипоту, ломоту, и двѣнадцать Иродовыхъ дочерей, злою, лихую лихорадку: Листопуху, Лопуху, Коршуху, Комуху, Коркушу, Пухоту, Хрипоту, Ломиху, Знобиху, Гнятеницу, Огневицу, Трасовицу и всякую вражью непріязненную силу, и всякое мечтаніе, сатанинну угодіе, стрѣляетъ и отстрѣливаетъ отъ того отъ желѣзнаго тына, отъ иѣдныхъ вратъ, и отсылаетъ всячь, откуда пришли, отъ проклятаго сатаны, изъ преисподней бездны, изъ ада; и назадъ всячь возвратитесь въ преисподнюю, въ бездну, во адъ, къ дѣду своему, къ проклятому сатанѣ.

Глаголи сіе трижды.

Христосъ воскресе, адъ плѣвися и проклятая сатанинская сила побѣдися, и предъ адовымъ замкомъ не отшыкваться и вратамъ не отвариваться, и такъ же бы впредъ на мнѣ, рабѣ Б. (яня рекъ), тѣмъ злымъ лихимъ притчанъ, скорбямъ и болѣзнямъ, щипотамъ и ломотамъ и 12 проклятымъ Иродовымъ

дщерямъ, злой, лихой лихорадкъ: Листопухъ, Лопухъ, Коршухъ, Комухъ, Коркушъ, Пухотъ, Хрипотъ, Ломихъ, Звобихъ, Гнатеницъ, Огненицъ, Трасовицъ и всякой вражей неприязненной силъ, и всякому мечтанію, сатаниннѣ угодію, въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку; уповающихъ на Господа Бога Саваою, Спаса нашего Иисуса Христа, Сына Божія, Царя Небеснаго, сотворившаго небо и землю, бѣлый свѣтъ, луноу Божию, и красное солнце, утреннюю зарю и вечернюю, шадъ свѣтель мѣсяцъ и частыя звѣзды, и птицы небесныя, и рыбы морскія, и праотца Адама и бабку Еву, и всю тварь небесную, Истинному Господу Богу Саваою и Спасу нашему Иисусу Христу, Сыну Божию, Царю Небесному, и Его непобѣдимой, непостижимой и божественной силѣ слава и держава, честь и поклоненіе; вси возрадуемъ въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Во храмивѣ, въ домѣ своемъ возстану я, азъ, р. Б. (имя рекъ), благословясь, умоюся ключевою водою, и говорю: буди вода сія чиста и свята, аки Иорданъ рѣка текущая, а въ ней крестился самъ Иисусъ Христосъ во своихъ свѣтлыхъ ризахъ Иисусовыхъ, утирался убрусомъ своимъ, самъ рекъ: буди убрусъ, аки пелена нетлѣнная Іерусалимскія Богородицы. Украшаюся азъ, рабъ Б. (имя рекъ), саваномъ свѣтлообразнымъ, фалетовы ризы, своей свѣтлообразною зарею, и стану предъ образомъ Божиимъ и святою иконою на мѣсто свое, аки на златый престолъ поднебесный, и реку глаголомъ, и творю молитву Иисусову; изыди глаголь мой изъ устъ моихъ, аки громъ сильный съ каменіемъ, опальнымъ огнемъ, страшнымъ судомъ, изыди духъ изъ устъ моихъ, скорые буйные вѣтры, драго, да пахало и сушило отъ златокованныхъ трубъ Евангелистовыхъ. Помолюся азъ, рабъ Б. (имя рекъ), о своей многогрѣшной душѣ милости о помощи, и упрашиваю и умалываю по числу херувимовъ и пасущихъ мя, по числу серафимовъ, стерегущихъ мя, и замкните меня, раба Божія (имя рекъ), въ родѣ семъ отъ злыхъ чловѣкъ и пушайте изъ убрусовъ своихъ на сырую землю, на злыхъ чловѣкъ, на матежниковъ и на помышленниковъ, и на мя глаголющихъ, и, спустите изъ убрусовъ своихъ вся погубительная и страшная по земли, по воздуху несчетныхъ тыи ангеловъ,

возглаголите шѣ, аки сильный громъ грянулъ: не бойся челове-
вче, рабъ Божій (нія рекъ), и утверждайся въ родъ семь ан-
гельскимъ утвержденіемъ, вставъ силы небесныя и замкнувъ
градъ въ вышнемъ небеснымъ замками; то вы замкните и ключи
положите подъ врата, и стогны града того обтеките со огнен-
ными ударами, и около града того обтеките колесницы огненные.
Объѣхали конные и воеводы, небесныя силы, Михаилъ и Гаври-
илъ, херувимы и серафимы, и Илья пророкъ, и апостолы, и еван-
гелисты съ трубы златокованными, обставъ, и спустивъ около
меня раба Божія (нія рекъ), громъ и молнію огненную, ски-
петровъ стрѣлы булатныя и рѣки огненные, отъ востока до
запада, отъ юга и до сѣвера, отъ земли и до воздуха; нача
силы небесныя меня, раба Б. (нія рекъ), любить и хранить,
изо всѣхъ орудій пламенныхъ, изъ убрусовъ и скипетровъ
бити и палати, и громъ на ради слать, молнію пожигать, су-
постатовъ моихъ стрѣлять, и кто испортитъ, порчи ихъ сжи-
гать огнемъ, отъ моего порожденія до исхода души моея. И
довесн ю Господи въ руцѣ живу, и сохрани меня раба Божія
(нія рекъ) отъ всякія неприязненности дьявольскія, и мною хра-
нимо, и во вѣки нерушимо. Аминь, аминь, аминь. *(Говорить
дважды). (Извлечено в. П. А. Ефименкомъ изъ старинной
рукописи).*

ОХОТНИЦКІЕ ЗАГОВОРЫ И МОЛИТВЫ.

1. *Для удачи на охотѣ.* Господи, Иисусе Христе, Сыне Бо-
жій, помилуй меня грѣшнаго (нія рекъ), аминь. Ложусь я, рабъ
Божій (нія рекъ) ввечеру, поздно на поздно благословясь и
перекрестясь; встаю, рабъ Божій, ранымъ на рано, и умываюсь
триденной водой, и утираюсь шитымъ, бранымъ, тонкимъ по-
лотенцемъ; пойду, рабъ Божій (нія рекъ), изъ избы дверями, изъ
двора воротами; пойду во чисто поле, въ широко раздолье,
въ зелену дубраву, и стану я эту збрую ставить на бѣлыхъ
и на ярыхъ зайцевъ. Какъ же катится ключи, притоки во еди-
ный ключъ, такъ бы катялась и бѣжали всякіе мои драгоцен-
ныя звѣри: сѣрые, ушастые, долгохвостые волки и черные
медвѣди и красныя брунастыя лисицы, и бѣлые и ярые зайцы
и зайни (зайчихи); назадъ бы они не ворочались, а посторон-

нихъ бы не бѣгали. Позади носятъ Михаилъ архангелъ и Гавриилъ архангелъ св. своею небесною силою. Во вѣки, вѣковъ, аминь. Создай, Господи, благополучіе. Сей заговоръ глаголи трижды. (См. Таинств. чары. Москва. 1876 г.).

2. *Заговоръ охотника на постановныхъ клѣткахъ для зайцевъ.* Встану я, рабъ (такой-то, засвѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему; а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатаняловъ, двадцать дьяволовъ, двадцать лѣшихъ, двадцать полкановъ—всѣ пѣшіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ робкіе. Стали предо мной тѣ сатанялы, тѣ дьяволы, тѣ лѣшіе, тѣ полканы, стала на мою услугу и подмогу. Подите вы сатанялы, дьяволы, лѣшіе и полканы, въ (такой-то) островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на мои клѣтки поставныя: сумеречныя, вечернія, ночныя, утреннія, полуденныя, пригоните, оставовите, и въ мои клѣтки прикните. (Сказаніе Русскаго Народа, Сахарова. 1841 г. Томъ I. Чернокнижіе. стр. 19—20).

2. *Для устья на охотъ.* Нужно взять съ собою кусокъ хлѣба, или мяса, на который наговаривать:

Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, въ туманѣ превеликомъ, есть птица полетуша, есть сѣрые гуси, сизыя утки. У нихъ бы крылья подломились, сами бы опустылись, перье оборвалось и свля бы на бугоръ высокій, чтобы меня, раба Божія (имя рекъ) не видѣли и стрѣльбы моей не слышали, и долетѣла бы до нихъ дробь, какъ вольное перо. (Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени, въ Труды Этнограф. Отд. Изд. въ 1878 г. См. кн. V. Выпускъ 2-й).

4. *На птичью охоту.* Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), къ церкви, поглажу, какъ православные собираются и празднуютъ, и радуются; такъ радуйся, веселися и летай ко мнѣ всякая живущая птица, которая Богомъ, Іисусомъ Христомъ, создана намъ на жертву; такъ не убойся и не устращись ни меня, раба Божія (имя рекъ), ни лаюшекъ моихъ, кобелей; не мочи ногой переступить, ни крыломъ встрепенуться до выстрѣла моего. Какъ изъ подъ Ивановской росы человекъ на конѣ не вызжветъ, пѣшій не уходитъ, такъ не улетай отъ меня, ни-

какая благословенная птица. Слово мое крѣпко. Къ тѣмъ словамъ небо и земля—ключъ и замокъ. Аминь. (*Зап. А. Харитоковъ, въ Шенкурск. уездѣ. См. Тр. Этнолог. От. за 1878 г.*).

5. *Охотничьи слова.* Такъ бы у меня, раба Божія (иня рекъ), собака не отбѣгала, птица не улетала, всякая живущая, которая создана у Господа Бога, Іисуса Христа, Царя небеснаго, намъ на жертву благословенная всякая птица: рабъ и рябушка, копала и тетерка, и косачушка, сѣрая, малая утвица,—какъ птица не можетъ летать отъ гнѣзда своего, отъ дѣтей своихъ, такъ не бойся и не страшись лаюшекъ кобелей моихъ, и меня, раба Божія (иня рекъ), не бойся и не страшись, ни юку оружейнаго, ни дыму пороховаго, ни боя огненнаго. Радуйся птица и веселися по всякъ день, по всякъ часъ и по всякое время: утромъ рано, вечера поздно, въ ветхѣ мѣсяцѣ, въ новцѣ мѣсяцѣ и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключъ и камень, аминь. (*Записано А. Харитоновымъ*).

6. *Отъ вороны, мѣшающей охотнику.* Господи Боже, благослови! Стану я, рабъ Божій (иня рекъ), благословясь; пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами; выйду на широкую улицу, съ широкой улицы въ чистое поле, съ чистаго поля въ широкое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой заводъ. Стану я, рабъ Божій (иня рекъ), становить пасточки, и силышки на благословенную птицу, которая создана намъ на жертву, на ряба и рябушку, копалу и тетеру, косача и косачушку. Проклятая птица, поганый черный воронъ, полети съ моей тропы, съ моего сгодья, за синее море ко Ироду царю; тамъ Иродъ царь бьется, дерется, кровь проливаетъ. Тутъ тебѣ черный воронъ столы разставлены, ѣвства, сподоблены. На моемъ лѣсѣ, на моей тропѣ, на моемъ заводѣ, смоливая спица въ глазъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключъ и замокъ. Аминь. (*Зап. А. Харитоковъ*).

7. *Чтобы воронъ не пѣз попалшихъ въ ловушку птицъ.* Стану я, рабъ Божій (иня рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, въ темные лѣса по своему путику, по своему ухожью. Воззрю я, рабъ Божій (иня рекъ), чернаго ворона и вороницу и слѣпыхъ его родителей; какъ ты, черный воронъ и вороница, не выдаешь въ юль мѣсяцѣ воды въ рѣкахъ, ручьяхъ и озе-

рахъ закліатиємъ Ноя праведнаго, такъ бы ты не видѣлъ у меня, раба Божія (имя рекъ), на моемъ путикѣ, на моемъ ухожѣ, уловныхъ моихъ тетерь, рябовъ, и куроптей, въ моихъ пастяхъ, въ моихъ слопцахъ, въ моемъ силѣ, ни сверхъ, ни съ испода. Полети ты, черный воронъ и вороница съ моего путика, съ моего ухожья за сивее Окіанъ-море, тамо царь Соломонъ сына женить и дочь замужъ даетъ, убилъ на свадьбу 300 гусей, 300 лебедей, 300 яловичъ, 300 утей; тамъ тебѣ, черный воронъ съ вороницою много будетъ питенья и яденья; а на моемъ путикѣ, на моемъ угодьѣ, нѣтъ тебѣ ни спить, ни сѣсь, ни сверхъ, ни съ испода, ни въ день, ни въ ночь, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней зарѣ, млада и ветха мѣсяца, ни въ полдни, ни въ перекроѣ и въ меженные дни, ни въ ночные часы, во всѣхъ мѣсяцахъ и во всѣ 24 часа всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Трижды читается*). Есть у меня, у раба Божія (имя рекъ), генеральный стрѣлецъ, Самъ Исусъ Христосъ; у Господа нашего Исуса Христа солнце—лукъ, мѣсяцъ—стрѣла стрѣляетъ, излучаетъ тебя; чернаго ворона и вороницу и слѣпыхъ твоихъ родителей и въ ночь, и по всяку пору. И гдѣ я, рабъ Божій (имя рекъ), тебя чернаго ворона и вороницу, на своемъ путникѣ и на своемъ угольѣ, увижу, тутъ тебя и подстрѣлю и ухода своего лишу, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Записанъ в. Шабукина въ Пинежскомъ уездѣ*).

8. *Противъ злаго чловѣка, на охотѣ*. Стану я, рабъ Божій, благословясь и пойду перекрестясь, пойду по матерн по сырой земли, небоиъ покроюсь, зарею подпояшусь, звѣздами обтыцусь; злой, лихой чловѣкъ не можетъ неба покрыти и зари потушити, и звѣздъ сосчитати, и на меня, раба Божія, ни зла подумать и лиха помыслить. Злой лихой чловѣкъ зло подумать, поворотись къ нему на корень, положи между языкъ в щекн желзна спица: которое слово забыто назади, будь на переди въ лучшемъ мѣстѣ, которое слово прибавлено, то бы къ нимъ пристало; и берите мои слова, вострѣе востраго ножа, вострѣе булатнаго копія, вѣкъ по вѣки. Аминь, аминь, аминь. (*Изъ рукописной тетрадки в. Хромцова, изъ с. Суры, Пинежскаго уезда*)

9. *Слова утѣчи*. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Какъ

есть Окіанъ-море, бѣлой камень, на бѣдомъ камени самъ Исусъ Христосъ, самъ бѣлъ и рукавицы бѣлыя, и кнутъ бѣлый, заго- няетъ и залучаетъ всякую птицу. Стань и не усypай по ут- ренней зарѣ, по вечерней зарѣ, святой Лука залучи, изгони, святой Матвей замани и залучи, святой Ерешій закрѣпи отъ всякаго зла и лиха чelовѣка, отъ зуба и отъ когтя, и отъ всякаго грѣха чelовѣка. Вся крѣпость Святаго Духа, аминь, аминь, аминь. *(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, изъ с. Ваймуи, Холмогорскаго уѣзда).*

10. *Молитва прикосная на звѣря* (на лисицъ). Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ дверь, изъ дверей во дворъ, изъ двора въ ворота, подъ восточную сторону. Тутъ самъ Исусъ Христосъ и Пречистая Мати Божія, Богородица. Научи же меня, Господи, ловить и промыслять разныхъ звѣрей: кривоногихъ, черноухихъ, красныхъ, черныхъ лисицъ и бурнастыхъ, каждаго ловецкихъ звѣрей. Посылаетъ меня самъ Исусъ Христосъ къ Егорію Храброму чудотворцу: онъ тебя научить ловить и промыслять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ и черныхъ, и бурнастыхъ лисицъ. Я пришелъ къ Егорію Храброму чудотворцу; онъ сидитъ выше тридевяти апостоловъ: научи же меня ловить и промыслять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ, черныхъ и бурнастыхъ лисицъ, каждаго ловецкихъ звѣрей. По Христову велѣнію не ослушайтесь меня р. Б. Н., Егорій Храбрый чудотворецъ беретъ отъ меня р. Б. Н. веревки, капканы, тугіе луки и самострѣлы донскаго году, снимаетъ и вновь становитъ, и самъ святымъ духомъ наказываетъ и наговариваетъ: Ой еси звѣря, лисицы, подьте, побѣжите отъ тридевяти ловцовъ, отъ тридевяти промышленниковъ къ рабу Б. Н., по своимъ полевымъ тропамъ, продольнымъ и поперечнымъ изъ подъ вычепу, не видѣть ни пружинья, ни капканья, ни под- хода моего, впередъ безъ ускоку, назадъ безъ усмотру, ушкомъ не кивните, глазомъ не шигните, на сторону не скачите, на- задъ не воротитесь; души ваши сквозь ловушки, а туши вашы въ ловушку; ой еси звѣря кривоногіе, черноухи, черны, красны лисицы и бурнасты; ой, еси ловецкія звѣря, лисицы, если не избѣжиге сквозь петля и капканы, сквозь тугіе луки и само- стрѣлы. Господь нашлетъ съ небесъ огненное пламя, и васъ

лисицъ сожжетъ и спалитъ. не будетъ вамъ уходу, ни въ гору, ни въ воду, ни въ каменны пещеры; вѣкъ отъ вѣку, до скончанія вѣка. Будьте мои наговорныя слова пмки, ярки на новчу и на перекрой мѣсяцу. Тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ ключъ и замокъ, ключъ щука, а щука въ море отъ лихихъ людей, отъ завидящихъ, отъ своей думы, во вѣки вѣковъ, аминь. Богъ моя надежда.

Какъ идутъ съ ловли.

Какъ на мой булатный ножъ никто не можетъ душой подумать, мыслей помыслить, рѣчи выговорить; также на меня, р. Б. Н., на всѣ мои капканы и ружья дробовки и винтовки. Иду я, р. Б. Н., съ промысломъ звѣринымъ и птичьимъ за огонь забытымъ; ежели завидитъ человекъ, черный, черемный, частозубый, рѣдкозубый, женка бѣлоголовка, дѣвка простоволоска, попъ, попадья, дьяконъ, дьяконица, дьякъ, дьячиха, пономарь, пономарица, чернецъ, черница, отъ своей думы, отъ своей молвы и помолвы, отъ товарищевой думы, отъ своей семьи, черъ моей думы, черъ *) моей рѣчи, черъ моей крови отъ колдуна, отъ колдуній, отъ говодуна **), отъ говодунья, отъ всякаго злаго человека и всякую злую завидищу кровь, злому. лпхому соли въ глазъ, смолы въ глазъ, дверсты ***) въ глазъ. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Тѣмъ моимъ словамъ небо — ключъ, земля — замокъ.

Говорить три раза на ножъ, или на сукъ дерева, или на комъ сивга. Сей грамоты не показывать никому и не сказывать. (*Доставлена въ редакцію Трудовъ Этногр. Отдѣла, Холмогор. мѣщ. Палеховымъ*).

11. *Ототничьи заклинанія на горюстаевъ*. Господи. Боже благослови! Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, въ чистое поле за воротами, изъ чистаго поля во темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсѣ стоитъ кипарисъ древо; подъ тѣмъ кипарисомъ сидитъ сама Мать Пресвятая Богородица. Держитъ она во своей десной рукѣ три прута: пруть желвзный, пруть

*) Черъ — чуръ.

**) Говодушъ — волшебникъ

***) Дресва.

иѣдний, пруть серебряный. Ударю я первыиъ прутокъ по сырымъ лѣсамъ, ударю я другииъ прутокъ по ихамъ, по болотамъ: сырые лѣса сшатаются, ихы-болота сколеблются; разбѣжались бѣлые звѣри, горностаи на всѣ четыре стороны; побѣгите вы кривоноги, чернохвосты! Ударю я третьимъ прутокъ бѣлаго мужа, жубрило. Ай, ты бѣлъ мужъ, жубрило, самъ ты бѣлъ и конь подъ тобой бѣлъ; заѣзжай и залучай со всѣхъ четырехъ сторонъ, со стока и запада, и съ лѣта и съ сѣвера: идите со всѣхъ четырехъ сторонъ бѣлые звѣри горностаи; какъ идетъ солнце и мѣсяцъ и частыя мелкія звѣзды и вся луна поднебесная, идетъ неотпратно, такъ идите на мой заводъ, на мой сгодья къ моиъ плашкамъ, бѣлые звѣри горностаи, а минуите, проходите мои силы пасти; они не по васъ излажены. Кушайте по плашкамъ мои вѣтвы; тѣ мои вѣтвы слаще матернаго молока. Къ этому моему слову ключъ и замокъ, отношу я къ Окіанъ-мору. Есть на Окіанъ-морѣ островъ великъ, къ берегу лежитъ бѣлъ горючъ камень Алатырь; подъ камень стоитъ живая щука, пожретъ тотъ мой ключъ и замокъ. Кто кругомъ Окіанъ-море обойдетъ, кто около Окіанъ-моря песокъ вызолетъ, кто изъ Окіанъ-моря воду выпьетъ, кто ту живую щуку добудетъ, ключъ и замокъ мой достанетъ — тотъ мой промыселъ попортитъ. (*Записки А. Харитоновъ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ*).

12. *Ни бѣ.иичью ловлю.* Господи Боже благослови, Отче. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Какъ родился сей рабъ младенецъ, не знаетъ себѣ ни имени, ни вотчины, ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; и ни страсти, ни боязни, не имѣетъ въ себѣ ни ума, ни разума, ни на ногахъ скорого и тихаго ходенія, ставанія, скаканія, и ни пути, и ни дороги, ни динны (дня) ни ночи, и тако же бы меня, раба Божія, ни огненнаго моего оружія, и свинцовой пули, ни пороху, ни моей промышленной собаки, бѣлые звѣри, бѣли и всякія поголовныя птицы не знали бы и не имѣлъ о себѣ ни ума, ни разума, въ ногахъ скаканья, въ крылахъ маханья, и ни страсти, ни боязни въ день, подъ краснымъ солнцемъ, въ ночь и подъ младашъ свѣтлымъ мѣсяномъ, и находи на ихъ на умъ великой, на древахъ и будьте вы, мой слова, пушкой, бѣлой звѣрю и бѣлой голубой бѣлѣ и всякой поголовной птицѣ, будьте

крѣпки лепче клею, крѣпче снаго булату Святымъ Духомъ, Божиимъ изволеніемъ, Господнимъ благословеніемъ, всегда, и нынѣ и присто и во вѣки вѣковъ, аминь; и не пути, и не дороги, и не дни, не ночи, всегда бы были тихи, кротки и смиренны, тако-бъ передо мною, р. Б., бѣлые звѣри и всякія поголовныя птицы кротки и смиренны. *(Извлечено изъ старинной рукописи, доставленной изъ Пинеж. ульда. Хромцовымъ).*

ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ ОТЪ ПЬЯНСТВА.

1. *Отъ пьянства.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Хмѣль и вино отступись отъ раба Б. Н. въ темные лѣса, гдѣ люди не ходять и кони не бродять, и птица не летаетъ.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа (дважды), хмѣль и вино выходи на быструю воду, на которой воды люди не вьдять; отъ раба Божіа Н. хмѣль и вино поди на буйные вѣтры, которой вѣтеръ по дальности ходитъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, привяжись къ лихому человѣку, который на Н. лихо думаетъ, къ тому привяжись, который добра не сдѣлаетъ, отъ меня во вѣки отвяжись. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Выписано изъ старинной рукописи. изъ с. Ворзюоразъ, Онежскаго ульда).*

2. *Отъ заполя.* Чтобы пьющій запоемъ, уснулъ и послѣ этого пересталъ пьянствовать, нужно взять у него воскъ, на который наговаривать:

Заря зарница, красная дѣвица, сама мати и царица; свѣтель късяцъ, ясныя звѣзды, возмите у меня безсонницу, бездремотницу, полунощницу, среди ночи приди ко мнѣ хоть красной дѣвицей, хоть матерью царицей и сложи съ меня и отведи отъ меня окаянную силу, и дай мнѣ Спасову руку, Богородицынъ замокъ. Ангелъ мой, архангелъ мой, сохрани душу мою, скрѣпи мое сердце, врагъ сатана откажись отъ меня. Крестомъ крещуся, крестомъ ограждаюсь, крестомъ ангела призываю, крестомъ лукаваго отгоняю. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Знаю Святыя знаменія! *(Доставилъ г. Никольскій, изъ г. Мезени).*

3. *Отъ погмьяля.* Господние еси хмѣль, буйная голова! не вейся внизъ головою, вейся по солонь по... а азъ тебя не знаю,

гдѣ ты живешь, — вверху сыра древа влѣзи къ своему господину въ мѣдныя бочки и пивши; какъ не жить на огнѣ, такъ на сѣмъ человѣцѣ лихія словеса (иия рекъ), аще изопьешь чашу сію, доколѣ мом словесе изъ меня сін изошли, изъ его, раба Божія (иия рекъ), похитѣль, господине хитѣль, какъ царь сядетъ во царствіи своемъ: тако и ты сиди на мѣстѣ своемъ, гдѣ родился! (*Пермскіе сборникъ. Книжка 2-я. 1860 г.*)

4. *Человѣку похитѣль уловиши.* Господи хитѣль, бузвая голова, не вейся внизъ головою, вейся въ посохъ (посохъ, то есть по направленію движенія солнца), подъ воргою, а яхъ тебя не знаю, гдѣ живешь, въ верхъ сыра древа, лѣзь къ своему государю, въ мѣдныя бочки и пивши, какъ не лежитъ на огнѣ и такъ на сѣмъ человѣцѣ лихая словеса (у иия рекъ): аще испіеши чашу сію, доколѣ изъ меня словеса сін изошли, а изъ сего раба Божія (иия рекъ) похитѣль. Господи хитѣль, какъ царь сидитъ на царствіи своемъ, такъ и ты сиди на мѣстѣ своемъ, государь родись. (*Изъ стариннаго рукописнаго лѣчебника, доставленнаго в. Колчинскимъ, изъ с. Пинишея, Холмов. уѣзда*).

5. *Заговоръ отъ пьянства.* Явился еси рабу своему непорочно, самовольно тебѣ превелъ еси отъ пьянства, раба Божія (иия) иже отъ дѣвы тебѣ ради родитеса хоташему, свѣте вѣщеносце, премудре мученице Вонифатіе, избави, установи, и укрѣпи раба Божія (иия рекъ) отъ всякаго хитѣльнаго питія, и запойства, воздержи его отъ всѣхъ худыхъ дѣлъ и обстояній и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Пустынный житель, и въ тѣлеси ангелъ и чудотворецъ явился еси и богоносецъ, преподобне отче напѣ, Моисее Мурипѣ, постомъ, бденіемъ и молитвою небесныя дарованія приемъ, исцѣляюще скорбныя и печальныя, избавляюще пьющія и запойныя, и души вѣрою приходяхъ ти. Слава давшему тебѣ крѣпость и терпѣніе, слава вѣчавшему тя, слава дѣйствующе тобою всѣмъ исцѣленіе. Избави, устрани, установи и укрѣпи раба Божія (иия) отъ хитѣльнаго запойства и пьянства. Мурины заушивъ и лица демоновъ поплевавъ, мысленныя пріялъ еси, якоже солнце свѣтло свѣтомъ житія своего и ученіемъ, наставляя душу раба Божія (иия рекъ) избави, установи, и укрѣпи отъ всякаго хитѣльнаго пьянства, и запойства, отъ сего часа по

весь его вѣкъ, до гробовой доски, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. (*Изъ рукописной кѣжки Григорія Даниловича Киплюлова*).

6. *Заговоръ отъ запоя.* Ты небо слышишь, и небо видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба (такого-то). Тѣло Матерепа печенъ тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ-за горнаго студенца. Мѣсяць ты красный, зайди въ мою кѣтъ; а въ моей кѣтѣ ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды уймите раба Божія (такого-то) отъ вина, мѣсяць отврати раба такого-то отъ вина; солнышко усмири раба такого-то отъ вина. Слово мое крѣпко! (*Сказан. Русс. Народа, Сахарова. Томъ I. 1841 г. См. Чернокнижје*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ПОРЧИ И ОТЪ КОЛДУНОВЪ.

1. *Отъ колдуновъ.* Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороною есть Окіанъ сине море, на томъ на Окіанѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣло-латырь камень, на томъ бѣло-латырь камень стоитъ святая золотая церковь, въ той золотой церкви стоитъ золотъ престолъ, на томъ златъ престолѣ сидитъ самъ Иисусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавриилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай Святитель Христовъ, угодникъ; я приду рабъ Божій въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о, батюшка, истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавриилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай Святитель Христовъ, угодникъ, обставьте кругъ меня, раба Б., тмиъ желѣзный, веревъ булатны, на 120 верстѣ, окомъ не окинуть, глазомъ не увидѣть; пропущайте огненную рѣку! Отговариваюсь я, рабъ Божій, отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуньи, отъ червова, отъ черешнова, отъ двоженова, отъ троженова, отъ двоезубова, отъ троезубова, отъ трубинова, отъ окошечнова, отъ сѣнова, отъ дѣвки простоволоски, отъ бабы отъ самокрутки, отъ всякаго отъ злаго находя челоуѣка. Можетъ ли злой, ли-

хой человекъ заговорить громче грозову стрѣлу огненную, молнію, можетъ ли испортить, изурочить мертваго? можетъ ли злой, лихой человекъ, колдунъ, колдунница, еретикъ, еретница, не можетъ громъ, грозову стрѣлу, и огненную молнію, не можетъ испортить, изурочить мертваго человека; бралъ бы злой, лихой человекъ, колдунъ, колдунница, еретикъ, еретница своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои—зубы, замок—языкъ; во имя Отца, и Сына, и св. Духа. Аминь. (*Зап. изв. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. Ст. Щанова*).

2. *Отъ портежа съ ветра.* Берутъ съ трехъ прорубей или колодцевъ воду, которою окатываютъ большаго три раза; при черпаніи воду всегда размахиваютъ на посолонь, а почерпнувши приговариваютъ: „Царь рѣчной! дай воды наболтанной, на леготу, на здоровье рабу Божию (имя рекъ). Когда несутъ воду, не здороваются и не говорятъ. (*Записалъ священникъ Розановъ. въ с. Зимней Золотницъ, Арханг. губерніи*).

3. *Заговоръ отъ порчи.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Отъ Богородициной молитвы, отъ Иисусова креста, отъ Христовой печати, отъ святыхъ помощн, отъ моего слова, отъиди бѣсъ нечистый, духъ проклятый, на сухія древа, на ихи и болоты и тамъ тебѣ мѣсто. житіе, пребываніе и воля. и тамъ кричи, а не въ рабъ Божіей (имя рекъ) самовольничай. Самъ Господь Иисусъ Христосъ, сама мать Пресвятая Богородица, вся небесная сила, Михайль архангелъ, Авондъ? ангелъ, и всѣ святые чудотворцы: Ипѣонтъ и Марофъ, Кипріанъ, Іустинія. Кононъ, Ісаврійскій, Дмитрій Ростовскій, Ілія пророкъ. Николай чудотворецъ, Георгій побѣдоносецъ, и царь Давидъ, Іоаннъ Креститель и Власій, Истоферъ и Никита великомученикъ, и мое слово страшно и заговоръ силенъ; запрещаю тебѣ бѣсъ проклятый, духъ нечистый, вгдѣ не живи и не будь въ рабъ Божіемъ (имя рекъ), выйди вонъ, сейчасъ. и сію минуту, со всеми порчами и чарами и отъиди отъ рабы сей прочь и поди въ свое мѣсто, гдѣ былъ и куда тебя Господь Богъ, Иисусъ Христосъ, послалъ и гдѣ тебѣ велѣлъ жить, въ бездну преисподнюю, въ землю пустую недѣланную, туда и поди, тамъ и живи, а сію рабу остави навсегда, отъ нынѣ и до вѣка.

Аминь, аминь. аминь. *(Изъ рукописной книжки Гр. Дан. Болюбова).*

4. *Заговоръ отъ норчи.* Выгоняю я, рабъ Божій, изъ рабицы Божией (имя рекъ) всякаго нечистаго духа именовъ Господниъ, Духомъ Святымъ, крестомъ животворящимъ, травою лютой, молитвами Святымъ; посылаю адскаго князя; выведи изъ сей рабицы (имя рекъ) своего нечистаго духа и дай опять старому хозяину, прибери опять на свои прежнія руки, пошли его въ морекую глубину, заключи его на вѣки въ морской глубинѣ тремя ключами желѣзными, тремя замками булатными. запечатай его тремя печатями Соломоновыми, заключи его тремя заклятіями Господними; а ты, нечистой духъ, не стани рабицами (рабынными въроатно) телесами въ правдѣ... *(Вырвана, къ сожалѣнію, страница изъ рукописной рукописи в. Гр. П. Болюбова).*

5. *Заговоръ отъ норчи.* Во имя Отца, и Сына, и св. Духа. аминь. Сей заговоръ не на часъ, не на день, не на мѣсяцъ, не на годъ, а на вѣсь вѣкъ и на всю жизнь, аминь, аминь, аминь, надъ аминями аминь. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Отъ Бога святыя чудотворцы, преподобныя отцы и мученики въ морѣ и возмутися море отъ облакъ, сыдоша съ моря на тридесать попрещъ окаянныхъ, нечистыхъ духовъ, бѣсовъ проклятыхъ, видѣнія діавола. О нихъ же вопрошая ихъ, святыя чудотворцы, преподобныя отцы и мученики Нифонтъ и Марофъ, Киприанъ, Іустинія, Кононъ Ісаврійскій и Димитрій Ростовскій, что вы за бѣсы проклятыя пришли молитвою Христовою? Иже рекоша: Мы проклятыя и духи нечистыя дѣти сатаны, князя адскаго, и прочихъ вопросиша святыя и великія чудотворцы и преподобныя отцы и мученики и рече низъ: по что есть нечистыя духи пришли? Они же рекоша: пришли есть мучить родъ человѣчскій христіанскій, кости ломити, разумъ и чувство расшибати, болѣзки и недуги предавати, пакости и вредъ творити, сердце щенити, въ тоску и печаль вдавати, всего разслабляти, владѣнія отнимати, разныя козни дѣйствовати, губити и къ смерти приводити, кто безъ молитвы ходитъ, пьетъ, ѣстъ, и что беретъ, и кто на пирахъ и свадьбахъ бываетъ, тотъ нашъ рабъ и домъ, въ того вселемся. гнѣздаяся живемъ, въ того насъ и колдуны сажаютъ, и посылаютъ; и возмолятся сіи

святые великіе чудотворцы, преподобные отцы и мученицы, Нифонтъ и Марофъ, Киприанъ, Іустинія, Кононъ Ісаврійскій и Димитрій Ростовскій Богу о болящемъ рабѣ (имя рекъ), Господи, Господи, Господи, избавя родъ человѣчскій отъ сей мучительной болѣзни, порчи. Господь услыша молитву ихъ, послалъ свитой крестъ на прогнаніе, Михаила Архангела, ангела Авонда, Ілію пророка, и Николая чудотворца и учнутъ васъ разными муками мучити, мечами и жезлами желѣзными бити, и стрѣлами поражати, и дающе вамъ ненавидящимъ по тма темъ ранъ и ударовъ на день, они же начаша вопити, великимъ гласомъ молитися святымъ чудотворцы Нифонтъ и Марофъ, Киприанъ, Іустинія, Кононъ Ісаврійскій, Димитрій Ростовскій, Михаилъ Архангелъ, ангелъ Авондъ, Ілія пророкъ и Николай чудотворецъ; не мучите насъ, и отпусти насъ въ гульбище наше, и гдѣ мы ваше святое и великое имя услышимъ, отъ того раба (имя рекъ) побѣдимъ, отъ роду его и отъ хранины его никакими кознями не прикоснемся за тридевять поприщъ; и вопрошая ихъ святые и великіе чудотворцы, ангелы и архангелы имена назваши, у нечистыхъ духовъ, какъ нареченный, первый рече: имя ми есть Трисунъ. Не можетъ человекъ согрѣтиса въ печи, и тоже падаю, роняю, припадки разные навожу; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Второй рече: имя ми есть Огненный. Какъ разжигаются дрова смолистыя въ печи, такъ разжигаю всякаго человека сердце, главу; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Третій рече: имя ми есть Сухотной. И той ложится у человека у сердца подъ ребромъ и въ боку, аки камень взываетъ, вздохнуть не даетъ, съ души мечетъ сердце, сосеть и щемитъ, всего крушитъ, мучитъ и сушитъ, на петитъ нѣтъ; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Четвертый рече: имя ми есть *Безумный*. Творю, забываетъ умъ, счетъ не по порядку, не знаетъ людей, съ ума сбродитъ, не пьетъ, не ѣстъ, такъ и одуреность творю; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Пятый рече: имя ми есть, *Давотной*. Къ горлу приступаетъ, хрипитъ, кашлять не даетъ, у сердца стоитъ, душу занимаетъ и зажимаетъ, ѣсть не даетъ; и той буде

проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Шестой рече: имя ми *Пухошный*. Надымаю у челоуѣка брюхо, аки пузырь говяжій, душу занимаю, проговорить не даю, тѣжкость дѣлаю; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Седмый рече: имя ми есть *Ломотный*. Ломлю и стрѣляю у челоуѣка кости, главу, руки, ноги, поясницу и спину, грудь и вездѣ, аки древо сырое ломить; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Осмый рече: имя ми есть *Сухой* и *Потаенный*. Въ челоуѣкѣ кости и всего сушу, самъ таюсь и крѣплюсь, и тотъ челоуѣкъ, аки древо засыхаетъ и погибаетъ; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ, Иисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Девятый рече: имя ми есть, *Бьслующій*, *Припадочный* и *Родимечный*. Въ челоуѣкѣ сажу, мучаю, съ мѣста на мѣсто перхожу, кличу, плачу, пугаюсь, Божьяго всего не люблю, въ обмороки и въ припадки ударяю, разныя дѣйствія и зло творю, бьюсь, расшибаю; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Десятый рече: имя ми есть *Разслабленный*. У челоуѣка ноги отнимаю, ходить не даю, члены расслабляю, корчу жилы ручныя и ножныя, главу ломить, сердце щемить; и той буде проклять самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Одиннадцатый рече: имя ми есть *Пьяный* и *Распутный*. Челоуѣка въ запой и пьянство распутство и на блуд понуждаю, въ тоску и грусть, задумчивость привожу, въ нощи спать не даю, бѣси приступають, во очахъ визжать и на мѣстѣ не уснуть; и той буде всѣхъ проклятій самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Двѣнадцатый рече: имя ми есть *Смертный* и сильный начальникъ нечестыхъ духовъ надъ челоуѣками, страшный мучитель и погубитель въ челоуѣкахъ. Силаюся, мучаю, морю, гублю, разныя пакости и зло творю, все ругаю, горжусь, ненавижу, во чревѣ дѣтей гублю, похоть, плоть и уду владѣніе отнимаю, ничего не боюсь, всякую сватыню принимаю, крѣпкій до смерти, вонъ изъ рабы не выхожу; и той буде всѣхъ проклятій, изиди вонъ, аминь. И прочіе многіе рече имя намъ: Многіе есть насъ родовъ и пакосники разныя нечестые духи, проклятый скрадены,

бѣсы, дьяволы, демоны окаянныя и прочія разныя несчастливыя, вѣдомыя и невѣдомыя пакости, зло и дѣйствія твориши; и тѣмъ вси будете прокляты самнии Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и св. отцами. аминь. Побѣждать всѣ ненавидящія нечистые духи отъ роду Христа, отъ роду раба Божія (иня рекъ), призову на васъ архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престоловъ, господствъ, властей, силовъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, праведниковъ, угодниковъ и всѣхъ святыхъ, а сира сего ошпире, аминь. Крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ царствъ держава, крестъ вѣрныи утверждение, крестъ ангеламъ слава, крестамъ бѣсамъ прогонитель и изва. Крестъ порченыхъ и больныхъ избавленіе и исцѣленіе. Главъ, груди, сердцу и животу, рукамъ, ногамъ, тѣлу, составамъ, костямъ, жиламъ, удамъ, частямъ, членамъ, крови, чувству и всему чловѣку на исцѣленіе, самнии Господомъ Исусомъ Христомъ, Михаиломъ, Авраамомъ, Илѣю, Николаемъ, Неономъ, Марономъ, Киприаномъ, Іустиніемъ, Канонимъ, Димитріемъ и всеми святыми Твоими Госводи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй грѣшнаго раба Божія (иня рекъ); аминь, аминь, аминь. (*Изъ рук. тетрадки-Кли-юлюбова*).

НАГОВОРЫ НА РЫБНУЮ ЛОВЛЮ.

1. Какъ ты, матушка Шорда рѣка, течешь быстро и аро, берега смываешь, травы омываешь, коренья сдираешь, такъ смывай и сдирай съ моей раба Божія (иня рекъ) шетовки, съ рѣзки и съ мешени, съ огненнаго боя, со всей оружейной приправы, ото всякаго злаго и лихаго, и отъ помышленнаго, отъ колдовства и отъ всей нечистой думы. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и зѣмля—ключъ и замокъ; аминь. (*Записалъ А. Харитоновъ, въ Шенк. уездѣ*).

2. *Рыбѣ прикосъ.* Говорить слова на уды и на рыбицу, какую Богъ дастъ:

Буди моя рыбица неприкослива, неурослива, иди ко мнѣ рабу Божію скоро, безпозатно и безповоротно, противъ быстраго воды, осенія рѣки, назадъ не оглядывайся и въ сторону не отворачивайся, иди ко мнѣ, рабу Божію, ежечасно на утрен-

ней зарь и на вечерней зарь, въ мои желъзные уди, рыбаца наливъ большоголовый, и востроносица шука, красная рыбаца семга, иди ко мнѣ, рабу Божию Н; по всякъ день, и по всякъ на утренней зарь и на вечерней зарь, въ день подь солнцемъ, а въ ночь подь мѣсяцемъ и подь частыми звѣздами, и подь всею окружностью Божіею... Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, именемъ Господнимъ, Духомъ Святимъ; во вѣки вѣковъ аминь. А которое я, рабъ Божій, слово узабылъ, узапанитовалъ, то слово мое буди въ томъ же кругу и вострѣе востраго ножа, булатнаго топора, быстрѣе ключевой воды, именемъ Господнимъ, Духомъ Святимъ, во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ аминь. (*Крест. Леонтьевъ, Холмогор. уезда*).

3. *Тоже.* Для рыбной ловли и для налимовъ, и для щукъ, и для семги, и для всякой, какую Богъ дастъ на уду.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверей, изъ дверей воротами, пойду въ чистое поле подь восточную сторону, въ зеленую дубраву, и стану я, рабъ Божій, на восточную сторону лицомъ и помолюся и поклонюся истинному Христу Царю небесному, и буди я рабъ Божій промышленникъ не уросливъ и не прикосливъ отъ своей крови, и отъ своей думы, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ своего сердца, и отъ людской думы, и отъ молвы, отъ людскаго глаза. А кто злой, лютой человекъ подумаетъ на мой добытокъ и на промыселъ и то бы ему себя да въ пазуху, а что онъ радѣеть себя, то и мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ. По всякъ день, по всякъ часъ и по всяку ночь, и тѣмъ моимъ наговорнымъ словесамъ ключъ и замокъ именемъ Господнимъ, Духомъ Святимъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

4. *Тоже.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Небесной Троицѣ, Отцу и Сыну, и Св. Духу, и всемъ свитымъ ангеламъ и архангеламъ. Отступись, діаволъ отъ всѣхъ дверей и отъ всѣхъ угловъ хранины сія, и отъ всѣхъ узловъ ленивыхъ и посконныхъ, и конопляныхъ, и всякихъ разныхъ ловушекъ. Здѣсь тебѣ мѣтъ, ни мѣста, ни части; здѣсь съ нами, съ рыболовами, рабами и рабынями (иля рекъ), честный крестъ Господень, здѣсь Святая Троица: Отецъ, Сынъ и Духъ Святыи, здѣсь Мати Христа Бога нашего Пресвятая Богородица,

держитъ въ правой рукѣ цвѣтъ и траву и даетъ намъ, рабамъ и рабынямъ (има рекъ) обкуриванія для сохраненія нашей рыбной ловли, льныхъ, посконныхъ и конопляныхъ ловушекъ, красной рыбы, семги, и бѣлой рыбы, рака и щуки, и проч. Здѣсь начальники силъ небесныхъ: Михаилъ, Гавріилъ и Уріилъ и Рафаилъ, Херувими и Серафими и всѣ небесныя силы. Здѣсь святой Іоаннъ Предтеча и здѣсь святые апостолы Петръ и Павелъ, и держатъ во правыхъ рукахъ Адамовъ крестъ, цвѣтъ и траву и золотые ключи и даютъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ для ради сохраненія нашей рыбной ловли для красной рыбы семги, и бѣлой рыбы, рака, щуки и прочихъ разныхъ, бѣлыхъ рыбъ. И здѣсь всѣ святые апостолы, и три святителя и учителя: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ честный; здѣсь съ нами, съ рабами и рабынями (има рекъ) св. Николай великій хранитель, и здѣсь русскіе чудотворцы: Алексій и Іона; здѣсь мученикъ Агафонъ, здѣсь мученикъ Христовъ Никита. Здѣсь, съ нами съ рыболовами, съ рабами и рабынями (има рекъ), мученицы Христовы, Екатерина и Варвара, держатъ ладонъ и кадило и даютъ (има рекъ) для обкуриванія льняныхъ свѣтъ и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. И всѣ честные ангелы-хранители нашихъ, берегите и стерегите нашу рыбную ловлю на всякъ день, на всякъ часъ и на всякую ночь, въ ветху и въ нову, и въ меженныхъ дняхъ, перекройныхъ, на заживъ дней, и на заживъ ночей. Силою честнаго и животворящаго креста Господня, сохраняя насъ Господи, рыболововъ, рабовъ и рабынь (има рекъ), на семь дровъ крестномъ распятый Іисусъ Христосъ. Аминь. (трижды). По благословенію Господню идите святые ангелы ко синю морю, съ золотыми ключами, отыскайте и колебайте синие море вѣтромъ и вихоромъ и сильною погодою, и разбудите красную рыбу *селюу*, и бѣлую рыбу и раки и щуку, и прочіихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ подъ шху и изъ подъ выченнаго куста, и изъ крутыхъ береговъ и желтыхъ кустовъ, и чтобъ она шла бы къ намъ рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (има рекъ) въ Местушку рѣку, быструю Дянуу, и въ разныя рѣки и озера, и во всякіе водяные притоки; и не застоилась бы на красномъ солнцѣ, и не загулялась бы съ охотной травы, и шла бы къ намъ, въ наши рыболовныя заводы, и не боялась

бы и не штилась нашихъ лениныхъ и посконныхъ, и коноплян-ныхъ свѣтъ, и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. Не дайте, святые ангелы, очамъ ея виду, ушамъ ея слуху, и еще свя-тые ангелы сохраните нашу рыбную ловлю отъ уроковъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и отъ еретницы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужней жены и отъ вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и отъ всякаго вѣтреннаго проходящаго чело-вѣка, отнынь и до вѣка, аминь. Христось воскресел! (Занис. А. Харитокова, въ Шенк. уездѣ).

5. Слова, рыбу лучить. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Какъ да народъ Божій, православные христіане изъ церкви, съ домовъ и изъ всякихъ мѣстъ, и за Спасомъ и за Пресвятой Богородицей идутъ на Иорданъ, и придуть на Иорданъ и стануть, съ мѣста на мѣсто не перехаживаютъ и не погуливаютъ, также бы ко мнѣ, рабу Божию (имя рекъ), рыба въ лучъ всякая шла: лоси, семги, харьюсы, сига, щуки, на-лимы, язи, подъязки, окуни, сорога, и всякая рыба шла съ ямъ. съ плесь и съ травы, изъ лапуги, изъ крежьевъ, изъ ручьевъ, изъ всякихъ мѣстъ дресвы и на росити, и придуть въ лучъ и стали бы они, съ мѣста на мѣсто, не перехаживали, и не погуливали на утренней зарѣ и среди ночи темной, не боялись бы они ни козы, ни луча, ни лодки, ни остожья, ни шеста, ни мена, раба Божія (имя рекъ), ни товарища моего кормишка (имя рекъ). Всегда нынь и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить сіе трижды, когда станешь лучить зажигать. (Ночная ловля рыбы при помощи огня).

Какъ престолъ Господень стоить среди алтаря, не шевелится, такъ бы не шевелиться, не похаживать, также бы у меня, раба Божія (имя рекъ), рыба съ луча не шевелелась и не похаживала на утренней зарѣ и на вечерней, и на среди ночи темной.

И говорить сіе трижды, и къ тому-жъ: „какъ попъ стоить на ерданѣ, не шевелится, и не похаживаетъ, такъ бы и у меня, раба Божія (имя рекъ), и рыба съ лучу не шевелелась и не похаживала на утренней зарѣ, на вечерней и среди ночи темной“. Говорить сіе трижды.

Обережь: какъ первую рыбу добудешь я съ остроги сни-жешь и говорить въ ротъ еѣ трижды и плюнуть: чуръ моей

рыбы и чуръ моего промыслу, чуръ моей души, крови, чуръ меня р. Б. (ниа рекъ), промышленника, чуръ моего коринника. И положить рыбу въ лодку и позъжай, Богъ въ помощь. (*Из Труды Этн. Отд. 1878. Отъ 1. Хромцова*).

6. *Для удачнаго лова рыбы.* Пойду я на быстру рѣку, на ей есть рыбки потрепушл, и спустили бы мы неводъ, какъ шелковъ пожокъ, и въ этотъ неводокъ, въ каждый поводокъ на-скакало бы рыбы, какъ чины *). (*Доставилъ 1. Николаевскій, изъ города Мезени*).

7. *При наживкѣ червей на крючекъ.* Когда наживляютъ на крючекъ червей, а иногда рыбу, то приговариваютъ: рыба свѣжа, наживка сильна, клюнь, да подерни, ко дну потяни. (*Зажисало 1. Ефименко, въ Холмогорскъ*).

8. *На уженье.* Для того, чтобы на удочку попадалась крупная рыба, пойчавши маленькую рыбку, съкутъ съ приговоромъ: Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли дядю и т. д. и пускаютъ обратно въ воду, освободивъ отъ крючка. (*Зажисано 1. Елизаровичъ, въ 1. Архангельскъ*).

9. *Для удачи на промыслъ.* По благословенію Господню, идите св. ангелы ко снью морю, съ золотыми ключами, отыкайте и колебайте оное море вѣтромъ и вихремъ и сильною погодою, и возбудите красную рыбу и бѣлую рыбу и прочіихъ разныхъ рыбъ и звѣрей морскихъ; и гоните ихъ изъ подъ моху и кустовъ, отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобы они шли къ намъ рыболовамъ и звѣроловамъ (перечисляются имена всѣхъ промышленниковъ), и не заставались бы при красномъ солнцѣ, и не залеживались бы на льдинахъ среди моря и шли бы въ наши заводы, сътъ и ловушки, и не пятались бы нашихъ ленныхъ и конопляныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ ловушекъ, и не пужались бы нашихъ выстрѣловъ, и колотушекъ. Не дайте, св. ангелы, тѣмъ звѣрямъ и рыбацъ: очанъ ихъ—виду, ушанъ ихъ—слуху и еще, святые ангелы, сохраните нашу рыбную и звѣриную ловлю отъ уроковъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужней жены и вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и всякаго вѣтренаго, проходящаго человѣка и порчельника, отъ

*) Слово „чины“ необъяснено доставителемъ.

иный и до вѣка, аминь. Христосъ воскресъ. (*Доставлено в. Никольскимъ изъ Мезени*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ЛИХОРАДОКЪ.

1. *Отъ трясцы.* Писать по ровну на бумагѣ три имени:
Алоака, Югалы, Оатулей.

(*Изъ стариннаго лечебника, доставленнаго свящ. А. Колчинымъ изъ с. Пинищев. Холмог. уѣзда*).

2. *Отъ лихорадки или дрожжалки.* Больной, если хватить силы, идетъ въ лѣсъ, находитъ осину, кланяется ей и говоритъ:

„Осина, осина, возьми мою тресину, дай мнѣ леготу!“ послѣ того перевязываетъ осину своимъ поясомъ. (*Записалъ Е. Ивановскій, въ Шенкурскомъ уѣздѣ*).

3. *Тоже.* Мать ты моя вечерняя звѣзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать, дѣвицъ Иродовыхъ дочерей.

Заговариваютъ по вечернимъ зарямъ, заговоръ читаютъ по три раза, отялевывая послѣ каждого въ лѣвую сторону съ словами: „Покуда я плюю, потуда бѣ рабу (имя рекъ) хворать.“ (*Изъ очерковъ Повпрій. Обр. прим. и изд. въ Вор. г., свящ. маг. Федора Николава*).

4. *Отъ лихорадки.* Молитва отъ святаго Силіи и Сихайло и четырехъ евангелистовъ: Іоанна Богослова, Марка, Луки, Матвея. Стоитъ среди моря столпъ камень, у столпа сидятъ Силіи и Сихайло и зрять (съ?) святымъ Силіи въ море: возмущилася вода подъ небесемъ, пзыдоша изъ моря 12 женъ прѣстовдасыхъ, и окаянныхъ видѣнїемъ ихъ дѣвольскимъ, и вопрошали ихъ св. Силіи и Сихайло: что есте за жены? и они рекоша ему: а мы есмь трясовицы и дщери Ирода царя. И вопрошаетъ ихъ св. Силіи и Сихайло: „окаяниі дѣволи! Почто есте семо пришли?“ И они рекоша ему: „мы есмь пришли мучите христіанскаго роду: аще хто перепьетъ, того мы мучимъ; аще хто завтрону воскресенскую проспять, Богу ея не молятъ, въ праздники честные блудъ творить, не чистъ ходитъ, рано пьеть и вѣсть, то ваши (наши) угодики“. И помоллся св. Силіи и Сихайло: „Господи, Господи! Избави родъ чловѣчь отъ окаянныхъ дѣволей!“ И услыша Господь Богъ

молитву и посла къ нимъ (то-есть къ трасовицѣмъ), Сидниѣ и Сихайла и четырехъ Евангелистѣ: Матееѣ, Луку, Марка, Иоанна Богослова—и велѣ мучити ихъ дубцы желѣзными и дати имъ по три тысящи на день ранъ. И они (онѣ?) рекоша и начаша молитися: святѣи великіе Сидниѣ и Сихайло и четыре Евангелиста: „Марко, Лука, Матееѣ и Иоаннъ Богословъ! не мучте насъ! Гдѣ ваши ижеиа святѣи да слышнѣи и не противнѣи ни въ коенъ родъ, въ мужескоиъ и въ женскоиъ,—и мы того роду, мужескаго и женскаго, бѣгаемъ за тридевѣтъ попрѣицъ. И вопрошаетъ ихъ святѣи Сидниѣ и Сихайло и Апостоли, четыре Евангелиста, что ваши ижеиа? Едина рече: нѣи ииа Огниа: коего человекъка поймаю, тотъ человекъкъ разгорѣица, аки пламенъ въ печи, также я разжѣгаю всякаго человекъка. Вторая рече: нѣи ииа Ледѣиа: я коего человекъка поймаю, тотъ человекъкъ не можетъ въ печи согрѣѣица. Третья рече: нѣи ииа Желтаѣи—аки цвѣтъ дубравниѣи. Четвертая рече: нѣи ииа Глохнѣи: котораго я поймаю, тотъ человекъкъ можетъ быть глухъ быти. Шестая рече: нѣи ииа Юдеѣи: коего я человекъка поймаю, тотъ человекъкъ не можетъ насытитица многѣи бранѣиомъ. Седьмая рече: нѣи ииа Корчѣи: коего человекъка поймаю, тотъ человекъкъ корчѣица виѣѣѣи рукаи и ногаи, не шѣѣѣи, не ѣѣѣи. Восьмая рече: нѣи ииа Грудеѣи: котораго человекъка изловлю (поймаю) лежу на грудѣихъ и выхожу храпомъ внутрь. Девятая рече: нѣи ииа Проклатѣи: коего человекъка поймаю, лежу у сердца, аки лютаѣи змѣи, и тотъ человекъкъ лежить друдио (трудно). Десятая рече: нѣи ииа Ломена: аки сильная бурѣи древо ломѣитъ, тако же и азъ ломаю кости и сипну. Одинадцатая рече: нѣи ииа Гладѣи: коего человекъка поймаю, тому человекъку сна цѣѣѣи, и приступѣитъ къ нему и шутѣица... Дѣвѣинадцатая рече: нѣи ииа Огнѣистра: коего человекъка поймаю стараго, тотъ не можетъ живъ быти⁴. Молѣитвами святѣихъ апостолиъ, ангелъ, Сидниѣ и Сихайло и четырехъ Евангелистолиъ: Матееѣ, Марка, Луки и Иоанна Богослова, царъ славы Исусъ Христосъ аки (?). Крестъ хранѣитель вся вселеннѣи. Крестъ—красота церковная, крестъ—царевъ скипетръ, крестъ—кнѣзѣи дѣржава, крестъ—вѣрнѣи утвѣрженѣи, крестъ—бѣѣѣи самъ ѣѣѣи, крестъ трасовѣицаиъ прогнанѣи; прогонѣица отъ раба Божиѣи (ниѣи рекъ) всегда, и ниѣи, и присно и во вѣки вѣкомъ, аминъ. А говорити сѣи мо-

литва трижды надъ главою больнаго, положи крестъ въ воду на блюдо, и та вода пити, давати больному. (См. *Пермскій сборникъ. 1860 г. Кн. II. Изв ржков. Сб. XVII в.*)

5. *Отъ лихорадки.* На горахъ аеонскихъ стоятъ дубъ покрецкой, подъ тѣмъ дубомъ стоятъ тринадцать старцевъ со старцемъ Пафнугіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадцать дѣвицъ простоволосыхъ, простоносовыхъ, и рече старецъ Пафнугій съ тремя надесать старцами: кто сн къ намъ идоша? И рече ему двѣнадцать дѣвицъ. Есть ли царя Ирода дщери, идемъ на весь мнръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнугій своимъ старцамъ: злоните по три прута, тѣмъ ставемъ ихъ бити по три зари утреннихъ, по три зари вечернихъ. Взмолились двѣнадцать дѣвъ къ тринадцать старцамъ съ старцемъ Пафнугіемъ. И не почто же бысть ихъ нольба. И начаша ихъ старцы, глагола: ой, вы еси двѣнадцать дѣвицъ! будьте вы трасуницы, водяницы, разслабленныя, и живите на водѣ студеницъ, въ мнръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Побѣгоша двѣнадцать дѣвицъ къ водѣ студеницъ, трасуницаи, водяницаи, разслабленныи.

Заговариваю я раба (такого-то) отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадцать дѣвицъ въ таръ-тарары! отъидите отъ раба, такого-то, въ лѣса темныя, да древа сухія.

6. *Заговоръ отъ всякой лихорадки.* Во Имя Отца, и Сына, и св. Духа. Сей заговоръ не на часъ, не на день, не на недѣлю, не на мѣсяцъ, не на годъ, а на весь вѣкъ и на всю жизнь, аминь, аминь, надъ аминемъ аминь. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово, аминь. Отъ Бога, посланный Святый Апостолъ Іоаннъ Креститель во Ердане, и вознутае море отъ облакъ, изыдоша изъ моря на висъ свѣтъ многое множество окаянныхъ, простоволосыхъ, безобразныхъ и скаредныхъ женъ свхъ видѣннн діавола бѣлове, онихъ же вопрошаа святый, апостолъ Іоаннъ Креститель, что вы за жены, проклятой лихорадки Ирода царя и прочихъ, попросиша многихъ святый апостолъ, великій Іоаннъ Креститель, кто вы скаредныя? куда идети? и по что естъ бѣсови пришли? Онъ же отвѣщаша ему: мы жены трасовицы, лихорадки, кумохи, ворчущи, дочери царя Ирода, жены бѣсовскія, роду нечистаго, насъ главныхъ двѣнадцать, злыхъ, а прочихъ насъ разныхъ мѣс-

колько тысячъ безъ числа есть, знаемыя и незнаемыя. Идемъ мы на всю землю, во всю ширь мучити родъ человеческій, главы росщипати, кости ломати, сердце щепити, чувство и владѣнія отиннати, разными недугамъ, немощамъ, хворобамъ, убожествамъ, скорблямъ и болѣзнямъ предавати, къ смерти приводити; человекѣвъ изнурати и губити; кто не бережется и безъ молитвы, не благословясь ходитъ, дѣлаетъ, пѣетъ, ѣстъ и грахи разные творитъ, и себя не хранитъ, тотъ нашъ и угодникъ, и мы въ него сами всодемся и живемъ, вредъ и пакость творимъ, что хотимъ, что бѣсы въ человекѣвъ творять то и мы, еще вѣще ихъ творимъ. Заклинаю я и запрещаю васъ окаяныя, скаредныя всѣхъ лихорадокъ именемъ Господа Бога нашего, Иисуса Христа, Святыя и Живоначальныя, и Нераздѣльныя, Единосущныя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Силою честнаго и Животворящаго Креста Господня, и живоноснымъ Источникомъ Пресвятыя Владычицы Нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи, и всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, началами, престолами, господствами, властями, силами, и всѣми пророками, и семидесятью апостолами, и евангелистами и всѣми мучениками, преподобными и угодниками, праведниками, и святыми мужеска и женска пола соборами, и ликами, вскорѣ бѣжите отъ раба Божія (имя рекъ) за то поприще въ пустыя лѣса, непроходимыя мѣста, иже же жилище человекѣвъ и скотомъ несть, аще же прослушайте мене и не побѣжите отъ раба Божія (имя рекъ) и я призову и попрошу на васъ имя Господне Саввова, Иисуса Христа; и возмолися сей святой великій апостолъ Іоаннъ Креститель Предотеча Богу, о болящемъ рабѣ (имя рекъ): Господи, Господи, Господи! избави родъ человеческій отъ сей великой мучительной болѣзни. Господь услыша его, молитву святаго апостола, посла апостолу святой крестъ и жезлъ, ему на прогнаніе грознаго воеводу Михаила, архангела Гавріила, Рафаила архангела, ангела Авоида, и Разонла, херувима и серафима, пророковъ Ілію и царя Давида и Соломона, и четырехъ Евангелистовъ; Луку, Марка, Матѳея и Іоанна Богослова, и святыхъ чудотворцевъ и цѣлителей Кузьму и Даміана, Кира, Іоанна, Пантелеймона и Ермолая, Самсона и Деміида, Фокія и Анетиты, Фалалея и Трифона и Св. мучен-

никъ Теогиію, Руѳа, Антипатра, Магна, Теодота, Фавнасіа, Фелимона, Теоестика, Артема, Факіа, Теогова, Мага, Фому, Мениона, Фокиа, Марона, Власіа, Ермолая, Кирикъ, Іудита, и Фокиніа, Прасковіа Пятница, Николай Святый, отцы: Антоній и Теоодосій, Іосиміа и Саватіа, Василіа цоваго и Сахаріа и Саханла, Діонисіа цароля, Пимена и Сосніи, Сисона и Пафнутіа и Крестіа? Апласисіа? Артеміа веркольскаго, Николая чудотворца, Івана велика, Іосифа прекраснаго и Александра Маведовскаго, апостола Петра и Павла; и учнутъ насъ разными муками мучити и тысячами прутьями желѣзными бити и дающе вамъ, ненавидящимъ, по тысячи ударовъ въ день и по тысячь разъ неисцвльныхъ, тяжкихъ, нестерпимыхъ; онъ же начаша вопити, великимъ гласомъ молитися: святые архангелы, и ангелы, евангелисты, пророки, апостолы, мученики и святые, преподобные отцы всѣ, не мучите, насъ и отпустите насъ въ гульбище наше, и гдѣ мы ваше святое и великое имя сіе услышимъ и заговоръ сей кто читаетъ и читать станеть, отъ того раба (имя рекъ) побѣдимъ, отъ роду его изнутри его и отъ хранения его, и никакими кознями не прикоснемся за тысячу сажень. И вопрошая ихъ святый и великій апостолъ Іоаннъ Предтеча креститель, архангелы, ангелы, пророки, апостолы, евангелисты, мученики, святые и преподобные отцы все сія имена назвать.... (неразобрано) у двѣиць бѣсовиць, какъ нареченныя. Первая рече: имя мнѣ есть *Желкохолола*, и Трасовица *): Трасу всякаго чловѣка, что не можетъ согрѣтиса въ печи аже жаръ и холъ великъ творю, ознобъ, подиръ и свербу творю. Та буде проклата Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Вторая рече: Имя мнѣ *Пережежающая и дневная*: Мучаю ежедневно двухдневно, трехдневно, четырехдневно и недѣльно, мѣсячно, да аже пережежаю разными новыми и недозванными болѣзнями, и немощами чловѣка мучаю, и разные хвори, недуги и убожества всякіа навожу и все на свѣти бывшіа и небывшіа новыя болѣзни творю, и отрываю. И та буде проклата Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святими отцами, аминь. Третья рече: Имя мнѣ *Безумная*: Съ ума сбродитъ, заговаривается, все млетъ, гово-

*) Сравни съ именами лихорадокъ прочихъ заговоровъ.

рять что повало, не знаетъ людей и святъ много и мало, не шьетъ, во зсть, въ нощи и на мѣста спатъ не даю. Бѣси, дѣвнцы и бабы приступаютъ всѣ, во очахъ видется и престаивается, аже въ головѣ сажу, главу разбиваю, мозги ворочаю, умъ мѣшаю, непорядокъ, дурь, припадокъ и какъ бѣснующую творю, шумъ и ломъ главѣ, и слѣпоту и сны разные, и многія пакости навожу. И таа буде проклата самниъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Четвертая рече: ния нийъ есть. *Переходная*: Перехожу у человекъ по различнымъ мѣстамъ съ мѣста на мѣсто, ломаю кости, спину, поясницу, главу, руки, ноги; ною, сверблю, ношу, ложусь у человекъ подъ ребромъ, у сердца, поясницей, въ боку, въ животъ, аки камень или перокъ возышаю, вздохнуть и стоя кашлатъ и проговорить не даю, съ души мечу, душу занимаю, и закиаю, кашель и одышку творю, сердце щемлю и ломаю, и сосу, сушу крушу человекъ; тоску, скуку, печаль, заботу, не веселіе творю, аки бѣсъ претворяю. И та проклата самниъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и Святими отцами, аминь. Пятая рече: ния нийъ *Скорбная*: Человекъ разныя немощи, недуги, хворости, убожества, вреди, скорби и болѣзни всякія творю внутри и наружи и аже, подобна порчи всякой дѣлаю. И таа буде проклата самниъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и Святими отцами, аминь. Шестая рече: ния нийъ есть *Разслабляя*: Разслабляю человекъ, аки жертва, мѣвють и дрожатъ всѣ члены и суставы аже отнимаю, ходъ и владѣнія безчувствія ногамъ и рукамъ, корчу руки, ноги, жилы, и свожу, мѣмоту и косновязчіе творю, умъ, память и чувство отнимаю, и многія пакости творю. И таа буде проклата самниъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Седьмая рече: ния нийъ есть *Пухлая*: Надымаю и разрастаю у человекъ брюхо, аки пузырьъ говажій; ноги и все тѣло отекаетъ и опухаетъ, желчь напускаю, душу занимаю, кашель и чахотку творю, гноевіе и запоръ дѣлаю. И таа буде проклата самниъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Осьмая рече: ния нийъ *Такая*: Разныя скорби и невданныя творю, аже хитрая, мудреная, несповѣдная, нездознаемая, несказанная, неизвѣстная; никто не можетъ меня познати, и доведатися, и болѣзни мною творимой никакихъ врачествъ прибрати, исцѣ-

лити, яке лекарство Божества и ничего не боюсь, сама желаю, прошу, все, что хочешь принимаю и сижу, яке самая сильная, кровавая, таюсь, кроюсь, крвплюсь, перехожу и творю, что бьсы творять, только отъ сего заговора изыду. И таа буде проклята самниъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святими отцами, аминь. Девятая рече: имя мнѣ *Блала*: Жаръ, в огонь великъ въ чловѣки навожу, безуміе, бѣснованіе, припадки, обморокъ творю, все въ очахъ, въ головѣ разной видѣній и слухи представляю, умъ, память, брожу, плачу, смѣюсь кричу, говорю, падаю, силу, дерзость, болзнь, страхъ, пугагіе, бессоніе, мечты, бредъ, пустованіе? и глаголы невѣрные навожу, и прочіе козни творю. И таа буде проклята самниъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святими отцами, аминь. Десятая рече: имя мнѣ есть *Протива*: Ничего ненавижу, не терплю, не люблю, чловѣку во всеи надобѣаю, противъ всѣхъ горжусь, грублю, ненавиствую, злюсь, бранюсь, все въ постылъ день, нехотѣніе, нежалость и зависть, и въ смѣхъ привожу, въ позоръ, и брань и смѣхъ навожу. И та буде проклята Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святими отцами, аминь. Однадцатая рече: имя мнѣ есть *Причудлица*: Въ чловѣки сижу, прячусь, когда меня выгоняють, чрезъ долгое время опять отрываюсь, прячочу, првчужаю всего, пить и ѣсть хочу, а иногда не хочу, избавленія всякаго бѣгаю, ненавижу чловѣка, отвращаю, отговариваю, въ очахъ сама являюсь женскими образомъ... (неразобраво слово), смн разные навожу, чловѣка даваю, душу, и многія дѣйствія и козни творю. И та буде проклята самниъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святими отцами, аминь. Двѣнадцатая рече: имя мнѣ *Смертная*: Та буде всѣхъ проклатій на болящемъ чловѣкомъ страшная, пласовица, и представица, и угодница Ирода цара, та усъкнула главу Іоанна Предтечи, и принесла предъ царемъ на блюдь. Ова же въ чловѣки сидить, до смерти мучаетъ разными муками, и болѣстями, къ смерти, пагуби и бѣдствію разному приводить, всякаго божества бонтся, а иногда и желаетъ творить подобно порчи, и бѣснуемому. Та буде всѣхъ проклатій самниъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святими отцами, аминь. И прочія многія все рече: имена намъ и числа неисповѣдныя, неисчислимыя, многія тысящи есть.

всякихъ разныхъ пакости, вреды, козин, скорби, недуги, хворь, убожества, немощи и болѣзни творить чловѣку. И тѣмъ будете всѣ прокляты самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Побѣждать всѣ ненавидящія діаволи отъ роду Христа, отъ роду раба Божія (имя рекъ), призову на васъ архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, пророковъ, евангелистовъ, апостоловъ, мучениковъ, святыхъ отецъ, и чудотворцевъ, и прогнаны будете въ преисподней ацкія нѣста, и даже скрежетъ зубный и огнь неугасимый. А Господень крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ царскъ держава, крестъ звѣрный учрежденіе, крестъ ангеламъ слова, крестъ бѣсамъ язва, и вамъ окаяннымъ трасовницамъ прогонитель, крестъ больнымъ исцѣленіе, глазъ, груди, души, сердцу, утробѣ, рукамъ, ногамъ, крови, тѣлу, костямъ, жиламъ, составамъ, членамъ, удамъ, частямъ и всему чловѣку исцѣленіе, самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, молитвами Пресвятыи нашеи Богородицы и присво дѣвы Маріи, архангелами, ангелами, всѣми небесными силами безплотными, пророками, евангелистами и апостолами, и всѣми преподобными мучениками, угодниками, праведниками, и всѣми святыми отцами и женами, чудотворцами. Господи Иисусе Христе Сыне Божій и помилуй грѣшнаго раба Божія (имя рекъ). Сія вода съ креста Господня, да исцѣлитъ раба Божія (имя рекъ) не живо, истинно, во вѣки вѣковъ, аминь. (Проточной воды наговорять в съ креста найденнаго дать пить, и умываться, и на главу лить).

7. *Заговоръ отъ лихорадки.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Вначалѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. (Написать эти слова на верхней коркѣ съ хлѣба, и давать натошакъ вѣтъ три утреннихъ зарі.) *(Изъ рукописной книжки. Гр. Д. Книжнелюбова).*

8. *Отъ лихорадки.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. При морѣ Черноиъ стоитъ столбъ каменный и всѣ тутъ стоятъ четыре Евангелиста: Іоаннъ Богословъ, Лука. Матѳей, Маркъ и Ангелы Христовы, сами зрятъ на море. И вышедъ изъ моря 12 жещъ сестеръ простоволосыхъ, и окаянныхъ видвнѣиъ, и вопросиша ихъ святыи отцы и ангелы: Что жени окаянныи видвнѣиъ? Куда идете? Онѣ же отвѣ-

чаша, что идемъ искати и мучити рода человѣческа. Они же начаша ихъ самихъ мучити и давали ихъ по 300 ранъ по хребтамъ ихъ. И начаша окаянныя видѣнія молиться: Господи, ослабите намъ, и гдѣ слышшии имена ваши Святые то отъ того чловѣка, раба Божія, бѣжнѣ прочь за семь попрещъ; и вопросиша ихъ Святые отцы и ангелы Христовы, что суть имена ваша? Онѣ же окаянныя сказаши имена сія: Мы дщери Ирода Царя, а зовуть насъ Трасовицами и имена наша: 1 Кашея, 2 Овена, 3 Каса, 4 Орыста, 5 Оледь, 6 Ломея, 7 Кашлея, 8 Горлея, 9 Пухлея, 10 Вертея, 11 Желтица, 12 Горница. И рокоша нѣ святые отцы и ангелы Христовы: Съ нами Богъ, и гдѣ слышите имена наши святыи и молитвы Иисуса Христа, то, отъ того чловѣка, раба Божія, бѣжите прочь въ крутыя горы; на семъ рабъ Божіемъ (имя рекъ) Христово знаменіе, крестъ хранитель всеи вселенныи, крестъ красота церкви, крестъ царнѣ держава, крестъ вѣрнѣ учрежденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трасовицъ и утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуневъ, крестъ избавляетъ всякаго чловѣка, вѣрующаго въ него. Аминь. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Рече ангелъ Господень: заклинаю васъ, окаянныхъ грозныхъ воеводани: Михаиломъ и Гаврииломъ архангелани и святыми Апостолами и Евангелистами, Иоанномъ Богословомъ, Лукою, Матеемъ и Маркомъ, и преподобнымъ Сисидіемъ, всѣхъ огневицъ, трасовицъ, утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуневъ, да не прикоснется къ нему рабу Божію (имя рекъ) аминь. „Да Воскреснетъ Богъ... (говоритъ до конца). Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони Богу, вся твѣь быша, я безъ него ничто же бысть, еже бысть. Аминь. Крестъ хранитель всеи вселенныи, крестъ красота церкви, крестъ царнѣ держава, крестъ вѣрнѣ утверженіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трасовицъ и утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуневъ. Аминь. О великій пророче, Предтечи и Креститель Господень Иоаннъ и Святые Апостолы, Христовы Евангелисты: Иоаннъ Богословъ, Лука, Матеей и Марко, и святіи Архистратіги Божіи: Ми-

ханле, Гавріиле и Святіи Кузьма и Демьяне, и святіи 9 ученикъ, и преподобній отецъ Сисиній и всѣ святіи, избавте сего раба Божія (имя рекъ) отъ всякой болѣзни, отъ лихорадки, огневицъ, трасовицъ и утренныхъ, костоломныхъ, жильныхъ корчуньевъ, и изгоните изъ сего раба Божія (имя рекъ) изнутри живота и сердца его. Аминь.

Стихъ сей прочитать трижды передъ иконою, надъ водой и потомъ этой водой вымыть больного и напоить, а потомъ будетъ онъ здоровъ. (*Выписано изъ старои рукописи П. Е. Ефименкомъ*).

9. *Отъ лихорадки.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буляхъ, лежитъ камень Алатырь, на томъ камиѣ сидятъ три старца съ желзными врутьями; идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—Вы куда идете грѣшныя, окаянныя, проклатыя? „Идемъ въ міръ, у людей кости ломать, да силу вынимать“.—Воротитесь грѣшныя, проклатыя, окаянныя.—„Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать да по три раза чвать“.*(Доставилъ с. Иванковъ, изъ юрода Шинемъ)*.

10. *Отъ Трасовицы.* Напши на служащей просфорѣ, дай ясти больному, сію молитву:

а) Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Якоже Святій Аркадій укротилъ львы въ пустыни, тако и ты, Господи, укроти Трасовицу сію въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ), всегда, минѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

б) Молитву вторую напши на бунагѣ, которую когда болящій выноситъ три дня, съечъ и тотъ пепелъ выпить, растворя святою водою: (Молитва слѣдующая):

Шедшему святому Сисевію отъ горы Синойскія обрѣте бѣсица, имуща очи разжены и руцѣ желзны, и власы верблюжіе, и рече ей Святій Сисиній.—Гдѣ идешь нечистая душе и откуда еси? Она же отвѣща ему и рече: Азъ иду юность женску изсушити, млеко остановить, а младенцы погубити, очи возвратити, а другіе родятъ глухи и немы, и погублю во чревѣ материномъ. Тогда помолися святой Сисиній Господу Богу, и предста ему святій архангелъ Михаилъ, ухвати ея вкова десной рукою своею, и рече ей: Аще ни не кленешися, не отыдешь отъ руки моея,—она же клятса ему и рече тако:

„да великаго Бога и непоколебленная, яко не вѣать ти

солгати, да аще кто можетъ шачитати, двѣнадцаты именъ моихъ, не имамъ приближитись къ тому челоувѣку, ни къ дому его, а имена мои: 1-е Вящепца, 2-е Бяспца, 3-е Преображница, 4-е Убийца, 5-е Елииа, 6-е Полобляющая, 7-е Инарто, 8-е Урія, 9-е Изъвдушая, 10-е Негризушая, 11-е Голада, 12-е Налукія *). И рече ей архангелъ Михаилъ: Заклинаю, проклятая сатана, Исусомъ Христомъ, Сыномъ Мариннымъ, той изгонитъ Трясовицу отъ раба Божія (ниа рекъ) и отъ дому его, молитвами и заступленіемъ честныхъ, небесныхъ силъ безплотныхъ, и святія причастія преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы, и присно Дѣвы Маріи, и святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, и всѣхъ святыхъ молитвами; оставися трясавица отъ раба Божія (ниа рекъ). Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. *(Списано П. С. Ефименкомъ, со старинной рукописи, въ Холмогорѣ).*

Общее заключеніе о лихорадкахъ и заговорахъ на эту болѣзнь. Лихорадка дѣйствительно, какъ это извѣстно и въ медицинѣ, очень близка къ горячкѣ. Тѣ и другія по большей части происходятъ отъ простуды, или появляются въ челоувѣкѣ во время разстройства здоровья. Часто раненый, отъ потери крови, получаетъ лихорадку. Лихорадки вообще господствуютъ между жителями приморскихъ странъ, а также въ странахъ обилующихъ болотами, отъ того то, можетъ быть, народная поэзія создала именъ лихорадки, непремѣнно возникающія или изъ Чернаго моря, или изъ моря Окіана. Кроивъ разнообразныхъ названій, встрѣчающихся въ разныхъ предложенныхъ читателю заговорахъ, встрѣчается множество другихъ, какъ напримѣръ встрѣчаемъ въ заговорѣ (его не помѣщено здѣсь) записанномъ г. Батраковымъ, помощникомъ миссіонера изъ старинной рукописи въ с. Ухтоостровѣ, Холмог. уѣзда, слѣдующія имена лихорадокъ: Тресей, Огнія, Недра, Ломтя, Усна, Оглушица, Томея, Пухлея, Желтвя, Окоркуша и Гладтя.

Кроивъ упомянутыхъ заговоровъ на лихорадку есть еще множество другихъ примѣтъ и заговоровъ. Но мы должны напомнить читателю одно, что кажется всѣ внутреннія болѣзни, какія въ старину страдали наши предки, по ихъ по-

*) Ср. съ названіями упомянутыми на стр. 361.

натию и по смыслу заговоровъ, считались лихорадками, и по смыслу нѣкоторыхъ заговоровъ можно заключить, что лихорадки по нѣвию народному, были тоже что депоны, а болѣзненные дѣйствія сравнивались съ порчею и часто эти болѣзни перемѣшались и отчитывались безразлично.

Г. Сахаровъ говоритъ, что понятія Русскаго Народа о лихорадкахъ заимствованы отъ Павликианъ. Православною церковью были преданы проклятию: *Вопросъ къ Богородицѣ о недугѣ естественномъ, еяже именуется Трлсовица*. Смот. Иоанна, Экз. Болгарскаго, издавнаго Калайдовичемъ, стр. 210.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ.

1. *Отъ зубной боли*. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Господня Хранина тебѣ не гаривать, у раба Божія (ниа рекъ) зубанъ не болѣвать отъ нишъ и до вѣку, во вѣки, аминь. (Сей заговоръ отъ зубовъ проговори трижды. Которая изба на другое мѣсто переставлена, приди и отковырь щепочку, и положи на больной зубъ какъ разъ проговоришь, избѣ поклонись *).

2) *Тоже*. Матушка крапавушка, святое деревцо! Есть у меня рабъ Божій (ниа рекъ), есть у него на зубахъ черви, а ты оныхъ выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя въ третій день отпущу. (Проговоривши, крапаву растущую на свободѣ, привязать къ низу, то есть, преклонивъ къ землѣ, а на третій день отвязать).

3. *Тоже*. Въ полночь, когда часы начнутъ бить 12-ть, въ то время сходи къ церкви, и укуси трижды коренную паперть, (у главнаго входа) и три раза скажи: какъ камень сей кровокъ, такъ закаменѣй зубы мои кровиче камня. (При семъ три раза плюнь и поди прочь, и не оглядывайся и, прочти три раза „Вѣрую“.

4. *Тоже*. На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буливъ, стоитъ соборная апостольская церковь, стоитъ Мать Пресвятая Богородица, и преподобный Антипій, зубной исцѣлитель. Онъ просить и молятъ угодинокъ Божихъ, о рабѣ Божиємъ (ниа

*) См. Таинственна Чары.

рекъ), какъ бы у васъ, угодили Божія, зубы не болѣли, такъ бы у р. Б. (ниа рекъ) зубы не болѣли. Во ния Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь. (Наговори на сучекъ, или рѣдку, или на сучекъ ели).

5. *Тожѣ.* Каниъ! Каниъ! Каниъ! вели спросить брата своего Авеля: не болятъ ли у него зубы? Нѣтъ. — Такъ бы у раба Божія (ниа рекъ), нѣтъ. Во ния Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь. (Наговори на соль и клади на зубы).

6. *Тожѣ.* Если пойдеши случайно улицей, и найдешь кость бараньей челюсти, то перекрестись три раза и говори три раза: „Отче нашъ“. Потомъ скажи еще три раза: „Кость ты моя, кость зубная! избави меня отъ зубной ломовой болѣзни, а я тебя избавлю отъ мокроты“. — И взявъ эту кость подоткни ее въ горнищъ, гдѣ въ сухое мѣсто, и будешь здоровъ.

7. *Тожѣ.* Заря зарница, красная дѣвица, полунощница! въ полѣ заяцъ, въ морѣ камень, на днѣ Лямарь. Покрой ты зарница мои зубы скорбы, своею фатою отъ проклятаго Лямаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы. Врагъ Лямарь, откачнись отъ меня, а если будешь грить, мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преисподнія. Слово мое крѣпко! (*Сказанія Русскаго Народа. Сазарова. Томъ I, Русскаго Черноклижія, стр. 22*).

8. *Тожѣ.* Мѣсяцъ ты, мѣсяцъ, серебряны рожки, златы твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, оними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака, моя скорбь не мала, не тяжка, а твоя сила могуча. Миѣ скорби не перенести. Вотъ зубы, вотъ два, вотъ три; всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня свою скорбь. (*Сказанія Русскаго Народа. Сазарова. Томъ I. 1847 г. См. Черноклижіе. стр. 23*).

9. *Тожѣ.* Иду я не улицею, не дорогою, а по пустынь переулкамъ, по оврагамъ, по каналамъ. На встрѣчу миѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы? отдай миѣ свои, возьми мои. Иду я не путемъ дорогою, а сырими боромъ темными лѣсомъ. На встрѣчу миѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты сѣрый волкъ, гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай миѣ свои. Иду я не землею, не водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. На встрѣчу миѣ старая баба. Старая ты баба, гдѣ твои зубы? возьми ты волчьи зубы, отдай свои выпалые. Заговариваю я

зубы крѣпко на крѣпко у раба (такого-то), по сей день, по сей часъ, на вѣки вѣковъ. (См. *Сказанія Русскаго Народа. Сахаровъ. Т. I. Чернокнижіе*).

10. *Тожже.* Марѳа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не лопать ли у него кости? Нѣтъ, сестрицы! не болятъ у меня зубы, не лопать у меня кости. Заговариваю я раба (такого-то), чтобы у него не болѣли кости, не лопали зубы по сей часъ, по сей день, по всю жизнь. Чудо водинои! возьми зубъ лоповой у раба (такого-то). Не болятъ у раба (такого-то), зубы. Болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, во все часы, по всю ихъ жизнь, злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ. (См. *Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Т. I. Чернокнижіе*).

11. *Тожже.* Если у какого человека болятъ зубы, то берутъ шепотки въ соль, и кладутъ на зубы.

Ставу а, рабъ Божій Н., благословася, поиду перекрестясь изъ избы дѣрѣни, изъ двора воротами, въ чистое поле за дворами, въ восточную сторону, по пути же нѣтъ святій Авраамъ, Исаакъ, Яковъ, насупротивъ ихъ въ снѣгъ Оніанъ-моръ плаваютъ утоплой мертвого человека трупъ, а по подъ ясному небу летять ясной соколъ. И спрашиваютъ святой Авраамъ, Исаакъ и Яковъ: что ты утоплой мертвого человека трупъ, не болятъ ли у тебя зубы, не щипать ли щеки, не грызеть ли алаковъ? Отвѣтъ нѣтъ держатъ мертвый трупъ съ снѣга моря: Св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ у мертвого человека не болятъ зубы, не щипать щеки и не грызеть алаковъ, а у аснаго сокола не пришеваютъ губы, такъ же у р. Б. Н. не болѣли бы зубы, не щипали бы щеки, не пришевели губы, и не грызло бы алаковъ, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Будьте мои слова крѣпки, какъ камень на водѣ, и на землѣ, на хлѣбѣ и соли. Всѣмъ нонимъ добрымъ словамъ небо ключъ, земля замокъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Нарядъ Устѣлад. Удѣл. Приказа о достав. въ Арханг. Конт. Этногр. Свѣд. 1847 г. за № 60*).

11. *Тожже.* Говорить три раза на вино:

Часть есть островъ, Яость полошь людей, вель при своей

простотѣ, и хвалитца Арханъ на Русь побывать и Русь (воевать?) и полюся я, рабъ Божій (ниа рекъ), Пречистой Богородицы, чтобы Архану Царю на Руси не бывать, Русь не воевать; такъ бы у меня, раба Божіа (ниа рекъ), зубному недугу не бывать, щекамъ не пухнуть, зубамъ не болѣть, въ полѣтѣ и всѣцѣ и въ ущерби и всѣцѣ. Мониъ слованиъ небо и земля—ключъ и замокъ. Аиниъ, аиниъ, аиниъ. (*Изъ стар. рук. сборника, получ. изъ с. Ваямуи, Холмогор. уезда*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ БОЛѢЗНИ ГЛАЗЪ.

1. *Отъ лъчменя.* Господи, благослови! Солнце на западъ, день на исходъ, сучекъ на глазу на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело *) почериветъ. Ключъ и замокъ слованиъ монитъ. Сивчиваютъ указательный палець слюною и мажутъ нитъ больной глазъ, приговаривая на палець три раза слова заговора. (*Записалъ в. Огородниковъ. См. Труд. Арх. ст. Ком. за 1865 г., стр. 44*).

2. *Отъ сучьяю сучка.* (Воспаленіе глазнаго вѣка). Лечать искрами, высѣкаемыми изъ огнива прямо въ больной глазъ. Искры высѣкаетъ на вечерней зарѣ старшій или младшій въ семействѣ. Больной спрашиваетъ: „что съчешь?“ Ему отвѣчаютъ: огонь огнемъ засѣкаю раб. Б. Н. Больной опять говоритъ: „сѣки горазне, чтобы въ вѣкъ не было“. Это повторяется три раза. (*Жарм. книжка для люб. землев. Иуд. Рус. Геогр. Общ. в. Верещагина, стр. 312—320*).

3. *Отъ боли глазъ съ озвѣю.* Когда кто укорить другаго какниъ либо недостаткомъ глазъ, съ помеланіемъ еще худшаго, и если укоренный подумаетъ, чтобы въ самонъ дѣль не случилось съ нимъ этого, тогда непременно явится боль въ глазахъ. Отъ такой боли моютъ глаза водой, въ которую наговариваютъ:

„Сама себя озвѣила, сама себя окаркала, сама себя п пособлю“. (*Записалъ Е. Ивановскій. въ Шенкурск. уездѣ*).

*) Устье яечи.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ МУЖСКАГО БЕЗСИЛІЯ.

1. *Противъ безсилія.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Есть святое Окіанъ-море, на томъ святомъ Окіанъ-морѣ есть стоять островъ, на томъ острову стоитъ дубъ булатной, у того дуба булатнаго корени булатные, сучье булатное, вершина булатная. Кругъ того дубу булатнаго вѣтровоу не согнетъ, вихорень не словитъ, такъ бы у меня, раба Божія (имя рекъ), стояли семдесятъ жилъ и единая жила... на женской лѣкъ красныя дѣвицы, на старыя бабы, на молодыя молодницы, на сивыя кобылицы. Еще же подъ тѣнь булатнымъ дубомъ кузовъ ярости и юрости, и азъ, рабъ Б. (имя рекъ) возьму кузовъ ярости и юности, распушу ярость и юность на раба Божія (имя рекъ) въ ретивое сердце въ 77 жилъ и въ едину жилу сердечную и въ одну жилу... Еще же на верху булатнаго дуба сидитъ веселая птица пѣтухъ, ставаетъ рано, голову дымаетъ и поетъ весело, столь же бы стояли у раба Божія (имя рекъ) 77 жилъ и единая жила... Ставали бы у раба Божія (имя рекъ) 77 жилъ и одна жила... ставали бы рано на женскій полкъ и на мужской, на молодыя молодницы, на красныя дѣвицы, на старыя бабы; и злаго человека порчельника, кто на меня зло думаетъ и мыслитъ, ударь его колѣвки о камень, убей его; у меня, раба Божія (имя рекъ), стали 70 жилъ и одна жила... стали лучше стараго, хоробрѣе прежняго, что турей рогъ, что еловой сукъ, толь бы тотъ рабъ Божій (имя рекъ) пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на покое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ старинной рукописи, доставленной крест. Доктуровымъ изъ с. Ракузы, Холмог. уѣзда, въ Труды Этн. Отд. 1878 г. См. часть 2).

2. *Тоже.* Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа, аминь. И пойду въ чистое поле, и помолюся истинному Христу Царю Небесному, и какъ стоитъ путь желѣзный жерновной. не трахнется, не ворохнется, не шатается, такъ бы у раба Божія (имя рекъ) стояли семдесятъ жилъ и одна жила... 70 суставовъ противъ полаго мѣста, противъ женскія, не погнулся бы, не ворохнулся бы, не поша-

тался бы. Всегда, минъ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. (Говорить трижды на воду чистую, испить не много и достальною обкатиться въ банѣ на парное тѣло). *(Изъ той же рукописи, что и № 1. Доставлено из Труды Этн. Отдѣла Доктуровымъ).*

3. *Тожже.* Во имя Отца, и Сына и Св. Духа, аминь. Есть Омлянъ-моръ, на пуповниѣ морской лежитъ Латырь камень, на томъ Латырь камень стоитъ булатной дубъ, и вѣтви и корень булатной, коль тотъ булатной дубъ стоитъ крѣпко и плотно, столь бы крѣпко и плотно стоялъ бѣлой... ярой... п... жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того камня выходитъ быкъ порозъ, булатны рога, и копыта булатныя и ходитъ около дуба булатнаго, и тотъ дубъ бодеть и толкаетъ и не можетъ того дуба сломить и повалить. Сколь тотъ крѣпко булатной дубъ стоитъ, и сколько крѣпко рога у пороза, столь бы крѣпко стояла ярая п.... жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того Латыря камня вылетаетъ пѣтухъ, съ нимъ вылетаетъ тридевятъ куриць, и онъ пѣтухъ на тридевятъ куриць топчетъ и скачетъ пылко и ярко, столь бы (ниа рекъ) былъ пылокъ и яркъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ аминь. *(Тожже доставлено в. Доктуровымъ изъ Холмогор. уада въ Труды Этмогр. Отдѣла. Часть 2. 1878 г. Народ. Слов.).*

4. *Тожже.* Возстани и изыграйся оный, у раба Божія (ниа) и унеси на спнее море, моему слову аминь. трижды. (Пропусти три раза мочу чрезъ вѣнчальное кольцо). *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книшлюбова).*

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ГРЫЖИ И СЪ ГЛАЗУ, И БАЕННОЙ НЕЧИСТИ.

1. *Отъ грыжи, а также съ глазу и блеклов нечисти.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Сходить Егорій съ небесъ, по золотой лѣстницѣ, сноситъ Егорій съ небесъ триста луковъ златополосныхъ, триста стрѣлъ златоперыхъ и триста тетивъ златополосныхъ, и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у раба Б. Н. уроки, прикосы. грыжи. баенной нечисти, и отдаваетъ черному звѣрю, медвѣдю. на хребетъ: и понеси черныи звѣрь

подеждь въ темныя лѣса, и заточитъ черный зверь, медвѣдь, въ забучія болота, чтобы вѣкъ не бывала, ни въ день, ни въ ночь... во вѣки вѣковъ, аминь. Три раза произносить и за каждый разонъ трижды словываютъ. (*Зам. П. С. Ефименкомъ из с. Холмогорскъ*).

2. *Отъ зряжюи.* (Говорить на теплую воду обданную на дровя). Господи Боже, благослови. Стану я, рабъ Божій Іоаннъ, благословася, пойду перекрестася, изъ избы дверьни, изъ двора воротани, пойду въ чистое поле; есть въ чистомъ полѣ окіанъ-норе и есть на окіанъ-норѣ бѣлый камень, есть подъ бѣлымъ камнемъ щука золотая и перезолотая, и кости золотыя, и приди щука къ рабу Божию (ниа рекъ) и выгрызи у раба Божія (ниа рекъ) своиаи золотыи зубани грыжу вѣтривую, грыжу напушонную, грыжу жальную, грыжу косяную, сосповую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, отъ отца грыжу, отъ матери грыжу, всакую бывающую, и спустишь грыжа къ поясу и выйди ночью и шудатани на дровящъ камень, и поживи три часа донныхъ; и пойди грыжа съ дровяна камени на пустое мѣсто, въ темное мѣсто, гдѣ солнце не огрѣваетъ. гдѣ люди не ходять и не бывають, гдѣ птицы не летають, гдѣ зверя не заходятъ, и пойди грыжа за быстрыя рѣчки, и пойди грыжа за гронучіе ручьи, и когда будетъ Христова второе пришествіе, обратись грыжа вспять; тѣмъ словагъ во вѣки вѣковъ, аминь. (*Выписано изъ стариннаго сборника заклинаний. Въ Труды Этногр. Отдѣла, за 1878 г.*).

3. *Отъ дитской зряжюи.* Повивальная бабка приговариваетъ: „Бабушка Солонидушка у Пресвятой Богородицы грыжу заговаривала (или заѣдала) иѣдныи шекаиа, желѣзныи зубани. такъ и я заговариваю у раб. Б. Н. (*Доставилъ Саяцъ Аедоровъ изъ сел. Лисестрова Арх. у. Въ Труды Этногр. Отдѣла. Ся. часть 2. 1878 г.*).

4. *Отъ зряжюи.* Господи Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Есть норе Окіанъ; въ томъ морѣ Окіанъ есть бѣлый камень Латырь, высота его 60 сажень. На томъ на камени Латырь стоитъ хрустальный теремъ, въ томъ хрустальномъ терему стоитъ золотой стулъ, на томъ стулѣ сидитъ красная дѣвица, подпоясалась золотымъ поясомъ, подперлась золотымъ посохомъ. Государыня ты, красная дѣвица: дай

ты мнѣ р. Б. грижннхъ словъ добрыхъ. Грызеть и меня р. Б. вотчину золотая грижа, истовая грижа, пуповая грижа, покрая грижа, бѣлая грижа, красная грижа, родинная грижа, привязанная грижа, кила грижа, та затеченная грижа, отрочная грижа, сердечная грижа, десная грижа, пояссовая грижа, воданая грижа, кровавая грижа, пригноинная грижа, суставная грижа, внутренняя грижа, верхняя грижа, ручная грижа, и ножная грижа. Грызеть та грижа вотха мѣсяца, и молода мѣсяца, и въ перекрой мѣсяца, по утренннхъ зарнхъ и по вечерннхъ зарнхъ, и по всякъ день и по всякой часть, и по всякое время. И возговорить красна дѣвица: „ой еси грижа, вошла еси ты въ р. Б. Н. въ вотчину шукою, и ты выйди изъ него окупѣмъ, и пойдн къ бѣлому каменю, буди тамо до скончанія вѣка, да свѣй себя, грижа, въ камени гнзздо круглое, а не грызи ты у меня р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ. грызи себя злая грижа у тридевать рѣкъ, головы, и не вѣшь ты, злая грижа, у меня раб. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себя злая грижа у тридевать горъ головы, а не вѣшь ты у меня, р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себя злая грижа у тридевать дровъ головы, а не вѣшь у меня р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни кости, ни мозговъ, грызи себя злая грижа, горькое древо осину, а не вѣшь у меня р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ отъ ныщъ и до вѣку, и до гробовой доски, въ день и въ ночь по всякій часть, аминь“.

Указъ: говори трижды на сало ворванное, или на кислая щи, или на матерно млеко, или на щучьи зубы, и мазать безымянннхъ перстомъ протявъ того мѣста, гдѣ грызеть. (*Изъ рукописной ст. Ив. Костылева*).

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ НАСѢКОМЫХЪ.

1. *Заговоръ отъ осы.* Оса, мать всѣмъ осамъ, ты мнѣ не мать, осятки дѣтки, всѣмъ дѣтямъ дѣтки, вы мнѣ не дѣти. Беру я закрученъ траву, сушу на сыромъ бору, жгу на зеленомъ дугу. Осятки, летяте на дымъ; оса, бѣги въ сырой боръ. Слово заюкъ, ключъ языкъ! (*См. Сказанія Руок. Нар. Сахарова. Т. I. Черноключіе*).

2. *Отъ червей.* Се умолити червь въ человекѣ, или въ конѣ, или въ мнѣ: какъ зайдетъ солнце, плюнь на камень, или на руки и глаголи сіе надъ наслоиъ, или надъ солю, да промолви сіе: свдла грѣнать, узды брѣнчатъ, въ порожини мѣха тхати по хвѣль, по легкой товаръ червяиъ, и полетите за море тамъ у червей свадьба, овца яловица печена, а здѣсь червяиъ огонь, свѣра горячая, и смола кпучая,—побѣгите черви отселѣ за море! (*Изъ рук. сбор. XVII стол. С.м. Церм. Сбор. Кн 2. Прил. XXV*).

3. *Отъ червей.* Татаринъ, татаринъ, злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ! зачѣиъ татаринъ съешь червей у моей лошади изъ такого то мѣста? Если не выведешь, то вырну тебя съ корнемъ, заброшу за синюю даль, ты засохнешь, какъ порошника. Вспомнишь свою ошибку, да будетъ поздно.

4. *Червь умолити. въ конѣ, или на мнѣ.* Священникъ Колчпнъ прислалъ въ редакцію Трудовъ Этнографическаго Отдѣла (см. 1878 г. книгу 2. стр. 177), вышесказанный заговоръ во всемъ схожій съ заговоромъ № 2, съ тѣмъ различіемъ, что въ немъ не упомянуто: „овца яловица печена“, а также вмѣсто слова: „Побѣгите черви за море“—сказано: Амниъ, амниъ, амниъ, и потомъ: „Червь разирызь и ялюв, идъ черви“.

СЛОВА НЕВѢСТЪ, ЖЕЛАЮЩИХЪ ЗАМУЖЬ.

Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, то-есть 1 октября, въ деревняхъ въ церковь собираются дѣвушки и молятся: „Пресвятая Мати Богородица! покровь мою юлову, краснымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ“. Объ этомъ же дѣвушки молятся на сей день всю ночь на пролетъ, или же просто: „Батюшко Покровъ, мою голову прикрой краснымъ повойникомъ, золотымъ подзатыльникомъ“. Въ день святой великомученицы Параскевіи, нареченной Пятницею, 28 октября, какъ и въ день Покрова, дѣвушки молятся: „Пятница Парасковей, пошли жениховъ поскорѣе“.

СВАДЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, ПОДХОДЫ.

1. *Подходъ свата.* Въ деревняхъ посылаютъ сватовъ для переговоровъ съ родителями избранной дѣвушки. Сватъ предъ

началомъ исполненія порученія, встаетъ предъ иконою Божіей Матери, обтираетъ ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ:

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, войду въ чистое поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему, Иисусу Христу, и Матери Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ, и возьму святымъ; надѣну утроранній бѣлый свѣтъ; и застѣгаюсь утроранними шелкочастыми звездами, умоюсь мокрою росою Соломонію, утруся бѣлымъ полотенцемъ, бѣлымъ свѣтомъ; положу царскій колпакъ, пойду къ рабу Божію, ко властелину (имя рекъ) въ свѣтлыя очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ Божій (имя рекъ) зрѣтъ и глядитъ на Мать Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа, Царя Небеснаго, такъ и на меня-бъ (имя рекъ) раба Божія зрѣлъ и глядѣлъ, и дрымъ не взбудилъ, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не трахнулъ, и ногой не топнулъ, и злая лиха не подумалъ. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабъ Божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. (*Рукоп. описаніе свадьбы въ Турчасовскомъ приходѣ, Онеж. у., свѣц. Алексѣевымъ. Помѣщено въ Трудяхъ Этн. Отдѣла Кн. 2. 1878 г.*)

2. *На наговоренное пиво.* Въ Холмогорскомъ уездѣ Арханг. губ. есть такой обычай, что въ двѣнадцати невѣста умывается наговореннымъ пивомъ. Наговоръ этотъ слѣдующій: „Какъ ты чисто злато-серебро, чисто и прилично; какъ на тебя, злато-серебро, всякъ зарится, заглядывается, старъ и младъ, женатый и холостой, старая старуха, и молодая молодница, и красивыя дѣвицы, и молодые молодцы, такъ бы на тебя, рабу Н., зарились бы и заглядывали всѣ, казалась бы ты имъ златомъ-серебромъ, глядѣли бы и смотрѣли бы, и очей съ тебя не спустили. (*Доставилъ въ Труды Этнот. Отдѣла священникъ А. Колчинъ*).

3. *Когда случится отягустить свадьбу,* говорятъ: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Отчего тебѣ слова говорятся? отъ евангелія Христова, Царя Небеснаго. Михаилъ Архистратигъ, святой Петръ, и Павелъ верховніи апостолы, ставьте тридцать тычовъ мѣдныхъ отъ земли, подошвы до до небесной, до морской глубины, отъ

восточныя до западныя, отъ лѣта до сѣвера, отъ земли и до небеса, и со всѣхъ четырехъ сторонъ стоитъ около меня, раба Божія (имя рекъ); у тѣхъ же тридцати тимовъ, есть тридцать воротъ, есть тридцать замковъ, у тѣхъ же, у тридцати замковъ—есть тридцать ключей. Приду я, рабъ Божій, (имя рекъ) и затворю тѣ тридцать замковъ, и брошу тѣ тридцать ключей во святое Хвалынское море, и придетъ щука золотая, челюстью ухватитъ тѣ ключи и понесетъ во глубину морскую, въ пуповину, подъ колоду бялудобовую. И тѣмъ словамъ ключевыя слова, анишь, анишь, анишь. (*Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуи, Холмогорскаго уѣзда*).

4. *Оберезъ невесты.* При входѣ послѣ вѣнца, въ домъ мужа молодая говоритъ:

Первая, другая, я иду третья! всѣ вонъ, ниъ одной домъ.

Этотъ приговоръ молодой употребляется ею, вѣроятно, для того, чтобы первенствовать надъ другими сноханами. (*Записалъ свящ. Алексѣевъ, въ селѣ Турчасовѣ, Онежск. уѣзда*).

5. *Оберезъ жениха.* Когда молодой идетъ въ домъ невесты на жительство (зять-пріемнышъ) то, вступая въ избу послѣ вѣнца, произноситъ слова, глядя на потолокъ:

— Я иду, зѣвъ лапистъ и гордъ, горластый, волкъ зубастый; я есть волкъ, а вы есть овцы мои. (*Записалъ свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онеж. у.*).

6. *Свадебныя оберезы.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Есть въ западной сторонѣ морѣ Черное; въ томъ морѣ есть островъ. На томъ же острову выросло древо, на томъ же дрѣвѣ корень и вѣтвіе, на томъ же дрѣвѣ сидитъ желѣзень мужъ, осматриваетъ желѣзень мужъ всякаго вѣдуна, колдуна, кудесника, чтобы видѣти ниъ, сторожу колдуна и вѣдуна, жулика, и женку, и дѣвку. Окажи ниъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, окажи ниъ сторожу въ избѣ, или на улицѣ, въ пирю или на свадьбѣ, или у заплота, или за плахами, или за рѣкою, вездѣ, кто гдѣ не стоитъ, какъ бы сторожа не тронуть. Тотъ же желѣзень мужъ, кабы на колдуна и вѣдуна тянетъ онъ лукъ, отворачиваетъ недобрныя словеса, и рѣчи колдунове и вѣдунове, аще онъ врагъ, или на меня вражить, онъ отворачиваетъ тотъ же желѣзень мужъ. Или баба еси съ тими же, тотъ же

врагъ ее же, кабы она легонько въ зубки подола знала в по-другу бы оказала, руку бы знала, своего дьявола звеселила, да тотъ же желѣзень мужъ, въ избу приважи ее къ печному столбу, а на улицѣ къ огороду, а мужикъ тотъ же колдунъ, чадо мною пытаетца; ты же желѣзень мужъ; кабы насъ не пала ево ни молитва, а ему колдуну нечѣтъ бы ему отъ меня не онятца: сведи его, тотъ же желѣзень мужъ, сведи его въ баню и поставь его въ каноницу головою, иже его врага, кой вражить, и повѣсь его же вверху ногами, у строишь къ одному углу, и брось его же о сыру землю, да тотъ же желѣзень мужъ не отпушай меня, раба Божія (ниа рекъ) его врага о землю поразь, его стречника. Или, у князя молодова лошадь подтыкается; отъ подтычки, или у свахи, у тысяцкаго, у дружекъ, у сторожа, у всего княжева поѣзда прибору отъ вожемя, которая врагъ повалить захочетъ о вѣрсоцѣ, тотъ же желѣзный мужъ обороняетъ меня, раба Божія (ниа рекъ), сторожа, князя и княгиню, тысяцкаго, дружекъ, и весь княжой приборъ, бросаетъ его, того же врага, какъ бы на насъ не думалъ, брось его о сыру землю; во вѣкъ вѣковъ, аминь. (*Списалъ П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холм. уѣзда, Доктуровымъ*).

7. *Заговоръ свѣтлицы* *). Покорюсь—понолюсь, сей день—сей часъ, утрою рано—вечерю поздно! Благослови меня, Пресвятая Мати Богородица, Егорій храбрый—съ княземъ, со тысяцкимъ, со большими боярами, со свахой, съ дружкой и съ поддружкой, ко княгинѣ вхати, княгиню получить, съ княгиней въ Божью церковь доѣхати, законъ Божій принять! Стану—благословлюсь, пойду—перекрещусь на восточную сторону; благослови меня Михайло Архангелъ! дай намъ путь—дорогу. (*Пермскій Сборникъ. Кн. 2 1860 г. Мат. для опис. быта Пермляковъ. Стат. Рогова*).

ЗАГОВОРЫ НА ПОДХОДЪ.

Подходъ происходитъ отъ глагола, подходить. Заговоры на этотъ случай, какъ увидимъ, точно также какъ и молитвы,

*) Вѣтливцами въ Пермской губ. называются знахари, приглашаемые на свадьбы, какъ оберегатели поездишь отъ порчи и лихаго глаза.

употреблялись и употребляются въ томъ случаѣ, когда приходилось подходить къ важному лицу съ просьбою, съ покорностью, или съ повинною головою; вообще кого нибудь униловить или расположить въ свою пользу.

1. *Заговоръ на подходъ вообще.* Стану я, рабъ такой-то, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами; выйду я въ чистое поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. *Ахирь и Оры*, и како идутъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ православные роды, и не думаютъ зла и лиха, также и на меня, раба (такого-то) не думали бы зла и лиха, какъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и всѣ вельможи, и всѣ православные роды, возрадуются и возвеселятся, также меня, раба (такого-то), увидѣли бы цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и всѣ православные роды христіанскіе, возвеселялись: И какъ не видятъ мати отлученнаго дитя многія лѣта, а увидитъ возвеселится, и возрадуется зѣло весело и радостно, также меня, раба такого-то, увидѣвъ, возрадовался бы и возвеселясь цари, царицы, короли, королицы, князи и княгини, всѣ вельможи, и всѣ православные роды христіанскіе. Какъ не можно небесныя колесницы превратить, также вы меня и моихъ словъ не могли бѣ превратить во вѣки вѣковъ. (*Сообщено в. Порихинымъ и помѣщено въ I томѣ сказаній Русс. Нар. 1841 г.*)

2. *Подходъ предъ царскія очи.* Господи благослови! Какъ утрення заря размыкается, Божій свѣтъ освѣщается, звѣри изъ пещеры, изъ берлогъ, выбираются, птицы изъ гнѣздъ солетаются, такъ бы рабъ Божій Н. отъ сна пробуждался, утренней зарей умывался, вечерней зарей утирался, красныиъ солнцемъ одѣвался, свѣтлымъ мѣсяцемъ подпоясался, частыми звѣздами подтыкался. Покорюсь и помолюсь. Вы же кориницы царскія очи, какъ служили царямъ, царевичамъ, королямъ, королевичамъ, такъ послужите рабу Б. Н. день послужите и ночь послужите, по утра рано, и въ вечеръ поздно, въ каждый часъ, въ каждую минуту, вѣкъ по вѣку, и отъ нмыѣ до вѣку. Ключъ и замокъ словамъ моиимъ. (*Изъ стариннаго Сборника. См. Матеріалы по Этногр. Арх. Губ. 1878 г. Час. 2*)

3. *Подходъ ко властямъ.* Стану я, рабъ Божій (имя рекъ),

благословясь, пойду перекрестясь, помолюся я и поклонюся Воскресенію Христову. Какъ къ тебѣ, Воскресеніе Христово, на праздникъ на Христово Воскресеніе ходять цари и царевичи, князи и бояре, цари и царевичи, бояре и священны ерен, а вся православна христіана, на тебѣ, на Воскресеніе Христово, не супаюце, не сердаце, не ретуяце, лиха не дунають, зла не творять, тебѣ, Воскресенію Христову, всегда радуются и веселятся, и поклоняются тебѣ, Воскресенію Христову. Тако же бы на мена, раба Божіа (имя рекъ), цари и царевичи, князи и бояре, и великіе вельможи, и священны ерен, и вся православны христіаны не супались, не сердились, не ретовались, лиха не дунали, зла не творили, всегда бѣ мнѣ, рабу Божію (имя рекъ) радовались, веселились, и поклонялись бы мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), по всякъ день и по всякъ часъ и по всякое время. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, помолюся и поклонюся самому Иисусу Христу, Царю Небесному. Самъ Господь, Иисусъ Христость, обвертитъ во облака мена, раба Божія (имя рекъ), похрметъ красныи солнцемъ, подпоищеть зарю утреннюю, подтычетъ частыи звѣздами. Какъ тебѣ царю и царевичи, князи и бояре и великіе вельможи, и священны и вся православны христіаны радовалисе и веселисе сонцу красному и свѣту бѣлому, зарѣ утренней, дитяти своему милому, Маріи Божіи, хлѣбу и соли, такоже бы мнѣ рабу Б. (имя рекъ) цари и царевичи, князи и бояре и великіе вельможи, и священны ерен, и вся православны христіане радовалисе и веселилисе и поклонялисе бы мнѣ, рабу Б. (имя рекъ), по всякъ день, и по всякъ часъ, на всякое время, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Слава тебе Христе Боже, Упованіе наше, слава тебѣ. *(Изъ того же источника, что и предвид. № 2).*

4. *Подходъ къ начальству.* Спать и стать по утру рано не мывши, взять чистыя воды и съ той воды вымыть Спасителю образъ, и Богоматеринъ образъ съ предвѣчными младенцами, и какъ вымоешь, въ той водѣ наговаривай, а какъ наговоришь, вымой лицо свое и той воды оставь ложки три, а какъ оставишь той воды, и попрыщи шапошныи платъ, а какъ попрыщешь, приди ко властямъ и платомъ тѣмъ потри лице свое и говори:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стань я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь по утру рано, и пойду далече въ чистое поле, отъ отца благословенъ и отъ матери прощень, и отъ роду и отъ племени, ближнаго и дальнаго; войду далече въ чистое поле и стану на востокъ лицомъ, а на западъ хребтомъ. Земля мать, небо отецъ, заря Марія, заря Мареманія, красное солнце въ очи вставлю, владъ свѣтель мѣсяць въ тытъ положу, частыми звѣздами подтычуся, ризой Господнею, нетленною, прикроюся. И какъ зрятъ цари, и князи, и бояре, и всякія пестрыя власти, и всѣ православныя христіане, и какъ зрятъ сія власть на Господа Бога Саваога, и на ангеловъ и на архангеловъ, и на херувимъ, и на серафимъ, и на апостоловъ, и на пророковъ, и на всякіехъ сватителей, и на красное солнце, и на владъ свѣтель мѣсяць, и на частыя звѣзды, и на луну небесную, и на вышнюю. И не думаютъ они цари, и князи, и бояре, и всякія пестрыя власти, и всѣ православныя, и не думаетъ ни на Господа Бога Саваога, и на ангеловъ, и на архангеловъ, и на херувимовъ, и на серафимовъ, и на апостоловъ, и на всѣхъ святыхъ сватителей, и на красное солнце, и на владъ свѣтель мѣсяць, и на луну небесную, и на вышнюю ни зла, ни лиха, и на меня, раба Божія (имя рекъ), и казался бы я, рабъ Божій, властямъ нимъ въ очахъ краснѣе краснаго солнца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца и частыхъ звѣздъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, вся крѣпость святаго Духа, аминь, аминь, аминь. *(Заговоръ изъ того же источника какъ второй и третій).*

5. *Подходъ къ начальству.* Помяни Господи, царя Давида, и всю кротость его. Сколь былъ царь Давидъ смиренъ, и кротокъ, и милостивъ, такъ бы были у меня, р. Б. Н., всѣ начальныя и чиновныя люди и судьи праведныя, смиренны и кротки, и милостивы. *(Записано помощн. Миссіонера. і. Батраковима).*

6. *Заговоръ для идущаго въ судъ.* Иду я рабъ Божій (имя рекъ), къ рабу Божию (имя рекъ) отъ Духа Свята, и отъ Христовой печати, отъ Спасовой руки, отъ пречистаго зашка, отъ престола Господня. Ангелъ мой, хранитель мой, сохрани мою душу, мой дохъ, сердце мое прини къ себѣ, въ пріятіе раба Божія (имя рекъ) ключъ небо, земля—замокъ. аминь.

Богородице Дѣво радуйся. (до конца прочитатъ). И съ во-

стоку идетъ Господь нашъ Исусъ, Христосъ, и съ полудня Михаилъ Архангелъ, съ вечерней зарей Николай Милостивый, городить каменную ограду около раб. Б. (ния рекъ) замыкають тремя замками, тремя ключами; ключи относятъ въ окіанъ море, подъ китъ камень, въ щуку рыбу; кто можетъ окіанъ море выпить, тотъ можетъ и меня, раба Божія (ния рекъ) осудить и оговорить; ключъ—небо, земля замокъ, аминь, аминь, аминь. *(Изъ рукописной книжки. Г. Д. Книголюбова).*

7. *Чтобы власти и судьи были милостивы.* Господи, благослови Отче! Одѣясь свѣтомъ, яко ризою, покрываюся облакомъ, препояшуся поясомъ Пресвятыя Богородицы, Милостивыя заступницы! Сважи уста, и языкъ, и гортань у князей, и у боярей, у правителей, и у всякихъ властей, и у приказныхъ служителей. *(См. Таинственные чары).*

8. *Оберегъ противъ суда и несправедливаго обвиненія.* Иду я, рабъ Божій, изъ избы въ дверь, изъ двора въ ворота, въ зеленые луга, въ чистыя поля, въ темные лѣса, рабъ Божій (такой-то), не мой къ кому иду: нашелъ тридцать волжанниновъ прутьевъ, лежатъ тридцать гробовъ, тридцать мертвецовъ; въ тѣхъ тридцати мертвецахъ сердца не разгораются, руки не поднимаются, уста не открываются, такъ бы у раба (ния рекъ) на раба (ния рекъ) сердца не разгорались, руки не поднимались, уста не отверзались, аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа. Христосъ съ нами оставися, вчера и днесь и нынѣ. Ты еси Богъ великъ, пошли побѣдить демонскія силы и нынѣ рабу Божию (ния рекъ) побѣдить всѣхъ враговъ возстающихъ на мя несправедно, аминь, аминь, аминь. *(Изъ рукоп. Книж. Г. Д. Книголюбова).*

ЗАГОВОРЫ ПЧЕЛИНЫЕ.

1. *Заговоръ на посадженіе пчелъ въ улей.* Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смиряются. Стану я на востокъ противъ дальней стороны, и слышу шумъ и гулъ пчелъ. Беру я пчелу роя, окарая сажу въ улей. Не я тебя сажаю, сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, роконогій мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ. Ты, пчела, ройся у (такого-то), на округъ садись. Замыкаю я тебѣ, пчелка, всѣ пути дороги

ключемъ, замкомъ; а бросаю свои ключи въ Окіанъ-море, подъ зеленый кустъ; а въ зеленомъ кустѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, сидитъ и держитъ семьдесятъ семь жалъ, а жалитъ непокорныхъ пчелъ. А буде вы, пчелы, моиъ слованъ не покоритесь, сошлю я васъ въ Окіанъ-море, подъ зеленый кустъ, гдѣ сидитъ матка всѣмъ маткамъ старшая, и будетъ за ваше непокорство жалитъ васъ матка, въ семьдесятъ семь жалъ. Слово мое крѣпко! (Сказ. Р. Н. Сагарова. Т. I. Чернокн.).

2. Пчелиныя слова. Изосиизъ и Саватиі Соловецкіе, которые, по преданію первые ввели пчеловодство, даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составилса особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго пошебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ, въ ульяхъ пчеловода. Уставъ чтенія этого молитвенника таковъ; „сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на Вербное и Свѣтлое Христова Воскресеніе, между заутренями и обѣдами, въ ищеникъ или на пчельникъ. И вѣсѣки изъ громовой стрѣлы огня, и положи въ чистый сосудъ, и въ тотъ сосудъ положить роснаго ладону, и окружить на пчельникъ, или во ищеникъ и поставитъ свѣчу Изосиизъ и Саватию, Соловецкнхъ чудотворцнхъ, и помолитъса имъ съ вѣрою и держатъ сей свитокъ въ самой чистотѣ, три раза, аминь“.

Въ молитвенникѣ этомъ послѣ прославленія, „благости Господа, къ уповающимъ на него“ состоящаго изъ псалма: „Живый въ помощи вышняго“ и прочее. Читается дважды, молитва къ пчеламъ: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго раба своего (имя рекъ). Господи Благослови. аминь. Затѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы. Ихъ всѣхъ семь. Програма нашего изданія не допускаетъ помѣстити эти молитвы; но тѣмъ, кто желаетъ поближе познакомиться, то просиизъ читать № 1, журналъ Мнн. Н. Пр. статью г. Шапова, стр. 52—54. (Ист. Очер. Нар. Міроз. и Суевѣрія).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ВСЯКОЙ БОЛѢЗНИ.

1. Господи Боже, благослови! Во имя Отца, и Сына, и Свята, аминь. Какъ Господь Богъ небо и землю, и воду, и

звѣзды и сыро-матерной земли, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той сыроматерной землѣ, нѣтъ ни которой болѣзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Господь меня, раба Божія (имя рекъ), какъ сотворилъ Господь, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ жлы мои, и кости мои, и бѣлое тѣло мое, также у меня, раба Божія (имя рекъ), не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретивомъ сердцѣ, ни на костяхъ моихъ, ни которой болѣзни, ни крови, и ни раны, и ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Единъ архангельскій ключъ; во вѣки вѣковъ, аминь. *(Выписано изъ старинной рукописи, доставленной изъ Шенкурска).*

2. *Молитва отъ всякъ скорбей.* О Пресвятая Госпоже Богородице, выше еси всякъ ангелъ, архангелъ, всякъ тварей, честивѣйше помощница еси обидимыхъ, исцѣляющейса надѣянiе, убогихъ одѣянiе, больныхъ исцѣленiе, грѣшныхъ спасенiе, христанъ всякъ поможение и заступленiе; спаси Господи и помилуй раба Божія (имя рекъ) рязою твоею честною, защиты, умоли. госпоже, тебѣ безсеменнаго воплотившагоса Христа Бога нашего. Да препояшетъ насъ силою свыше невидимые враги наша. О всеимлостивѣйшая госпожа Богородица, воздвигни насъ изъ глубины грѣховныя, избави насъ отъ глада, губительства, отъ труса и потопа, отъ огия и меча, отъ нахожденiа иноплеменныхъ, и междуусобной брани, отъ напрасной смерти, отъ нападенiа вражея, отъ тлетворныхъ вѣтровъ, и смертоносныя язвы, отъ злой порчи, отъ духовъ нечистыхъ, отъ всякаго зла; подаждь Господи, миръ и здравiе рабу твоему (имя рекъ), просвѣти ему умъ и очи сердечныя, еже ко спасенiю, сподоби его грѣшнаго, царствiа Сына твоего Христа Бога нашего, яко держава его непоколебимая, благословенная и препрославленная, со единоначальнымъ его Отцемъ, со Пресвятымъ, Благимъ, и Животворящимъ Его Духомъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книшлюбова).*

3. *Заговоръ отъ недуговъ.* Заговариваю я у раба Божія (такого-то) двѣнадцать скорбныхъ недуговъ: отъ трясовицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огненицы, отъ колотья, отъ дерганья, отъ морганья, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной цемочи. Ты, злая трясовица уймись, а не то

прокляну въ таръ-тарары; ты неугомная колючка остано-
вись, а не то сожгу тебя въ преисподнія земли; ты свер-
бежь прекратись, а не то утоплю тебя, въ горячей водѣ; ты
стрѣльба, а не то засмолю тебя въ смоля кипучей; ты, огне-
вица охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами;
ты, ломоть сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты ко-
лоть притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички;
ты, дерганье воротись, а не то запружу тобою плотину на
мельницѣ; ты, морганье окрутись, а не то въ печи банной за-
сушу; ты слѣпота скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю;
ты, глухота исчезни, а не то засмолю въ бочку, и по морю
пушу; ты черная немочь отважись, а не то заставляю воду
толочь.

Всѣ недуги откачитесь, отважитесь, удалитесь отъ раба,
(такого-то), по сей часъ, по сей день, по его жизнь, моимъ
крѣпкимъ словомъ. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*)

ЗАГОВОРЪ НА ПОКРАДЕННУЮ ВЕЩЬ.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ желѣз-
ный сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ лежатъ ножи булат-
ные. Подите вы, ножи булатные, къ такому-то и сякому-то
вору, рубите его тѣло, колите его сердце; чтобы онъ, воръ,
воротилъ покражу такого то, чтобы онъ не утаилъ ни сняя
пороха, а выдалъ бы все сполна. Будь, ты, воръ, проклять мо-
ниъ сильнымъ заговоромъ, въ землю преисподнюю, за горы Ара-
ратскія, въ смолу кипячую, въ золу горячую, въ тину болот-
ную, въ плотину мельничную, въ домъ бездонный, въ кувшинъ
банный; будь прибитъ въ притолкѣ осиновымъ колодъ, засу-
шенъ суше травы, замороженъ пуше льда, окривѣй, охромѣй,
опалѣй, одервянѣй, обезручѣй, огалодѣй, отошай, валяйся въ
грязи, съ людьми не свикайся, и не своей смертью умри. (*Сказ.
Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*)

ЗАГОВОРЪ ОБОРОТНЦА.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полои по-
лянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на осиновъ пенъ, въ зеленъ лѣсъ, въ

широкой доль. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на зубахъ у него весь скоть рогатый; А въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ домъ волкъ не забродитъ. Мѣсяць, мѣсяць—золотые рожки! Расплавъ пуля, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страхъ на звѣря, человѣка и гады, чтобы они сѣраго волка не брали, и теплой бы съ него шкуры не драли. Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*).

ЗАГОВОРЪ ОСТРОВНИКА НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРАВУ.

Хожу я, рабъ (такой-то), кругомъ острова (такого-то) по крутымъ оврагамъ, буеракамъ, смотрю я чрезъ всѣ лѣса: Дубъ, березу, осину, липу, кленъ, ель, жимолость, орѣшину; по всѣмъ сучьямъ и вѣтвямъ, по всѣмъ листьямъ и цвѣтамъ, а было въ моей дубровѣ по живу, по добру и по здорову, а въ мою бы зелену дуброву, не заходилъ ни звѣрь, ни гадъ, ни лхъ человѣкъ, ни вѣдьма, ни лѣшій, ни доновой, ни водяной, ни вихрь. А былъ бы я большой набольшой; а было бы все у меня во послушаніи. А былъ бы я цѣлъ и невредимъ. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ЗЛОБЫ ЛИХИХЪ ЛЮДЕЙ И О СПАСЕНІИ.

1. *Заговоръ отъ лихаго человека.* Иду я по чистому полю, на встрѣчу мнѣ семь басовъ съ полудухами, всѣ черные, всѣ злые, всѣ нелюдиные. Идите вы духи съ полудухами, къ лихихъ людямъ. Держите ихъ на привязи, чтобы я отъ нихъ былъ цѣлъ и невредимъ по пути и дорогѣ, во дому, и лѣсу, въ чужихъ и родныхъ, во землѣ и на водѣ, во обѣдѣ и на пиру, въ свадьбѣ и на бѣдѣ. Мой заговоръ дологъ, слова мои крѣпки. кто слово испровержетъ, мно быть во всеиъ наивно, по худу, по добру, какъ во предѣ сказано. (*См. Славянскія Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.*).

2. *Заговоръ о спасеніи.* Пойду, благословясь изъ избы дворяни въ сѣни, изъ сѣней во дворъ, изъ двора въ ворота, подъ красное солнышко, подъ чистое поле, въ чистомъ полѣ

стоять святая Божія церковь, сами царскія двери растворяются, самъ, рабъ Божій (иия) заговаривается отъ ☩ колдуновъ, отъ ☩ вѣдуновъ, отъ ☩ колдуньевъ, отъ ☩ вѣдуньевъ, кто на меня лиху думаетъ, тотъ, считай въ лѣсъ лѣсокъ, въ мора песокъ, а на небѣ звѣзды, во вѣки, вѣковъ, аинь (трижды) до солнышка прочись. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Киюлюбова).*

3. *Заговоръ отъ злости.* Не великъ я день родился, тыномъ желзнымъ я оградился, пошелъ я къ своей родимой матушкѣ къ родному батюшкѣ, и ко всему роду и племени, загибалась моя родимая родушка, ломали мои кости, щипали мое тѣло, топтали меня въ ногахъ, пили мою кровь. Солнце мое ясное, звѣзды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя, всѣ вы желтыя, всѣ вы стойте тихо и кротко, и смирно, такъ бы были тихи и смиренны, и кротки моя родимая матушка, родимый батюшка всѣхъ родъ и племень, во вся дни, во вся часы, въ нощи и полунощи; какъ пчела поноску носить, такъ бы родимая матушка, родимый батюшка, всѣхъ родъ и племень плодили добрыя словеса за меня роднова раба (иия рекъ); какъ воскъ горитъ и таетъ отъ лица огня, такъ бы таяло и горѣло сердце у родныхъ моихъ; какъ лебедь по лебедкѣ тоскуеть, такъ бы мой родъ и племень всѣхъ тосковалъ по мнѣ, своему родномъ рабѣ (иия рекъ); какъ студенецъ льетъ воду по вся дни, такъ бы текло сердце роду и племени у всѣхъ по мнѣ, по рабѣ (иия рекъ), какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ роду и племени притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и въ ноци, въ полдень и полночь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Киюлюбова).*

4. *Молитва отъ злости.* Союзъ любви апостолу Твою свя-завый Христе, и насъ Твоихъ вѣрныхъ рабовъ къ себѣ тѣмъ крѣпко связавъ творити заповѣди Твоя: Другъ друга любить нелицемерно, сотвори молитвами Богородица едине человеко-любче. Пламеномъ любви распали ко мнѣ раб. Б. (иия рекъ) сердца всѣхъ Христе Боже, до того разжигаети сердцемъ, мыслию же, душою и всею крѣпостью человеческою, возлюбятъ мя и искреннаго своего, яко себе и повелѣнїя моя хранити славятъ мя и ты, всѣхъ благихъ дателя. Избави Господи раб. Б. (иия рекъ) отъ ненависти, злости, не мирности и не любви.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. (*Изъ рукописной книжки Г. А. Книшолобова*).

ЗАГОВОРЪ НА КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

Стану я, рабъ Б., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, на востокъ, въ восточную сторону, къ Окіанъ-морю, и на томъ святомъ Окіанъ-морѣ стоитъ старъ мастеръ мужъ и у того святаго Окіана-моря, сырой дубъ крековастый, и рубить тотъ мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой дубъ, и какъ съ того сыраго дуба щепя летятъ, тако же бы и отъ меня, (имя рекъ) валился на сыру землю борець, добрый молодець, по всякій день и по всякій часъ. Аминь. (Трижды). И твѣ моишь словаць, ключъ въ моръ, замокъ на небѣ, отъ нынѣ и до вѣка. (*Загов. извл. изъ рук. Староб. Ж. М. Н. П. 1863 г. № 1 Статья Щапова. Стр. 60*).

Заговоръ отъ боли въ ушахъ. Прикладываютъ дитя къ углу-вому кресту у избы образовавшемуся изъ древесной сѣры отъ дѣйствія жара, и говорятъ:—уголь рубленъ и крестъ дубовъ; у того креста не болѣло, не щипѣло, ухо не вертѣло; и такъ бы у раба Б. Н. не болѣло, не щипѣло, и ухо не вертѣло, ни въ день, ни въ ночь, ни въ утреннюю зарю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на вѣтру и ни на перекрою ивсацу. Во вѣки, вѣковъ, аминь (*Заг. в. Ефименкомъ. въ Холмогоряхъ*).

МОЛИТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЫ ОТЪ БЕЗУМІЯ, РОДИМЦА, БѢЛОЙ ГОРЯЧКИ.

1. *Молитва отъ безумія, порчи, родимца, припадковъ бѣлой горячки и пр.*

Словеса божественнаго Евангелія: да угаснутъ, исчезнутъ въ тебѣ, р. Б. (имя рекъ), вся сила лукаваго діавола, да вселится сила Божественнаго духа. Аминь. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Богъ Боговъ, Господь Господей, Христе Сыно Божій, Пречистая Пресвятая Богородица, Дѣва Марія, вся небесная сила безплотная, Ангели Хранители, Архангели, Херувимы, Серафимы, Начала, Престола, Господства, Власти, Силы, и всѣ праотцы, цари, пророки, Апостоли и Евангелсты.

и всѣ преподобніи, праведніи, мученики, угодики, святители, священныи и всѣ святыи собори и лики, мужескъ и жонскъ полъ, избавите, исцѣлите и помилуйте раба Божіа (имя рекъ). аминь, аминь. аминь.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и возвеселится Ангелы, и обступятъ, а грѣшники отъ лица Его возвеселится. Самъ Господь Богъ Іисусъ Христосъ и всѣ Святіи, Святый Николай чудотворецъ. Никита великомученикъ, Разондъ, Кузьма и Даниаилъ, Киприанъ, Іустинія, Нинавитъ и Марофъ, Пресвятая Троица, Богородица будетъ почитать, и Св. Духъ дунеть на воду и на р. Б. (имя) Святыхъ духомъ. Аминь, аминь. аминь.

Человѣкъ родися, крестъ водрузися, и сатана связася съяне и Богъ прославяся. во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, ныне и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Святый отецъ Остафій и святой отецъ Наумій, поставь его Господи раба Божіа (имя) на снятое мѣсто. про Божіе думать и Божіе дѣлать; Святый Духъ найдетъ на него и вся небесная возсіяетъ на него, и вся вышняя мно идетъ его. Спасова рука, Христова печать, Божіей Матери крестъ. во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь. Какъ Господь Богъ, Іисусъ Христосъ, установилъ источники, рѣки и потоки, тако установи и утиши болѣзнь и недугъ въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) молитвами Пречистыи Пресвѣтыи Богородицы и Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ и небесныхъ силъ. Во вѣки, аминь, аминь, аминь. (*Изъ рукописной книжки Г. Д. Книолобова*).

2. *Заговоръ отъ безумія.* Святый отче Остафіе, святой отче Наумій, поставь меня, Господи, на святое мѣсто, про Божіе думать и Божіе дѣлать, и Святъ Духъ найдетъ на насъ, и вся небесная возсіяетъ на насъ, и вся вышняя мно идетъ насъ, Спасова рука, Христова печать, Божіей Матери крестъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. (*Изъ рукопис. книж. Г. Д. Книолобова*).

МОЛИТВЫ. ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ ОТНОСЯЩЕСЯ ДО СКОТОВОДСТВА.

1. *Правила пастуру.* (*Заговоръ отъ нападевіа звероу*).
Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Самъ Господь Іи-

оусъ Христось, Смыъ Божій, помози нитъ р. Б. Н., и постави Господи около моего скота, шлага моего живота, Власьева рода кругомъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ чернаго, и бѣлаго, и краснаго, и пестраго, и бураго, и сѣдоваго, и рогатаго. и коколаго, желзный тмъ отъ земли и до неба, отъ неба и до земли. И обиди, Господи, около того тмъ желзнаго. Ты, еще рѣку огненную отъ востока и до запада, и отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта; и со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ земли и до небеси; отъ небеси и до земли. Кабы не приходилъ сѣрый волкъ и сѣра волчица и рысуша и лютый звѣрь и люта волчица, и люта черная медвѣдица. Кабы не обходили всякіе звѣри мнко моего живота, Власьева рода, всякаго чернаго, и бѣлаго, и краснаго, и сѣдатаго и чернаго, рогатаго, коколаго, быковъ, коровъ, и телятъ, и подтелковъ, и повредили бы зубомъ, и ногтемъ и ничѣмъ его не вредилъ по всякой часъ, и по всякой день и по всякую ночь, во вѣки вѣковъ, аминь. (*Матеріалы для Этногр. Отдѣла. Дост. П. А. Иванова, Пинежск. у.*)

2. *Заговоръ отъ болзней скота.* Владыко Господи Боже нашъ власть нитѣ всякой твари, Тебе молишь, Тебе просишь. якоже благоволилъ и умножилъ еси стада патріарха Іакова благословя и стада скотъ сихъ (такого-то) и умножи, и уквѣпи сотвори его въ тысячу кратъ и избави его отъ насилія діавола и отъ иноплеменическаго нашествія; отъ павшенія и звѣря, и отъ всякаго навѣта враговъ, и отъ воздуха смертнаго. и губительнаго недуга, и повѣтреннаго падежа, и отъ звѣря хищнаго, и отъ гадины ядовитой, огради его ангелы Твоини святини, всякую немощь, всякую зависть и искушеніе, чаровства же и волшебства отъ дѣйства находящійся діавольскаго отгоняй отъ него, яко Твое есть царство, сила и слава, Отца и Сына, и Св. Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. аминь. (*Изъ рукот. книжки Г. Д. Китолоубова.*)

3. *Отъ недуговъ скота.* Святые ученики и чудотворцы великіе: Медосте *), Флора и Лавръ, Власій и Харлапій, Николай Чудотворецъ и Георгій Побѣдоносецъ, вашими всеслышными мольбами ко Господу. Спасу Всемилостивому, исцѣлите

*) Должно быть Иодестъ.

и избавите скота сего (такого-то) отъ повѣтрія, отъ надежа, отъ тлетворнаго воздуха, отъ смертоноснаго недуга, отъ смертоноснои язвы, отъ всякой немощи, хвори, скорби и болѣзни, и отъ всякаго зла, спасите, сохраните и помилуйте съ Матерью Божіею Пречистою Владычицею Богородицею, и приснодѣвой Маріею, сотворите и явите милость, купно же воздвигните съ собою святыхъ безсребренниковъ и чудотворцевъ Козму и Даміана, Кира, Іоанна, всѣхъ скотъ помилуйте и сохраните со Отцемъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ, и нынѣ присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

4. *Для предохраненія теленка отъ надежа или болѣзни.* Помяни Господи Царя Давида, матери Елены до чернавина житія. Какъ бѣлая березонька стоитъ вѣки по вѣки, не тронется, не ворохнется. такъ бы и теляте жпло вѣки по вѣкп, не дрогнулось не ворохнулось. *(См. Труды Этнол. Отдѣла, Народная Слоес. 1878 г. Дост. г. Никольскій, изъ Мезеки).*

5. *Молитва отъ надежа скота.* Христосъ съ нами устався вчера и днесь, и нынѣ, Ты еси Богъ великъ, пошли Господи побѣдителя. Архангела Михаила, побѣдить демонскія силы, защититъ щитомъ своимъ отъ тлетворнаго воздуха и наносной болѣзни, и отъ падежа скотскаго, и благослови скотъ сей. избави его отъ всякаго зла и обстоянія, видимыхъ и невидимыхъ враговъ и губительныя смерти, повѣтрія и надежа, и всѣхъ дѣвольскихъ злодѣяній, и умножи имени Твоимъ святомъ и о воспользованіи сими цвѣніиши, здравіе, тому даруй. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

6. *Чтобы скотина стояла смирно во время доенія.* Помяни Господи царя Давида и всю кротость его; укроти, Господи, корову сію крѣпостями своими. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Утренняя заря Марія, вечерняя Мареманія, утолите мою тоску-кручину, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь. *(Изъ Стариннаго рукоп. Сборника, изъ с. Ваймуи, Холм. уѣзда).*

7. *Отъ лянья коровы во время доенія.* Господи, Боже благослови! Какъ основана земля на трехъ китахъ и на трехъ китицахъ, какъ съ мѣста на мѣсто земля не шевелится, такъ

бы любимля скотинка (чернушка, пеструшка и пр.) съ мѣста не шевелилась. Не дай ей, Господи, ни ножнаго ляганья в хвостоваго маханья, ни роговаго боданья. Стой горой, дой рѣкой, озеро смѣтаны, рѣка молока, ключь и замокъ словамъ моимъ.

Наговариваютъ на воду, которою потомъ обмываютъ вымя коровы. (*Зап. з. Огородниковъ, въ Соломбаль*).

8. *При леченіи лошади.* Стану поутру, по раннему, по вечеру по позднему, выйду на сильный вѣтеръ, на легкій воздухъ, возьму я оспнову вычку (вѣтку), пойду я къ доброму хозяину на честенъ пиръ. Изъ-подъ лѣвой ноги, изъ-подъ праваго копыта обложу и обяжу—кругомъ обнесу, чтобы былъ по старому, по прежнему, чище и лучше. чтобы болѣе не чула, куда бы не повхали. (*Доставилъ з. Никольскій, изъ з. Мизени*).

ЗАГОВОРЪ ОТЪ БѢШЕНОЙ СОБАКИ.

На моръ на Океанъ, на островъ на Бундъ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты старица возьми свое жало и приди къ рабу (такому-то), вынь изъ раба (такого-то) жало смертное. Заговариваю раны колючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу, на затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакъ черной, сврой, красной, свдой, рыжей, бѣлой; сидите, во вѣки не сходите.

ЗАГОВОРЪ НА ТОРГОВЛЮ.

Дѣла, Господи, рекъ еси пречистыми усты Своими, яко безъ меня не можете творити ничто же. Господи мой, Господи, върою объемъ души нашей, помози мнѣ грѣшному. рабу Божію (ния рекъ), сію нашу жизнь торговлею въ куплѣ, продажѣ и ивѣльствѣ и во всемъ. Ты владыко, Господи, самъ ее соверши во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Св. Архангелъ Михаилъ во твое святое имя торгуемъ, спаси, сохрани и благослови своими святыми молитвами раба Божія (ния рекъ) начети и совершити счастливую и благополучную торговлю. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. аминь. (*Изъ рукоп. книжки Г. Д. Книолобова*).

ЗАГОВОРЪ. ЧТОБЪ ДѢЛО СОШЛОСЬ.

Какъ этотъ узелъ завязанъ, такъ и у насъ, рабовъ Божіихъ (ниа рекъ) дѣло (такое-то) скоро сошлось (трижды). (Завязать узломъ нитку, положить чрезъ порогъ, проговора идти). (*Книголюбова*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ РОДИМЦА.

1. *Молитва отъ родимца*.. Мученикъ Твой, Господи, Никита во страданіи своемъ вѣнецъ пріять нетлѣнный отъ Тебя Бога нашего, имѣяй бо крѣпость Твою, мучителей низложи, сокруши демоновъ немошныя дерзости, того молитвами избави раба Божіа (ниа рекъ) отъ родимца и младенчества, отъ прилога и безумія, отъ порчи и притчи, и отъ всѣхъ его скорбей и болѣзней, отъ нашедшаго и налетающаго, крестъ Христовъ, яко нѣкое оружіе, усердно воспримъ и къ боренію враговъ притеклъ еси, и за Христа пострадалъ еси, послѣди огнемъ священную твою душу, Господу предалъ еси. Откуда же даровъ исцѣленія отъ него сподобился еси пріяти, великомученице Никито, моли Христа Бога, исцѣлитесь и избавитесь рабу Божію (ниа рекъ) въ нихъ, аще предести посякъ, державу стояніемъ Твоимъ, и побѣду пріемъ вѣнецъ во страдальчествѣхъ Твоихъ, со ангелы славны радуешися, Никито, тезоименито съ нимъ Христа Бога моли непрестанно о избавленіи и исцѣленіи раба Божіа (ниа рекъ) отъ скорби и болѣзни его обдержашія, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Рукописный сборникъ Г. Д. Книголюбова*).

2. *Заговоръ отъ родимца*. На морѣ на Окіанѣ, среди моря Бѣлаго стоитъ мѣдный столбъ, отъ земли до неба, отъ востока до запада; а во томъ мѣдномъ столбѣ закладена мѣдная мѣдяница отъ болѣстей, и хворостей. Посылаю я раба (такого-то) въ тотъ мѣдный столбъ, что на морѣ на Окіанѣ, и заповѣдаю ему своимъ словомъ заповѣданнымъ заклясть родимецъ во тотъ мѣдный столбъ. А былъ бы съ того заповѣданія (такой-то) цѣлъ и невредимъ, и отъ родимца избавленъ, по сей часъ, по всю жизнь. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова. 1841 г.*).

3. *Заговоръ отъ родимца.* У каждаго ребенка непременно бываетъ родимецъ. Всѣхъ же родимцевъ двѣнадцать. Они носятъ названіе по той части тѣла, которая болитъ у ребенка: родимецъ пушовой, сердцевоѣ, внутриной, суставной, жиленоѣ, костяной, ручной, глазной, ревушь, говорушь.

Ребенка, подвергшагося родимцу, доятъ и моютъ водою, надъ которою говорятъ слова:

„Грызу я, загрызаю. уйму я, унимаю на рабъ Божиѣмъ (или рекъ) двѣнадцать родимцевъ (слѣдуетъ перечисленіе ихъ). Какъ мертвый отъ могилы не ворочается, такъ бы и на раба Божія (или рекъ) эти двѣнадцать родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣки по вѣки. Отнынѣ и довѣка“. (*Записки Е. Ивановскій. въ Шенкурскомъ уѣздѣ*).

МОЛЬБА ВѢТРУ.

Въ поморѣ Кемскаго уѣзда, предъ возвращеніемъ промышленниковъ съ Мурманскаго берега домой, бабы цѣлыми селеніемъ отправляются къ морю *молить вѣтеръ*, чтобы не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ лѣтникамъ. Для этого онѣ предварительно молятся крестамъ, поставленнымъ во множествѣ на всемъ бѣломорскомъ прибрежьи. На слѣдующую ночь, послѣ богомолья, всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгеръ, чтобы ткнулъ повѣтерье и притомъ стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать семь 3×9 пѣшиныхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя пѣшиваго, дѣлаютъ рубежекъ на лучникѣ углемъ или ножомъ; провзнеся имя послѣдняго, 27-го, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучиннами все женское населеніе деревни заходитъ за задворки, и выкрикиваетъ сколько возможно громко. „Востоку, да обѣдникъ, пора потянуть! Западъ да шалоникъ, пора покидать! Тридевять пѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя; востокова пѣшь напередъ пошла“. Съ этими послѣдними словами, бросаютъ лучнику черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ: „Востоку да обѣднику кашу наварю и блиновъ напеку; а западу шалонику спину оголю. У вост-

ка да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла!“ Съ окончаніемъ этого приѣзжа спѣшатъ посмотреть на кицутую лучину: въ которую сторону легла крестошъ, съ той стороны ждутъ вѣтра. Но если она опять провозвѣститъ неблагопріятный вѣтеръ, то прибѣгаютъ къ послѣднему известному отъ старины средству: сажаютъ на щеку таракана и спускаютъ его въ воду, приговаривая: „поди тараканъ на воду, подними тараканъ съвера“. (*Годъ на съверъ. Максимова. I. 385*).

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Ч А Р Ы И О Б Ы Ч А И.

РУССКІЕ ОБЫЧАИ. НАРЯДЫ И ПРОЧЕЕ.

1. *Заговоръ при исканіи клада.* Когда покажется счастливицу кладъ, онъ долженъ проговорить: „чуръ! чуръ! свято мѣсто, чуръ, Божье да мое. Или „мой кладъ, съ Богомъ на пополамъ“.

Затѣмъ, желающій пріобрѣсть кладъ, долженъ накинуть на мѣсто клада шапку съ головы, что значить, оставить въ залогъ голову и никому не повѣдать тайны. Наконецъ приговариваютъ: „Аминь, аминь, аминь, рассыпся“. Послѣднія слова говорятся по тому случаю, что клады обыкновенно являются въ родѣ огоньковъ, горящихъ воску яровыхъ свѣчей, золотыхъ пѣтушковъ в тому подобныхъ предметовъ. (*Записалъ Ивановъ, въ 1. Пилемъ*).

2. *Заговоръ при собираніи Папоротника.* Въ одномъ травникѣ о папоротникѣ сказано: есть трава черная папороть, растетъ въ лѣсахъ, около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ: въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣхъ маленькія листочки, и съ испода большіе листы. А цвѣтетъ она наканунѣ *Иванова дня*, въ полночь... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хочетъ богатъ и мудръ быти, а брать тотъ цвѣтъ не просто, съ надобностями, и очертясь кругомъ говорить: Таланъ Божій, судъ твой; Да воскреснетъ Богъ! (*Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. Ст. Шапова. Стр. 21*).

3. *Навести красоту.* Чтобы навести красоту или казаться красивѣе, беретъ платокъ, съ которымъ выходить на улицѣ.

произносить вышеприведенныя слова и потомъ, придя домой, утираются тѣмъ платкомъ, говоря:

Стану благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широку улицу, стану на востокъ хребтомъ, на западъ глазами, на западной сторонѣ сидѣть тамъ обрученный Юсифъ, зрѣть и смотрѣть на Госпожу Пресвятую Богородицу, такъ и на меня бы рабъ Божій весь вѣкъ смотрѣлъ бы и глядѣлъ. (*Доставилъ Никольскій. Смот. Труды Этногр. Отдѣла за 1878 г. Вып. II. кн. V.*)

4. *Чары на вѣтеръ.* Чары на вѣтеръ извѣстны были въ русскомъ чернокижикѣ еще въ XVI ст. Курбскій, участникъ славы царя Іоанна Грознаго, описывая казанскую битву говорить, что Казанскіе Татары, желая очаровать русскую рать, навѣвали вѣтры съ своей стѣны. Люди, незнающіе съ русской семейною жизнью, до сихъ поръ обвиняютъ Курбскаго за это извѣстіе. Дѣйствительно ли существуютъ чары на вѣтеръ? Стоить только заговорить съ первымъ крестьянникомъ и сотни прищровъ будутъ передъ глазами. Чародѣи производятъ эти чары, слѣдующимъ образомъ: Узнавъ въ которой сторонѣ живетъ супостатъ обиженнаго, при попутномъ вѣтрѣ, велитъ обиженному подать ему съ земли, или комъ земли, или снѣга, или горсть пыли; говоритъ слѣдующее, бросивъ поданное обиженнымъ въ сторону супостата по вѣтру: „Кулла! Кулла! ослѣпи (такого-то) человѣка, воронья, голубья, карія, бѣлая, красныя очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, высуши его тѣло тоньше луговой травы, умори его скорѣе зѣби мѣданицы“.

Проговоривши проклатіе, чародѣй глубоко задумывается, потомъ рассказываетъ видъ, приняты, мѣсто, куда долетѣли его чары; увѣряетъ, какъ коробило очарованнаго человѣка; какъ онъ лишился зрѣнія; какъ раздувался своею утробою; какъ началъ чахнуть, и наконецъ какъ томится смертнымъ недугомъ.

Но такъ какъ это все, по большей части, оказывается ложью, то чародѣи оправдываютъ себя тѣмъ, что ихъ чары попали на посторонняго человѣка. (*Изъ Сказан. Русск. Нар. Сахарова Т. I. 1845 г.*)

5. *На собраніе Адама травы.* (Заговоръ). На утро гляди сяди: „Боже милостивый, буди мнѣ грѣшному; Боже очн-

сти грѣхи мои, безъ числа согрѣшихъ,—Господи, прости мя. Достойно есть... (до конца). Псаломъ 50, Помилуй мя Боже! Вѣрую во единого Бога; Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, Молиत्व ради Пречистыя Твоея Матери и всѣхъ святыхъ помилуй!"

„Благослови сію траву копати, Озимая Мати, благослови мнѣ своего плоду взяти, и ты трава, Адамъ, на что я тебя копаю, и ты буди къ тому пригодна. Аминь“. (*Народные заговоры Аванасьева. См. Лѣт. Русск. Лѣт. 1862 г.*)

Въ народ. Ботан. будетъ сказ. о знач. этой травы въ народѣ.

6. *Заговоръ отъ лая собаки.* Проговорить три раза: щенилась слѣпая, теперь будь нѣмая; причемъ плевать каждый разъ на лѣво.

7. *Отъ преслѣдованія иудей.* Читатъ „Богородицу“, и при этомъ идти къ нимъ напротивъ.

8. *Отъ укушенія змьи.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буанѣ, стоятъ дубъ. Подъ тѣмъ дубомъ, стоятъ ракитовъ кустъ, подъ тѣмъ кустомъ лежитъ бѣлъ камень Алатырь; на томъ камнѣ лежитъ рунецъ, подъ тѣмъ рунецемъ лежитъ змѣя, скорпія; есть у ней сестры: Арина, Катерина. Мы Богу помоляемся, на всѣ четыре стороны поклоняемся; возьмите свою лихость, отъ раба (или отъ рабы, ния рекъ), или отъ его скотины (сказанъ цвѣтъ шерсти), по сей день, по сей часъ Крестообразно дунуть.

9. *Отъ жабы въ юрль.* Въ городѣ Іерусалимѣ, въ рѣкѣ Ерданѣ, стоятъ древо Кипарисъ, на томъ дрѣвѣ птица орелъ сидитъ, щиплетъ и тербитъ когтями и ногтями, и подъ щеками, и подъ жабрами у раба Божія (ния рекъ) жабу. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Святой Духъ, аминь. Святой Духъ, аминь. Святой Духъ, аминь. Когда этотъ заговоръ будешь говорить, то въ это время, нужно тыкать въ горло указательнымъ пальцемъ и говорить его три раза.

10. *Чтобы испортить, или навязать килы.* Чтобы испортить кого либо, необходимо взять шерстяную нитку и навязать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить, гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ могъ бы наступить на нее тотъ, кого нужно испортить. При завязкѣ восьми двойныхъ узловъ говорятся слѣдующія слова: 1) Выйду я на улицу, 2) брошу

въ чисто поле, 3) въ разстанье, 4) межъ двора, 5) въ луга, 6) въ моря, 7) въ лѣса, 8) въ зыбучія болота. Когда завязуются всѣ восемь узловъ, то говорится: Хотя и здѣсь оставлю; куда пойдеть, тутъ и очутится.

При завязываніи каждого изъ 13 узловъ говорится:

По позднему вечеру выйду я на улицу, и откажусь я отъ Исуса Христа, отъ царя земнаго, отъ Бога вышняго, отъ вѣры православной, отъ бабушки, отъ матушки. Предаюсь я къ нечистому духу, къ окаянной силѣ, прошу я ей помощи, чтобы она подогла ей и пособила: поступаю я на вора—разбойника, на деннаго грабильщика, на ночнаго полунощника, на (ниа рекъ). Я хочу его свержить, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша въ чистомъ полѣ, хоша въ тенныхъ лѣсахъ, хоша въ зыбучихъ болотахъ, хоша соннаго, хоша дремучаго, хоша въ терему, хоша за столами дубовыми, хоша со яствами медовыми, хоша пошелъ бы онъ и загнулся бы, самого себя закланулъ бы. Окаянные духи, придайте мнѣ силы, помогите и пособиите мнѣ, чтобы не было (ниа рекъ) ни въ день житья, ни въ ночь спанья, ни въ часъ моготы, ни въ полчаса терпежу. Хошь бы схватило его грижами, или стрѣлами, взяло бы его въ минуту или въ двѣ и узналъ бы онъ всѣ скорби и печали.

Заклинаніе произносится обыкновенно вечеромъ; причесть заклинатель непрехивно долженъ быть безъ креста. Знатоки этого дѣла, совѣтують предъ началомъ убить совершенно чернаго кота или кошку. Коль скоро тотъ, для кого приготовлено заклинаніе, наступитъ на заговоренную нитку, то онъ споткнется, и если при этомъ скажетъ какое либо скверное слово, заговоръ начнетъ свое дѣйствіе. (*Доставилъ г. Никольскій. изъ Мезени **)

11. *Икоту напускать.* При самомъ началѣ, когда учиться напускать икоту, снять съ шеи крестъ, положить въ сапогъ подъ пятку, продержатъ полсутки, говорить слова:

Отрекаюсь Бога и Животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ.

*) См. Труды Этногр. Отдѣла. Выпускъ второй. Кв. V. 1878 г. подъ редакціей председателя Отдѣла, Н. А. Попова.

Шептать на соль, упоминая имя человека, коему зло намеренъ сделать не иначе во первыхъ (прежде всего) какъ родственницѣ, упоминать слова:

„Пристаньте сему человеку скорби, подъ названіемъ икоты, трясите и мучьте (имя рекъ) до окончанія жизни. Послѣ, вынудивши изъ сапога крестъ, повѣсите на спину, въ то время будутъ дьяволы у тебя; помѣшкавъ сутки, переѣздить по обыкновенному, напередъ, тогда дьяволы отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же бросить на дорогу, или въ другое мѣсто, кони тотъ человекъ ходитъ, съ приговоромъ:

„Какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и (имя рекъ, то-есть тотъ, кому таковое зло учинишь), отступитесь отъ меня дьяволы, а приступите къ нему.

И не долговъ сходить, соль ту разрыть, и сказать: „Поди, дьявольщина, отъ меня прочь!“ И тогда злой духъ (икота) начнетъ мучить того человека. *(Это выписано г. П. С. Ефименкомъ изъ дѣла Пинежскаго Уезднаго Суда 1875 г. о признавшемся чародѣй въ манускъ больницы, подъ названіемъ икоты, крестьяниномъ Нильгаторской волости, Мих. Чумаревъ, апрѣля 13 дня, 1875 г. По генер. описи, подъ № 985. *)*

12. Чары на слѣдъ (слѣдъ смять). Производится слѣдующимъ образомъ: замѣтивши слѣдъ того человека, (отпечатокъ ноги на землѣ) которому намерены нанести порчу, тщательно его прикрываютъ, обороняютъ чѣмъ-либо, чтобы ктонибудь другой не замѣтилъ, или не наступилъ на него. Чародѣи и чаровницы считаютъ тотъ слѣдъ лучшимъ для своихъ враждебныхъ цѣлей, который былъ на песокъ, пыль, грязь, росъ, снѣгъ, то-есть болѣе вѣрно отпечатлѣны, въ особенности же тѣ изъ нихъ, на которыхъ кромѣ ихъ вѣрнаго отчетливаго отпечатка, можно было найти волосы людей или животныхъ.

Разумѣется, снимать слѣдъ приглашается колдунъ, или опытный, бывалый человекъ. Этотъ-то бывалый человекъ снимаетъ этотъ слѣдъ, вырывая изъ почвы ножомъ такъ ловко, что онъ, то-есть слѣдъ, служить чистымъ отпечаткомъ подошвы

*) См. Труды Этнogr. Отдѣла, 1878 г. Выпускъ II. Книга V. Подъ ред. председателя Попова.

сапога или ноги человека. Для вызыванія слѣда употребляютъ широкій ножъ, иногда даже окровавленный вихренъ *). Надъ снятымъ слѣпкомъ читаютъ тайные заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски, тогда колдуны прачуть слѣдъ только подъ натицу, или подъ князекъ. Когда же обиженный требуетъ смертельнаго отищенія, тогда онъ, въ глухую полночь сжигаетъ слѣдъ въ банѣ.

Простой народъ ужасно боится этого снятiя слѣда. По ихъ убъжденiю, человекъ, у котораго снять слѣдъ, сохнетъ, лишается умственныхъ способностей, постепенно и медленно погасая жизнью, умираетъ. Нужно замѣтить, что есть такая болѣзнь въ природѣ подъ именемъ старческаго увяданiя, (*Marasmus*, *Marasmus*), гдѣ человекъ въ этой болѣзни чахнетъ, сохнетъ отъ потери дѣятельности нервовъ, терлетъ съ каждою минутою способность жизненныхъ отправленiй, умственныхъ способностей и наконецъ умираетъ; а поселане въ простотѣ души, такую болѣзнь считаютъ за порчу вслѣдствiе снятiя слѣда.

13. *Противудѣяствiе волшебству на слѣдѣ.* Какъ скоро родственники замѣтятъ въ какомъ либо человекѣ изъ своихъ тоску, то обращаются къ знахарю или докѣ, и просятъ его, чтобы онъ избавилъ больного отъ недуга. Знахарь, прежде всего осматриваетъ въ избѣ матицу, потомъ князекъ, пересчитываетъ волосы. Поселане слѣпо вѣрятъ, что докамъ известно, сколько у cadaго человека есть волосъ и что вызывающiе волосы всегда попадаютъ подъ слѣдъ. Если они найдутъ слѣдъ и замѣтятъ въ немъ волосы, тогда обѣщаютъ избавленiе. Когда же обѣщанiе не сбывается, тогда увѣряютъ, что замѣченные ими въ слѣдѣ волосы, вѣроятно, принадлежали другому. Это служитъ оправданiемъ колдунамъ не попавшимъ на исконую тему. Въ этомъ случаѣ знахарь (дока) выноситъ снятый слѣдъ на дорогу и бросаетъ его по направленiю вѣтра. Этими самыми сгоняется тоска. Когда дока не отыщетъ слѣда, тогда предлагаетъ больному сжечь бѣлье подъ Благовѣщенiе, увѣряя что только это средство можетъ его избавить отъ страшнаго недуга.

*) Будетъ далѣе

14. *Чары для калыкъ.* Въ былое время наша Россія изобиловала калыками разнаго рода, особенно Москва и ея окрестности. Особенно пѣшеходный путь отъ Москвы къ обители Преп. Сергія изобиловалъ на каждомъ шагу слѣпцами и уродами ростовскаго изобрѣтенія *). Изуродованіе существовало искусственное не смотря на то, что было много и естественнаго безобразія по неуходу за дѣтьми, вельдствіе наследственныхъ болѣзней, а также по неискусству повивальныхъ бабокъ (повитухъ), и отсутствію даже самаго понятія о врачебномъ искусствѣ. Простосердечный русскій народъ, ожидая въ каждомъ новорожденномъ будущаго работника, надежду на подпору въ старости, въ рожденномъ уродѣ видѣлъ наказаніе Божіе за свои грѣхи, и уродство невиннаго младенца считалъ дѣломъ дьявола или прямо, или чрезъ посредство злыхъ людскихъ козней. Привычка крестьянъ ходить босикомъ, или въ лаптяхъ легко пропускающихъ сырость и воду, а также въ онучахъ, которыя долго удерживаютъ сырость и холодятъ ноги, тоже причиняютъ ногамъ болѣзни, особенно въ томъ случаѣ, когда человекъ долго ходитъ; ходитъ по лѣсамъ и болотамъ и по другимъ влажнымъ мѣстамъ, пропитаннымъ иногда вредными отъ растений и земли веществами.

Есть въ народѣ повѣрье, что земля изъ свѣжей могилы, зола изъ сени печей и соль изъ сени избъ, заштыя въ чьи либо онучи наносятъ тому, кому онучи принадлежатъ, калычество, родъ ревматизма, что понятно, если взять во вниманіе химическій составъ золы, земли и соли, и также дѣятельность кожи способной всасывать г-стороннія вещества, и отдѣлять потъ, чтобы заключить о дѣйствительности этого чарованія, основаннаго на простомъ ищеніи и естественныхъ законахъ природы.

15. *Чары на лошадей.* Чтобы совершить надъ лошадью чары, злые люди вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди и бросаютъ ихъ въ конюшни, надѣясь, что отъ этого лошади будутъ хромать или страдать ногами, по убѣжденію въ то, что будто бы мерт-

*) Ростовъ, Ярославской губерніи, въ прежнее время славился уродами. Прощипивши ищенствомъ, или въ деньги, или воровствомъ приобретали дѣтей подривывали жилы, выкалывали глаза, или дѣлали другое нарушеніе здоровья тѣла и уродованіе я уродовъ возили по Россіи эксплоатируя ихъ.

вещи изъ зависти къ живымъ людямъ, пользующимся земными благами всегда расположены причинять людямъ зло при посредствѣ тѣхъ, кто желаетъ ихъ содѣйствія.

Понятно однако каждому изъ читателей, что гвоздь самъ по себѣ можетъ причинить лошади уколъ, опухоль и заставить ее хромать.

Пастухи, табунщики, часто употребляютъ такіа истры на хозяйскихъ лошадяхъ и другой скотъ для того, чтобы наверстать обиды полученные ими отъ владельцевъ скота. И тутъ вовсе нѣтъ, судя по смыслу, никакого колдовства, кромѣ зла.

16. *Старую, лживую лошадь сдѣлать молодой и бодрой* (цыганскій обманъ). Продайте цыгану большую, старую, лживую лошадь, разумеется за дешевую цѣну, чтобы только сбыть лишній ротъ, и повѣрьте, что чрезъ нѣсколько времени ее не узнаете, до того ваша лошадь будетъ оживлена, исправлена. Онъ подчиститъ зубы, подчернитъ ихъ каленымъ желѣзомъ, чтобы наложить знаки молодости, и сдѣлаетъ изъ двадцатилѣтней пятилѣтнюю; застегаетъ ее ребра до того, что бѣдная лошадка пополнѣетъ въ ночь не отъ избытка мяса и жира, а отъ опухоли сплошь покрывшей все ее тѣло. Если у лошади вашей хвостъ отвисъ и расположенъ, цыганъ его подниметъ при помощи иглы или булавки, воткнутой подъ хвостъ и этотъ товаръ такимъ злодѣйскимъ образомъ прихолоный и принаряженный ловко сбываетъ съ рукъ. Такая лошадь, запрошенная въ дрожки, телѣгу, или сани, не проситъ кнута, куда! она бѣжитъ какъ угорьлая, боясь не только его, а самаго нѣжнаго прикосновенія къ частямъ, окружающимъ хвостъ. Но лишь купите эту лошадь, и чрезъ два дня узнаете вашу ошибку. Лошадь ваша перестанетъ окончательно ѣсть, потому что прижатые зубы ее болятъ, опухоль тѣла причиняетъ тяжелый недугъ и прочее, и вамъ приходится цыганское издѣліе продать за безцѣнокъ.

17. *Чтобы пльнникъ не ушелъ* (Киргизс. ворожба). У Киргизовъ есть колдуны: Фалча, Нурунчъ, Бакша, Рамча, и Джа-Адугаръ, разделяющійся по роду гаданій, и способамъ. Колдуны—носящіе названія Джа-Адугаръ занимаются между прочимъ околдовываніемъ невольниковъ, и другихъ плѣнниковъ такъ, что они, будто бы, при своемъ побѣгѣ заблуждаются и

опять попадаютъ къ своему господину. Или, если хотя и уйдутъ, то опять попадутъ купцамъ въ неволю. Киргизскіе колдуны поступаютъ слѣдующимъ образомъ; Вырываютъ у пльнника нѣсколько волосъ изъ головы, а у бритаго изъ бороды, спрашиваютъ его ния и ставятъ посреди кибитки, на расчищенномъ и солью посыпанномъ мѣстѣ, на которомъ они обыкновенно раскладываютъ огонь; потомъ колдунъ или колдунья, читить заговоръ, и въ тоже время приказываетъ пльннику трижды отступать назадъ, на своемъ ступени плевать и каждый разъ выскакивать изъ кибитки. Напоследокъ сыплетъ пльннику на языкъ нѣсколько золы, на которой онъ стоялъ, и тѣмъ колдовство кончается. Янцкіе (Уральскіе) казаки вѣрятъ, что если пльнникъ объявитъ настоящее свое ния, то это колдовство действительно *)).

18. *Бьсова ира*. Такъ у башкировъ называется болѣзнь роженцы сопряженная съ судорогами въ животѣ. Башкиры приписываютъ эти шалости нечистому духу и призываютъ своихъ чародѣевъ, называемыхъ Шайтанъ-Куризя (Чертовидецъ), который извѣстнымъ ему образомъ сражается съ чертомъ и его, будто бы, прогоняетъ.

19. *Скитская клюква **)*. Въ былое время раскольники бринскихъ лѣсовъ, ревностные распространители своихъ убѣжденій, если не могли словомъ убѣжденія склонить на свою сторону ния, почему-либо, нужнаго человѣка и обратитъ въ свою вѣру, то употребляли такое хитрое средство: они давали этому человѣку клюкву, напоенную нѣкоторою отравою ***), которую если кто съѣдалъ, то получалъ желаніе идти въ бринскіе скиты, а когда съѣвшій оную видѣлъ огонь, то въ изступленіи бросался въ него, такъ какъ здѣсь представлялся ему рай и съдѣшіе въ немъ ангелы ****).

20. *Вихрь, ранить вѣдъму или колдуна*. Случается иногда, что на улицѣ поднимается вихрь и кружить пыль столбомъ вихтеобразно, болѣе и болѣе поднимаясь къ верху. Въ этомъ

*) Смотри *Абвега рус суеврій*. 1876 г. Москва. Стр. 76.

***) Смотри *Абвега рус суеврій*. 1876 г. Москва. Стр. 223.

****) Вероятно изъ числа наркотическихъ ядовъ сюда принадлежать: дурманъ, беллен, белладона, мухоморъ и др.

*****) Смотри *Абвега*. Стр. 223.

цяхрѣ все попавшееся: бумага, трава. вѣсь поднимаются къверху; по народному повѣрью это шлaska чертей съ вѣдьмана, и для того, чтобы прекратить это, нужно, будто бы, въ этотъ столбъ вьющейся пыли бросить ножъ съ молитвою. Если брошенный ножъ попадетъ въ центръ, средину, и воткнется въ землю, то онъ будетъ окровавленъ, что служитъ знакомъ того, что вѣдьма или колдунъ ранены. (*Записки М. Бестмильева*).

21. *Порча на голикъ.* По увѣренію Пермяковъ въ свадебномъ поѣздѣ встрѣтившійся на пути голикъ считается опасною вещью относительно благополучія молодыхъ, особенно если голикъ на дорогѣ поставленъ внизъ камленимъ стоймя; тутъ ясно, что онъ поставленъ челоуѣкомъ досужимъ, и съ цѣлью. Замѣтивъ голикъ дружки непременно останавливаются, спѣшиваются, и три раза, крестообразно хлещутъ себя нагайкой; тоже дѣлаетъ выйдя изъ экипажей, или спѣшившись, весь поѣздъ. По вѣрованію Пермяковъ, въ голикъ заключается нечистая сила, отъ вреднаго вліанія которой на свадебныя и супружескія дѣла можно только и избавиться посредствомъ троекратнаго крестообразнаго хлестанія.

22. *Каша.* Въ старину, бабы, воспринимавшія младенцевъ, варили кашу, на собраніе роженицамъ; въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей; а въ память умершихъ ставили роду и роженицамъ особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя въ то же время, готовили кутейную трапезу, принятую церковью. Трапеза называлась трапезою роду и уроженницамъ. (*Статья Срезневска. въ Архивахъ Калачева. VI. I. 162. 163. Изъ слова Христолюбца, хралящюся въ Румянцовскомъ Музеѣ, № 181*).

23. *Плотину разрушить. колодець подсушить* Это искусство принадлежитъ въ настоящее время вѣсьмъ домохозяевамъ и не составляетъ новости. Каждый, въ наше время, знаетъ свойство ртути или живаго серебра, которое въ старину называлось *змынное молоко*. Чтобы разрушить земляную плотину, колдуны бросали ртуть въ воду, которая своею тяжеловѣсностью, просачиваясь въ дѣйствительности чрезъ слабоутрамбованныя мѣста увлекала за собою воду, а послѣдняя дѣлала пролоны и разрушала плотны хотъ медленню, но вѣрно, если только не предупредить этого препятствія, заткнувъ

отверстіе проноши коровьихъ навозомъ перелѣшаннымъ съ глиною.

24. *Чары надъ змѣю и вообще—змѣя.* На ирационѣ, суровомъ, лѣсистомъ сѣверѣ народная фантазія помышала змѣю аспиду, крылатыхъ змѣй съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами; эта змѣя, по народному вѣрью, жила въ пещерскихъ горахъ, не садилась на землю и на камень; эта пестрая змѣя куда полетитъ, можетъ всю землю опустошить; но есть заклинатели—знахаря-обаянники, которые умѣютъ ее заговаривать. Аспидъ, змѣя крылата, носъ имѣетъ птичій и два хобота, и въ коей землѣ вселится, ту землю пусту учинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ ни трубнаго гласа. Пришедше же обаянницы, обаяти ю, и копаютъ ямы, и садятся въ ямы съ трубами, и покрываютъ дномъ желѣзнымъ и замазывается сунглинкомъ, и ставятъ у себя уголіе горящее: да разжигаютъ клещи и егда вострубить, тогда она засвищетъ, яко горы потрястиса, и прилете къ ямѣ, ухо свое приложитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ, и нашедъ дыру малу начнетъ биться, человекъ же, ухватившю клещами горящими, держатъ крѣпче; отъ ярости же ея сокрушаются клещи не единицы, но двои, не трои, но тако сожжена — умираетъ; а видомъ она пестра всякими цвѣтами на землю не садится, только на камень. (*Поюд. Сборн. Публ. Библ. 344*).

25. *Баранецъ.* Пустынные берега широкой Волга также представлялись въ народномъ воображеніи въ чудесномъ свѣтѣ. Говорили, что выше Саратова есть гора Зиіева, гдѣ обитаетъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія; но богатырь убилъ его, а драконъ обратился въ камень (*Olear. 361*). Русскіе увѣрили иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растетъ животно-растеніе — баранецъ, оно приноситъ плодъ, похожій на агненка; стебель его идетъ чрезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мотаются, роговъ нѣтъ, передняя часть, какъ у рака, а задняя, какъ совершенное мясо. Она живетъ не сходя съ мѣста до тѣхъ поръ, пока ѣдетъ вокругъ себя пищу. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли западныхъ европейцевъ, что эти шапки изъ мѣха „баранца“.

26. *Волговники и сборники прильмъ.* Между разными ви-

дами волшебниковъ были волхвы, Чародѣи, чарошницы, зелещицы, обаяльницы, кудесники, словидцы, звѣздочеты, облако-проюнкники, облако-трагителъники, вѣдуны, вѣдунки, лхѣя бабы *). Обаяльниками назывались въ старину фокусники, которыхъ призывали, или посвѣщали, хотяще вѣкая увидѣти отъ нихъ неизрѣченная **). Они же заклинали змѣй и злыхъ животныхъ. Кудесники совершали различныя заклинанія и чародѣйственные обряды (кудесы бьютъ) и предвѣщали будущее. Словидцы разсѣвали въ народѣ разныя предзнаменованія на основаніи видѣнныхъ ими сновъ и увѣряли, что они приняли извѣщеніе свыше. Иногда они толковали сны другимъ, приходившимъ къ нимъ. Иногда разсказывали о собственныхъ видѣніяхъ. Во время народныхъ бѣдствій они толковали народу причины несчастія, часто указывали на какія-либо лица, называя ихъ виновниками, и обрекали ихъ народному ищенію.

27. *Облако-проюнкники*, какъ ихъ называлъ *Домострой*, были волшебники, которые, по народному преданію, повелѣвали дождемъ и ведромъ, и чрезъ то насылали урожай и неурожай. Вѣрованіе это очень древнее, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, по разсказу о избіеніи въ Ростовѣ въ VI вѣкѣ и въ Суздаль въ 1124 году женщины за то, что будто бы оны спрятали въ себя хлѣбное жито и сѣвственные припасы. Столь же древнее было вѣрованіе въ волшебниковъ, снѣдающихъ солнце и луну. „Погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголетъ не вѣгласи снѣдаемое солнце“. (*Ип. лѣт.*), Въ Коричей книгѣ эти волшебники называются волкодлаками „вѣклади луну изѣдоша или сльнице“. (*Арх. П. Стр. 84*). Вѣдунами и вѣдуньями назывались вообще всѣ лица обоего пола, вѣдавшія тайную силу управлять обстоятельствамъ жизни. Всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли въ иныхъ мѣстахъ какъ бы особые цехи, передавали одинъ другимъ свое искусство и промышляли, помогая тѣмъ, кто къ нимъ прибѣгалъ въ своихъ нуждахъ. Иногда этимъ занимались и мужчины ***), но чаще пожилыя и старыя женщины. Во всѣхъ мѣстахъ Россіи

*) (*Дон. къ Суд. Д. II. I. 252*).

***) *Домострой*.

***) *Правос. Ислос. 1855 г. Кн. II. 61*.

можно было отыскать ихъ. Особенное уваженіе существовало къ тѣмъ, которыя жили на сѣверѣ въ корельской землѣ. Тамъ искалъ ихъ великій Князь Василій Іоанновичъ, когда женившись въ другой разъ на молодой Глинской, хотѣлъ имѣть дѣтей и прибѣгалъ къ чародѣямъ, чтобы они помогли ему къ плодотворенію. Въ самой Москвѣ жило множество колдуновъ, особенно въ замоскворѣчьи.

28. *Приворожители и умилостивители.* Такъ въ первой половинѣ XVII вѣка тамъ были извѣстны жонки: Улька, Наська-Черниговка, Душка, Фекица, Машка Козиниха, какъ видно изъ дѣла, возникшаго въ 1638 году, по поводу подозрѣнія въ порчѣ царицы Евдокин. (О ворожбѣ. Забѣлини. Ком. 491—492). Эти чаровницы предлагали свои услуги посредствомъ наговоровъ надъ какою нибудь вещью. Такимъ образомъ къ московской чародѣйкѣ Наськѣ-Черниговкѣ прибѣгали женщины, страдавшія отъ побоевъ, которыми надвѣяли ихъ мужья. Колдунья должна была *отжимать сердца и ревность отъ мужьевъ*: а когда жены жаловались на холодность мужчинъ (мужьевъ), приворожить ихъ и отнять *сердцо и умъ*.

Она наговаривала на *соль, мыло и бѣлила*, приказывала женщинамъ умываться мыломъ и бѣлилами бѣлиться, а соль давать въ питье и явство мужьямъ; брала у женщинъ воротъ рубашки и сжигала его, наговаривала на пепелъ и приказывала также сыпать его въ питье мужу. Завораживая соль, чародѣйка говорила: „какъ тое соль люди въ вѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ“. Надъ мыломъ говорилось: „сколь скоро мыло съ лица смоеся, столько бы мужъ жену полюбилъ“. Когда сжигался воротъ рубашки, колдунья говорила: „какова была рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ къ женѣ былъ“. Сожженный воротъ рубашки служилъ также случаемъ для умплоствленія господъ: надобно было насыпать этого пепла на слѣдъ, когда господинъ или госпожа будутъ идти.

Одна изъ такихъ жертвъ наивно созналась, что послѣ того, какъ она исполнила надъ своимъ мужемъ все, чему научила ее колдунья, мужъ ея, вмѣсто ожидаемой перемены поведенія и ласки, чуть не убилъ ее; тогда она, увидя что нѣтъ помощи отъ чародѣйства, бросила съ досады, наговорныя вещи.

Уланкіе неспркости. Ревнивые мужья, если хотѣли отъ во-

рожей улавлять о невѣрности своихъ женъ, для чего приглашали ихъ къ себѣ въ домъ: тѣ присматривались къ сердцу женщины, которую мужъ подвергалъ испытанію; если ворожея замѣчала, что у жены сердце трепещетъ, то укоряла ее въ невѣрности, и часто неповинную, но робкую, отдавала на произвольную расправу мужа.

29. *Отысканіе воровъ.* Если въ домъ случалась пропажа, и признаковъ никакихъ не было, кромѣ одного подозрѣнія, то призывали ворожею, или вѣдуна, и эти обличители присматривались къ животу подозрѣваемого. Какъ это производилось, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ нужно предпологать, что отъ этой ворожбы возникла пословица: „плохо лежить—брюхо болить“.

30. *Наговоръ на товаръ.* Когда залеживался товаръ, то колдунья наговаривала на медъ, приговаривая: „какъ пчелы яроса роются, такъ бы (къ такому то человѣку) купцы для его товару сходились. Потомъ приказывала торговому человѣку умищаться этимъ медомъ.“

31. *Противъ княжескаго или боярскаго злѣва.* Если на кого царь, князь или другая важная особа гнѣвъ держитъ, нужно при себѣ носить подъ лѣвой мышкой правое око орла, завязавъ въ ширинку. Этого орла нужно поймать непременно въ Ивановъ день о вечернѣ, понести на распутіе и заколотъ острую тростью.

32. *Ворожба на ловлю рыбы и птицъ.* Если у вышесказаннаго убитаго орла выколотъ лѣвое око и смѣшать его съ коровьею кровью, то око можетъ, по народному невѣрью, служить охотникамъ и рыбакамъ. У Буслаева *) сказано: „лѣвое око добро мѣшать съ коровьей кровью и селѣзеневою, да все то изсуши, да завяжи въ синій платъ чистый. И когда хочешь ловить рыбу и ты привяжи къ цѣпу и наловишь рыбы много. Таже вещь ко многимъ ловушкамъ годна, ко звѣринымъ, птичьимъ, и ко всякой ловлѣ“.

33. *Ворожба противъ невѣрности, (любовниа зеля) **),* Аще жена бѣгаетъ, и дай пити воробьево сердце (?) и нач-

*) Буслаевъ *О Народной Поэзіи.* 31.

**) *Домаши. обряды.*

петь мужа любить. Аще небрежчи мужъ жены начнетъ, то помяжь его (?) салонъ недвижимъ, внигда не будетъ ему на другую жену похотыня.

34. *Узнать во снахъ о вѣрности жены.* Совино сердце положить на сукошный платъ, приложить женщины къ лѣвому боку и она все во снѣ на себя выскажетъ, что была безъ мужа *).

35. *Чары на благополучное разрѣшеніе младенцемъ.* Напиши на бумагѣ: „Помяни Господи сыны едомскіе во дни Іерусалимовы глаголюшіе:—истощайте до основанія его!“ — А то письмо положи къ роженницѣ за пазуху **).

36. *Средства противъ некрѣпкостей отъ недоброезлателъ, или неудачъ.* Аще уловишь лоса, и урѣжи правыя ноги, копыто, и сдѣлай перстень, и носи на рукѣ, и на того челоуѣка не придетъ никакая злая пригода, ни золь челоуѣкъ ***).

37. *Чары на успѣхъ въ судѣ.* Бывало, начинавшій судиться, или призванный (въ судѣ) чрезъ пристава или недѣльника къ судебному отвѣту, спѣшилъ къ колдуну, который заговаривалъ языкъ и сердце противной стороны ****). Идя на судѣ, надобно взять съ березки *переперъ*, который трясется, и говорить: „Такъ какъ сей переперъ трясется, такъ бы мой супостатъ, (имя рекъ) в его языкъ трепетался *****)“.

38. *Чары о поединкахъ старины; кулачныя боиъ тоже.* Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, существовали поединки судебныя по характеру. И здѣсь чародѣи являлись на помощь; нерѣдко случалось, что спорщики были готовы помириться, да чародѣи начинали снова *бить кудесы*, (смущать) и разжигали снова вражду *****).

Въ этомъ случаѣ чародѣи совѣтовали такимъ образомъ запасаться сляю для поединка судебного: „убей змѣю черную саблею или ножомъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту зелену и въ черную, да положи въ сапогъ въ лѣвый; а обуи

*) Рус. сборн. XVII ст. тоже.

***) См. Приложение ко 2 кн. Перискаго Сборника, 1860 г.

****) Изъ того же приложения Пер. Сборн. 1860 г.

*****) Арх. Калач. II. 2. 50.

*****) Буслева о Нар. повѣи, стр. 30.

*****) См. Стотл. вопр. 17.

на тош же мѣствъ. Идя прочь, назадъ не оглядывайся, а кто спроситъ, гдѣ ты былъ, и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно, и ты въ тотъ сапогъ положи три зубчика чеснока, да подъ правую пазуху привяжи себя утиральникъ и бери съ собою, когда пойдешь на судъ, или на поле битыя⁴. Когда холопъ обкрадывалъ господъ, или бѣжалъ, призывали ворожею и она производила заклатіе всѣмъ обжавшимъ.

Трудно, очень трудно передавать все то, что случалось; лѣтописи немного сказывали; но и изъ того, что сказывали можно бы много извлечь изъ тѣхъ враждебныхъ заклинаній и проклатій, которыя произносили безграничныя женщины, преимущественно старухи. Русская старина говорить, между прочимъ, что колдовство и чародѣйство производилось не надъ одними только зельями (вредными травами); а также кореньями, водою, костями, огнемъ, громовыми стрѣлами, надъ мертвыми, надъ недвижными ноготкомъ, надъ святою рубашкою жертвеца, надъ жертвою рукою, надъ выбраннымъ изъ подъ человѣческой ноги слѣдомъ (*Чары на слѣдъ*).

39. *Чары на слѣдъ*. Эти чары совершаются такимъ образомъ, по народному преданію: Когда человѣкъ идетъ, то извѣряютъ его слѣдъ лучиною, веревочкою или тесьмою, вообще чѣмъ нибудь и жгли на огнѣ до тла, или замуравливали въ печя, можетъ быть съ наговоромъ, и говорятъ, будто бы отъ того *пропадаютъ ноги*, то-есть теряютъ ноги, слабуютъ, страдаютъ ногамъ. Оно тоже сопровождалось наговорами.

40. *Чары надъ мертвою рукою*. По сіе время существуетъ обыкновеніе въ простомъ народѣ и между кошенниковъ, что для благопріятнаго успѣха въ кражѣ нужно имѣть мертвую руку, которая, по ихъ увѣренію, благопріятствуетъ воровству, если ее удержать при себѣ во время производства кражи. Намъ неизвѣстно только одно, есть ли по этому случаю какіе нибудь приличные наговоры.

41. *Чарованіе надъ мертвымъ тѣломъ* *). Въ старину было большое вѣрованіе въ силу вліянія мертвыхъ тѣлъ на людей, то въ цѣлебномъ, то въ зловредномъ отношеніи. Мы даже ранѣе писали, упоминная нѣсколько объ этомъ; скажемъ, одинъ

*) На тѣлѣбу жертваго, зуби волшебіе. Прав. Собес 1855 г. Кн. III. 64.

случай *). Въ одноиъ семействѣ умеръ младенецъ; одинъ изъ родителей страдалъ слезотеченіемъ изъ праваго глаза. По существующему взрванію, болящій потеръ пальцемъ мертваго младенца глазъ, и скоро слезотеченіе пропало, а въѣсть съ тѣмъ заросла слезная желѣза. Глазъ все-таки повредился, какъ необлаживаемый слезою, но все-таки чары сдѣлали свое дѣло и по своему.

42. *Приворотный корень Ибраимъ*, то-есть *обращающій*, нѣтъ, по нѣзвѣстнѣ стариннѣ, свойство нѣзвѣщихъ его привлекать къ тому человѣку всякаго и любить. Колдунья давала этотъ корень женщинѣ, и та, положивъ его за зеркало и смотрѣвъ въ него, приговаривала: — „Какъ смотрѣю въ зеркало, да не насмотрѣю, такъ бы (такой то) на меня не насмотрѣлся“. Въ одноиъ изъ травниковъ XVII вѣка, подобное приворотное свойство приписывается нѣзвѣскимъ травамъ, напр. трава *кукоосъ* въ ней корень на двое, одинъ муженекъ, а другой женочка; муженекъ бѣленекъ, а женочка смугла. Когда мужъ жены не любитъ, дай ему женскій испить въ винѣ, и съ той поры станетъ любить. Тоже приписывалось трава *Оданъ*; кто тебя не любитъ, то дай пить, не можетъ отъ тебя до смерти отстать. А когда пастухъ хочетъ стадо пасти, и чтобъ у него скотъ не расходился, держать при себѣ, то не будетъ расходиться; похочешь звѣрей приучить — дай того корня ѣсть, то скоро приучишь **). Въ числѣ взрваній о приворотныхъ средствахъ принадлежитъ очень странное о трава *Спитаринъ*, которую называли въ травахъ. Царь-трава, о шести листахъ: первый — синь, второй — червень, а четвертый — багровъ, а братъ вечеромъ объ Ивановъ день, сквозь золотую гривну или серебряную, а подъ корнемъ той травы, человѣкъ, и та трава выросла у него изъ реберъ. Возьми человека того, разрѣжь ему перси, вынь сердце; если кому дать сердца того, тотъ изгаснетъ по тебѣ. Если мужъ жены не любитъ, возьми голову его и поставь предъ мужа, — только что увидитъ, будетъ любить пуще прежняго. Десная рука его — добро; если которая жена мужу

*) Рассказъ автора.

***) Арх. 1859 г. I 73

вѣтра, или нухъ жезъ, стерши (?) извившииъ перстониъ, дай пить *).

До извѣст. не дошло, существовали ли такіа травы въ дѣйствительности?, имѣли ли такіа свойства? и какія онѣ носятъ сейчасъ названія? или вѣдѣство также.

43. *Насылка на вѣтеръ.* Насылка на вѣтеръ, и выборъ слѣда были чародѣйства злыя; они производились съ цѣлью сдѣлать зло человѣку, и потому ихъ боялись въ особенности. Такъ въ подкрестныхъ заговорахъ на вѣрность царю, вѣрноподанныи присягали, между прочимъ: „*видовоствамъ по вѣтру, никакою лику не насылаши, на слѣду не силимаши*“. Насылка на вѣтеръ состояла въ томъ, что лихой колдунъ, знавшій искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами (см. заговоръ), производилъ вѣтеръ, потомъ направлялъ его по назначенію и бросалъ по вѣтру пыль, съ извѣстными ему приговорами, въ которыхъ колдунъ выражалъ требованіе, чтобы тому, на кого насылались вѣтеръ причинялись корчи, жало, лопало, сушило и проч.

44. *Чары надъ просфорю.* Наговаривали надъ просфорю для уснѣха въ чомъ либо и также въ ворожествѣ. Для этого просфорю приносили къ ворожеѣ, которая производила надъ ней промовленія и этой просфорѣ сообщалась сила къ содѣйствію въ уснѣхѣ.

45. *Наузы или узлы.* Одно изъ самыхъ обычныхъ способовъ волхованія. Надъ узлами наговаривали и отдавали желающему: нитъ придавали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ волшебниковъ чародѣйственные узлы, и навязывали ихъ на дѣтей. Баба ничтожъ на дѣти на узы класти, снѣривати, плююще на землю, рекше бѣса проклинати. Этотъ древній обычай высказанъ въ нашей старой лѣтописи, въ повѣствованіи о Всеславѣ, котораго нать даже родила при участіи волшебства (отъ волхованія); ему волхвы навязали наузъ на голову; онъ носилъ его всю жизнь, и вліанію этого чародѣйственнаго узла, приписывались его воинственнаго и жестокость, „того ради немилостивъ на кровопролитіе“. Многіе приходили къ ворожеямъ и брали отъ нихъ

Сказанна. О Нар. Повѣ. 31.

наузы, для предохраненія отъ всякаго рода опасностей (*малая бѣсовская обалѣла наузы*).

Въ старину узлы навязывали на оружіе, и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противнаго оружія, какъ это видно изъ стариннаго заговора: „Завяжу я по пяти узловъ „всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищалахъ, „на лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите „стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, спутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія; въ монхъ вся „сила мочуча!“ На этомъ основаніи вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ навязывать чужое оружіе, что ихъ сапихъ не брала ни пули, ни сабли.

Такое мнѣніе существовало и сохранилось въ преданіи о Стенькѣ Разинѣ. Наузы давались отъ вліянія злыхъ черодѣвъ и отъ зломыслия враговъ вообще, какъ видно изъ заклатій: „Завяжи Господи, колдуну и колдунь, вѣдуну и вѣдунь, и „упирцу, на раба Божія (такого-то) зла не мыслити, отъ „чернца и черницы, отъ красной дѣвницы, отъ бѣловолосаго, „отъ черноволосаго, отъ русоволосаго, отъ рыжеватаго, отъ „русобородаго, отъ одноглазаго, разноглазаго и упорца“ *). Конечно, отъ этого стариннаго вѣрованія во всемогущество наузовъ осталось выраженіе: *завязать*, въ мысль не допустить, преградить.

Это особенно видно въ малороссійскомъ языкѣ, въ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: „*Завязанная свѣтъ! Мині, якъ завязано*“ (т. е. *не удастся*). Видно, что наузы давались не столько для того, чтобы сообщить какую нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобы предохранить отъ враждебнаго дѣйствія и уничтожить его силу. Чаще всего наузы давались противъ болѣзней, не какъ лекарство, а какъ предохранительное средство.

Народное воображеніе, всегда старалось отыскивать фантастическія причины болѣзней. Вообще болѣзни происходили отъ вліянія злыхъ духовъ, или даже сами были злыми духами, или отъ злаго умысла и силы слова, которое можетъ управлять природою человека какъ на добро, такъ и на зло. Лпхорадка

*) Арх. Калач. № II. Полов. 253.

обыкновенная называлась бѣсомъ—трасцею. („Недуги лѣчатъ чарами и наузами, нѣкотораго бѣса глаголемаго тращу прогоняюще“ *).

Этому бѣсу тращѣ, подвластны выходяшія изъ огненнаго столба двѣнадцать (по другимъ семь) простоволосыхъ двѣмѣтъ тшерей Иродовыхъ (По Арх. Калач. 2. 51): Невѣя, Снѣя, Легкая, Трасуница, Желтуница, Мученица, Огненная, Акиледъ. Временная, Безыменная, Осенняя, Листопадная. Имена семи не русскія: Лилія, Херхурія, Загрѣя, Невѣя, Тухія, Нешія, Змѣдѣя. еще старшая Трасовица; а низшія всѣ повинны насъ слушати (вѣроятно каждая изъ нихъ). Ихъ прогоняли заговорами, завязывали наузами, и отписывали письменами. Въ этихъ письменахъ писались еллинскія имена лихорадокъ; записочки давали носить больнымъ. Другія писали имена лихорадокъ на яблокъ, и яблоко клали въ церкви во время литургіи. Множество разныхъ болѣзней приписывалось урокамъ, призорамъ и сглазамъ. Подъ уроками разумѣлись злодѣйственныя рѣчи; подъ послѣдними недобрые взоры **). Лѣченіе состояло въ томъ, чтобы отогнать и уничтожить дѣйствіе враждебной губительной силы. Ворожен употребляли наузы, приволенія, разныя манипуляціи и зелья ***). Наузы, какъ выше сказано, были болѣе предохранительное средство; они не допускали враждебную силу дѣйствовать, какъ прѣдетъ случай, („хотя мало поболѣть или жена, или дѣтя, то оставише Бога, врача душамъ и тѣламъ, ищемъ проклятыхъ бабъ, чародѣйницъ наузовъ... Глаголющи нанъ наузы навязывати“). Примолвки и заговоры употреблялись, какъ для предотвращенія болѣзней, такъ и еще болѣе, какъ прямое средство противъ недуга, уже поразившее болящаго. Иногда заговоры говорились безъ особенныхъ обрядовъ и безъ посредства вещей, но чаще ворожен наговаривали на какіе либо предметы, особенно съѣдомые и испиваемые, и сообщали имъ силою своею желанія цѣлительное свойство. Вода играла въ этихъ случаяхъ главнѣйшую роль, особенно въ тѣхъ случаяхъ болѣзней, когда признава-

*) Арх. II. Полов. 2.

**). Арх. Калач. 2. 51

***) А. Э. I. 462.

лось, что онѣ постигли болящаго отъ призора и сглаза; тогда надобно было смыть или обрызнуть прочь призоръ, то есть вліяніе дурнаго взора. Бросивъ, въ ковшъ съ водою три угла, ворожея въ своемъ примолвленіи, наговаривала воду обмыть съ хвораго хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу, и понести за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ. Кромѣ цѣлящаго свойства, водъ, употребляемой съ знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-вѣдуньи совѣтовали купаться въ рѣкахъ и озерахъ, во время грозы и въ новолуніе, умываться съ серебра, а потомъ встрѣчать молодой мѣсяць, и этими средствами хотѣли предохранить отъ недуговъ на будущее время *).

46. *Чары на порчу человека, на икоту.* Подъ именемъ порчи разумѣются нервныя болѣзни, которыя внезапною и исключительнымъ ужасомъ припадковъ потрясаютъ воображеніе настроенное къ таинственнымъ толкованіямъ. Не только вѣрили, но даже избѣгали сомнѣній въ томъ, что причины такого явленія надобно искать исключительно во вліяніи злыхъ духовъ, а не въ обыкновенной природѣ. Очень часто, въ разныхъ мѣстностяхъ появлялись бѣснующія и кликуши: въ особенности онѣ толпились тамъ, гдѣ была какая нибудь чудотворная икона или мощи святаго, — вообще мѣста, прославленныя религіозною святостью. *Кликушамъ* онѣ назывались оттого, что выкликали или кликали на кого нибудь, то-есть указывали, что такой-то ихъ испортилъ. Припадки ихъ усиливались также еще во время литургіи: тутъ, по выраженію вѣка, *они мѣтаются всякими козmodѣйствами.* Преимущественно этими болѣзнями страдали женщины. О такихъ бѣснующихся ходили пзустные и письменныя рассказы самыя мрачныя и вмѣстѣ самыя затѣйливыя. Въ одномъ изъ сборниковъ XVII вѣка есть замѣчательная повѣсть въ этомъ родѣ объ одной священнической дочери, въ первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бѣсовъ, потому, что мужъ ея неосторожно вышелъ, оставивъ дверь отворенною и неосѣненной крестнымъ знаменемъ. Бѣсы таскали ее на болото, терзали ее и мучили. Она дѣлалась бере-

*) А. II. IV. 225.

менною и рождала чудовищъ на подобіе змій, которыя сосали ее до крови. Послѣ несказанныхъ мученій, эта страдалица исцѣлилась спасительнымъ вліаніемъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо отъ несчастныхъ, которые действительно страдали нервными болѣзнями, несравненно болѣе было такихъ, которые или усвоили себѣ эти припадки отъ впечатлительности воображенія, или же притворялись. Выкидывавая разные шарсы, показывали видъ, будто бы они могутъ пророчествовать. Стоглавый соборъ просилъ царя, чтобы онъ повелѣлъ жителямъ, гонять отъ себя лукавыхъ пророковъ и пророчицъ, которые являлись тогда во множествѣ. Та были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босыя, съ распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, билась, и такимъ образомъ предсказывали будущее и возвѣщали, какъ сивиллы, народу разные заповѣди въ родѣ слѣдующихъ: „бабы не прядите и печей не топите по средамъ и по пятницамъ: Святыя апостолы и святая Пятница намъ явились и невелѣли“. Другія же порицали людей на разные пороки. Появленіе клякушъ въ городахъ было истиннымъ наказаніемъ для всего общества; ихъ указанія часто принимались и преслѣдовались судомъ. По одному клику бѣснующейся женщины брали обвиняемаго ею челоуѣка и подвергали пыткамъ; иногда притворныя клякуши служили орудіемъ корыстолюбивымъ воеводамъ и дѣкамъ: послѣдніе нарочно подучали ихъ обвинять богатыхъ хозяевъ, чтобы потомъ придираться и обирать ихъ. А если кто нибудь, безумленный страданіемъ пытки, насажаетъ на себя, что онъ дѣйствительные колдунъ, то его сжигали въ срубѣ (по образцу инквизиторскаго суда). Между тѣмъ, правительство, получивъ извѣстіе о распространеніи порчи и появленіи клякушъ въ какомъ нибудь краѣ посылало туда нарочныхъ сыщиковъ отыскивать и выводить вѣдуновъ и вѣдуній: всеобщее зло удвоивалось. Часто обыкновенная болѣзнь челоуѣка служила началомъ дѣла о колдовствѣ (А. г. Шун. 95. Описаніе Шун, 337—340). Большое воображеніе искало причинъ болѣзней и тотчасъ нападало на ту мысль, что болѣзнь происходитъ отъ сулоатаѣ. (С. Г. Гр. III. 265). Томить сухота сердечная, ѣсть, пить не хочется, свѣтъ бѣлый не милъ, вѣрно напустили, можетъ быть изъ-подъ вѣтру, или со слѣда, а можетъ быть зелья чревоотрав-

наго дали. что чаровница собирала на ночь Купала. Домашніе придумывали отъ кого бы могла случиться бѣда. Они являи право указывать на вѣдуна и просить сыску; а нужно, чтобы только заподозрили въ вѣдовствѣ—до пытки недалеко, особенно, если у истцевъ есть средства расположить въ свою пользу правосудіе. Въ 1606 г. въ Пермѣ производилось слѣдствіе о томъ, что нѣкоторые вѣдуны напускали на людей икоту. Обвиняемыхъ жгли, давали на пыткахъ по три встряски, потомъ сажали въ тюрьму. Если послѣ всѣхъ операций, подсудимый не признавался, то наряжали обыскъ; священники, посадскіе, старосты, цѣловальники съ выборными обывателями подавали для окончательнаго обвиненія или оправданія. И обвинители и обвиняемые равно не бесполезны были для воеводъ и дьяковъ. Самый ничтожный фактъ, если его не могли объяснить, былъ достаточенъ, чтобы обвинить человѣка въ колдовствѣ. Такимъ образомъ, во время пожара въ Москвѣ, при Михаилѣ Феодоровичѣ. хотѣли сжечь, какъ колдуна, одного нѣмца живописца за то, что нашли у него черепъ и никакъ не могли объяснить себѣ, для чего онъ его держитъ *).

Порча сообщалась черезъ разные предметы: выше было упомянуто о томъ, какъ наносили порчу здоровью человѣка посредствомъ вѣтра и выежки слѣда. Равнымъ образомъ колдуны пересылали свое зложелательство черезъ *подметъ* (подкидку) разныхъ вещей, къ которымъ случайно могъ прикоснуться тотъ, на кого обращалось злое намѣреніе. Вотъ, наприимѣръ, въ Шуѣ, въ 1672 г. производилось уголовное дѣло о колдовскомъ подметѣ: одинъ посадскій подалъ челобитную, что въ углу на краю своего огорода онъ нашелъ куски печеная хлѣба, калачи и нѣсколько меда **). Волшебство переходило черезъ все, что принадлежитъ къ конской упряжи и вообще къ вѣдѣ. Отъ этого къ царскимъ лошадямъ не допускали никого, чтобы ляхой человѣкъ не положилъ зелья и коренья лихаго въ ихъ государены сѣдла, и въ узды, и въ пофлюкъ, и въ рукавки, и въ наузы, и въ кутазы, и въ возки, и въ сани, и въ полость санную, и въ коверъ, и въ попонку. Въ 1598 году,

*) 134. Олсврій.

**) Опис. Шуя. 341

русскіе присягали Борису своему государю „въ вѣствѣ и въ пятвѣ, и въ платвѣ, или въ иномъ въ чемъ лиха-напасти не учинати; людей своихъ съ вѣдовствомъ да и со всякимъ лихимъ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ и вѣдуній не добывать, ни слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ, по вѣтру никакого лиха не насылати, и пр.“^{*)}).

Во время войны боялись, чтобы чужіе государи не подослали волшебницъ испортить государеву семью^{**)}; успѣхи самозванца, всеобщее итѣніе приписывали ничему иному какъ знанію волшебства (доп. 1. 225.) Опасеніе, чтобы лихіе люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не итѣло границъ. Чуть только случилось прихворнуть государынѣ, или кому нибудь изъ царскихъ дѣтей, сейчасъ подозрѣвали, что ихъ испортили. Это происходило скорѣе всего отъ того, что медицина или наука врачевства еще пока не существовала въ полномъ ея развитіи и допускала старыя мнѣологическія понятія простолюдиновъ въ связи съ христіанскими догматами и перепутанныя отъ недостатка и правильности разумнія. Новорожденныхъ младенцевъ и до сего времени по этому случаю оберегаютъ отъ постороннихъ взоровъ до шестинедѣльнаго возраста^{***)}.

Серебряный цвѣтъ, Итѣринова мятная трава, дягиль. Какъ сильнымъ убѣжденіямъ въ преданія своихъ предковъ вѣроятно и самъ царь Алексѣй Михайловичъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ убѣжденій суевѣрнаго свойства. Такъ мы видимъ изъ очерка домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа, Н. И. Костомарова, что Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго, преслѣдовавшій вѣдовство, какъ богопротивное дѣло, въ 1650 году приказывалъ стольнику Матошкину высылать въ купальскую ночь искать серебряннаго цвѣта итѣриновой травы, мятной и дягилю, а предъ концемъ своей жизни, въ 1675 году, приказывалъ воеводамъ въ Сибири собирать знахарей, узнавать отъ нихъ травы, свойства ихъ, и присылать самыя травы въ Москву. Вообще видно изъ исторіи, что ме-

*) А. А. Э. II. 58.

***) О воровствѣ. Забѣл. 485.

***) Коших. 14.

дичина въ Россіи, если и была, то въ рукахъ иностранцевъ которыхъ считали еретиками и басурманами, а между тѣмъ простой народъ довольствовался только одними симпатіями. примѣтами и ворожбою и своими преданіями.

Но благочестивые люди не только гнушались обращаться къ чародѣямъ, но вообще считали грѣхонъ искать въ чемъ бы то ни было помощи отъ несчастья, кромѣ молитвы; а самыя болѣзни или несчастіе считали гнвоомъ Божиимъ, и прибѣгали къ молитвѣ.

48. *Чарованія противъ бѣсы въ домѣ.* Иногда бѣсы поселялись въ домѣ, во дворѣ, производили стукъ, пугали привидѣніями и вообще дѣлали разные шалости. Върившіе знахарству употребляли противъ этого различныя симпатическія средства, напр. сожечь свиные когти, и тѣмъ дымомъ хранину свою кадить и дворъ курить—и исчезнетъ бѣсъ; а потомъ ослинымъ саломъ назнаменуи двери и всякое зло, которое найдешь на дворѣ, исчезнетъ. Для того же хорошо держать корольковое каменіе, отъ него нечистый духъ бѣгаетъ, потому, что тотъ камень крестообразно растеть. Набожные люди прогоняли изъ домовъ бѣсовъ внесеніемъ чудотворныхъ иконъ, какъ о томъ гласитъ надпись на оградѣ церкви Гребенской Божіей Матери, въ Москвѣ. Въ старину ходило такое вѣрованіе: ангелъ хранитель (человѣка) всегда стоитъ на стражѣ ввѣренной ему души противъ дѣйствія нечистаго духа, и потому къ нему нужно постоянно обращаться. Каждый день въ первый часъ дня ангелъ хранитель является на поклоненіе Богу и объявляетъ всѣ дѣла и мысли человѣческія. Поэтому надобно было всегда прилежно молиться и благодарить Бога въ конецъ дня и въ конецъ ночи, именно, когда ангелы являются на поклоненіе Богу *).

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА.

Отъ простуды. Кто спотѣвъ изопѣеть, и отъ того болѣзнь придетъ, — овечьего молока ложку, да желчи медвѣжей

* Рук. Рув. Муз. № 358

съ гороховое зерно, да, стерши испить на тще сердце уквасивъ дважды *).

Отъ кашля. Аще кто кашляетъ, давай ему пить воду ячную съ сахаромъ, и поможетъ **).

Отъ хрипоты. Аще человекъ охрипнетъ, горло ему затечетъ, то шелковую траву водяную, изгнавши лити на него. Аще не будетъ шелковая травы вода, тогда пшевичныя отруби съ укропомъ изгнавши, пити, и хрипота исчезнетъ и мшеть ***).

Отъ водяной. Съ развареннаго или завареннаго сверчка воды выпить. Смотри въ концѣ книги.

Отъ лихорадки. Аще кого трясца держитъ, и ты возьми чесноку, да хрѣну, да истолки обое вѣствѣ, да важи себѣ на шею, а какъ станетъ подрогивать, нию по суставамъ чесноковымъ хрѣномъ мазать и кто станетъ говорить: чеснокомъ де отъ тебя пахнетъ,—и не отпиратися. И тотъ чеснокъ и хрѣнъ двѣлетца, чтобы люди не знали ****).

Тожже отъ Трасовицы. Комомяное коренъе варити въ пивѣ и пити на тще сердце и она покннетъ *****).

Отъ зубной боли. Знѣю живую добыть, вынуть изъ нее желчь изъ живыя; а (буде) змѣя живая безъ желчи съ того мѣста сползла, и тою желчью мазати, и въ тотъ часъ жерви (т.-е. червя) пропадутъ; а буде змѣя съ того мѣста безъ желчи не ползеть и въ той желчи вѣтъ пособіа.

Отъ глухоты. 1) Аще человекъ оглохнетъ, возьми вороню желчь и пусти въ уши. 2) Сала свянаго, да сала курячья, да соку лукаваго укапливай въ ухо и услышитъ. 3) Возьми молока сучья и укапливай трижды въ ухо.

Отъ потери голоса. Ясти чеснокъ печешой на тще сердце, и будетъ голосъ.

Отъ шелудей. Аще человекъ шелудивъ, ящерицу сожги на пепель и мажь тѣло.

Отъ нарывовъ. Аще варишь и толчемъ, и прикладываемъ

*) Прилож. ко второй кн. Перис. Сборн.

***) Тамъ же.

****) Тамъ же.

*****) См. *Перлскій Сборникъ*. Прил. ко 2 книжкѣ. XXXII, изъ рукописной. рукоп. XVII столѣтіа.

*****) Тамъ же.

(чеснокъ) къ чирьямъ на тѣлѣ или къ инымъ болячкамъ, кои бывають безъ верху, тогда гной выводить.

Отъ ранъ. 1) Раненому кому — желчь медвѣжья съ яичное зерно, да приложити къ ранѣ, привить платомъ — ино выдетъ кровь. 2) Возьми дрожжей, да вина горѣлаго, да ладону, да набити яицъ куречьихъ и мазать раны.

Излѣчить отмороженный членъ. Гусинымъ саломъ да утѣчнымъ и растворомъ ржанымъ мазать ознобъ, (то-есть отмороженный членъ) и живеть оттого, да мозгу коневаго, да истолчи все то вмѣстѣ и приложи къ озяблой ранѣ.

Тоже отъ ранъ. Коли не можешь излѣчить, возьми молодые листы (?) сожги въ пепель, да доспѣй щелокъ да мой болячку, да присыпай,—ино заживеть.

Отъ ушиба. 1) Аще у челоуѣка изломъ, еловый пепель смѣси съ желткомъ яичнымъ, прикладывай къ излому; у кого нога гниеть, собачье ребро сожги, истолки, и приложи вверхъ раны листь попутниковый или капустный. 2) Прививать можжевельнымъ пепломъ съ яичнымъ бѣлкомъ смѣси (смѣся?) вельми добро. 3) Противъ кровной струи, помазывать дрожжами медовыми, осолн и поможеть. 5) Масло деревянное, да соль жезная—присыпать къ болячкамъ.

Отъ болъзней глазъ. 1) Егда бѣльмо на оуцѣ, терние пзъ лѣсу важещи, пепеломъ посыпай, то и лекарство. 2)... Ресница стяхнется и прыски изъ него (?) пойдутъ въ очи челоуѣку, и съ того ресницы растутъ въ очахъ и волосы кривляются, тому помогати: держать клей вишневый и размачивати въ водѣ, обмывая водой и вытирати, и въ очи пушати тотчасъ. Стекло зеленое истолки мелко, да козью желчь обое смѣшай вмѣсто (вмѣстѣ) и мажь тѣмъ—откуда волосы растутъ. 3) Бѣлаго голуба кровь суши по холоду, а не на солнцѣ и не на вѣтрѣ; истерши та кровь пушати въ очи рано. 4) Мазати мозгомъ зайчьиимъ изъ головы сырымъ. 5) Листъ смородиный, да варити въ трехъ водахъ и тѣмъ мажь очи. (*Къ приведеннымъ 2, 3, 4 и 5 статьямъ въ рукописи относится примѣтка на поляхъ: у кого въ очахъ волосы растутъ*). 6) Добыти сова, да совиною желчью мазать, и сгонять. (*Это лекарство отъ бѣлма*). Яицо куричье повертѣти, да бѣлокъ выцѣдять, желтокъ оставить въ скорлупѣ, да утерти соли самосадки, и положити въ

лицо, да обмажь его глиною, и сожги на попель, да протри ситомъ, и посыпи на бѣлю. 7) Лебязью желчь назати, масло яичное жежчи-же, да тотъ попель ишати съ преснымъ медомъ и съ масломъ деревяннымъ назати. 8) Аще у человека глаза кровавы, изсуши семя (?) сѣси съ тремя былками яичными, да затки хлопшемъ, да прикладывай къ очамъ. 9) Аще у человека прветъ, изотри сабуръ траву, да ртуть, да масло древеное со сцемъ, помажь въки, а въ очи не пушай. 10) Козьн го... девять пер... истолки, смѣшай съ медомъ, съ преснымъ, впускай въ очи, и будет(ш)ъ здоровъ. 11) Изсуши желчь коровью, изотри и сыпи въ очи. 12) Сахаръ леденчатой да женское молоко, у которое съ чужимъ не бывало, или черные коровы, пушай въ очи.

Отъ обморока. Аще у кого душа займетца напрасно, языкъ отъиетца—зажещи двѣ свѣщи вошаны, да погасити одна и подкурити подъ носъ, пременяя.

Отъ грыжи. 1) Конскій мозгъ добро отъ грыжи назати. 2) Аще у кого грыжа, и ты помажь собачьею кровью, и помажеть ему.

Отъ зуда. Возьми кропивки, да соли, да яичной желтокъ, да смѣшай вмѣсто, да мажь по три дни кудъ свербитъ.

Отъ недержанія мочи. Который человекъ часто сц..., пити кровь заячья, да мясо ясти заячье.

Отъ чахотки. Аще человекъ чахнетъ, ходячи, неживеть, ни умреть, въ ... день зарѣзати корова, да лѣсти на лохтахъ въ брюхо до горла и минеть болѣзнь *).

Поясъ, какъ средство отъ порчи. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Заговорю твое тѣло бѣлое и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче желѣза ижемецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ; и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ Окіанъ-море, а взяла ихъ щука; какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя, раба Божіа Н., не отмыкать, а кто ключи достанетъ, тотъ и отмыкнетъ. Аминь.

Отъ всѣхъ колдуновъ и отъ всѣхъ заговоровъ и всякой порчи

носить на голову тѣлѣ изъ тошкѣ сѣтки (вязаной шарфъ). И при этомъ талисманѣ не можетъ дѣйствовать никакое колдовство и никакая порча. (*Просток. Медицик. рук. ст. Пв. Костылева*). Можно видѣть изъ этого, что здѣсь дѣйствуютъ тоже узлы, какъ о томъ было сказано выше.

Составъ о юлосу Филамента, философа Афинеискаго. Взять отъ трехъ колодцевъ или отъ трехъ разныхъ источниковъ воды и на то устроить мѣсто и сосудъ, и окрестъ его поставить четыре свѣщи возженныхъ, и поверхъ сосуда положить два ножа накрестъ, и тогда лити воду въ сосудъ, да въ ту же воду положить мѣди тертыя зазвоннаго колокола. и глаголати молитвы сія трижды:

„Глазъ грома твоего освѣтища, молнія твоя вселенную подвиге, и трепетна бысть земля, въ мори путія твои и стези твои, въ водахъ многихъ и стопы твоя подвижутся, наставилъ есть овцы, и люди твоя рукою Моисеевою и Ааронею“.

И та вода пити чрезъ лебяжье горло да тою жъ водою и окатиться. По сотвореніи сего глаголати подобаетъ:

И яко потрясеніемъ поколебаться всѣмъ удоиъ человѣческимъ.

Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Пиминшей, Холмогорс. уѣз., отъ свящ. Колчина.

Утинъ прискаты. Утинъ, или спинную боль лечатъ преимущественно старухи, слѣдующимъ образомъ: Больной лежитъ ницъ черезъ порогъ, и когда онъ такъ ляжетъ, лекарка—старуха кладетъ на спину его вѣникъ (листоватикъ) и ударяетъ по немъ остриемъ топора. Послѣ каждаго удара топоромъ, больной спрашиваетъ:—что съчешь?—Утинъ съку! отвѣчаетъ лекарка.—Съки крѣпче, говоритъ больной. Это повторяется до трехъ разъ. Вѣникъ, лежащій на спинѣ больного утинномъ, выносятся ницъ на улицу и бросается на отмашку *).

При родахъ. (Арх. губ.). Къ женщинѣ, начинающей мучиться родами, призываютъ повивальную бабу. Деревенская повивальная бабушка, какъ только заходитъ въ двери къ больной, говоритъ:

„Отпирайте, отпирайте! отперли, отперли. Запрягайте, запрягайте! повъжайте, повъжайте! повъхали, повъхали! вдутъ, вдутъ!“

Это говорится для того, чтобы больная скорѣе разрѣшилась

*) Доставилъ свящ. Макаровъ изъ Шенкур. уѣзда въ труды Этногр. От. 1878 г.

отъ бремени. Послѣ этого, бабка осматриваетъ больную и начиняетъ помогать ей своими средствами.

Бабка беретъ квашню, замѣшиваетъ въ ней ржаное тѣсто и приговариваетъ: „Я тебя квашночка творю съ нечера до утра; тако бы рабицѣ Божіей (ниа рекъ) мучиться одинъ часокъ минутный“. И даетъ больной принимать это тѣсто съ ложки. Если приведенныя слова не помогаютъ, то бабка наливаетъ въ какой либо сосудъ воды и шепчетъ про себя въ воду три слова:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа: Изъ города Іерусалима идетъ Іисусъ Христъ, Мати родила Сына, Іисуса Христа, не болѣвши, не стонавши, и люди не слыжавши; такъ бы рабицѣ Божіей (ниа рекъ) родить младенца не стонавши, не болѣвши и люди не слыжавши. И даетъ эту воду пить больной. Не помогаютъ и эти слова, также въ воду говорятъ другія:

„Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стану я, рабица Божіа (ниа рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чисто поле за дверями, въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ Окіанъ-море, на Окіанъ-мори лежитъ бѣлъ камень, на бѣлому камню лежитъ гробъ Господень, у того гроба Господняго стоитъ Богородица съ четырьмя евангелистами: Іоаннъ и Лука, Матвѣй и Маркъ и вся силы небесныя, и отстрѣляйте отъ р. Б. Н уроки и прикосы, и откуда пришли и туде подите и отъ царя и отъ царицы, и отъ попа и отъ попады, и отъ мужика до женки, и отъ парня, и отъ дѣвки простоволоски, о черноволоски и русоволоски, и красноволоски, и отъ двоеглазаго, и отъ одногоглазаго, и отъ слѣпаго, и отъ своей лихой думы и мысли, и отъ чужой думы и мысли, и рабъ Божій, которыхъ словъ не доумѣю и тѣ слова въ число, которыя слова не лишія и не велишнія, и тѣ слова не уменьшаютъ, и тѣ слова ключъ и замокъ отъ земли и до неба, отъ нынѣ и до вѣка, и вѣкъ по вѣку. аминь. за аминемъ аминь“.

Приговорить на звѣря, въ мырку, по правому боку провести хвойной три раза и проговорить: Слава Богу, добрымъ людямъ на похвалбу, а завистливымъ на завидость. (*Рук. достов. крест. Леоктѣевымъ*).

Средство къ размноженію пчелъ. Когда ударять къ утруни

на великъ день, быть на колокольнѣ и послѣ перваго удара отломить кусокъ мѣди отъ колокола. Этотъ кусокъ мѣди приносить на пасѣку и кладутъ въ передовой улей *).

Тоже. Чтобы пчелы не отлетали и чужія не воровали. Варятъ дурманъ съ тысячелистникомъ, обрызгиваютъ плетень, деревья, строенія съ цѣлю истребить сосѣднихъ пчелъ и отучить своихъ отъ полета, на чужой дворъ **).

Усыплять чужихъ пчелъ. Знахари собираютъ маковыя головки, и варятъ ихъ въ козьемъ молокѣ. Молоко, всосанное залетною пчелою можетъ приучать чужихъ пчелъ къ переселенію.

Сояшница—*врачеваніе отъ брюшныхъ болѣзней.* Знахарь требуетъ миску, въ которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водой ставятъ больной на животъ; пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька, онъ обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная отъ того остается обожженою въ нѣсколькихъ мѣстахъ; раны полученные на тѣлѣ, приписываютъ знахари тому, что чрезъ обожженное этимъ мѣсто, выходитъ болѣзнь, которая тутъ находилась. Пеньку послѣ того кладетъ знахарь въ кружку, а кружку ставятъ въ мяску. Въ это время начинаются наговоры, между тѣмъ, какъ больная вопить отъ болѣзни, а окружающіе считаютъ вопль страдальцы удавленіемъ нечистой силы изъ больной. Прочтя наговоры, знахарь даетъ пить эту воду и удаляется ***).

Лѣкарство отъ стени. (Изнурительная сухотка дѣтей, дѣтская дряхлость, Atrophia infantum). Для этого больное дитя несутъ въ лѣсъ, ищутъ раздвоеннаго дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на двое или на трое сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимаютъ его, и ходятъ трижды девять вокругъ дерева. Послѣ того приносятъ домой, купаютъ въ водѣ собранной изъ девяти рѣкъ, или колодець, обсыпаютъ золою, собранною изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ этого засыпаетъ, то это вѣрный при-

*) Сах. Бытъ Р. Н. Томъ I.

***) Тамъ-же.

***) Сахаровъ. Бытъ Русск. Нар. Т. I.

накъ исцѣленія, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ, или испускаетъ дыханіе при обливаніи холодною водою.

Съ глазу. Берутъ воды непитой, неотвѣданной никѣмъ, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ четверговой соли, все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плюютъ три раза въ сторону. Послѣ сего нечаянно сбрызгиваютъ больного три раза, даютъ три раза хлебнуть, вытираютъ грудь противъ сердца, заставляютъ рубашкою обтирать лицо, а остальную воду выливаютъ подъ притолоку. Некоторые къ этому составу прибавляютъ клочекъ моху, вынутый изъ угла, другіе читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается лѣченіе съ глазу.

Хлѣбная завязка. Хлѣбная завязка, почитается грозящимъ бѣдствіемъ хозяину той поляны, гдѣ она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это сдѣлано злыми людьми на сокрушеніе всего семейства и родни.

Для отвращенія бѣдствія отъ хлѣбной завязки, знахари велѣтъ хозяевамъ полей брать изъ хлѣба то мѣсто, гдѣ почиваютъ свиньи, положить въ телѣгу, запречь невъзманную лошадь и скакать къ полю во весь скокъ.

Если поклажа упадетъ съ телѣги, то это недобрый признакъ. Пріѣхавши въ поле, надобно накрыть хлѣбную завязку этою поклажею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбытъ будущаго хлѣба. Потомъ должно вхаты не оглядываясь назадъ, иначе нечистая сила свернетъ на сторону голову. Послѣ этого запрягаютъ вѣжалую лошадь, кладутъ лошадиный навозъ и вѣдутъ къ полю. Такою поклажею обсыпаютъ кругомъ всю повязку.

Зубы лѣчить. Къ числу средствъ въ народѣ существуетъ обычай лѣченія пальцемъ. При этомъ палецъ обмачиваютъ наркотическими ядами и трутъ больной зубъ, или ловятъ крота, умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ, безъ всякаго орудія, приговаривая при этомъ слѣдующій наговоръ: „Кротикъ ты, кротикъ! И пальцемъ своимъ изъ тебя всю кровь испускаю, а изъ больные зубы излечю“, при чемъ держатъ этотъ палецъ на больномъ зубѣ. Послѣ чего полощутъ утромъ и вечеромъ кислымъ уксусомъ.

Куриная слепота. Болѣзнь, поражающая поселянъ, работающихъ передъ огнемъ или на солнцѣ. Названа эта ночная слѣпота „куриною“ будто бы отъ того, что ее напускаютъ злые люди, что она соскабливается ножемъ, которымъ зарѣзываютъ старыхъ курецъ и что эту слѣпоту злодѣи пускаютъ по вѣтру, кому хотять отомстить. Такое заблужденіе легко объяснить. Органическо-динамическія вліянія природы, непонятныя простолюдинамъ, производятъ *ночную слѣпоту* — *Nemera lopiata* — названной „Куриною“. Люди, страдающіе куриною слѣпотою, по совѣту знахарей, выходятъ въ давку, нагибаются надъ дегтарною кадушкою, и при этомъ говорятъ слѣдующій наговоръ:

„Деготь! деготь! возьми отъ меня куриною слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазюшки“.

Народъ думаетъ, какъ говоритъ г. Сахаровъ, что деготь приходится съ родни куриной слѣпоты, и только изъ жалости беретъ къ себѣ бродягу — слѣпоту подъ свое попеченіе. После сего, больной долженъ идти на перекрестокъ, свѣсть на дорогу и вскаты что нибудь. Если его кто нибудь изъ проходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: „Что найду, то тебѣ отдамъ“, потомъ утираетъ рукою глаза и махаетъ на проходящаго. Отъ исполненія этого обряда, исчезаетъ Куриная слѣпота.

Морозъ. Въ деревняхъ думаютъ, что неурожай льна, овса и конопли происходятъ отъ мороза; морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣрьемъ:

Старина наша сохранила понятіе о баснословномъ происхожденіи мороза отъ злыхъ духовъ. Зимой, когда установятся сильные морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житіе. Въ это время они налетаютъ на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ, и дуютъ себя въ кулакъ. Отъ такой прогулки морозъ сдавливаетъ свѣгомъ жито, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ и отъ подутія въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелю, или иней садится на дерево. Для отвращенія сего зла, знахари выдумали проклятіе на морозъ съ совершеніемъ обряда.

Подъ великъ день, поселяне, наученные знахарями, приступаютъ къ заклятію мороза. Старикъ семейства беретъ ложку

овсяного киселя, влѣзаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голону въ волоковое окно, и такъ говоритъ: „Морозъ! Морозъ! приходи кисель вѣсть. Морозъ! Морозъ! не бей нашъ овесъ, лещъ да канапи, въ землю вколоти“. Окончивъ эти слова, онъ оборачивается въ избу и старшая изъ женщинъ въ домѣ, оканчиваетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слѣзаетъ съ печи. Старушки увѣряютъ, что проклатіе, высказанное старикомъ на лещъ и конопля, запираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же удовольствованный киселемъ, не убиваетъ ни льна, ни конопля, ни овса.

НАРОДНЫЙ ЦВѢТНИКЪ.

Въ народѣ и до сихъ поръ существуетъ убѣжденіе въ волшебномъ свойствѣ растений. Нѣкоторые изъ нихъ существуютъ въ народѣ, а не въ ботаникѣ.

Волшебныя горохъ *). Возьмите и убейте весною змью, разрѣжьте ей брюхо, и положивъ въ брюхо три горошины, заройте въ землю. Когда выростетъ цвѣтъ, то сорвите его въ полночь или въ полдень, закатайте его, будучи въ чистотѣ сами, въ воскъ и положите въ ротъ; то вы можете узнавать, что у каждаго человѣка на умѣ.

Калина считается полезною относительно своего сока, которымъ нужно примачивать раны на тѣлѣ.

Папоротникъ, папороть, кочедыжникъ. Папоротникъ принадлежитъ къ тайнобрачнымъ растеніямъ, и потому къ тѣмъ, которыя не носятъ цвѣта. Между тѣмъ баснословное преданіе приписываетъ ему цвѣтокъ серебристаго вида, чрезвычайно блестящій, напоминающій собою огонекъ. Цвѣтеніе продолжается въ полночь не болѣе часа.

Этотъ цвѣтъ, по народному вѣрованію, очень полезенъ тѣмъ, кто желаетъ быть умнымъ и богатымъ; разувѣтса, какъ ни быть ему богатымъ и мудрымъ, кто можетъ ухитриться до того, чтобы сорвать цвѣтокъ съ такого растенія, на которомъ никогда его не бываетъ. Проще всего что это свѣтлякъ, то есть червякъ, издающій въ ночную пору фосфорическій свѣтъ.

*) Изъ Русск. Авт. Томъ IV. 1862 г

Взявшій, то есть сорвавшій этотъ цвѣтокъ, долженъ бѣжать домой не оглядываясь, несмотря на преслѣдованіе его чертами, которые непременно будутъ бѣжать и кричать ему, чтобы онъ воротился. И вообще страшатъ страшнымъ образомъ. Обернувшійся погибаетъ задушеннымъ или станетъ безумнымъ.

Поступаютъ такъ: въ Ивановъ день, достигнувъ куста папоротника (папороти) или Иванова цвѣтка, собиратель долженъ вокругъ куста на землю подослать бѣлой бумаги или холста, очертить вокругъ себя лучиной обгорѣлой кругъ и наблюдать предварительно сказавъ: Талантъ Божій, судъ Твой, и потомъ затѣвъ прочитавъ: „Да воскреснетъ Богъ“. Цвѣтокъ этотъ употребляется также: для отысканія кладовъ, предъ такимъ цвѣткомъ открываются клады безъ препятствія, дѣлаться невидимкою, имѣть власть надъ чертами.

Плакунъ трава. Трава Плакунъ пользуется во всѣхъ деревняхъ и селахъ уваженіемъ и страхомъ. Чародѣи создали объ ней особенный мнѣзъ противный религіи и обставили обрядами достойной сожалѣнія.

Чародѣи собираютъ Плакунъ траву въ Ивановъ день, утреннею зарею безъ всякихъ желѣзныхъ орудій, выкапываютъ ея корень. Простолудины полагаютъ, что это растеніе обладаетъ удивительною силою: приводить въ страхъ нечистыхъ духовъ, смирять ихъ и приводить въ покорность. Этою силою обладаютъ только корень и цвѣты. Знахари употребляютъ корень Плакуна для изгнанія доновыхъ, вѣдьмъ и нечистой силы, стерегущей клады *). Этой травѣ приписываютъ, что она заставляла плакать нечистыхъ духовъ, отъ чего и получила названіе. Когда будешь при себѣ имѣть сію траву, то всѣ непріязненные духи ей покоряются. Она одна въ состояніи выгнать двдущекъ доновыхъ, кикиморъ и прочихъ, и открытъ приступъ къ закланію кладу, который стерегутъ нечистые духи **).

Съ горестію упоминаемъ о суевѣрїи нашихъ поселянъ надъ этою травою. Можетъ быть наши слова дойдутъ до тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ хоть нѣкоторое вліяніе на массу народа,

*) Сахаровъ. Сказ. Русскаго Народа. Т. I. Черноземіе.

***) См. Абвега. Русск. Суевѣрїй.

известнаго или подвѣдомственнаго кружка, или области. Наши суевѣры до того простерли свою дерзость, что раскрытіе ихъ проказъ невольно приводитъ въ негодованіе. Выкопавши траву Плакунъ съ корнемъ, вылются въ церковь, стараются съ сею травою стоять въ алтарь, держа въ рукѣ корень, обращенный на востокъ. Въ это время производятъ заговоръ:

„Плакунъ, Плакунъ! Плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало, не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кievскимъ. А не дадутъ тебѣ покориться, утопи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорща. замкни въ ямы пренсподнія; будь мои слова при тебѣ крѣпко и твердо. Вѣкъ вѣковъ!“

Для нихъ бываетъ недовольно сихъ вздорныхъ словъ; они издумали еще однимъ образомъ придать особенную силу этой травѣ, о которой невозможно и упоминать. По словамъ г. Сахарова, эти заклинанія и самое понятіе о травѣ Плакунъ польскаго происхожденія и внесено въ наши народные цвѣтники во времена самозванцевъ.

Трава колюка. Трава *Колюка* собирается чародѣями въ Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится въ коровьихъ пузыряхъ и раздается по особенному расположенію птичьимъ охотникамъ. Поселане думаютъ, что ружье окуренное этою травою, мѣтко стрѣляетъ, и что ни одна птица не ускользнетъ отъ его выстрѣла и, что такое ружье нельзя заговорять кудеснику никакимъ заговоромъ *).

Адамова голова. Трава, Адамова голова находится въ большомъ уваженіи у поселанъ. Чародѣи, какъ и папоротникъ, собираютъ ее въ Ивановъ день, и хранятъ скрытно до великаго четверга. По народному понятію, чародѣйская сила Адамовой головы простирается только на дикихъ утокъ. Охотники получившіе эту траву изъ рукъ запаснаго чародѣя, окуриваютъ всѣ снаряды, употребляемые ими при ловлѣ утокъ, въ великій четвергъ **), не иначе.

Впрочемъ говорятъ также, что тотъ, кто нмѣетъ этотъ ко-

*) См. Сахарова. 1) Бытъ Русс.-Нар. 2) Абенера русс. суевѣрій.

**) По Сахарову. Бытъ Русс.-Нар. Черноземіе. См. Абенера русс. суевѣрій стр. 3.

рень, вездѣ бываетъ главою, душою общества, и будетъ рас-
споражаться прочими *).

Красное коренье. Накопай крапивнаго коренья, изсуши, истолки, просѣй ситою, натирай лицо, руки и ноги — и не озабнеть **).

Трава козлецъ. Возьми дрова и наклади жару въ избѣ, и на тотъ жаръ положи козлецу травы снопъ и запечатай, вно съ того духу помрутъ клопы ***).

Корень свеклы. Свари корня свеклы въ водѣ и тою водою поливай стѣны. Аще хочешь изморити, истопи избу ясневыми дровами, да виси въ печь конопляныхъ головницъ, какъ поспѣють.

Трава Галганъ. Трава Галганъ тепла, суха и пригодна, имѣетъ въ себѣ много силъ: хочешь кровь пускати, возьми Галганъ въ ротъ свой, своей силою выгнываетъ. А кто его ввечери порану вѣлъ, и съ виномъ земскимъ держалъ, тотъ отъ женокъ испорченъ не будетъ. Аще у кого языкъ болитъ, порошокъ тое же травы мажь. Аще которая рана вельми гниетъ, того же пороху смѣшай съ медомъ, преснымъ, приложить на рану и уздравливаетъ, и сушитъ ****).

О чеснокъ. Отъ духа чесноковаго бѣгаетъ всякъ гадъ, которой ядовитой. Кто такъ грызетъ, вельми вредительно есть очамъ. А кто приѣмлетъ по разсужденію, того да глисты и змѣи и жабы изнутри выгнываетъ. Чеснокъ въ маслѣ изжженъ двѣяннымъ и тѣмъ пользуется елеемъ по укушенію ядовитаго звѣря, гдѣ на тѣлѣ не будь *****).

Составы пластырей. 1) *Спускъ малгану живучему.* Масло коровья два жеребья, ветчины сала жеребей, свры пихтовыя жеребей, меду преснаго жеребей—спусти вмѣсто въ горшкѣ, на огнѣ растопить, да процѣдить сквозь платъ. 2) *О малганъ иноучемъ.* а) Сала ветчиннаго два жеребья, смолы жеребей, муки ржаные положить немного, и согрѣти на огнѣ въ гор-

*) См. Тавистъ. Чары. Стр. 117.

**) См. прилож. къ 2 книж. Перис. Сбор.

***) Тоже.

****) См. прилож. къ Перис. Сбор. 1860 г.

*****) Тоже.

шечкѣ все выѣсто. 6) Воску краснаго жеребѣй, сала ветчиннаго жеребѣй, смолы противъ всего того положить и стопить все выѣсто. 3) *Смускѣ зелью щелотлому.* Масла коровья сунтъ, квашеннаго сала, или коровья топленнаго осмой жеребѣй сунта, сала ворваньа 10 золотниковъ, да коневаго калу сѣваго жечи къ черепу на огнѣ въ бѣлый пепель,—положить четверть малой гривенки, да бити въ ставу на дню гораздо какъ сѣтана густа и въ теплѣ не держать *).

Противъ алъшности. Аще у кого на головѣ волосъ вѣтъ, возми коневью брюшину и сожги въ пепель, да истолокши простѣй мелко, столкши съ деревяннымъ масломъ, и мажь голову гораздо, да уважи платомъ, — ино у человека волосы наростутъ **).

Тоже. Коневій калъ, да козевій калъ истолки съ деревяннымъ масломъ, мажь голову гораздо, обважи платомъ, въ три дня волосы вырастутъ (?).

Отъ рябинѣ на лыцѣ. Мазать саломъ волчьимъ, ино сгонитъ, у кого—видѣніе (лицо) рябо и угриловато.

Тоже. Колосъ (а?) пшеничной (аго?) цвѣтъ утри мелко и смѣшай съ бѣлокъ яичной, доспѣй, какъ масть, (то-есть мазь) и мажь—видѣніе рябе будетъ гладко.

Тоже. Возми мозгъ оленой изъ голоей, мажь видѣнію. Платъ новый избери и тѣмъ платомъ росу сними со пшеничнаго колоса и той росой мой видѣніе рябое и угриловатое. Дрожжи медвяныя мазати.

Черныіе волосъ. Варити въ маслѣ орѣшки черпильные и приложити (?) и развести въ теплой водѣ жаденько, вшедъ въ баню не подать пару, вымыти борода на чисто высушити и вытирать да пытать то зелье въ бороду и въ платъ, да посѣдѣть (то-есть посинѣть) чтобъ не выпустити, да пытать рукою не чернитъ ли руки, въ тѣ волосы вошли (вошло?) ли да вымой водою ***).

Трава Прикрышъ. Трава Прикрышъ собирается чародвиамъ отъ 15 августа до 1 октября. Люди свѣдующіе въ чарованіи

*) См. прил. Перм. Сбор. 1860 г.

**) Тоже.

***) Приб. къ 2 в. Пермс. Сборника за 1860 г. стр. XXXVI.

употребляютъ эту траву противъ свадебныхъ наговоровъ. Когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ жениховъ домъ, тогда знахарь забѣгаетъ впередъ и кладетъ траву Прикрышь подь порогъ. Невѣста, предупрежденная впередъ родными о дѣйствіи знахаря, при входѣ въ домъ должна перепрыгивать чрезъ порогъ, если же она наступитъ на эту траву, тогда всѣ эти наговоры обрушиваются надъ невѣстинуо головою; въ противномъ же случаѣ жестокое ихъ дѣйствіе обнаруживается надъ людьми, желавшими несчастія новобрачной четѣ *).

Одоленъ трава. Корень этого растенія держать въ домѣ очень хорошо; по мнѣнію простонародья, кто имѣетъ его въ домѣ, въ силахъ преодолѣть разныя препятствія; съ нимъ можно ходить по разнымъ судебнымъ учрежденіямъ, чтобы выиграть тяжбу, съ нимъ можно побѣдить сердце молодой дѣвушки. Хорошо съ него поить коровъ во время теленія.

Сонъ-трава. Эта трава собирается чародѣями въ маѣ мѣсяцѣ при желто-голубомъ цвѣтеніи, съ разными обрядами и наговорами. Поселяне полагаютъ, что она обладаетъ пророческою силою—предсказывать людямъ во время сна, добро и зло. Собранныя чародѣемъ съ утреннею росою, опущенная въ холодную воду, она вынимается при полнолуніи и начинаетъ шевелиться. Въ это время поселянки кладутъ Сонъ траву подь подушку и засыпаютъ со страхомъ и надеждою.

Трава Тирличъ. Трава Тирличъ собирается подь Ивановъ день на Лисой горѣ, близъ Дявпра, подь Кіевомъ. Поселяне думаютъ, что эта трава обладаетъ возможностью превращенія и достается въ удѣлъ однимъ вѣдьмамъ. Изъ Тирлича, выжимается сокъ, которымъ вытираютъ оборотни свои подмышки, при совершеніи чаръ. Вѣдьмы, духи-оборотни проникательные, зная свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и чародѣи дорожатъ Тирличемъ, какъ сокровищемъ.

Петровъ крестъ. Корень этого растенія обыкновенно прикидается суевѣрами за сильное средство для одолѣнія демонской вражьей силы. Если кто несчастливо или неудачно живетъ, то совѣтуютъ этотъ корень носить на крестѣ закатан-

*) Сахаровъ. Сказ. Русс. Народа. Т. I. 1841 г. Ст. Червокишиѣ, стр. 42.

нимъ въ видѣ порошка съ воскомъ, отъ свѣчей стоявшихъ во время молебна предъ Спасителемъ и Богоматерью.

Разрывъ трава, иначе *прыжки*, *скакула*. Это растеніе столь рѣдко, что люди только посвященные въ таинство чернокнижія, могутъ находить его. Поселамъ думаютъ, что тотъ, кто знаетъ цвѣтъ Кочедыжника, то есть папоротника, у кого есть корень Плакуна, то всегда можно поздравить съ обладаніемъ этой драгоценной травы.

Чародѣи приписываютъ этой травѣ, разныя свойства: разрывать и разрушать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь, на мелкіе клочки. Въ народныхъ преданіяхъ доселѣ есть повѣріе о кладахъ, скрываемихъ по разнымъ мѣстамъ. Въ старину, говорятъ старики, разбойники зарывали награбленное имущество на известное число лѣтъ, запирали желѣзными ключами, а ключи бросали въ воду. Сила человеческая недостаточна бываетъ для разрушенія дверей и замковъ; потому, что нечистая сила, которой поручено стеречь кладъ, защищаетъ его своею спинною. Кладопателѣ издерживаютъ большія деньги для полученія Разрывъ травы *).

Эта таинственная и баснословная трава, достается человѣку слѣдующимъ образомъ: Отыскиваютъ гнѣздо черепахи, и выжидаютъ времени, когда черепаха, оставивъ гнѣздо съ яичами, уйдетъ изъ него. Тотчасъ же не медля, гнѣздо огораживаютъ желѣзными гвоздями, вколотивъ ихъ въ землю и устроивъ такой тынъ, удаляются, чтобы черепаха не могла видѣть непріятеля. Въ известное время черепаха подползаетъ къ гнѣзду и видитъ, что при всѣхъ ея усиліяхъ она не можетъ взойти въ свое гнѣздо, тогда она удаляется на некоторое время и затѣмъ возвращается обратно къ гнѣзду, съ травою во рту, отъ прикосновенія съ которой каждый гвоздь вылетаетъ. Тогда наблюдатель подходитъ уже смѣло къ гнѣзду, беретъ траву и врѣзываетъ ее въ ладонь лѣвой руки, а не правой, иначе тогда ему нельзя будетъ держать въ правой рукѣ оружіе. На основаніи свойства этой травы, тѣ арестанты не могутъ быть заключены въ темницу, которые имѣютъ эту траву, и освобождаются.

*) Слхар. Сказ. Русс. Народа. Томъ I. Черводнишнѣ

Трава Не чуй-вѣтеръ. Эта трава, по сказанію чародвѣвъ, растеть зимою по берегамъ и озерамъ. Простолудяны думаютъ, что тотъ, кто обладаетъ этою травою, всегда можетъ: Остановить вѣтеръ на водѣ, избавить себя и судно отъ утопленія, наконецъ ловить рыбу безъ неводовъ. День для собиранія травы Не чуй вѣтеръ назначается у поселанъ 1-го января, подъ Васильевъ вечеръ, въ глухую полночь. Они думаютъ, что въ это время нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ, и рѣкамъ, бросаетъ траву Не чуй-вѣтеръ для уничтоженія бури. При всемъ томъ люди зрячіе не могутъ находить это растеніе; одни только слѣпые отъ рожденія чувствуютъ присутствіе его. Когда они, наступаютъ на эту траву, тогда ихъ слѣпые глаза кто-то колетъ иглами. Если они умѣютъ поднять и схватить ихъ не руками, а ртомъ, тогда они обладаютъ ея силою.

Разсматривая возможность полученія этой травы, однимъ только слѣпыми, мы смѣло можемъ сказать, что изобрѣтателя этого чарованія суть слѣпцы, бродящіе по деревнямъ, кочующіе всю жизнь насчетъ ближняго. Довѣренность къ словамъ слѣпыхъ людей, и жалкое состояніе привлекли на ихъ сторону сердца простодушныхъ поселанъ. Вотъ гдѣ возникло вѣрованіе въ траву, Не чуй-вѣтеръ, принимаемое всѣми поселянами.

Девясилъ (*epula comrapea*). Если это растеніе сорвать наканунѣ Иванова дня, до восхода солнца, высушить эту траву и истолочь и смѣшать съ роснымъ ладономъ, то послѣ нужно сдѣлать ладонку, носить не снимая на тѣлѣ девять дней, а потомъ зашить въ платье любимой особѣ, чтобы это было ей не вдомекъ. По увѣренію крестьянъ и другихъ простолюдиновъ, дѣйствіе девяссла отъ того велико, что онъ заключаетъ въ себя девять силъ.

Подсолмечникъ. Это извѣстное всѣмъ растеніе, будучи сорвано въ августъ и завернуто вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, по народному преданію, должно носить при себѣ на поляхъ; вѣрять, что онъ сохраняетъ къ носившему общее доброе расположеніе и избавляетъ отъ воровъ.

Спорынья, ржаные маточные рожки (*Secal cornit*). Наши крестьяне, пользуясь названіемъ, встрѣчаютъ на колосьяхъ

ржи появляющіеся обыкновенно во время сырого лѣта черные наросты въ видѣ рожковъ. Эти зернышки крестьяне вообще для спорыши, въ припекъ запекаютъ въ хлѣбъ. между тѣмъ, какъ это самый сильный ядъ, отъ котораго можно умереть или наконецъ приобрести самые сильные припадки сопровождаемые корчами, нервнымъ разстройствомъ, криками, стономъ, тоскою, и даже онемѣніемъ въ некоторыхъ частяхъ тѣла. Эта болѣзнь называется раванія, или *гала корча*. Поэтому, въ такихъ случаяхъ, мужике всего остерегаться рожковъ и тщательно отдѣляя ихъ, зарывать въ землю, чтобы кому нибудь не попало по вѣтру въ ротъ.

Трава Песія лыжъ. Говорятъ, что эта трава, положенная съ сердцемъ лагушки привлекаетъ къ этому мѣсту окрестныхъ собакъ, а носная подъ пальцемъ ноги, будто бы избавляетъ отъ нападенія собакъ, а повѣшенная на шею собакъ заставляетъ ее вертѣться до смерти. Этой травѣ приписываютъ такое свойство, что если ее положить по всему угламъ того помѣщенія, гдѣ находятся мыши, то все они разбѣгутся.

Кильная трава. Такая трава известна въ Костромской, Вологодской губерніяхъ; а можетъ быть и въ другихъ сѣверныхъ лѣсныхъ сторонахъ Россіи, которая избавляетъ отъ зоба или отъ килы. Для этой цѣли накалываютъ кирпичи до красна, кладутъ эту траву на кирпичи и предлагаютъ больному держать лицо надъ дымомъ или парами, исходящими отъ накалывающейся травы, и прикрываютъ этого больного сверху наглухо и такъ, чтобы пары эти, какъ можно болѣе поглощались ртомъ *).

Трава Желъзякъ. Говорятъ, будто порошокъ этой травы брошенный между разговаривающими, производитъ ссору.

Сѣмена розановъ. Сѣмена розановъ повѣшенная съ сѣнами горчицы и съ ногою ласки, будто бы лишаетъ плодовое дерево его плодовъ.

Чернобыльникъ. Въ первыхъ числахъ сентября, или въ концѣ августа, нужно нарвать чернобыльника и зашить въ шкуру

*) Слышано М. Евстигнѣвичемъ отъ мельника, въ мѣстн. г. Лугинина. Въ Костр. губ. Вотаужск. уѣздѣ.

молодаго зайца, которую, если носить въ видѣ подвязки, то говорятъ, что человекъ пріобрѣтетъ такую ловкость на бѣгу, что можетъ бѣжать скорѣе лучшей лошади.

Бузина. Бузиной трости приписываютъ волшебное свойство оберегать и защищать путника отъ опасныхъ звѣрей и злыхъ людей, для сего совѣтуютъ поступать такъ:

Наканунѣ праздника „всѣхъ святыхъ“ срѣзать бузиновую трость желаемыхъ размѣровъ, и съ нижняго конца выдолбить мягкую сердцевину и въ эту пустоту положить волчьи глаза, языки отъ трехъ зеленыхъ ящерицъ, сердце собаки и три ласточкины сердца, все это превращенное въ порошокъ должно положить въ сказанную пустоту. Къ этому порошку нужно прибавить порошка желѣзнака и прикрыть желѣзнымъ набадашникомъ.

Ятрышникъ. Кукушкины слезы. По народному преданію ятрышнику приписываютъ свойство дѣлать бѣгъ лошади быстрымъ и неутомимымъ; для этого къ овсу нужно примѣшивать горсть Ятрышника, изрѣзаннаго въ мелкіе кусочки и предъ тѣмъ временемъ, какъ ей нужно бѣжать, смазать брюхо и на ноги оленьимъ жиромъ, а на шею привѣсить два волчьихъ зуба *).

Крапива. Крапива, по народному преданію, одарена своимъ опредѣлять или лучше угадывать, будетъ ли больной жить или умереть? Для этого, только что въ отлитую больнымъ мочу, положить нѣсколько свѣжей крапивы, и дать въ мочѣ крапивѣ локнуть. Если, по истеченіи сутокъ, крапива высохнетъ, сожмется и потеряетъ цвѣтъ, то больной умереть. Когда же крапива останется зеленою, и какъ бы свѣжею, то больной выздоровѣетъ.

Крапива также употребляется въ простонародіи отъ ломотнаго ревматизма, простуды... Для этой цѣли крапиву вяжутъ въ вѣнки и нажимаютъ, (сѣкутъ, нахлестываютъ) больное мѣсто. Для этого употребляютъ всегда свѣжую крапиву только что сорванную **).

Петунія. (Петунья). Это извѣстное садовое растеніе. Ему

*) См. Таниств. Чары.

**) Тутъ дѣйствуютъ эфирное масло и муравьиная кислота.

приписываютъ свойство сохранять отъ опьянѣнія, что очень важно было бы для людей, много употребляющихъ свиртыя напитки. Говорятъ, что для этой цѣли стоило только предъ отправленіемъ на балъ, или на званый обѣдъ, на ширושку, принять двѣ ложки порошка этой травы и запитъ ложкою оливковаго масла.

Трава Чистотѣль. По народному пошатію, если эту траву носить кому нибудь при себѣ, тотъ человекъ будетъ всегда жить со всѣми въ мирѣ и правымъ на судѣ.

Ноготки. Ноготкамъ придается такое же значенію, какъ и Чистотѣлю; арагонскій король Іоаннъ совѣтуетъ присоединить къ этому волчій зубъ и, завернувъ въ лавровые листы и въ матерію изъ голубаго шелка, носить при себѣ.

Любовныя яблоки. Это такія яблоки, чрезъ которыя можно снискать вниманіе и любовь желанной особы. Дѣлается это очень просто: стоитъ только разрѣзать яблоко пополамъ, въ средину его положить записку съ именемъ любимой особы и выложить на солнопеку. Будто бы по итрѣ того, какъ яблоко будетъ сохнуть, будетъ страдать и любимая особа.

Трава Блекота. Этой травѣ приписываютъ такія могущественныя свойства, что кто держитъ ее въ рукъ, то не боится никакой опасности. Она же можетъ, будучи брошена въ воду, привлечь рыбу и дѣлаетъ ихъ ручными.

Дурманъ. (Datura). Растеніе это произрастающее близъ мѣстъ, куда сваливаютъ всякую нечистоту, или гдѣ есть много труповъ, содержитъ въ зернахъ своихъ одуряющій (наркотическій) ядъ. Такъ, какъ онъ дѣйствуетъ на мозгъ и глаза, съ расширеніемъ зрачковъ на послѣднихъ; на мозгъ же дѣйствуетъ такъ, что притупляетъ его постоянную разумную дѣятельность и развиваетъ ложное воображеніе до того, что производитъ разныя видѣнія, это и побудило, какъ средневѣковыхъ алхимиковъ на западѣ, такъ и нашихъ знахарей и чародѣевъ употреблять его, какъ средство для исповнѣнія какихъ либо хитрыхъ замысловъ; а мошенники нашего времени употребляютъ его, какъ средство легко и скоро обобрать простака. Нѣкоторые вѣтренныя жены употребляли это средство, чтобы усыпить бдительность мужей. Послѣ приѣма этого дурмана, свѣтъ дѣлается утомительнымъ, и они ясно видятъ въ темнотѣ, при-

ченъ всѣ предметы увеличиваются въ своихъ размѣрахъ. Химически можно извлечь ядъ *датурия* *).

Сонная одурь, белладонна. (Atropa belladonna). Ягода этого растенія, черная и блестящая, много похожа на вишню, отчего въ деревняхъ дѣти часто наѣдаются плодами этого наркотическаго растенія, считая ихъ лакомыми ягодами. Вкусъ корня и листьевъ белладонны остры и горьковаты. Она, какъ и дурманъ, производитъ, смотря по темпераменту, веселый и пріятный бредъ. Оказывается при большихъ приемахъ — спячка и слабость членовъ. Всѣ предметы также кажутся увеличивающимися, сообразно настоящаго размѣра, такъ напримѣръ: лужа кажется — озеромъ, соломинка — бревномъ; если капля бѣлены или дурмана будетъ пущена въ глазъ, тѣ же явленія для глазъ. Изъ дурмана получается сильный ядъ *атропина* **).

Мухоморъ. Мухоморъ по своимъ дѣйствіямъ ядовитъ, какъ сильное наркотическое средство, которымъ, впрочемъ, не брезгаютъ инородцы; мухоморомъ, или настоємъ изъ мухомора, протравляютъ буагу и употребляютъ для окармливанія мухъ. Въ восточной Сибири употребляется инородцами, для настанванія вонокъ, который производитъ въ большихъ приемахъ смерть, но въ малыхъ — дѣлаетъ человека веселымъ, или грустнымъ, смотря по темпераменту.

Бѣленое масло. Бѣленое масло употребляется снаружи, какъ болеутолятельное средство. Но однако пужно масло держать все-таки закупореннымъ, чтобы оно не выдѣляло удушливый газъ своего эфирнаго масла. Говорятъ, что оно, разнося по воздуху эфирныя начала, причиняетъ какое-то раздраженіе въ организмѣ, отчего онъ ищетъ причины къ ссорѣ; особенно это происходитъ въ теплой комнатѣ, или еще хуже, если будетъ сохраняемо въ печи, и этимъ масломъ будетъ мазать больной свои больныя части. Говорятъ даже, что отъ натиранія этимъ масломъ, этотъ человекъ во снѣ летаетъ по воздуху.

Тминное и анисовое масла. Въ Англии нашли, что запахъ этихъ маселъ очень нравится подпольнымъ обитателямъ, какъ-то: мышамъ, крысамъ и хорькамъ. Эти средства даже стали

*) Сообщено Евстигьевымъ.

***) Тамъ же.

употреблять для принаики этакого рода животныхъ, съ цѣлью уничтоженія.

Общее заключеніе.

Если мы доставили мало матеріаловъ, для своего цвѣтника, то извинаяся тѣмъ, что разрывъ нашего сборника по своей разнообразности не допускаютъ развитія, въ излишкахъ одной части предъ другой. Мы очень хорошо понимаемъ, что русская народная поэзія полна вымысловъ, въ которой зачастую затушована святая истина, до которой можно добраться только путемъ науки, и тогда легко разъяснить все, что понадобится; но, къ сожалѣнію, свѣдѣній весьма мало и они далеко не разысканы, а между тѣмъ было бы весьма не дурно для полноты изученія нашего народнаго быта, какъ пособника исторіи, развить этими путями такіа дорогія свѣденія, какъ наша народная медицина и народная ботаника обогащенная самыми чудесными врачеваніями и волхованіями, и когда только ихъ силы и дѣйствія были бы хоть сколько нибудь изслѣдованы, то можетъ быть многое оказало бы вещественную пользу.

К Л А Д Ы.

Кладомъ называется сокровище, зарытое въ землѣ. Встарь, какъ извѣстно, некуда было прятать или отдавать подъ вѣрное обезпеченіе сокровища, во время отъезда, или изъ опасности грабежа со стороны непріятеля, или бродягъ, разбойниковъ, скитавшихся по Россіи шайками. И богатства полученные изъ земли ввѣряли ей же подъ сохраненіе. Эти богатства преимущественно состояли изъ пріобрѣтеннаго золота или серебра въ монетахъ и вещахъ, и рѣже въ драгоценныхъ каменьяхъ.

Если припомнить только, какъ пытали разбойники богатыхъ людей огнемъ, то легко понять и то, что болѣе злой обладатель богатства съ своей стороны принималъ всѣ мѣры, и хоронилъ ихъ, какъ можно лучше и потайнѣе, то просто, то съ зарекомъ, то есть съ заклинаніемъ, иначе съ завѣщаніемъ (словеснымъ заговоромъ) на имя какого нибудь лица или че-

ловѣка, а часто на такого челоуѣка, которому попадетса записать или бумажное завѣщаніе въ которомъ между прочимъ описано мѣсто, гдѣ положенъ кладъ. Случается и такъ, что завѣщатель при зарываніи клада дѣлаетъ заклинаніе, что кладъ этотъ зарывается на столько-то головъ, значить достанется тому, кто будетъ изъ числа пытавшихся взять кладъ, сверхъ означеннаго числа лицъ. По понятію кладовщиковъ, кладъ положенный на столько-то головъ (наприм. „на сорокъ головъ“) причиняетъ сорока кладонскателямъ смерть, а сорокъ первый кладонскатель получаетъ кладъ безпрепятственно. Рассказываютъ, что клады показываются по ночамъ, въ видѣ свѣтлыхъ огоньковъ надъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ кладъ схороненъ, и обыкновенно въ ночное время, иногда въ видѣ свѣчи горѣвшей; также, говорятъ сторожилы, что свѣча показывается горящей предъ иконой. Тутъ нужно сдѣлать ударъ по той вещи и сказать: *аминь, аминь, разсыпся!* И будто кладъ показется въ видѣ котла, сундука, съ разными драгоценностями и монетами, то въ видѣ боченка, а то иногда многихъ боченковъ. Иногда, говорятъ, кладъ показывается въ пустынномъ мѣстѣ челоуѣку въ видѣ какого либо животнаго, или птицы, и показывается, кому долженъ достаться этотъ кладъ не однажды и всегда на одномъ мѣстѣ. Тутъ нужно, по словамъ автора „Абевега“, имѣть предосторожности, потому, что опытъ взятія клада сопряженъ съ различными опасностями и страхомъ, такъ какъ черти, оберегающіе этотъ кладъ, угрожаютъ опасностью жизни, крича: „*Бей! жи! рюжь!*“ и потому тотъ, кто пріобрѣтетъ кладъ, долженъ не озираясь назадъ заимнить мѣсто, и брать съ собою денегъ, сколько можно. Иногда, случалось, что сокровища клада можно выбрать въ нѣсколько разъ, но иногда случалось, что все въ первый разъ взятое, было в послѣднимъ. Послѣ того кладъ не открывался.

Одинъ крестьянинъ нашелъ кладъ, который ему далса, или открылся, взявъ съ собою денегъ сколько могъ и ушелъ, замѣтивъ мѣсто и сказавъ между прочимъ кладу, что онъ по истеченіи такого то (сказавъ время) возвратитъ деньги. Такъ и случилось, онъ принесть въ свое время, и возвратилъ деньги въ кладъ. Такъ повторился заемъ нѣсколько разъ. Только однажды крестьянину не удалось этого исполнить въ срокъ, хотя онъ

и произвелъ уплату, но спустя нѣсколько времени. Чтоже? Кладъ болѣе не открывался крестьянину. Да и самъ онъ потерялъ все, что приобрѣлъ при щедрости клада.

Клады Стеньки Разина. Разина считаютъ колдуномъ, и вотъ какъ описываютъ о немъ: *).

Память Стенька народу. Исторія рассказываетъ о немъ одно, совсѣмъ другое говорятъ народныя преданія. Въ нихъ онъ и богатырь, и чародѣй.

Еще до Разина, услышите на Волгѣ, Ураковъ разбойничалъ. только давно уже это было. Стенька, совсѣмъ мальчишкой. лѣтъ пятнадцати въ шайку къ нему пошелъ изъ Ярославля. и въ кашевары поступилъ. Скоро не поладилъ онъ съ атаманомъ. Идетъ разъ судно купеческое, Ураковъ и хотѣлъ остановитъ, а кашеваръ кричитъ: „Брось, не стойтъ: бѣдно!“ Тотъ и пропустилъ. Идетъ другое, Стенька опять кричитъ: Бѣдно! брось! Пропустилъ атаманъ и это судно, озлился на Стеньку и ударилъ въ него изъ пистолета, а Стенька хоть бы пошатнулся, вынулъ пулю, да назадъ и подаетъ; возьми, говоритъ, пригодится другой разъ. Ураковъ со страху на землю упалъ, а шайка, въ расыпную; потому, такого чуда ей видѣть и не доводилось. Послѣ того Стенька Уракова разряженнымъ пистолетомъ застрѣлялъ, и самъ атаманомъ сталъ. И пошелъ Стенька разбойничать, да вольничать.. Ему все нипочемъ. все одно—царскія ли, купеческія ли суда идутъ—со всѣхъ бралъ положенное. Вотъ и шлетъ ему разъ царь строгій спросъ: Зачѣмъ ты Стенька мои царскія суда грабишь? А Стенька въ отвѣтъ: „Не знаю, Ваше Царское Величество, которыя суда ваши, которыя не ваши“. Тутъ царь на свои-то гербы велѣлъ ставить. Послѣ Стенька долго не трогалъ. Купцы и догадались; давай гербы на своихъ посудинахъ прибавать. Стенька опять безъ разбору началъ грабить, не стало отъ него ходу никому. Царскаго войска онъ не боялся. Шелъ онъ разъ съ войскомъ мимо царева бугра, и велѣлъ каждому по полной шапкѣ земля съ него. взять—такъ что чуть—чуть вершинку сняли; ну а у Стеньки, кромѣ людской другая, сила была; онъ себя съ малыхъ лѣтъ нечистому продалъ—не боялся ни пули,

*) См. Яков. 1875 г. 2 марта. XII в.

ни желѣза, на огнѣ не горѣлъ, ни въ водѣ не тонулъ. Бывало садеть въ кошму, по Волгѣ на ней плыветь. На воздухъ поднимался на ней, потому, что былъ чернокнужникъ, глаза умѣлъ отводить. Его въ острогъ посадятъ, да за запоры; а онъ возьметъ уголь, напишетъ на столѣ лодку, спроситъ воды испить, плеснетъ этой водой, рѣка станетъ. Сидеть въ лодку, кланкетъ товарищей, и ужъ на Волгѣ Стенька. Ничѣмъ убить его нельзя было: отъ всего былъ заговоренъ—ну, и не боялся страху. На что грозный воевода въ Астрахани, а какую надъ нимъ Стенька шутку шутилъ! Прїѣхалъ изъ персидской земли, сталъ ему челомъ бить; что вотъ, молъ, разбойничалъ, а теперь Царю русскому новую землю покорилъ, отпиши, что прошу отъ него милости. Много Стенька добра всякаго изъ-за моря привезъ. Воевода кричать было началъ, задарилъ его Стенька и разбѣжался у воеводы глаза. Всего то ему хочется: и того и другаго—что ни завидитъ. Понравилась ему шуба, а была она у Стеньки завѣтная. „Подай шубу! подари!“ нѣшто тебѣ, говоритъ, жалко ея? Грозитъ воевода: „Царю пожалуюсь!“ Отдалъ Стенька шубу, да и молвилъ: „на тебѣ шубу, да чтобы не надѣлала она шуму!“ Такъ и вышло, Стенька послѣ всю Астрахань раззорилъ, а съ воеводой астраханскаго шкуру спустилъ по самымъ патки. И добро сдѣлалъ Стенька, комара не заклалъ. Астраханцы все къ нему приставали: „заклани, да заклани у насъ комара“. „Не заклану, говоритъ, вы же безъ рыбы насидитесь!“ Такъ и не заклалъ. Изъ Персидской земли княжну вывезъ, да и милуется съ ней. Товарищи и давай свѣяться: „Видно“, говорятъ, „она тебѣ дороже насъ стала?—все съ ней возишься“. Такъ что же сдѣлалъ Стенька? Взялъ княжну въ охапку, да въ Волгу и бросилъ, не пожалѣлъ. На, кормилица, говоритъ, ничѣмъ то я тебя не подаривалъ. Стенькѣ все нипочемъ было. Безбожникъ былъ Стенька: грабилъ онъ съ своей шайкой и обители святыя—монастыри, на все Богъ Стеньку попускалъ, только разъ остановила его Казанская Божія Матерь. Подошелъ онъ къ Усть-Медвѣдницкому монастырю, на Дону и сталъ требовать съ него откупъ. „Не дайте откупа—раззорю“, говоритъ, и васъ всѣхъ перебью. Просилъ монастырь Стеньку повременить до утра. Ночь накрыла; шайка вокругъ

стѣнь стоитъ, огни развели, спать улеглись. И явилась ночью Стѣнькѣ во снѣ чудной красоты женщина, явилась и сказала: „отойди отъ этого мѣста“. Утромъ Стѣнька пришелъ въ монастырь и требовалъ, чтобы всѣ иконы показали, какія есть. Показываютъ Стѣнькѣ иконы, все не та. Наконецъ, смыкали одну греческаго письма.—Икона Казанской Божіей Матери.— Взглянулъ Стѣнька и въ ней узналъ ту женщину, что ночью во снѣ видѣлъ.

Зазрела Стѣньку совесть, помолился онъ Владычницѣ, монастырь наградилъ и ушелъ, ничего не тронулъ.

Послѣ опять Бога забылъ, и много погубилъ христіанскихъ душъ; дворянъ больно не любилъ Стѣнька, мучилъ ихъ всѣчески, а въ Астрахани Архіерея съ колокольни сбросилъ. Прокляли за это Стѣньку на всѣхъ соборахъ, а послѣ своимъ же начальству выдали, да онъ опять бѣжалъ и смерти ему по сію пору нѣтъ, гдѣ пропадаетъ—не вѣдомо. Старые люди сказываютъ, что судно въ горахъ у моря Каспійскаго мучается, видали, говорятъ, его тамъ. Постарѣлъ Стѣнька, видо мохонъ весь обросъ, выходитъ изъ горъ и все спрашиваетъ у прохожихъ, не умножился ли грѣхъ на Руси? Не сожигаютъ ли сальныхъ свѣчъ за мѣсто восковыхъ? И по другому рассказываютъ—въ Жегулахъ.

Шло разъ, по Волгѣ судно, а на немъ одинъ бурлакъ хворый былъ. Видитъ хозяинъ, что работать бурлаку не под силу, далъ ему лодку и ссадилъ на горахъ. „Иди“ говоритъ „куда нибудь выйдешь, а перевозить я тебя даромъ не хочу; кто тебя знаетъ выздоровѣешь ты или нѣтъ?“ И пошелъ бурлакъ по тропинкѣ въ лѣсъ; еле тащится. Ночь пришла, зги не видать, только впереди огонекъ мелькаетъ. Пошелъ онъ на него, и вошелъ въ землянку; сидитъ въ землянкѣ старикъ, волосатый весь и сѣдой, престѣдой.

Попросился бурлакъ переночевать, тотъ сперва не пускалъ, а послѣ и говоритъ: „Пожалуй ночуй, коли не боишься“. Прохожій человекъ подумалъ:—чего бояться? разбойникамъ у меня взять нечего. Легъ и заснулъ. Вдругъ просыпается—шумъ, гамъ, крикъ, свистъ и вѣтеръ по лѣсу, и влетѣла въ землянку всякая нечисть. Давай старика мучить, тискать, груди у него сосать, груди у него большія, словно у бабы. Только

зорька черкнула, они и отлетѣли. Передохнулъ и говорить: А знаешь ли, у чого ты почеваль, и кто я?—Не знаю, говорить тотъ. Я Стенька Разинъ, великій грѣшникъ—смерти себѣ не знаю, и здѣсь за грѣхи свои муки терплю. У бурлака хворь давно, какъ рукой снало—стоитъ, слушаетъ старика. Далеча отсюда въ землѣ съ кладомъ вивѣтъ ружье зарыто, говоритъ Стенька—спрыгъ травой заражено—тамъ моя смерть. На вотъ тебѣ грамотку! И далъ старикъ записъ на богатый кладъ—зарытъ былъ онъ въ Симбирской губерніи, въ селѣ Шатроманяхъ и столько казны въ немъ было, что, по его сказаніямъ, можно было Симбирскую губернію сорокъ разъ выжечь и сорокъ разъ обстроить лучше прежняго. Все было прописано въ грамоткѣ—сколько чого и какъ взять.

Первымъ дѣломъ, надо было икону Божіей Матери, часть денегъ по церквамъ и по нишей братіи раздать, а послѣ взять и изъ ружья выпалить да сказать три раза: „Степану Разину вѣчная память!“ Тогда, въ ту же минуту умеръ бы Стенька и кончились бы его муки, да не случилось такъ: Кладъ бурлаку не дался: человекъ онъ былъ темный, грамотѣ не зналъ, и отдалъ записъ въ другія руки; а грамотники словомъ однимъ обмолвились—кладъ въ землю пошелъ; совсѣмъ было до него дорылись, дверь видно было. Передъ тѣмъ какъ сгннуть, много успѣлъ Стенька, всякаго добра схоронить. Денегъ двѣать было некуда. Струги у Стеньки разукрашены, уключины позолочены, на молодцахъ бархатъ съ золотомъ, дорогія шапки на бекренѣ сбиты, вдутъ Волгой. пѣсни удамыя поютъ, казной сорятъ, по буграмъ, да по курганамъ, Стенька казну закапывалъ.

Въ Царицынскомъ увздѣ, неподалеку отъ Песковотовки курганъ небольшой стоитъ всего какихъ нибудь сажени двѣ вышины. Въ немъ, говоритъ народъ, заколдованный кладъ положенъ, цѣлое судно, какъ есть полно серебра и золота. Стенька его въ полную воду завелъ его на это мѣсто. Когда вода сбыла—судно обсохло, онъ курганъ надъ нимъ и шайталъ, а для привѣты, на верху яблонувую палку воткнулъ. Не простой человекъ посадилъ ее: стала палка расти, выросла въ большое дерево и яблоки съ нея были только безсѣмянныя, сказываютъ. Всѣ доподлинно знали, что нъ курганѣ кладъ лежитъ, да рыть было страшно; кладъ не простой былъ

положенъ, въ за кургана каждый разъ кто-то выскакивалъ страшный, престрашный. Нечастые стерегли Стенькино добро.

Есть еще на Волгѣ Настяна гора. Не кладъ въ ней схи-роненъ, а Стенькина любовница; самъ онъ въ одно время жилъ здѣсь, а Настасья при немъ жила. Уходилъ Стенька куда, и разбойниковъ ставилъ сторожить. Берегъ атаманъ Настасью пуще, глаза да не уберечь отъ смерти. Умерла дѣвица. Зарылъ ее Стенька на бугръ и закручинился, не знаетъ чѣмъ мѣсто замѣтить, чѣмъ помянуть. А съ бугра все видно; и обозы, и степи, и суда на рѣкѣ. Вотъ видитъ Стенька три воза со стеклами. „Стой, опрастывай! тащи на верхъ!“ Въ степи взять больше было нечего; на Волгѣ, какъ на грѣхъ, тоже не видать ничего. Высыпалъ на бугоръ кучу битого стекла, чѣмъ и мѣсто замѣтилъ, а возщикамъ въ память отвалилъ не одну мѣру серебра, да по разнымъ дорогамъ и отпустилъ, чтобы они, выходятъ, другъ надъ другомъ, никакого не сдѣлали. Вотъ какой былъ Стенька! Битого стекла и сейчасъ много находятъ. На Дону у Стеньки камень былъ, а на Волгѣ бугоръ. Атаманъ на кошмѣ своей то и дѣло перелеталъ съ Волги на Донъ; съ Дону на Волгу.

По правому берегу последней рѣки дѣйствительно много показываютъ Стенькиныхъ бугровъ; чуть покруче, глядишь и его. Народъ самъ забылъ, гдѣ настоящій бугоръ Стеньки Разина и крестить его именемъ, то одинъ, то другой. „Тутъ Стенька, станомъ стоялъ“ говорятъ „вотъ, здѣсь шапку оставилъ“, такъ и зовутъ это мѣсто „Стенькиной шапкой“. На томъ, бугръ столничалъ, тамъ кладъ положенъ и зачатъ.

У всѣхъ этихъ бугровъ есть общія сходныя черты: всѣ они одной крутой стѣной обрываются въ Волгу, а съ сосѣднихъ возвышенностей отдѣляются глубокими ущельями. Недалеко отъ д. Банновки между селомъ Золотымъ, Саратовской губершии и устьемъ большаго Еруслана, обрывъ на Волгѣ носитъ названіе бугра Стеньки Разина.

Одинъ человекъ тамъ не такъ давно пропалъ чрезъ него. Вотъ какъ дѣло было:

Заночевало у Стенькина бугра судно. Одинъ бурлакъ и сталъ у товарищей спрашивать, согласенъ ли кто съ нимъ идти на бугоръ посмотреть, что тамъ есть. Сыскался охот-

никъ, пошелъ. А бурлакъ-то былъ изъ дошлыхъ, хотѣлось ему кладъ добыть. Вышелъ съ товарищемъ на берегъ, да и говоритъ ему: Молчи знай, чтобы тебѣ не померещилось.— Ну ладно. Влѣзли на самую вершину, видятъ: яма не яма, а словно погребъ какой, съ дверью. Спустились туда, въ землянку попали. Въ переднемъ углу предъ иконою, лампадка горитъ и такъ хорошо, что не вышелъ бы изъ нея. Посередкѣ гробъ стоитъ; на гробу три желѣзныхъ обруча и молотокъ большой возлѣ лежитъ да пучекъ прутьевъ желѣзныхъ. А по стѣнамъ чего только нѣтъ? и бочки съ серебромъ и бочки съ золотомъ; камней разныхъ, золота, посуды сколько!.. и все какъ жаръ горитъ.

Помолились бурлаки иконѣ и дока поднялъ молотъ и сбилъ обручи съ гроба долой. Крыша у гроба отскочила, вышла дѣвушка—раскрасавица и спрашиваетъ, чего вамъ молодцы надо? Берите всего, чего хотите? Красавица эта была Маришка безбожница. Дока, ни слова не говоря, схватилъ желѣзные прутья и давай ее полосовать, что есть силы. Товарища идо жалость взяла, „что ты, говорить, дѣлаешь? Побойся Бога!“ Только онъ эти слова сказалъ, какъ въ ту же минуту все пропало; подвинуло его невидимой силой и вынесло на верхъ. Нѣтъ ни ямы, нѣтъ ни двери, только слышалъ изъ подъ земли, какъ крикнулъ кто-то „девятого“.

Кладъ былъ закатъ на много человеческихъ головъ. Отъ страха бурлакъ обезпаятъль, чрезъ силу сползъ со Стенькина бугра и три года былъ безъ языка. Съ той поры не выискивалось охотниковъ, кладъ добывать, потому, кто его знаетъ, насколько онъ головъ положень.

Выше Камышина, верстъ за сорокъ, показываютъ еще бугорокъ Стеньки Разина, а верстъ на восемь выше слободки Даниловки лежитъ ущелье, *Стенькина тюрьма* прозванная *Дурманомъ*. Въ старые годы, говорятъ, оно было окружено такимъ густымъ лѣсомъ, такой чащей, что пльвному выдти некуда было, оставалось только кинуться въ воду. И Уранову гору укажутъ вамъ неподалеку отъ колоніи *Добринки*. Это высокій, сажень въ 70 бугоръ, изъ котораго убитый Стенькой Урановъ, говорятъ преданье, сряду 7 лѣтъ послѣ смерти кричалъ зычнымъ головомъ, проходившимъ по Волгѣ судамъ: „Пря-

во-ра-чи-вай!— Гдѣ только не жилъ Стенька,—по рассказамъ! Пещеру его показываютъ и въ Жегулахъ; толкуютъ про подземный ходъ въ нѣсколько сажень, вырытый имъ подѣ всю лугу. Про Стенькины ходы говорятъ и въ Сибирскѣ.

Народъ помнитъ про своего неумирающаго атамана и ни о комъ здѣсь нѣтъ столько преданій, какъ объ этомъ удаломъ разбойникѣ—чародѣй—богатырѣ и объ его несмытныхъ богатствахъ и кладахъ.

Преданіе о кладѣ въ Ветлужскомъ уездѣ, Кост. губ. Имъ рассказывали, что по Вятскому тракту въ Верховьяхъ, въ лѣсной мѣстности есть кладъ, который въ этой мѣстности близъ дороги показывается народу въ самомъ очаровательномъ видѣ. Онъ показывается въ видѣ разсыпаннаго на полянѣ золота, въ видѣ монетъ; а также въ видѣ боченковъ съ золотомъ и серебромъ. Рассказываютъ, что нѣкоторые крестьяне проѣзжая мимо, пользовались этимъ золотомъ и богатели отъ того, но набравши одинъ разъ золота, сколько можно, въ карманы, за пазуху, за голенища, не могли уже вторично найти это сокровище, да и мѣста не могли отыскать. Кладъ пропадалъ.

Тоже. Въ Костромской губерніи *), одинъ крестьянинъ такъ рассказывалъ: однажды ему приснилось во снѣ, что въ известной мѣстности есть зарытъ кладъ, причемъ были рассказаны примѣты, кромѣ того было сказано также и то, кладъ этотъ зарытъ разбойникомъ, у котораго была подруга жизни. Умирая, онъ наградила ее такъ, какъ только умѣлъ, чтобы слишкомъ богато обезпечить ея существованіе съ сыномъ ея. Но его богатство было несмытно, и зарыто въ землѣ. Умирающій разбойникъ написалъ записку и въ неѣ завѣщалъ все свое наслѣдство зарытое въ землѣ шукамъ и дальнѣйшему потомству. Такъ было возвѣщено во снѣ. Крестьянинъ видѣлъ сонъ этотъ три раза сразу и рѣшился попытать дѣйствительно ли существуетъ хоть мѣстность, привидѣвшаяся во снѣ? Мѣстность дѣйствительно была найдена, но какъ ни рылись, не могли найти такого клада. Потомъ крестьянину опять привидѣлся сонъ, гдѣ говорилось, что кладъ можно получить только

*) Рассказъ слышанъ составителемъ сей книги, прозвонимъ отъ Костромѣ къ Нижнему Новгороду, почтовымъ трактомъ

по записи, что записка эта находится въ Казани у богатыхъ (нынѣ) купцовъ, праправнуковъ разбойника, что ее нужно отъ нихъ взять и только тогда можно взять кладъ, когда дашь обещаніе, на эти богатства построить три церкви. Понятно, что богатство было громадное, если была возможность построить три церкви. Крестьянинъ, былъ человекъ замѣтчивый, онъ нашелся побывать въ Казани, найти этихъ наследниковъ и хранителей записи, поговорилъ съ ними, но владѣтели записи, не рѣшились отдать ее; а крестьянинъ на томъ же основаніи не рѣшился соединиться съ ними по недоверію, такъ дѣло и кончилось.

*Тожѣ. Кладъ въ Верховь **). Одна женщина какъ то видѣла во снѣ, что нѣкто, явившись къ ней, открывалъ ей кладъ говоря, что если она пойдетъ съ своимъ кровнымъ племянникомъ или племянницею вдвоемъ, а нѣтъ, такъ съ кѣмъ нибудь изъ ближнихъ родственниковъ въ полночь, то кладъ ей откроется. Сонъ повторился три ночи сряду. Нельзя было не повѣрить, наконецъ. Обратилась баба къ своему родному племяннику и стала приглашать его съ собою для отрыванія клада. Мѣсто, гдѣ былъ кладъ, осмотрѣли. Во снѣ ясно было обозначено мѣсто и его еще днемъ нашли. Наступила ночь. Баба до смерти боится идти одна, не мѣшѣе ее боится идти и племянникъ. — „Не позвать ли съ собою кого, тетушка?“ — „Да пожалуй возьмемъ, кто посмѣлѣе, соглашается тетка. Возли какихъ-то двоихъ, троихъ смѣльчаковъ. Мѣсто благо знакомое. Вооружились дубинками (противъ нечистой-то силы), и пошли. Не дошли сажень пятнадцать, смотрятъ: на томъ мѣстѣ огонекъ сверкаетъ, скачетъ, а вѣтеръ такъ и гудитъ! Мѣсто то лѣсное. свѣтитъ по хвою холодный, такъ сердце и замираетъ; вѣдь, время то самое полуночное. Идутъ словно упираются да назадъ оглядываются. Не дошли до клада и сажень пяти, а ужъ имъ чудища стали показываться и плясать и скакать предъ огнемъ. „Глядитъ мой племянникъ“, повѣствуетъ баба: „а ужъ провожатые то бѣгутъ отъ насъ только пятки удираютъ. не выдержали и мы съ племянникомъ, за ними же слѣдомъ побѣгли, не помнимъ, какъ съ ужасу то до домовъ добѣжали, потому

*) Сличивъ самилъ составительнъ.

што очень ужъ страхъ обуялъ, да и вѣтеръ то очинно круто свисталъ и посвистывалъ... беда! Заключила расказщица.

Золотой пѣтушокъ. Тоже разсказывали про одну крестьянку, которая въ скорое время разбогатѣла и поправила хозяйство слѣдующимъ случаемъ *):

Однажды, взобравшись на возвышенность, находящуюся близъ дороги, въ видѣ луговины, женщина увидѣла золотистаго пѣтушка. Первый разъ баба не обратила на это вниманія, второй разъ тоже. Въ два первыхъ раза баба смѣтила, что-то такое необыкновенное, изъ ряда вонъ, причемъ, конечно замѣтила, что ни куриць, ни пѣтуховъ такихъ нѣтъ въ окрестности да и небывало. На третій разъ смѣтливая женщина прихватила съ собою въ передникъ овсеца и пошла на эту гору, гдѣ видѣла золотистаго пѣтуха. А онъ, какъ тутъ. Бросила эта женщина овса, пѣтушекъ подбѣжалъ клевать; вотъ она и начала, идучи къ своей деревни, подсыпать, словно сыпать овесь; пѣтушекъ идетъ за ней да идетъ, знай клюетъ, а баба торопко къ дому идетъ, чтобы овса хватила... вотъ и до воротъ дошла... черезъ порогъ перешагнула... перебѣжалъ порогъ пѣтушокъ. Какъ только пѣтушокъ вбѣжалъ во дворъ, смѣтливая женщина, затворивъ ворота, убила на отманѣ золотого пѣтушка и онъ рассыпался въ чистую золотую монету. Баба деньги подобрала и счастливо жить стала.

*1) Составителю показывали и истинность.

ПОРЯДКИ, ХАРАКТЕРЪ И ОБЫЧАИ РУССКАГО НАРОДА.

ЖИЛЫЯ МѢСТНОСТИ.

Жилыя мѣстности въ Старой Руси, были: городъ, пригородъ, посадъ, слобода, погостъ, село, сельцо, починокъ *). Это уже было въ то время, когда образовалась прочная охладя жизнь русскаго народа. Но гораздо ранѣе того, мы видимъ, какъ говорить Терещенко, Славяне, а затѣмъ и наши Россы жили беспорядочно, потому что боясь ежедневно набѣговъ, какъ беззащитные, при неизвѣстнѣй правильнаго государственнаго строя, должны были защищаться и массами и поодиночво. Каждый славянинъ, защищая свое имущество, свою родную семью, скрывался въ землянкахъ, вѣроятно также и по неизвѣстнѣю строятся. Понятно изъ этого, что они основывали весь свой добытокъ на скотоводствѣ, отъ котораго получали пищу, одежду и даже источникъ дохода—выгодную мѣну съ другими сосѣдними народами, съ которыми были въ благопріятныхъ сношеніяхъ.

Образованіе городовъ, пригородовъ, посадовъ, селъ и прочихъ общественныхъ поселеній образовалось тогда, когда народъ созналъ и укрѣпился въ мысли, что дѣйствуя массою, онъ скорѣе можетъ укрѣпиться въ защитѣ противъ непріятеля, что и подтверждаетъ исторія. Сила народа выражается единствомъ духа, единствомъ мысли и силою противодѣйствовать до известной степени, чтобы противустать нападенію. Въ этомъ случаѣ известная масса, состоявшая изъ силы и родственниковъ дружно живущихъ, принимала всѣ средства къ тому, чтобы оградить себя отъ разнаго рода нападенія, не только отъ людей, но даже отъ нападенія звѣрей; и разумѣется ограждалась тыномъ, загородками разнаго рода, вообще преградами, которыя были бы недоступны противъ людей и защищали бы отъ нападенія звѣрей.

Со дня на день, семьи увеличивались, согласіе развивалось во имя общей безопасности, съ тѣмъ вмѣстѣ и принимались

*) Очеркъ домаш. жизни и нравовъ Рус. Нар. П. И. Костомарова.

иъры защиты противъ всякаго рода непрітеля; нужно замѣтить, что лѣса представляли такое необозримое пространство, затруднявшее пути даже для иъшеходовъ, что часто путники утопали въ бортахъ. Но какъ бы то ни было, а обиліе лѣсовъ и организація города (огорода, огородки), дали возможность развить правильность управленія, и съ тѣмъ вѣсть охраны и защиты.

Отсюда мы понимаемъ, что слово: „городъ“ принималось въ различныхъ смыслахъ, первоначально это означало огороженное мѣсто, равносильно съ „*ограда, огородже*“. На основаніи этого, мѣстности для укрѣпленія представляли болѣе надежды на безопасность въ случаѣ вѣшнихъ нападѣній и эти мѣстности тщательно ограждались, а вѣсть съ тѣмъ подпадала подъ нѣкоторую зависимость, которая по духу того времени, когда владычествовала сила, могла легко обратиться въ порабощеніе.

Такимъ образомъ состоялись города при болѣе или менѣе благоприятныхъ условіяхъ: одни возрасли подъ вліяніемъ сильныхъ напусковъ, давленія вѣшнихъ силъ, другіе, напротивъ, сами переходили границы и далеко бодрствовали за предѣлами. И действительно, какъ о томъ есть сказанія и ихъ не мало, напримѣръ, возьмемъ сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, который былъ представитель земской охраны, и въ тоже время защиты народа.

Плохо согласовалась между собою междугородовая связь, разгромъ былъ большой при неурядицѣ, существовавшей по долгу, и это то была причина, что города были центрами притока народонаселенія, а съ тѣмъ вѣсть и центромъ сбыта различныхъ произведеній, какъ жизненныхъ продуктовъ, такъ и другихъ предметовъ. Последняя причина тоже способствовала къ централизація населенія, при чемъ конечно эти ународованныя мѣстности нуждались въ судѣ, расправѣ, по причинѣ разныхъ народныхъ столкновеній, болѣе чѣмъ другія, по своей скученности и по тому также, что какъ мѣстности укрѣпленныя, требовавшія лицъ специально посвященныхъ стратегическому искусству, имѣло начальство. Такимъ образомъ города получили значеніе преимущества предъ неукрѣпленными населеніями и послѣднія подпали имъ въ зависимость, которая по духу того времени, когда владычествовала сила, замѣнялась легко и часто

порабощеніемъ. Но не всѣ города имѣли равное достоинство своей крѣпости; крѣчайшіе дѣлались центромъ власти и имъ подчинялись многіе. Тогда между городами образовались два рода: старшіе и младшіе, сильнѣйшіе и слабѣйшіе, или *города* (градъ) и *пригороды* (то-есть состоящіе подъ администраціей городской власти и стратегическихъ связей). Такимъ образомъ собственно слово „городъ“ приняло значеніе государственнаго мѣста. Народные интересы заставляли обитателей сгущиваться и вотъ время отъ времени около города образовались нѣсколько пригородовъ, селъ, деревень. Такъ городъ Кіевъ былъ городомъ земли Русской, Черниговъ — городомъ земли Сяверской, Псковъ—земли Псковской, Хлыновъ—земли Вятской, а Вышгородъ, Бѣлгородъ—были пригороды Кіева, Ладога—пригородъ Новгорода, а современемъ Москва—городомъ всей земли Русской, послѣ того самое значеніе города было измѣнено. Городомъ стало называться не главное правительственное мѣсто, гдѣ сосредоточивалось правленіе и судъ, а только, какъ укрѣпленное мѣсто, или какъ правительственный пунктъ.

Посады *) называлось то, что теперь мы привыкли называть *городомъ* и названіе *посадскій человекъ* (житель посада) означало тоже что теперь *мѣщанинъ*. Посады были пунктами торговой и промышленной дѣятельности, строились всегда близъ городовъ; городъ въ такомъ случаѣ назывался *кремлемъ*, а посады раскидывались около него. Часто городъ былъ на горѣ, а посады внизу, какъ видно это на Москвѣ. Посады эти обводились валами тамъ, гдѣ жителямъ было опасно жить по случаю внѣшнихъ нападеній. Посады раздѣлялись на двѣ части на *остроги* и *поселокъ*. *Острогомъ* называлось укрѣпленное мѣсто, служащее для защиты города отъ внѣшнихъ нападеній, а *поселокъ*—нижележащее мѣсто для жителей, собственно—посады, а за ними *слободы* **).

Слободами первоначально назывались поселенія, которыхъ жители пользовались какими либо льготами, причѣмъ эти

*) За границей, на западѣ, посады назыв. *Сити* въ Англіи, *Борго* во Франціи, *Штатъ*—въ Германіи, и пр.

***) И теперь у насъ. Слѣдуетъ существовать это дѣленіе. Варошъ—острогъ, Палата—поселеніе, посады и градъ.

льготы давались обществу, которыхъ дѣятельность посвящена была опредѣлительно какимъ нибудь особымъ занятіямъ, преимущественно ремесламъ.

Погость, село, сельцо, деревля, поселокъ, займище, были заняты земледѣльческимъ сословіемъ, при которыхъ была церковь, сосредоточивалось управленіе и даже былъ сборный пунктъ окрестнаго населенія. Но когда число церквей умножилось и такихъ поселеній стало много, они естественно начали утрачивать прежнее преимущественное значеніе и назывались селами. Слово погость было нѣкогда во всеобщемъ употребленіи, въ XVI и XVII ст. сохранилось только въ новгородской землѣ, въ смыслѣ большаго села, со средоточіемъ администраціи для окрестнаго края. Сейчас же погостомъ называютъ кладбище съ церковью.

Между сельцомъ и селомъ различіе было только въ величинѣ ихъ. Въ позднѣйшее время „селами“ стали называться деревни съ храмами а „сельцами“ деревни, гдѣ помѣщаются дома владѣльцевъ нѣвнѣя.

Починки. Починками назывались мало населенныя деревни и недавно населенныя, которыя, впрочемъ, удерживали это названіе однажды навсегда.

Займище. Такъ называлось небольшое поселеніе на дикой новой землѣ, занятое однимъ дворомъ. Когда современемъ къ этому двору присоединялись еще нѣсколько, тогда изъ займища образовался починокъ.

АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВЪ И ЗДАНІЙ.

По вышесказаннымъ причинамъ, города возникали вмѣстѣ съ населеніемъ, и даже рапѣе, такъ какъ сплоченная масса населенія требовала защиты отъ нападенія непріятеля или дерзкихъ хищниковъ при недостаткѣ полицейской (охранительной) власти. Города, въ старину, представляли болѣе или менѣе укрѣпленія, въ которомъ правительство сосредоточивало защиту и правленіе. Какъ замки на западѣ Европы, города ограждались рвами, валами; стѣны дѣлались каменные, кирпичныя, земляныя и деревянныя, послѣднія представляли собою тынъ изъ бревенъ расположенный по земляному валу. Города распо-

гались такъ, чтобы близъ нихъ была всегда естественная защита: вода или ущелья горъ. Случалось такъ, что одна изъ стѣнъ города примыкала къ болоту, рѣкѣ, или пруду, а прочія стороны окружались ровомъ. При вышшихъ системахъ войны, эти преграды—ничтожны, но въ былое время, когда не существовало огнестрѣльнаго оружія, а лишь мечи и стрѣлы, подобныя преграды могли представляться непреодолимыми. Часто случалось, что городъ окруженный однажды тыномъ и ровомъ, еще разъ опоясывался осыпью или деревянною стѣною, что называлось острогомъ, между которыми находилось поселеніе. Такое расположеніе для городовою защиты ны видны и въ Москвѣ: Кремль съ Китай-городомъ составлялъ сердцевиною столицы; на значительномъ промежуткѣ отъ нихъ была проведена кругомъ другая стѣна, называемая бывшимъ городомъ или бѣль-городомъ. Далѣе, также на значительномъ промежуткѣ, былъ расположенъ земляной валъ, обштытый деревянною стѣною. Такое устройство существовало и въ другихъ городахъ: въ Казани былъ каменный кремль, а за нимъ слѣдовалъ посадъ окруженный острожной деревянною стѣною; въ Астрахани также былъ деревянный кремль, а его окружала другая каменная стѣна, соединявшаяся съ кремлевскою. Вдоль Волги и промежутокъ между кремлевскою стѣною и этой послѣдней, какъ и въ Москвѣ,—бывшимъ городомъ. Во Псковѣ, среднее укрѣпленіе называлось—Дѣтинецъ. Оно стояло въ углу, образуемое рѣкою *Великою* и впадающею въ нее *Псковою*.

Вообще какъ каменные, такъ и деревянные стѣны городовъ не имѣли никакихъ правильныхъ очертаній. Въ каменныхъ стѣнахъ всегда дѣлались зубцы иногда вышиною, составляющіе третью всей вышины. По протяженію всей стѣны возвышались башни, въ каменныхъ городахъ каменные, въ деревянныхъ и земляныхъ деревянныя; но иногда случалось, что при деревянныхъ городскихъ стѣнахъ, самыя башни были каменныя, какъ то было въ Ярославѣ *). Кромѣ башенъ въ стѣнахъ дѣлались разнаго рода уступы, носившіе названія: *городки*, *выводы*, *костры*, *кружала*, *бары*, *абламы* (скатныя пристройки выпятившіяся наружу), съ деревянными котами (катками или колесами безъ спиць), которые

*) См. Кн. Большаго Чертежа.

Великихъ Князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежащіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы, и даже два князя владѣли однимъ дворомъ *). Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и вели судныя дѣла, касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ; это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ **). Въ XVII в. Царская усадьба въ Измайловѣ простиралась на четыре десятины ***). Въ Александровской слободѣ конюшенный дворъ занималъ болѣе десяти десятинъ (Влад. сбор. 173 ****).

Особенность русскаго двора была та, что дома строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ; отъ главныхъ воротъ пролегла къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ и наказывалъ слугамъ стипцать съ нея грязь въ дождливое лѣтнее, и сугробы въ зимнее время (Домострой. 166). Въместо того, чтобы по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе „*хоромъ*“ *****). Надворныя постройки вообще были жилья, служебныя или кладовыя. Жилыя носили названія: избы, горницы, повалуши, сѣняника. Изба была общее названіе жилого строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для приема гостей. Названіе „*повалуши*“, холодной кладовой (Акты *отлос. къ юр. б. 366*), но были также и жилыя покои. Незвѣстно въ чемъ состоятъ ихъ отличіе отъ горницъ, тѣмъ болѣе, что они часто были рядомъ съ горницами и занимали верхнюю часть зданія. *Сѣдникомъ* называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ и необходимая во время свадебныхъ обрядовъ. Бывало и такъ, что въ одномъ домѣ было по три

*) С. Г. Гр. I. 137.

**) С. Г. Гр. I. 397.

***) Оп. Им. Дв. От. зап. 1851 г. Мартъ.

****) Очеркъ доп. жизни и пр. Великорусс. Народ. Костомаров. Сиб. 1860 г.

*****) Опис. Г. Шуа. 309.

горницы и одна повалуша, а иногда двѣ горницы и три повалуши *). При каждомъ отдѣльномъ зданіи были сѣни и часто двое: переднія и заднія, нерѣдко теплыя **). Часто отдѣльныя зданія соединялись крытыми переходами или корридорами, какъ то видимъ въ Измайловскомъ и Коломенскомъ селахъ и у царей, которыя какъ къ центру, вели къ домовымъ храмамъ ***). У престолюдиновъ были избы черныя, то-есть курныя, безъ трубъ. Дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно: при собственно такъ называемыхъ избахъ были постройки, называемыя коннатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь съ своими курами, свиньями, гусьями и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству, а отъ печи поверху, подъ потолокъ придвѣливались полати ****). Къ избамъ придвѣливались разныя пристѣйки и прирубки *****).

Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колоннами, и покрывались остроконечными кровлями *****)).

Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ чрезъ особую дверь отъ крыльца или изнутри; ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундукомъ*, огороженную балюсами *****)), потомъ прямо въ сѣни втораго яруса. Соответствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣнями и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома и одиѣ были переднія, а другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и каморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя *****)).

Первоначальная жилища. Первоначальная жилища въ нашу старину состояли изъ лѣсныхъ срубовъ; ставили ихъ по произволу и по удобству хозяйственныхъ помѣщеній. Внутреня-

*) А. Юр. 132 и 126.

**) 133. А. Ю.

***) Описание Изм. Д. О. З. 1851 г. Мартъ 16—10. Рус. Ст. 140.

****) Carl. 355. Petr. 414. Барб. Ю. Ор. Ш. 13. Врем. XX.

*****) А. Юр. 147.

*****) Рус. Ст. 146.

*****) Подр. на Пост. дома Цар. Из. О. З. 1851 г. Мартъ 23.

*****) А. Ю. 132.

ность ихъ состояла изъ одной общей комнаты, въ смежности съ кою находились пристройки для домашняго обихода, то есть, для помѣщенія скота и птицъ и для храненія хлѣба и жизненныхъ припасовъ, людей и скота. Овняъ или гумно стояли не далеко отъ избы. Мы не имѣемъ самыхъ древнихъ свѣдѣній о постройкѣ по наружности нашихъ домовъ. Суда о простотѣ тогдашнихъ нравовъ должно думать, что избы и хоромы предполагались безъ наружныхъ украшеній и изъ дерева. Жилые покои стояли внутри двора и обводились деревянными заборами, съ рѣшеткою и безъ рѣшетки, и часто коломъ. Конечно это дѣлали одни богатые, прочіе огораживали плетнемъ, а то и совсѣмъ не огораживали.

Нѣтъ сомнѣнія, что за исключеніемъ Ольгина терема, всѣ тогдашнія сельскія избы не отличались отъ нынѣшнихъ; вообще были не высокія, крылись у богатыхъ досками и соломой. Горожане строили высокіе дома, и жили обыкновенно вверху или въ верхнемъ жильѣ; это видно изъ того, что когда язычники Кіевляне хотѣли принести въ жертву идолу Перуну христіанина, родомъ варяга, тогда подрубили сѣни и убили его съ отцемъ. Тѣло умершаго Владивіра I-го спустили по веревкамъ изъ верхняго жилья, разобравъ помость между двумя клѣтьями.

Устройство въ домѣ. Низъ дома служилъ для погребовъ называвшихся „медушами“ потому, что въ нихъ преимущественно находилась медъ; а также, и для кладовыхъ. Домъ дѣлился на клѣти (комнаты). Онъ раздѣлялся пополамъ сѣнями, называвшимися иногда *помостомъ*; вдали отъ дома строились одрины или опочивальни. Наши предки любили уснуть послѣ обѣда и это называлось у нихъ, маленько отдохнуть.

Въ XV вѣкѣ дома дворянъ и горожанъ по большей части были небольшіе, крытые соломой; въ нихъ ставили хлѣбныя печи, гдѣ варили и пекли отъ чего покои назывались „*дымомъ*“ *). „*Избама*“ дома назывались какъ, предполагаютъ, сокращенія слова: истоплево. Въ тѣхъ избахъ шерѣдко толпились телята другія домашнія животныя, какъ досель. По недостатку въ

*) Въ старину подати съ поселанъ брали съ дма, съ трубъ, особенно это вачалось съ татарскаго ига, отчего наши поселане затыкали избы и образовали вурна, чтобы не платить.

стекля, обтягивали окна говяжьими пузырями или проникнутой маслом холстиною, которую впоследствии замятили слюдою. Въ концѣ XVI в. столица величалась прочными зданіями: каменными лавками и домами. Но нашлись злодѣи: Кн. Вас. Шепинъ, дворяне Василій Лебедевъ и два Байкова, отецъ и сынъ, которые сговорились зажечь Москву въ разныхъ мѣстахъ; однако умыселъ ихъ былъ открытъ, виновниковъ схватили и казнили. Это было въ 1597 г. *).

Нужно замѣтить, вѣра, по словамъ Ченслера, что Москва была обширнѣе Лондона, въ 1520 г. Въ Москвѣ, было за 100000 человекъ жителей, и Москва рѣка считалась судоходною.

Гридница. Такъ называлась у великихъ князей пріемная, еще до Великаго князя Владимира I-го. Въ его время, въ ней угощались бодрѣ, гриднѣ, сотники и всѣ нарочитые люди (именитые граждане). Изъ этого разряда, гридни составляли отборную дружину княжескую, которая потомъ преобразовалась въ мечниковъ. **) На дворѣ строили вышки и повалуши для голубей, которыхъ любили наши предки издревле, и назывались еще голубницами. Хоромами назывались у насъ высокіе деревянные дома, а теремами—покои или комнаты расположенныя въ верхнемъ ярусѣ.

Жилые покои освѣщались свѣчами и свѣтильнею. Въ великокняжескихъ домахъ и хоромахъ горѣли восковыя свѣчи, потому, что воску было у насъ въ изобиліи; его сжимали въ лѣсахъ изъ дикихъ пчельниковъ и продавали вѣроятно дешево. Недостаточные люди жгли обыкновенное масло (конопляное, льняное) наливаемое въ глиняные круглыя сосуды, какъ понынѣ въ обыкновеніи между малороссіанами, у коихъ такой сосудъ называется *копанецъ*, а въ Великороссіи—*жырники*, *мочники*, *свѣтоцъ*.

Иностранцы, бывавшіе у насъ по дѣламъ посольскимъ въ XVI и въ XVII в. говорятъ единогласно, что путь ихъ въ ночное время освѣщали лучинами, которыя горѣли такъ свѣтло, какъ бы самое солнце средѣ дня; что по дорогамъ зажигали

*) Никон. Лѣт. час. VIII. С. 29.

**) Гридни или гридень происходитъ отъ Шведскаго слова: мечъ (*gred*), придворная стража. Вѣроятно слово арабское.

смоляныя бочки, пучки соломы и костры дровъ.—Сальныя свѣчи явились у насъ не прежде XVII вѣка; въ это время употребляли ихъ многіе.

Строители домовъ были природные русскіе. Нашъ мужичекъ отъ природы свѣтливый самъ плотникъ и зодчій; такъ было и въ самой отдаленной древности, въ XII вѣкѣ распространилась у насъ ремесла и полезныя знанія; мы имѣли живописцевъ и строителей иноземныхъ, кои преимущественно занимались украшеніемъ храмовъ. Кремлевскій дворецъ былъ первоначально деревянный, какъ дворцы, великій дворецъ Великихъ князей въ Кіевѣ. В. К. Іоаннъ Калита, украшая Москву каменными храмами, обвелъ ее въ 1339 г. дубовыми стѣнами и возобновилъ сгорѣвшій въ его время кремль.

Въ его время были возобновлены соборы Успенскій, Архангельскій, Успенскій св. Іоанна Лествичника и Преображенія. До XV вѣка не было здѣсь кромѣ храмовъ и городскихъ укрѣпленій ни одного каменнаго дома; князья и вельможи строили деревянные по избытку лѣса и трудной выдѣлкѣ кирпича, который продавался безъ сомнѣнія дорого, сверхъ того требовалъ искусства въ построеніи.

Украшеніе комнатъ. Стѣны комнатъ были голыя, столы и лавки дубовыя только у богатыхъ, они стояли вокругъ стѣнъ. Стѣны эти покрывались у богатыхъ коврами, даже въ то время, когда не знали ни стульевъ ни креселъ. Великіе князья садились на сѣдалище замѣнявшихъ тронъ, во время обѣда на лавкахъ покрытыхъ тканями иногда, да бархатомъ. Лучшимъ украшеніемъ были образа святыхъ угодниковъ.

Каменные дома начали распространяться только съ XV вѣка. Иностранные художники, призванные въ Россію для построенія городовъ и каменныхъ церквей построили въ 1491 г. впервые, грамовитую палату; знатные люди также стали строить каменные дома (хоромы). Митрополитъ Зосима поставилъ на своемъ дворѣ три колѣнъ каменныхъ съ подклѣтани; голова Ди. Вл. Ховринъ, и Вас. Фед. Образецъ построилъ каменные дома (въ 1485 г.) Тогда многіе явно чувствовали превосходство европейцевъ въ гражданскомъ искусствѣ; старались заимствовать все полезное,—кромѣ обычаевъ, къ коимъ оставались вѣрными. Нельзя оставить безъ вниманія, что постройка и укрѣ-

пление многихъ заграничныхъ городовъ, было производимо знаменемъ русскихъ, познакомившихся уже съ искусствомъ военнымъ. Въ домахъ печи дѣлались израстатя, стѣны комнатъ расписывались изображеніями изъ церковной исторіи. Въ сѣтлахъ были печи съ лежанками, на которыхъ любили поковаться ночью и скижали днемъ въ зимнее время. Въ печныхъ стѣнкахъ дѣлались печурки, назначенныя для того, чтобы въ нихъ подогрѣвать кушанье и что было надобно для хозяйства; или держали посуду домашнюю, и такія печурки, часто загибали шкафы. Петръ Великій построилъ для себя небольшой деревянный домикъ изъ трехъ комнатъ (на Петербургской сторонѣ) имѣлъ такую же печь съ печурками, въ конѣхъ онъ ставилъ свой чайный приборъ, разныя домашнія вещи и тамъ нагрѣвалъ воду. Его домикъ, обращенный теперь въ часовню, не имѣетъ прежней печи. Въ холодныхъ мѣстахъ, поницѣ дѣлають у насъ печи съ лежанками. Высота дома и обширность двора, означала богатство и важность хозяина. Встарь было заведено въ извѣстный часъ во всѣхъ домахъ гасить огни и ложиться спать, зачѣмъ наблюдали нарочные пристава.

Внутреннія стѣны каменныхъ покоевъ въ зажиточныхъ домахъ обшивалось досками, а въ богатыхъ домахъ обивались Голландскою позолоченною кожей; у Царицы Ирины, супруги Θεодора были росписаны стѣны великолѣпно: стѣны были украшены мусією съ изображеніемъ на ней Спасителя, Божіей Матери, Ангеловъ, Іерарховъ, мучениковъ; на потолокъ лежалъ прикрѣпленный къ своду левъ, который держалъ въ зубахъ змѣю, съ висящими на ней роскошными подсвѣчниками. Двѣ царскія палаты: Большая Грановитая и Золотая Грановитая, были росписаны событіями изъ священной исторіи, аллегорическими изображеніями добродѣтели, временъ года, и явленій природы *). Картины, эстампы и портреты появились въ это время и первый сталъ употреблять бояринъ Артеій Сергѣевичъ Матвѣевъ, украшая ими внутренность дворца, который однако былъ деревянный. Почти при каждомъ домѣ находился садъ и огородъ для украшенія, а иногда сопряжено было съ расчетомъ пользованія фруктами и прохладою лѣтомъ, но луч-

*) *Arsenii Descrip. Itineris in Moscoviam*, пом. въ собран. Вихвала.

шимъ украшеніемъ дома и сада считались пруды иногда очень обширные.

Курени. Въ безлѣсныхъ и степныхъ мѣстахъ существовали еще курени (землянки), служившіе преимущественно жилищемъ запорожцевъ и украинскихъ казаковъ. Эти курени выкапывались ямами въ землѣ для помѣщенія отъ 5 до 10 человекъ. Внутри обивались стѣны, которыя укрѣплялись на подпорахъ, вѣвѣтъ съ кровлею, состоявшею изъ земляной насыпи и поверхъ ее покрывали соломой, очеретомъ, травой, или дѣлали прежде верхъ изъ плетенаго хвороста, а потомъ его посыпали землею. Кровля вскорѣ заростала травой, и оставались видными только торчавшія трубы, а часто одна дыра чрезъ которую проходилъ дымъ и обкуривалъ верхъ, отъ чего и возникло названіе *куренией*. Въ курень входили по землянымъ ступенямъ; двери дѣлались довольно крѣпкія, хотя и маленькія и внутри запирались. Посреди куреня стояла печь, а иногда просто раскладывали огонь (костеръ) и дымъ произвольно выходилъ въ трубу и двери; окна въ куреняхъ были только тамъ, когда курень поднимался нѣсколько выше земли. Курени занимали пространство многолюднаго города и отличались отъ него только невидимыми жителями. Такіе курени существовали встарь у прочихъ казаковъ, какъ то: у Волжскихъ, Гребенскихъ, Донскихъ и Яицкихъ (Уральскихъ).

Мазанки. Въ югозападной Россіи строились съ самыхъ давнихъ временъ, мазанки, которыя современнымъ переименовались въ хаты (избы). Но между ними существуетъ и различіе. Мазанки дѣлались, какъ и нынѣ у горскихъ и всѣхъ полудикихъ и степныхъ жителей Кавказа, довольно незатѣйливо. Предназначенное мѣсто для жилья огораживали плетнемъ; раздѣливъ внутренность на части или покой, разгораживали ихъ другимъ плетнемъ, который состоялъ изъ хворосту, или тростника называемаго въ Малороссіи *очеретомъ*. Плетень облѣпливали землею, смѣшанной съ глиною, или просто глиною, потомъ смазывали наглядко глиною; и вотъ, отъ этого то мазанья произошло самое названіе *мазанокъ*. Посреди мазанокъ становилась кирпичная печь, которая топилась изъ сѣней, очеретомъ, кляками, (засушеннымъ навозомъ) или валежникомъ; полъ былъ земляной, иногда онъ укрывался травой или соломой, но чаще

всего смазывался желтою глиною. Стѣны внутри и снаружи обильвали или завохривали (желтели вохрою), а поверхъ земляной насыпи часто выводили соломенные крыши. Въ стѣнѣ прорѣзывали небольшія окошки. Со стороны наружныхъ дверей придвѣливали по бокамъ призьбы *) (завалинки), домъ огораживали тыномъ или плетнемъ.

Хата. Хаты строятся, какъ строились прежде, въ дѣсу обмазываются глиною съ обѣихъ сторонъ. Внутреннее расположеніе удобное и широкое; оно раздѣляется на двѣ половины: въ одной живутъ и готовятъ кушанье, а въ другой принимаютъ гостей и это послѣднее помѣщеніе называется „септалкою“ (*септелкою, септалницею*). Полъ здѣсь обмазываютъ глиною, печи бѣлятъ; а у богатыхъ онѣ дѣлаются изъ кахли разноцвѣтной (израсцовъ), окна довольно большія, покон очень свѣтлые, чистые и опрятные; а такъ, какъ въ часто бѣлятъ, то въ нихъ нѣтъ ни таракановъ, ни клоповъ, что очень важно для спокойствія обитателей, пользующихся самымъ умирнымъ сномъ **).

ДОМОВОДСТВО.

Въ своей патріархальной простотѣ наши предки довольствовались весьма немногимъ: полусырая пища, мясо, корни и шкуры дикихъ или домашнихъ звѣрей удовлетворяли ихъ нужды. Наши предки долго не знали роскоши; въ XI ст. они питались еще просомъ, гречихою и молокомъ, потомъ уже выучились готовить яства, и прочее; и встарь отличались хлѣбосолецтвомъ.

Нанитокъ, медъ. Медъ дѣлался встарь, какъ любимое русское питье весьма крѣпкій, до такой степени, что имъ упивались также, какъ виномъ. Можетъ быть самый секретъ его составленія и потерянъ. Знаемъ однако же, что медъ не славянское названіе, а греческое и при томъ древнее, на коимъ медъ *меду* означаетъ опьяненіе. Эдада называетъ медъ божественнымъ питьемъ. Жители Даніи употребляли его вмѣсто вина. Крѣпость опьяненія меда сравнивалась съ водкою. Мы знаемъ

*) Призба, сокращеніе: „при небѣ“.

** Чувственно изъ кн. „Быть Русск. Народъ“, А. Торошенич. Ч. I.

изъ нашей исторіи, что великая княгиня Ольга, будучи у древлянъ (945 г.) повелѣла жителямъ Искоростеня (нынѣ Коростень Волынской губ.) приготовить для нея меду, которымъ она хотѣла угостить ихъ самихъ *). Меда были: вишневый, смородинный, можжевеловый, оборный, приварный, красный, бѣлый, бѣлый паточный, малиновый, черемховой, старый, вешній, медъ съ гвоздикой, княжій, и боярскій. Для лучшаго вкуса, и цвѣта выжимали изъ зрѣлыхъ вишенъ сокъ и подливали въ медъ. Наши русскіе медамъ удивлялись иностранцы, такъ хорошо приготовляли его **).

Квасъ и хлѣбъ. Извѣдавъ выгоды гражданской осѣдлой жизни русскіе стали заниматься земледѣліемъ для полученія хлѣбнаго зерна и тогда же стали печь хлѣбы и готовить квасъ, а въ X столѣтіи мы узнаемъ, что квасомъ поддавали въ баняхъ и обливались кислымъ квасомъ для здоровья ***). Квасъ готовили изъ хлѣбныхъ зеренъ разнаго рода обработки и даже изъ ржи и арбуза.

Начало введенія кваса во всеобщее употребленіе вышло изъ народной памяти, знаемъ только, что искусство печь хлѣбы и дѣлать квасъ, еще въ X вѣкѣ было уже во всеобщемъ употребленіи, чему способствовали изобиліе земли плодородной и удобной, исключая юго-запада. Квасъ продавался въ посадахъ, въ лавкахъ, и былъ въ употребленіи въ монастыряхъ по буднямъ. Квасъ былъ разнаго сорта, какъ по сортамъ солода, такъ и по приправамъ, они носили названія: *медвяные* и *модные*.

Пиво. По старинному *Олугу* ****), дѣлалось крѣпкимъ и носило равныя названія по цвѣтамъ и качествамъ.

Переваръ, озваръ, сбитень, существующій и по сіе время, составлялъ теплое питье въ родѣ нашего чая, и готовился изъ меда на зѣвробовъ, шалфей, лавровомъ листѣ, нибирѣ и стручковомъ перцѣ. Это народное питье, чрезвычайно полезное, нынѣ замѣнено чаемъ, разносилось въ *сакляхъ*, мѣдныхъ чайникахъ

*) Это доказываетъ, что въ Россіи медъ былъ въ изобиліи и варили его при первой надобности.

**) См. „Витѣ Русск. Народѣ“, Терещенко. Часть I.

***) Рус. л. по востр. свис. „И облиются квасомъ кислымъ“. Часть I. Стр. 62—63.

****) Вѣроятно скандинавское, но отъ нихъ ли и нынѣ русскіе научились варить и пить пиво?

обвернутых полотёнцами и преимущественно зимою. Напитокъ этотъ существуетъ и по нынѣ.

Цѣна и янме. Русская кухня вообще для всѣхъ была національная и подчинялась обычаю, а не искусству. Кушанья были просты и однообразны, хотя русскіе столы отличались множествомъ блюдъ, но многіе изъ блюдъ были похожи одно на другое. Богатые люди янми обыкновеніе назначать себѣ блюда на цѣлый годъ (гастрономическій календарь), причѣмъ счетъ велся по церковнымъ праздникамъ, по мясовѣдамъ и по-стамъ; такъ что для каждаго дня, сообразно его значенію въ церковномъ кругѣ, назначался заранѣе столъ, хотя впрочемъ измѣнять его значеніе зависѣло отъ воли хозяина.

Столъ дѣлился на постный и скоромный повсюду, начиная съ царей и кончая послѣднимъ мужикомъ; а по припасамъ изъ которыхъ онъ готовился, его можно было раздѣлить на пять отдѣловъ: мучнистые, молочные, мясные, рыбные, растительные.

Русскіе яли преимущественно хлѣбъ ржаной, не исключая богатыхъ и владѣтельныхъ особъ. Иногда притѣшивали къ ржаной, муку ячюную, но это не было постояннымъ правиломъ, такъ какъ ячень въ Россіи мало разводился. Пшеничная мука употреблялась на просфоры и калачи, которые были для простаго народа лакомствомъ въ праздничные дни. Отъ этого даже возникла пословица: „калачемъ не заманишь“, въ смыслѣ томъ, что и пріятное не поможетъ заинтересовать. Лучшіе калачи пеклись изъ крупчатой муки въ видѣ колець, не въ большомъ размѣрѣ, другой сортъ пекся изъ толченой муки круглыми бѣлками, эти калачи назывались „братскими“, былъ третій сортъ называемый смѣслыми калачами, ихъ пекли пополамъ пшеничную со ржаною. Такіе калачи пекли къ царскому столу не изъ экономіи, а ради особаго вкуса. Вообще, какъ хлѣбы ржаные, такъ и пшеничные пеклись безъ соли, и не всегда заботились, чтобы мука была свѣжа. Домострой, образецъ хозяина XVI вѣка, совѣтуетъ печь хлѣбы изъ муки, которая уже подверглась затхлости и научаетъ давать такую же муку взаимы, тому, кто попроситъ *).

*) А. И. П. 203, 428, Кошак. 63, Steph. Borr. Noel. 308—Мейерб. прил. 476.—
Колл. 17.

Въ XVI и XVII вѣкѣ было въ употребленіи между народомъ толокно, приготовленное изъ овсяной муки съ водою. Въ сухомъ видѣ оно отпускалось служилымъ людямъ для продовольствія на ряду съ ржаной мукою (А. И. I. 327.). Мельницы у насъ распространились не прежде XIV вѣка, а ранѣе того по большей части ограничивались ступами и толченіемъ зерна. Впрочемъ, изъ устава Ярослава видно уже, что мельницы у насъ въ Россіи были известны, хотя это было гораздо прежде XI вѣка.

Простой народъ пытался очень умирно, и ограничивался слѣдующими матеріалами для пищи: зерномъ ржи, ячменя, овса и др. хлебныхъ зеренъ, соли, луковичами чеснока, лука, мясомъ свинины, баранины (преимущественно), рогатаго скота, куръ и дичи, птичьихъ яицъ и прочаго, и изъ этого комбинировали разнаго рода кушанья при помощи приправъ, изъ сахара, пряныхъ кореній, перца, гвоздики, корицы и другихъ веществъ *).

Пирогн. Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто — пироги. По способу печенья они были пражные и подовые. Подовые были всегда изъ кваснаго тѣста, а пражные изъ кваснаго, а иногда изъ прѣснаго. Мука для нихъ употреблялась пшеничная, крупчатая, или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились. Пеклись также и ржаные пироги. Всѣ вообще русскіе пироги, въ старину, имѣли продолговатую форму и различную величину: большіе назывались: пирогами, кулебяками, маленькіе — пирожками. Въ скоромные дни, они начинались бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, и нѣсколькими масами вмѣстѣ, напримѣръ: бараньей и говяжьей саломъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ съ прибавкою каши или лапши. На масляницѣ пекли пражные пироги съ творогомъ и съ яичами на молокѣ, на коровьемъ наслѣ, съ рыбой вмѣстѣ и съ яичами, или съ тѣльнымъ, какъ называлось рыбное блюдо приготовляемое въ видѣ котлетъ. Въ постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможными родами

*) Перецъ возиш изъ Царьграда и Болгаріи, оттуда же: миндаль, кардамонъ, анисъ, нибиръ, корица, лавровый листъ, гвоздика, кардамонъ и др. Привести изъ вѣстныхъ были со времени св. Владиміра.

рыбъ, особливо съ сигаши, сяткаши, лодогой, съ одними рыбными молоками, или съ визигой, на масле конопляномъ, макомъ или ореховомъ. Крошенная рыба перешививалась съ кашей, или сарацинскииъ пшеиомъ; въ постные, не рыбные дни пироги пеклись съ рижками, съ макомъ, горохомъ, сокомъ, рѣпою, грибами, капустою, и другими предметами, на какомъ нибудь растительномъ масле или сладкіе—съ изюмомъ и другими разными ягодами; сладкіе пироги пеклись и не въ постъ, вѣсто пирожнаго. Вообще пироги, за исключеніемъ сладкихъ, подавались нежъ *ухъ*.

Другой видъ печенья былъ *каравай*, — слоеный хлѣбъ, съ различными способами приготовленія. Былъ *каравай битый*, который сбивался съ масломъ, въ сосудѣ ставленный, въ родѣ кулича на полокъ. *Яцкія*, на большомъ количествѣ яицъ, *каравай съ сыромъ*, *каравай братскій* и проч.

Яйца, масло, или говяжье сало, сыръ и молоко служили добавкою въ *каравай*; а различные виды его зависѣли отъ того, сколько класть муки и съ чѣмъ ее клали, и въ какомъ количествѣ.

Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то-есть *пастеть*, который былъ пирогъ, то начиненный мясомъ курицы, то баранины, то янцами, съ масломъ, или бараньимъ саломъ.

Изъ легкихъ печеній у насъ на Руси были: аладьи, котлоша, сырники, блины, хворосты, кисели. Нужно полагать, что какъ аладьи, такъ и котлоша были тождественны. Какъ аладья требовали масла, яицъ и муки, такъ равно и котлоша того же состава, но въ ней меньше количество яицъ, а въ постные дни—патоки. Нужно замѣтить, что въ постные дни, въ эти приготовленія вѣсто скоромныхъ масла или сала, клались постныя (растительныя) масла и подавались съ патокой, сахаромъ и медомъ.

Сырники готовились изъ творога, яицъ, молока, съ небольшимъ количествомъ крупичатой муки.

Блины дѣлались красные и молочные; первые изъ гречневой, вторые изъ пшеничной муки; молоко и яйца входили въ послѣдній сортъ. Встарь, по словамъ профессора Костомарова, не была символомъ масляничныхъ дней. Въ то время

были пироги съ сыромъ и хворосты—вытянутое тѣсто съ масломъ. Пекли также тѣстныя шишки, левашники, перепечи; орѣшки въ Ярославль и по сейчасъ существуютъ, всѣ эти виды хлѣбнаго печенья: вареницы, лапша, каша разныхъ родовъ, сыръ изъ творога съ сметаною и прочее.

Мясныя кушанья. Мясныя кушанья были вареныя, или паренныя; вареныя подавались во щахъ, ухѣ или разсолѣ и подѣ взварами, щи забѣливались сметаною во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ щамъ была кочанная и крошечная, свѣжая и кислая капуста. Ко щамъ подавалась гренивая каша.

Уха. Ухой вообще называлась похлебка, какъ рыба, такъ и другая; нужно полагать, что этотъ словомъ выражался вообще „супъ“ что нибудь жидкое приправленное пряностями, это видно уже изъ того, что *черною ухю* называлась уха съ гвоздикомъ, съ перцемъ — бѣлою, а безъ пряностей — голою. Разсолъ былъ въ родѣ нынѣшней солянки; это дѣлалось такъ: варилось мясо въ огуречномъ разсолѣ съ припѣсью пряныхъ кореньевъ, и подавалось на столѣ.

Соусъ назывался *взваромъ*.

Жаркя, или жареныя кушанья были: верченныя, шестныя, печеныя, сковородныя. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаньевъ въ скоромные дни, съ весны до поздней осени. Домострой научаетъ какъ поступать съ баряньимъ мясомъ: купивъ цѣлаго барана, облупить его и распределить на нѣсколько частей его мясо: грудника подавалась на уху или щи; лопатки или почки — на жареное; крюки подавались подѣ взваромъ. Ножки начинивались яицами; рубецъ кашею; печенку изѣскали съ лукомъ и обернувъ перепонкою жарили на сковородѣ; легкое приготавливали со взболтаннымъ молокомъ, мукою и яицами. Изъ головы вынимали мозги и дѣлали изъ нихъ особую похлебку, или соусъ съ пряностями, а изъ густо сваренной съ баряньимъ мясомъ ухи, ставя ее на ледъ, приготавливали холодный студень.

Для говядины служили яловыя коровы; поэтому говядина въ старину носила названіе яловичины. Яловицъ покупали осенью и убивали. Мясо солили впрокъ, а потроха, къ которымъ причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, —

служили для обыденной жизни, и подавались подъ студнею, подъ изварии, съ кашей, на жареное. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало и употребляли болѣе соленую. Многіе содержали на дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіи дѣлаго года, а передъ праздникомъ Рождества колоди. Свиное мясо солжлось или коптилось и вѣчна употреблялась на зиницѣ щи; а голова, ноги, кишки, желудокъ подавались свѣжии въ разныхъ приготовленіяхъ, какъ-то: голова подъ студнею, съ чеснокомъ и хрѣномъ; изъ кишекъ дѣлали колбасы, начинивая ихъ сивсю мяса, гречневой каши, муки и яицъ. Русскіе въ старину любили свинину, кажется болѣе, чѣмъ теперь. Зайцы подавались душенные (духовые), разсолные (въ разсолѣ вареные) и подъ изварии, особенно сладкими. Были и тогда люди, которые считали зайцевъ нечистыми животными, какъ и теперь; но другіе объясняли, что его вѣсть не грѣшно, только надобно смотрѣть, чтобы онъ не былъ задушенъ во время травли. Стоглавъ запрещаетъ продавать зайцевъ безъ спущенія крови. Такое же предостереженіе издано было отъ московскаго патріарха въ 1636 г. (См. А. А. Э. III. 46). На равнѣ съ зайцами, нѣкоторые чужались или остерегались оленины и лосины; но мяса этихъ животныхъ почитались роскошью даже въ царскихъ и боярскихъ торжествахъ.

Куры подавались во щахъ, въ ухѣ, въ разсолѣ, жареныя на рожнахъ, на вертелахъ, называемыя по способу ихъ приготовленія нарожники и верченами. Щи съ курицей назывались богатыми щами и всегда забѣливались. Къ жареной курицѣ обыкновенно подавалось что нибудь кислое: укеусъ или лимонъ. Кури рафленое былъ употребительный въ XVII вѣкѣ. Супъ изъ курицы съ сарацинскимъ пшеномъ, изюмомъ и разными пряностями; кури безкостное — соусъ изъ курицы безъ костей съ начинкою изъ баранины, или яицъ съ шафранною похлебкою. За роскошными обѣдами подавались особыми блюдами: куриные пупки, шейки, печенки и сердца.

Утки, гуси цапли и друг. птицы какъ то: лебеди, журавли, тетерева, рябчики, куропатки, жапонки, тоже шли въ пищу. Утки во щахъ и жареныя. Гуси—шестные начинивались гречкашей и подправлялись говяжьимъ саломъ; изъ гусей

приготавливали полотки, которые ъли зимою съ хрѣномъ и уксу-
сомъ. Гусиные потроха шли въ уху, или въ особыя кушанья
подъ взварами. Рябчики, тетерева и куропатки—кушанья зимнія
обыкновенно подавались: первый—приправленный съ молокомъ;
прочіе жареные со сливаци и другими плодами. Люди во вся-
кое время считали ихъ изысканнымъ блюдомъ: ихъ подавали
подъ взваромъ съ топешками, то-есть изрѣзанными ломтиками,
опущенными въ коровье масло; потроха лебязья, какъ и
гусиные подавались подъ медвянымъ взваромъ, иногда же съ
говядиной, или въ пирогахъ и перепечахъ. Прочей дичи въ
Москвѣ было много и она была дешева; но вообще русскіе
мало любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имѣло свби
огородныя и прныя приправы: такъ—рѣпа шла къ зайцу, че-
снокъ къ говядинѣ и баранинѣ, лукъ къ свининѣ.

Похмѣлье. Исчисляя мясныя кушанья нельзя не упомянуть
объ одномъ оригинальномъ кушанѣ названномъ *похмѣлье*. Это
кушанье состояло изъ холодной разрѣзанной на тонкіе лом-
тики баранины, смѣшанной съ мелконскрошенными огурцами,
огуречнымъ разсолонъ, уксусомъ и перцемъ. Его употребляли
на похмѣлье (Врем. VI. А. И. II. 431. Пав Іов.—Oleag. 209—
Petr. 318—Jenkins 350).

Рыба и рыбныя кушанья. Московское государство изоби-
ловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу.
Употребительные сорта рыбы были: лососина, привозимая съ
сѣвера изъ Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская
бѣлорыбца, ладожская ладога и сырть, бѣлозерскія снятки и
рыбки всѣхъ небольшихъ рѣкъ: судаки, караси, щуки, окуни,
лещи, голецы, пескари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По
способу приготовления рыба была свѣжая, вяленая, сухая, со-
леная, провѣсная, вѣтряная, паровая, подвареная, въ прокъ
щипаная, копченая. По принятому обыкновению закупать для
дома провизию въ большемъ количествѣ, вездѣ продавалось
множество рыбы заготовленной въ прокъ посредствомъ соли.
Домовитый хозяинъ покупалъ для домашняго обихода большой
запасъ, складывалъ въ погребъ, а чтобы она не испортилась,
то вывѣшивалъ на воздухъ и это называлось *провѣской*, а
если хорошо провѣтрилась, то *провѣтреной*. Съ тѣхъ поръ
рыба складывалась не въ погребъ, а въ сушиль пластами и

пругаи. Пластовая рыба, клалась на придръланныхъ къ стѣнамъ сушила полицяхъ, а пруговая кучею подъ рогожею.

Русскіе не умѣли хорошо солить рыбу, какъ не умѣютъ этого дѣлать и теперь: она у нихъ воняла: но простой народъ, по замѣчанію иностранцевъ, не только не отворачивался отъ ней, но предпочиталъ ее свѣжей. Взявъ въ руки рыбу, русскій подносилъ ее къ носу и пробовалъ; достаточно ли она воняетъ, и если въ ней вони было мало, то клалъ и говорилъ: „еще не поспѣла“. При затруднительности путей сообщенія, свѣжей рыбой могли пользоваться только тѣ, кто жилъ близъ рыбныхъ мѣстъ. Въ Москву свѣжая красная рыба доставлялась только для царскаго стола и для знатныхъ князей и бояръ: она привозилась живая и содержалась въ прудахъ, сдѣланныхъ нарочно въ ихъ садахъ. Масса жителей довольствовалась соленою осетриною, приготовляемою въ Астраханскихъ учугахъ.

Горячія рыбныя кушанья были: щи, уха и рассольное. Рыбная уха дѣлалась изъ разныхъ рыбъ, преимущественно чешуйчатыхъ, а также изъ рыбныхъ потроховъ, смѣшанныхъ виѣствъ съ пшеномъ, или съ крупами и съ большимъ прибавленіемъ перца, шафрана и корицы. По способамъ приготовленія въ русскомъ столѣ различалась: уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; въ уху бросали мѣшечки или толченки, приготовленные изъ тѣста съ искрошенной рыбой. Щи дѣлались кислые съ свѣжей и соленою рыбой, иногда съ нѣсколькими сортами рыбъ виѣствъ, часто съ рыбой сухой, въ родѣ стертой въ порошокъ муки. При этихъ горячихъ кушаньяхъ, подавали пироги съ рыбными начинками или кашею.

Рассольное приготовлялось также обыкновенно изъ красныхъ рыбъ, какими и по сіе время называются осетрина, бѣлужина и лососина. При горячихъ кушаньяхъ подавали пирожки съ разными рыбными начинками и съ кашею. Въ постные дни, дѣтомъ подавалась *ботвинья* съ лукомъ и разными кореньями. Изъ тертой рыбы разныхъ родовъ смѣшанныхъ виѣствъ съ прииѣсью крупы и разнаго пшена приготовлялось кушанье, подъ названіемъ „рыбная каша“, а въ скоромные дни прииѣшивали туда и мяса; такую же кашу (фаршъ) клали и въ пироги.

Тѣльное. Тѣльное приготовляли изъ рыбы въ родѣ котлетъ;

сбививали съ мукою, обливали орѣховымъ масломъ, прибавляли туда пряностей и толкли. Это называлось рыбнымъ караваемъ. Жареную рыбу подавали облитую какимъ нибудь взваромъ.

Икра была въ числѣ обычныхъ кушаньевъ. Свѣжая зернистая изъ осетра и бѣлорыбицы и составляла роскошь. Но во всеобщемъ употребленіи были: паюсная, мѣшечная, армянская—раздражающаго свойства и мятая—самаго низшаго достоинства, которую употребляли простолюдины. Икру употребляли съ уксусомъ, перцемъ и накрошеннымъ лукомъ. Кроме сырой икры употребляли еще икру вареную въ уксусъ или маковомъ молокѣ и праженую. Въ посты, русскіе дѣлали икраники или икраные блины. Это была взбитая, послѣ продолжительнаго битья, икра, съ примѣсью крупчатой муки и потомъ запаренная.

Балыкъ, (тат.) живая рыба. Собственно копченая осетрина и вяленая была любимымъ кушаньемъ (закускою) русскихъ.

Растительная яства. Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ. Бли кислую и ставленную капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, съ начинкою изъ растительныхъ веществъ, гречневою и овсяную кашу съ постнымъ масломъ, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи съ медомъ, каравая съ грибами, и съ пшеномъ, разнаго рода грибы, вареные и жареные, (масляники, грузди, сморчки, рыжки) разныя приготовленія изъ гороха: горохъ битый, горохъ тертый, горохъ цѣженный, сыръ гороховый, то-есть твердо сбитый мятый горохъ съ постнымъ масломъ, лапшу изъ гороховой муки, творогъ изъ маковаго молока, хрѣнь, рѣдку и разныя овощныя приготовленія: взваръ изъ овощей и коляво.

Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особеннсти лукъ, чеснокъ и шафравъ. По запаху чеснокомъ русскіе отличались отъ прочихъ нвоземныхъ обитателей, которые даже замѣчали въ своихъ сочиненіяхъ о Россіи, что они не могли выносить вонючей ухи *)

*) Изв. изъ очерка домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа. Н. И. Костомарова. 1860 года.

въ которой кровъ рыбы, воды и чесноку ничего не было. Для русскихъ лукъ и чеснокъ представлялся первой необходимостью, перецъ, горчица и уксусъ ставились, какъ необходимость обѣда, при чемъ каждый гость бралъ, сколько хотѣлъ. При изготовленіи блюдъ не употребляли соли, солить предоставлялось каждому обѣдающему. Но соль любили вообще и все соленые предметы въ прокъ и не только употребляли, какъ уже сказано, мясо и рыбу въ соленомъ видѣ, но и заправляли съ солью и уксусомъ разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши и вишни. У домовитыхъ хозяевъ всегда стояло нѣсколько посудинъ съ такими солениями, нагнетенныхъ камнями, и засѣченыхъ въ ледъ. Они подавались къ жареному мясному и рыбному, а бѣлая соленая капуста была обычнымъ запасомъ на зиму, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ *).

Лакомства и десерты. Лакомства и десерты состояли изъ плодовъ, свѣжихъ или приготовленныхъ въ патоку, съ медомъ или сахаромъ. Плоды эти отчасти туземнаго приготовленія, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши въ патоку, или въ квасу.

Леваш. Это лакомство дѣлали изъ малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сперва варили, потомъ протирали сквозь сито, и вслѣдъ затѣмъ варили снова уже съ патокой густо мѣшая во время варенія. Потомъ выкладывали эту густую смесь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнцѣ или противъ огня; когда она высыхала, то свертывали ее въ трубочки.

Пастила. Пастила тоже составляла лакомство, она готовилась изъ яблокъ. Яблоки клали въ сѣту и варили въ ней, потомъ протирали сквозь сито, клали патоку, снова запаривали, мѣшали, били, мѣли, потомъ выкладывали на доску и давали подняться вверхъ, наконецъ складывали въ мѣдныя, луженныя творила, давая закиснуть, и опрокидывали внизъ. Пастилу дѣлали также изъ другихъ овощей, напримѣръ, изъ калины.

Мазюля. Рѣдку въ патоку приготовляли такимъ образомъ: сначала искрашивали рѣдечный корень въ мелкіе ломтики,

*) Домострой 102. — Врем. VIII. — Русск. Вѣст. 1841 г. 733. Олеарія 209. —

— и проч.

вдвѣвали на спицы, такъ, чтобы ломтикъ не сталкивался съ другимъ ломтикомъ и вывѣливали на солнцѣ, или въ печахъ послѣ печенія хлѣбовъ; когда въ растеніи не оставалось сырости, толкли его, просѣвали на сито, между тѣмъ варили въ горшечкѣ бѣлую патоку, и, уваривъ, выливали въ рѣдечную муку, прибавляя туда разныхъ пряностей, какъ-то: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатавъ горшечекъ, ставили въ печь на два дня и на двѣ ночи. Сивъь эта должна быть густа, какъ паюсная икра, и называлась *мазюля*; такую же мазюню приготавливали подобнымъ же образомъ изъ сухихъ вишенъ, арбузовъ, привозимыхъ въ Московію съ низовьевъ Волги. Изъ послѣднихъ приготавливалось слѣдующее лакомство: изрѣзавъ арбузъ пальца на два отъ коры, кусками, не толще бумаги, клали на сутки въ щелокъ, между тѣмъ варили патоку съ перцемъ, имбиремъ, корицею и мускатомъ, и потомъ клали туда арбузы. Тоже самое приготавливали изъ дынь.

Вообще, какъ всѣ коренные русскіе были любители сладкаго, то варили въ сахарѣ и въ патоцкѣ привозные плоды; изюмъ съ вѣтвями, коринку, смоквы (фигу), имбирь и разныя пряности. Обыкновенное русское лакомство было взваръ, приготавлиемый изъ винныхъ ягодъ, изюму, финиковъ, вишенъ и другихъ плодовъ съ медомъ, сахаромъ или патокою, съ большимъ количествомъ гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, имбиря и прочаго. Одинъ родъ взвара, назывался медвянымъ, другой — кваснымъ.

Сахарныя лакомства и печенія. Къ лакомствамъ также должно отнести пряники и коврижки, русское національное печеніе. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскими изъ-за границы служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, лебедей, утокъ, голубей, кремлей, теремовъ, людей и также цѣлыя сахарныя головы. По способу приготовления и по цвѣту различалось нѣсколько сортовъ сахара: сахаръ свароборинный, сахаръ зеренчатый, узорочный, леденецъ бѣлый и красный. Все это привозилось черезъ Архангельскъ и переходило въ народное употребленіе изъ-за боярскихъ столовъ *).

*) Кв. о. вѣствахъ. 28. Врем. VI.—Олеар. 174.—А. И. 327. II. 14. 423.

Напитки. *Вино виноградныя.* Еще Олегъ, по возвращеніи его изъ похода Константинопольскаго (907 г.) привезъ съ собою въ Кіевъ: золото, ткани, овощи и вина *), следовательно мы тогда еще были знакомы съ винами греческими; но неизвѣстно какія именно были это напитки. Въ концѣ XV столѣтія у насъ въ Россіи упоминается бѣлое и красное вино. Новгородскій архіепископъ Теофілъ при прощаніи съ В. К. Іоанномъ III (1476 г.) подарилъ ему три бочки вина *бѣлаго*, двѣ *краснаго* и двѣ меду стараго **). Нѣтъ сомнѣнія, что вина были извѣстны ранѣе этого времени. Въ началѣ XVI вѣка, мы узнаемъ *Бурюнокское*, носившее названіе „Романея“. Его къ намъ привозили нѣмецкіе купцы. Романею, по словамъ Карамзина, называлась еще въ питейныхъ домахъ наливка, настоянная на водкѣ съ медомъ, также на черникѣ съ клюквой.— *Капарское вино*, или *бастръ* и *мальвазію* пили за столомъ одни богатые и этими винами подчивали отличныхъ гостей, особенно мальвазію: ее давали поешному и принимали, какъ лекарство.

Водка. Водка произведеніе Аравіи и перешла въ насъ ранѣе конца XIII вѣка. Раймундъ Луліи находясь на островѣ Майоркѣ бывшемъ тогда въ рукахъ аравитянъ, узналъ тамъ отъ одного ученаго мужа способъ приготоуленія водки, называемой „жизненною водою“ (Aqua Vitae) и привезъ ее въ Европу (въ 1290 г.). Тогда весь свѣтъ считалъ эту водку за воду полученную отъ философскаго камня. Ее предписывали принимать каплями, и она производила цѣлебное дѣйствіе. Генуезскіе купцы, узнавъ способъ приготоуленія этого напитка отъ Арнольда де Виллана, который вывѣдалъ отъ Луліи, продавали въ стеклянкахъ за дорогую цѣну, какъ цѣлительный бальзамъ, подъ именемъ „жизненной воды“. Они производили ее посредствомъ выгонки изъ винныхъ дрожжей, сочныхъ плодовъ и хлѣбнаго зерна.

Послѣ паденія Генуезской торговли въ XV столѣтіи, тайна выдѣлыванія сдѣлалась всею извѣстною; за всею тѣмъ водка долго еще продавалась, какъ лекарство. Весьма вѣроятно, что по открытіи способа Генуезцами, курить янно, оно вскорѣ

*) Нест. по Кешигб. Сп. с. 26.

***) Русск. дѣт. по Никоу. списк.

перешло на юг Россіи, а тогда Генуезцы, владѣя припирскими мѣстами, Таврическимъ полуостровомъ, шили съ нами сношеніе по торговлѣ. Правдаподобіе полагать можно, что водка появилась у насъ не ранѣе 1398 года, тогда уже Генуезцы доставляли водку въ Литву и ознакомили насъ съ пагубнымъ напиткомъ *).

Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы и ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорта: обыкновенная водка носила названіе простаго вина, лучше этого сортъ назывался — вино доброе; еще выше — вино боярское, наконецъ еще высшій сортъ — вино двойное, чрезвычайно крепкое. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлались водки съ подслащеніемъ патокою, эта водка посвящалась женскому полу. Хозяйка наставляла водки на разныхъ приностяхъ и душистыхъ травахъ, также наставляла на корицу, звѣробовъ, бодягу, амбру, селитру, на разныхъ коркахъ и плодахъ. Русскіе пили водку не только предъ обѣдомъ, но во весь день.

Иностранныя вина, въ XVI столѣтіи, употреблялись только въ знатныхъ домахъ и то въ торжественныхъ случаяхъ. Но помявъ того, какъ торговля стала знакомить насъ съ европейскою жизнью, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII вѣкѣ явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только явились вина, но куда сходились веселыя компаніи. Изъ винъ было въ большомъ употребленіи: греческое, церковное, мальвазія, бастръ, алканъ, венгерское, бѣлое, красное, французское, реисское, романей.

Продажа горячаго вина и всѣхъ хмельныхъ напитковъ была у насъ сперва вольная, но какъ излишнее употребленіе причиняло бѣдность и разореніе безчисленнымъ семействамъ, то это побудило Великихъ Князей, ограничить неуизрѣнное употребленіе. В. К. Іоаннъ III совершенно запретилъ готовить крашкіе напитки. Въ бытность въ Москвѣ посла барона Герберштейна (нач. XVI в.), позволялось народу пить крашкіе напитки только въ нѣкоторые праздничные дни. Царь Іоаннъ IV, построивъ для своей опричнины *кабакъ* въ Москвѣ, на Балчугѣ, позволялъ имъ пить сколько угодно. Затѣмъ всѣмъ, онъ не

*) Вытъ Русскаго Народа. А. Терещенко. Часть I.

любили пьянствующих; онъ позволялъ народу веселиться въ кабакахъ, только: На святой недѣль, въ Рождество Христово и въ Дмитріевскую субботу. Во всякое другое время велѣлъ сажать въ тюрьму *).

У зажиточныхъ хозяевъ напитки хранились въ ледникахъ или въ подвалахъ, которыхъ бывало нѣсколько при домѣ. Они дѣлились отдѣлами, каждый отдѣлъ былъ наполненъ льдомъ на лето. Въ нихъ ставились бочки, они назывались „береженныя и полубереженныя“. Вѣдливость тѣхъ и другихъ не всегда и не вездѣ была одинакова, вообще же можно положить береженную бочку положить въ тридцать, а полубереженную въ пятнадцать ведеръ. Въ монастырскихъ подвалахъ бочки отличались своею огромностью, напримѣръ въ три сажени въ длину и въ двѣ въ ширину; онѣ никогда не сдвигались съ мѣста, а питье пропускалось въ нихъ, и добывалось изъ нихъ чрезъ особое отверстіе, продѣланное въ сводѣ погреба. Напитки наливали изъ бочки сначала въ оловянки или ширинки—большую посуду, потомъ уже разливали для подачи къ столу въ меньшіе сосуды **).

Продажа горячаго вина, и всѣхъ хмельныхъ напитковъ сперва была вольная; но какъ излишнее ихъ употребленіе причиняло бѣдность и разореніе безчисленнымъ семействамъ, то это побудило Великихъ князей ограничить неумѣренное потребленіе. Великій князь Іоаннъ III совершенно запретилъ готовить крѣпкіе напитки. Въ бытность въ Москвѣ посла барона Герберштейна (нач. XVI вѣка) позволялось народу пить крѣпкіе напитки только въ нѣкоторые праздничные дни.

Царь Федоръ велѣлъ разломать кабаки, но Борисъ Годуновъ, думая о государственныхъ доходахъ болѣе, чѣмъ о народной нравственности, приказалъ вновь выстроить и отдалъ всѣ крѣпкіе напитки *на откупъ*. Въ началѣ XVII вѣка находились во всѣхъ городахъ и селеньяхъ кабаки, называемые *кружечными дворами*, происходящими отъ слова: *кружка*,

*) Въ Первоустье. гран. 1553 г. слав. Первичъ показовалъ, дальъ снѣгъ нѣтъ въ году три недѣли питья шари и пити: недѣля великоденная, другая въ осене Дмитровская, третья въ зимѣ Рождественская, тѣмъ трое недѣли вино пити десяти безъ лян.

**) См. Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великор. Народа А. Торошченко.

которую изрилось вино. Въ Сибирѣ были заведены такіе же дворы въ 1617, году со стороны казны. Но какъ многіе перестали заниматься работами, провѣда жизнь въ пьянствѣ и прихода въ нищету, то царь Михаилъ Федоровичъ, уничтожилъ всѣ кабаки, учредилъ одни питейные дома въ коняхъ продавалось вино только въ большомъ количествѣ. Царь Алексѣй отдалъ опять на откупъ и повелѣлъ завести кабаки во всѣхъ городахъ по одному, а въ Москвѣ три; въ послѣдствіи ихъ размножилось до чрезвычайности *).

Намъ нечего болѣе говорить о томъ, что развитіе по части хлѣбныхъ питей получило значеніе благодаря факту открытія водки; но этого недостаточно, чтобы осмыслить полное значеніе пьянства или вѣрнѣе—полной потребности неослабнаго запоя, нужно много писать, а много писать; а еще лучше—ничего не писать. Скорѣе всего не выдумывать пьянство, не выдумывать напитковъ и водки—вотъ и все. А пробовать искоренить то, что съ корнемъ заточилось—трудно!

Попойки. До временъ Петра I знатные люди проводили время въ попойкахъ, которые не считались порокомъ. Это было нередкостью во всей Европѣ. Хозяинъ, не уподобившій своихъ гостей считался неласковымъ, и съ ними не хотѣли знаться.

Благовидною причиною къ опьяненію служила въ старину тосты за здравіе государя, потомъ, государыни, тамъ за каждое царственное лицо, патриарха, знаменитыхъ сановниковъ, за побѣдосное оружіе и наконецъ за cadaго изъ присутствующихъ. Не опорожнить за здорье cadaго кубокъ вина, значило имѣть не уваженіе къ дому, не желать ему добра, а также и тому за чье здорье отказывались пить. Хозяинъ начиналъ первый и неотступною просьбою заставлялъ выпивать до капли. Въ половинѣ XVIII вѣка попойки происходили только въ дружескихъ обществахъ, на именинахъ, крестинахъ и свадьбахъ, и никогда гости не расходились, не упившись, даже первостепенными огобы. Какъ по деревнямъ, такъ и по домамъ не было веселости безъ вина. Тамъ, съѣзжаясь другъ къ другу, проводили время въ попойкѣ иногда цѣлыя недѣли, и по оконча-

*) Отношеніе иностранцевъ о кабакахъ. См. стран. 217. Битъ Русск. Нар. А. Терещенко.

ни разгудья начинали опохмѣляться, столько же времени. Не пить, значило унижать себя. Женскій полъ не довольствуясь крикниъ медонъ, пилъ тоже и зеленое вино. Въ концѣ XVIII вѣка покомчили неустроенное подчиваніе (въ столицахъ), а даны изгнали пьянство изъ своего общества. Но и по сей часъ въ простомъ народѣ существуетъ (въ отдаленныхъ губ.) обычай угощать гостей и *неволями* по пословицѣ: „въ чужой новастирь со своимъ уставомъ—не суйся“. Нимъ впрочемъ существуетъ противоположная пословица: „подчивать велжно, а невольтъ—грѣхъ“.

Буза. Со времени татарскаго ига, мы получили понятіе о приготовленіи бузы изъ проса холоднымъ путемъ, Теперь этотъ напитокъ вышелъ изъ употребленія. У татаръ разумѣютъ подъ этимъ словомъ брагу, и по словамъ Ксенофонта напитокъ, этотъ найденъ въ Арменіи въ зарытыхъ въ землѣ сосудахъ.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И МЕБЕЛЬ.

Главное украшеніе домовъ составляли кроивъ вышеупомянутой обстановки, образа: не было покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько. И тѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ. Ихъ ставили не только въ жилыхъ покояхъ, но въ сѣняхъ, лавкахъ, и амбарахъ *). Большому числу образовъ въ домахъ способствовало еще и то, что въ старину было въ обычаѣ дарить пріятелей образами. Такими образами также царей и князей дарили образамъ монастыря, владыки и бояре.

Всѣ иконописныя произведенія были русскихъ мастеровъ; такъ какъ по общему вѣрованію благодать надъ тѣмъ образомъ не могла существовать, который былъ писанъ иноувѣрцемъ.

Образа ставились въ переднемъ углу и этотъ уголъ задерживался занавѣсомъ, называемымъ застѣнокъ. Сверхъ того каждый образъ отдѣльно задерживался привѣшеннымъ къ концу его убрусомъ, а внизу спускался конецъ матеріи, называемый *пеленою*, часто (у богатыхъ) украшенный дорогими камнями,

*) Carl. 356.—Petr. 397.

жемчугомъ, блестками и т. д. Въ праздники ихъ вѣшали на бѣлые дорогія и красивыя.

Въ домахъ зажиточныхъ хозяевъ, кромѣ образовъ, находящихся въ каждой комнатѣ было по комнатѣ, назначенной исключительно для молитвы. Здѣсь находилось все, что должно служить для молешія: образа, аналой, молитвенныя книги, просфора Пресвятой Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столѣ, а по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами. На полицѣ подъ образами лежало крылышко для обметанія пыли, а губка для обтиранія. Таковыя комнаты назывались крестовыми, позже молеельными, гдѣ священники совершали утреню, вечерню, часы; нѣкоторые имѣли своихъ священниковъ; а набожные вельможи имѣли даже домовыя церкви.

Въ сѣняхъ каждаго дома лежали рогожи или ковры. Они положены были для того, чтобы обтирать подошвы ногъ, такъ какъ въ старину не было въ употребленіи калошъ. Для сидѣнія служили лавки, придѣланныя, какъ сказано было, къ стѣнамъ на глухо. Какою матеріею были обиты стѣны, тою же матеріею обивались и лавки. Затѣмъ, на лавки накладывались куски матеріи называемыя полавочниками; она дѣлалась о двухъ полотнищахъ, такъ что одно было длиннѣе другаго. Первое закрывало лавку во всю длину, а послѣднее свѣшивалось до земли закрывая средину пространства между лавкою и поломъ. Ихъ длина и ширина были различны, смотря по лавкамъ, которыхъ величина была соразвѣрна покоямъ. Такъ, напримеръ, были полавочники въ 6 аршинъ длиною и два шириною; но изъ этого нельзя заключать, чтобы лавки были широки, ибо здѣсь принималась широта всего полавочника, въ двухъ полотнищахъ. *) Полавочники перемѣнялись: въ будни клались по проще, въ праздники и во время приѣма гостей—понаряднѣе. Такииъ образомъ въ будни полавочники клались суконныя, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитыя какою нибудь простою тканью, и отороченныя кускомъ матеріи другаго цвѣта. Также куски клались на огни и назывались *пооконниками*. Въ будни клались простые коврики, въ праздники шелковыя

*) Опис. Хорезма. Вар. О. З. 1851 г. Стр. 115.

матеріи, вышитыя золотомъ. Длина ихъ была отъ двухъ до трехъ аршинъ, а ширина около двухъ; вѣроятно они спадали внизъ съ оконнаго карниза.

Вообще какъ налавочки, такъ и наоконники были разныхъ цвѣтовъ: свѣтлотемиаго, голубаго, кирпичнаго, гранатнаго и преимущественно красныхъ отливовъ, иногда вышитые узорамъ. На налавочникахъ узоры на меньшемъ полотнищѣ дѣлались другіе, чѣмъ на большомъ. Кроме лавокъ для сидѣнія дѣлались еще скамьи и столцы. Скамьи были шире лавокъ, наприѣвръ: до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе называемое *примоловликомъ*. На нихъ не только садялись, но и ложились послѣ объѣда. Онѣ покрывались, какъ и лавки, полавочничками. Иныя скамьи служили постоянно кроватями. Столцы были обыкновенными табуретами для сидѣнія одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Скамей и столцевъ въ домѣ было немного; а кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ, даже и тамъ былъ въ небольшомъ количествѣ; въ народѣ же вовсе не употреблялись. Столы дѣлались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкіе. У зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ Св. Писанія, а бока и ножки украшались рѣзбою. Кроме большихъ столовъ были столы маленькіе, то аспидные, то украшенные разными камнями. Большіе столы покрывались подскатертиками, это была вещь необходимая для приличія. Во время трапезы поверхъ подскатертника накрывался столъ скатертью. Скатерти и подскатертники работали вообще дома и служили предметомъ занятій для многочисленной прислуги. Какъ налавочки и наоконники, такъ скатерти и подскатертники перебивались по праздникамъ. Въ будни столы покрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, алтабасовыми, каановыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Скатерти у бѣдныхъ людей были полотняныя, грубой отдѣлки. У богатыхъ шитыя, браныя съ бахромами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались *хоромными ларядомъ*. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вообще не было. Церковь не одобрила ихъ употребленія. Особенно духовнымъ лицамъ

соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Также старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этотъ родъ кромѣ иконъ; но въ XVII вѣкѣ мало-по-малу начали входить въ общій обиходъ картины и эстампы сначала въ церквахъ, хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Вкусъ къ нимъ началъ распространяться и между прочими сословіями и уже въ концѣ XVII вѣка, ихъ продавали въ овоционъ ряду въ Москвѣ. Впрочемъ, эстампы, которые тогда дозволяли себѣ вѣшать въ золоченыхъ рамахъ богатые люди, заключали преимущественно священныя предметы, но ихъ строго отличали отъ образовъ и они вовсе не имѣли никакого священнаго значенія.

Кровати. Кроватью въ старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель состоящую изъ трехъ частей. Пуховика или перины, изголовья и подушекъ. Было два изголовья — нижнее называлось бунажнымъ и подкладывалось подъ верхнее, на верхнее клались подушки обыкновенно три; постель покрывалась простыней, изъ полотна, или шелковой матеріи, а сверху одѣяломъ, входящимъ подъ подушки. Постели убиралась понаряднѣе въ праздники, или на свадьбахъ, попроще въ обычные дни. Въ нарядныхъ постеляхъ на изголовья и подушки надѣвались наволочки камчатныя, бархатныя, атласныя обыкновенно краснаго цвѣта, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ по окраинамъ. Одѣяла постилались подбитыя соболемъ атласныя, краснаго цвѣта, съ граванами, то-есть съ каймами золотой и серебряной матеріи, подбитыя соболемъ. Самыя перины были набиты лебяжьимъ или чижовымъ пухомъ. Наволочки были на простыхъ постеляхъ тафтяныя, бѣлыя или красныя, подбитыя крашеною. Простыни одѣяла подбивались заячьимъ мехомъ. Вообще однако, постели были принадлежностью только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звериной шкурѣ, или на матрацѣ. У людей

посредственнаго состоянія обыкновенно постелью служили войлоки, а бѣдные поселане спали на печяхъ, постылавши подъ головы собственное платье или же на голыхъ доскахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались висачія, всегда широкія и длинныя, для того чтобы дѣтя могло расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались образки или крестики.

Для хранения домашнихъ вещей употреблялись сундуки *) погребцы и чемоданы. Посуду ставили въ поставцахъ, эти поставцы были столбы, уставленные со всѣхъ сторонъ полками. Къ низу ихъ дѣлали шире, къ верху уже; на нижнихъ полкахъ ставили болѣе массивную посуду, на верхнихъ мелкую. Разныя женскія украшенія хранились въ ларцахъ, которые сами по себѣ украшались великолѣпно, наводились яркими красками и золотомъ, расписывались узорами и окаймлились металлическими кружевами. Такіе ларцы передавались изъ рода въ родъ вѣсть съ драгоценностями, какія тамъ сохранялись. Для украшенія въ домахъ, зажиточные люди раскладывали разныя бездѣлки, въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблочки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ, на поддонѣхъ мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями, и миниатюрныя изображенія разныхъ домашнихъ принадлежностей изъ золота и серебра, напримѣръ: жукъ, въ которомъ было паннакадило, столъ, четыре подсвѣчника, разсолыникъ, рукоойникъ, четыре блюда, четыре тарелки и проч., все въ маломъ видѣ, такъ, что вѣсто два фунта и 38 золотниковъ; или напримѣръ, ставецъ, серебряный, въ которомъ была бочка, зеркальце и т. п. Знакомство съ Европой ввело къ намъ часы. Такъ у Артамона Сергѣевича Матвѣева было нѣсколько часовъ; одни показывали часы астрономическаго дня, на другихъ означалось время отъ восхода до заката солнца, третьи показывали теченіе сутокъ съ полуночи, въ полдень, какъ наши часы нынѣшняго времени. Часы стѣнные карманные, составляли рѣдкость, и гораздо употребительнѣе были часы боевые, стѣнные и столовые. Устройство ихъ отъ нашихъ отличалось тѣмъ, что въ нихъ не стрѣлка по циферболу кругу, а самый кругъ двигался. Столовые часы дѣлались

*) Родъ володцевъ съ вѣдомыми именами.

съ затѣливыми фигурами, напримѣръ, съ четверугольною крышкою, съ перилами на верху, или иѣднее изображеніе слона съ сидящимъ на немъ человекомъ, или въ видѣ башни. На чердакѣ ея сдѣланы были изображенія людей, а на самой верхинѣ изображеніе орла *).

Освѣщеніе. Освѣщеніе въ домахъ было свѣчами восковыми и салными. Восковыя употреблялись преимущественно у богачей и то единственно въ праздничные дни и во время торжественныхъ собраній. Въ самомъ царскомъ дворцѣ зажигали салныя свѣчи. Свѣчи вставлялись въ подсвѣчники, которые были стѣнные, прикрѣпленные къ стѣнамъ, стоячіе, значительной величины и малые, и ручные. Вообще они назывались шандалами, дѣлались обыкновенно изъ мѣди, иногда изъ жѣлѣза. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ людей были въ домахъ такъ называемые струнные, мѣдные подсвѣчники, сдѣланные изъ натянутыхъ и расположенныхъ удобно мѣдныхъ проволокъ. Ночью, чтобы нивѣтъ огонь держался потники. По случаю большихъ собраній освѣщали дома вислицими панникадилами, которыя въ богатыхъ и знатныхъ домахъ были серебряныя и дѣлались съ разными фигурами.

Для довашняго обихода держались стоячіе фонари, съ ними прислуга ходила въ конюшни и кладовыя. У простыхъ поселянъ избы освѣщались лучинами. (А. Ю. 445. А. И. П. 406. Доп. VI. 105.—Врем. XIII. Расх. кн. 9. 52. Межеръ. 232.—Бербер. 32).

Предметы вмѣстимости. Для храненія громоздскихъ хозяйственныхъ припасовъ въ клѣткахъ употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки въ старину были самымъ обыкновеннымъ вѣсталищемъ и жидкостей, и сыпучихъ тѣлъ, напр. хлѣбнаго зерна, муки, льну, рыбы, мяса сушеннаго, поскони и разнаго мелкаго товара, какъ-то: гвоздей, цѣпей, замковъ, топоровъ и другихъ принадлежностей хозяйства. Сосуды для варенія въ поварняхъ были котлы: мѣдные и желѣзные; тамъ, гдѣ приготавлилась каша на большое количество людей, въ дворѣ они достигали большихъ размѣровъ, напр. въ 7 ведеръ. Другіе были въ 4 ведра, въ ведро,

*) Свенци. Насл. 277. Домост. 93. Коллинсъ 21. Мат. для Ист. Ст. Раз. 200 Врем. IV сн. 22—VIII Ол. ил. тат. 37. Раз. кн. Инв. 9. Док. Б. Р. Ц. Забѣл. Отъ Зан. 1851 г. Сент.

въ полведра, и вообще вазывались *твореными и мясовыми котлами*, въ отличіе отъ пивныхъ и винныхъ, достигавшихъ размѣра пятидесяти ведръ. Для небольшого количества пищи употреблялись горшки. Жаренье производилось на сковородахъ, не только желѣзныхъ, но и на мѣдныхъ, луженыхъ съ рукоятками; для мѣсиватѣста употреблялись деревянные корита и большіе чаши; для мытья бѣлья, корыта, мочвы, буки, для носки воды, ведра, кучаны, корчаги, едновы, кувшины. По окончаніи обѣда у рачительныхъ хозяевъ всѣ сосуды вымывались, вытирались, потомъ опрокидывались внизъ и ставились на полкахъ въ кухню или чуланъ. Въ праздники, когда все въ домѣ облакалось въ праздничный видъ и въ поварню отпускалась посуда лучшей доброты *).

Для омыванія употреблялись рукоумойники и лохани; у богатыхъ людей они были серебряныя и позолачивались. У людей посредственнаго состоянія иѣдныя и оловячныя. Нерѣдко рукоумойникъ былъ оловянный, а лохань иѣдная. Призвонъ богатаго стариннаго прибора для умыванія можетъ служить рукоумойникъ Ивана Васильевича, серебряный, позолоченный, съ изображеніемъ фигуръ (образомъ) на стоянцѣ, тоже изощренномъ чеканными фигурами; при немъ серебряная лохань съ чеканнымъ изображеніемъ рыбъ и раковъ.

Столовая посуда. Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судковъ. Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кастрюляхъ и оловяничкахъ—иѣдныхъ или оловянныхъ: съ покрывничками. Другая посуда для носки жидкихъ кушаньевъ была разсолничкъ, также съ покрывчикоу, родъ соусника: онъ употреблялся также и для соленыхъ плодовъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ висы: у богатыхъ они были серебряныя, у небогатыхъ оловячныя и деревянные. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленные къ извѣстному роду кушаньевъ и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебашье. На однихъ блюдахъ приносилось кушанье изъ поварни, другія оставались передъ гостями такъ, чтобы два человека и болѣе могли ѣсть съ одного блюда.

*) А. И. I. 285. II. 399.—А. Ю. 499. Врем. VIII. Оп. На. Тав. 22, XIII. Рас. из. 43. Донест. Врем. 1. 67.

Последняго рода блюда назывались „блюдцами“. Овощи подавались на блюдахъ особой формы, называемыхъ „овощипками“, къ большаимъ блюдамъ придѣлывались кольца по два, по четыре. Это показываетъ, что ихъ носили человекъ по два. У богатыхъ блюда были серебряныя съ выбоцатыми вышнцами по обводу; у людей посредственнаго состоянія—оловянныя или полуценныя, ивдныя. Тарелки называемыя тарелки, не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостями, не переиживались во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было немного; у богатыхъ онѣ были серебряныя, граненыя, иногда позолоченыя; у менѣе зажиточныхъ изъ польскаго серебра или оловянныя. Всѣмъ онѣ до полфунта, а нѣкоторые и массивнѣе. напримѣръ, въ три четверти фунта. Въ домашнемъ сервизѣ немногія изъ нихъ были больше остальныхъ. Вероятно названіе тарелки смѣшивали съ названіемъ блюда, такъ что въ одномъ ивствѣ плоскую посуду, поставленную передъ гостями, называли тарелками, а въ другомъ блюдами. Ложки у богатыхъ были серебряныя, позолоченыя, съ фигурою на концѣ рукоятки и съ надписью, кому принадлежить. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоценными камнями: ихъ не подавали гостямъ, потому, что кушанье подавалось уже разрѣзанное. Вилки были двухзубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солонница, уксусница, перечница, иногда горчица. Когда готовили столъ къ трапезѣ, то, постлавши скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солонницы дѣлались на стоицахъ съ покрывками и съ рукоятками, уксусницы и перечницы на ножкахъ; эти сосуды иногда соединялись въ одинъ, напримѣръ, солонница, а въ верху ея перечница. Серебряныя солонницы и перечницы украшались узорами и литыми изображеніями, напримѣръ, солонница на звѣрькахъ, солонница съ верхомъ, украшеннымъ финиетью съ изображеніемъ людей по бокамъ *).

*) А. Юр. 444. 445.—Вр. IV. Ст. 22.—Врел. VII. Он. Ил. Цар. Ил. Вел. VIII. Он. ил. Тат.—Врел. XVIII. Рас. ил. 38. Собр. Гес. гр. 1. 320. 401. 406. 409. Достопр. Крелл 36. 49.—А. И. I. 4. 406. 428.—Доя. VI. 101.—Рус. Стрп. 87. Пел. о вел. Цыг. Руа. И. П. В.

Столовые сосуды для приноса питья были: еидовы, иуторны, ведра, кувшины, сулеи, четвертинки, братины. Еидова былъ сосудъ болѣе кухонный, но употреблялся и какъ столовый для приноса питья; еидовы имѣли различную величину, напримеръ, нѣмѣ заключали въ себя цѣлое ведро, другіе по шести ведеръ, а нѣкоторымъ были столь малы, что заключали въ себя вѣсу только двѣ гривѣнки. Рядко употребляемыя при обыкновенномъ обиходѣ, онѣ были кадныя, выложенныя, съ носкомъ и рукояткою. Мушорна была сосудъ близкій по виду къ еидовъ, также съ носкомъ и съ рукоятью, въ чашъ заключалось ихъ различіе—неизвѣстно. Ведра были только служебною посудой; но сдѣланныя въ маломъ размѣрѣ ставились съ напитками на столѣ; были такимъ образомъ серебряныя сосуды, въ оныя ведра, носившіе это названіе съ душкою на верху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками.

Кувшинами, какъ теперь называютъ сосуды съ раздутыми боками по срединѣ, съ суженою шейкою, съ расширенными краями, съ носками и съ кругообразной рукоятью. Были кувшины—серебряныя съ обручами на шейкахъ, съ крышкою на верху, на которой становились какія нибудь фигуры выпуклыя, напр. яблоко и такъ далѣе, иногда къ ручкѣ кувшина приделывалась цѣпочка. *Четвертинкою*, какъ показываетъ ея названіе, была четвертая часть единицы ведра, то есть кварта; но въ домашнихъ приборахъ этия именныя называли сосудъ, раздутый по бокамъ, нѣсколько похожий на сузовую чашку съ крышкою; въ нихъ отсылали питье изъ дома отсутствующимъ особамъ. *Четвертинки* были разной величины даже такъ малы, что вставлялись въ небольшую шкатулку. *Братина*, какъ показываетъ ея названіе, былъ сосудъ, предназначенный для братской, товарищеской попойки, на подобіе горшка съ покрывкою. Изъ нихъ были, черная чулки, черпальница, кошани. Братины были разной величины: небольшія употреблялись даже прямо для питья—изъ нихъ и назывались братниками. *Сулеи*—были маленькія бутылки съ узкимъ продолговатымъ горломъ и съ цѣпью; онѣ привѣшивались къ поясу въ дорогѣ *).

*) С. Г. Гр. I. 401. 406. 409.—Врен. IV. Ст. 30.—VII. Оп. Ив. Ив. Вас. 25. 45. VIII. Оп. Ив. Тег. 22. 35.—А. г. Шул. 176.—А. И. I. 385.

Кружки, чаши, корцы и проч. Къ прочимъ сосудамъ принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, подстаканы, чарки, овкачи и бованцы.

Кружки были цилиндрическіе сосуды, съ рукоятью и крышкою, всегда въ одну стѣну съ низу до верху, къ верху нѣсколько уже, обыкновенно круглаго вида, какъ показываетъ самое названіе; но были также кружки оснигранныя; онѣ ставились на поддонахъ. Нормальная величина кружки опредѣлялась ея шириною значеніемъ, такъ какъ кружками собственно называлась опредѣляемая мѣра (половина четвертины $\frac{1}{4}$ ведра). Но эта мѣра не всегда соблюдалась, какъ показываетъ различіе вѣса, напр. 4 фунта и въ 1 фунтъ. Следовательно объемъ кружекъ былъ различенъ.

Чашами назывались большіе разложивые сосуды круглаго вида съ рукоятками, съ кольцами, съ намостками, со скобами, вѣсившіе иногда до двухъ фунтовъ и болѣе; но вообще подъ этимъ названіемъ разумѣли пропорцію выпиваемаго собесѣдниками вина; въ этомъ смыслѣ на одной братинѣ находится надпись: „Въ сію братину наливается богородицына чаша“. Пить сію чашу: значило, пить въ честь кого нибудь или за чье либо здоровье. Такимъ образомъ говорилось: „Государева чаша, патриаршая чаша“.

Кубками назывались сосуды съ круглымъ, иногда досчатымъ или плоскимъ дномъ, съ крышками, на подставкѣ, иногда на ножкѣ и на поддонѣ. Къ нимъ иногда придѣлывались цѣпочки. Дѣлались кубки двойчатые, то есть раздѣлившіеся на двѣ половинки, изъ которыхъ каждая составляла особый сосудъ для питья. Величина кубка была различна. Весьмъ извѣстенъ громадный сосудъ Ивана Васильевича Грознаго, хранящійся въ Оружейной палатѣ, вѣсомъ въ 1 пудъ восемь фунтовъ, въ сажень вышиною. У знатныхъ и богатыхъ домохозяевъ были большіе кубки вѣсомъ до четырехъ и до пяти фунтовъ, но они большей частію служили только для украшенія въ подставкахъ. Въ употребленіи были кубки, вѣсомъ въ полфунта, фунтъ, около того. Были изъ строфокамитовыхъ янцъ, оправленныхъ дорогими камнями, золотомъ и серебромъ.

Стоны были большіе высокіе стаканы, иногда съ рукоятью, съ носками и крышкою.

Доступными были средней величины стаканы, иногда съ рукоятью, на ножкахъ, обыкновенно съ разложистыми круглыми краями, иногда же съ угольчатыми и ставились на маленькихъ поддонахъ.

Ковши были низенькіе сосуды, круглые и овальные съ дномъ въ видѣ полушарія, съ досчатомъ ручкомъ, называвшемся *Пожю*, иногда съ загубомъ на концѣ. Ковши были обсыпаны по краямъ жемчугомъ и вѣсили по три фунта и болѣе.

Кромѣ этихъ сосудовъ были разныя другіе сосуды болѣе или менѣе нужные въ домашнемъ хозяйствѣ какъ-то: солонки, *орнахъ индмской* (вѣроятно кокосовой) оправленный въ серебро, *Турины* или *турѣа роиз*, оправленный въ золото и серебро, съ искусно придѣланнымъ къ нему ножкою, чтобы ставить. Изъ него пили вино. Потомъ ихъ отливали изъ серебра или золота.

Корцы отличались отъ ковшей тѣмъ, что дно у нихъ было плоское; маленькіе корцы назывались корчиками. Ихъ названіе произошло отъ того вѣроятно, что прежде ихъ дѣлали или изъ березовой коры, или изъ древесныхъ кореньевъ.

Чарки. Такъ назывались маленькіе сосуды съ круглымъ или плоскимъ дномъ, или на ножкахъ съ закругленною рукою, иногда съ покрывкою.

Болванцы или *окачи*. Хотя эти сосуды существовали въ числѣ домашней посуды; но отличительной ихъ формы не знаемъ. Изъ описаній видно, что они были массивны, иногда вѣсили до 4 $\frac{1}{2}$ фунтовъ.

У богатыхъ и знатныхъ людей сосуды были золотые и серебряные и относительно работы различныхъ видовъ: чеканные, гладкіе, сканные, то есть витые, граненые (грановитые), травчатые, кафаренные, стеклянистые, пулчатые, рѣшетчатые и др. Фонъ стѣны сосуда назывался землей, по которой а дѣлались различныя выпуклыя изображенія травъ, людей животныхъ и пр., какъ-то видныя на стѣнкахъ кубковъ и чашъ. Сосуды съ покрывками иногда украшались затѣливыми изображеніями. Кромѣ узоровъ травъ и фигуръ было въ обычаѣ писать надписи касающіяся вѣса и относительно какого либо изреченія, а иногда надписи говорили о томъ, отъ кого и кому сосудъ подаренъ. Надписи дѣлались или на днѣ, или по наружнымъ стѣнамъ сосуда.

Кромѣ металлической посуды была и другая, конечно. У богачей сосуды были агатовые, серделиковые, изъ горнаго хрустала, а между тѣмъ входила въ употребленіе стеклянная и хрустальная посуда, съ тѣмъ же названіями. Стеклянная посуда привозилась изъ-за границы. Причемъ эта посуда не рѣдко была и разноцвѣтная. Изъ деревянной посуды, которой пользовался простой народъ извѣстны были чашки, тарелы и прочее, также ковши, корцы, селожницы. Эта посуда дѣлалась по селанѣ и развозилась по городамъ, во рынкахъ. Деревянными издѣліями въ особенности славялись калужане, гороховцы и карельцы. Деревянныя издѣлія нерѣдко украшались резьбою весьма затѣливую и расписною.

РУССКІЕ ОБЪДЫ.

Семейныя обѣды бояръ, дворянства и остальнаго сословія намъ болѣе или менѣе извѣстны. Есть и нѣкоторыя извѣстія о великокняжескихъ обѣдахъ.

Великокняжескіе обѣды *). Въ большой комнатѣ ставились въ нѣсколько рядовъ столы, по подачѣ на столъ кушанья объявляютъ царю: „Государь! кушанье подано“, тогда онъ отправлялся въ столовую и садился на возвышенномъ мѣстѣ; подлѣ царя садилась его братья или нитрополитъ; тамъ вельможи, чиновники и простые воины.

Во время принятія посла, бар. Гербевицкнъ, В. К. Василій, одинъ сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, окруженный пышнымъ дворомъ, съ правой его стороны лежалъ колпакъ, а съ лѣвой посохъ,—тутъ же стоялъ готовый сосудъ съ полотенцемъ. Подавши руку послу, онъ послѣ мылъ ее, думая, что католическій законъ нечистый. Въ срединѣ, на высокомъ столѣ, блѣствало множество золотыхъ сосудовъ, чашъ и кубковъ. Первымъ блюдомъ всегда были жареные лебеди **), за обѣдомъ разносили кубки съ мальвазіей и другими греческими винами. Государь посылалъ со стола своего кушанье, въ знакъ осо-

*) См. Битъ Русск. Народа Терещенко. Стр. 242.

**) И сейчасъ по народному преданію, лебедь называется царскимъ и свадебнымъ блюдомъ; говорятъ, будто бы простымъ людямъ ихъ зсть грѣшно, а погону лебедей не быть.

бой милости, отличенному ивъ гостю, который тогда вставалъ и кланялся ему, другіе также вставали изъ уваженія къ милостивому гостю, а онъ долженъ былъ ивъ кланяться *). Во время обѣдовъ вели разговоры, безъ принужденія. Обѣдали серебряными ложками, которыя сдѣлались у насъ известными въ концѣ X вѣка **).

При обѣдахъ царскихъ находились: *Красчѣи, чашники, и чарошники*; каждый изъ нихъ смотрѣлъ за своевременнымъ подаваніемъ кушаньевъ и напитковъ; но сверхъ нихъ назначались еще къ столу особые чиновники, которые должны были *встолы смотреть, встолы всказывать*. Они подавали за столомъ ковши или чаши, кому государь приказывалъ. Поднося знатному боярину ковшъ съ виномъ, именовали его съ прибавленіемъ *ста* или *су*, напримѣръ, если ему имя Василій — *Василій-ста! великій государь жалуется тебѣ чашею*. Тотъ принявъ ее, выпивалъ стоя и кланялся, а подносившій докладывалъ царю: *Василій-ста выпилъ чашу, челомъ бьетъ*. Менше знатныхъ именовали: *Василій-су*, остальныхъ безъ всякаго прибавочнаго окончанія, просто Василій.

Иностранцы съ изумленіемъ отзывались о пышности царскаго стола: гости пили и ѣли изъ золотыхъ сосудовъ; слуги во время обѣдовъ, три раза перемѣняли свое платье и обѣдъ продолжался до ночи. Обѣды Іоанна IV продолжались до 6 часовъ; отъ 600 до 700 гостей пресыщались не только изобильными, но дорогими яствами, плодами и винами. Однажды въ кремлевскихъ палатахъ обѣдало 2000 нагайскихъ воиновъ ***). Борисъ Годуновъ давалъ пиры въ Серпуховѣ, въ продолженіи шести недѣль и каждый разъ угощалъ подъ шатрами по 10000 человекъ. — Кушанье подавали на серебряной посудѣ ****). Разставаясь съ войскомъ, онъ далъ роскошный обѣдъ въ полѣ 50000, пировавшимъ на лугахъ р. Оки. Яства, медъ и вино развозили обозами; чиновниковъ дарили бархатами, парчами и камками. Иностранецъ Варбочь посолъ императора Герман-

*) Herb. Rer. Moscov. com. с. 137.

**) Со временъ св. кн. Ольги, при дворѣ введены св. Владимиромъ

***) Navigat. Пош. въ Галл. с. 349 и 352.

****) Margeret—Etat de l'empire de Russie, etc. Все иностранные писатели этого времени, съ любовью вели счетъ гостямъ и славы посудѣ.

скаго, не могъ исчислить серебряной и золотой посуды, которая лежала горой въ комнатѣ смежной съ столовой: При немъ подавали на столъ около ста различныхъ блюдъ.

За торжественными царскими обѣдами служили по 200 и 300 жильцевъ въ парчевой одеждѣ съ золотыми цѣпями на груди и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Государь садился на возвышенномъ мѣстѣ; слуги низко кланялись ему, и потомъ, по два въ рядъ, отрывались за кушаньемъ. Между тѣмъ, подавали водку; на столахъ тогда ничего не ставилось, кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложекъ; тарелокъ и салфетокъ не знали.—За однимъ разомъ приносили сто блюдъ и болѣе, отвѣданныя поваромъ при столѣнникѣ; послѣ отвѣдывались кравчимъ въ глазахъ царя. Потомъ царь посылалъ гостямъ ломти хлѣба, яства, вина, медъ и въ концѣ стола раздавалъ самъ сушенныя венгерскія слявы.

Всякій гость отпускался домой съ блюдомъ мяса или пирога (*). По нимъ соблюдается обыкновение, что хозяйка при отпусканіи гостей отъ обѣда или ужина, навязываетъ имъ узелки съ разными лакомствами: припиками, орѣхами, сушеными плодами, пирогами сладкими и пр. Крайнею было бы для нея обидою, если бы не приняли. Хлѣбъ, соль—даръ Божій, говорятъ русскіе. Не принять хлѣба,—значить прогнѣвить Бога.

За столомъ царя Феодора были уже дорогія вина и мальвазія; обѣды его продолжались до полуночи (**).

Богатая сокровища русскихъ царей. Иностранцы послы всегда говорили съ удивленіемъ о богатствѣ серебряной и золотой посуды. *Бурхардъ*, посланникъ императора нѣмецкаго Генриха IV, увидѣвъ блескъ двора, сказала: никогда мы не видали столько золота, серебра и богатыхъ одеждъ—А другой посолъ императора, *Ламбертъ*, не вѣрилъ своимъ глазамъ, видя кучи золота и серебра и пишетъ, что столы, накрытые блестящею серебряною посудою гнулись отъ тяжести. Герберштейнъ говоритъ, что на посудномъ столѣ лежали одни серебряныя и золотыя сосуды. и рассказываетъ за рѣдкость,

*) Флетчеръ Com. Vealth., пох въ собр. Газа. Margeret. Etat l'empire de Russie.

**) Besch. der Reis in die Moscov so H Varbotsch gethan. 1593 г Ч. I. с. 159. въ собр. Вихи

что первое блюдо состояло из жаренаго лебедя; что послѣ объѣда подавали разные прохладительные напитки и заѣдки: сахарные, анисовые и изъ корицы. — Францискъ де Колло пишетъ, что денегъ, серебра и золота столько было у В. К. Василя, что онъ есть богатѣйшій и могущественнѣйшій изъ европейскихъ владѣтелей; что онъ сверхъ богатства, хранящагося въ казначействѣ, собираетъ ежегодно огромное количество золота и дорогихъ швовъ, съ разныхъ мѣстъ своего царства; что великій князь щедро одарилъ самаго Франциска де-Колло серебрянно-позолоченными сосудами и другими вещами. Другіе видѣли въ кремлевскихъ палатахъ: горы жемчугу, золота и серебра *). Маржеретъ видѣлъ въ кладовой литыя серебряныя бочки, огромныя серебряныя тазы, коихъ поднимали за ручки четыре человека; онъ видѣлъ еще три или четыре вазы съ большими серебряными чашами, назначенными для черпанія меду. Эти вазы были такъ велики, что надобно было 300 человекъ, чтобы наполнить какиаъ либо напитокомъ. Все это было сдѣлано руками русскихъ и при томъ изъ серебра **). Польскій посолъ князь Гедроцкій, и патриархъ Іеремія, приходили въ изумленіе, отъ великаго множества серебра и золота. Принятіе Датскаго принца Іоанна, женха Ксенія, дочери Бориса Годунова, ослѣпило блескомъ и пышностью глаза иностранцевъ. Столы трещали отъ серебра и золота. Посрединѣ столовой находился четырехъугольный столъ искусственно украшенный серебряными подносами, чашами, блюдами, кубками; многія вещи были изъ чистаго золота. Кресло царское, было изъ одного золота, столъ серебряный, съ позолоченными ножками, который былъ покрытъ вязавой изъ золота скатертью; комнату украшала тонкой работы люстра съ боевыми часами. Посолъ Лжедимитрія, Аванасій Власевъ, поднесъ въ подарокъ Маріи Минишекъ, отъ имени ея жениха: рубиновое перо, фианитовую чашу, золотой корабль осыпанный драгоценными каменьями; золотаго быка, павлина и пеликана; часы съ флейтами и трубами, три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархата, парчи, штофу и атласа, сверхъ того

*) Navig. пом. у Гезл. с. 349 и 354.

**) Richter Gesch. des Medic. Часть I. Стр. 72 и Мержеретъ. Издан. 1607 г. Пар

многіе подарки ея родственникамъ, всего на 230000 червонцевъ. Иностранцы, описывая блескъ Лжедмитріева двора, съ изумленіемъ говорятъ о его престолѣ вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшанномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ, и покрытомъ накрестъ четырьмя богатыми щитами; надъ нимъ блистали золотой шаръ и золотой орелъ.

Самозванецъ имѣлъ колесницы и сани, окованныя серебромъ, обитыя бархатомъ и соболемъ. На его коняхъ: узды, сѣдла и стремена сіяли золотомъ, изумрудами и яхонтами. Онъ заказывалъ безпрестанно драгоценныя вещи и въ три мѣсяца издержалъ на одну пышность царскую, болѣе 7 милліоновъ рублей серебромъ. Народъ ропталъ, потому что не любилъ роскошности государей, страшась новыхъ налоговъ. Корбъ, бывший въ Москвѣ въ концѣ XVII вѣка, не могъ исчислить царскихъ палатахъ. Арсеній, бывший съ патріархомъ Іереміемъ въ Москвѣ въ 1590 г., удивляясь богатству и разнообразію сосудовъ, говоритъ: я былъ пораженъ неисчислимымъ сокровищемъ: необыкновенною пышностью первостепенныхъ сановниковъ, облитыхъ въ золото. Я видѣлъ серебряныя сосуды съ золотыми коронами наполняемые критскимъ виномъ. Изъ многихъ золотыхъ чашъ была одна, которую едва съ трудомъ несли 12 человекъ. Великій князь Іоаннъ Даниловичъ отправляясь въ орду, раздѣлилъ свои дорогія вещи между тремя сыновьями и супругою Еленою. Старшему сыну, Симеону, отдалъ четыре золотыя цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ, три блюда изъ серебра и два ковша. Ивану, четыре золотыя цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и камешками, третій сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши, и три блюда серебряныя. Андрею, четыре золотыя цѣпи, поясъ фряжскій, другой жемчужный съ крюкомъ (съ застежкою) на красномъ шелку, третій ханскій, два ковша, двѣ чарки и три блюда серебромъ (изъ серебра). Дочери Фетинь 14 колець, новый складень (ожерелье) чело (головное украшеніе) и гривну. Большое серебряное блюдо о четырехъ кольцахъ, въ храмъ Владимирскія Богоматери *).

*) Собр. Гос. Грав. и догв. Т. I. стр. 31. Пис. въ 1388 г. и въ 1331 г

Внукъ его, Велик. кн. Іоаннъ II, завѣщалъ (въ 1359 г. ноября 13), дѣтиамъ своимъ князю Дмитрію золотую шапку (корону), бармы, жемчужную серьгу, коробку сердликовую, золотую саблю и шинякъ; князю Іоанну: саблю и шинякъ; жемчужную серьгу и стаканъ цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу. Когда великій князь Іоаннъ III гостилъ въ Новгородъ въ 1467 г., тогда его дарали шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, рыбьими зубьями (вѣроятно моржевыми), иностранными винами и драгоценными сосудами. Владыка Теофилъ подарилъ ему золотой ковшъ съ жемчугомъ, два рога окованные серебромъ, серебрянную нису. Вас. Казимиръ—золотой ковшъ. Яковъ Коробъ—рыбій зубъ; знатная вдова Анастасія Ивановна—два рыбьихъ зуба и пр. По приведеніи Великаго Новгорода *во всю волю* Іоанна (1478 г.), ему поднесъ въ даръ на Поозерьѣ, одинъ архіепископъ Теофилъ: панагію, обложенную золотомъ и жемчугомъ, (князья и цари носили ихъ на груди, на золотой цѣпи): строкофамилово яйцо (страусово) окованное серебромъ, въ видѣ кубка; сердликовую чарку, кристалльную бочку, серебряныя нисы, цѣпи, чары, два ковшъ золотые, и поясъ серебряный, вѣсомъ въ 31 фунтъ. Если вѣрить сказанію современнаго историка Длугоша, что Іоаннъ нагрузилъ тогда 300 воловъ серебромъ, золотомъ и драгоценными каменьями. Князь Іоаннъ Борисовичъ Волоцкой, исчисляеть въ завѣщаніи 1504 г. 29 серебряныхъ блюдъ 5 нисъ, 1 укусащцу, 1 перечницу, 1 солонку большую, 2 солонки малыя гладкія, чарку серебряную, 11 ложекъ, 7 ковшовъ, 7 чарокъ гладкихъ, 1 чарку съ полкою, 2 чарки большихъ, 4 чарки малыхъ, 3 кубка, 1 рогъ, 3 стакана, ковшъ большой, сковороду серебряную съ вѣнцомъ, серебряникъ и посуду каменную.

Болгарскіе одѣды (встарь). При болгарскихъ столахъ бояръ и дворянства, подавали яства и напитки въ простой посудѣ. Приицъ Бухау пишетъ *), что въ его время по большей части кушали и пили изъ деревянной посуды, коей края позоло-

* Daniel prinz von Buchau D- Moscovrae ortu et progressu и прочъ въ возе
... XVI вѣка

чени и эта посуда была позолочена, а работа производилась монахами.

Принц Бухау, обдава у Иоанна IV, говоритъ, что онъ не нибль ни тарелки, ни ножа, ни вилки; но пользовался ими, занимая отъ сидѣвшаго возлѣ него боярина.

Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ началѣ XVII вѣка *), пишетъ, что у богатыхъ людей рѣдко встрѣчалась оловянная посуда, и что за рѣдкость считалось, если серебряная появлялась у бояръ. Маербергъ, бывшій въ Москвѣ, въ половинѣ XVII вѣка, говоритъ, что у многихъ богачей оловянная посуда, ложки, ножи, вилки и тарелки подавались однимъ знатымъ и почетнымъ гостямъ.

Званые обѣды. Чтобы показать болѣе отличій въ царскихъ милостяхъ и польстить суетности вельможей, Борисъ Годуновъ первый ввелъ званые обѣды, въ царствованіе еще Феодора, который приглашалъ думныхъ сановниковъ и угощалъ ихъ въ своихъ чертогахъ, обнаруживая предъ ними всю гостеприимность обыкновеннаго хозяина **). Хлѣбосолюство, известное однимъ нашимъ русскимъ, отличалось у насъ болѣе всего въ частныхъ домахъ, гдѣ вольность въ обращеніи соединенная съ равенствомъ, ничьего не обижала честолюбія.

Хозяинъ съ радостью принималъ гостя, не скупился съ нимъ, ставилъ все на столъ, что нибль: яства, медъ и водку, чтобы не прослыть въ своей средѣ не гостеприимнымъ, отъ чего возникла поговорка: „*Все на столъ мечи, что есть въ печи*“.—Самымъ величайшимъ упрекомъ было еще, кто скажетъ: „*Ты забылъ мой хлѣбъ соль!*“

О Д Е Ж Д А.

1. Мужской костюмъ.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе; но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать во множествѣ наименованій сходство. Г. проф. Костомаровъ, сравнивая одежду русскаго на-

*) См. Олеарій; его Voyage. С 127

**) К И Г Р ч 10, стр. 72

рода нешелъ, что одежда крестьянъ была одинакова съ одеждою царей и даже носила одинаковыя названія, только отличалась достоинствомъ матеріала и убранствомъ.

Славяне прибалтійскіе, еще по свидѣтельству Тацита, не отличались отъ германскихъ народовъ, они едва закрывали наготу свою. Славяне Дунайскіе сракались еще въ VI вѣкѣ почти полунагіе, прикрывая только нижнюю часть тѣла исподнимъ платьемъ. Шкуры зверей лѣсныхъ и домашнихъ, согревали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинныя одежды, украшались бисеромъ и металлами, отнятыми на войнѣ или вымѣненными у иностранныхъ купцовъ.

Аравійскій посолъ Ахметъ, будучи у Волгскихъ Болгаръ, въ началѣ X в., видѣлъ многихъ Славянъ и описываетъ ихъ варадъ, довольно грубымъ. Мужчины, пишетъ онъ, не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ, но набрасываютъ на себя съ боку толстую одежду, оставляя другую (правую) свободною. Они никогда не ходятъ безъ оружія; у каждаго большой ножъ, мечъ и топоръ; и всякая женщина носитъ ножъ, а на шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя. Главное ихъ украшеніе зеленый бисеръ *). При описаніи погребенія одного изъ старшинъ, онъ говоритъ, что покойникъ былъ одѣтъ въ два веводнія платья, сапоги, куртку, кафтанъ изъ золотой парчи съ золотыми пуговицами и парчевую шапку опушенную соболемъ **). Счастливыя войны и торговыя сношенія съ Константинополемъ и Болгарами въ продолженіи двухъ столѣтій измѣнили образъ жизни: поселили изобиліе и роскошь. Великіе князья, сановники и воины ознакомились съ пышностью царьградской, стали носить длинныя, широкія по восточному вкусу платья. Отъ нихъ рисунокъ платья всѣ прочія сословія, потому всѣ одежды наши (русскія) были подражательныя греческимъ. Нерѣдко послѣ наши требовали отъ греческихъ императоровъ именовъ своихъ князей и царской одежды, и вѣнца. Императоры отговаривались отъ нихъ тѣмъ, что порфиръ и короны дѣлавы руками ангеловъ.

*) Этотъ посолъ былъ отправленъ багдадскимъ калифомъ Мунтедиромъ въ король Болгаръ, въ 923 году Пер. Анад. Френелъ.

***) Быть Русскаго Народа. А. Терещенго. Стр. 314.

Женщины, одѣваясь въ длинныя платья, убирала грудь ювистамя, ожерельями и золотыми цѣпями; а пальцы кольцами и перстнями. Волосы заплетали въ косу, а головной нарядъ блисталъ жемчугомъ и золотомъ *).

Богатые люди носили шелковое платье, драгоценный поясъ и сафьянные сапоги. Въ XI и даже въ XV столѣтїяхъ мы встрѣчаемъ сапоги съ загнутыми вверхъ носами; подошвы подбивались гвоздями; голенища были до шкорь круглыя. Въ XIV в. голенища шились подъ самыя колѣна и здѣсь стягивали ихъ ремнями и тесьмою. Знатные люди и великіе князья носили по большей части голенища короткія, унизывали ихъ золотыми или серебряными прошивами, галунами, жемчугомъ и камешьями. Впрочемъ, такая рошкошь появилась, какъ кажется, въ XVI вѣкъ, что увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Исподнее платье называлось *портами*, шитыми изъ полотна. *Рубашки* назывались *сорочками*, а по славянски *срачницами*, шились изъ холста длинными до колѣнъ съ разрезными напереди воротомъ и подпоясывались шнуркомъ поверхъ исподняго платья. По завладѣніи Россїи татарами измѣнились многія наши одежды: самыя сорочки и исподнее платье приняли другой покрой и едва ли не тогда вошли въ употребленіе штаны и шальвары. Сорочки тогда шились не длиннѣе колѣнокъ; воротъ, ожерелье, ожерелокъ **), разрезывали на лѣвой сторонѣ, украшали запонками и шитьемъ шелковымъ, или у простаго народа, разноцвѣтнымъ. Для украшенія же дѣлали на груди и спинѣ *подолки* вышитыя красными нитками и шелкомъ. Подъ паухомъ нашивали красныя и синія *ластовки*, или *ластовицы*. Воротникъ и края рукавовъ вышивали красными нитками, шелкомъ, серебромъ и золотомъ, смотря по состоянію и звачію. Воротникъ застегивали металлической пуговкой. Исподнее платье шлось весьма просторнымъ: изъ холста, бумажной и шелковой матерїи и подвизывали на шнуръ подъ рубашкою. Концы исподняго платья засовывали въ сапоги. Богатые и знатные

*) Египтянамъ вообще приписывается много изобретснй, въ числѣ ихъ — изобретеніе колеса, а за тѣмъ римлянамъ, еврейамъ и прочимъ другимъ народамъ.

**) Ожерелокъ, ожерелье, воротъ, въ старину отдѣльно пристегивали къ рубашкѣ и называли сорочкою, а уже послѣ XVII вѣка стали называть такъ все верхнее бѣлье. Костъ Очеркъ жизни и пр. Р. И. Стр. 64

носили шелковые и парчевые штаны, которые были холодные и теплые.

В. К. Святославъ I, гроза восточной Имперіи, ничѣмъ не отличался одеждою отъ простаго рятника;—тогда воины и мирные воины, и мирные граждане одѣвались одинаково. Когда онъ увидѣлся съ Иоанномъ Цинискіемъ на берегу Дуная подъ Даростелемъ (Силистрією), тогда греки смотрѣли на него съ изумленіемъ. Императора окруженный облитыми въ золото конниками, сидѣлъ на конѣ, а Святославъ въ лодкѣ въ простой бѣлой одеждѣ, съ длинными усами, рѣденькой бородой и съ клокомъ волосъ на головѣ; въ ухѣ его висѣла серьга украшенная жемчужиной и рубиномъ *). Вообще одежда была одинакова, какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одѣ и тѣже названія.

Ношеніе серегъ между мужчинами было во всеобщемъ употребленіи до начала XV вѣка. Въ завѣщаніи В. К. Иоанна, отца Дмитрія Донскаго, видно, что онъ отказалъ сыновьямъ своиѣ по жемчужной серьгѣ (см. собр. госуд. гр. и догов. Дух. грам. В. К. Иоанна подъ 1356 г.). По извѣстіямъ иностранныхъ писателей XVI вѣка и начала XVII вѣка, они видѣли много бояръ, купцовъ и простолюдиновъ съ серьгами. И нынѣ многіе изъ простаго народа видятъ ихъ.

Обувь простаго народа была—лапти изъ древесной коры. Это обувь изъ древности и носилась еще во времена язычества. Кроивъ лаптей изъ коры, носили башмаки изъ прутьевъ лозы, тоже плетенныя **), вѣроятно эту обувь называли пленицы ***), нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвизывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги ****). Эта обувь (саидали) вѣроятно заимствована была отъ грековъ. Простолюдины обоюго пола носили эту обувь *****). Обувь

*) Иллоросса, какъ и Заборови носили до половини нашего столѣтія чубы, чуприцы, то есть клоки волосъ на локотѣ головѣ, обвитый около праваго уха и называемый иначе оселедецъ. Обычай ношенія чубовъ древній и онъ существуетъ съ древнихъ временъ. Объ этомъ упоминаеть Талитъ

**) Petr. 314.

***) А. Ота. къ Ю. Б. 53.

****) Pass. gr. Reich. 7. Moscov. 147

*****) А. И. VI. 399 Доп. III. 145 Врем. XVI Рас. Кн. Ник 60 Вар Автм 1. 116 Оларій 182

достаточныхъ людей составляли, сапоги, чоботы, башмаки и чепухи. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфти, а у богатыхъ изъ персидскаго и турецкаго сафьяна *). Сапоги носились до колѣнъ и служили вмѣсто штанивъ для нижней части тѣла, и для того подкладывались холстиною. Ихъ снабжали высокими желѣзными подборами и подковами со множествомъ гвоздей во всей подошвѣ; у царей и знатныхъ лицъ эти гвозди были серебряные. *Чоботами* назывались полусапожки съ остроконечными носками, поднятыми къверху. Башмаки были принадлежностью не только женщинъ, но и мужчинъ. Встарину также носили и *чедны* или *мчесты*, иначе *кочошцы*, обувь заимствованную отъ татаръ; такая обувь состояла изъ сафьянаго чулка и состояла изъ двухъ видовъ: полные, достигавшіе до колѣнъ, и полуполные. При сапогахъ и чоботахъ носились чулки шерстяные или шелковые, а зимою подбитые мехомъ. Женская обувь была почти таже, что у мужчинъ и была съ такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблукъ. При нихъ были шерстяные или шелковые чулки **). Посадскія жены носили также сапоги до колѣнъ; но дворянки ходили въ башмакахъ и чоботахъ. Бѣдные крестьянки ходили въ лаптяхъ, какъ и мужья ихъ.

Вся эта обувь, кромѣ лаптей была цвѣтная, яркихъ красокъ, а иногда тѣльнаго, то есть слабозороваго цвѣта и расшивалась золотомъ въ различныя узоры, иногда жемчугомъ и до того густо, что иногда нельзя было рассмотреть цвѣта сафьяна ***). Вся эта обувь въ зажиточныхъ домахъ изготовлялась опытнымъ холопани, которыхъ при каждомъ домѣ было довольно.

Штаны, порты. Они шились безъ разрѣзовъ съ узломъ, такъ, что ихъ можно было дѣлать или шире, или уже. У бѣд-

*) Подъ лапти в другую обувь подвертывались *онучи, портянки*, то есть лоскуты холстами, ветошь.

**) Чулки вязать въ Россіи научились только при Петрѣ Великомъ, который даже завезъ для ихъ производства у Калнина носта, въ Петербургъ, чулочную фабрику

***) См Довострой 4 54 Вых Цар. 492—4 Воронеж. Агтв. 1 115

ныхъ они были изъ холода бѣлаго или крашеннаго, также изъ серниги, то есть грубой шерстяной ткани. У зажиточныхъ изъ сукна зимою, а лѣтомъ богатые и знатные носили тафетяныя, или изъ другой шелковой материи штаны. У царей, да и у бояръ штаны были изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей разныхъ цвѣтовъ, преимущественно краснаго, малиноваго, лазореваго и желтаго. Вообще же въ старину штаны достигали только до коленъ, дѣлались съ карманами, которые тогда назывались *землю* *).

Первая одежда **). На рубаху и штаны надѣвались разнаго рода верхняи одежды: такъ мы видимъ на рисункѣ въ Публичной Библиотекѣ, что Олегъ одѣтъ въ высокую синюю шапку на подобіе колпака, съ палевой опушкой, на шеѣ золотой парчи платокъ съ развѣвающимися концами на груди. Кафтанъ багряный обложенъ алой бахромой, подпоясанъ золотымъ поясомъ и въ желтыхъ сапогахъ. Давидъ и Романъ одѣты только въ алыхъ кафтанахъ, но костюмъ одинаковъ. Книгиня въ синей высокой шапкѣ съ алымъ покрываломъ; платье красное съ золотой бахромой, подпоясана золотымъ поясомъ; на рукавѣ золотое ожерелье, башмаки малиновые, крытые золотомъ; она держитъ за руку юнаго Ярослава, который представленъ въ багряномъ кафтанѣ съ золотой бахромой; подпоясанъ, золотымъ кушакомъ съ бантомъ, сапоги красные. Кн. Святославъ съ усами и съ бородой, стоитъ въ круглой, низенькой желтаго цвѣта шапкѣ, съ красною опушкой и въ синихъ сапогахъ; кафтанъ на немъ синій съ красной бахромой, поверхъ кафтана золотая княжеская мантия; въ рукахъ его книга, окованная золотомъ и покрытая малиновымъ бархатомъ.

Вся роскошь одежды, какъ мы видимъ изъ этого рисунка, состоитъ въ блескѣ золота и разноцвѣтной парчи ***).

*) А. Н. 1, 335. Дюнастрей 51. Вых. Цар. 219, 632. А. Ю. 371. Оп. Шуа 453. А. г. Шуа 174. Оп. Им. Тат. врем. VIII. Herberg 36. Барб. 54. Taborc. 455. Petr. 306. Olear. 181. Mejerb. 100 и др.

**) Памятникъ одеждъ XI вѣка можетъ служить рисунокъ Черниговск. Князя Святослава съ его семействомъ, подлин. котораго въ Императорской Библиотекѣ.

***) Въ историческомъ описаніи одеждъ и вооруженій русскихъ, состав. г. Висноватинъ, ч. 1, стр. 7, сказано, что Черниговскій Князь Святославъ одѣтъ въ

Великіе Князья имѣли частыя сношенія съ Византією, получали оттуда богатые ткани и узоры, а купцы производя значительную торговлю съ Грецією, вывозили ихъ (сказанныя матеріи) для богатыхъ и вельможъ. Великіе князья и бояре отличались пышностью одеждъ, а заслуженные изъ нихъ отъ незаслуженныхъ ношеніемъ на груди золотой цѣпи съ золотой гривной. Впослѣдствіи времени тысяцкіе Новгородскіе носили золотую цѣпь на шеѣ въ ознаменованіе ихъ власти. Великіе князья и удѣльные, цари и патріархи, носили на золотыхъ цѣпяхъ кресты и панагін осыпанные драгоценными камнями и жемчугомъ.

Простой народъ одѣвался въ толстыя одежды: женщины въ *поневы*, мушны въ *зипуны*—это самое древнее одѣваніе. Мантия называлась въ древности *корземь*, *коцемь*, *мечемь*. Вѣроятно в мантия Святослава была тоже *корзано*, то-есть верхняя одежда. Князь Владимиръ, желая защитить Игоря отъ убійства Кіевлянъ, соскочилъ съ лошади и покрылъ его *корземь* *). Великій кн. Андрей Боголюбскій женатый на дочери боярина Кучки былъ убитъ приверженцами Кучки и тѣло его было брошено въ огородъ. Кіевлянинъ Козьма, усердный слуга несчастнаго государя стоялъ надъ труномъ и плакалъ, и потомъ отнесъ въ церковь, положилъ въ притворъ и прикрылъ *корземь* **). Черниговскій князь Михаилъ прибывъ въ станъ Батмы, не хотѣлъ поклониться священному огню и кумирамъ. Ему объявили, что онъ долженъ или исполнить ханскую волю или умереть. „Для васъ не погублю своей души“ сказалъ онъ, снялъ съ себя *коць* и бросилъ убійцамъ. Возьмите славу этого міра, хочу небесной ***). Великій князь Іоаннъ Калита въ завѣщаніи своемъ отказалъ сыну своему Симеону между прочимъ одеждани, *коць* съ бармами. Это доказываетъ, что *корзано*, *коць* или *коць*, была великокняжеская одежда, хранилась въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ и въ храмѣ Божіей Матери, что во

зеленое платье въ родѣ подрясника съ красною до пола обшивкою, съ длинными рукавами и съ золотыми шариками, съ верху накинуть плащъ съ золотой бахромою снѣго цвѣта, застегнутый на правую плечъ, съ красною подкладкой.

*) Лѣт. Пестора, стр. 96—204.

**) Св. Ніевская лѣтопись.

***) Воскр. Лѣт. ч. II. стр. 223.

Владимиръ на Клязьмѣ. Половци, опустошивъ Кіевъ въ 1201 г. января 4, не оставили въ церквахъ ни одного сосуда, ни иконы и похитали драгоценными одежды нашихъ князей, которыя вѣшались во храмѣ на память потомству. *Дорзло* обратилось потомъ въ *приволоку*, то-есть въ короткій плащъ, который носили дворяне до временъ Петра I.

Пояса. Пояса золотые, осыпанные каменьями, украшали мужской уборъ. Они никогда не складывались и надѣвались гладко и ровно. Были пояса шелковые и плетеные золотомъ и серебромъ, бархатные, кожаные. Ихъ усаживали каменьями, золотыми и серебряными бляхами, жемчугомъ. При поясѣ висѣли капторги *), тузауки и калита (кошелекъ). За одинъ изъ поясовъ возгорѣлась война. Князь Василій Косой и Дмитрій Шемяка привели однажды на свадьбѣ, у роднаго своего дяди, В. К. Василія въ 1433 г.). Всѣ были веселы и всѣ изумлялись драгоценному поясу Василія Косаго. Между тѣмъ наѣстникъ Ростовскій, Петръ Константиновичъ, узналъ и сказалъ о томъ Софїи, матери В. К. Василія, которая обрадовавшись своей находкѣ и забывъ пристойность сняла поясъ съ Косаго. Произошла ссора, Косой и Шемяка оставили дворецъ съ гнѣвомъ, отправились въ Галичь, собрали войско и начали непріятельскія дѣйствія. Этотъ золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоценными каменьями первоначально былъ подаренъ кн. Суздальскіимъ Дмитріемъ Константиновичемъ, нареченному его зятю князю Дмитрію, въ послѣдствіи „Донскому“; тысяцкій Василій, во время свадьбы этого князя (1367 г.) тайно обманывалъ его на другой гораздо меньшей цѣны и отдалъ сыну своему Николаю, женившемуся на Марїи, старшей дочери князя Суздальскаго. Переходя изъ рукъ въ руки этотъ поясъ достался Василію Косому.

Кушаки. Кушаки складывались нѣсколько разъ. Они были шерстяные, шелковые, а иногда переплетались золотомъ и серебромъ, концы кушаковъ висѣли впереди. За кушаками и за поясами висѣли, по азіатскому обычаю, книжалы (*кинѣжары*) и ножи **).

*) Застѣжки.

***) Собрание Госуд. гр. и догов Ч. I Стр. 33.

Нарядъ XIII вѣка. Почти такой же нарядъ былъ въ XIII вѣкѣ. Но здѣсь встрѣчаемъ гораздо болѣе описаній о женскомъ одѣяніи и ихъ уборѣ.

Костюмы мужчинъ въ XIII вѣкѣ. Мужчины въ это время носили епанчи подобно нѣмецкимъ, покрывали головы остроконечными и довольно высокими колпаками изъ войлока. Рубриквистъ при этомъ говоритъ, что костюмъ русскихъ женщинъ мало имѣлъ различія съ европейскимъ вообще.

Костюмы мужчинъ въ XVI вѣкѣ. Павелъ Юлій, писавшій въ началѣ XVII вѣка, хвалилъ наружность русскихъ, а Олеарій хвалилъ русскую мощь и дородность, причемъ говоря о костюмахъ того вѣка упоминалъ, что мужчины любятъ подпоясываться подъ брюхо, отчего животы казались отвѣсными. Баронъ Герберштейнъ, посолъ германскаго Императора Максимилиана, одинъ изъ лучшихъ наблюдателей нашихъ нравовъ сохранилъ въ точности названія костюмовъ.

Зипуны. Исподняя одежда называлась *зипуны*, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое и короткое, иногда достигавшее до коленъ и рѣдко до икоръ. Въ *хромляков* книгѣ царскаго двора длина зипуна означена въ одинъ аршинъ, когда платье сдѣланное на то же лицо во весь ростъ имѣло въ длину два аршина три вершка. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенныя, зимніе изъ сурьмаги, у людей достаточныхъ, изъ легкой шелковой матеріи, напр. тафты. часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава зипуна придѣлывались изъ другой матеріи, напр. зипунъ былъ изъ бѣлаго атласа, а рукава изъ серебряной обьяри. Но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ. Воротники къ нимъ дѣлались узкіе и малые, а иногда къ зипунамъ, какъ и къ рубахѣ, пристегали штый, разукрашенный жемчугомъ и камнями отдѣльный воротникъ называемый *обнизью*. Такихъ обнизей хранилось много и ихъ пристегивали по мѣрѣ надобности показаться наряднѣе или проще. Онѣ были разной величины: большія и малыя.

Сарафонецъ. Кромѣ зипуна въ XVI вѣкѣ была подобная же комнатная одежда, называемая сарафонецъ, какъ кажется, начавшій выходить изъ употребленія въ XVII столѣтіи. Ихъ носилъ вмѣсто зипуна съ обнизью. Они были длинны.

Кафтанъ. кафтанецъ. Кафтанъ достигалъ до пятъ, или же только до икръ, чтобъ оставлять на показъ разшитые золотомъ сапоги. По своему произношенію видно, что онъ перенятъ у татаръ. Кафтанецъ былъ тотъ же кафтанъ, только короткій. Рукава у кафтановъ были очень длинны, такъ что достигали до земли и собирались въ складки или брыжи, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою и такимъ образомъ концы рукавовъ зашивали перчатки или муфты зимомъ, и удобно брать руками что либо горячее. Въ парадныхъ кафтанахъ концы рукавовъ украшались *заяльцами*, то-есть вышивкою золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и даже дорогими каменьями. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторачивался тесьмою, а равно и подолъ. Къ этой тесьмѣ прикрѣпляли металлическое кружево (золотое или серебряное) съдѣланное съ разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзами, по обѣимъ сторонамъ, дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другаго цвѣта въ видѣ четырехугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистями и шнуры, чтобы застегивать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ прикрѣпляли пуговицы. Въ XVI в. кафтаны застегивались чаще завязками и на подобіе татарскихъ. Но русскіе отличали свои отъ татарскихъ тѣмъ, что застегивали не на лѣвую, а на правую сторону. Впоследствии начали употреблять чаще пуговицы до 12 и до 30 на кафтанѣ. Онъ всѣ были на груди. Остальная часть разрѣза всегда была незастегнутою.оротники на кафтанахъ всегда были узкіе и малые; изъ подъ нихъ высовывалась обшнъ зипуна или рубашки. Но иногда къ кафтану пристегивалось отложное ожерелье, разшитое золотомъ и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда матеріями низшаго достоинства, тѣмъ лицевая и сверхъ того кафтанъ, кромѣ тесьмы по подолу подъ него и выше ея окаймлялась полосою матеріи другаго цвѣта, тѣмъ кафтанъ; она называлась подпушкою. Зимніе кафтаны дѣлались на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напр. на собольихъ пупкахъ или бѣличьихъ черевяхъ; такіе теплые кафтаны назывались *кожухами*.

Чуа. Такъ называлась верхняя одежда, приспособленная къ путешествію в верховой ѣздѣ. Это былъ узкій кафтанъ съ ру-

кавами только по локоть и короче обыкновенных кафтановъ, какъ это видно изъ кройки ея, ибо кафтанъ былъ длиною въ два аршина 6 вершковъ съ рукавами длиною въ 1 аршинъ 5 вершковъ. Чуга же для той же особы была длиною въ одинъ аршинъ съ тремя четвертями, и съ рукавами къ 9 вершковъ. Чуга подпоясывалась поясомъ, за который закладывался ножъ и ложки, а на грудь привѣшивалась перевязь съ дорожною сумою. Тѣже принадлежности, какими украшались кафтаны—нашивки, кружева, подпущки дѣлались по желанію и на чугахъ; чуги застегивались всегда пуговицами.

Ферязи. Такъ назывались въстарь мужскія одежды надѣваемые какъ и кафтаны на зипуны. Онѣ были съ длинными рукавами, широкія въ плечахъ, и уже кафтановъ въ подолѣ, почти всегда безъ кружева и отложнаго ожерелья, лѣтомъ изъ какой нибудь матеріи, зимою теплыя, на мехахъ. Трудно себѣ представить, чѣмъ отличалась эта одежда отъ кафтановъ. У Флетчера при описаніи русской одежды—она поставлена третьими верхними платьемъ, первое—зипунъ, второе или среднее—узкій кафтанъ съ ножешъ и ложкою за подсомъ, (подъ которыми этотъ англичанинъ разумѣлъ чугу). Третье—*ферязь*, просторное платье, окаятельное поументомъ. У Олеарія, напротивъ, говорится, что русскіе надѣвали рубаху и штаны, потомъ зипунъ, на зипунъ *ферязь* сдѣланную изъ какой нибудь легкой матеріи, а на *ферязь*—кафтанъ (Олеар. 181), такъ, что у Олеарія выходитъ четыре одежды, съ верхнею или накидною, а *ферязью* называлась одежда средняя между зипуномъ и кафтаномъ.

Во всякомъ случаѣ, по словамъ профессора Костомарова, *ферязь* была комнатная одежда; названіе это персидское. На *ферязяхъ* были нашивки называемыя *образцами*. Нашивки эти нити форму круглую или четырехугольную и отдѣлялись другъ отъ друга другой матеріей. *Ферязи* застегивались *завязками*.

Кромѣ кафтана, чуги и *ферязей* къ разряду средней одежды принадлежали: *армякъ, тешлявъ, терники*

Армякъ, армякъ. Ормяки дѣлались съ прорѣхами, съ кружевами, съ образцами, какъ *ферязи* и съ вышитыми воротниками. Его полы не слодились нитвѣ, а закидывались одна на другую.

Темная. Эта одежда имела множество пуговицъ какъ паяр. 68 или 56. (особенности покроя неизвѣстны.

Терликъ. Терликъ, по словамъ проф. Костомарова, напоминаетъ чугу потому, что онъ употреблялся для верховой ѣзды и надо предполагать составлялъ короткое платье поверхъ кафтаноу.

Опашень. Однорядка. Такъ называлась лѣтняя верхняя одежда, такъ какъ въ царскихъ выходахъ она упоминается только лѣтомъ. Осенью и весною, вообще въ ненастную погоду надѣвали *однорядку*. Какъ опашень, такъ и *однорядка*, дѣлались широкіе длиною до пятъ, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашитыми по бокамъ, вдоль разрѣза застегивались пуговицами; иногда къ воротнику пристегивалось ожерелье, (шитый золотомъ и унизанный жемчугомъ воротникъ). Опашени дѣлались изъ сукна, а у богатыхъ и знатныхъ нередко изъ шелковыхъ матерій. Однорядка всегда изъ сукна.

Охабень. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капюшономъ сзади.

Ферезя. Плащъ съ рукавами—надѣвался во время пути.

Емалца. Эта одежда была двухъ родовъ: одна дорожная изъ медвѣжьей шерсти или грубаго сукна, другая нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ, болѣе изъ пышности, тѣмъ для тепла. Последняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались предъ народомъ; она дѣлалась безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывалась на плеча и застегивалась на шею пуговицами или завязками.

Шубы. Шубы были самымъ наряднымъ платьемъ для русскаго, потому что русскіе при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ конюхахъ, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя или тулупы и заячьи, у людей средняго сословія и состоянія бѣличьи и куныи. у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ: лисицъ чернобурыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, сиводушчатыхъ. Дѣлали также шубы изъ горностаевъ. вѣроятно только изъ щегольства. На шубы употреблялись различ-

ныя части звѣрнаго шѣха, не сшивая одну съ другою. Шубки дѣлались на шуткахъ, черевахъ и хребтахъ, и поэтому нѣсли свои названія; шубы обыкновенно покрывались сукномъ, но часто и шелковыми тканями. На нихъ пошивались по бокамъ разрѣзы нашивки изъ другой матеріи, на которыя пришивались петли и пуговицы, а самый разрѣзъ окаймлялся металлическимъ кружевомъ. Впрочемъ, цѣна шѣха и ихъ достоинство, многіе предпочитали носить нагольные шубы. Такъ, однажды, говорить проф. Костомаровъ, царь Михаилъ Федоровичъ сидѣлъ за параднымъ столомъ въ нагольной шубѣ. Вообще шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церкви, въ гости, да являлись дома передъ гостями на показъ. Въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу *).

Кунтушъ (польская одежда). Это была тоже фризъ съ нашивками и пуговицы на немъ были до пояса.

Дююманы, какъ и кафтаны представляли короткія платья съ пуговицами и прорѣхами на бокахъ.

Матеріи употреблявшіяся для русской одежды. Мужчины небогатаго сословія носили одежду изъ зуби (родъ камлота), а въ высокаторжественные дни — сукномъ крытую одежду и шелкомъ, которая предпочиталась къ числу шелковыхъ матерій принадлежали: *доромъ, кинджакъ, тафта, камки, бархатъ, объяръ, алтабасъ и зорбекъ*. Вкусъ того времени требовалъ самыхъ яркихъ односложныхъ цвѣтовъ, черныя цвѣта употреблялись, какъ траурныя. По понятіямъ того времени яркіе цвѣта внушали уваженіе въ народѣ, и потому то сами цари, какъ говорить проф. Костомаровъ, приказывали иногда являться начальствующимъ лицамъ предъ народомъ въ яркаго цвѣта одежду, вѣроятно потому, что нашъ простой народъ ходилъ въ некрашенныхъ, по недостатку умѣній, костюмахъ и во всему преимущественно сѣраго цвѣта. Каждый другой цвѣтъ на него дѣйствовалъ поразительно.

Встарь были въ модѣ штофы и шарчи. Изъ тогдашнихъ шелковыхъ матерій известны были самыя цѣнныя: бархатъ, атласъ, алтабасъ и зорбекъ; алтабасъ и зорбекъ привозились съ во-

* А. М. III. 334

стока и употреблялись на самыя драгоценныя одежды царей и знатныхъ бояръ. Золотое платье считалось принадлежностью достоинства у бояръ и думныхъ людей, окружающихъ царскую особу. и когда принимали пословъ, то всѣмъ, которые не имѣли такого рода платьевъ раздавали ихъ на время изъ царской казны. Особенная драгоценность русскихъ мужскихъ нарядовъ заключалась преимущественно въ нашивкахъ, ожерельяхъ, запястьяхъ, кружевахъ и пуговицахъ, иногда съ куриное яйцо, иногда жемчужныя. Нашивки дѣлались изъ другой матеріи, отличной отъ той, изъ которой сшита вся одежда.

Перчатки, рукавицы. Длинные рукава звали рукавицы; но русскіе цари надѣвали *перстатныя рукавицы*, то-есть перчатки, и то во время холода и разувается на ивху, отороченная бобромъ *), послѣ эти рукавицы появляться стали и у прочихъ при чемъ большія назывались рукавицы, а маленькія — *рукавки*.

Шапки. Русская шапка была четырехъ родовъ; знаточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, носили маленькія шапочки, называемыя *табълми*, которыя прикрывали только одну наковку, ихъ расшивали шелками, золотомъ, унизывали жемчугомъ. Ихъ носили, какъ и въ началѣ нашего XIX столѣтія знатные особы ермолки и фески въ комнатахъ; а царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный ходилъ въ ней и въ церковь и за это поссорился съ митрополитомъ Филиппомъ. Другой видъ шапки, остроконечный, назывался *колпакъ*. Богатые дѣлали колпаки изъ атласа обыкновенно бѣлаго, по его краямъ пристегался околышекъ, называемый ожерельемъ, который унизывали жемчугомъ или жемчужными пуговками. Сверхъ того на передней сторонѣ колпака приказывали золотую запону. Зимомъ такой колпакъ подбивался мѣхомъ, который заворачивался къ верху и наружу широкою полосою. Эти колпаки дѣлались съ продольными разрѣзами на переди, а сзади до половины. Разрѣзы эти окаймлялись жемчужными нитями и застѣгивались пуговками. Этой формы шапки носили и бѣдные мужики изъ сукна или изъ войлока, зимомъ подбитые овчиною, или какими либо недорогими мѣхомъ. Третій родъ шапокъ былъ — четвероугольная низкая

* "Извѣст. 36. Князьбургъ 76.

шапка съ мѣховымъ околышкомъ изъ черной лисицы, соболя или бобра. Лѣтошъ этотъ околышекъ пристегивался для красоты, а зимою вся шапка была подбита мѣхомъ или хлопчатой бумагой. На ней дѣлались также прорѣхи, какъ и на колпакъ съ пуговками по шести на каждой прорѣхѣ. Вершокъ ея былъ чаще всего вишневаго, червнаго, зеленаго и часто иногда чернаго цвѣта: избѣгая чернаго цвѣта въ костюмахъ, русскіе считали его приличнымъ на шапкахъ. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были въ народѣ. Четвертый родъ шапокъ были, такъ называемыя горлатныя шапки—исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословій здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было заключить о происхожденіи и достоинствѣ. Можетъ быть отсюда возникла и самая пословица: „*по Селькѣ и шапка*“. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Такъ, что какъ бы не одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки и даже въ самыхъ колпакахъ обыкновенной народной шапки вышина соразмѣрвалась съ достоинствомъ рода.

Горлатныя шапки дѣлались изъ драгоценныхъ мѣховъ съ высокимъ верхомъ иногда мѣховымъ. По своей фигурѣ она составляла обратную противоположность колпаку, ибо къ верху была шире, къ низу уже; спереди дѣлалась прорѣха, окаймленная вдоль образцами или плащами съ настьками. На одной сторонѣ прорѣхи дѣлались петли, густо обложенныя жемчугомъ, изображавшую какую нибудь фигуру. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Также и въ царскихъ выходахъ царямъ подавались шапки съ колпакомъ. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно болѣе голову и часто въ комнатахъ за нарядными столами сидѣли въ своихъ тяжелыхъ шапкахъ. Когда они возвращались домой, то снимъ шапку надѣвали ее на болванецъ, расписанный нарядно иконописцами, и составившій украшеніе въ домѣ.

Стриженіе и бритье головы. Обычай окутывать голову поддерживался тѣмъ, что русскіе по восточному обычаю очень плотно стриглись, иногда даже и брили голову. Только тѣ, которые теряли родныхъ или попадались въ царскую неволю, отращивали себѣ волосы, въ знакъ печали. За то всѣ носили

бороды, и чѣмъ она была длиннѣе, тѣмъ осанка человека считалась почтеннѣе и величественнѣе, каждый нѣвшій ее, носилъ съ собою гребешокъ и повинутно охорашивалъ. При Василѣ Іоанновичѣ началъ было входить въ обичай бритые бороды и самъ Великій князь послѣдовалъ этому обычаю, но духовенство вопіяло противъ него и Стоглавъ предѣлъ неблагословенію церкви, державшихъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Подъ вліаніемъ церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человека, и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому нѣгли недоверіе и считали его способнымъ на дурное дѣло *).

Серьги, цѣпи. Въ дополненіе блеска своихъ одеждъ, русскіе украшали уши свои серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоценныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли крестъ; и такія цѣпи передавались вѣсть съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія; также цари жаловали своихъ приближенныхъ. Иногда они были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ.

Перстки, печати. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, ахонтами, изумрудами и сердоликами; съ вырзанными на нихъ печатями. Можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободочкахъ и съ желѣзною печатью. Въ старину не было наследственныхъ и гербовыхъ печатей, а каждый дѣлалъ на перстняхъ рисунки, какіе заблагоразсудитъ. Распознавать камни, русскіе не умѣли, и потому ихъ было много **).

Носовые платки. Для отиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторачивались золотою бахромою. Но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ, не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже и за столомъ и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародье не знало платковъ.

Оружіе. Въ довершеніе костюма, люди знатные привѣща-

*) Fleich. 241. Olcar 271. Врем VII. Матер для Мет Икон. 73 и др

**): Врем VII. 28 —37 Кошх. 22 А. И. П. 406. С. г гр. 1. 271. 406

вали съ боку оружіе, даже не въ военное время. Право носить оружіе предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольниковымъ, стольникамъ, иноземцамъ, начальнымъ людямъ, дворникамъ и дѣтямъ боярскимъ. Простолудинцамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ (С. г. гр. 467). Знатные и незнатные не иначе выходили изъ дому какъ съ тростью или палкою, которая отдѣлялась набалдашиникомъ или наконечникомъ изъ кости или металла: палки или посохи у богатыхъ и знатныхъ спаружи отдѣлялись перламутромъ *). Посохъ служилъ эмблемою степенности или важности, поэтому царь не иначе выходилъ изъ своихъ палатъ, какъ съ посохомъ.

II. Женскій костюмъ.

Женскій костюмъ, по свидѣтельству очевидцевъ, былъ похожъ на мужской тѣмъ болѣе, что послѣдніе были по большей части длинныя. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были и особенности, такъ что можно было съ перваго раза отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самымъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія какъ и у мужчинъ, прибавлялось слово „женскій“, напр. женская шуба, женскій опашень.

Женская рубаша, исподница была длинная съ длинными рукавами, цвѣта бѣлаго или краснаго. Красныя рубашки считались наряднымъ бѣльемъ. Къ рукавамъ рубахи пристегивались запястья вышитыя золотомъ, серебромъ, и украшались жемчугомъ.

Лѣтникъ. Сверхъ рубахи надѣвался лѣтникъ; одежда эта не была длинна и по крайней мѣрѣ не доходила до пятъ, какъ это видно изъ кропильной книги, гдѣ на царицу Евдокію Лукьяновну полагается длина лѣтника въ аршинъ три четверти, тогда какъ длина другой одежды на ту же особу простиралась до двухъ аршинъ съ полувершкомъ. Рукава его были такъ длинны, какъ цѣлый лѣтникъ и чрезвычайно широки, на-

*) Книга 12.

пришрѣ, до тринадцати вершковъ и даже до тридцати. Эти рукава назывались *малайкама*: они шились золотомъ и унизывались жемчугомъ. Подолъ обшивался другою матеріею съ золотою тесьмою, со шнуркомъ и бахромою. Вдоль одежды, на передней сторонѣ дѣлался разрѣзъ, который застегивался по самое горло, потому, что приличіе требовало, чтобы грудь женщины была застегнута какъ можно плотнѣе. Зинною лѣтники подбивались вѣхомъ и назывались *кортеллами*.

Принадлежность лѣтника составляли *вошвы*, то-есть вышитыя мѣста; но трудно рѣшить, гдѣ онѣ вшивались. Нѣкоторые полагаютъ, что онѣ пристегивались къ рукавамъ, но такъ какъ онѣ были очень широки, напримѣръ въ 17 вершковъ, то едва ли можно было пришить ихъ къ рукавамъ или накапкамъ, которые были и безъ того широки. А если только онѣ были тоже, что накладки, то можетъ быть онѣ накладывались на полы лѣтника по обѣимъ сторонамъ разрѣза, какъ нашивки на мужскихъ кафтанахъ. Эти вошвы были всегда раздѣчены и распещрены разными въ видѣ листьевъ, травъ, звѣрей и т. п.

Матерія на лѣтники употреблялись легкія, какъ у мужчинъ для зипуна, напр. тафта; но иногда изъ тяжелыхъ золотоцвѣтныхъ матерій и сребротканыхъ. На подкладку употреблялись тонкія матеріи, напр. *княдяки* или *дороги*. Цвѣта были различны. Упоминаются лѣтники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Небогатая женщины носили лѣтники изъ зуми, дороги, княдяка, а вошвы расшивали шелками и цвѣтной пряжей.

Къ лѣтникамъ, какъ къ мужскимъ зипунамъ пристегивалось шейное ожерелье. У женщинъ оно тѣснѣе прилегало къ шеѣ, чѣмъ у мужчинъ и потому иностранцы находили сходство его съ собачьимъ ошейникомъ. Оно состояло изъ тесьмы, вышитой золотомъ и унизанной жемчугомъ; къ воротнику лѣтника оно пристегивалось пуговками, числомъ до пяти *).

Жен. опашель. Это была одежда длинная съ частыми пуговками сверху до низу. У богатыхъ пуговицы были золотыя и серебряныя, а у бѣдныхъ оловячныя. Эта одежда дѣлалась

* Допол. къ вѣст. Ист. I. 76. Пазрле 54. Ав. Юр. 47. 444. Ош. Шун. 403.
См. 22. У. См. 25.

изъ сукна красныхъ цвѣтовъ; рукава были длинны до пятъ, но ниже плеча были проймы, сквозь которую легко проходила рука, а остальная часть рукава висѣла. Такимъ образомъ женщина могла показывать не только широкія накапки своего лѣтника, но и запястья своей рубашки, шитыя золотомъ. Кругомъ шеи пристегивался широкій нѣховой, обыкновенно бобрый воротникъ, называемый *омсерельемъ*, круглаго вида, покрывавшій грудь, шею и спину. По прорѣзу и по подолу опашни окаймлялись кусками другой матеріи расшитыи шелками и золотомъ *).

Тялогрва. Эта одежда составляетъ другой видъ верхней женской одежды. Въ подробности отличіе покроя ея неизвѣстно. Въ плечахъ дѣлалась она уже, къ подолу шире; рукава были длинны съ проймами, какъ въ опашнѣ, на краяхъ этой одежды пристегивалось запястье изъ другой матеріи, обыкновенно вышитое; подолъ имѣлъ подпушку широкою полосою другой матеріи, а разрѣзъ окаймлялся металлическою тесьмою или какими же кружевомъ, на которой нашивались пуговицы числомъ 16. Тесьма расшивалась золотомъ. Тялогрвы были теплыя и холодныя.

Желскія шубы отличались отъ мужскихъ; эта шуба, кажется не всегда была теплая. Если лѣтникъ въ женскомъ платьѣ сходствовалъ съ зипуномъ у мужчинъ, то опашень и тялогрва соответствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю нарядную одежду. Кроме шубы встрѣчаются названія женскихъ охабней, одюрадокъ, ериазей, которыя женщины носили съ поясомъ; въ другихъ случаяхъ эти верхнія одежды вообще назывались шубы. Нѣховыя женскія шубы дѣлались на соболѣ, куницахъ, лисицахъ, горностаихъ, бѣлкахъ, зайцахъ, смотря по состоянію, покрывались сукнами, и шелковыми матеріями, какъ-то: обьярью, канкою, атласомъ, таетою—цвѣтовъ червчатого, желтаго, зеленаго и бѣлаго. Послѣдній цвѣтъ на женскихъ шубахъ былъ въ употребленіи въ XVII вѣкѣ, покрывались часто цвѣтными тканями съ золотыми узорами. Отъ верху до низу на переди былъ разрѣзъ; онъ за-

*) Азги от. въ нр. 6. 363. А. Н. I. 211. III. 63. Олар. 163. Carl. 333. Crull. 136, и нр.

стегивался пуговицами и окаймлялся кружевомъ металлическими коваными или плетеными, либо шелковыми, расшитыми золотомъ и усаженными дробницами. Вдоль разреза по обвязи «торсона» дѣлались нашивки съ золотыми вышивками и съ кистями, а по шевъ пристегивалось къ шубѣ ожерелье изъ другого мѣха, такъ, что, если шуба была бѣлая или лѣся, то ожерелье бобровое. Рукава женскихъ шубъ украшались по краямъ кружевомъ, они особливо сшивались и хранились, переходя отъ родителей къ дѣтямъ, какъ фамильная драгоценность *).

Подволока. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надевали на себя сверхъ обыкновеннаго платья богатую мантию, называемую по русски „подволокою“. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи червчатой и бѣлой, но чаще всего изъ золотной или сребротканной съ вошвами (взрвато шитыми кистями). Края этой мантии обшивались золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными каменьями: они пристегивались къ подволоку и сшивались, когда было нужно. Они назывались подволочными заперьемъ **).

Головные уборы женщинъ. Женщины любили украшать голову и нѣтъ съ тѣмъ прикрывать волосы (заужія)

Волосники и подзубрусники. Эти головные уборы, на подобіе скуфы изъ шелковой матеріи, нѣрѣдко изъ золотной, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ сзуживать, и съ вшивкою или оторочкою по краю: эти ушники унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника въ другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ заужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачной жизни и составлялъ необходимую принадлежность приданнаго. По понятіямъ века для заужней женщины считалось и стыдомъ, и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы. Опростоволосеть (открыть волосы) женщину было большимъ безчестіемъ. Это и нынѣ считается за обиду, когда кто нибудь сорветъ съ головы женщины платокъ или другой головной уборъ. Скрошная женщины боялась

*) С. г. гр. 1. 303 340 407 (1)ear 220 А И I 24 Dec 1 76 0) г. Шул. 132. 174 187

**) С. г. гр. 1. 303 340

въ старину; чтобы кто либо изъ членовъ семейства, исключая мужа не увидалъ ея волосъ, а въ подгородской землѣ вошло даже въ обычай замужниѣ женщинамъ брить свои волосы, но этотъ обычай не одобрялся церковьюю.

Правило скромности переходило въ щегольство; такъ что нѣкоторыя женщины, укрывая волосы подволосникомъ стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами, это казалось имъ красиво. Поверхъ волосника накладывался или платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвизывался подъ подбородокъ. Его висячіе концы густо унизывались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался *убрусомъ*, и считался домашнимъ головнымъ уборомъ.

Кика, кичка, Кичка — была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемой *кичмыя челома*; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоценными каменьями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго чатеріею. По бокамъ дѣлались возвышенія, называемыя „*перенеры*“ также разукрашенные; изъ подъ нихъ, ниже ушей спадали жемчужныя шторы, числомъ около четырехъ, или по шести на каждой сторонѣ и достигали плечъ. Задняя часть кики дѣлалась изъ плотной матеріи, соболиного или боброваго нѣха и называлась: „*подзатыльникъ*“. По окранию всей кики пристегивалась жемчужная бахрома, называемая „*поднизью*“. Третій родъ головного убора былъ „*кокомникъ*“ у богатыхъ обложенный жемчугомъ.

Когда женщина выезжала, то на убрусъ надѣвала шляпу бѣлаго цвѣта съ полями, у богатыхъ покрытый золотыми матеріями, жемчужинами и камнями, съ этой шляпы спадали на спину длинныя смурки; когда шляпа была бѣлаго цвѣта, смурки обыкновенно были красныя. Также надѣвали шапки очень часто чернаго цвѣта, изъ бархата или другой матеріи, отороченныя дорогимъ нѣхомъ, иногда съ золотой запоной напередѣ и съ поднизью или кружевомъ по окранию. Дѣвцы носили на головѣ вѣнцы, они имѣли форму городовъ или теремовъ. Напримѣръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго жемчужными поясками. У вѣнцовъ были поднизѣи называемыя „*расы*“. У другихъ вѣнцы были проще фигурою и состояли только изъ золотой проволоки въ нѣсколько рядовъ, которые иногда украшались кораллами и камнями.

Дѣвичій вѣнецъ всегда былъ безъ верха, потому что открытые волосы считались символомъ дѣвчества. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки вышитой золотомъ и усаженной жемчугомъ. Такая повязка служилась на затылкѣ, и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину *). Зимою дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; она называлась „столбунцемъ“. Изъ подъ шапки выпадали одна или двѣ косы на спину, въ которыя вплетались красныя или алыя ленты. Нимы вовсе не вплетали лентъ, не заплетали косъ, а носили волосы распущенными по плечамъ; дѣвицы простаго состоянія носили повязки, которыя спереди были шире, сзади суживались, и наконецъ спускались на спину длинными концами. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы постригали себѣ волосы. Тоже дѣлали и бывшіе помѣщики во имя осрамленія женщины или дѣвушки; такое постриженіе считалось поводомъ къ укоризнѣ, срамомъ, поношеніемъ. Мы читаемъ въ заговорахъ между прочимъ, прося отъ дѣвки „простоволосой“ избавленія; не то ли же значеніе имѣеть дѣвушка остриженная, то-есть означенная помѣщичнымъ стриженіемъ косы вслѣдствіе проступка? Кто знаетъ, можетъ ее боялись, какъ чумы, чуждались, и не отъ этихъ ли падшихъ созданій при строгихъ правилахъ нашихъ укрупнившихся издавна убѣжденій, часто неправильныхъ, породилось понятіе о вѣдникахъ и другихъ вредныхъ существахъ изъ рода людей, которые нѣтъ видъ людей, рѣшаются вредить и по смерти.

Женскія серьги. Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Какъ только дѣвочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала въ нихъ серьги или кольца. Обычай этотъ равно сохранялся и у знатныхъ и у простолюдиновъ. Самая обычная форма серегъ была продолговатая; нныя назывались двончны, другія трончны (то есть двойныя и тройныя), а то одичны (одиночныя). Вообще русскія серьги были продолговатыя. На что бѣдныя женщины и тѣ носили серьги, хотя разумеется, мѣдныя, а тамъ болѣе зажиточныя—подъ часъ серебряныя и позолоченныя, но что касается до богатыхъ женщинъ, то

*) De Braune, 48.

серьги — золотыя украшались алмазами, и другими камнями, о которых мы упоминали въ заплатахъ и ожерельяхъ. При чемъ употреблялись мелкіе камешки, называемые „искорки“.

Зарукавья, браслеты. На рукахъ женщины носили зарукавья или браслеты, также съ жемчужинами и камнями, а на пальцахъ ихъ были, какъ у мужчинъ, перстни и кольца. Женскіе перстни отличались отъ мужскихъ тѣмъ, что были безъ печатей, хотя не менѣе массивны и драгоценны; вообще отдѣлка и форма такихъ ювелирныхъ вещей не имѣла существенной разницы. Шея женщины, или дѣвicy, была увѣшана множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ (наборовъ) жемчужныхъ и золотыхъ, часто составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ рядами были коротенькія цѣпочки, каждая при этомъ снабжена крестикомъ. Кроме монистъ, знатныя женщины носили золотыя или позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли разнаго рода финифтяные крестыки.

Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Москвѣ, какъ и повсюду, укладывались крупныя капиталы и между прочимъ жемчуга такъ много, что въ придавое везли часто болѣе пуда. Нужно замѣтить, что часто на свадьбахъ на одно платье шло жемчуга болѣе пуда. Доказательствомъ этого чуда дамскихъ платьевъ прежняго времени можемъ привести слѣдующее: Платье Наталья Кирилловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ и нарѣченія царской невестой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у ней заболѣли ноги.

Румяна и бѣлила. Русскія женщины любили румяниться и бѣлиться, но такъ, какъ въ то время парфюмеровъ не существовало, можетъ быть бѣлиль и красокъ парадочныхъ не было, то женщины, по замѣчанію Олеарія, сами по себѣ красивыя бѣлились и румянились до того, что совершенно измѣняли выраженіе своего лица и походили на размалеванныхъ куколъ. Кроме того они размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою, и коричневою красками; окрашивали рѣсницы и брови и при томъ самымъ уродливымъ образомъ — чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Даже тѣ изъ женщинъ, которыя были хороши собою и сознавали, что онѣ хороши и безъ разныхъ постороннихъ прикрасъ, должны были бѣлиться и румяниться,

чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ. При Михаилѣ Феодоровичѣ одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотѣла румяниться, такъ тогдашнее общество издѣвалось надъ нею: такъ силѣнъ былъ обычай: а между тѣмъ церковь его не оправдывала и въ 1661 году новгородскій митрополитъ запрещалъ пускать въ церковь набѣленныхъ женщинъ *).

Платки. Ширинки. Въ рукахъ у женщины былъ платокъ называемый ширинкою: у богатыхъ эти ширинки были шелковыя съ золотыми койнами и кистями.

Зонтики. Зонтики были въ употребленіи у знатныхъ господъ, ихъ носили надъ ними рабыни **).

Одежда поселяковъ. Бѣдыя поселянки ходили въ длинныхъ рубахахъ: на рубахи надѣвали льняныя иногда бѣлаго цвѣта, похожіе также на рубаху, иногда крашеные, а голову покрывали платкомъ изъ крашенины или шерстяной матеріи, подвязывая его подъ подбородокъ. Сверху всего, вмѣсто накиднаго платья, поселянки надѣвали одежду изъ грубаго сукна или серяги, называемую „сѣринкѣ“.

При большой зажиточности поселянки носили на головахъ платки шелковые, а сверху лѣтника одморядки изъ красной или синей крашенины, зеидена, или зуфа; зимою носили овчинныя тулупы. Дѣвочки дѣлали себѣ кокошники изъ древесной коры вмѣсто короны. Впрочемъ, при малѣйшей возможности мужъ не скупился принарядить свою жену. Въ тѣ времена у посадскихъ и у крестьянъ встрѣчались такіе богатые наряды, какихъ теперь трудно отыскать въ этихъ классахъ. Ихъ дорогія одежды были скроены просто и переходили изъ рода въ родъ: о томъ, чтобы платье сидѣло хорошо—не имѣли понятія. По большей части шили и кроили одежду дома, такъ какъ за стыдъ считалось для хорошаго семейства отдавать одежду на сторону. Въ одеждахъ не было талия, не существовало гармоніи въ цвѣтахъ, а заботились только о томъ, чтобы одежда была крѣпко сшита.

Красота женщины. По русскимъ понятіямъ красота жен-

*) Olear 180 Crull 139 Petr 307 — А. Н. IV 297

** О г Шун 174 Mejerb .

щины состояла изъ толщины и дородности. Женщина стройнаго стана не считалась красавицею. При этомъ, по словамъ г. Костомарова, русскіе любили женщинъ съ длинными ушами и изъкоторыя шеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно. Этотъ обычай какъ нельзя болѣе согласовался съ раскрашиваніемъ и съ покроємъ платья, непонятнымъ уже для насъ вкусомъ, который нынѣ считается: *безвкусіемъ*.

Сохраниеніе одежды. Какъ мужскія, такъ и женскія одежды почти всегда лежали въ кѣткахъ, въ сундукахъ подъ кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительнымъ средствомъ отъ моли и затхлости. Только въ большіе праздники, въ торжественные случаи, какъ напримѣръ, свадьбы, ихъ доставали и надѣвали. Также хранили платье въ кѣткахъ.

ОБРАЗЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

У Славянъ всегда почитали старшихъ себя. Глава семейства былъ родовачальникъ или отецъ. Жена, дѣти, родственники и слуги повиновались этому главу безпрекословно. Великодушіе Славянъ было извѣстно даже врагамъ, потому что самые враги могли найти пріютъ, защиту и хлѣбъ—соль въ домѣ каждаго Славянина.

Предки наши отличались трезвостью, умѣренностью, почтительностью въ отношеніи къ старшимъ себя, почтену и существовало общее согласіе и любовь. Къ тому же они отличались долговѣчностью, здоровьемъ и веселостью. Любили хороходы, пляску, музыку и пѣсни. Мало зная болѣзней, привыкнувъ къ стужѣ съ молода, они легко переносили безслѣдно для своего здоровья всѣ атмосферическія перемѣны.

Простой, безупречно честный народъ, не положилъ на себя упрека, а между тѣмъ оставилъ и по сей часъ слѣды своего добродушія, словоохотности и хлѣбосолюбства.

Хлѣбосолюбство. Какъ остатокъ старины, мы встрѣчаемъ и сейчасъ его въ отдаленіи отъ столицъ и большихъ городовъ. Тамъ и до сего времени существуетъ обычай, чтобы проѣзжаго и прохожаго пригласить къ себѣ въ домъ, накормить и успокоить его по возможности. Такъ было и встарь. Со случайнаго

прохожаго за хлѣбъ—соль денегъ не брали, существовала по-словница, что „хлѣбъ соль разбойника побѣждаетъ“. Это добродушіе существуетъ и по сіе время въ Малороссіи, какъ страѣ, гдѣ колыбель русскаго христіанства, да и во всей остальной Россіи. Эту прекрасную черту, наслѣдіе нашихъ предковъ, можно было въ прежнее время видѣть, какъ между помѣщиками, такъ и въ крестьянскомъ кругу. Хозяева обижались, если ихъ гости мало пили и ѣли. И подчиваше постоянно сопровождалось поклонаніи и чувствованіями. Когда бывало гость былъ не въ состояніи болѣе ѣсть и пить, тогда хозяинъ со своею женою и дѣтми становился передъ нимъ на колѣна (если гость болѣе уважаемый) и умолялъ его: еще хоть немножко! еще что нибудь отвѣдай, и такъ далѣе.

Набожность. Садился ли кто за столъ, или вставалъ изъ за стола, то непременно освящалъ чело свое крестнымъ знаменіемъ. Въ древнія времена вставали до восхожденія солнца, молились тотчасъ Богу, испрашивая Его помощя на всѣ добрыя дѣла и не помолясь, не начинали никакого дѣла. Отправлялись-ли въ дорогу, строили-ли домъ, засѣдали-ли воле, всегда ходили прежде въ церковь помолиться. Въ важныхъ и опасныхъ предпріятіяхъ исповѣдывались и причащались. Выступая въ походъ, или осаждая приступомъ городъ, всѣ воины исповѣдывались и причащались, и потомъ шли безстрашно на смерть. Сражаясь за отечество, охотно умирали мучениками, бывъ убѣждены, что ихъ души примутъ ангелы и отнесутъ въ царство вѣчнаго блаженства. Такое дѣйствіе вѣры укрѣпляло и укрѣпляетъ нашъ народъ среди его продолжительныхъ невзгодъ и бѣдствій, какъ встарь, такъ и по сіе время. И по сей часъ, наши войска прежде молебна не отираются въ походъ *).

Время сна и бодрія. Предки наши, безразлично, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ знатные, такъ и простые вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ древней Византіи ввѣсть съ церковными книгами. Сутки дѣлились на ночные и дневные часы.

*) На этотъ случай прекрасный примѣръ можно видѣть изъ жизни Владимира Мономаха

Часть солнечного восхода былъ первымъ часомъ дня. Часть заката—первымъ часомъ ночи. Такимъ образомъ число часовъ могло быть равно только во время равноденствія. А потому это время и принималось за норму. Изъ двадцати четырехъ суточныхъ часовъ, двѣнадцать относили ко дню, а другіе двѣнадцать къ ночи, несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ во время зимнее, число ночныхъ часовъ доходило до семнадцати.

Седьмой часъ утра по нашему часосчисленію былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера—первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ. На исходѣ ночи отправлялась заутреня; Богослужебные часы—первый, третій, шестой и девятый знаменовали равновѣсные дневные часы, а вечера—окончаніе дня. Русскіе на основаніи такихъ познаній о суточномъ времени, согласовали свой домашній образъ жизни съ богослужебнымъ порядкомъ и въ этомъ отношеніи дѣлали его похожимъ на монашескій. Разумется, что такой порядокъ могъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ спокойная и обезпеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу.

Молебны, моленны. У зажиточныхъ людей по чему либо, хотя бы по болѣзни, уходить и выѣзжать въ приходъ, были свои домовыя церкви, свои священники духовники, содержимые на жалованьѣ. Но эти церкви были только у бояръ, у знатныхъ лицъ. Между тѣмъ у лицъ болѣе или менѣе зажиточныхъ, имѣвшихъ собственное недвижимое имѣніе (богатыхъ обывателей), нерѣдко были устроены особенныя комнаты, въ которыхъ не было ничего болѣе, кромѣ образовъ, налоевъ, священныхъ книгъ и прочихъ предметовъ, относящихся до молитвы. Такія комнаты назывались *образными, божницами, крестовыми*. Въ этихъ комнатахъ находилось больше образовъ, чѣмъ въ прочихъ. Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ предъ всѣми въ слухъ молитвы утреннія, куда являлись и слуги, и домашцы. Разумется, въ этомъ случаѣ зажигались лампы, свѣчи, и курился ладонъ. Кто могъ пѣть, пѣлъ. Священникъ въ такихъ моленнахъ служилъ вечерню, заутреню или всенощную, иногда молебенъ.

Окончивъ молитвословіе, погашали свѣчи и лампы и рас-

ходились во своихъ занятіяхъ задернуть пеленами *) образа Таня, гдѣ мужъ допускалъ жену во домашніе занятія и во дому, то хозяйка держала съ мужемъ совѣтъ, что дѣлать на предстоящій день, заказывала кужанье, и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей; она должна была трудиться и показывать собою притѣръ служанкамъ; раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться; если служанка будила госпожу, это относилось къ стыду госпожи. При дѣятельной женѣ мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству, такъ что женѣ должно было знать всякое дѣло лучше всѣхъ тѣхъ, которые исполняли работу.

Дворецкіе и ключники. Въ большихъ боярскихъ домахъ, хозяйка не знала занятія по дому, а этимъ занимались ключники и дворецкіе. Напримѣръ, дворецкій (Мажоръ домъ, метръ дю-пале) завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ, какъ относительно порядка въ домѣ, такъ стола и домашнего хозяйства, и вмѣстѣ съ тѣмъ властвовалъ надъ холопами. При такихъ управителяхъ, какими считались ключники и дворецкіе, хозяйинъ дома нивѣлъ свой надзоръ только надъ лошадьми, надъ полями, надъ мельницами, надъ скотными дворами, и прочее; а хозяйка надъ работами относительно разнаго женскаго руководѣлія. Въ большихъ боярскихъ домахъ были двѣ двушки, которыхъ было очень много, были подвѣдомственны исключительно хозяйкѣ. Ключники распоряджались приготовленіемъ стола, часто безъ вѣдома хозяйки, по годовой росписи.

Обѣденные обычаи. Въ полдень наступало время обѣда. Холодные лавочки, парни изъ простонародія, холопы, завѣжіе въ городахъ и посадахъ, наполняли харчевни; люди домовитые садялись за столъ дома или у пріятелей въ гостяхъ.

Цари и знатные люди, живя въ особыхъ покояхъ въ своихъ дворахъ, обѣдали отдѣльно отъ прочихъ членовъ семейства и семьи. Жены ихъ и дѣти трапезовали особо. Но незнатные дворяне, двѣ боярскіе, посадскіе и крестьяне—хозяева осѣдлые обѣдали вмѣстѣ съ женами и съ прочими членами семьи. Впрочемъ, иногда семейные члены, составлявшіе съ своими

*) Пеленасы.

семьями одно семейство съ хозяйномъ, обѣдали отъ него особо. Во время же званныхъ обѣдовъ, особы женскаго пола никогда не бывали тамъ, гдѣ сидѣлъ самъ хозяинъ съ гостями. Столъ накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось, очень часто люди незнатные обѣдали безъ скатерти и ставили на голый столъ соль, уксусъ, перецъ и клали ломтями хлѣбъ. Двое домашнихъ служителей завѣдывали порядкомъ обѣда въ зажиточномъ домѣ: ключникъ и дворецкій. Ключникъ въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій при столѣ и при поставкѣ съ посудой, стоявшемъ всегда противъ стола въ столовой. Нѣсколько слугъ носили кушанье изъ поварни. На обязанности дворецкаго и ключника было пробовать кушанье, рѣзать мясо на куски.

Царскій столъ. Въ обыденномъ царскомъ быту каждое поданное кушанье отвозывалъ прежде всего поваръ въ присутствіи дворецкаго, который являлся предъ каждою переминою съ толпою жильцовъ. Сдавъ кушанье жильцамъ, дворецкій шелъ впереди ихъ въ столовую и передавалъ кравчему, который также отвозывалъ и ставилъ передъ царемъ. Обыкновенно кушанье подавали, гдѣ мясо было изрѣзано въ тонкіе куски, такъ что можно было взять каждый изъ нихъ въ руки и поднести ко рту. Отъ этого тарелки, поставленныя въ началѣ обѣда передъ обѣдавшими, не перемѣнялись, потому что каждый бралъ руками съ стоявшаго передъ гостями блюда куски и клалъ въ ротъ, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать въ нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человека въ одной мисѣ и всѣ ѣли изъ нея своими ложками. Такой способъ обѣдать приводилъ въ омерзѣніе иностранцевъ, чуждыхъ нашихъ обычаевъ. Также не нравилось иностранцамъ и то, что русскіе за столомъ зѣвали, потягивались, рыгали и — къ запаху чеснока, лука и гнилой рыбы.

Прежде всего за обѣдомъ пили водку и закусывали хлѣбомъ, потомъ подавали въ скоромные дни холодныя кушанья, состоявшія изъ варенаго мяса съ разными приправами, потомъ ѣли горячія, потомъ жареныя; и далѣе разные звары, за ними молочныя кушанья, лакомыя печенья, и наконецъ овощныя сласти. Въ постные дни, тѣмъ же порядкомъ подавали холодную

рыбу или капусту, потомъ жидкія кушанья, далѣе жареную рыбу, звары и наконецъ овощи. Какъ велось при царскихъ дворахъ, такъ бывало и у богатыхъ бояръ, разумеется съ большею или меньшею простотою (упрощеніемъ). Нужно замѣтить, что на *званыхъ обѣдахъ* бывало до 40 или 50 перемѣнъ, понятно при этомъ, что страпчїе, то-есть слуги, подававшіе кушанье, заслуживали уваженіе по своимъ трудамъ, а между тѣмъ подавали кушанье голыми и часто грязными руками.

Послѣдствіе званыхъ и вообще обѣдовъ. Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду и, находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкаго и страпчихъ, подчивалъ ихъ хмѣльными; иногда всѣхъ дарилъ и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола.

Послѣ обычнаго обѣда всѣ гости ложились отдыхать, это было въ обычаѣ. Спали всѣ отъ царей до послѣдняго изъ чернорабочихъ. Самая простая чернь отдыхала на улицахъ. Тогда то на улицахъ въ Москвѣ „на Вишнвой горкѣ“ (тогда на Вишнвоиъ рынокѣ) собиралась толпа мужчинъ; которые тамъ стриглись и отъ этого рынокъ былъ постоянно покрытъ волосами, будто полостью.

Время сна. Не спать, или по крайней мѣрѣ не отдыхать, послѣ обѣда считалось ересью, какъ и всякое отступленіе отъ прѣдковыхъ обычаевъ.

Вставши послѣ обѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Цари ходили къ вечернѣ, а часовъ съ шести вечера, по нашему счету, предавались уже забавамъ и беседамъ. Впрочемъ, смотря по важности дѣла, иногда бояре собирались во дворецъ и вечеромъ, сидѣли тамъ за дѣлами часовъ около трехъ. Въ приказахъ собирались по вечерамъ. Былъ случай, что въ 1669 году было постановлено правиломъ, чтобы приказные сидѣли съ перваго до осьмага часа ночи, такъ, какъ это было зимою, то вѣроятно до десяти часовъ, по нашему счету, считая нашимъ счетомъ первый часъ ночи на седьмой часъ дня суточного дѣленія, сообразно восточно-византійскому численію, а четвертый, когда ночь дѣйствительно наступала въ Москвѣ. Вечеръ въ домашней быту былъ временемъ развлеченій; зимою собирались другъ къ другу родные

и пріатели въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались передъ домами.

Ужины. Русскіе всегда ужинали; а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе, послѣ чего уже не дозволялось ѣсть и пить, и всѣ въ скорости ложились спать.

Благочестивыя ночи женатыхъ. Сколько нибудь зажиточныя женатыя лица, пѣли всегда особыя спальни, съ тою цѣлю, чтобы не спать вѣствовать въ ночи предъ Господними праздниками, воскресеньями, средами и досточтимыми почему-то пятницами и посты. Въ эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились въ спальняхъ предъ образами. Ночная молитва считалась, въ то время, будто бы пріятнѣе Богу, чѣмъ дневная: „тогда бо нощію умъ ти есть легче къ Богу и могутъ ты убо на покааніе обратити, нощныя молитвы паче твоихъ дневныхъ молебъ...“ *).

Бани. Русскіе ходили въ баню очень часто. Это считалось первою потребностью русской домашней жизни, довольно грязной по большей части. Обычай мыться, по многимъ случаямъ доставлялъ удовольствіе и наслажденіе, да никакъ и быть не могло по многимъ предрасудкамъ, а также и по многимъ домашнимъ суевѣріямъ, тѣсно связаннымъ съ религіозными правилами.

Почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ находилась мыльня, а въ городахъ, разумѣется съ платежемъ, были, по увѣренію Котошихина, общественныя и царскія мыльни, за входъ въ которыя платили деньги.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

*) Рус. Пол. Собр. Публ. Библ. Ж 1310.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МУЗЫКА, СЛУЧАЙНЫЯ ПРАЗДНОВАНІЯ, ПОХОРОНЫ, ОХОТА, ПРИСЛОВЬЯ, ПѢСНИ, ЗАГАДКИ И ПОГОВОРКИ.

Выраженіе удовольствія и радости высказывалось у нашихъ предковъ пѣніемъ, музыкою и пляскою и еще задолго до времени политической жизни Руси.

Византійскіе историки повѣствуютъ, что славяне, жившіе по берегамъ Балтійскаго моря, не знали войны, или если и знали, то всегда предпочитали миръ войнѣ, любили удовольствія и мирныя занятія.

Трудно рѣшить какіе музыкальные инструменты прежде всего существовали у славянъ. Можно только догадываться, что прежде всего употребляли деревянные трости и также рога домашнихъ животныхъ. Поэтому можно полагать навѣрное, что дудка и рожокъ были у славянъ самымъ первымъ инструментомъ. Потомъ появилась желейка, рогъ и свирель; наконецъ волынка, гудокъ, балалайка, ложки и гусли.

Дудка самый простой пастушескій инструментъ, существующій и по сей часъ въ Малороссіи; онъ называется *сопьялкою*.

Но дудку или сопялку нельзя смѣшивать со свирелью, потому, что въ книгѣ пророка Давіила, сказано, что въ Храмѣ построившемъ Соломономъ употреблялись *сопьялы, гусли, кимвалы, трубы, органы, свирели, самовки, и псалтири* и всякаго рода мускійска *).

Рожокъ. Въ рукахъ хорошаго музыканта можетъ замѣнить кларнетъ въ заунывныхъ пѣсняхъ. Тоже принадлежитъ къ древнимъ пастушескимъ инструментамъ.

*) Кн. Прор. Давіила, гл. 3, стр. 5—15 Паралипоменъ гл. 5, стр. 12—14 Кн. 3. Царствъ, гл. 40, стр. 12.

Жилейка или **Симовка**, образуетъ двойную дудку, издаетъ сиповатый голосъ.

Розъ дѣлается изъ двухъ деревянныхъ согнутыхъ стволовъ, похожихъ на военныя трубы; употреблялся на охотѣ. Музыка роговая была въ употребленіи при Екатеринѣ II. И любителемъ этой музыки былъ Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ. Музыка эта была пѣть введена за обильными пирами.

Свирель. Самый древній инструментъ. Онъ состоялъ изъ семи выѣстъ сложенныхъ рядомъ створовъ, длина каждаго изъ нихъ различна, притомъ, такъ срезанъ каждый изъ нихъ, что первый длиною болѣе вдвое, сравнительно съ послѣднимъ. Изобрѣтатель этого инструмента былъ богъ Панъ. Этотъ инструментъ употреблялся долгое время пастухами въ Украинѣ и въ Малороссіи. Въ Россіи ихъ также употребляли на пирушкахъ и въ хороводахъ.

Волынка. Представляетъ весьма своеобразный по характеру инструментъ, напоминающій собою гармонику или мѣхъ въ валахъ; здѣсь дѣйствуетъ воздухъ заключенный въ бараній мѣхъ къ которому приложены три дудки и трубочка. Въ трубочку прикрѣпленную къ верху напускается воздухъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, опредѣлены двѣ разной величины трубки, чрезъ которыя воздухъ проходитъ, даетъ басистые голоса, а третья небольшая трубочка, имѣетъ нѣсколько отверстій сбоку, даетъ возможность играющему производить пальцами разные голоса и звуки.

Гудокъ. Этотъ инструментъ струнный, походитъ на скрипку, на которомъ находится три струны; играютъ посредствомъ смычка. Рукоятка его вверху загнута, какъ у баса—съ тремя колышками; по струнамъ водятъ смычкомъ и гудокъ производитъ гуденіе.

Балабайка. Весьма известный трехъ струнный инструментъ, высоко настройваемый, служитъ для плясовыхъ пѣсенъ.

Ложки. Это два деревянные инструмента, напоминающихъ двѣ сложенные выѣсты ложки. Рукоятки ихъ унизываютъ сквозными бубенчиками и оставляютъ ихъ висѣющими, подобно винограднымъ кистямъ; во время музыки трясуть ложками, которыя отъ движенія шариковъ издаютъ многообразныя звуки. Тоны ихъ многимъ нравятся лучше бубенъ.

Гусли.— Они пѣютъ видъ легкой ручной арфы съ мѣдными струнами; строй ихъ свободной, можно настраивать то очень высоко, то очень низко; Этотъ инструментъ былъ извѣстенъ въ глубокой древности Евреямъ. Еще Давидъ, будучи оруженосцемъ у Царя Саула часто усыплялъ его гнѣвъ кифарамъ и воспѣвалъ славу Божію *). Въ Малороссіи долгое время играли на гусляхъ, но нынѣ они выводятся. Но у Сербовъ этотъ инструментъ существуетъ и по сей часъ.

Трубака музыка. О трубной музыкѣ впервые упоминается въ Кіевской летописи, именно въ словѣ о полку Игоревѣ (кар. И. Г. Р. часть III. Пр. 165). Что при осадѣ Кіева въ 1151 г. Князьями Георгіемъ Суздальскимъ и Владиміромъ Галицкимъ, осажденные и осаждаемые трубили въ трубы, и били въ бубны. Во время междуусобія Новгородцевъ съ Владимірцами (въ 1216 г.) первые были 60, а послѣдніе 40 трубъ и 40 бубенъ. Во время похода Русскихъ противъ волжскихъ болгаръ (въ 1220 г.) въ нашемъ стану были трубы, бубны, сурни, сопѣли. Въ это время были извѣстны флейты. Въ XVI вѣкѣ онѣ дѣлаются повсемѣстны, какъ то видно изъ пѣсни того же вѣка:

То яхи въ бубны вдаряють
У свистинска да у трубы выгривають,
У се войско свое до купы у громаду склякають.

Въ томъ же столѣтіи появляются набаты, литавры (накры) флейты и спповки.

Первоначальный видъ трубъ намъ не извѣстенъ, но должно думать, что онѣ были прямыя, какъ у древнихъ народовъ, и состояли изъ одного колѣна, и потомъ, измѣняясь въ устройствѣ, онѣ получили нынѣ существующій видъ то есть трехколѣнные и прямыя.—Къ трубамъ привѣшивали кисти на шнурахъ и завѣсы четырехъ угольных: изъ парчи, камки, тафты съ серебряной и золотой бахрамой **).

*) Исаѣядитисъ Господени въ гусляхъ, во псалтири десятиструиннохъ, пойте Емуд Кав. 5, стр. 2. Псалмъ ан. Кав. 8, ст. 9. Кав. 10, ст. 22 и пр. Смотр. Псалтирь съ толкованіемъ. Изд. Кіев. Печ. Ян. 1814 г.

**) Въ рис. къ путешествію бар. Майерберга. Изд. Гос. Канцл. Гр. П. Рунковичемъ въ 1827, изобр. трубачи играющіе на трубахъ съ завѣсами.

Бубнами или пакрами называется подобіе нашихъ литавръ. Это была небольшая ищная чаша съ натянутою поверхъ ея кожей. Конные привязывали ее къ седлу, а пѣшіе держали лѣвою рукою и били вощаю изъ толстаго ремня съ прикрѣпленнымъ на концѣ ея ремешкомъ шаромъ. У каждаго воеводы былъ привѣшенъ къ седлу *Тулумбасъ* или *Жулумбасъ*, поменьше описанныхъ бубонъ, въ который онъ самъ билъ во время надобности.

Сурми. Такъ называлась длинная узкая труба и приняла съ закрытымъ нижнимъ отверстіемъ.

Набатъ. Такъ назывался большой ищный барабанъ, который укрѣплялся на деревянномъ штыкѣ помощью цѣпей: его удерживали на четырехъ рядахъ поставленныхъ лошадяхъ. Для ударенія въ него употребляли вощь человѣкъ *).

Каждый воевода нивлъ свой набатъ въ который по его распоряженію били тревогу въ войскъ, отъ чего произошло слово бить въ набатъ, то есть дѣлать тревогу; но штыкъ эта тревога производится церковными колоколами.

Кромѣ музыки военной, да музыки на свадьбахъ, духовенство запрещало ее вводить во всегдашнее употребленіе на пирахъ, кромѣ жившихъ въ Москвѣ ищдець. Олеарій говорить, что однажды Патріархъ приказалъ собрать все музыкальные инструменты у частныхъ лицъ, нагрузивши ими пять возовъ, за рѣкой Москвой сожгли.

Простой народъ бѣгалъ отъ музыки, болѣе нечистой силы, будто бы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на томъ свѣтъ; раскаявшихся не допускали къ причастію. Такъ было до Петра Великаго, который успѣлъ разсвѣять нравъ невѣжества убѣжденіемъ, что музыка возвышаетъ чувство, снйгаетъ грубость нравовъ, доставляя самое невинное удовольствіе.

Въ продолженіе XVII столѣтія появились въ Россіи многіе музыкальные инструменты, изъ которыхъ неречислимъ:

Барабалъ. Былъ пѣвственъ у Риллявъ. Его употребляли для собиранія воиновъ для войны. Приписываютъ Сарацинамъ его изо-

*) Извѣстны думаютъ, что набатъ вощель въ насъ отъ Татаръ. См. Истор. опис. одеждъ и вооруженій. Ч. 1, стр. 10.

братеніе. Эдуардъ III, король Англійскій, въ первый разъ услышалъ его, при въздѣ въ Кале въ 1347 г. *)).

Первоначальная наружность барабана была та же, что и нынѣ: деревянное лукошко вызолоченное или выкрашенное, два вокругъ его обруча и двѣ натянутыя кожи составляли все его устройство. Въ полкахъ носили барабанъ на широкой тесьмѣ или на кожаномъ ремнѣ, повѣшенномъ черезъ правое плечо; хранили въ суконныхъ чехлахъ, называвшихся *качалыщемъ* и *чемоданомъ*.

Литаары были тоже самое, что бубны, но больше видомъ, хлѣбныя, а часто серебряныя. Къ нимъ привѣшивали для *украшенія завѣсы* камчатныя, суконныя изъ яркихъ цвѣтовъ и обшивали шнурами и кистями. Въ *литаары* были небольшія палочки, съ закругленнымъ на концѣ шарикомъ.

Варгана тоже музыкальный инструментъ, зашедшій къ намъ изъ Польши, а Польша получила его изъ Германіи, представляетъ небольшое металлическое орудіе съ язычкомъ въ срединѣ. Приложивъ его на зубы, и вдыхая въ себя воздухъ бьютъ пальцемъ по языку, который при этомъ производитъ довольно пріятныя звуки, по нѣрѣ движенія вдыхаемаго воздуха.

Органъ, отъ него испорченное слово *варганъ*, введенъ католическимъ духовенствомъ, при богослуженіи не ранѣе IV столѣтія; употребляется нынѣ почти во всѣхъ христіанскихъ церквяхъ кромѣ грекороссійской. Органы изъ духовнаго преобразовались въ танцевальныя и застольныя, а эти послужили къ устройству *клавировъ*, *ролей*, *клависнъ* и *шаржанокъ*.

Во времена Екатерины второй существовала кавалергардская музыка, или трубачи; однако она не простиралась далѣе гвардіи. Императоръ Павелъ I началъ вводить музыку во всѣхъ полкахъ, отчего она и стала называться *военною*. Александръ I позаботился окончить намѣреніе своего отца и теперь она неразлучна съ потребностью вкуса.

Бандура, кобза. Бандура родъ арфы съ 12, а иногда 28 металлическими струнами; ихъ вѣшали на шею и ходили съ ними изъ деревни въ деревню слѣпцы или старики. Этотъ инструментъ преимущественно извѣстенъ въ Малороссіи.

*) Барабанъ древнее названіе Франковскихъ Славянъ, *Варабанъ*.

Цибалы или *килеалы*. Родъ фортепіано съ металлических струнами. Струны эти натянуты на рамку; по этимъ струнамъ ударяють стальною палочкой, или надвѣтывъ на палецъ стальнымъ наперсткомъ. Игра на Цибалахъ сопровождается или пѣніемъ, или какими либо духовнымъ инструментомъ. Звукъ ея громкій и пріятный.

Случайныя и частныя празднованія *).

Рожденія младенца. Зажиточные люди утверждали родильные столы, а крестьяне готовили особое пиво и брали для того разрѣшеніе отъ начальства (А. А. Э. 420). Родильницы получали отъ гостей подарки обыкновенно деньгами. Это соблюдалось и у знатныхъ, но только для исполненія обычая; ибо родильницъ въ домъ боярскомъ давали по золотому. Русскіе сѣвши крестить младенца и чаще всего крещеніе происходило на осмой дець, но иногда и въ сороковой, такъ какъ эти числа напоминали въ младенческой жизни Иисуса Христа событія обрѣзанія и срътенія. Имя изрекали чаще всего случайно, по названію святаго, котораго память случалась въ день крещенія. Крещеніе проеходило у всѣхъ сословій въ церквахъ, и въ домахъ допускалось только по болѣзни или крайней слабости новорожденнаго и непремѣнно не въ той комнатѣ, гдѣ онъ рожденъ, такъ какъ та комната долгое время считалась оскверненною.

Выборъ воспріемника падалъ чаще всего на духовнаго отца или родственника. При крещеніи на новорожденнаго надѣвали крестъ мѣдный, серебряный или золотой, который на шею оставался на всю жизнь. Воспріемнику священникъ возлагалъ на шею бѣлый платокъ и связывалъ его обѣими концами; а по окончаніи обряда платокъ этотъ снимался и оставался въ церкви (Стогл. гл. 45.). Послѣ обряда, въ тотъ же день учреждался *крестинный столъ* и при этомъ, кромѣ гостей кормили и нищихъ. Царь въ день крещенія дѣлалъ торжественный столъ для патріарха, духовныхъ властей и свѣтскихъ сановниковъ;

*) Заимств. изъ очерка жизни и пр. рус. нар. Терещенко. 1860 г

по окончаніи обѣда духовные благословляли новорожденнаго, а прочіе гости подносили ему дары. Въ царскомъ быту это былъ единственный разъ, когда царское дитя показывали до совершеннолѣтія; съ тѣхъ поръ оно долго оставалось въ глубинѣ царскихъ хоромъ. Крещеніе царскаго младенца не ограничивалось однимъ обычнымъ крестиннымъ столомъ.

По городамъ и монастырямъ ѣздили жильцы съ грамотами, возвѣщавшимъ о рожденіи царскаго дѣтища. и всѣ монастыри спѣшили везти къ новорожденному подарки; тѣмъ, которые мало давали, замѣчалось, что они мало желаютъ добра новорожденному изъ царскаго дома.

Въ свою очередь, однакожъ, по случаю рожденія дитяти, царь прощалъ виновныхъ и оказывалъ царскія милости (Доп. I. 119).

Духовное рожденіе считалось значительнѣе тѣлеснаго и отъ того день рожденія оставался незамѣтнымъ, а день ангела или именины во всю жизнь праздновался каждымъ, кому позволяло состояніе.

Родилки у Пермьковъ *). Пермячка вообще мало обращаетъ вниманія на беременность и работаетъ, какъ и въ беремености, до послѣднихъ часовъ. Зимой — если пермячка дома, она удаляется для разрѣшенія въ баню, а лѣтомъ — въ хлѣвъ, впрочемъ, изъ хлѣва, хотя это и лѣтомъ, она все же разрѣшившись отъ бремени, идетъ въ баню и часто сама ее затопляетъ, если нѣтъ при ней домашнихъ женскаго пола. Если же родитъ въ дорогѣ, въ полѣ или на пути къ дому, то неминуемо топятъ баню тамъ, куда она придетъ.

Повивальная бабка называется у нихъ *юмь-баба*, то-есть пуповая баба, или *бабитчись-баба*, то-есть — повивальная. Ее призываютъ нерѣдко передъ родами, но чаще послѣ родовъ. Эти бабки у нихъ — старухи, изъ числа тѣхъ, которыя по себѣ, подобныхъ случаевъ много испытали и знаютъ при этомъ много молитвъ, заговоровъ, умѣющая лечить. въ случаѣ трудныхъ родовъ и знающая приѣмъ.

Родильница передъ родами, прежде всего развязываетъ на себѣ всѣ узлы, снимаетъ поясъ, скидаетъ дубасъ, расплетаетъ косы, иногда разрываетъ станъ рубашки. Это, по мнѣнію пер-

*) Пермскій Сборникъ. 1860 г. Книг. II.

ничекъ, облегчаетъ и ускоряетъ роды. Но если, вопреки такой предосторожности, она „мучится“, та бабка приводитъ ее въ избу, раскрываетъ столъ скатертью, ставитъ на нее хлѣбъ, соль и брагу; вотонъ отодвигаетъ столъ отъ лавокъ, распускаетъ на родильницѣ всякіе, какіе бы то ни было узлы и трижды обводитъ вокругъ стола, каждый разъ, приговаривая: „какъ скоро раба (такая-то) обойдетъ кругъ стола, такъ скоро и родитъ“, затѣмъ беретъ съ божицы образъ, обмываетъ его свяжею водою надъ дномъ опрокинутаго ведра, которая при этомъ скопится на обороченномъ кверху донцѣ, даетъ пить родильницѣ изъ трехъ пѣсть, поворачивая ведро по солнцу; въ заключеніе, оставшеюся водою спрыскиваетъ родильницу въ распахъ, чтобы искугомъ ускорить актъ разрѣшенія, а домашніе съ этой же цѣлью, неожиданно производятъ тревогу, крича въ избѣ, или подъ окномъ, на улицѣ, что нибудь такое, что способно возбудить чувство испуга, напр.: горитъ пожаръ!.. Такими средствами достигаютъ разрѣшенія родильницы отъ бремени... Послѣ родовъ уводятъ въ баню родильницу. Неблагополучные роды бываютъ очень рѣдки, благодаря крѣпкой натурѣ пермацихъ женщинъ.

Какіе бы не случались роды: трудные или легкіе, во всякомъ случаѣ первое дѣло бабки приготовить въ банѣ „воду отъ уроковъ“. Вода для этаго употребляется непременно рѣчная, бабка нарочно ходитъ за ней съ чистымъ ведромъ и зачерпываетъ ее всегда по теченію рѣки. Возвратившись съ рѣки въ баню и сотворивъ Иисусову молитву, бабка погружаетъ въ ведро правую руку и зачерпнувъ тамъ горстью воду, спускаетъ ее по рукѣ черезъ локоть въ нарочно приготовленный тулъ, нашептывая: „какъ вода на локтѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (ниа родильницы) ни уроки, ни призоры не держались“. Такими образомъ черпается воды тридцать локтей (то есть три раза по девяти, 18), которые всегда считаются съ отрицаніемъ, какъ говорится „сзади“: не одна, не двѣ, не три, не четыре.... и т. д., до девяти, потомъ считаются вторые и третьи девять. Съ молитвою спустивъ въ эту воду три накаленища до красна уголька, бабка горстью правой руки черезъ локоть лѣвой, льетъ эту воду трижды на крайній камень каменѣи, потомъ трижды на дверную скобку, придерживая

туясь такъ, что пролитая вода опять стекаетъ въ него же; при этомъ: каждый разъ она приговариваетъ: „какъ на кашѣ (пли скобѣ) вода не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя) ни уроки, ни призоры не держитесь!“ Этими кончаются чары надъ водой,—и она послѣ этого считается такъ сильно заговоренною, что ни одинъ колдунъ, дѣлается не въ силахъ уничтожить ея цѣлительную силу. Затѣмъ, бабка становится родильницу лицомъ на востокъ—если только она можетъ стоять—въ противномъ случаѣ, сажаетъ ее на банный порогъ и три раза брызгаетъ ей въ лицо, набравши ей въ ротъ наговоренною водою, приговаривая: „какъ вода на лицѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя) ни уроки, ни призоры не держитесь!“ Выливъ изъ туса остальную воду родильницѣ на голову, бабка подхватываетъ воду при ея паденіи съ головы въ правую горсть и брызгаетъ ею на каменку изъ подъ лѣвой своей ноги.

Въ домѣ, между тѣмъ готовятъ родильницѣ теплую брагу, а у кого есть—и рыбные пироги. Родильница остается съ бабкой два, три дня и болѣе, въ банѣ, смотря по состоянію своего здоровья, по выходѣ же вскорѣ принимается за свои обыкновенныя домашнія занятія. Принеся новорожденного въ первый разъ въ избу, бабка передаетъ его на руки отцу, который самъ кладетъ его въ люльку, и тѣмъ, какъ бы официально признаетъ его своимъ дѣтищемъ.

Вскорѣ послѣ родовъ въ перьяцкихъ семьяхъ были крестины. Для этой цѣли зажиточные отцы приглашаютъ священника къ себѣ въ домъ; у всѣхъ же прочихъ, составляющихъ большинство, бабки приносятъ новорожденныхъ для крещенія въ церковь, во всякую пору года, въ ближайшіе послѣ родовъ, воскресные дни. Разумѣется, бывають случаи, что крещеніе слѣдуетъ иногда тотчасъ послѣ родовъ. При крещеніи родители рѣдко просятъ священниковъ, дать то или другое имя ребенку; обыкновенно эта статья представляется рѣшенію самаго священника, который и даетъ ребенку имя святаго, котораго память празднуется въ день крещенія, или ближайшій къ нему. Воспріемниками отъ купели родителя назначаютъ кого-либо изъ родственниковъ, или иногда изъ коротко знакомыхъ; ихъ приглашаетъ обыкновенно отецъ. Никакихъ расходовъ

о этому случаю восприенники не дѣлають, заштыте: крестъ, повязь, рубашка. разки — холстъ, на который приймають отъ купели — бывають хозяйскіе, домашніе. Если восприенницею бываетъ дѣвушка, то случается, что во время крещенія она распускаетъ свою косу у своего затылка въ одинъ пучекъ; когда новорожденного крестятъ дома, то послѣ совершенія таинства, отецъ угощаетъ священника дома виномъ съ кумомъ и кумою, обрядомъ.

Крестные отецъ и мать у Пермяковъ уважаются, какъ близкіе родные.

Спустя шесть недѣль послѣ крещенія, восприенникъ приносить отъ крестника подарокъ — холстину аршина въ два длиною. Въ день своего ангела, для выраженія почтенія, крестники, или крестницы ходятъ иногда къ своимъ восприенникамъ, если они живутъ близко, съ челванами хлѣба. Восприенники отдаривають малютокъ деньгами. Понятно, что отдарки бывають не велики и ограничиваються двумя, тремя копейками серебромъ.

Въ домъ родителей, новорожденному приготавливали люльку называемую (Дютьтатанъ). Люльку эту привѣшиваютъ обыкновенно подъ полатями, или градками на едва гнущемся оцепѣ (шесть). Вместо постели кладуть грязные обноски одежды и разное грязное тряпье. Полога у колибели не бываетъ.

Пермячки по большей части кормятъ сами дѣтей своей грудью и всегда около года; нѣкоторыя даютъ ребенку рожокъ съ коровинымъ молокомъ. Чуждыя всякой застѣчивости, пермячки кормятъ грудью открыто, какъ при домашнихъ, такъ и при постороннихъ. Отнимають дѣтей отъ груди, кормя дѣтей предъ наступленіемъ года коровинымъ молокомъ, а потомъ крошками хлѣба въ горячихъ щахъ, или просто въ горячей водѣ, а коль скоро, дѣтя достигнулъ полуторо-годовалого возраста, то кормятъ тѣмъ, что едятъ взрослые *).

Имянины. Духовное рожденіе считалось значительное тѣлеснаго и отъ того день рожденія оставался незамѣтнымъ, а день ангела или именины во всю жизнь праздновались каждый, кому позволяло состояніе. Съ утра именинникъ или именинница

*) См. Пермскій Сборн. кн. 11. 1860 г.

разсылали гостямъ именнинные пироги; знатность лица, которому посылались пироги, измѣрлась величиною посылаемаго пирога. Гости, по приглашенію, сходились на именнинный столъ и приносили именнинникамъ подарки; духовные благословляли именнинниковъ образами, а свѣтскіе подносили матерію, кубки или деньги. Въ царскомъ быту, царь въ день своихъ именннъ по выходѣ изъ храма отъ обѣдни, раздавалъ изъ своихъ рукъ именнинные пироги; тоже дѣлала царица у себя въ свои именнины. Совершеннолѣтніе царевичи отъ себя раздавали именнинные пироги, а въ день именинъ царевны, или малолѣтняго царевича раздавалъ пироги отъ именнинника царь. Но все таки почиталось необходимымъ, чтобъ отъ именнинника были розданы пироги. Если бояринъ или окольничій былъ именнинникъ, то являлся съ пирогами къ царю; царь принималъ пирогъ и спрашивалъ именнинника о здоровьи, потому именнинникъ представлялся царицѣ и также подносилъ ей пироги.

Съ другой стороны царю, какъ и частнымъ лицамъ, на именнины подносили подарки, какъ и подносили царю и въ другихъ случаяхъ, уже обратилась въ законъ. Всѣ торговые люди должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный дворъ и съ казеннаго двора продавались; нерѣдко случалось, что купецъ покупалъ на казенномъ дворѣ ту самую вещь, которую когда то подарилъ царю и теперь подносилъ ее государю въ другой разъ. За именнинными столами приглашенные гости пѣли многолѣтіе, а послѣ стола именнинникъ съ своей стороны иногда отдаривалъ гостей; по крайней мѣрѣ такъ водилось у царей *). У русскихъ долго было въ обычаѣ кромѣ христіанскаго имени имѣть еще другое прозвище, или не крещеное имя; обычай этотъ водился въ удѣльные времена между князьями, которыя, кромѣ крещенаго имени всегда имѣли еще княжеское, старо-славянское и болѣе были извѣстны подъ послѣднимъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ мы встречаемъ множество именъ и прозвищъ, которые существовали вѣдѣствѣ съ крещеными именами и употреблялись чаще послѣдняго, такъ что и въ дѣловыхъ бумагахъ назывался человекъ не христіанскимъ именемъ, а прозвищемъ; напр. Смирный, пер-

*) Дов. Б. Рус. цар. От. Зап. 1854 г. лив. 31

вий, девятый, злодѣй, Козель, Паукъ, Руснитъ, Злоба, Шестакъ, Неупокой, Нехорошко, Блѣвница, Дулай, Май, Доспѣлко, Распуга, Мясоедъ, Кобакъ *). Даже священники носили такія имена. Иногда было три имени: прозвище и два крещенныхъ имени—одно явное, другое тайное, известное только тому, кто его носилъ, духовнику, да самымъ близкимъ. Это дѣлалось по тому вѣрованію, что лихіе люди могутъ дѣлать ему вредъ разными способами и вообще иногда легко сглазить человека. Поэтому въ глазахъ людей прикрывались чуждыми именами, скрывая настоящее. Случалось, что человека котораго всѣ знали за какого нибудь Ивана, послѣ кончины на погребеніи называли Павломъ и тутъ узнавали его имя. Случалось, что крещенное имя перемѣнялось по волѣ царя; напр., Дзвизу Марію Клинову, взятую на царскій дворъ въ 1653 г., съ намереніемъ быть ей невѣстою государя, переименовали Анастасіей; но когда Государь не захотѣлъ взять ее къ себѣ женою, тогда она опять стала Марією. Другіе, особенно бѣглецы—самопроизвольно перемѣняли свои имена и прозвища и оставались навсегда съ новыми, такъ и записывались.

Нрѣдко царя давали почетныя прозвища людямъ и эти прозвища оставались навсегда и потомъ переходили въ потомство какъ фамильное названіе. Напр. въ 1564 г. одного мордвина царь нарекъ Дружиною (Врем. V. см. 52).

Прозвища классическія, столь обыкновенныя въ семинаріяхъ, были въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ, ибо въ 1635 году встрѣчается фамилія Нероновыхъ, (А. И. П. 333).

Старинныя женитьбы и свадьбы. Русскіе женились вообще очень рано; бывали случаи, что женихъ имѣлъ только 12 или 13 лѣтъ. Нужно замѣтить, эти родители спѣшили удалить юношу или дѣвушку отъ соблазновъ холостой жизни, такъ какъ вообще по тогдашнимъ понятіямъ непопозволеннымъ любовныя связи счѣтали непростительнымъ и незамолимимъ, и ставили наравнѣ съ тяжкими преступленіями.

Рѣдко случалось, чтобы русскій оставался не женатымъ; развѣ только болѣзнь или обѣщаніе вступить въ монастырь. При женитьбѣ женихъ и невѣста часто не знали другъ друга,

*) См. очеркъ Дѣт. жизни и нравовъ Р. Н. Костомарова. ст. 156.

и подъ вліяніемъ родителей играли страдательную роль. Нравственныя понятія того времени не позволяли соблазняться молодымъ людямъ обоего пола, и даже женихъ не имѣлъ права сказать о томъ, что онъ хочетъ жениться, находясь въ полномъ повиновеніи родителя. Только тотъ могъ исполнѣ распоряжаться по собственному соображенію, когда былъ въ зрѣломъ возрастѣ, вступалъ во второй бракъ или вовсе не имѣлъ родителей. Сами цари дѣйствовали такимъ образомъ. Михаилъ Феодоровичъ предлагалъ дочь свою за датскаго принца *). Иногда браки начинались по волѣ высшихъ особъ; такъ цари и великіе князья женили своихъ бояръ и ближнихъ людей и сами выбирали имъ невѣсту, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая ихъ согласія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ правительство, желая умножить народонаселеніе въ Сибири, хотѣли непремѣнно, чтобы пашенныя крестьяне, тамъ поселенные, отдавали дочерей своихъ за ссыльных; но какъ честныя поселенцы не хотѣли брать себѣ въ зятя мошенниковъ и воровъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за ослушаніе большую пеню.

Въ старину бракъ совершался такъ: Родители, предпринимавъ намѣреніе женить своего сына, совѣтовались съ своими ближайшими родственниками, и часто не говорили объ этомъ жениху; избравши семейство, съ которымъ не стыдно было завести родственную связь, они посылали къ родителямъ невѣсты свата или сваху для предварительнаго объясненія.

Если родители невѣсты не желали вовсе отдать дочь свою за предлагаемаго жениха, то имѣли ту же, какъ и нынѣ отговорку на молодость дочери. При согласіи же, заявляли его тотчасъ, но все таки не спѣшили повидному, ссылаясь на то, что они будутъ совѣтоваться съ родственниками и назначали день рѣшительнаго отвѣта.

Когда, наконецъ, давалось согласіе, свать или посредникъ, просилъ дозволенія видѣть невѣсту. Случилось и такъ, что дозволенія этого не давалось, иногда изъ кичливости, а иногда по безобразію невѣсты. Но чаще случалось, что родители соглашались показать невѣсту и тогда пріѣзжала мать жениха

*) С. Г. Гр. III 406.

или посылалась женщина называемая смотрительницей, но все таки смотрѣлъ невѣсту не женихъ. Показъ невѣсты происходилъ различными образомъ. Иногда смотрительницу вводили въ убранныю комнату. гдѣ невѣста стояла въ лучшемъ своемъ нарядѣ, съ лицомъ закрытымъ покрываломъ; иногда же невѣста сидѣла за занавѣсомъ, и занавѣсъ отдергивался. когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась по комнатѣ, заговаривала съ нею, стараясь выпытать, ушла ли она *), хороша ли, не безъязычна ли, и рѣчью во всемъ исправна ли. Бывало у родителей дочь-невѣста уродъ, то показывали младшую дочь, а то и служанку показывали смотрительницѣ. Такъ какъ женихъ не имѣлъ права видѣть невѣсту до брака; а потому долженъ былъ довольствоваться тѣми свидѣніями, которыя сообщала смотрительница. Онъ узнавалъ обманъ только послѣ свѣчанья. Обманутый женихъ могъ жаловаться духовнымъ властямъ; производился розыскъ, допрашивали сосѣдей, знакомыхъ и дворовыхъ людей. и если обманъ открывался, то виновнаго наказывали кнутомъ и бракъ расторгали: но это случалось очень рѣдко, чаще, подводили дѣло такъ, что женихъ долженъ былъ жить съ своей новобрачной и ему тогда говорили позднее нравоученіе: „не провъдавъ доподлинно, не женись“.

За то мужъ, въ утѣшеніе себя, колотилъ свою жену. принуждалъ ее постричься, а иногда тайно умерщвлялъ: поэтому, нѣкоторые женихи, чувствуя въ себѣ довольно силы и значенія передъ семьей невѣсты настаивали, чтобы ему дозволили самому видѣть невѣсту и родители позволяли. если дорождал женихомъ. Но тогда этому жениху было трудно отъѣзжаться. Видѣть невѣсту и отказаться отъ нее считалось безчестіемъ и родители невѣсты могли напутать на жениха духовнымъ властямъ много такого, что и не снилось жениху и вовлечь его въ бѣду и отвѣтственность. Пр. Костомаровъ приводитъ такой примѣръ *). Одинъ молодой человекъ, вѣроятно не имѣвшій родителей, задумалъ жениться и поручилъ свату найти ему невѣсту. Пріятель условился съ однимъ посадскимъ

*) Кошлс. 120.

***) (Strauss 199. Колл. 11).

обмануть его. У этого посадскаго была кривая дочка. Родитель этой красавицы обѣщала пріятелю щедрую награду, если онъ сбудетъ ее за охотника. Свать отправляется къ жениху и говоритъ, что онъ можетъ видѣть изъ окна невѣсту, когда онъ пройдетъ по улицѣ. Дѣвицу провели во всемъ убранствѣ и женихъ смотрѣлъ на нее изъ окна. Дѣвица иди, держалась такъ, что женихъ видѣлъ только ея здоровый глазъ и, не замѣтивъ другаго, рѣшился на ней жениться. Плохое житье было какъ мужу такъ и женѣ: выигралъ въ этомъ только одинъ свать.

И нынѣ есть въ обычаѣ въ старинныхъ русскихъ семействахъ и особенно между провинціалами — старострами, что родители не спрашивая согласія своихъ дѣтей, соглашаются между собою и насильно совершаютъ бракъ, ради своихъ дружескихъ отношеній, коммерческихъ выгодъ, или хорошаго собутыльничества.

Великокняжескія, а впоследствии царскія свадьбы начинались смотромъ дѣвиць. Собирали изъ разныхъ мѣстъ дѣвиць дворянскихъ фамилій и царь смотрѣлъ на нихъ и выбиралъ изъ нихъ ту, которая ему нравилась. Когда великій князь Василій Иоанновичъ собирался жениться, то на смотръ ему предоставили полторы тысячи дѣвиць^{*)}. Иоаннъ Васильевичъ Грозный приказывалъ князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ отовсюду свозить дочерей своихъ дѣвокъ. Въ Новгородской области изъ всѣхъ латинъ всѣ помѣщики должны были свозить дочерей своихъ къ намѣстнику и намѣстникъ обязанъ былъ ихъ представлять къ царю по требованію. Это была обязанность отцевъ, и кто оказывался виновнымъ въ непослушаніи, тотъ подвергался, опалъ и даже казни. Эта честь, какъ говоритъ проф. Костомаровъ не слишкомъ соблазняла отцевъ, такъ какъ тогда многіе вяземскіе, дорогобужскіе дворяне получили выговоръ за промедленіе. При второмъ бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича дѣвицы были собраны въ домъ Артамона Сергѣевича Матвѣева и царь, въ противность принятому издавна обычаю, не посѣщать домовъ своихъ подданныхъ, смотрѣлъ на нихъ въ окошко изъ потаенной комнаты. Онъ выбралъ

^{*)} Герберштейнъ. 19.

трехъ и приказалъ довереннымъ женщинамъ (можетъ быть бабкамъ) освидѣтельствовать ихъ душевныя и тѣлесныя достоинства. И потомъ уже, по рекомендаціи этихъ смотрительницъ избралъ Наталью Кириловну. Избранную царскую невесту брали во дворецъ, облакали въ драгоценныя одежды, нарекали царицею, причеъ она жила до самаго брака въ совершенномъ отчужденіи отъ царя. Таковъ былъ обычай народный: самъ царь до бракосочетанія имѣлъ право только разъ видѣть свою невесту.

Послѣ смотра, происходилъ сговоръ, первая часть брачнаго праздника или вступленіе къ торжеству. Сговорный день назначался родителями невесты. Родители жениха, самъ женихъ, и его близкіе родственники пріѣзжали къ нимъ. Это случалось иногда до обѣда, иногда послѣ обѣда, вечеромъ, смотря потому, какъ угодно было это назначить родителямъ невесты. Тутъ родители невесты принимали гостей съ почестями, выходили къ нимъ на встрѣчу, кланялись другъ другу до земли, сажали гостей на почетныхъ мѣстахъ въ передней углу подъ божицей, а сами садилась возлѣ нихъ. Нѣсколько времени проходило въ молчаніи, глядя другъ на друга. Этого требовало приличіе того времени.

Потомъ, или отецъ жениха, или родственникъ жениха, человекъ близкій говорилъ рѣчь такого смысла, гдѣ высказывалась причина пріѣзда и доброе его назначеніе. Родители невесты необходимо должны были отвѣчать, что они рады этому пріѣзду. Послѣ того писалась рядная записка, гдѣ означалось, что обѣ стороны постановляли: Въ такое время женихъ обязывался взять себѣ въ жены такую-то, а родственники ея должны были выдать и дать за нея такое то приданое. Сроки были различныя, смотря по обстоятельствамъ: иногда свадьбы совершались и чрезъ недѣлю послѣ сговора, а иногда между сговоромъ и вѣчаньемъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ. Приданое, какъ и теперь, всегда было важнымъ условіемъ русской свадьбы и состояло въ постель, платьяхъ, домашней утвари и украшеніяхъ, въ рабахъ и деньгахъ, и не движимыхъ имѣніяхъ, если дѣвица принадлежала къ дворянскому происхожденію. Отъ жениха ничего не требовалось; старинный обычай давать за невестой вено въ XVI и XVII столѣтіяхъ совер-

шенно исчезъ *). Обыкновенно приданое доставлялось въ домъ новобрачныхъ послѣ свадьбы; но недовѣрчивость родителей жениха нерѣдко достигала того, что вызывала немедленное исполненіе обѣщаннаго по пословицѣ: „денежки на столъ, двушку за столъ“. Роспись приданого въ прежнее время называлась *рядною записью*, гдѣ писалось подробно все, что давалось за невѣстою; причѣмъ въ противномъ случаѣ договаривалась неустойка или попятное **).

Та сторона, которая отступала, обязывалась платить известную сумму. Такія суммы были велики, смотря по состоянію, и всегда таковы, что могли быть отягощеніемъ для нарушителя своего обязательства. Рядную запись писалъ подъячій, котораго нарочно для того приглашали ***). Случалось, что въ той же рядной записи прибавлялось въ видѣ условія, чтобы мужу не бить своей жены; чтобы при случаѣ можно было взыскать обиду судомъ. Эта мѣра считалась необходимою, потому, что въ противномъ случаѣ, новобрачный могъ въ полной мѣрѣ выражать свою лютость и досаду безнаказанно, надъ супругою.

При сговорѣ, невѣсты въ то время не было. Но по окончаніи условій одна изъ женщинъ принадлежащихъ къ членамъ семейства, или состоя въ близкой роднѣ невѣсты, приносила жениху и сопровождающимъ его родственникамъ, отъ имени невѣсты—подарки. Сговоръ вообще представлялъ собою характеръ укрѣпляющій для будущей цѣли брачнаго союза, нарушить который со стороны жениха, значило оскорбить семью невѣсты.

Какъ бы то нибыло, во начиная отъ сговора до свадьбы, какъ бы ни былъ продолжителенъ срокъ, женихъ не видитъ своей будущей невѣсты. Но вотъ наступаетъ день бракосочетанія: у жениха и невѣсты дѣлаются приготовления; собирали пѣвчанъ, снаряжали разные свадебные чины, которые по духу времени, составляли необходимость брачнаго торжества; замѣчаніе профессора Костомарова чрезвычайно удачно, когда онъ

*) Флетчеръ (Fletch). 240.

***) См. Оп. Шув. 444.

***) Petr. 321. Очерки жизни Нр. В. Н. Костомарова. 1860 г.

говорить, что вступление въ новую жизнь жениха и невесты имѣло подобіе съ возведеніемъ старинныхъ князей въ достоинство и къ власти, а потому женихъ носилъ названіе князя, а невеста—княгини. Здѣсь подразумѣвается и то еще, по нашему мнѣнію, что каждый отецъ и каждая мать обвѣщаетъ новое потомство, которое во всякомъ случаѣ своего родоначальника или родоначальницу, можетъ почтять высокими достоинствами и очень почтенными.

Главный чинъ со стороны жениха былъ тысячскій, точно также, какъ такіе чины существовали во времена удѣльновечевья. Должность тысяцкого была сопровождать повсюду жениха и всюду остерегать и предупреждать его дѣйствія и совершать по порядку, при томъ такъ, чтобы изъ правль соблюдаемыхъ при вѣчаніи и на пиру свадебномъ не нарушался порядокъ церемоніи ни на одну черту. Затѣмъ слѣдовали посаженные отцы и матери, если не было родныхъ; въ болѣе благопріятномъ случаѣ эту должность исполняли самые родители. Отецъ и мать жениха благословляли его на бракъ; отецъ и мать выдавали невесту. Съ обѣихъ сторонъ выбирались старшіе и меньшіе дружки и двѣ свахи изъ замужнихъ жещинъ; одна сваха была со стороны жениха, а другая со стороны невесты; съ обѣихъ сторонъ выбирались *сидячіе бояре и боярыни*, которые должны были образовать почетный совѣтъ; также съ обѣихъ сторонъ назначались *свадебныя дѣти боярскіе*, или *потѣжане*, сопровождавшіе шестіе жениха и невесты и во время церемоніи составлявшіе второй классъ гостей, послѣ бояръ.

Наконецъ, къ свадебному чину принадлежали лица, выбранныя изъ прислуги: свѣчники, коровайники и фонарички. Сверхъ всѣхъ свадебныхъ чиновъ былъ одинъ очень важный, котораго должность была оберегать свадьбу отъ всякаго лиха и предохранять ее отъ колдовства и порчи, ибо свадебное дѣло въ старину считалось особенно удобнымъ для порчъ и колдовскихъ лиходѣйствъ. Онъ назывался *дсельничій* или *конюшій* *).

Наканунъ свадьбы собирались къ жениху его гости, а также и къ невестѣ ея гости, которые должны были составлять

*) Оп. Шум. 456.

позѣдъ и тѣ и другіе пировали. Въ царскихъ свадьбахъ царь сидѣлъ съ невестою за однимъ столомъ и всѣ приносили поздравленіе. У простыхъ же людей въ эти дни выбранныя свадебныя чины съ обѣихъ сторонъ находились отдѣльно. У посадскихъ и у крестьянъ велось въ обычаѣ, что женихъ въ то время посылалъ невестѣ въ подарокъ шапку, пару сапогъ, ларецъ, въ которомъ рушныя, перстни, гребешокъ, мыло и зеркальцо *), а въкоторыя, что проф. Костомаровъ приписываетъ обычаямъ XVI и XVII вѣка, посылали принадлежности женскихъ работъ: ножницы, нитки, иглы а вмѣстѣ съ тѣмъ лакомства, состоящія изъ изюма и фигъ, и розгу. Это было символическииъ знакомъ того, что если молодая жена будетъ прилежно работать, то ее будутъ кормить и лакомить, а если лѣниться, то будутъ свѣчь розгами.

Взичаніе происходило большей частью вечеромъ. Утромъ, въ день торжества, иногда наканунѣ, сваха невесты отправлялась въ домъ жениха готовить брачное ложе. Въ тѣ времена суевѣріе допускало особенное приволье дѣйствіямъ колдуновъ, танъ, гдѣ *рядомъ свадьбу*, и потому принимали всѣ мѣры предосторожности.

Такъ, напримѣръ, сваха обходила кругомъ хоромину, гдѣ устраивалось брачное торжество и кровать, гдѣ постигалось брачное ложе, съ рябиновой вѣтвью въ рукахъ, на которой нарезывались какіе то знаки **). Ея шествіе совершалось церемонно. За свахою челоуѣкъ пятьдесятъ и болѣе несли принадлежности брачнаго ложа и брачной комнаты. Брачною комнатою избирался сѣнникъ, часто нетопленый. Необходимо было, чтобы на потолокъ не было земли, для того, чтобы такимъ образомъ, брачная спальня не имѣла никакого подобія съ поглагою. Сѣнникъ обивался по стѣнамъ и устилался по помосту коврами; подъ стѣнами, всегда были лавки съ ползачничками, по четыремъ угламъ комнаты втыкалось по стрѣлѣ, а на стрѣлы вѣшали нѣха соболей, въ великокняжескихъ и царскихъ брачныхъ ложахъ по сорока, а въ другихъ по одному соболю, и сверхъ того на оконечности стрѣлы втыкался

*) Оlear. 215.—Оп. Гор. Шул. 63.

***) См. Буслаева. О нар. Повѣи. 32.

калачь; на лавкахъ, по угламъ ставили по оловяшнику штейнаго меда; надъ дверями и подъ окнами какъ внутри, такъ и снаружи по стѣнамъ прибивали те кресту. Когда въ этотъ покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крестъ.

Постель приготовлялась на кровати или на широкой сканьѣ такимъ образомъ: сперва настилали снопы (въ царскихъ свадьбахъ число ихъ было тридцать, то есть 27) въ обыкновенныхъ свадьбахъ по сорока: то и другое имѣло символикабалистическія значенія и вѣроятно употреблялось по произволу. На снопы клали коверъ, а на него перины: на свадьбѣ Михаила Теодоровича положено было семь перинъ одна на другую *); а у простыхъ людей клали двѣ перины и болѣе, по желанію, или по средствамъ. На перины клали изголовье и двѣ подушки; на подушки натягивались шелковыя наволочки. Постель была застлана шелковою простынею, на нее сверху постилали холодное одѣяло; въ довершеніе всего клали на подушку шапку, а въ ногахъ теплое одѣяло соболье или кушь, съ оторочкою изъ болѣе богатой матеріи, чѣмъ самое одѣяло; шубу и коверъ закрывали простыней. Вокругъ постели навѣшивались тафтяныя занавѣси; надъ постелью ставились образа и крестъ, тѣ самыя, которые предшествовали при вносѣ постели. Образа были задернуты убрусами, или застѣжками, смотря по ихъ величинѣ. Возлѣ самой постели ставили кадѣ или открытыя бочки со пшеницею, рожью, овсомъ и ячменемъ, это означало обиліе, котораго желали новообращеннымъ въ ихъ новомъ домоводствѣ **). На царскихъ свадьбахъ свѣтникъ устраивался во дворцѣ. Между тѣмъ и у жениха, и у невесты пекли свадебныя хлѣбы, или короваи и готовили столъ.

Когда время вѣнчанія приближалось, невесту начинали одѣвать къ вѣнцу въ самое лучшее платье и навѣшивали на нее сколько возможно болѣе украшеній; въ это время дѣвочки пѣли ей свадебныя пѣсни. Между тѣмъ въ парадно убранной комнатѣ ставили столы, накрывали ихъ брачными скатертями, устанавливали уксусницами, солоницами и перечницами, устраивали по-

*) См. Древ. Русск. Визит. 32—34. Оп. Шум. 187.

**) Olear 211.

ставецъ, какъ это всегда водилось на пирахъ, и убирали изъсто для жениха и невесты на возвышеніи, что называлось рундукомъ. На этомъ изъстѣ клали бархатныя или камчатныя золотыя изголовья, а сверху покрывали ихъ соболіями, подлѣ самаго изъста становилось одно лицо изъ свадебныхъ чиновъ; это лицо держало въ рукѣ пукъ соболей; его должность была *омативать* молодыхъ. Предъ изъстомъ сидѣнія новобрачныхъ ставили столъ, накрытый тремя скатертями, одна на другой; на нихъ клали соль въ солонищѣ, калачъ или перепечу и сыръ (творогъ). Надъ изъстомъ прибывалъ икону, и кромѣ того въ комнату, назначенной для торжества, ставили во всѣхъ четырехъ углахъ по одной иконѣ.

Въ то же время женихъ въ домѣ своихъ родителей собирался съ своими поѣзжанами. Убравшись въ вѣнчальный нарядъ, онъ ожидалъ, какъ ему подадутъ знать, когда ѣхать за невестою. Въ числѣ его гостей находился всегда священникъ, который долженъ былъ вѣнчать.

Послѣ того, какъ въ домѣ невесты было все готово и сама невеста одѣта, ей на голову возлагали вѣнецъ—символь дѣвничества и вели съ торжественностью въ залу, гдѣ было устроено мѣсто для нея съ женихомъ. Впереди шли женщины—плясунцы, которыхъ обязанностью было плясать и пѣть пѣсни. За ними каравайники несли на полкахъ, обшитыхъ богатыми матеріями караван. На караваяхъ лежали золотыя монеты, называемыя въ описаніи царскихъ свадебъ „пѣвизями“. Потомъ слѣдовали свѣчки со свѣчами и фонарики съ фонарями для свѣчь. Какъ у жениха, такъ и у невесты было по свѣчѣ; два свѣчника несли одну свѣчу, такъ она была массивна, наприимѣръ, женихова въ три пуда, а невестина—въ два пуда. На свѣчи надѣвались серебряныя или серебрено-вызолоченныя обручи и бархатныя или атласныя кошельки. Возлѣ свѣчь несли обручальныя свѣчи и богоявленскую (крещенскую свѣчу), которую замигалъ брачныя свѣчи.

Въ царскихъ свадьбахъ, отправляемыхъ во дворецъ, свѣчи жениха и невесты несли разомъ передъ будущею царицею. Въ частныхъ свадьбахъ, жениховы караван, свѣчи и фонари несли передъ нимъ, когда онъ прибывалъ къ невестѣ. За каравайниками, свѣчниками и фонарщиками невесты шелъ дружка

и несъ осыпало, то была большая серебряная чаша или просто металлическая. Въ ней лежали на трехъ углахъ: хмѣль, собольи и бѣлчьи вѣха, платки шитые золотомъ, червонцы и деньги. Двое по сторонамъ предшествовали княгинѣ, или невѣстѣ и держали путь, чтобы ктонибудь не перешелъ дороги. За ними двѣ свахи вели невѣсту въ вѣнцѣ подъ покрываломъ. За невѣстой слѣдовали сидачія боярыни, составлявшія ея свадебный чинъ; двѣ изъ нихъ держали по нисѣ или по блюду. На одномъ лежала кика—головной уборъ замужней женщины съ принадлежностями, какъ то: подубрусникомъ или волосникомъ, гребешкомъ и чаркою съ медомъ, разведенномъ въ водѣ или въ винѣ. На другомъ лежали убрусы, назначенные для разделки гостей. Блюдо съ осыпаломъ и съ убрусамъ ставилось на столѣ передъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ лежала перепеча съ сыромъ. По бокамъ становились каравайники, свѣчки и фонарики.

Невѣсту сажали на мѣсто, а возлѣ нея сажали какоенибудь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастомъ. Всѣ составлявшіе чинъ невѣсты садились по своимъ мѣстамъ, каждый по своему чину.

Когда всѣ занимали свои мѣста, то какъ отецъ, такъ и мать невѣсты, какъ дѣйствительные, такъ по недостатку ихъ нареченные, посылали дружку къ жениху. Приходя, онъ извѣщалъ, что время ему идти по невѣсту.

Священникъ первый вставалъ съ мѣста и провозглашалъ: „Достойно есть!“ Вставали родители, брали по образцу и становились рядомъ. Женихъ кланялся имъ въ ноги, цаловалъ имъ ноги, цаловалъ образъ и получалъ родительское благословеніе. Потомъ поѣздъ отправлялся; въ такомъ торжественномъ шествіи впередъ шли каравайники съ караваемъ, свѣшники и фонарики съ своими принадлежностями, потомъ шелъ священникъ съ крестомъ, потомъ бояре, а за ними женихъ, котораго велъ подъ руку тысяцкій, за нимъ поѣзжане, то есть всѣ тѣ лица, которыя составляли чинъ жениха. Они садились на лошадей или въ сани. Такимъ образомъ, смотря по времени года, церемониальнымъ шествіемъ женихъ достигалъ двора невѣсты. Родителя невѣсты выходили на встрѣчу поѣзду жениха и встрѣчали его. Женихъ и поѣзжане входили въ покой, гдѣ

находилась невеста. Женихъ молился, ограждая себя крестомъ и кланялся на всѣ четыре стороны находящися по угламъ образамъ. Потомъ вѣстѣ съ дружкой подходилъ къ своему мѣсту; но мѣсто это занималось мужчиною или мальчикомъ изъ родственниковъ невесты, который занималъ мѣсто жениха. Непременно требовалось жениху дать занимавшему его мѣсто рядомъ съ невестой дать откупъ, то есть нѣсколько монетъ, и тотъ уступалъ свое мѣсто, а женихъ садился рядомъ съ невестою и притомъ, на одну подушку съ нею.

Въ царскихъ свадьбахъ занимавшаго мѣсто жениха подлѣ невесты, сводили съ мѣста подъ руки.

Эти обычаи сходки (сближенія) жениха съ невестою были одинаковы и въ царскихъ свадьбахъ, съ тою разницею, что на свадьбѣ у царей все это происходило въ одномъ и томъ же дворцѣ. Царь собирался въ одну изъ палатъ, будущая царица въ другую. Сначала царица шла въ грановитую палату; ей предшествовалъ священникъ и кропилъ святою водою мѣсто, гдѣ ей должно было садиться. На мѣстѣ, гдѣ ей было нужно садиться, клалось сорокъ соболей, которые были подняты, когда она садилась *). Возлѣ невесты непременно садился, кто нибудь изъ знатныхъ князей. Когда все это было устроено, посылали сказать царю. Царь отправлялъ прежде всего нареченнаго отца: тотъ, вошедши въ царицыну палату, кланялся на всѣ стороны, ударялъ челою будущей государыни и садился на большомъ мѣстѣ возлѣ жены своей, если она была здѣсь. Посидѣвъ немного, этотъ нареченный отецъ посылалъ къ царю одного боярина съ рѣчью: „Государь царь и великій князь всея Россіи! Бояринъ (такой то) велѣлъ говорити: прося у Бога милости, время тебѣ идти государю къ своему дѣлу!“ Государь вставалъ, принималъ благословеніе митрополита и со всѣмъ своимъ поѣздомъ шелъ въ грановитую палату, впереди его шла двое духовныхъ особъ: Благовѣщенскій протопопъ съ крестомъ и крестовый недѣльный священникъ. Священники кропили водою путь, тысяцкій велѣлъ царя подѣ руку за нимъ слѣдовали: стольникъ съ колпакомъ и стряпчие. При-

*) Можно полагать, что это были нѣкъ свитый изъ сорока соболей. У извѣстнаго и по сей часѣ существуетъ слово: „сороковой нѣкъ“.

бывши въ палату и благословившись, царь подходилъ къ своему мѣсту; большой дружка поднималъ посаженное близъ невесты дно, а царь садился на его мѣсто близъ будущей жены.

Когда такимъ образомъ усаживались, начинали разносить кушанья и ставить ихъ на столы. По словамъ Котошихина, гости ѣли, но съ утѣренностью и только для того, чтобы совершить чинъ, другими словами — оказать вѣжливость, вниманіе хозяину. Едва ставили на столъ всѣ блюда перваго кушанья, какъ священникъ прочитывалъ „Отче нашъ“, потомъ молитву „покровенія“. По окончаніи послѣдней молитвы — сваха подходила къ отцу и къ матери невесты и просила благословенія невесту чесать и крутить. — „Благослови Богъ!“ отвѣчали родители. Зажигались свадебныя свѣчи богоувленскими свѣчами; свѣчники, поставивъ свои свѣчи, держали протянутый между женихомъ и невестою большой кусокъ тафты, съ нашитымъ крестомъ, такъ, что женихъ и его поѣзжае, которые сидѣли на одной съ нимъ сторонѣ, не могли видѣть невесты. Сваха снимала съ невесты покрывало, потомъ вѣнокъ; другая женщина подносила нису съ кивокъ и гребень. Сваха омочала гребень въ чарку съ медомъ и расчесывала невесту, потомъ свивала или скручивала ей волосы и надѣвала волосникъ, кивку и подзатыльникъ и наконецъ закрывала иногда тѣмъ же покровомъ, который раздѣлялъ ее отъ жениха. Вѣнокъ отдавался на сохраненіе, на память о дѣвчествѣ. Послѣ того подносили свахѣ нису съ осыпаломъ; она осыпала невесту и жениха и опахивала сорока сободами, которые держалъ, какъ выше сказано, одинъ изъ свадебныхъ чиновъ, называемый *держальникомъ*. У посадскихъ людей во время расчесыванія былъ такой обычай: когда женихъ и невеста сидѣли отдѣленные другъ отъ друга покровомъ, имъ приказывали приложить щеки къ покрову. Передъ нимъ держали зеркальцо и женихъ могъ увидѣть въ зеркало лицо будущей своей жены и дружелюбно ей улыбнуться; въ то же время одинъ изъ гостей подходилъ къ нимъ въ вывороченной шубѣ въ верхъ шерстью и желалъ невестѣ столько дѣтей, сколько шерстинокъ въ тулупѣ.

Во все продолженіе обряда окручиванія невесты, сидѣча боярыни и дѣвицы пѣли свадебныя пѣсни; а дружка, взявъ ножъ, подходилъ къ отцу и матери невесты и говорилъ:

— Благословите рзать перепечу и сыръ?

— Благословѣ Богъ! отвѣчали тѣ.

Дружка рзала перепечу и сыръ на мелкіе куски, клала на большое блюдо, накладывала туда же множество ширинокъ и отдавала подружену или меньшому дружкѣ; самъ получалъ отъ невѣсты вышитый ея руками убрусъ и подносилъ его жениху; а меньшей дружка разносилъ и раздавалъ всѣмъ гостямъ куски перепечи и ширинки, также посылалъ отцу и матери жениха, оставшимся въ своемъ домѣ. Въ тоже время сваха осыпала свадебныхъ бояръ и гостей, то есть бросала въ толпу ихъ горстями все, что было на осыпалъ, — серебряныя деньги, хлѣвъ, куски матерій и проч., и всякъ на лету хваталъ, что успѣвалъ схватить.

Между тѣмъ подавалъ другую явству, за нею подавали третью: какъ только она появлялась на столѣ, сваха подходила къ родителямъ невѣсты и просала благословенія — везти молодыхъ къ вѣнцу.

„Благослові Богъ!“ отвѣчали тѣ. Всѣ вставали. Родители брали по образцу, обыкновенно въ окладахъ съ драгоценными украшениями. Подлѣ нихъ становился священникъ. Новобрачные кланялись и принимали благословеніе. Отецъ и мать раздѣливали ихъ кольцами в, взявъ дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь другъ другу.

Наконецъ отецъ бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь говоря: „По этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь своего отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вѣсто меня, за послушаніе, тебя будетъ бить твой мужъ!“ Съ этими словами плеть была передаваема жениху, который, принявъ ее такъ говаривалъ: „Принимаю какъ подарокъ, но думаю, что въ ней пужды нѣтъ не буду“ и затыкалъ плеть за кушакъ.

Въ продолженіи этого обряда, каравайчики и свѣшники выходили. За ними выступали свадебные гости. Устилался путь кусками матерій и новобрачные шли по этимъ кускамъ къ дверямъ. Женихова и невѣстина свахи вели невѣсту за руки, все еще закрытую. Тысацкій устраивалъ порядокъ шествія. Между тѣмъ тѣ, которые держали сорокъ соболей взятыхъ съ нѣста, гдѣ сидѣли новобрачные, клали ихъ на то же мѣсто, а ска-

терть, на которой рзали порепечу и сыръ складывали и отдавали клюшнику.

На дворъ, передъ крыльцомъ стояло множество оседланыхъ лошадей и колымагъ или каптановъ. Когда свадьба происходила у бояръ, близкихъ особъ царя, то имъ на этотъ торжественный день давались царскіе лошади и экипажи.

Сани невѣсты убрались до того нарядно, какъ только допускалъ это достатокъ; описываютъ, что она поволакивалась атласомъ, а на сѣдалищѣ клалась бархатная подушка; богатый коверъ спускался со спинки; подъ дугой, привѣшивались лисьи и волчьи хвосты. Къ такимъ санямъ подводилась невѣста, въ саняхъ сѣдѣло другое лицо: его слѣдовало свести, точно такъ, какъ сводится сѣдѣвшій подлѣ невѣсты, вѣсто жениха. Невѣста садилась вѣстѣ съ двумя свахами. Надъ нею держали соболей.

Этотъ обрядъ соблюдался также и относительно жениха:

У крыльца стоялъ его аргамакъ, а на аргамакѣ сѣдѣлъ другой: когда являлся женихъ, то этотъ другой вставалъ и шелъ пѣшкомъ, а женихъ садился на аргамака и ѣхалъ къ вѣчанью. Если же, по причинѣ непогоды нельзя было ѣхать верхомъ, то женихъ садился съ тысячскимъ въ сани или въ коляску, а тотъ, кто прежде сѣдѣлъ въ экипажѣ шелъ пѣшкомъ. Женихъ долженъ былъ ѣхать съ своимъ повозомъ впередъ и прибыть ранѣе невѣсты.

Въ самыхъ простыхъ свадьбахъ новобрачные ѣздили, а не ходили пѣшкомъ. Въ царскомъ бракосочетаніи путь до церкви устилался камканъ и дѣвцать человекъ боярскихъ дѣтей царпциныхъ наблюдали, чтобы никто не переходилъ между женихомъ и невѣстою.

Въ простонародныхъ свадьбахъ впереди поезда пѣли свадебныя пѣсни и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось церковью и духовныя особы свадебныя пѣсни называли нечестивымъ крикомъ и козлогласованіемъ.

Когда молодые входили въ церковь, то ясельничій съ своимъ двумя помощниками стерегъ коня и сани, чтобъ кто ибуду не перешелъ дороги, между верховымъ конемъ жениха и санями невѣсты, и чтобъ вообще лихіе люди не надѣлали чего либо дурнаго колдовствомъ, въ которое тогда сильно вѣрили.

Путь отъ церковныхъ дверей до налоя устилался кусками матерій; самое мѣсто предъ налоемъ также устилалось и сверхъ того, на немъ клали соболей. Когда свадьба была вечеромъ, то женихъ и невѣста тотчасъ послѣ прихода въ церковь становились на свои мѣста; но иногда свадьбы были послѣ обѣдни: тогда женихъ и невѣста становились у церковныхъ столбовъ и слушали литургію и по окончаніи ея становились къ налою.

Въ царскихъ свадьбахъ XVI вѣка вѣчаніе происходило послѣ обѣдни, а въ XVII—вечеромъ и тогда высокая чета вѣчалась тотчасъ по прибытіи во храмъ.

Послѣ вѣчанія, невѣсту раскрывали и священникъ читалъ новобрачнымъ поученіе; въ немъ, обыкновенно наставлялъ ихъ ходить часто въ церковь, слушаться духовниковъ, хранить посты и враздники, подавать милостыню, а мужу повелѣвалъ жему учить палкою, какъ подобаетъ главѣ. Потомъ бралъ жену за руку, вручалъ мужу и приказывалъ имъ поцѣловаться.

Жена въ знакъ повинновенія, припадала къ ногамъ супруга и касалась челою его сапога, мужъ же покрывалъ ее полою своего платья въ знакъ будущаго покровительства и защиты *).

Наконецъ священникъ давалъ новобрачнымъ деревянную чашу съ виномъ; мужъ принималъ, отпивалъ и давалъ женѣ; та отвѣдывала и опять подавала мужу. Такимъ образомъ оба пили три раза, наконецъ мужъ допивалъ, бросалъ подъ ногу чарку и топталъ ее разомъ съ женою, приговаривая: „пусть такъ подъ ногами нашими будутъ потоптаны тѣ, которые станутъ посѣвать между нами раздоръ и не любовь“.

Существовало повѣрье, что кто изъ супруговъ прежде успѣетъ наступить на чашу, тотъ удержитъ за собою первенство предъ другимъ. Но какъ ни старались въ этомъ жени, ни никогда этого первенства не удавалось **). Потомъ подходили свадебные гости, и поздравляли обвѣнчавшихся, а между тѣмъ тысящій уже посылалъ дружку впередъ къ отцамъ жениха и

*) Fletcher. 247.

**) Они стараются невѣсты вступить на платки, посланные предъ жертвенникомъ первыми, но это тоже пустое повѣрье. Нужно замѣтить, что гдѣ женщина хозяйствуетъ, тамъ всегда въ домъ безпорядокъ.

невѣсты и къ оставшимся въ домѣ свадебнымъ чинамъ извѣстить, что молодые обѣщались въ добромъ здоровьи.

Въ тоже время дружка разрѣзывалъ каравай и священникъ его (вѣроятно чрезъ того же дружку) посылалъ отцанъ обоимъ семействамъ, какъ символъ будущаго ихъ свойства и родственной приязни *). и оба рода давали обѣщаніе быть людьми одного стола и одного хлѣба—*глубосолами*, и жить дружно, какъ зерна одного колоса. Объ этомъ говоритъ Флетчеръ, какъ о происходившемъ въ церкви, но, какъ извѣстно, родители въ церкви не бывали, слѣдовательно обычай соблюдался чрезъ пересылку; впрочемъ, вѣроятно порядокъ этотъ не всегда наблюдался, а въ царскихъ свадьбахъ никогда, такъ какъ тамъ равенства между семьями никогда быть не могло.

При выходѣ изъ церкви, сваха осмывала новобрачныхъ хмѣлемъ, стѣснени льна и конопля, желая счастья, другіе дергали за рукавъ, показывая видъ, будто хотятъ разлучить ее съ женихомъ, а жена тѣсно прижималась къ своему суженому.

На значительныхъ свадьбахъ существовалъ обычай бросать окружающимъ монеты **). Изъ церкви весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа; у простаго народа сопровождался онъ пѣснями, криками и пласками.

Послѣ вѣнчанія, какъ мы сказали, весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, а на царскихъ свадьбахъ въ тотъ покой, гдѣ было окручиваніе. Но когда въ XVI вѣкѣ свадьбы происходили послѣ обѣдни, то царица отправлялась въ свои покои; свѣчи и каравай уносили въ сѣнникъ къ постели, а царь ѣздя по монастырямъ, и возвращаясь домой, посылалъ звать жену и всѣхъ гостей къ обѣду. Вѣроятно, на свадьбахъ частныхъ людей, если вѣнчаніе было послѣ обѣдни, новобрачные разѣжались по своимъ домамъ, а уже къ вечеру жену проводили въ домъ мужа и тамъ происходило брачное торжество. Если же, какъ чаще случалось, вѣнчаніе было вечеромъ, то всѣ, какъ выше сказано, ѣхали прямо къ жениху. Когда поѣздъ прибывалъ въ его домъ, на встрѣчу выходили отецъ и мать жениха съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью благословляли новобрачныхъ.

*) Fletch. 247.

***) Пазрае. 50.

При входѣ въ домъ, потѣшники, по распоряженію дсельничьяго играли въ сурьмы и бубны чинно, благолѣпно, доброголасно. Тогда новобрачные садились за столъ; всѣ также садились на свои мѣста, и невѣста, будучи открытою, должна была плакать (по обычаю), выражая тѣмъ разлуку съ родителями, и робкій страхъ новаго образа жизни, причемъ женщины и дѣвицы пѣли печальныя пѣсни.

Ни женихъ, ни невѣста не должны были ничего ни пить, ни ѣсть, хотя передъ ними ставили разные кушанья.

Когда гости въ подавали третью перемену—Лебеди, передъ новобрачными ставили жареную курицу; дружокъ бралъ эту жареную курицу и обвертывалъ скатертью, второю изъ трехъ скатертей, положенныхъ на постели передъ новобрачными до звчанія.

При этомъ онъ обращался къ отцу и матери и говорилъ:

— Благословите вѣсти молодыхъ опочивать!

Тѣ отвѣчали:

„Богъ благословитъ“, и шли къ дверямъ; отецъ останавливался у дверей, а мать шла къ сѣннику. Тогда дружокъ уносилъ курицу въ сѣнникъ, за нимъ шли свѣшники, каравайники и ставили свѣчи въ кадъ со пшеницею, стоявшею въ изголовьѣ брачнаго ложа молодыхъ.

Тысяцкій, дружокъ и свахи вставали, женихъ и невѣста подходили къ дверямъ; и отецъ бралъ за руку невѣсту и говорилъ жениху:

— Сынъ нашъ! Божьимъ повелѣніемъ, (а если свадьба устраивалась по повелѣнію царя, то прибавлялось и „царскимъ желаніемъ“) и благословеніемъ нашимъ и матери твоей повелѣлъ тебѣ Богъ сочетатися законнымъ бракомъ и понять (взять) такую то. Приими ее и держи, какъ повелѣлъ Богъ, и какъ Онъ чадолюбивый устроилъ въ законѣ нашей истинной вѣры и святые апостолы и отцы предаша“.

Сынъ бралъ жену за руку, выходилъ съ нею изъ дверей и шелъ изъ сѣнника; тутъ встрѣчала ихъ мать, или сваха въ вывороченой шубѣ, мѣхомъ къверху, посыпала ихъ хлѣбомъ или льнянымъ семянемъ. Такимъ образомъ новобрачные входили въ сѣнникъ. Гости уходили въ покой, откуда вышли, и продолжали допировывать, а дружокъ и сваха вступали съ новобрачными

въ сѣнникъ и раздѣвали—дружко жениха. а сваха невѣсту и потомъ сами уходили. чтобы присоединиться къ прочимъ гостямъ и продолжать пирушку.

Тогда, въ старину, между женихомъ и невѣстою происходилъ обрядъ разуванія. обрядъ, существовавшій со времяъ язычества. Онъ состоялъ въ томъ, что жена, въ знакъ будущей покорности должна была снять съ мужа сапоги. Въ одномъ изъ сапогъ подъ ногою лежала монета; существовала примѣта, что если молодая снимала первымъ тотъ сапогъ, въ которомъ лежала монета, то это значило, что ей будетъ счастливая жизнь замужемъ: въ противномъ же случаѣ во избѣжаніе неудачъ въ жизни, ей нужно было угождать мужу.

При этомъ мужъ, въ знакъ своей власти, ударялъ будущую свою спутницу въ жизни по спицѣ плетью. полученною, какъ мы уже ранѣе говорили, отъ теста.

Когда молодые были на сѣнникѣ, а гости пиروвали въ комнатѣ, около сѣнника ходилъ или ѣздилъ ясельничій, съ обнаженнымъ мечомъ для предохраненія отъ всякаго чародѣйства и лиходѣйства.

По простествіи изъ котораго времени отецъ и мать посылали дружку узнать о здоровьи новобрачныхъ; если чрезъ дверь женихъ отвѣчалъ, что онъ въ добромъ здоровьи, это значило, что между ними *доброе совершилось*. и тысяцкій тотчасъ посылалъ къ родителямъ невѣсты сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьи: дружко за то получалъ подарки и всѣ свадебные гости отправлялись въ сѣнникъ кормить новобрачныхъ. Какъ женихъ, такъ и невѣста ничего не ѣли въ тотъ день и теперь пищую была имъ та самая курица, которую дружко имъ приносилъ въ сѣнникъ, обернутая скатертью. Затѣмъ подавали имъ и другія блюда.

Въ царскихъ свадьбахъ Государя кормили передъ сѣнникомъ въ сѣняхъ, а царицу, по старинному обычаю, въ самомъ сѣнникѣ. Взявши курицу, новобрачный долженъ былъ, по старинному обычаю, отложить у ней ножку и крыло и бросить чрезъ плечо назадъ. По другимъ извѣстіямъ этотъ обрядъ совершался предъ укладываніемъ молодыхъ въ постель. Во время кориленія новобрачныхъ, мужъ подавалъ гостямъ вино и всѣ пили съ поздравленіями. Потомъ новобрачныхъ снова укла-

дывали въ постель, а гости возвращались въ прежнюю комнату и продолжали веселиться. Тогда веселіе часто переходило въ оргію, и нерѣдко забывались всякія приличія. Музыки не было; только трубили въ сурьмы, били въ бубны и накроны.

На другой день новобрачныхъ вели, при звукѣ сурьмы и литавръ и пѣніи пѣсенъ въ отдѣльныя мыльни. Въ мыльняхъ ихъ поили виномъ, также мыли виномъ и медомъ. Жена шла въ мыльню со свахою и матерью жениха и показывала знаки своего дѣвства; съ нея снимали сорочку и вмѣстѣ съ простынею прятали, какъ свидѣтельство цѣломудреннаго поведенія. Мужъ мылся съ тысяцкииъ и дружкой, тогда молодая присылала ему въ мыльню сорочку; обыкновенно унизанную жемчугомъ.

На царскихъ свадьбахъ цари кушали въ мыльняхъ, а царицы въ избушкахъ. По выходѣ изъ мыльни, новобрачный шелъ впередъ въ сѣнникъ; за нимъ приходила новобрачная. Тутъ являлись женщины, а впереди ихъ, сваха несла горшечекъ, или два горшечка поставленные на одномъ блюдѣ и обернутые соболями; въ этихъ горшкахъ была каша; сваха кормила ею и мужа, и жену; передъ мужемъ держалъ горшечекъ дружка, передъ женою сама сваха: этотъ обычай наблюдался и у царей и у крестьянъ. На царскихъ свадьбахъ происходилъ въ это время обрядъ раскрыванія. Бояринъ, нареченный отецъ царскій, раздвигалъ стрѣлою покровъ, заслонявшій царицу; до того времени даже и послѣ вѣнчанія, ее никто не видалъ; только послѣ обряда всѣ подходили къ ней и могли нивѣ счастіе увидать ея свѣтлыя очи. Послѣ этого всѣ шли къ столу.

Въ частныхъ свадьбахъ этотъ послѣдній обрядъ не наблюдался; и послѣ кормленія кашею, женихъ вмѣстѣ съ своимъ родителемъ, съ тысяцкииъ, дружкой и со всѣми свадебными поѣзжанами, ѣхалъ къ родителямъ невесты.

Вступая къ няиъ въ домъ, новобрачный билъ челомъ и благодарилъ за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашалъ къ себѣ на обѣдъ со всѣми гостями невестина чина. Тогда у жениха былъ торжественный пиръ, называемый и по сіе время повсюду у русскихъ *Кня-*

жсима. Это названіе и по сейчасъ существуетъ у крестьянъ, которые никогда не равнялись князьямъ, и у царей, которые были всегда выше всѣхъ князей. Когда, въ концѣ пира, подавали на столъ овощи и разныя лакомства, отецъ и мать благословляли новобрачныхъ образами, и всѣ гости дарили ихъ разными вещами и тканьями; всѣ ѣли, пили въ изобиліи и веселились.

Но, если бы невѣста не сохранила своего дѣвства, то общее веселіе омрачалось и посрамленіе ожидало ея бѣдныхъ родителей. Отецъ мужа, подавалъ нѣзъ кубокъ проверченныи снизу. Когда свать бралъ кубокъ, отецъ жениха отнималъ палець отъ отверстія въ кубкѣ, и вино лилось при общемъ поруганіи и насмѣшкахъ, и жизнь молодой съ этого времени подчинялась взычнымъ попрекамъ въ средѣ чужой семьи.

Впрочемъ, Котошихинъ говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ самъ новобрачный, скрывая проступокъ жены отъ прочихъ, пенялъ только тестю и тещѣ и затѣмъ все проходило безслѣдно.

Въ этотъ день новобрачный, если онъ имѣлъ къ царю доступъ, послѣ посвященія родителей невѣсты, являлся во дворецъ со всѣмъ повозомъ, состоявшимъ тоже изъ лицъ, имѣвшихъ пріѣздъ ко двору. Государь принималъ ихъ сиди въ шапкѣ. Всѣ кланялись въ землю. Государь милостиво спрашивалъ ихъ о здоровьи (такой вопросъ считался большою милостью), поздравлялъ жениха съ законнымъ бракомъ, благословлялъ его съ женою образами и жаловалъ подарками, состоявшими обыкновенно въ соболахъ и разныхъ матеріяхъ, или въ серебряныхъ сосудахъ. А въ заключеніе приказывалъ подать всѣмъ по кубку ромашен, да по ковшу вишневаго меда. Всѣ выпивали и уѣзжали домой. Новобрачная не ѣздила съ мужемъ къ царю, а посылала къ царицѣ и къ царевнямъ подарки, шитые золотомъ и серебромъ тафтяные убрusy.

Царицы и царевны, принимая эти знаки челобптя, спрашивали объ ихъ здоровьи. Если же невѣста не сохранила дѣвства, то женихъ не смѣлъ являться царю на глаза.

На третій день послѣ брака, начиналось пиршество у родителей невѣсты. При окончаніи стола отецъ и мать невѣсты благословляли молодыхъ, а гости дарили ихъ.

На свадьбѣ рѣдко дарили деньгами, а по большей части вещами, также скотомъ и лошадьми.

По окончаніи пировъ, дары отсылались на рынокъ и оцвнивались, потомъ женихъ долженъ былъ отдаривать подарками равнаго достоинства. Герберштейнъ говоритъ, что женихъ долженъ былъ въ теченіи цѣлаго года непремѣнно отдарить всѣхъ, подарившихъ ему подарки послѣ свадьбы, а если не успѣвалъ, то долженъ былъ отдаривать вдвое, судя по цѣнности каждаго подарка.

Если же женихъ не отсылалъ принятыхъ вещей къ цѣновщикамъ, то отдаривалъ по желанію тѣхъ, которые ему дарили.

Въ эти послѣсвадебные дни прршество невѣста почти ничего не говорила, кромѣ обыкновенныхъ форменныхъ рѣчей, потому, что малословность и пристойная молчаливость въ то время считались достоинствомъ женщины.

Но за то всѣ другія женщины приглашенныя на свадебное прршество, пользовались большою свободою, чѣмъ когда либо и часто случалось, что дѣло доходило до безумія. Все это весьма понятно объясняется: женщины, въ обыкновенное время скромныя и цѣлостепенныя, на свадьбѣ напивались, позволяли себѣ смѣлыя выходки и даже невольныо впадали въ грѣшки среди общей суеты.

Въ эти-то минуты разгула, по народнымъ вѣрованіямъ, всего удобнѣе кодуны могли портить людей неогражденныхъ молитвою и богомыслиемъ отъ ихъ навѣтовъ. Тогда вдругъ на-ходила на кого илбудь скорбь.

На одной посадской свадьбѣ въ XVII вѣкѣ, мать жениха, а потомъ и сноха вдругъ начали кликать безъ ума и безъ памяти. Явился знахарь, взялся ихъ поставить на прежнюю степень, но взявшись за дѣло не исполнилъ, и на него подали челобитную (жалобу).

Царскіе свадебныя обряды продолжались нѣсколько дней. На другой день отправлялся княжій столъ, на третій—столъ отъ царицы: нареченные родители благословляли молодую высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь дѣлалъ столъ духовенству и при окончаніи обѣда Патріархъ и духовныя власти благословляли новобрачныхъ образами, и всѣ гости дарили ихъ кубки и ковши, а потомъ царь отда-

ривалъ ихъ деньгами, тканями, и чествовалъ подачани. Въ слѣдующіе дни дѣлались столы другимъ сословіямъ: столыи-камъ, страдчннмъ, дворянамъ, гостямъ, выборнымъ людемъ, посадскимъ, которые нарочно прѣзжали къ царскому двору съ поздравленіями.

Всѣ подносили къ царю дары. За то и царь въ эти дни, свѣтлые, радостные въ его жизни, имѣлъ право и возможность щедро вознаграждать всѣхъ: онъ нѣсколько дней щедро кормилъ духовенство на дворѣ, раздавалъ ему деньги, разсылалъ въ дальніе города молебныя грамоты, вѣдиль съ молодою царящею на богомолье по монастырямъ, кормилъ и дарилъ монаховъ, которые въ свою очередь отдаривали царя окладными образами и подносили хлѣбъ—соль. Царь не забывалъ угнетенныхъ и нищихъ, посѣщалъ богадѣльни и тюрьмы и отускалъ на свободу узниковъ, заключенныхъ за долги или за неважныя преступленія. Не всегда, впрочемъ, подносимыя дары царя принимались, такъ, при бракосочетаніи царицы Наталіи Кирилловны царь ихъ не принялъ *).

Свадебные обряды были одинаковы, какъ у первобрачныхъ, такъ и у тѣхъ, которые женились или выходили замужъ въ другой и въ третій разъ. Второй бракъ, по вѣнію народа, не имѣлъ уже той святости, какъ первый, а если изъ вѣнчавшихся оба были вдовы, то на нихъ не возлагали вѣнцовъ, а держали на плечахъ. Церковный обрядъ третьяго брака, состоялъ въ одномъ молитвословіи безъ вѣнчанія и не одобрялся церковью, такъ напримѣръ, патріархъ Фотій въ одномъ изъ своихъ посланій въ началѣ XV вѣка приказывалъ священникамъ, на основаніи словъ Григорія Богослова не допускать мирянъ до третьяго брака **). Несмотря на воспрещеніе четвертыхъ браковъ церковью, они случались, и правительство дозволяло дѣтямъ отъ четвертаго брака, пользоваться правами законныхъ дѣтей въ отношеніи наследства. У казаковъ было въ обычаѣ брачное сожитіе безъ благословенія церкви. А въ старину нѣ-

*) См. очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII ст., Костомарова. 1860 г.

**) См. Григорій Богословъ говорилъ первый бракъ—законъ, второй—по нуждѣ прощеніе слабости ради человѣческой, третій—законопреступленіе, четвертый—нечестіе, пожеже свнцеее естъ житіе. Дог. 1, 329.

которые вопреки христіанскимъ понятіямъ, вѣроятно по обычаю язычества или магометанства, имѣли по двѣ жены разомъ. (С. Дост. 91).

Новоселье. Новоселье у насъ въ старой русскоѣ жизни, сопровождалось торжественными обрядами. Въ старое время, время доброе, каждый имѣлъ свой собственный домъ и если, кто переходилъ во вновь построенный домъ, то сзывалъ священниковъ на освященіе, а потомъ сзывалъ родныхъ и знакомыхъ.

Гости непременно являлись съ хлѣбомъ и солью, какъ символами обилія и благополучія, а люди нечуждающіеся колдовства и ворожбы, напротивъ, являлись на новоселье съ черною кошкою, съ чернымъ петухомъ, тащили растворенную квашню, и катали три хлѣба, а потомъ замѣчали, какъ эти хлѣбы ложились и записывали „на харгіяхъ, и ключи въ псалтирь вложить, оттуда ложися вѣщающе“ *).

Надобно было умѣючи выбирать мѣсто для дома, и въ старину для этого призывались разные гаданія. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы опредѣлить качество грунта земли, то на то мѣсто гдѣ строить домъ, клали дубовую кору, можетъ быть въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а то и сплошь, неизвѣстно. Это на три дня, на четвертый поднимали кору и замѣчали, что покажется подъ корой: если подъ корой находили паука или муравья — то считали мѣсто это лихимъ; напротивъ, если находили червяковъ или черную мурашку, то можно домъ строить.

Они же гадали на счетъ трехъ хлѣбовъ, которые пускали на землю изъ за пазухи. Если всѣ три хлѣбца лягутъ верху верхнею корой, то мѣсто доброе, тутъ съ Божьей помощію, ничего не боясь ставить избу и всякія хороши можно, а если же лягутъ къ низу верхнею корой, то мѣсто покнишъ.

Во время пиршества на новосельѣ полъ устилался травой, и на большомъ столѣ покрытомъ скатертью, клали принесенные хлѣбы и ставили въ солонницахъ соль. Послѣ пирушки каждый гость долженъ былъ что нибудь подарить хозяевамъ.

Похороны. Много остатковъ отъ былой жизни народовъ разсыяно по бѣлому свѣту, въ поляхъ, лѣсахъ, озерахъ, рѣкахъ; но лучше всего объясняютъ старину древнія могилы. Хо-

*) Руниан. Музей. Рукон. № 374.

рона покойника, люди всегда думали, что отправляют его на новое житье подобно настоящему, но гораздо *лучше*. Поэтому сварижали покойника въ лучшее убранство и клали съ нимъ въ могилу, все, что ему нужно было и при жизни, да по временамъ приносили ему на могилу покорнику. У нашихъ сибирскихъ инородцевъ до послѣднихъ времени это дѣлалось, и можетъ быть еще дѣлается.

Поэтому вещи, находимыя въ могилахъ при костяхъ, всего менѣе могутъ быть объяснены случайностью и нередко самими положеніемъ своимъ около костей даютъ намъ возможность уяснить ихъ значеніе и употребленіе. Кроме того здѣсь можно наблюдать различныя способы погребенія людей, разные обычаи и тѣмъ еще болѣе опредѣлять житье-бытье того народа, который оставилъ по себѣ эти могилы. Наконецъ самыя кости людей, погребенныхъ въ могилахъ, при сличеніи ихъ съ костями известныхъ ужѣ породъ людскихъ, могутъ указать намъ, какому именно племени людскому принадлежать или другія могилы?

Похороны въ глубокой древности различались отъ похоронъ послѣдняго времени. Такъ напримѣръ, въ памяти народовъ Кавказа, какъ то у осетинъ, армянъ, курдовъ, персіанъ и другихъ, умершихъ или подвѣшивали къ деревьямъ на подножкахъ плотво укутанъ покойнаго, или клали его на вершинѣ деревъ высоко отъ земли. У Арійскихъ народовъ было въ обычаѣ спускать трупъ на лодкахъ, или на плотикъ по водѣ. Память объ этомъ способѣ сохранилась у Руссовъ, Норманскихъ итцевъ при похоронахъ, которые описали очевидцы. Покойника сожгали въ лодкѣ, и даже въ словахъ тѣхъ народовъ нашего арійскаго племени, съ которыми наши предки составили одинъ народъ, одинъ языкъ, „новъ навье“ то есть могила, гробъ происходитъ отъ древне-Итальянскаго *navis*—лодка, судно, или отъ греческаго *ναο* (*нао*) теку, *νεο* (*нео*)—плаваю. То отсюда берется понятіе о похоронахъ въ лодкѣ трупа, которое, когда-то плыло.

„Въ новье гладвь“ прежде значило гладвь въ могилу, быти на волосъ отъ смерти. Въ Малороссіи русалокъ называютъ „новки“ или новки, слово означающее покойничковъ, пущенныхъ по водѣ

Наконецъ самая форма, такъ называемыхъ колоды, или гробовъ близко похожа на лодку.

У древнихъ родственныхъ намъ народовъ, воспоминаніе о погребеніи такого рода хранилось на ихъ памятникахъ, гдѣ изображалась лодка, или выкладывали ее изъ камня.

Въ зинее время тѣ же племена, зашедшія на сѣверъ, не могли по-водѣ спускать покойниковъ, а потому и обычай сталъ другой: тамъ, запрягали въ сани неосвоенныхъ коней, или олений и, положивъ на нихъ лодку съ покойникомъ, или просто покойника, спроваживали его такимъ образомъ въ неизвѣстную даль, въ неизвѣстную новую жизнь.

Память о похоронахъ такого рода, сохранилась до позднѣйшаго времени въ древнихъ нашихъ обрядахъ при похоронахъ и въ народныхъ сказаніяхъ о *кочмыхъ развѣдалъ мертвецовъ—колдуновъ* и также одинъ рисунокъ въ рукописномъ (XIV в.) описаніи житія св. Бориса и Глѣба. По указанію этой рукописи, мощи святаго Глѣба вездѣ везутъ изъ Вышегорода въ Кіевъ на санихъ. Тѣло св. равноапостольнаго Владимира, сына его, Святополкъ, кладетъ въ сани. Кіевскій летописецъ, говоря о поученіи какое писалъ своимъ дѣтямъ Владиміръ Мономахъ, замѣчаетъ, что онъ писалъ его *спдя въ сльмля*, то есть передъ смертью, на смертномъ одрѣ.

Когда человекъ испускалъ дыханіе, встарину ставили на огонь чашу со святой водой и мису съ мукой или кашей (кутьей). Это былъ какой-то остатокъ язычества, существовавшій также у татаръ.

Мертвеца обмывали тепломъ водою, надѣвали чистую сорочку и заворачивали въ бѣлое покрывало, или саванъ, обували въ сапоги или башмики, на голову ему надѣвали корону. Толпы знакомыхъ и сосѣдей посѣщали покойника, причѣмъ домъ оглашался плачемъ съ причитаніями разнаго характера, выражающее сожалѣніе и скорбь.

Затыкъ посылали за духовенствомъ, и съ посланнымъ священнику препровождали водки, меда и пива.

Когда мертвеца клали въ гробъ, то по какому-то повѣрью, клали ему въ ротъ нѣсколько мелкихъ монетъ, какъ будто для издержекъ въ дальней дорогѣ на тотъ свѣтъ, а къ гробу привѣшивали кафтанъ покойника.

Лѣтомъ русскіе хоронили очень скоро, въ теченіе сутокъ; а если по какому либо случаю погребеніе откладывалось, то трупъ, во избѣжаніе зловонія, относили на погребъ. Мертвеца выносили изъ дома покрытымъ покровомъ, или шубою и непременно на рукахъ; если мертвецъ былъ монашескаго званія, то несли его монахи, или монахини.

Для большей церемоніи богатые и знатные нанимали плакальщицъ, которыя шли по бокамъ и впереди похороннаго шествія, съ распущенными волосами и нарочито искаженными лицами. Онѣ кривлялись и вопили, громко вскрикивали и заливались въ причитаніяхъ.

Всѣ сопровождавшіе гробъ шли съ зажженными свѣчами, обвязавъ платками головы.

Когда гробъ следовало опустить въ могилу, то открывали гробъ и всѣ прощались. Жена, или близкій родственникъ, должна была плакать и причитывать; а плакальщицы всѣмъ хоронъ тоже вторить причитывая. Священникъ давалъ въ руки покойника отпустительную грамоту; послѣ опущенія гроба въ могилу, всѣ цѣловали образа, потомъ ѣли кутью, непременно каждый въ три приѣма, начиная съ ближайшихъ родственниковъ.

Зимою не спѣшали хоронить и ставили покойниковъ въ церковь, гдѣ духовенство служило каждодневно литургію и панихиды, и на осьмой день предавали тѣло землѣ.

Для людей бѣдныхъ было чрезвычайно дорого рыть могилу зимою; поэтому мертвецовъ ставили въ усыпальницы или притворы при колокольняхъ, и тамъ держали до весны.

Весною семейства разбирали своихъ мертвецовъ и хоронили на кладбищахъ. Должность гробокопателей исполняли особы лица за взвѣстную плату, какъ и нынѣ могильщики.

Бѣдняки, которымъ не на что было похоронить, просили милостыню на погребеніе, отъ чего никто въ этой жертвѣ не отказывалъ.

Для городскихъ жителей кладбища отводились за городомъ; но въ селахъ и деревняхъ, кладбища эти помѣщались при храмахъ.

Утопленниковъ и удушенныхъ, не хоронили на кладбищахъ. Было убѣжденіе, что если гдѣ нибудь похоронить утопленника или удушенника, то за это весь край постигаетъ бѣдствіе; на

этомъ основаніи, въ старину, народъ, приведенный въ волшебное несчастьемъ, какъ напримѣръ: неурожаемъ, моромъ, эпидеміей, выгребалъ жертвецовъ изъ могилы *).

Но вообще умершихъ внезапно на улицѣ, убитыхъ въ дорогахъ, хоронили въ убогомъ домѣ. Убогіе дома были не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. Въ нихъ также хоронили отверженныхъ, которыхъ считали недостойными кладбища, воровъ, разбойниковъ, казненныхъ, между тѣмъ, какъ самоубійцы хоронили въ полѣ, или въ лѣсу.

Царское погребеніе совершалось черезъ шесть недѣль послѣ смерти, и тѣло ставилось въ домовой церкви въ гробъ. Крестовые дьяки дено и ношно читали надъ нимъ псалтырь и попеременно дневали бояре, окольные, стольники надъ усопшимъ. Между тѣмъ по всему государству посылались гонцы, которые во всѣ монастыри и церкви возили деньги для служенія панихидъ; въ праздники при служеніи панихиды ставили кутью. Эти панихиды служились шесть недѣль, каждый день, исключая воскресеньевъ.

Въ сороковой день кончины совершалось погребеніе царственной особы. Отовсюду стекались въ Москву духовными властями, архимандриты и игумены.

Въ погребальной процессіи впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобы важнѣйшія особы, архіереи и патріархи, шли сзади духовенства, за духовными слѣдовали свѣтскіе сановники, бояре и окольные, за ними — царское семейство, а за нимъ боярыни.

Множество народа толпилось за гробомъ, безъ чиновъ и различнаго достоинства. Прощанія предъ опусканіемъ въ могилу не было.

Опустивъ тѣло въ могилу, не засыпали гроба землею, а закрывали каменною доскою. Вышность и издержки на погребеніе соразмѣрялись съ значеніемъ усопшей особы, такъ, что погребеніе царя производилось великолѣпнѣе, чѣмъ царевичей, а погребеніе царевичей великолѣпнѣе погребенія царевенъ.

Вообще у всѣхъ классовъ 40-й день послѣ смерти определялся на поминованіе. Семейные нанимали духовныхъ лицъ

*). Повѣдка въ Кирил. повѣст. 2. 37.

читать псалтырь по усопшимъ. Чтеніе это у ивухъ происходило въ двухъ мѣстахъ разомъ; въ домѣ, гдѣ умеръ покойникъ, и на могилѣ; для этого устраивался на могилѣ деревянный голубецъ или голбецъ, покрытый сверху рогожею; тамъ стоялъ образъ и каждое утро при зажженной свѣчи монахъ, или церковный дьячекъ, читалъ псалтырь *)).

Семейные по покойникѣ носили скорбное платье, синее, или черное и непременно ветхое, а не новое. Въ это время траура стыдно было ходить опрятно, какъ будто это было неуваженіе къ памяти покойнаго.

Визиты съ молитвами объ усопшихъ, отправлялись *кормы* или поминальные обѣды. Такихъ было по желанію родственниковъ и семейныхъ не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ: въ 3-й, 9-й и 12-й и наконецъ очистительный въ 40-й день, или сорочины; въ этотъ же день снимался трауръ. Чаще всего поминали три раза: толковали, что троекратное поминовеніе совпадаетъ съ перемѣнами, какія испытываетъ тѣло покойника въ гробу: въ третій день измѣняется его образъ, въ девятый распадается тѣло, въ сороковой истлѣваетъ сердце. Затѣмъ это троекратное поминовеніе совпадаетъ съ взрваніемъ о путешествіи души на тотъ свѣтъ: въ третій день ангелъ Господень приводитъ душу на поклоненіе Богу. „Якожъ бо отъ царя зевага послани будутъ воины привести нѣкоего и связавши его, повѣдаютъ ему повелѣніе царево, трепещеть же и держащихъ и ведущихъ его немилостивно къ путному шествію, аще и ангелы отъ Бога послани будутъ поати душу человѣчу“.

Если въ этотъ третій день совершаются приношенія памяти усопшаго въ церкви, то душа получаетъ утѣшеніе въ скорби прежь бывшія ей отъ разлученія тѣлеснаго и разумѣеть отъ водящаго ангела, яко память и молитва ея ради въ церкви Божіей и такъ радостна бываетъ. Съ тѣхъ поръ начинаются путешествія ея съ ангеломъ, который показываетъ ей блаженство райа и муки ада. Въ девятый день ей дается отдыхъ: душа, сохраняя еще земныя привязанности, слетаетъ то къ дому, гдѣ жила съ тѣломъ, то къ гробу, гдѣ лежитъ

*) Олсариі. 316.

тѣло, въ которомъ была заключена; душа добродѣтельная по-
стъщаетъ мѣсто, гдѣ она „иногда обычай дѣлать правду“.

Тогда душѣ грѣшной указываетъ ангелъ мѣста, гдѣ она со-
грѣшала, и ей необходима для ободренія—молитва церкви. На-
конецъ въ сороковой день, ангелъ приводитъ ее снова къ Бо-
гу и тогда ей назначается мѣсто по заслугамъ: „дobre дер-
жить святая церковь въ сороковой день, память сотворяя по
успошемъ“ *).

Кутья была главною принадлежностью постаго обѣда. О
кутьѣ говорилось такъ:

„Кутья благовѣрна святымъ воиѣ; святимъ бо не ѣдятъ, не
пьютъ, но воиѣю и благоуханіемъ тѣмъ сыти суть“ **).

Обычай поминовенія былъ и во времена язычества и потому
къ нему примѣшивались и посторонніе обряды, не одобряемые
церковью. Такъ преподобный Феодосій запрещаетъ ставить по
успошемъ обѣды и ужины, класть на кутью яйца и ставить
воду; вѣроятно яйца и вода были какими нибудь символа-
ми древняго языческаго поминовенія.

ЗВѢРИНАЯ И ПТИЧЬЯ ОХОТА ВЪ РОССІИ.

Отъ царя или Великаго князя, до послѣдняго дворянина,
охоту считали самою лучшею забавою и даже полезною въ
старину. Звѣриная охота приучала молодыхъ людей къ пере-
несенію голода, зноя, холода; приучала ихъ встрѣчать опасно-
сти и трудности, и преодолевать ихъ, своимъ безстрашіемъ;
приучала ихъ къ ловкости, гибкости, и быстротѣ движеній, на-
конецъ эта охота давала возможность привыкнуть къ успѣш-
ному управленію всякаго рода оружіемъ.

Владимиръ Мономахъ такъ говоритъ самъ о себѣ; „Любя
„охоту мы ловили звѣрей, я ввязалъ самъ своими руками въ
„густыхъ лѣсахъ дикихъ коней, вдругъ по нѣскольку. Два ра-
„за буйволъ металъ меня рогами, олень бодалъ, лось топтала
„ногами, ветеръ вырвалъ мечъ съ моего бедра, медвѣдь проку-

*) Св. Макарія Погода. Сборникъ. Биб. Ж. 1321

**) Пуб. библ. рукоп., стр. 203

„силъ сядло; лютый звѣрь однажды бросился и сбилъ коня по-
„до мною, нѣсколько разъ и падалъ съ лошади, два раза раз-
„бивалъ свою голову, повреждалъ руки и ноги, а самъ все то
„дѣлалъ, что могъ приказать другимъ: смотрѣлъ за конюшнею,
„охотою, ястребами и соколами“ *).

Андроникъ Кожинъ. Греческій Императоръ, перенималъ мно-
гіе наши обычаи: онъ любилъ нашу звѣриную ловлю и бѣганье
въ запуски.

Ловля звѣрей; какъ мы уже сказали, была любимымъ заня-
тіемъ русскихъ со времени древнихъ и великіе князья съ удо-
вольствіемъ проводили празднѣе время на охотѣ.

В. К. Василій былъ даже особенно пристрастенъ къ травлѣ.

Вотъ какъ рассказываетъ о немъ Герберштейнъ:

— Увидѣвъ государя, мы оставили своихъ лошадей и подош-
ли къ нему. Онъ сядѣлъ на гордомъ конѣ въ терликѣ парче-
вомъ, въ колпакѣ высокомъ, осыпанномъ драгоценностями и
украшенномъ золотыми листьями, которые развѣвались, какъ
перья; на бедрѣ его висѣлъ кинжалъ, за спиною ниже пояса,
кистень. Съ правой его стороны находился казанскій царь
Шигъ-Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой двое
молодыхъ князей: одинъ изъ нихъ держалъ съкиру, другой бу-
лаву или шестоперъ; вокругъ нихъ находилось болѣе 300 всад-
никовъ.

Сначала охотились ловлею зайцовъ въ лѣсу, неподалеку
отъ Москвы.

Государь предоставилъ первую честь спустить собакъ, важ-
нымъ сановникамъ и посланъ: Герберштейну и польскимъ по-
сланъ Кишкѣ и Богушу. На каждого зайца приходилось по
четыре собаки. Государь былъ веселъ и хвалилъ ловцевъ. Въ
короткое время поймали болѣе трехъ сотъ зайцевъ. Потомъ
послѣдовала соколиная охота. Для этого пускали кречетовъ,
бить лебедей, журавлей и другихъ птицъ.

Кречеты по тонкому своему чутью, открывали, гдѣ летали
любимыя ими птицы, пускали ястребовъ и соколовъ, изъ по-
роды орловъ, и тетерей, которые были замѣчательны тѣмъ,
что по крику узнавали фазановъ, и съ быстротою ихъ пре-

*). Духовное завѣщаніе Момоиха, см. Пушкинскій харат. списокъ Нестора

слѣдовали. Они черные, величиною съ гуся, и брови у нихъ красныя.

Затѣмъ вызывали охотниковъ бить медвѣдей. Отважные ловцы бросались на звѣря съ деревянной рогатниой. Если его ранилъ медвѣдь, то онъ являлся къ Государю и показывалъ ему свои раны, говорилъ сѣбло:

— Государь! я равенъ. — Я тебя награжу, отвѣчалъ Великій князь. Онъ приказывалъ раненаго вылечить и щедро обдабривалъ его платьемъ.

Вечеромъ мы все сходили съ коней, и для насъ разбивали шатеръ на лугу.

Государь, перебивъ свою одежду, разговаривалъ весело съ боярами въ своей палаткѣ, объ удачѣ или неудачѣ этого дня. Слуги разносили кориандеръ, миндаль, орѣхи, сахаръ; все преклонялось предъ Государемъ и вѣн. Потомъ пили за его здоровье, медъ и вино *).

Любимой забавой царя Феодора былъ медвѣжий бой. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ тенетами и въ ямахъ, держали въ клеткахъ. Въ назначенный день для забавы собирался дворъ и множество народа къ тому мѣсту, гдѣ предстоялъ бой. Мѣсто обводилось глубокими рвами для безопасности зрителей и чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Являлся отважный боецъ съ рогатниой, и тотчасъ выпускали медвѣдя, который увидя своего врага, становился на заднія лапы, ревелъ и съ отверстою пастью бросался на него. Охотникъ стоялъ неподвижно, онъ наблюдалъ его движенія и однимъ сильнымъ размахомъ вонзалъ рогатину въ звѣря, а другой конецъ ея прижималъ къ землѣ ногою, чтобы разъяренный звѣрь не кинулся на него, такъ какъ яростный звѣрь лѣвъ грудью на желѣзо, которое орошалъ своею кровью и пѣною; если не преодолевалъ, то падая на бокъ издавалъ раздрающій душу стонъ.

Народъ, громкими восклицаніями провозглашалъ имя побѣдителя. Его представляли царю и потомъ понли внимомъ изъ царскихъ погребовъ.

*) Каравкинъ полагаетъ, что всякая охота чуть ли не введена въ перыи В. К. Васильемъ, такъ какъ до того времени собираніи гушались, какъ нечестныи животныи.

Каждый охотникъ билъ звѣря въ грудь; въ случаѣ промаха онъ былъ имъ изуродованъ, и это случалось часто. Счастливецъ былъ доволенъ тѣмъ, что оставался въ живыхъ и не получалъ никакого награжденія, кромѣ того, что его пойли. Раненымъ выдавалось награжденіе, а жены и дѣти растерзанныхъ содержались на царскомъ иждивеніи *).

Пристрастіе русскихъ къ охотѣ, оправдывалось убжденіемъ того времени, что охота — занятіе благородное и потому всѣ охотно привязывались къ ней; даже въ XVII вѣкѣ было издано особенное наставленіе для охотниковъ подъ названіемъ: „книга глаголемая Урядникъ и устройство чина Сокольниковъ пути“.

Были особенные чиповники, которые наблюдали за охотою, а именно: ловчіе и сокодьничья. Ловчіе раздѣлялись на ловчихъ рязанскаго и московскаго пути: послѣднему были подчинены — городовые. Ловчій равнялся имъѣнному егермейстеру. Сокольникій смотрѣлъ за кречетами, ястребами и другими охотниками, и его званіе равнялось званію оберъ-егермейстера.

Боле много разъ смѣлились отклонить царя Петра I отъ воинскихъ забавъ, которыми великій монархъ занимался съ любовью, еще въ младенчествѣ. Предъ Петромъ I совую и птичью охоту до того расхваливали, что Государь, не любившій охотиться, какъ то разъ рѣшился выѣхать въ поле.

Въ назначенный день къ государю явились охотники со множествомъ слугъ и собакъ.

Государь Петръ Алексѣевичъ поблагодарилъ охотниковъ за усердіе къ нему и видя, что ихъ сопровождала большая свита псарей, изъявилъ свое желаніе лично охотиться только съ своими охотниками, безъ участія слугъ, общество которыхъ онъ считаетъ неприличнымъ и просилъ ихъ отпустить слугъ.

Вельможи, взявъ собакъ изъ рукъ слугъ, отправились съ Государемъ. Но лишь только явились на мѣсто, какъ пришли въ крайнее недоумѣніе и разстройство. Собаки, которыми боаре не умѣли управлять, подбѣгали подъ ноги лошадей и ихъ пугали. Испуганные лошади носились со своими всадниками по полю, и нѣкоторыхъ сшибали съ сѣдла.

*) Флетчеръ. Cot. Wealth. возмщ. въ собр. Гага

Позабавившись надъ неумѣлыми охотниками, Государь возвратился въ Преображенское. На другой день Петръ назначилъ птичью охоту, для чего и пригласилъ прежнихъ охотниковъ; но нѣкоторые изъ нихъ были изувѣчены и лежали въ постелѣ, а другіе не явились.

Царь спросилъ у явившихся: „не желаютъ ли они поохотиться, по вопрошаемые отвѣчали, что не желаютъ.

Тогда Государь сказалъ имъ:

— Не лучше ли имъ быть воинами, нежели псовыми охотниками? Я царь, а слава царя въ благоденствіи народа; охота же—есть слава псарей *).

Петръ I порицалъ охоту, какъ напрасную потерю времени, отвлекавшую отъ государственныхъ занятій.

Петръ II былъ съ намѣреніемъ увлекаемъ къ псовой охотѣ. Графъ Остерманъ, его наставникъ, бывший потомъ Государственнымъ Канцлеромъ много разъ жаловался на князей Долгоруковыхъ, что они поселили въ Государя страсть къ псовой забавѣ; отвлекали его отъ государственныхъ дѣлъ, чтобы только самимъ управлять.

Послѣ смерти Петра II охота окончательно исчезла въ царственномъ домѣ.

Ей предавались въ послѣдствіи, отъ нечего дѣлать, помѣщики, да сибирскіе промышленники, которые бьютъ медвѣдей, пушныхъ звѣрей и тѣмъ доставляютъ себѣ пользу, а прочимъ возможность имѣть теплую одежду **).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВІЯ.

Арзамасцы.—Луковды, гусятники.

Архангельцы.—Моржеѣды. „Ивановичъ, Ивановичъ слѣзь съ крыши, я къ тебѣ пріѣхала!“

Такъ кричала пришедшая изъ Архангельска жена къ мужу—кровельщику, поглядывая на одну изъ крышъ, гдѣ стояла ста-

*) Гол. Дѣя. Петра В. С. 175.

**) Заимствовано изъ книгъ: (Оч. Дов. Живни и Нрав. Великор. Народа въ XVI и XVII ст. Бытъ Рус. Нар. Терещенко и друг.

туя и долго бы прокричала, если бы ее не увидели добрые люди, что это не человекъ.

Балахонцы.—Балахна, стоитъ ротъ распахнн.

Болговитале.—Рака съ звономъ встрѣчали. „Вотъ воевода къ намъ ползеть, щетнику въ зубахъ несетъ“.

Борисоильцы.—Кислогивздые. Встарину здѣсь были скорняки и клеевары; дворы ихъ издавали пренеприятный запахъ, отъ чего окрестные жители и дали этимъ жителямъ такое названіе.

Боровичи.—Луковники.—Луку, луку зеленого. Жители города Боровска (Кал. губ.) занимаются огородничествомъ.

Брянцы.—Куралесы. Брянская коза. Куда изъ дома не поѣдутъ, а далеко не отѣдутъ, а все къ кружалу или къ своему гушву прїѣдутъ.

Бѣжецкае.—Колокольню рожкомъ подколотили. Въ старину еще жители города Бѣжецка очень любили нюхать табакъ и держали его въ рогѣ. Соберутся къ церкви въ праздничный день за часъ, чтобы къ началу поспѣть, расположатся на паперти, и давая одинъ другому табакъ подчивать; разумеется сперва рогомъ постучать въ стѣну или о паперть. Вотъ отсюда и пошло присловье.

Бѣлозерцы.—Бѣлозерскіе сытки.

Бувцы.—Буй да. Кадуѣ чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуѣ у воротъ сидѣлъ. Буй городокъ, отбей кошелекъ. Домосѣды. Лѣсняки. Поговорка съ татарскаго времени. Татары хотѣли раззорить этотъ городъ и искали его, переходя изъ лѣса въ лѣсъ.

Валдаицы.—Колокольники. Молодецъ! купи баранокъ, а поцѣлуй въ придачу.

Вильяне.—Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ. Въ Вильнѣ семь дорогъ для жида и три для поляка.

Витебцы.—Волянка и гудокъ сбереги нашъ домокъ; соха и борона раззорили вашъ дома.

Варнавицы.—Медоники.

Ветлужскае.—Санники. Санникъ телѣжника, а выѣхать не на конѣ.

Вичуговцы.—Салѣточники.

Владимірцы.—Клюковники. „По клюкву, по клюкву, по крас-

ную клюкву". Собрались кумки на болотъ сидючи, они Суздальцы да Володимирцы, и волынка, и гудокъ.— Деревянная печь, золотая ворота и желѣзные церкви.

Воложжане.— На словахъ, какъ на масле, а на дѣлѣ, какъ на Вологдѣ. Теленка съ подковой съѣли.—Толокномъ Волгу замѣсили.

Вытеоры.—Канзольники.

Вязичи.—Прянишники.—„Мы люди не грамотные, ѣдимъ пряники неписанные“.—Коврижки съ анисомъ.—Глупая Вязьма, безтолковый Дорогобужь.

Вятчане.—Вятская баталія.—Хлыновскіе бояре.—Свистоплясы.—Слѣпороды.—Вятка, всему богатству—натка!

Галичане.—„Що царь галушки“.—Корову въ баню ташили.—Городъ Галивонъ, озеро Миронъ, а люди Кривичи.—Овчаники.—Толокно весломъ въ рѣкѣ ившали, и толокна не достали.

Глуховцы.—Попутный табачекъ.

Даниловцы.—Любимые ловцы.—Даниловцы, невыдавцы.—Кошкадавы: кошку не купили, а задавили.

Дядновцы.—Макары.

Есть въ народѣ преданіе, что Дядновцы Рязанской губерніи отправили своего старосту съ выборными людьми отъ всего міра встрѣтить Петра Великаго съ хлѣбомъ-солью. Государь, принимая отъ нихъ приношеніе спросилъ старосту объ имени. Староста огласилъ себя Макаромъ. Государь сказалъ: „хорошо!“ Потомъ спросилъ у другихъ объ ихъ именахъ.

Дядновцы будто вообразили, что ния старосты ихъ правятся царю, всѣ до одного назвались „Макарами“. Государь на это сказалъ связь: „будьте же всѣ вы Макарами!“ Съ тѣхъ поръ и зовутъ ихъ—Макарами.

Дмитровцы.—Лагушешники. Отъ болотъ, окружающихъ Дмитровъ, и лагушекъ, оглашающихъ окранны города.

Егорьевцы.—Головотяпы.

Ельчане.—Сычужники.—Радуга ушатъ воды выпила.—У насъ въ Ельцѣ, на Соснѣ рѣцѣ, курица втепка (утенка) вывела.

Ефремовцы.—Въ кошелѣ воду варили.

Егорьевцы.—Самъ ножъ точить, а говорить: „не бось!“—Рудометы, коновалы.

Задляровцы. Запорожцы. — Задрипащы.

Ивановы. — Богаты, да хвастливы, какъ Ивановскій мужикъ.

Казакы. — Казашъ прогребли и орду прошли.

Кадуевцы. — Кадошинки.

Калужане. — Калужанинъ поужинаетъ, а тулякъ, такъ ляжетъ. Щагольники: Щаголь щаглуесть на осиновои дубѣ, да воскогуркнетъ „ткау! ткау!“ „Наша Колуза Москвы болѣе да болѣе, а калачани да квасои удалѣи“. Козла въ соложенои гвѣствѣ утопили.

Калезинцы. — Свиною за бобра купили. У нашего Макара по три деньга Паталя, а грошъ дай, любую выбрай.

Капорцы. — Крошевники. — Капорское крошево и кисло, и дешево.

Крипюльцы. — Чудь бѣлоглазая, сироты.

Канинцы. — Собаку за волка убили, да деньга заплатили.

Каширцы. — Шапку долой! — А що? — Все бо бояре.

Кижане. — Золотую грамоту просили.

Кимряки. — Пѣтуха на киятъ кормили, чтобъ на чужую землю чрезъ нежу не перенесли. Склеенный сапогъ. — Свой сапоги на лапотъ проивняли, лапти, молъ, нашего товара прочиѣе.

Килешемцы. — Суковщики. — Кинешни да Решни кутить да мутить, а Вологда — убытки платить.

Климовцы. — Лавотники.

Костромичи. — Лучше бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла. — Костромичи въ кучу, Ярославцы прочь; они на руку нечисты; лапти оастеряли; по дворамъ искали, было шесть, а стало семь.

Кологривцы. — Догтарники.

Коломенцы. — Черномебье.

Крапивенцы. — Съно съ колокольныхъ звономъ встрѣчали, а воеводы не видали.

Какъ-то разъ прослышали Крапивенцы, что съ Соловы поднялся къ нимъ воевода. Нарядились миряне въ праздничные кафтаны, и сѣли по лавкамъ. А чтобъ знать, когда встрѣчатъ воеводу, то послали десятскаго на колокольню съ наказомъ: „какъ будетъ“ де, „подъѣзжать воевода, звони“.

Заклубилась пыль по дорогѣ, десятскій зазвонилъ, затрезво-

нилъ. Вышли мирные съ хлѣбомъ—солью, глядять, вдетъ мужикъ съ сѣномъ. Ему то мирные и били челомъ.

Кремляне.—Живеть въ Кромахъ, въ разныхъ домахъ.

Ливенцы.—Соломатой мость обломали. Въ какое то незамѣтное время прѣхалъ въ Ливны на воеводство воеводичъ. Ливенцы наварили соломаты по горшку со двора и понесли въ подарокъ воеводичу. Повхалъ обозъ съ соломатой по мосту; а мость ни крытый, ни шитый, изъ тычинокъ собранный, хворостомъ покрытый, подъ соломатой-то и подломился.

Лихвинцы.—Лихвинскія горы, да Новосильскіе воры—злѣе всѣхъ.

Лучанцы.—Въ Луцкѣ все не по людски: на вколо вода, ни срединъ бѣда.

Это старинное присловье произошло отъ униатовъ и жидовъ наполнившихъ городъ въ началѣ XVII столѣтія. Точно такое же присловье говорили и о Каменцѣ. Каменецъ—въионецъ, кругомъ вода, въ срединѣ—бѣда!

Любимцы.—Козу приникомъ коряили.—Водохлебы.—Не учи козу, сама станетъ съ воза, а пречиста рука все причистить.—Двѣнадцатый часъ, а матушка изъ міру не бывала. (Сынъ изъ Питера прѣхалъ съ часами, цоловымъ тамъ былъ, а матери ничего не высмалъ, такъ что та по міру начала ходить, подаяніемъ жить).

Водохлебани ихъ называютъ по ихъ страстной привязанности къ чаю.

Въ незамѣтную старину двое Любимскихъ поселянъ собрались покататься на наслиницѣ. Заложили лошадь въ сани. У обомъ были одни сапоги; вотъ они надѣли ихъ, кто справа сидѣлъ на правую ногу, а кто съ лѣва тотъ—на лѣвую. Тѣхъ двухъ ногъ, что внутри саней и не видать, что онѣ въ лаптяхъ, а все же питерщиной нужно похвалять.

Выѣхалъ экипажъ: дуга золоченая, сбруя ременная, лошадь три дня некориленаая. Вдуть да остановатся, будто конь ихъ до того завѣлся и горячится, что лѣзетъ изъ хомута вонъ; а конь изъ за голода ни съ швста и безъ хомута. Принялись шужики за кнуты, подъ гору бьютъ въ четыре кнута, а съ горы—въ десять, конь стоять все тутъ же.

Ладожане.—Щуку съ лицъ согнали.

Дурова — Гаврилов.

Малороса — Мещанин — Урман — Фрол — Кавказ. Грубо
верно, а вернее верно. — Мещанин. Верно, но не так
на верном на три дня, а только на верном только на
малом, но не только — Мещанин. Верно, но не так
верно, а вернее веро только на три. — Да не на
да? — Не бы не веро, а вернее. — Мещанин. Веро не
так веро бы, а не так не так.

Мещанин. — Мещанин. Верно. — Так только верно
для Мещанина, но веро не так верно, но не так
вернее, но не только только только на три. — Мещанин.
Да Мещанин с Мещанин, только на Мещанин только
Мещанин Мещанин Мещанин.

Мещанин. — Мещанин. Верно, да и только только
верно. — Мещанин. Верно, но только только только
Мещанин с Мещанин Мещанин.

Мещанин. — Мещанин. Верно, только только только
верно, но только только только только только
верно на вернее?

Мещанин. Верно, но только только на три. Да
да на три только. Да Урман только на три.
Мещанин. Верно, но только, да на три, только
верно, но только, с только только на три, а Мещанин
верно, но только, да на три, только на три. Мещанин
верно, но только на три, только только на три.
Мещанин. Верно, только на три, а только только.
Мещанин. Верно. Да только только только Мещанин с
Мещанин Мещанин.

Мещанин. — Мещанин. Верно, да на три. Мещанин —
Мещанин.

Мещанин. Да Мещанин только только на три. Мещанин
на Мещанин на на три только. — Да на три на три, а на
три. — Да Мещанин, да только на три только. — Да
да только только. — Мещанин. Верно. — Мещанин. Да
Мещанин, да на три, а только на три только. Мещанин
верно, только на три. — Мещанин. Мещанин. Мещанин
верно, только на три. Да Мещанин — на три, да на три
три.

Поэтому случаю г. Сахаровъ приводитъ маленькій анекдотъ изъ Малороссійскаго быта:

Мать. Кто иде?

Дочь. Чертъ.

Мать. Добре, дочушка, абы не Москаль, отъ черта открестисься, а отъ Москаля дубиной не отобьешся. — Затѣмъ слѣдуютъ и другія поговорки.

Въ Москвѣ толсто звонять, да тонко ѣдятъ. — Москва стоитъ на болотѣ, хлѣбъ въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ. — Вишь, какъ намоскаллся, що изъ пидъ жываго пята рѣжетъ. — Видно городъ великъ, колп семь воеводъ.

Многія изъ этихъ сказаній принадлежатъ историческимъ эпохамъ; Такъ, по словамъ г. Сахарова, „*Правда Московская*“ появилась отъ Псковичей, когда Москвичи взяли Псковъ, когда они на Москвѣ были челоми въ своей покорности. — *Видно великъ городъ семь воеводъ* — указываетъ прямо на семнобярщину. Другія же выдуманы Малороссами. Такъ напр. *Московский часъ — подожди*, указываетъ на медленность прежняго стариннаго судопроизводства. Во многихъ случаяхъ можетъ быть указывалось на солдатъ, которыхъ наши хохлы тоже называли „Москалями“.

Муромцы. — Колошики. Вертячія бабы. — Святогоны.

Последнее слово относилось къ XIII вѣку, когда Муромцы выгнали изъ своего города Епископа Василя.

Нерехотцы. — Село Лупино, Арменки глупые, а Нерехта на умъ поставитъ. — Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ. — Нерехотскіе бѣгуны *).

Нижегородцы. — Дома каменные, люди желѣзные. Татинецъ да Слатинецъ — ворамъ кормилецъ. — Нижегородцы не уродцы.

Нужно замѣтить, что селенія Татинецъ и Слатинецъ находящіяся отъ Нижняго-Новгорода въ 60 верстахъ были въ стары опасными мѣстами для путешественниковъ, такъ какъ въ этихъ двухъ селеніяхъ часто имѣли пребываніе волжскіе разбойники, о которыхъ и сейчасъ можно слышать отъ старожиловъ. — Бродка-Нижегородка — усъ Макарьевскій.

*) Бѣгунами называли Нерехотцы потому, что бѣгаютъ по званію съ безпачкою слушать праву.

Новгородцы. — Долбежники. — Гущеды. — Упряизъ — какъ Новгородецъ. — Ты вѣдь не Новгородскій дворянинъ. — Сяга въ Волховъ столкнули.

Долбежниками Москвичи называли Новгородцевъ по ихъ дубникамъ, съ которыми они въ старину ходили на бой. Гущедями прозвали Новгородцевъ за постное кушаніе во время поста. приготовляемаго изъ обожженаго ячменя, свареннаго въ простой водѣ.

Въ старину, хлѣбосольные Москвичи, выговаривая спсѣяному гостю, что онъ не пріѣзжалъ къ обѣду, говорили: ты вѣдь не Новгородскій дворянинъ.

Новоторы. — Городъ Коростеня, владѣніе Ольгино, народъ Кривичи. — Новоторы — вору.

Олончане. — Олонцы — добры молодцы. — Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съестъ, тотъ и староста. — У насъ одинъ молодецъ съѣлъ тридцать три пирога съ паргономъ да все съ творогомъ. — Одинъ молодецъ вѣлъ хлѣба мякка, ножа былъ востра, а какъ шапка свалилась, на полъ покатила, до рѣки пихалъ ногой, а войдя въ рѣку почувалъ, что то лопнуло. „Не брюхо ли лопнуло?“ подумалъ; глядитъ: брюхо цѣло, а ремень лопнулъ, голову нагнулъ и цапку надвѣлъ. — Любезный Олонецъ — бѣлые берега. — Кайваны въ Олонцѣ но бывали.

Онежане. — На рогахъ омухи сушили. — Прохорята. — Прохоровы дѣти. — Прохоръ письмо прислалъ и любодырному велѣлъ деньги собирать. Во всей Онегѣ изъять телвги. — Лятокъ воеводу возили на саняхъ по городу.

Орловцы. — Проломленныя головы. — Орелъ да Кромь — первые вору, да и Карачи на поддачу.

Одоевцы. — Молодечъ, молодечъ продай за грошъ постныхъ личъ.

Разъ Одоевцы привезли товаръ въ Москву, пришло время обѣда: вотъ вошка одного изъ своихъ послалъ купить провизію къ обѣду. Молодецъ впервые Москву видитъ. Подходитъ парень къ лотку съ огурцами и спрашиваетъ: „что это за товаръ?“ Москвичъ, смѣкнулъ, что это за птица, и отвѣчаетъ: „Постныя яйца“. Одоевецъ призарясь на огурцы и слыша, что яйца эти постныя, а дѣло было въ Петровки, началъ торговаться.

Осташки.— Волчьи объѣдки.— Ершеѣды.— Опозоряли, опозорили, а чѣмъ же? Ужъ и не говори!

Пекляне.— Сура рѣчка у насъ важная, течеть потихоньку, домышко у нея серебряное, круты бережка позолоченные.

Петрозаводцы.— Качу лавочку, качу мытный дворъ, качу свой торжокъ.— Боску съѣли.— Боска, боска, на тебѣ костку!

Псковичи.— Небо колыями подпирала. — Хочу скацу, хоцу не скацу.

Пельжане.— Покупала по цетыре денецки, продавала по два грошика; барыша куца куцей, а денегъ ни копейки.

Пошехонцы.— Слѣпороды.— Въ трехъ соснахъ заблудились. За севъ верстѣ комара искали, а комаръ у Пошехонца на носу сидѣлъ.— На сосну лазили Москву смотрѣть.

Ржевцы.— Батьку на кобела промѣняли.

Романовцы.— Схорони концы.— Барана въ зыбкѣ закачали.

Дѣло было такъ: у одного поселанина украли маленькаго барашка. Завопилъ мужикъ благимъ матомъ, а его жена такъ затосковала, что хотъ руки на себя наложить. Сосѣди скалились. Ударили въ набать, сдѣлали сходку и рѣшили сдѣлать повальный обыскъ, съ тѣмъ, что если у кого найдутъ проважу, то утопить вора.

Поискали, поискали, приходятъ къ вору, а Романовецъ, только услышалъ приговоръ, спеленалъ ягненка и положилъ въ зыбку. Вошедшіе пришли и стали обшаривать избу и подполье. Романовецъ, качая своего барана, сказалъ старикамъ:

— Вотъ вамъ правая рука черезъ милое дитя и чтобы ему съ матерью на ножѣ поторчать— отвѣчалъ романовецъ.

Ростовцы— Вислоухіе.— Лапшеѣды.— Озеро соломой зажигали. — У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, луку-ти много, а навозъ-ти все коневій.

Вислоухиини названы по зимней шапкѣ съ ушами. Лапшеѣдаи потому, что лапша ихъ любимое кушанье.

Когда-то въ Москвѣ потребовалось много рыбы. Стали отовсюду ее требовать, и вѣсть эта достигла до Ростовцевъ. Дѣло прибыльное; но жаль, что озеро замерзло, такъ какъ запросъ былъ по зимѣ.

Думали, думали Ростовцы и придумали растопить озеро и наловить рыбы. Натаскали множество соломѣ съ избъ и ста-

роста скомандовалъ. „Ну, ребята! валай на счастливую. Заки-
гай, подпалывай!“

Озера не растопили, а свою деревню спалили.

Разякы. — Кособрюхѣ. — Мѣшкомъ солнышко ловили. — Бли-
нами острогъ конопатили.

Сибиряки. — Сибирь. — Золотое дно. — Тепло, жарко да нас-
ляно — Сибирякъ любить. — Чевошники.

Смоляне. — Якой губерніи? — Смоленской. Якого увзда? го-
рода? — Драгобужска. — Якой волости? — Демьяновской посады! —
Якова боярина? — Про то не вѣдашь. — Кружники. — Хотя бейса
о Малаховскія ворота. — Кръпки какъ Малаховскія ворота.

Серпуховцы. — Дада вдетъ отъ Серпухова, бороду гладить,
а денегъ нѣтъ.

Старичане. — Возьми сорокъ алтынѣ? — Сороци, не сороци, а
меньше рубля не отдашь. Пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ-солью.

Спасцы. — Откуда ты молодець? — Спаской купецъ. — Чѣмъ
торгуешь? — Краснымъ товаромъ: свѣщамъ и чистымъ дехтемъ.

Староруссы. — Лошадь съѣлъ, да въ Новгородъ писали,
чтобъ еще прислала.

Судиславцы. — Грибовяки.

Солигаличане. — Бревенники, известняки.

Суздальцы. — Мазаники. — Мазили. — Въ Суздаль да Муромъ
Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шувъ напиться.

Тверитяне. — Рапучиники. Забѣгай! забѣгай! — А что? — Не
видишь, что кунница бѣжитъ? — Это собака съ Клементьева
двора. — Ну, такъ пускай бѣжитъ. — Новоприведенная дѣвонь-
ка. — Цвякалы, цуканы.

Тамбовцы. — Молоканы. — Хрептуки степные.

Тихвинцы. — Свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ. — Козу на
колокольню тащили.

Торопчане. — Таботеры. — Торопчанна обманетъ цыганъ,
цыгана — жидъ, жид — грекъ, а грека — чортъ. — Цыгану лошадь
на лапти промѣнялъ.

Тройчане. — Поляки съ пушками, а мы съ клюшками.

Туляки. — Живетъ въ Туль да вѣтъ дули. Бей челомъ на
Туль, щи на Москвѣ. — Стальная душа. — Блоху на цѣпь при-
ковали. — Бачика присядь, присядь — чижи летятъ. — Хорошъ
заяцъ, да тумакъ, хорошъ малый, да Тулякъ.

Усольцы.—Огуречники.

Уличане.—Небось, небось батька! Вѣдь это не наше.

Въ старину было: Погода ненастная, а время голодное. Пошли отецъ съ сыномъ попоровать съ горя. Ночь была темная, а отецъ къ тому же былъ полуслѣповатъ. Какъ вышли со двора, такъ и дорога пропала. Пропѣли третьи пѣтухи, дорога опять нашлась, когда уже стало проходить удобное время. — „Поди батько“ говоритъ сынъ, „ты посмѣлѣ меня“ и указалъ ему на чужой домъ. А въ домъ то попали въ свой. Дивится старикъ, что все въ избѣ словно какъ свое, да знакомое; а сынъ кричитъ: „Не бойсь батька! Это не наше. — „Какъ не наше“, возражаетъ отецъ, да и старуха-то моя!

Устюжане.—Мазы.—Черносеребренки,—Красноязыки.

Холмогорцы.—Заугольники.—Царя изъ за угла встрѣчали.

Чухломцы.—Руко суп. — Рукавицы за поясомъ, а другихъ ищеть.

Шулке.—Бѣса въ солдаты отдавали. — Въ Питеръ бывалъ, на полу сыпалъ и тутъ не упалъ.—Кабы ниъ крѣпкаго мыльца.

Юрѣвцы.—Китаешники.

Ярославцы.—Красавцы-бѣлотѣлы. — Ярославъ городокъ — Москвы уголокъ. — Пудъ мила пзвели, а роднаго пятна у сѣстры не смыли.

СТАРИННЫЯ И НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

І. ПѢСНИ СВЯТОЧНЫЯ.

Слава Богу на небѣ,	Слава!
Государю нашему на сей землѣ!	Слава!
Чтобы нашему Государю не стариться,	Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,	Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣживаться.	Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не пмѣшиваться.	Слава!
Чтобы правда была на Русь	Слава!
Краше солнца свѣтла;	Слава!
Чтобы Царева золота казна	Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна;	Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ	Слава!
Слава неслась до моря;	Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.	Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,	Слава!

Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышаніе.
Слава!
Катилось зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилось зерно ко яхонту,
Слава!
Крупень жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женпхъ со невѣстою.
Слава!
Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Шубенка на немъ худехонька;
Слава!
Одна пола во сто рублей,
Слава!
Другая пола въ тысячу,
Слава!
А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ.
Слава!
Цѣна ей у Царя въ казнѣ.
Слава!
У царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.
Слава!
Еще ходитъ Иванъ по погребу,
Слава!
Еще ищетъ Иванъ неполнаго,
Слава!

Еще хочеть Иванъ дополнити
Свою братишу зеленыиъ виномъ
Что неполнаго, и покрытаго.

Слава!
Слава!
Слава!

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ СТИХИ *).

(Которыя поются дѣтски, ходящими со звѣздой).

Днесь пресвѣтлая
Небу и земли царца,
Христа царя рождаетъ
И шлекомъ его пптаеть.
Пеленами увиваетъ,
Въ ясли полагаетъ,
Звѣзда пути являетъ,
Надъ вертепомъ сіаетъ;
Волсви же пониже
Христу царю придоша,
Трон дары принесоша:
Злато, ливанъ, смирну,
Вещь предивну.

Достойно есть удивленія,
Духовнаго веселія,
Нынѣ звѣзда явися,
На востокъ остановися,
Паче свѣтъ свѣту произвѣщаетъ,
Бога нашего на земли являетъ
Такъ дождь нарушнietъ,
Такъ смирненно Господь на землѣ приидеть,
Отъ пречистыя Дѣвы Маріи,
Родися яко младенецъ
Пеленами повиванъ,

*) См. трудъ Этногр. отдѣла Об. Люб. Естеств. Ка. V, вып. 2-й. 1878 г.

Горніе дивятся.
Земные о томъ веселятся,
Вкупѣ возрадуются.
Днесь Христово рожденіе,
Веселимся здѣсь,
Благодати есть.
Хвалу Богу начнемъ пѣть.
Въ полу на землѣ звѣзда,
Ангели пастыри
Возвѣстили нарожденнаго,
Бога нашего.
Царь же Иродъ,
Во всемъ мѣрѣ,
Мѣрѣ намъ явился,
Богъ Царь отъ дѣвы Маріи
Надъ вертепи родился.
Во всемъ мѣрѣ,
Младенцемъ побилъ.
Били, сѣкли, ругали.
Лежить тако воронковъ,
На поляхъ снопковъ,
Маткамъ ручки заломили,
Волосы деруть.
Мира мирують,
Жалостны матки,
Соболъ дѣтки.

*

Новая радость,
Во всемъ мѣрѣ,
Мѣрѣ намъ явился,
Богъ царь, отъ дѣвы Маріи,
На земли родился.
Дайте, воспѣвайте,
Возыграйте,
Дай Богъ вамъ,
Вамъ господамъ.
Господиновымъ женамъ,
Скупно здраствовать,

Вивать, вивать,
Многая лѣта— *).

ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ ПѢСНИ.

Не нападывай пороша 2
На талую землю, 2
Что на талую на землю, 2
Въ Петрово говѣнье, 2
Что въ петрово говѣнье, 2
Въ перво воскресенье. 2
Что по той бѣлой пороши, 2
Шель Ваня хорошій, 2
Шель Иванушко хорошій, 2
Бѣлый, кудряватый, 2
Ваня бѣлый, кудряватый, 2
Холостъ, не женатый. 2
Зажимаетъ праву руку, 2
Ко бѣлому сивгу, 2
Зажимаетъ, самъ бросаетъ, 2
Къ Парани въ окошко: 2
Ты пойдн, выйдн Парани, 2
Выйдн Парасковья; 2
Есть у батюшки гости, 2
У матушки гости, 2
Есть у братьица подъячи, 2
У сестерь дѣвнцы, 2
У сестрицы есть дѣвнцы, 2
У Парани Ваня. 2
Я шута Ваня сказала, 2
Взаболь отказала, 2
Пошелъ Ванюша не весель, 2
Голову повѣсилъ, 2
Пошелъ Ванюша почалеяъ, 2
Головой качаетъ, 2
Самъ головушкой качаетъ, 2
Себѣ размышляетъ; 2

*) См. труды Этногр. отдела. Кн. V, выд. II. 1878 г.

Ужъ я какъ буду жпть, 2
Кого полюбити? 2
Мнѣ стара баба любить, 2
Стыдно къ ней ходити; 2
Мнѣ мужня жена любить, 2
Убитому быти; 2
Молода вдова любить, 2
Денежно поспити; 2
Красну дѣвицу любить, 2
Щегольно ходити, 2
Хоша щегольно ходити, 2
Дѣвицу любити. 2

*

Изъ подъ ели, ели, ели 2
Течеть рѣчка быстра, 2
Течеть рѣченька быстренька, 2
Водца мутненька; 2
Мнѣ нельзя воды пить, 2
Нельзя почерпнути, 2
Мнѣ нельзя жены бить, 2
Нельзя поучити. 2
Ужъ я билъ жену часть, 2
Самъ плакалъ недвлю, 2
Исприплакалъ ясны очи, 2
По четыре ночи, 2
По четыре темны ночи, 2
Темныя, осенни. 2

*

Вечерь соколъ
Вечерь асенъ
Сыры боры (3) облеталъ;
Алексюшко,
Свѣтъ Яковлевичъ,
Свои кудря (2) свои русы расчесалъ;
Дарьюшкѣ
Свѣтъ Матвевнѣ
Два словечка (2), полдесятка сказалъ (2):

Дарьюшка,
Святъ Матвѣвна,
 Взгляни радость (3) на меня;
Коль я хорошъ,
Коль я пригожъ,
 Наливная ягодка, наливная сахарная (2).

*

Посыля дѣвки лень,
 Ходи bravo, гляди прямо, говори, что дѣвки лень
Посыля въ огородъ. 2
 Ходи въ огородъ
Во частенькой, во новой, 2
 Ходи во новой.
Повадился въ этотъ лень, 2
 Ходи лень
Двинушка, парень молодой, 3
 Ходи молодой;
Сильчу цвѣтикъ сорывалъ, 2
 Ходи сорывалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ,
 Ходи побросалъ.
Дунай рѣчка не примать, 2
 Ходи не примать
Ко бережку прибывать, 2
 Ходи прибывать,
Ко бережку ко круту, 2
 Ходи ко круту,
Ко желтому ко песку, 2
 Ходи ко песку,
Ко створу камешку 2
 Ходи камешку
Въ створѣ камнѣ пскры нѣтъ, 2
 Ходи нѣтъ;
Въ своей женѣ правды нѣтъ, 2
 Ходи нѣтъ;
Въ чужой жены правда вся,
 Ходи вся.

Куплю своей жены лапотки, 2	
Ходи	лапотки;
Чужой жены башмачки, 2	
Ходи	башмачки,
Своей жены костычекъ, 2	
Ходи	костычекъ,
Чужой жены сарафанъ, 2	
Ходи	сарафанъ;
Носи, жена береги 2	
Ходи	береги,
По праздникамъ годовымъ, 2	
Ходи	годовымъ *).

*

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила свои вѣточки?
Изъ тебя ли, изъ дубравушки,
Мелки пташечки вонъ вылетали.
Одна пташечка оставалася
Горемышная кукушечка.
Что кукуетъ она день и ночь,
Ни на малый часъ перемолку имѣть,
Жалобу творить кукушечка
На залетнова ясна сокола:
Разорилъ онъ ей тепло гнѣздышко,
Разогналъ ей малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунатушекъ.
Что по ельничку, по березничку,
По часту дѣску, по орѣшничку,
Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что во высокомъ сидитъ красная,
Подъ косящетымъ подѣ окошечкомъ;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаеть, что ключи кипятъ,
Жалобу творить красна дѣвица

*) Въ 4 январи взяты изъ Трудовъ Этногр. Отд. 1878 г. Кн. V, выпускъ II.

На завезла добра молодца,
Что смахилъ онъ красну дѣвицу,
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завезъ онъ красну дѣвицу
На чужу дальнюю сторону,
На чужу дальню, незнакомую,
Что завезши, хочеть покинути.

*

Стругалъ стружки добрый молодецъ,
Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала.
Все зивъ пекла, зелье дѣлала,
Выходила посередь двора,
Наливала чару пржеде времени,
Подносила брату иному.
Ты пей сестра, напередъ меня.
Пила, братецъ наливаючи,
Тебя, братецъ, проздравляючи.
Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася.
Сходить молодецъ съ добра коня.
Вынималъ свою саблю острую,
И снималъ съ сестры бубну голову;
Не сестра ты мнѣ родимая,
А зивъ ты подколотная.—
Онъ клалъ дрова среди двора,
И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
Что до самаго до пепела;
Онъ развѣвалъ пухъ по чисту полю
Заказалъ всемъ тужить и плакати.

*

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?—
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вырѣла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вырѣла.
Подъ тобою ли, рябинушкой,

Что не какъ цвѣтеть, не трава ростеть,
Не трава ростеть, не огонь горить,
Не огонь горить—ретино сердце,
Ретино сердце, молодецкое.
Ахъ, горить, горить, какъ смола кипить,
По душѣ-ль, душѣ лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ты душа-ль, душа красна дѣвица!
На зарѣ-ль, зарѣ утренней,
При восходѣ-ли свѣтла солнышка
Не простившися съ отцомъ, съ матерью,
Не выдавшия съ добрымъ молодцомъ,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осеніе!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
Прилетайте вы, вѣтры буйные;
Что со сѣверной со сторонушки,
Вы развеите здѣсь мать сыру землю,
И развѣвши по чисту полю,
По чисту полю, по шпрокому,
Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распростатся съ моей милою,
Съ моей милою, съ душой дѣвицей!
Окропивъ ея горячей слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда:

*

Не спала то я, младешенька, не дремала,
Я не думала, младешенька, не гадала,
Съ правой руки яснаго сокола опустила;
Подымался младъ ясенъ соколъ выше лѣсу,
Выше лѣсу, выше зеленой дубравы!
Опускался младъ ясенъ соколъ на сине море,
Онъ садился младъ ясенъ соколъ на корабликъ;
По кораблику гостинный сынъ гуляетъ,
Во звончатые онъ гуселки играетъ;

Отъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица,
Наживай себѣ друга много, много.
Буде лучше меня найдешь— позабудешь:
Буде хуже найдешь— всположнешь,
Вспоманувъ меня, душа моя заплачешь *).

ПѢСНИ ИГОРНЫЯ И ОБРЯДНЫЯ.

И я золото хорою, хорою,
Чисто серебро хорою, хорою,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки во высококъ, во высококъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица, отгадывай краснаа!
Въ коей рукѣ былца?

И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы въдала.
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первивающи,
Златомъ приплетающи.
Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.

Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,

*) 4 семейныя пѣсни запис. у Сазарова въ его сказан. Р. Н. Т. I. 1841 г.

Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.

• Еще дѣвцы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистый порошокъ запало,
Признандивъло, признаплесневъло.

Молодайка, отгадай-ка!
Пошли гусли вдоль по горницѣ
Ай вдоль да по скамѣечкѣ;
Дошли гусли до столешничка,
Что до дубоваго.
Ты возьми, возьми ушница
Съ правой руки золотъ перстень,
Съ своей ли головы золотъ вѣнецъ.

Виноградѣ красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малѣевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тытъ;
Ворота у него дощатыя,
Подворотнички рыба зубья?
На дворѣ у него да три терема:
Во первомъ терему, да свѣтель мѣсяцъ,
Во второмъ терему, красно солнышко,
Во третьемъ терему, часты звѣзды;
Что свѣтель мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки.
Да, дай Боже, Устинъ Хавронъевичъ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщикомъ.
Наша колада ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына?

За рѣкою, за быстрою,
Ой колюдка, ой колюдка!
Лѣса стоять дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горять,
Огни горять великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ.
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы.
Поютъ пѣсни колюдушки.
Ой колюдка! ой колюдка!
Въ среднѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.

Ой колюдка! ой колюдка!
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнулъ,
Горючь камень
Къ котлу тнеть,
Желты пески
Сердце высосали.

Ой колюдка! ой колюдка!

*

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору придти,
Виноградѣ красно зеленое!
Прикажи-тко ты, хозяинъ коладу просказать,
Виноградѣ красно зеленое!
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по кремлю городу,
Виноградѣ красно зеленое!
Ужъ ищемъ мы, ищемъ господниова двора:
Виноградѣ красно зеленое!
Господниовъ дворъ на седьми верстахъ
Виноградѣ красно зеленое!
На седьми верстахъ, на осьмидесяти столбахъ,
Виноградѣ красно зеленое! —

Что же около двора да железной тынь,
Виноградъ красно зеленое!
Что на всякой же тычинкѣ по маковкѣ;
Виноградъ красно зеленое!
Что на всякой же по крестикѣ;
Виноградъ красно зеленое!
Что на всякомъ же крестикѣ по жемчюжку
Виноградъ красно зеленое!
А среди того двора, что три терема стоятъ
Виноградъ красно зеленое!
Что три терема стоятъ златоверховаты.
Виноградъ красно зеленое!
Что въ первомъ терему красно солнце,
Виноградъ красно зеленое!
Красно солнце, то хозяинъ въ дому.
Виноградъ красно зеленое!
Что въ другомъ терему свѣтель мѣсяць,
Виноградъ красно зеленое!
Свѣтель мѣсяць, то хозяйка въ дому.
Виноградъ красно зеленое!
Что во третьемъ терему, часты звѣзды
Виноградъ красно зеленое!
Часты звѣзды, то малы дѣтушки;
Виноградъ красно зеленое!
Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ на раю,
Виноградъ красно зеленое!
Хозяйка въ дому, какъ оладья на меду.
Виноградъ красно зеленое!
Малы дѣтушки, какъ оладышки
Виноградъ красно зеленое!

*

По Дунаю, по рѣкѣ,
По берегу по крутому
Лежать гусли неналаженныя.
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!

Наладить гусли
Зензевею Андреевичу
Колада!

Зензевея дома итътъ:
Отъ увхалъ въ Царь городъ
Суди судить, ради радить;
Колада!

Отъ жонъ-то шлетъ
Кунью шубу.
Колада!

Сыновьякъ-то шлетъ
По дѣбру коню.
Колада!

Дочерякъ-то шлетъ
По черну соболю.
Колада!

У Л И Ч Н Ы Я П Ъ С Н И *).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за темнаго дремучаго,
Подымалася погодушка,
Что такая нехорошая:
Со вѣтрами со погодами,
Со великими угрозами,
Что во ту пору, во то время
Дочь отъ матушки повхала,
Жалобно, слезно заплакала;
Но зелѣный садъ завхала,
Среди саду становилася,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодцами рѣчь говорила:
Соловей мой, соловьюшко
Соловей мой, птица вольная,
Птица вольная, бездомовая!
Полетай, мой соловеюшко

*) Меженскія. Труды Этногр. Отдѣла. 1878 г. Книга V. Выпускъ II.

На родиную мою сторонушку,
На родину, на любимую;
Скажи, мой соловеюшко!
Отцу, матушкѣ, большой поклонъ,
Роду, племени челобитьяце,
Дружку милому большой поклонъ.

Катюшечка, душечка,
Единая въ горенкѣ сидитъ;
Шила, вышивала
Дружку милому платокъ;
Сошила рубашечку.
Сама къ батюшкѣ пошла.
Родитель мой, батюшка!
Что ты думаешь обо мнѣ?
Дитя мое, Катинька,
Не моя воля, твоя:
Хочешь ты, поди замужь,
Не хошь, двушкой сиди!
Дитя мое, Катинька
Поди въ двѣи монастырь.
Родитель мой, батюшка.
Въ монастырь я не гожа,
Келья разворочаю,
Монастырь весь раззорю,
Молодыхъ монашенокъ
Въ стыдъ, безчестье приведу;
Старой я игумень
Ризу раздеру.
Сватался на Катинькѣ
Изъ-за моря купецъ;
Сказывалъ: житья бытъя
Двѣсти тридцать кораблей;
Катя думала, подумала,
Я за этого неѣду.
Сватался на Катинькѣ
Изъ трактира музыкантъ,
Сказывалъ: житья бытъя—

Стара скрипка да гудокъ.
Думала, подумала,
Я за этого пойду,
Когда сыта, голодна.
Завсегда я весела,
Завсегда плясать пошла.
Выйду я на улицу,
Отъ всѣхъ мнѣ честь, хвала.
Кто идетъ по улицѣ?
Музыкантова жена!

*

Не ходилъ бы я по этой дорожечкѣ;
Не смотрѣлъ бы я на это окошечко,
На окошечкѣ лежитъ прищѣточка,
Не прищѣточка лежитъ, горюшко печаль моя,
Не печаль, горе лежитъ, лежитъ сухота моя,
Изушилъ я, искрушилъ, мальчикъ красну дѣвушку,
Безъ бѣлилъ, безъ румянъ щеки у ней алая,
Свѣтло-руссая коса у ней часто уплетеная;
Во русой ли, во косѣ, у ней лента алая,
Лента алая, Дуня дѣвка бравая.
Ваня Дунюшку любилъ, Ваня счастливъ былъ,
Прочь отъ Дунюшки отсталъ,
Ванюшка безсчастенъ сталъ.
Что у кустышка было у ракитоваго,
У колодечка было у студенаго
Молодецъ коня поилъ;
Ванюша жену училъ:
А жена-то, жена, мужу покорялася
Въ праву ноженку ему поклонялася.

*

Я мала была, да горя не было;
Я повзросла, да горя прибыло;
Я куды съ горя дѣваюся,
Со печалюшки да подѣваюся?
Пойду съ горя въ темны лѣса,
Во зеленыхъ-то лугахъ тамъ растеть трава;
Растеть травонька шелковая,

Разцвѣтали цвѣты лазоровые,
Разнеслись духи малиновые,
Все малиновые, анисовые.
Я со той травы цвѣтокъ сорву,
Я цвѣтовъ нарву, вънокъ совью
Милу дружку на головушку;
Носи милешкій, не урачивай
Люби дѣвушекъ; не обманывай
Какъ въночекъ спалъ, любить милый не сталъ,
Онъ любить не сталъ, свѣзаться сталъ,
Надъ Дуношкой свѣзаться сталъ:
У Дуношки слово тайное, рѣчь забавная.
Ужъ я возмъ дружку пондравилась:
Бѣлымъ лицомъ подхожал,
Мыслими дружку прехитрая,
Во кампаньюшкѣ веселая,
Во дѣвицахъ-красавица.

*

Ужъ ты степь наша, степь Саратовска;
Далеко и широко ты, степь, протянулась,
Протянулась наша степь отъ Москвы до Питера,
Отъ Москвы до Питера, до села Царицына;
Отъ села Царицына до князя Голицына.
Что никто-то, никто, по этой дорожкѣ не ѣзживалъ.
Тутъ и шли, прошли молоды извошнички,
Млады извошнички все коломенски;
Они везли то, везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу къ селу Царицыну.
Солучилося у нихъ несчастьице:
Заболѣлъ да захворалъ молодой извошничекъ;
Заболѣла у него голова буйная,
Опустились руки бѣлымъ.
Подломились ноги рѣзвыя,
Завязали буйну голову платкомъ тальянскимъ;
Дарилъ-то платокъ не батюшка, не матушка
Дарила красна дѣвица;
Подарила, приговаривала:

Ты носитко платокъ, да не хвастай мной,
Когда выносишь, похвастайся.

*

Калинушка съ малинушкой лазуревъ цвѣтъ,
Не веселая бесѣда, гдѣ милаго нѣтъ;
Веселая компаньонка, гдѣ любезный пьетъ,
Онъ пьетъ, не пьетъ за мной младой шлетъ.
Я влада владешенька да призамышкалась,
За утками, за гусями, да за лебедями,
За вольною за птичкою, за журавонькою.
Журавонька птичка по берегу погуливала,
Мураву траву потантывала,
За рѣченьку за быструю поспатривала.
За рѣченькою за быструю слободка стоитъ;
Но малая слободушка: четыре двора,
Во этихъ во дворникахъ четыре кумы,
Ужъ вы кумушки голубушки, подружки мои,
Кумитеса, любитеса, любите меня.
Ужъ вы пойдете во зеленъ садъ, возьмите меня.
Ужъ вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ,
Ужъ вы будете вѣнки свивать, свейте и мнѣ.
Ужъ пойдете вы на рѣченьку, позьмите в меня;
Ужъ вы ставито вѣнки спускать, спустите и мой.
Ужъ и всѣ вѣнки поверхъ плывутъ
Только мой одинъ кодиу ушелъ;
Всѣ дружки съ Москвы пришли,
Только мой одинъ остался ташъ.

*

Но асенъ-то соколъ по горамъ леталъ,
Леталъ-то леталъ, лебедей искалъ:
Все лебедушекъ искалъ;
Онъ нашелъ то, нашелъ на крутой горѣ,
На всей красоты сидятъ,
Все сидятъ то, сидятъ все бѣлешеньки
Словно бѣленькій снѣжокъ:
Что одна то одна, лебедь бѣлая, всѣхъ поспарядливѣй
Поспарядливѣй, да подогадливѣй.
Изъ стада во стадо лебедь перелетывала,

Письма, вѣсточки веренашивала;
Что мой-отъ малый въ лужкахъ гулялъ,
Во лужкахъ гулялъ,
Все гулялъ-то гулялъ, лебедей искалъ
Все лебедушекъ.
Мнѣ не жаль-то, не жаль самую себя,
Жаль саду зеленого;
Зеленого саду жаль, въ садяку трава росла,
Мурава трава росла,
Травонька муравая, все лазоревы цвѣты.

П Ъ С Н И К А Ш Н И Ц Ъ *)

(На деревенскихъ поночахъ).

По сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По сѣничкамъ господиновымъ,
Вью-ли лю-вью-ли-лю, вью-ли-лю-вью-лилю
Вьюрю-ли, вьюрю-ли, вьюрю-ли, вью-ли-лю **).
Господина ласковаго,
Да у свѣта пріятливаго.
Аѳонасія Семеновича ***).

Припѣвъ.

Тутъ не павушка павывала,
Не павина перье ронила,
Тутъ и ходила, и гуляла
Пожилая боярыня,
Пожилаго боярина
Анна Аникишна ****).

Припѣвъ.

Она ходила—гуляла
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ.
Подошла млада къ окошечку.

*) Записаны въ г. Пинегѣ бывшимъ студентомъ А. Синаловскимъ въ 1862 г.

***) Припѣвъ этотъ повторяется въ продолженіи всей пѣсни, послѣ абсолютныхъ стиховъ.

***) Она хозяйка дома.

****) Онъ хозяйка дома.

Посмотрю же я въ окошечко
На улицу широкую,
На дорожку проезжую,
На младъ свѣтель ивѣнецъ,
Весель ли сударь, господинъ,
Аѳонасій Семеновичъ?

Припѣвъ.

Ко кроваточкѣ тесовой подошла,
Ко постелюшкѣ пуховой,
Ко зголовницу косящетоу,
Къ одвялушку чернаго соболя;
Какъ спроговорить умная,
Какъ спроговорить разумная,
Анна Аникишна!

Припѣвъ.

Ужъ ты стань-ко, мой ласковый,
Ужъ ты стань-ко мой, пріятливый!
Мимо нашихъ высокъ теремъ
Пролеталъ тутъ ясенъ соколъ;
Мимо нашей-то горнищы,
Мимо свѣтлой свѣтлицы
Провзжалъ православный князь,
Въ соборъ Богу молитися.

Припѣвъ.

Какъ спроговорить ласковый,
Какъ спроговорить пріятливый,
Аѳонасій да Семеновичъ:
Отойди ты прочь умная,
Отступи прочь ты, разумная
Анна Аникишна!

Припѣвъ.

У насъ все будетъ излаженное,
Будетъ Богомъ исправленное: —
У насъ извозчики нарошенныя,
У насъ лошади накупленныя,
Во коляску заложеныя;
Только съѣсть намъ и вѣхати
Во соборъ Богу молитися,

До Никола Святителя,
Пресвятой Богородицы.

Призывъ.

*

Какъ по горницѣ столовой,
Какъ по свѣтлицѣ пировой,
Тутъ стоятъ столы дубовые;
На стѣнахъ ковры шелковые,
На коврѣ чара золота
Какъ полна меду налита;
Еще кто чару наливаѣ
И еще кто съ медомъ дополнялъ.
Наливалъ чару *) Гаврило господицъ,
Дополнялъ съ медомъ Афонасьевичъ;
Свою умную призывалъ,
Свою разумную прикликивалъ,
Александрюшку **) ризывалъ:
Александрюшка, другъ моя
Ты Гавриловна—милая,
Ты дойди, радость, до меня.
Ты любишь ли меня?
Поцѣлуешь ли въ уста?
Ты прими чару отъ меня,
Выпей, выкушай, всю до дна;
Принеси сына, ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ въ меня,
Умомъ, разумомъ во себя.
Какъ ясны очи сокола,
Какъ черны брови соболя.
Александрюшка подошла,
Гавриловна приняла,
Выпила, высушила всю до дна.
Принесла сына, ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ во меня,
Умомъ разумомъ во себя,

*) Она леватаго сына хованиа.

**) Его жена.

Что ясны очи сокола,
Черны брови соболя *).

ПѢСНЯ ВО ВРЕМЯ СТРАДЫ.

Маленькой мальчишко въ горенкѣ сидѣлъ.
Во горникѣ спдѣлъ, самъ свое горе терпѣлъ;
Сушилъ, крушилъ сердце—знаю для кого,
Знаю для кого, для любезной своей.
Тамъ моя любезная далече живетъ.
Далече, далече, межъ горъ высоко;
Тамъ вѣсто прекрасно, пріятель духъ несетъ.
Схожу я ко Аннушкѣ, спрошу самъ ее:
Скажи, скажи Аннушка, любишь лия вѣтъ?
Ежели ты любишь, возьму я за себя;
Ежели не любишь, убью я самъ себя.
Самъ себя убью, во сыру землю пойду;
Буду я молодчикъ въ сырой землѣ лежать;
Пушай люди скажутъ, пушай говорятъ,
Пушай говорятъ, мени молодца бранятъ.

Н Е В Ъ С Т Ъ

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго,
Тутъ летаетъ стадо сврыхъ гусей.
Сврыхъ маленькихъ утицъ,
Какъ второе бѣлыхъ лебедей.
Не уиѣла лебедушка
По мелкимъ ручьямъ да плавати,
По гусяному да кикати
Лебядянимъ тонкимъ голосомъ;
Еще начали свры гуси
Какъ бѣлу-то лебедь щипати;
Что бѣла-то лебедь кикати:
Не щиплите вы, свры гуси,

*Этотъ вѣсть стиховъ каждый поется двамъ

Съры маленькія утицы;
Не сама я къ ваяъ залетала
Не своею я охотою;
Злой великою неволею
Занесл да вѣтры буйныя
Злы погодушки великія.
Не ушла (ня) невѣсты
На головушкѣ управити,
Злой свекровушкѣ уладити.
Еще начали чужи люди,
Богоданныя родители
Журить бранить (невѣсту);
Какъ дѣвица стала плакати:
Не журите вы чужи люди,
Богоданныя родители,
Не сама я къ ваяъ во дворъ пришла,
Что завелъ жена сямъ младъ князь
На своихъ онъ добрыхъ коняхъ,
На добрыхъ, на ступчвыхъ.

Ж Е Н И Х У.

Что сказали не грозень (женяхъ),
Что сказали не страшень,
Онъ грозень, грозень, немилостивъ,
Что гроза его великая,
Красота его неизрѣченная.
Онъ ходилъ, гулялъ по улицѣ;
Заходилъ онъ ко тестю во дворъ,
Что ко тещѣ на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней во горницу,
Во горницу за завѣсу
Душа красной дѣвицы,
Ко княгинѣ первобрачной,
Ко невѣстѣ нареченой;
Бралъ ее за правую, за руку,
Поломалъ у ей значень перстень,
Съ дорогой модной ставочкой.

Тутъ дѣвица испушалася,
Душа красна перепалася:
Ужъ я какъ скажу батюшку?
Ужъ я какъ скажу матушкѣ?
Ужъ ты такъ скажи батюшкѣ,
Ужъ ты такъ скажи матушкѣ:—
Я брала свои золоты ключи,
Отыкала окованы сундуки,
Вынимала черно пшсово сукно,
Я кронла (женпху) кафтанъ,
Чтобы ему не дологъ былъ,
Чтобы ему не коротокъ былъ,
По подолу былъ раструбистый,
По середкѣ пережмивистый,
По подпазушкамъ перехватистый,
Чтобы онъ легко на коничка скакалъ,
Хорошенько разъѣзживалъ.

КОГДА ОТДАЮТЪ НЕВѢСТУ НА ЧУЖУЮ СТОРОНУ.

Что ты, что ты, сине море
Стоишь, не колыблешься?
Что ты, что ты, березошка,
Стоишь, не шатаешься?
Что ты, что ты красна дѣвица (невѣста),
Сидишь, не разсѣхнешься?
Мнѣ чему-же разсѣваться?
Мнѣ чему-же радоваться?
Мнѣ ночесь молодешенькой,
Мнѣ ночесь мало спалось,
Мало спалось, во снѣ видѣлось:
Что на нашей улицѣ,
Что на нашей, на широкой,
Есть пустая хоромиша,
Есть пустая не крытая:
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,
Отецъ мать отступилися,

Родъ плени отказалися.
Вы, подружечки, голубушки,
Посудите, пожалуйте,
Если вы не присудите,
Я сама знаю, въдаю;
Молода я догадалася,
Что пустая хороминна—
Чужа дальняя сторона;
Что пустая не крытая,—
Злодѣйка незнакомая;
Угли прочь отвалилися—
Богодавные родители;
По бревну раскатилися—
То чужи незнакомые.
По полу ходить гусыня—
То свекровушка матушка;
На печи то, котятце лежить—
Богоданный свекоръ батюшка:
Что по лавочкамъ ласточки—
То деверьяча братьицы;
По окошечкамъ то голуби—
То голубушки сестрицы;
А во горницѣ ясенъ соколъ—
То мой богосуженный.

К О Н Е Ц Ъ

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Часть I.

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ НА РУСИ.

Стран.

Святки. Коляда.—Гаданія вообще.—Гаданіе на вѣсѣхъ.—Хороненіе золота.—Омичка прохожихъ.—Подслушываніе.—Гаданіе на курицахъ.—Гаданіе на лошадахъ.—Гаданіе у воротъ.—Гаданіе башмакомъ.—Гаданіе топоромъ.—Гаданіе лицомъ.—Гаданіе на поленьяхъ.—Гаданіе воскомъ.—Гаданіе на сборникѣ.—Гаданіе лучиною.—Гаданіе на корошѣ или воловьей шкурѣ.—Гаданіе на сковородѣ.—Гаданіе на кольцѣ, хлѣбѣ и вѣрчкѣ.—Гаданіе у омета соломы.—Гаданіе на перекрестѣ.—Гаданіе подъ окномъ.—Гаданіе на бобахъ.—Гаданіе ключемъ.—Гаданіе на священной книгѣ.—Гаданіе на зеркалахъ.—Приглашеніе ужинать.—Гаданіе у церковныхъ дверей.—Гаданіе у бани.—Гаданіе у сарая.—Гаданіе на снахъ.—Мостикъ.—Пересолъ.—Гребень.—Гаданіе по слѣду на снѣгу.—Гаданіе по игральной картѣ.—Крещенское гаданіе (легенда).—Святочные вертепы и збѣды.—Славленіе нашихъ царей.—Нѣсколько словъ о Васильевомъ вечерѣ.	1— 34
Масляница. Катанье.—Торжественный маскарадъ въ 1722 г.—Нѣкоторые историческіе маскарады.—Свадьба шута въ 1739 г.—Лубочныя комедіи и игрища.—Козу въ вѣшкѣ играть.—Борьба и кулачный бой.—Олицетвореніе масляницы.—Сожиганіе масляницы.—Прощеное воскресенье.—Заключеніе о масляницѣ	34— 48
Вербная недѣля.	48— 49
Великій четвергъ	49— 51
Пасха (Святая недѣля).—Солнце играетъ.—Сатана въ аду.—Великоденныя пѣсни.—Кости теленка.—Какъ встрѣчаютъ Пасху въ Перми.—Красная горка.	51— 54
Радошница	54— 57
Семикъ (Русальная недѣля, русалки).—Симпатія.—Свистопляска.—Могила Анны воина.—Маргостье.—Крещеніе кукушекъ.—Поминованіе самоубійцъ.—Русальныя праздники.—Погрѣбеніе Костромки.—Изгнаніе, прощаніе и провожаніе русалокъ	57— 66
Иванъ Купало и Аграфена Купальница. Праздникъ росы.—Ивановская ночь.—Купальныя огни.—Соботки.—Пожиганіе стихій.—Что значить Купало.—Праздникъ въ черномъ лѣсѣ.—	

Празднованіе на югѣ Россіи. — Лысая гора. — Бесѣда Петра Великаго. — Бѣлый пѣтухъ. — Ивановъ цвѣтъ. — Цѣлебныя травы. — Купанье на Ивана Купалу. — Толокни въ ступѣ. — Кокуева слобода въ Москвѣ. — Крапивный кустъ.	66— 80
Ярило. Костромское ярило. — Дрильнѣя праздники. — Погребеніе ярилы.	80— 83
Петровки. Гулянье на Палинкахъ. — Народная жертва. — Проводы весны. — Ночныя гулянки. — Карауленье солнца. — Каме-почтеніе	83— 88
Земледѣльческіе праздники и другіе замѣчательныя дни. Дежень. — Олашка. — Имянинникъ. — Чучело, какъ представитель окончанія жатвы. — Дожинки. — Пловѣрческіе праздники жатвы. — Помочь. — Капустница. — Супратки. — Ильинъ день. — Первый Спасъ. — Юрьевъ или Егорьевъ день. — Прасковія Пятница. — Семеновъ день (бабье дѣто). — Покровская суббота. .	88—105
Обряды во время поживовенія усопшихъ (Дни поживовенія). — Праздникъ всѣхъ душъ. — Пиръ Козла. — Отрада душъ. — Поминальныя дни. — Причитаніе по усопшимъ. вытье, голоменіе. .	105—114
Свадебныя обряды и обычаи. Обычай похитать дѣвиць. — Преслѣдованіе обычаевъ духовенства. — Покупка дѣвиць. — Греческіе и римскіе обряды. — Спиманіе сапога у мужа. — Кувичное на свадьбахъ. — Свадебныя птицы. — Головной уборъ. — Баня, мѣха и солома брачной ночи. — Вскрываніе молодыхъ. — Предосторожности и свадебныя приемы. — Свадебныя пѣсни въ отношеніи ихъ значенія. — Суженый. — Свадебныя причитанія и голосованіе. — Свадьба съ трубами. — Деревенскіе обычаи въ селѣ Борщевѣ во время свадьбы. — Перискія свадьбы. — Сватовство пермяковъ и брачный обрядъ. — Бѣглыя свадьбы. — Свадьбы великорусскія вообще. — Свадьбы въ Малороссіи. — Свадьбы на Уралѣ. — Свадьбы у донскихъ казаковъ. — Свадьбы у камчадаловъ. — Мордовскія и чувашскія языческія и христіанскія свадьбы. — Черемисскія языческія свадьбы. — Татарскія свадьбы. — Калмыцкія свадьбы. .	114—181

Часть II.

Суевѣрія и ложныя убѣжденія.	189—194
Откуда возникли чародѣйство и суевѣрія?	194—199
Колдуны и чернокопнижники. Договоръ съ демономъ. — Колдуны случайныя, по неволѣ, по убѣжденію, злоумышленныя. — Легенды о колдунахъ въ Россіи. — Смерть колдуна. — Хожденіе тѣни колдуна. — Передача колдовства внуку (легенда). — Народное понятіе о порчѣ	199—221
Преслѣдованіе и казни колдуновъ. Преслѣдованіе колдуновъ инквизиціей на западѣ. — Преслѣдованіе колдуновъ въ Россіи. — Похитительницы росы. — Наговорщица на хлѣбъ. — Московскія ворожейки. — Космый разводъ. — Порча на слѣдъ. —	

Обвиненіе боярина Матвіева въ чародѣйствѣ.—Прекращеніе преслѣдованія путемъ инквизиціи	221—235
Вѣдьмы и шабашы ихъ.—Западные вѣдьмы.—Шведскій процессъ надъ вѣдьмами.—Двойное зрѣніе.—Русскія вѣдьмы и шары.—Защита противъ вѣдьмъ и колдуновъ.—Оборачиваніе вѣдьмъ въ животныхъ.—Отчего вѣтъ сорокъ въ Москвѣ.—Вѣдьмино селеніе.—Пѣсни вѣдьмъ	236—245
Домовые. Происхожденіе домовыхъ	245—247
Лѣшій	247—248
Кикиморы, кикиморы, шимшоры, шимшиги	248—249
Проклятыя дѣти	249—254
Оборотни, варкулаки, повкулаки	254—255
Баба-яга	256
Шаманизмъ. Примѣреніе ребенка съ бѣсами.—Шаманы у Тувгусовъ, шаманы у Самойдовъ	256—259
Пришты и сминатин. Дурной глазъ, сглазъ, призоръ очесъ или пзурочиваніе.—Открытіе вора у Камчадаловъ.—День Благовѣщенія.—Свербеніе бровей.—Булавку давать.—Волосы, ногти хранить.—Водяной воробей.—Воронъ-предсказатель.—Воскъ изъ дому выносить.—Противъ заговореннаго отъ пули.—Оспа и борьба съ нею.—Встрѣча.—Браниться въ Егорьевъ день.—Глаза свербятъ.—Голубь въ окно влетитъ.—Беззвѣздная ночь.—Громова стрѣла.—Дождь.—Дома.—Дорога.—Желѣзняки.—Пришты о посѣвъ по жукамъ, почему не должно работать на заговѣнье.—Примѣта надъ замками.—Задушеніе младенца на постелѣ.—Зеркало держать въ комнатѣ—грѣхъ.—Огненные змѣи.—Икать тяжело.—Имя дать новорожденному.—Имяныи праздновать.—Комета и ея значеніе въ народѣ.—Чудо отъ короны въ Казани.—Кошля.—Кузнечикъ куеть.—Курица пѣтухомъ постъ.—Отламывать лишній кусокъ хлѣба.—Ладонка.—Ладонь чешется.—Ласточка.—Лихоманка, лихорадка.—Локоть чешется.—Лошадь (разныя пришты).—Луна.—Лучина.—Мышь.—Лагушка.—Беременная женщина.—Мѣдвѣдь.—Противъ уроковъ младопевъ.—Суетливое разрѣзваніе снѣда.—Молчаніе.—Мухоморъ и его дѣйствія.—Настѣжу сажать.—Несчастнаго въ дождь не держать.—Обливаніе водою.—Святые колодцы, святые озера.—Обираваніе, летаргія.—Обмороженіе.—Обнова.—Осина.—Пауки.—Кому садиться въ переднемъ углу.—Переносе чешется.—Прищепить въ дверяхъ свою одежду.—Забить гробовую доску въ дождь, гдѣ былъ покойникъ.—Плюнуть на себя печально.—Паденіе полена.—Повѣдльвикъ.—Поцѣрхнуться.—Узнать цѣну хлѣба по колосу.—Собака востъ.—Саванъ шить.—Свинья.—Свистъ.—Скопа.—Скоромы.—Соль просмывать.—Сорочка.—Домъ, зданіе строить.—Стѣны трещать.—Предчувствіе таракановъ.—Телятину ѣсть—грѣхъ.—Угорь—поганая рыба.—Утопленникъ.—Ужъ.—Утопленникъ печадный.—Уши горять.—Филинъ.—Фортуна.—Франкъ-масоны.—Чуранье, чураться.—Юшка.—Лица.—Ичмспъ на глазѣ	259—232

- Хозяйственными прикѣты на весь годъ. Народныя прикѣты по сезону и облакамъ.—По луцѣ, по звѣздамъ.—По воздушнымъ явленіямъ.—По животнымъ.—По птицамъ. 282—299
- Заклинанія, заговоры, обереги, заклинательныя молитвы, подходы, приговоры и пр. Заговоры отъ истеченія крови.—Чтобы не шла кровь изъ раны.—Заговоръ отъ крови.—Заговоръ отъ порѣза.—Отъ истеченія крови.—Заговорить кровь.—Чтобы не шла кровь изъ раны.—Отъ постыченія члена.—Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвцы въ болѣзни полюбовнаго молодца.—Заговоръ красной дѣвцы о сбереженіи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.—Заговоръ на путь-дороженьку.—Заговоры о тоскѣ.—Заговоръ отъ тоски.—Заговоръ отъ тоски по родномъ селѣ.—Заговоръ матери въ наносной тоскѣ своего дятати.—Заговоръ красной дѣвцы отъ тоски.—Заговоръ отъ стѣны, задумчивости, отъ тоски и печали. 289—297
- Заговоры военскіе. Заговоръ отъ пшчелей и стрѣлъ.—Заговоръ отъ ратныхъ орудіи.—Заговоръ отъ пузь-свинцовыхъ, мѣдныхъ, напennyхъ.—Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.—Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну и проч. 297—302
- Заговоры любовныя. Заговоръ молодца на любовь красной дѣвцы.—Заговоръ для любви.—Заговоръ полюбовнаго молодца.—Заговоръ на любовь на прикѣт.—Заговоръ на любовь дѣвушки.—Слова присушить дѣвцу.—На присушеніе.—На разженіе сердца у дѣвцы.—На разженіе дѣвчья сердца.—Слова, тоску напустить, присушить дѣвокъ.—Навести тоску.—Присушать дѣвокъ.—Наговоръ на присушеніе.—Для присухи.—Старинное заклинаніе на любовь.—Заговоръ на тоску добру молодцу по красной дѣвцѣ.—Напустить тоску парню.—На прилученіе камня.—На людскую любовь (Приобрѣсти общую любовь).—На любовь дѣвушекъ и всѣхъ людей и проч. 302—318
- Остудныя, противулюбвыя заговоры. На остуду между молодцомъ и дѣвцей.—Остудныя слова.—Заговоръ на остуду между мужемъ и женой.—На остуду.—На разлученіе.—Наговоръ на разлученіе. 318—320
- Заговоры для прывыванія или отогнанія нечистой силы. Въ защиту отъ нечистой силы.—Заговоръ на отогнаніе черныхъ мурьевъ.—Заговоръ на дьявола.—Молитва отъ злаго чарованія.—Заговоръ отъ змія, къ жевѣ летающаго въ домъ.—Молитва, аще въ домѣ глумится.—Заговоръ отъ бѣсовъ.—Противъ черта.—Призываніе домового на новоселье.—Къ домовому.—Къ домовому при покупкѣ скота.—Къ домовому, при ввѣдѣ въ стойло скотины.—Заговоръ для того, чтобы видѣть двороваго.—Къ банному.—При знакомствѣ съ лѣшнымъ.—Отъ нечистаго.—Молитва отъ нечистаго духа. . . . 320—334
- Охотничьіе заговоры и молитвы. Для удачи на охотѣ.—Заговоръ охотника на постановныхъ вѣткахъ для зайцевъ.—Для успѣха на охотѣ.—На птичью охоту.—Охотничьи слова.—Отъ ворона, мѣшающаго охотнику.—Чтобы воронъ

не ѣлъ попавшихъ въ ловушку птицъ. — Противъ злаго чело- вѣка на охотѣ. — Слова утечи. — Молитва прикосная на звѣря. — Охотничьи заклинанія на горностаевъ. — На бѣ- личью ловлю	334—341
Заговоры и обереги отъ пльнства. Отъ пльнства. — Отъ запоя. — Отъ похмѣлья. — Человѣка отъ похмѣлья уловить. — Заговоръ отъ пльнства. — Заговоръ отъ запоя	341—343
Заговоры отъ порчи и отъ колдуневъ	343—348
Наговоры на рыбную ловлю. Какъ ты матушка Шорда рѣка. — Рыбій прикъсть. — Слова рыбу лучить. — Для удочнаго дова рыбы. — При наживѣ червей на крючекъ. — На уженѣ. — Для удачи на промислѣ	348—353
Заговоры отъ лихорадокъ. Отъ трясцы. — Отъ лихорадки или дрожжанки. — Заговоръ отъ всякой лихорадки. — Отъ триса- ницы. — Общее заключеніе о лихорадкахъ и заговорахъ на эту болѣзнь	353—364
Заговоры противъ зубной боли.	364—367
Заговоры отъ болѣзней глазъ. Отъ ячменя. — Отъ сучьяго сучка. — Отъ боли глазъ съ озеу	367—368
Заговоры противъ мужскаго безсмія	368—369
Заговоры отъ грыжи и сглазу, и баенной нечисти. Отъ дѣтской грыжи	369—371
Заговоры противъ насѣкомыхъ. Заговоръ отъ осы. — Отъ чер- вей. — Червь умолати въ конѣ и на нивѣ	371—372
Слова невѣсты, желающихъ замужъ	372
Свадебные заговоры, обереги, подходы. — Подходъ свата. — На наговоренное пиво. — Когда случится отпустить свадьбу. — Оберегъ жениха. — Свадебный оберегъ. — Заговоръ вѣжливца	372—375
Заговоръ на подходъ. Подходъ предъ царскія очи. — Подходъ ко властямъ. — Подходъ къ начальству. — Заговоръ для влудаго въ судъ, чтобы власти и судьи были милостивы. — Оберегъ противъ суда и несправедливаго обвиненія	375—379
Заговоры пчелиные. На посаженіе пчелъ въ ульѣ. — Пчелиныя слова	379—380
Заговоры отъ всякой болѣзни. Молитва отъ всѣхъ скорбей. — Заговоръ отъ недуговъ	380—382
Заговоръ на покраденную вещь	382
Заговоръ оборотня	382—383
Заговоръ островника на зеленую дубраву	383
Заговоръ отъ злобы, лихихъ людей и е спасеніи. Заговоръ отъ лихаго человѣка. — Заговоръ отъ злобы. — Молитва отъ злобы	383—385
Заговоръ на кулачный бой	385
Заговоръ отъ боли въ ушахъ	385
Заговоры отъ безумія, родница, и бѣлой горячки. Молитва отъ безумія, порчи, родница, припадковъ бѣлой горячки и проч. — Заговоръ отъ безумія	385—386
Молитвы, заговоры, обереги, касающіеся до скотовожденія. Правила пастуху. — Заговоры отъ болѣзней скота. — Для предо-	

храненія теленка отъ падежа или отъ болѣзни.—Молитва отъ падежа скота.—Чтобы скотина стояла смирно во время доснїа.—Отъ ляганїа коровы во время доснїа.—При лечевїи лошади.	386—389
Заговоръ отъ бѣшеной собаки	389
Заговоръ на торговлю	389
Заговоръ, чтобъ дѣло сошлось	390
Заговоры отъ роднища. Молитва отъ роднища.	390—391
Мольба вѣтру	391—392

Часть III.

Чары, русскїе обычаи, наряды и прочее. 1) Заговоръ при искавіи вклада.—2) При собиранїи напоротника.—3) На вѣсть красоту.—4) Горы на вѣтеръ.—5) На «собиранїе адамь травы.—6) Отъ лая собаки.—7) Отъ преслѣдованїа гусей.—8) Отъ укушенїа змїи.—9) Отъ жабы въ горѣ.—10) Чтобы испортить, или навязать клям.—11) Икоту напускать.—12) Чары на слѣдъ.—13) Противудѣйствїе чаръ на слѣдъ.—14) Чары для калѣкъ.—15) Чары на лошадь.—16) Старую лѣнливую лошадь сдѣлать молодою и бодрою.—17) Чтобы лѣнникъ не ушелъ.—18) Бѣсова игра.—19) Скотская клюква.—20) Ранить вѣдьму или колдуна.—Вихрь.—21) Порча на голки.—22) Каша.—23) Плотину разрушить, колодець подсушить.—24) Чары надъ змїею, вообще змїи.—25) Баранецъ.—26) Волховники и сборники примѣть.—27) Облако-проговянки.—28) Привораживатели п умплоствители.—29) Отысканїе воровъ.—30) Наговоръ на товаръ.—31) Противъ княжескаго и боярскаго гнѣва.—32) Ворожба на ловлю рыбы.—33) Ворожба противъ невѣрности (Любовныя зелья).—34) Узнать во снѣ о вѣрности женщ.—35) Чары на благополучное разрѣшенїе младенцемъ.—36) Средство противъ невѣрностей отъ недоброжелателя или отъ неудачъ.—37) Чары на успѣхъ въ судѣ.—38) Чары о поединкахъ старинны; кулачныхъ бояхъ тоже.—39) Чары на слѣдъ.—40) Чары подъ мертвой рукой.—41) Чары подъ мертвымъ тѣломъ.—42) Приворотный корень.—43) Насмѣлка на вѣтеръ.—44) Чары надъ просфорой.—45) Наузы или узлы.—46) Чары на порчу человѣка.—47) Серебряный цвѣтъ.—48) Чары противъ бѣса въ домѣ.

393—417

Народная медицина. Отъ простулы.—Отъ кашля.—Отъ водяной.—Отъ лихорадки.—Отъ хрипоты.—Отъ трясавицы.—Отъ зубной боли.—Отъ глухоты.—Отъ потери голоса.—Отъ шолудей.—Отъ парывовъ.—Отъ рапъ.—Отъ ушиба.—Отъ болѣзни глазъ.—Лекарство отъ бѣльма.—Отъ обморока.—Отъ грижи.—Отъ зуда.—Отъ недержанїа мочи.—Отъ чахотки.—Попись, какъ средство отъ порчи.—Составъ о голосу.—Утишь

- прискаты.—При родах.—Средство къ разяможенію пчель.—
Тоже, чтобы пчелы не отлетали и чужіе не воровали.—Усплять чужихъ пчель.—Соятница—врачеваніе отъ брюшныхъ болѣзней.—Лекарство отъ стѣни.—Съ глазу.—Хлѣбная заязка.—Зубы лечтъ.—Куриная слѣпота.—Морозъ. 417—426
- Народный цѣлитель.** Волшебный горохъ.—Калина.—Папоротникъ.—Плакуть трава.—Трава калюка.—Ододень трава.—Крайивое коренье.—Трава козлецъ.—Корень свекла.—Трава галганъ.—О чеснокъ.—Составы пластырей.—Противъ плѣшивости.—Отъ яблнъ на лицѣ.—Черненіе волосъ.—Трава прирзышъ.—Совъ трава.—Трава Тярлнчъ.—Петровъ крестъ.—Разрывъ трава.—Трава нечуй вѣтеръ.—Девясилъ.—Подсолнечникъ.—Спорынья.—Трава несій язкъ.—Кильная трава.—Трава желѣзнякъ.—Сѣмена розацовъ.—Червобыльнякъ.—Бузина.—Ятрышникъ.—Крапива.—Петунія.—Трава чистотѣль.—Ноготки.—Любовнымъ яблоки.—Трава блекота.—Дурманъ.—Сонвал одуръ.—Белладона.—Мухоморъ.—Бѣленое масло.—Тминное и аясное масло.—Общее заключеніе. 426—438
- Клады.** Клады Стеньки Разина.—Кладъ въ Верховья.—Золотой цѣтушокъ. 438—449
- Порядки, характеръ и обычай русскаго народа.** Жилы мѣстности.—Города.—Посады.—Слободы.—Погосты.—Села.—Починки.—Займища.—Архитектура городовъ и зданій.—Дворы и дома.—Первоначальныя жилища.—Устройство въ домѣ.—Грѣдница.—Украшеніе комнатъ.—Куреня.—Мазанки 449—462
- Домоводство.** Напитокъ медъ.—Квасъ и хлѣбъ.—Пиво.—Переваръ, изваръ, сбитень.—Пища и питье.—Каравай.—Сырники.—Блины.—Мясныя кушанья.—Уха.—Соусъ.—Жаркія.—Куры.—Утка.—Гуси.—Цацки.—Похилье.—Рыба.—Разсолъное.—Тѣльное.—Икра.—Растительныя яства.—Лакомства и десерты.—Леваши.—Постила.—Мазюня.—Сахарныя лакомства и печенья.—Напитки и вина виноградныя.—Кабаки. . 462—478
- Домашняя утварь и хозяйство.** Кровати.—Скрини.—Сундуки.—Освѣщеніе.—Предметы вѣстности.—Столовая посуда.—Кувшины.—Четвертины.—Братины.—Кружки, чашы, коры.—Кубки.—Стопы.—Доставанъ.—Ковши.—Болваны и овкачи. . 478—489
- Русскіе обѣды.** Великокняжескіе обѣды.—Богатая посуда русскихъ царей.—Боярскіе обѣды.—Званые обѣды. 489—495
- Одежда. I. Мужской костюмъ:** Сорочки.—Обувь.—Порты.—Каразо. Пояса.—Кушакъ.—Нарядъ XIII вѣка.—Костюмы мужчинъ XIII и XVI вѣка.—Зиуцъ.—Сарафанецъ.—Кафтанъ.—Заястые.—Гуга.—Ферязи.—Армякъ.—Тегялай.—Терликъ.—Онашеть.—Охашень.—Ферязь.—Еуапча.—Шубы.—Куптущъ.—Доломанъ.—Матеріи употребляемыя для русской одежды.—Перчатки.—Руквицы.—Перстатыя рукавицы.—Шапки.—Горлатныя шапки.—Стриженіе и бритые головы.—Серьги.—Перстны и печати.—Носовыя платки.—Оружіе.
- II. Женскій костюмъ:** Рубаха, лѣтннкъ, онашеть.—Тѣло-

	<i>Стран.</i>
грѣя.—Женскія шубы.—Головниа уборы.—Волосники и ногѣ-убрусники.—Книа.—Серьги.—Зарукавья, браслеты.—Румяна и бѣлизы.—Платки.—Ширинки.—Костюмъ поселанокъ.—Сохраненіе одежды.	495—519
Образъ домашней жизни. Хлѣбосоляство.—Набожность.—Молитвы.—Дворецкіе, кляушники.—Обѣденный обычай.—Царскій столъ.—Послѣдствіе званыхъ обѣдовъ.—Время сна.—Ужины.—Благочестивыя ночи женатыхъ.	519—526

Часть IV.

Музыка. Дудка.—Рожокъ.—Жилейка или Сиповка.—Рогъ.—Свириль.—Волянка.—Гудокъ.—Балалайка.—Ложки.—Гусли.—Трубалъ музыка.—Бубны.—Сурни.—Набатъ.—Барабанъ.—Литавры.—Варганъ.—Бандура.—Цимбалы.	527—532
Случайныя и частныя празднованія. Рожденіе младенца.—Родины у Пермиковъ.—Имянины.—Старинныя женитьбы и свадьбы.—Новоселье.—Похороны.	532—567
Звѣриная и птичья охота въ Россіи	567—571
Русскія народныя присловія	571—582
Старинныя и народныя пѣсни	582—607

